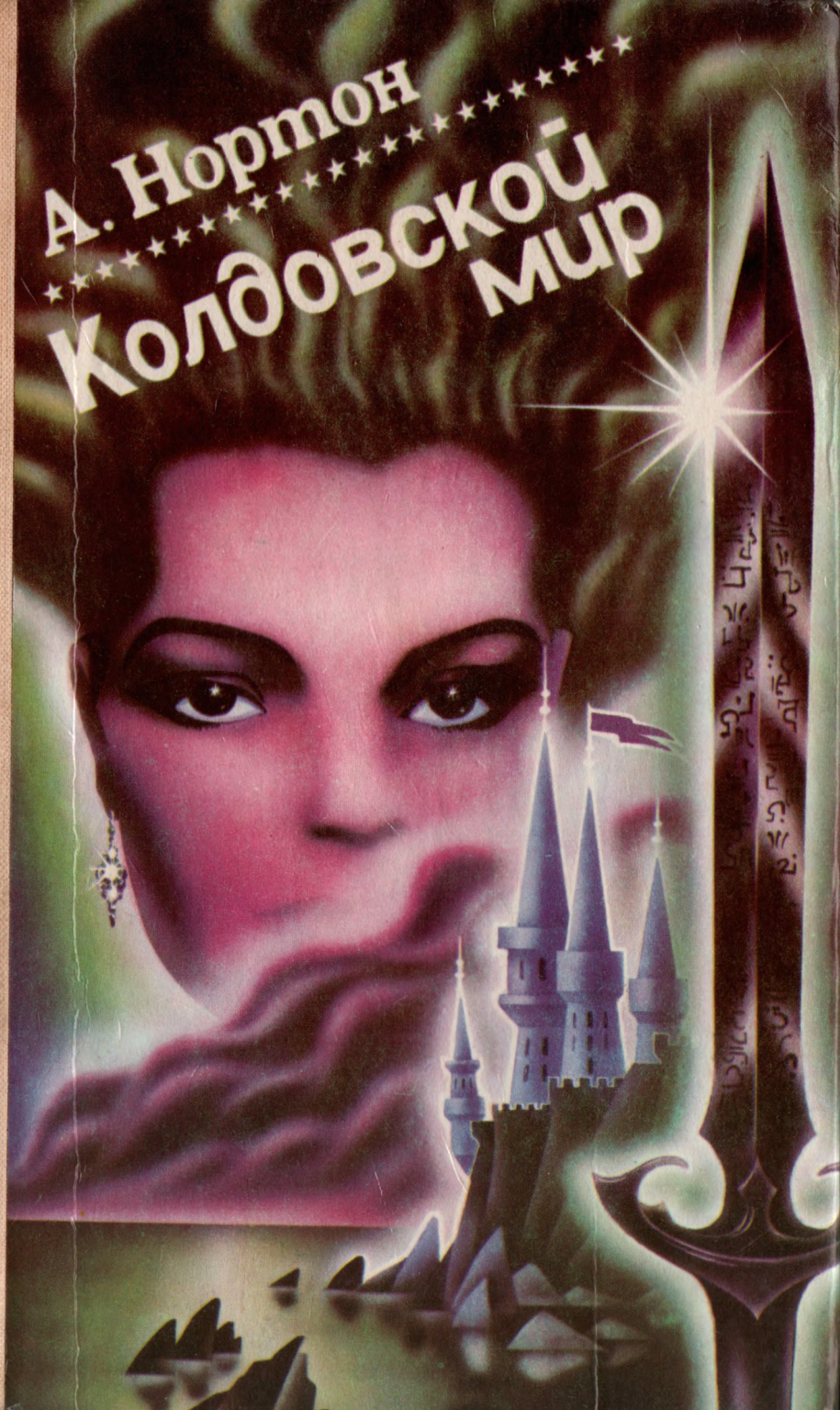

А. Нортон

Колдовской
мир

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

11/2

А. Нортон

КОЛДОВСКОЙ МИР

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

«ЭЯ»
НОВОСИБИРСК
1992

Составитель В. П. Кирчев

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА	3
ГОД ЕДИНОРОГА	127
КРИСТАЛЛ С ГРИФОНОМ	223
ЧАРЫ КОЛДОВСКОГО МИРА	355

КОЛДОВСКОЙ МИР

Выпуск 11/2

А. Нортон.

Н 82 Колдовской мир. Сб. фантастич. произведений. / Пер. с англ.
Н.: «ЭЯ», 1992. 448 с. (Зарубеж. фантастика. Вып. 11/2).
ISBN 5—87216—014—3

В сборник включены 5, 6, 7, 8 книги цикла «Колдовской мир».
Все романы публикуются на русском языке впервые.

Редактор Кирчев В. П.
Техноредактор Цыплакова О.

Набрано на Полиграфкомбинате Государственного департамента
Республики Молдова по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
277004, г. Кишинев, ул. Митрополита Петру Мовилэ, 35.

Отпечатано в Центральной типографии. 277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1.
Зак. № 880.

Предприятие «ЭЯ». Новосибирск, ул. Мира, 14.

ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА

Глава I

Морозное дыхание Ледяного Дракона на высотах было сильным и жестоким, поскольку была середина зимы. Да, как раз в месяц Ледяного Дракона я серьезно задумалась о будущем. Сожалея и вздыхая о прошлом, я знала, что должна делать, чтобы те, кого я ценила дороже собственной жизни, освободились от Тени, могущей добраться до них через меня. Я — Каттея из Дома Трегарта — когда-то обучалась, как Мудрая Женщина, хотя не приносила их клятвы и не имела на груди драгоценного камня. Но знание, которое мне дали, было выбрано не мною. Я была одной из троих, и эти трое могли при необходимости сливаться воедино: Кайлон — воин, Кимок — провидец-волшебник, и Каттея — колдунья. Так назвала нас мать, когда мы, близнецы, родились, такими мы и стали. Мать была Мудрой Женщиной Эсткарпа и была отторгнута из-за своего брака с Симоном Трегартом. Он не был обыкновенным человеком, хотя был чужеземцем, пришедшим через ворота из другого мира. Он был не только сведущ в военном искусстве, которое высоко ценилось в Эсткарпе, потому что эта раздробленная и изношенная временем страна осаждалась тогда соседями Карстеном и Ализоном, но обладал и собственной Силой, которую Мудрые Женщины не хотели признать в мужчине. Однако, после замужества Джелит доказала, что она не только не лишилась своего волшебства, как предполагали, но и обрела нечто новое, и это привело в ярость тех, кто отвернулся от нее из-за ее выбора. Но все же, когда это было очень необходимо, они просили ее поддержки, хотя открыто и не признали, что она доказала ошибочность традиционного мнения.

Мои родители вместе выступили против остатков Колдеров, иноземных дьяволов, которые так долго угрожали Эсткарпу. Они обнаружили источник, откуда просачивалось это зло, и закрыли его. Колдеры, как и мой отец, были не из этого времени и места, они воздвигли Ворота и через них выбрасывали свой яд на Эсткарп. После этого великого дела Мудрые Женщины уже не смели выступать открыто против Дома Трегартов, однако не забыли и не простили поступка моей матери. Дело даже не в том, что она

вышла замуж — с этим они могли бы смириться, хотя и презирали бы ту, которая позволила эмоциям свести ее с их сурового пути. Главное, что она осталась с ними, — и этого они не могли простить.

Как я уже сказала, мы были близнецами, мои братья и я. Я родилась последней. После родов моя мать долго болела, нас отравили в Ангарт к женщине из фалькконеров. У нее была тяжелая судьба, но она окружила нас любовью и заботой, которые не могла дать нам наша мать. А отец так был поглощен страданиями моей матери, что едва ли знал в эти долгие **месяцы**, живы мы или умерли. Я думаю, что он и потом не чувствовал к нам никакого сердечного тепла из-за того вреда, который мы нанесли ей своим появлением на свет. Детьми мы мало знали о своих родителях, потому что из-за продолжавшейся войны они находились в Южной Башне. Отец ездил по пограничным местам, как Начальник, а мать — как его Дальновидящая. Мы жили в тихом замке, где леди Лойз, боевая подруга моих родителей, была хранительницей мирного очага. Мы трое узнали, что в нас есть нечто, отличавшее нас от других: мы могли в случае необходимости объединять наши мысли и становиться одним существом. Тогда мы пользовались этой силой по мелочам, но с каждым разом усиливали ее. Мы также инстинктивно понимали, что такую вещь надо хранить в секрете. Разрыв моей матери с Советом избавил меня от тестов, которые давались всем детям для избрания в ученицы. Наши родители — догадывались ли, нет ли о том, что мы унаследовали — охраняли нас, как могли, от восприятия шаблонов Эсткарпа.

А потом мой отец исчез. Во время затишья он сел на корабль Салкаров, ближайших союзников и боевых друзей Эсткарпа, чтобы обследовать некоторые острова, где, как говорили, наблюдалась подозрительная активность, и с тех пор ни о нем, ни о корабле не было ни слуху, ни духу. Мать приехала в наше убежище и в первый раз собрала нас в настоящий треугольник Власти. Объединив наши силы со своей, она послала поисковый луч и увидела нашего отца. Получив этот слабый ключ надежды, она уехала снова — искать мужа. Кайлон и Кимок пошли в Пограничники, а я осталась, и Мудрые Женщины стали действовать, как давно собирались. Они послали за мной и поместили меня в свое место Тишины, и я на несколько лет была отрезана от знакомого мне мира и от братьев. Но мне были показаны другие **миры**, и я мечтала, чтобы врожденное Знание нашего рода росло **во мне**. Я преуспела настолько, что смогла, наконец, мысленно **добраться до Кимока и, прежде чем меня заставили произнести обет, Кимок и Кайлон приехали и взяли меня оттуда. Нам не удалось бы нарушить узы Совета, если бы не то обстоятельство, что вся Власть была собрана воедино для нанесения единственного удара Карстену и уничтожения большей части вражеской силы. Совет послал всю свою мощь в горные страны и своей объединенной волей сбил вершины гор и искривил землю. Поэтому Совет не мог тратить свою силу на нас, и мы уехали в восточном направлении. Кимок открыл, что Древняя Раса Эсткарпа в отдаленные времена**

имела мысленный заслон, и восточное направление для нее как бы не существовало. Сделано это было тогда, когда Древние как раз с востока пришли в Эсткарп.

Так что мы приехали через горы в Эсмор. Там, изучая то, что мы должны были знать, я работала с некими чарами, чуть не погубившими всю страну. Дело в том, что там в прошлом **были** мощные силы, выпущенные древними магами народа моей матери, и, стремясь овладеть этими силами, адепты погубили страну. В конце концов те, кто ушел основать Эсткарп, перевалив через горы, поставили за собой предположительно вечный **барьер**. Но когда я разрабатывала свои чары, мало сравнимые с теми, что имелись в Эсморе в прошлом, силы пробудились, легкое равновесие нарушилось, снова проснулась борьба между добром и злом. Мы приехали в Зеленую Долину, которая управлялась теми, кто был даже старше, чем Древняя Раса, но все-таки были частично нашей крови. Они не были от Тени, мы встали там дружественной армией и послали им предупреждающий меч, чтобы созвать добровольцев для сражения с Тенями, и пришел тот, кого в Долине считали своим. Он был из Древней Расы, лорд Холма, бывший наставник одного из последних магов, который остался в Эсморе и не вмешивался в борьбу. Дензил был честолюбив и он был ясновидцем. Когда он только начал заниматься ясновидением, он еще не был так испорчен жаждой власти. Он давно знал Зеленый Народ, его встретили с почетом и были ему рады. Этот человек умел нравиться, даже больше, чем нравиться, как я сама убедилась. Для меня, знавшей только своих братьев да еще стражников, которых мой отец приставлял к нам, этот человек был новым другом, и что-то зашевелилось во мне, когда я впервые увидела его темное лицо. Он начал ухаживать за мной, и весьма умело. Кайлон нашел себе Дахаун из Дома Зеленой Тишины, а сердце Кимока пока оставалось нетронутым. Кайлон не хватался за меч, когда я улыбалась Дензилу, а Кимок хмурился, и я считала, что он просто ревнует из боязни, что наша троица распадется.

Когда Кимок уехал, я поддалась на уговоры Дензила помочь ему в решении его задач; тут сыграли роль и мои сердечные желания. И вот я тайно пошла с ним в Темную Башню. Теперь я не могу вспомнить, как ни стараюсь, что там делалось. Будто ничего кто-то смыл память всех тех дней, когда я помогала Дензилу в магии. Если же я очень напрягаю память — испытываю при этом боль. Кимок вместе с дочерью Крогана Орсией пришел за мной и работал со сверхчеловеческой настойчивостью и силой, чтобы вырвать меня из того места, что превратилось в место Теней. Но я в то время так была заражена тем, во что втянули меня Дензил и моя собственная глупость, что готова была вместе с Дензилом причинить вред самым любимым и близким людям. Кимок, предпочитавший скорее видеть меня мертвой, нежели павшей так низко, сбил меня с полуизученной магии. С этого часа я стала как новорожденная, потому что этот удар выбил из меня все мои знания. Сначала я была как ребенок, делала все, как приказывали, не имея ни воли, ни желаний, и всем была довольна.

Потом начались сны. Проснувшись, я не могла вспомнить их полностью, и это было благом, ибо здоровый мозг не мог бы их вынести. Даже слабые, отрывистые воспоминания бросали меня в дрожь, так что я лежала в постели в доме отца Дахаун, не могла есть и боялась спать. Всякая защита от подобного зла, которую я изучала, живя среди Мудрых Женщин, теперь стерлась во мне, так что я была как голое тело на зимнем ветру, даже хуже, потому что этот ветер был Мраком и Грязью. Дахаун делала, что могла, а она была целительницей. Но она лечила мозг и тело, а тут дело было в духе. Кайлон и Кимок следили за мной и оберегали от Теней. Все знания жителей Долины были собраны для моего спасения. Но в те моменты, когда я осознавала, что они делают, я понимала, что это для них — Зло, потому что Долина нуждалась в защите не только оружием, но также в защите мысленной и духовной. Сражаясь за меня, они ослабили собственную защиту. Пора было отбросить детскую приверженность к безопасности и комфорту, которые были мне предложены. Я стала старше и не была больше бездумным ребенком. Я знала, что сны — это только начала того, что может напасть на меня, а через меня — на других. Мои собственные знания исчезли, а в образовавшийся вакуум может легко войти нечто чуждое. Таким образом, я осталась врагом тех, кого любила, и я могла стать воротами для Зла, которое ломает защиту моих близких. Я дождалась, когда Кайлон и Кимок пошли на военный совет, и вызвала Дахаун и Орсию. Я откровенно сказала им, что нужно сделать для блага всех, в том числе, возможно, и для меня.

— Здесь для меня не отдых, — сказала я им.

Я прочла в их глазах согласие.

— Я быстро стану дверью для того, что только и ждет, чтобы войти. Я худший враг, чем какое-либо чудовище, пролезшее через вашу охрану. Ты сильна в древней магии, Дахаун, потому что ты — Леди Зеленой Тишины, и все, что растет, все животные и птицы, должны внимать тебе. А ты, Орсия, тоже имеешь свою магию, и я могу засвидетельствовать, что она не так проста. О, клянусь вам, то, что хочет теперь войти через меня, гораздо сильнее, чем ваша объединенная сила. Я — сама пустота, и могу наполниться тем, что ни вы, ни я не можем себе представить.

Дахаун медленно кивнула. Меня пронзила резкая боль, потому что, хоть я и сказала правду, у меня оставалась слабая надежда, что я ошибаюсь, и Дахаун, превосходившая всех, кого я знала, скажет мне об этом. Но она согласилась со мной.

— Что ты хочешь делать? — спросила меня Орсия. Она только что купалась в ручье, и сохнувшие волосы серебристым облаком сияли в воздухе, а на перламутровой коже все еще оставались капельки. Она их не стряхивала, потому что вода Крогана — сама жизнь.

— Я должна уехать отсюда.

Дахаун покачала головой.

— Вне нашей охраны скоро появится то, чего ты боишься. Кайлон и Кимок не позволят.

Нет, я должна уехать, — возразила я. — Тут есть еще кое-

что. Я могу вернуться туда, откуда приехала, и найти там помощь. Вы слышали, что обвал в горах разбил власть Совета. Многие погибли, потому что не могли долго удерживать Силу, которую собрали. Правление Мудрых Женщин в Эсткарпе кончилось. Наш добрый друг Корис из Горма видел, как все это случилось. Но даже если всего две-три Мудрые Женщины живы, они могут снять с меня это, а Корис прикажет им сделать это поскорее. Позвольте мне вернуться в Эсткарп, и я вылечусь, а вы будете здесь воевать, как вам нужно.

Дахаун ответила не сразу. Часть ее магии состояла в том, что она никогда не выглядела одинаковой, а все время менялась. Иногда она казалась из Древней Расы, белокожая и темноволосая, а в другой раз у нее были рыжие волосы и золотистые щеки. По своей воле она так менялась или нет — я не знала. Сейчас она казалась из моей расы, когда рассеянно поглаживала темные волосы, прикусив нижнюю губу. Наконец, она кивнула.

— Я могу установить охранные чары, если ты поедешь быстро, так что тебе не придется бояться. Но ты должна помогать мне всей силой своей воли.

— Ты знаешь, что я буду стараться,— заверила я.— Но вы обе должны помочь мне еще в одном: встать на мою сторону, когда я буду говорить об этом с братьями. Они знают, что мне не будет грозить опасность, как только я доберусь до Кориса. Мы узнали от тех, кто пришел присоединиться к нам, что Корис искал нас. Но все равно братья постараются задержать меня здесь. Наша связь так же стара, как наши годы, поэтому мы с вами должны держаться этого решения и сказать даже, что я вернусь, когда получу новый внутренний мир и щит.

— И это правда? — спросила Орсия. Не знаю, как она ко мне относилась. Когда я была под чарами Дензила, то я была ее врагом, даже хотела отнять у нее жизнь руками брата, так что у нее не было причин желать мне добра. Но если она, как я подозревала, составляла одно целое с Кимоком, она ради него могла оказать мне услугу.

— Меня могут подвергнуть очищению. Но я хотела бы вернуться,— сказала я откровенно.

— Ты считаешь, что сможешь проделать это путешествие?

— Должна.

— Хорошо,— сказала Орсия.— Я встану на твою сторону.

— Я тоже,— обещала Дахаун.— Но они же захотят ехать с тобой.

— Наложите на них свои чары. Отпустите их со мной до границ Эсткарпа. От этого мы вряд ли сможем их удержать. Но потом пусть возвращаются. Им нечего делать в Эсткарпе, и они теперь отдали свои сердца Эскору.

— Я думаю, мы сумеем это сделать,— сказала Дахаун.— Когда ты поедешь?

— Как можно скорее. Если борьба во мне будет расти, я вымотаюсь и погибну раньше, чем ты меня поднимешь.

— Сейчас месяц Ледяного Дракона, горы будут труднопро-

ходимыми, — сказала Дахаун. Она не запрещала, но искала в мозгу пути для преодоления трудностей.

— Есть тут Вальмонд, он много ездил по тем дорогам. Можно также воззвать к острым глазам Ворлонга, и его Вранги полетят над тобой и перед тобой в разведку, чтобы тебе не встретилось никакое зло. Но это жестокий и холодный путь, сестра, можешь быть уверена.

— Не сомневаюсь, — согласилась я. — Но чем скорее я уеду из Эскора, тем скорее спасем мы то, что нам дорого!

Итак, мы договорились и твердо стояли на этом. Братья выдвигали сильные аргументы, но мы доказывали логичность нашего решения и, в конце концов, они нехотя согласились. Я поклялась, что вернусь, как только излечусь, с первой же группой, которая пойдет через горы. Время от времени сюда приходили наши союзники, и об их приходе всегда своевременно сообщали часовые Зеленого Народа, стоявшие в проходах. Часовые были самые разные: несколько разведчиков из Долины; несколько Пограничников, которые пришли служить под знаменами моих братьев; были крылатые Флениены и зеленые птицы Дахаун, чьи сообщения могла понять только она; а иной раз это был и боец Вранг — ширококрылый охотник с горных вершин. Как раз один из них и разрушил наш план, сообщив, что прямой путь через проход, которым мы пришли в Эскор, теперь закрыт. Какие-то посланцы или подданные Теней так заблокировали этот проход, что его легче было обойти, чем штурмовать, тем более, что я была среди членов отряда. Я думаю, Кайлон и Кимок порадовались, услышав это, и решили, что мы теперь откажемся от нашего проекта. Только вот я обливалась потом и визжала во сне все чаще, и они, как видно, поняли, что я не смогу долго противиться желавшему вползти в меня Злу. Тогда моим уделом будет смерть. В этом я заставила их поклясться нерушимой клятвой.

Ворлонг сам явился из Долины на зов. Он сел на скалу, уже ободранную его когтями, а члены его племени расположились перед ним. Его красная голова ящерицы вертелась, когда его глаза поочередно оглядывали нас, в то время как Дахаун вела с ним мысленный разговор. Сначала он не дал нам никакой надежды, но потом, непрерывно напирая, она вырвала у него признание, что, идя на северо-восток, может быть, удастся обогнуть проход. Мы знали, что это очень трудный путь. Он обещал послать с нами своего крылатого разведчика. Из Зеленого Народа добровольно вызвался идти их лучший альпинист Вальмонд.

В Зеленой Долине Ледяной Дракон только пугал: погода была не холоднее, чем поздней осенью в Эсткарпе. Когда же мы проехали мимо символов власти, нас встретила лютая зима. Пятеро из нас ехали на уверенно ступающих ринтанах — четвероногих существах, не животных, а боевых товарищах, что они неоднократно доказывали. Они были равны нам по разуму и, вероятно, превосходили по мужеству и физическим возможностям. Кайлон ехал впереди, Кимок — справа от меня, Вальмонд — справа на расстоянии, а позади — Рокнар из Эсткарпа, который хотел ехать

со мной до конца, потому что надеялся отыскать своих вассалов и привести их в Эскор. Он был много старше всех нас, и мои братья очень доверяли ему. За границами Долины, когда ринтаны приминали снег своими копытами, в небе что-то появилось. Это был Вранг, обещавший нам гид. Мы ехали днем, поскольку враги наши обычно путешествовали по ночам. Возможно, суровая погода загнала их в логовища, потому что, хотя мы однажды и слышали охотничий клич стаи волков-людей, Серых Существ, мы не видели ни их, ни других созданий Тьмы. Мы ехали извилистыми путями, обходя места, которые Вальмонд и Вранг считали опасными. Некоторые из них были просто гробницами или каменными глыбами. Но однажды мы увидели строение, совсем, казалось бы, не тронутое временем. В стенах его не было окон, так что оно казалось гигантским блоком, тяжело упавшим на землю из огромной руки. Вокруг него не намело снега, хотя в других местах он лежал сугробами, сверкавшими под зимним солнцем. Создавалось впечатление, что земля здесь была горячей — тот четырехугольник, на котором стояло это зловещее здание. Ночь мы провели возле голубых камней, которые иногда встречаются, как безопасные островки в море Зла. В полной темноте от них исходит слабое сияние. Оно не освещало нас, а, наоборот, стелилось, как нечто ослепляющее, и скрывало наш отряд. Я старалась не спать, чтобы сны не принесли несчастья, но не могла победить усталость и, в конце концов, уснула. Может быть, эти голубые камни были более сильным лекарством, чем власть Дахаун, потому что я не видела никаких снов и проснулась бодрой, чего не было уже очень давно. Я с аппетитом поела и была уверена, что мое решение было правильным, и наше путешествие, возможно, пройдет без инцидентов.

На вторую ночь нам не так повезло с лагерем. Будь у меня мои прежние знания, я могла бы распространить на нас защитные чары, но сейчас я была беспомощна. Вранг и Вальмонд привели нас к холмам у подножия гор, через которые мы должны были перейти, но мы все еще шли на север и дальше на восток, чем было надо. Мы остановились среди деревьев, образовавших плотный навес, несмотря на отсутствие листьев. В этом убежище ринтаны легли, дав нам возможность прислониться к ним и отдохнуть, пока мы жевали дорожные лепешки и пили из седельных фляг. В них было вино Зеленой Долины, смешанное с водой тамошних источников, которая издавна славилась, как восстанавливающая силы. Вранг улетел на выбранную им скалу, а люди остались отдыхать. Я снова боялась заснуть, уверенная, что меня настигнет одна из Теней, посланная за нами. Я не думала о том, как мы переберемся через горы. Все мое воображение было занято тем, что может случиться до того, как я снова увижу свою родину, хотя знала, что, думая о Зле, я наношу себе вред. Слева от меня сидел Вальмонд в своем зеленом плаще. Я видела, как его голова поворачивается и смотрит на горы, хотя перед ним сейчас была такая завеса из кустарников и ветвей деревьев, что он не мог ничего увидеть. В его позе было что-то такое, что застави-

ло меня спросить шопотом:

— Впереди что-то тревожное?

Он повернулся ко мне.

— В это время в горах всегда тревожно.

— Охотники? Какие? — Я удивилась. В низинах хватало всяких страшных сюрпризов. Но какие чудовища могут выследить нас на высотах?

— Нет, сама местность. — Он не скрывал от меня своего страха, и я была ему благодарна за это, потому что все, о чем он мог сказать, значило для меня меньше, чем то, что происходило во сне.

— Сейчас много лавин, и они очень опасны.

— Лавины... Я и не думал о них.

— Значит, это опасный путь, опаснее, чем тот, другой? — спросила я.

— Не знаю. Эта местность для меня новая. Удвоим осторожность.

Я спала в эту ночь, и мои опасения не оправдались снова. Я спала в незащищенном месте, но снов не было. Утром, когда свет поднял нас, прилетел Вранг. Он на рассвете облетел высоты, но ничего хорошего не сообщил. Есть проход, ведущий на запад, но идти туда придется пешком, и потребуются искусство альпинистов. Большим кривым когтем Вранг нарисовал на снегу карту и указал каждую точку, где могла быть опасность для нас. Затем он снова улетел и обследовал путь на гораздо большем расстоянии, чем мы могли бы пройти за день. Мы начали путь по горам.

Глава 2

Сначала наш путь ничем не отличался от любого горного пути, но к тому времени, как поднялось бледное солнце, мы достигли места, где, как и предсказывал Вранг, нам пришлось распрощаться с ринтанами и идти дальше на своих двоих. То, что было тропой, хоть и требовавшей осторожности, превратилось в подобие узкой лестницы, пригодной только для двух ног, но не для четырех. Мужчины уложили наши скудные запасы и достали веревки и посохи со стальными наконечниками. Вальмонд, умевший обращаться с ними лучше нас, пошел впереди, и мы двинулись в дальнейший путь, ставший испытанием нашей твердости. Я была почти уверена, что лестница, по которой мы поднимались вверх, была создана не ветром и непогодой, а какими-то разумными существами. Делавшие ее вряд ли были похожи на нас, так как ступени были слишком высоки и узки, иной раз на них можно было стоять только на цыпочках, и очень редко попадались такие, где умещалась вся ступня. Но других ориентиров, свидетельствовавших, что это когда-то была дорога, не было. От высоких ступеней болели ноги и поясница. Хорошо, что ветер сдул с них снег и лед, и мы шли по голым камням, не боясь ненароком поскользнуться. Лестница казалась бесконечной, она шла не прямо по склону, а

почти сразу повернула налево вдоль скалы, и это укрепило мои предположения насчет того, что этот путь был не естественным, а кем-то созданным. Наконец, мы поднялись на плато. Солнечный свет, сопровождавший нас, пока мы взбирались, исчез, низко повисли темные тучи. Вальмонд встал лицом к ветру, раздувая ноздри, словно нюхал, не таят ли эти тучи какого-либо зла. Затем он снял опоясывающую его веревку и встряхнул, так что на ней стали видны блестящие крючки.

— Обвяжемся веревкой,— предложил он.— И, если шторм застанет нас здесь...

Он повернулся и поглядел вдаль. Я подумала, что он ищет место, где бы нам укрыться от бури. Я вздрогнула. Несмотря на одежду, которая делала меня неуклюжей, ветер все-таки находил способ покалывать меня своим ледяным дыханием. Мы поторопились, повинаясь приказу Вальмонда, зацепить крючки веревки за наши пояса. И он повел цепочку дальше. За ним шел Кайлон, потом Кимок и, наконец, Рокнар. Я была самой неловкой. Во время пограничной войны Рокнару и моим братьям приходилось бывать в горной местности и, хотя у них не было столь долгой практики, как у Вальмонда, они многое умели и не выглядели неуклюжими. Вальмонд шел, опираясь на посох, и мы следовали за ним, не натягивая веревки. Тучи быстро сгущались, снег еще не падал, а другого края плато уже почти не было видно. И Вранг не возвращался, чтобы сообщить, что ждет нас впереди. Вальмонд простукивал посохом дорогу перед собой, как бы опасаясь ловушки, скрытой под надежной с виду опорой для ног, и шел гораздо медленнее, чем мне хотелось бы, а ветер становился все холоднее. Как подъем по ступеням казался бесконечным, так и эта прогулка могла тянуться часы и дни. Время уже не имело значения. Если не шел снег, то ветер разметал старые сугробы и окружал нас сбивавшей с пути вуалью. Я боялась, как бы Вальмонд не оказался слепцом, ведущим слепцов, и не наткнемся ли мы на какой-нибудь утес вместо безопасной тропы.

Наконец, мы отыскивали место, где нависшая скала укрыла нас от ветра и снега. Тут мои спутники держали совет — идти или переждать бурю, которой боялся Вальмонд. Я, тяжело дыша, прислонилась к каменной стене. Холод, который я вдыхала в легкие, обжигал. Все мое тело дрожало, и я боялась, что, если Вальмонд подаст сигнал идти, я не смогу сделать ни одного шага. Я была так занята мыслями о своей усталости, что не заметила возвращения Вранга, который своим хриплым, каркающим голосом пробудил меня от мыслей. Вранг вперевалку вошел под навес. Он сильно встряхнулся, раскидывая во все стороны мокрый снег, а потом присел перед Вальмондом в позе, показывающей, что он сел не на одну секунду. Я решила, что наше путешествие на сегодня закончено, и спокойно уснула, сидя у скалы. Костра мы не могли развести, потому что не было топлива, и я, коченея, думала, что мы тут замерзнем под порывами ветра, который нет-нет да проникал к нам. Но Вальмонд был готов и к этому. Он достал из своего мешка кусок материала не шире моей ладони. Когда он на-

чал разворачивать эту ткань, она становилась все шире, все пушистее и, наконец, превратилась в большое одеяло, под которым мы все улеглись. Мое дрожавшее тело оттаяло под его теплом, мои спутники тоже обогрелись. Даже Вранг залез под один его конец и сгорбился там. Одеяло было мягким, как пух, но по виду больше походило на мох. Я рискнула спросить Вальмонда, и он объяснил, что одеяло действительно сделано из растительности, но с помощью небольшого червя, живущего в Долине, который питается мхом, а затем прядет нить, чтобы сделать из нее кокон от непогоды. Зеленый Народ давно одомашнил этого червя, кормит его, а из нитей делает такие одеяла. К сожалению, для одного одеяла нужны сотни червей и многолетняя работа, поэтому одеял этих всего несколько штук и они являются сокровищами Долины.

Я слышала, как разговаривают мои друзья, но их слова шли мимо моих ушей, как успокаивающее жужжание, и я задремала, потому что уставшее и болевшее тело не могло больше бороться со сном. Все мои страхи как бы улетучились, и я не была больше Каттеей, постоянно опадающей стать жертвой врага, а просто бездумным телом, до боли нуждавшемся в отдыхе.

Я видела сон, не сон-кошмар, от которого просыпаешься с криком, но столь же живой и яркий. Мне снилось, что я лежу с другими под этим одеялом и с каким-то ленивым удовлетворением жду грохота бури, чувствуя себя в полной безопасности в окружении своих защитников. Из бури появился поисковый луч, серебряный, живой, и повис прямо над нашими скучившимися телами. Во сне я знала, что этот поиск исходил из другого мозга, имеющего власть. Однако, я не считала его злом — просто он отличался от нашего мозга. Конец этого серебряного луча или нити раскачивался, пока не застыл надо мной. Тут я в первый раз почувствовала какую-то опасность. Когда я мобилизовала всю имевшуюся у меня защитную энергию, луч исчез, и я проснулась. Вокруг все было точно так же, как и во сне — все мы лежали, а вдали гремела буря. Я ничего не рассказала своим братьям, потому что это не только не принесло бы пользы, а, напротив, помешало бы в тех опасных условиях, в которых мы находились. Я решила, что, если почувствую прикосновение настоящего Зла, то отцеплюсь от спасительной веревки и положу конец своим проблемам, лишь бы не потянуть за собой других. Мы провели в этом месте остаток дня и ночь. На следующее утро туч уже не было. Вранг взлетел высоко и, вернувшись, сообщил, что буря кончилась и все спокойно. И мы пошли. Тут уже не было ступеней. Мы ползком взбирались по утесам, шли по гребням. Вальмонд все время так внимательно следил за вершинами над нами, что это действовало на нас, по крайней мере, на меня, хотя я не была уверена, боится ли он чего-то еще, кроме лавины. В середине дня мы нашли более широкий выступ, чем тот, по которому шли раньше, и присели на нем перекусить. Вальмонд сказал, что мы уже недалеко от прохода и, возможно, часа через два все худшее останется позади. Спустившись со склона, мы повернем на восток. Так что мы с некоторым облегчением пожевали лепешек и попили

из фляжек напитков Долины. Мы прошли через проход за время, указанное Вальмондом, и вышли на ведущую вниз тропу, показавшуюся нам несравненно более легкой, чем тот путь, который мы проделали. Наш проводник призвал к остановке. Он проверил веревки и сказал, что их надо обновить. Мы ждали, пока он рылся в вещах. Вот тогда-то и грянула опасность, которой он боялся. Я услышала только рев и инстинктивно откинулась назад, а потом покатишься, засыпанная снегом, и больше уже ничего не помнила.

Было темно и холодно, и на мне лежала тяжесть. Когда я полубессознательно попыталась освободиться от этой тяжести, оказалось, что я не могу пошевелить ни ногами, ни руками. Только голова, шея и одно плечо были свободны. Я лежала лицом вверх. Кругом была тьма. Что случилось? Мы только что стояли у склона горы, чуть ниже прохода, и вдруг я здесь! Мой затуманенный разум не мог связать все это воедино. Я снова попыталась вытащить руку. Мне с большим трудом это удалось. Рукой в перчатке я ощупала пространство над головой. Мои полунемевшие пальцы больно ударились обо что-то твердое и соскользнули. Я ничего не видела в темноте, и лишь осязание подсказало мне, что я захоронена в снегу, а рука, плечо и голова находятся в углублении скалы. Только это и спасло меня, и я не задохнулась под снегом, который навалился на остальные части моего тела. Я не могла примириться с этим пленом и в страхе начала раскапывать снег одной рукой. Я отбрасывала его горстями, а он снова падал мне на лицо. Наконец, я поняла, что готовлю себе ту судьбу, от которой меня спас скальный карман. Я начала работать более методично, стараясь сталкивать снег вниз, но убедилась, что похоронена в снежной ловушке очень надежно. Наконец, измученная и вспотевшая, я лежала, тяжело дыша, и старалась обуздать страх, который толкнул меня на эту бесполезную работу. Видимо, это была лавина. Она смахнула нас со склона и засыпала меня. Другие, может, уже копают снег в поисках меня. А, может, они все... Нет, я решительно отогнала подобную мысль. Я не смею поверить, что такая удача, как скальный карман, спасла меня одну. Я должна думать, что и остальные все живы. Вот когда я горько пожалела о своем утерянном даре общения с братьями и о своей утерянной магии. Может быть... Я закрыла глаза и попыталась настроить свой мозг, как это бывало раньше, чтобы найти Кайлона и Кимока, стать с ними одним существом. Но все было так, будто я смотрела на манускрипт, на ясно написанные слова, язык которых мне неведом, и я не могла их прочесть, даже зная, что от этого зависит моя жизнь.

Жизнь или смерть... Допустим, братья и все остальные остались живы. Допустим, для них будет лучше, если они не найдут меня. Только в нас есть упрямая искра жизни. Она не позволит мне покорно отказаться от существования. Я считала, что могла бы сама толкнуть себя в ничто, если бы это потребовалось для братьев, и вот теперь задумалась, не сделать ли это. Я попыталась сосредоточиться только на своих братьях, на необходимости

поговорить с ними мысленно. Если бы я могла сузить этот луч до одного человека, то выбрала бы Кимока, потому что он всегда был мне ближе. Я мысленно рисовала его милое лицо, направляя каждую каплю энергии, чтобы коснуться его мозга. Все бесполезно. По моему телу пробежал холод — не от снега, наваливавшегося на меня. Кимок... Могло ли быть, что я пыталась коснуться уже ушедшего из жизни? Тогда Кайлон. И вот начало вырисовываться лицо моего другого брата. Я искала его мозг, но тоже напрасно. «Это упадок моих сил, — говорила я себе, — а не то, что их нет в живых. Я сейчас докажу это». Я стала думать о Вальмонде, затем о Рокнаре. Ничего.

Вранг! Ну, конечно, Вранга не коснулось наше бедствие! Во мне впервые вспыхнула надежда, искра надежды. Почему бы не попробовать добраться до мозга Вранга? Правда, у этого существа мозг устроен совершенно иначе — удастся ли мне это, если не удалось с людьми? Я начала искать Вранга. В моем мозгу появилось изображение красной головы, поворачивающейся на теле с серо-голубым оперением. Я коснулась его! Я нашла полосу мыслей, не принадлежавших человеку! Конечно, это Вранг! Я закричала вслух, и в этом маленьком кармане звук моего голоса показался оглушительным.

— **Вранг!** — Я не могла удержать эту полосу достаточно долго, чтобы передать точное сообщение. Полоса шла волнами, и я только временами касалась ее. Но прикосновение становилось сильнее, в этом я была уверена. Вранг, видимо, ищет нас где-то поблизости. Я удвоила свои усилия, чтобы передать необходимое сообщение. Когда я коснулась этого разумного существа, оно, конечно же, должно было постараться ответить мне, но этого не произошло, может, только я сознавала, что прикоснулась к его мозгу, и это не могло привести Вранга туда, где я лежала? Долго ли я смогу удерживать это слабое чувство контакта? Я задыхалась и только сейчас заметила, как трудно дышать. Не накидала ли я на себя еще больше снега во время беспорядочных попыток к освобождению? Или в этом скальном углублении был слишком малый запас воздуха, и теперь он кончается? Вранг! Изображение в моем мозгу скрылось и заменилось другим, и я была так ошеломлена увиденным, что даже забыла о потерянном контакте.

Не птица-ящерица, нет, это было мохнатое, длинномордое существо со стоячими ушами, белое или серое, вроде снега вокруг меня, с узкими, как щелки, янтарными глазами. Серые Существа, люди-волки! Я навлекла на себя нечто более худшее, чем смерть от удушья под снегом, и теперь они меня найдут! Я старалась усыпить свой мозг, собрала всю силу воли для того, чтобы стать ничем, не думать, не звать, скрыться в смерти. Я сделала это так успешно — а может, и воздух стал очень скверным — что впала в забытие. Но я не умерла. Я почувствовала, как воздух ударил мне в лицо, и мое тело механически откликнулось на это, но глаз я не открыла. Если они откопали меня, то, может, сочтут мертвой и оставят в покое. Кроме этого маленького шанса, у меня не осталось ничего. Я не имела ни своей власти, ни оружия.

Затем я услышала совсем рядом лай. Собственно, это был не настоящий лай, а нечто среднее между лаем и воем. Меня обнюхивали: я почувствовала порыв сильного дыхания на своем лице. Мое тело дернулось, но не по воле моих мышц, а потому, что меня схватили за куртку у самого горла и потащили. Я заставила себя быть вялой, словно мертвой. Тащить перестали, снова энергично обнюхали. Могло ли это существо понять, что я не мертвая? Я боялась этого. Мне показалось, что я слышу отступающее движение. Может, мне удастся бежать? Я подняла тяжелые веки, и на мгновение свет больно резанул глаза, поскольку я долго была в темноте. Это был яркий солнечный свет. Затем в поле моего зрения появилась фигура.

Я была так уверена, что меня выкопали Серые Существа, что не сразу поверила своим глазам: здесь сидел не человек-волк. Он действительно походил на волка, но на волка настоящего, на животное. Его шкура была не серой, как у Стаи Мрака, а скорее кремово-белой, торчащие уши, длинная полоса хребта, хвост и четыре крепкие лапы были коричневого цвета. Самое поразительное, что на звере был ошейник, широкая полоса его сверкала цветными искрами, как будто ошейник был украшен драгоценными камнями. Мои глаза полностью раскрылись от изумления: животное сидело, слегка отвернув от меня голову, словно ждало кого-то. Зубастая пасть приоткрылась, высунулся красный язык. Это было настоящее животное, а не полу-зверь. Оно повиновалось человеку, иначе не носило бы ошейник. Так что мой осмотр удовлетворил меня. Но в Эскоре никогда не принимали необычное за безвредное: надо быть осторожной, если хочешь сохранить жизнь или больше, чем жизнь. Я не пошевелилась, только очень медленно повернула голову, чтобы увидеть окружающее. Мощные сугробы снега, не только от лавины, но и от усилий животного, откопавшего меня. Был день, но тот ли, в который мы прошли через проход, или следующий — я не могла определить, но мне казалось, что не тот. Солнце было очень ярким, резало глаза, и я снова закрыла их. Не было никаких признаков, что выкопали еще кого-нибудь из нашего отряда. Я решила снова оглядеться и услышала еще раз голос животного. Я была уверена, что оно зовет своего хозяина или собрата. На этот раз ему ответил резкий свист, и собака — если это была собака — разразилась громким, требовательным лаем. Она отвернулась от меня, и я из последних сил приподнялась. Мне казалось, что я должна встретить того, кто свистел, на ногах — если смогу. Собака не обращала внимания на мои усилия, а вскочила и побежала, раскидывая снег. Я с трудом встала на колени, а затем поднялась на ноги и стояла, покачиваясь и боясь сделать шаг, чтобы не упасть снова, а собака бежала, не оглядываясь. Я осторожно и медленно повернулась, стараясь обнаружить какое-нибудь доказательство, что я не одна выжила, и увидела... Я качнулась, упала на колени и принялась разгребать руками снег с мешка, который Вальмонд сбросил с себя за минуту до катастрофы. Кажется, я заплакала и так и осталась на коленях, не в силах встать. Я держалась за ме-

шок, как за якорь, единственный оставшийся от ушедшего мира. Так и нашли меня собака и ее хозяин. Животное зарычало, но я совершенно обессилела. Затуманенными глазами смотрела я на приближавшегося человека, упавшего по колено в снег. Это действительно был человек. По крайней мере, он не походил на кошмарных созданий, бродивших в темных местах Эскора. Но он был не из Древней Расы. На нем была меховая одежда, какой я ни разу не видела: широкий, усыпанный камнями пояс стягивал пушистую тунику. Капюшон с полосой длинных, зеленоватых волос, похожих на бахрому, был сдвинут назад, так что были видны его настоящие волосы, рыжие, хотя брови и ресницы были черными, и темно-коричневое лицо. Эти рыжие волосы так не подходили ему, что выглядели париком. Лицо было широкое, плоский нос с широкими ноздрями, толстые губы. Он неразборчиво заговорил, и лишь немногие слова его слегка напоминали язык Долины, который, в свою очередь, резко отличался от языка Эскарпа.

— Другие...

Я наклонилась вперед, опираясь на мешок.

— Помогите найти других.

Я употребляла простые слова, произнося их очень медленно, надеясь, что он поймет. Но он стоял, протянув руку к собаке, как бы удерживая ее. Рядом с человеком было особенно заметно, как крупна собака.

— Другие!

Я так старалась, чтобы он понял. Если я осталась жива после этого падения, другие тоже могли выжить. Затем я вспомнила веревку, связывающую нас всех, и стала искать ее на себе. Ведь Кимок был передо мной, значит, его можно найти. Но веревки не было, а на месте крючка на куртке была дырка.

— Другие...

Мой голос поднялся до визга. Я поползла по снегу, раскидывая его то тут, то там, рыла, где попало, в надежде, что, если этот человек не понимает моих слов, то поймет действия. Первым ответом был быстрый толчок, от которого я упала на спину. Собака запустила зубы в куртку на моем плече и потащила меня к хозяину. Животное было так сильно, что я не могла сопротивляться. Человек не подошел, не помог собаке и ничего не говорил, просто стоял и смотрел, словно его вмешательство не требовалось. Собака, рыча, тащила меня. Последний рывок — и я растянулась на боку, скользя вниз от того места, где пыталась рыться в остатках лавины. Снова послышался резкий свист, и ему ответил далекий лай. Первая же собака, стоя надо мной, все еще рычала. Человек подошел ко мне, но не дотронулся до меня, а только ждал. То, чего он ждал, появилось: сани в виде рамы, запряженные двумя собаками. Нашедшая меня собака перестала рычать и подошла, увязая в снегу, к саням. Там она остановилась перед своими собратьями, как бы ожидая, что ее тоже запрягут. Ее хозяин наклонился, крепко взял меня за плечо и с удивительной легкостью поднял. Я пыталась вырваться.

— Нет! Тут... другие! — кричала я в его невыразительное лицо.— Найти...

Он поднял руку. Что-то вспыхнуло на моей челюсти. Момент раздирающей боли — и пустота, ничего.

Глава 3

Боль разлилась по всему моему телу. Время от времени меня встряхивало, и тогда тяжелая, постоянная боль переходила уже в настоящую агонию. Я лежала на чем-то, что качалось, опускалось, но не останавливалось. Я открыла глаза. Передо мной бежали три собаки. Ремни, пристегнутые к их ошейникам, крепились к саням, на которых я лежала. Я хотела сесть, но обнаружила, что мои руки и ноги туго связаны, и лежу я под меховым пологом, прикрепленным с двух сторон к саням. Возможно, этот полог предназначался для тепла и для безопасности, но в данный момент я рассматривала его как еще один барьер между мной и свободой. Сани, какие я знала в Эсткарге, всегда были громоздкими, и в них запрягали лошадей, а эти, влекомые большими собаками, обладали, как мне казалось, фантастической скоростью, и ехали мы совершенно бесшумно. Не было звяканья сбруи, звона бубенчиков, которые обычно вешались и на сбрую и на передок саней. В этом молчаливом полете было что-то пугающее. Я медленно возвращалась к ясному мышлению. Боль сконцентрировалась в голове, и она, да еще шок от падения с лавиной, делали построение каких-либо планов почти непосильной задачей. Моя борьба с оковами шла более от инстинкта, чем от разума. Я перестала бороться, закрыла глаза от яркого солнечного света, усугублявшего мои страдания, и поставила перед собой задачу собрать воедино картину случившегося. Теперь я могла разумно обсудить удар, нанесенный мне этим чужаком. Похоже, что я была не спасенной, а пленницей, и он вез меня в свое жилище или лагерь. То малое, что я знала об Эскоре — Зеленый Народ не отходил далеко от своей укрепленной Долины — большей частью шло от слухов и легенд. Однако я никогда не слышала о таких людях и таких собаках. Я не видела своего захватчика, но полагала, что его место позади саней. А, может быть, он послал меня одну со своими четвероногими слугами, а сам вернулся искать других выживших?

Другие выжившие! Я глубоко вздохнула, что тоже было чрезвычайно болезненно. Кайлон, Кимок... Только за них я цеплялась, как поднимающийся в гору цепляется за спасительную веревку, когда нога его выскользывает из ненадежного углубления. Мы были так крепко спаяны все трое, и я думала, что, если один уйдет из жизни, другие тут же об этом узнают. Хотя я потеряла свою власть, но наша связь оставалась, и я не могла поверить, что мои братья погибли. А если они живы... Я еще раз попыталась разорвать оковы, державшие меня, но только ударилась головой о раму саней и чуть снова не потеряла

сознание. Нет, я должна преодолеть страх, привести мозг в холодное и настороженное состояние. У Мудрых Женщин я научилась такой дисциплине, какой, возможно, нет даже у воинов, и я призвала то, что у меня еще осталось, быть моей броней и поддержкой. Я не могла помочь тем, кто был мне дорог, если они нуждались в помощи, пока я не буду свободна сама. Я должна, как всякий пленник, ждать малейшей возможности для освобождения. Я слишком мало знала о своем захватчике и о том, какую роль я должна играть, чтобы обмануть его. Лучше всего, наверное, казаться той, за кого он меня принимал: испуганной женщиной, побитой им и покорной. Конечно, это было трудно для женщины Древней Расы, особенно из Эсткарпа, где Мудрые Женщины издавна считались по положению выше мужчин, их главенство было врожденным и принималось без спора. А теперь я должна была казаться слабой и покорной. Итак, я лежала, не двигаясь, следила за бежавшими собаками и старалась собраться с мыслями. Если бы я была способна пользоваться Властью, как раньше, я стала бы свободной с той минуты, как поднялась на ноги. Я не сомневалась, что могла бы повлиять и на собак, и на их хозяина. А теперь я напоминала человека, привыкшего надеяться на свои ноги, но вдруг ставшего калекой, как раз тогда, когда перед ним долгий и опасный путь. Два раза собаки останавливались и садились, тяжело дыша, на снег. Их длинные языки вываливались из пастей. Во второй раз их хозяин подошел и взглянул на меня. Меня предупредил скрип его шагов, я закрыла глаза и, кажется, вполне убедительно изобразила забытие. Я не открывала глаз до тех пор, пока собаки не побежали снова. Осторожно взглянув, я увидела, что впереди уже не лежит нетронутый снег, на его поверхности были следы других саней. Видимо, мы приближались к цели. Теперь я должна была быть особенно внимательной, разыгрывая роль сломленной пленницы. Чем дольше я смогу притворяться, что нахожусь в беспамятстве, тем больше узнаю об этом народе, потому что, судя по следам полозьев, мой захватчик был не один, просто его товарищи ехали впереди. Собаки сбежали по склону в долину, где деревья казались темными пальцами на крепком и чистом снегу. Солнце уже село, оставив в небе несколько светлых полос. Из долины донесся дружный лай, и собаки, которые везли меня, отвечали в полный голос.

Это был лагерь, как я заметила, а не место постоянного жительства, как, например, у Зеленого Народа. Хотя уже стемнело, я увидела между деревьями палатки, хитроумно поставленные таким образом, что деревья составляли их часть. Я вспомнила рассказ Кимока о том, как он останавливался у Мусвайвов, жилища которых огораживались мхом, свисавшим с ветвей старых деревьев. Но здесь стены были не из мха, а из шкур, разрезанных на полосы и сплетенных в полотнища, гибкие и удобные в обращении. Они висели, создавая неправильной формы комнаты, каждая вокруг дерева. Костер горел перед входом снаружи, а не внутри. У каждой палатки стояли, яростно лая, по

три-четыре собаки. Люди вышли посмотреть, из-за чего они подняли такой лай. Насколько я могла судить при слабом свете, все эти люди имели тот же цвет кожи, что и мой захватчик, так что трудно было сказать, племя это или семейный клан. Когда сани остановились на опушке леса, люди подошли ближе, и я сочла необходимым прикинуться, что все еще не пришла в себя. С меня сдернули покрывавшие меня меха, подняли и отнесли туда, где запах кухни смешивался с запахом свежих шкур, собак и чужих тел. Меня бросили на кучу чего-то, что достаточно мягко прогнулось под моим болевшим телом, но боль от добавочной встряски я все же почувствовала. Я услышала разговор и увидела даже свет через закрытые веки: видимо, кто-то поднес к моему лицу факел. Во время моего путешествия я каким-то образом потеряла шапку, так что волосы мои свободно рассыпались. Чьи-то пальцы потянули их, повернув мою голову, и я услышала возбужденные восклицания, как будто моя внешность показалась удивительной. В конце концов меня оставили в покое, и я лежала, боясь шевельнуться, и внимательно прислушивалась, чтобы определить, есть ли кто-нибудь рядом. Если нет, мне бы очень хотелось осмотреться. Я решила посчитать в уме до пятидесяти, до ста — и тогда рискнуть открыть глаза, не шевелясь и не поворачивая головы. Может быть, даже такой ограниченный обзор поможет мне оценить своих пленителей. Я досчитала до сотни, потом из осторожности еще до сотни, и затем решилась. К моему счастью, люди племени при осмотре повернули мою голову к отверстию палатки, так что я могла кое-что увидеть. Я лежала на куче лохматых шкур, положенных на свежесрубленные ветки, еще достаточно гибкие, чтобы создать некоторый комфорт. Направо было несколько ящиков, тоже покрытых шкурами, очищенными от меха и разрисованными редкими узорами, теперь уже потускневшими и осыпавшимися. Я не нашла ни одного знакомого мне символа. По другую сторону двери висела рама с зарубками, в которые были с наклоном вставлены узкие полки. Они были завалены мешками, деревянными ящиками и посудой, хорошо сделанной, но без декоративных узоров. Там же висело два охотничьих копья. Освещение, при котором я все это видела, привело меня в изумление. Из центрального шеста тянулись к сторонам палатки два шнура, на них висели полосы тонкого материала, похожего на самый лучший шелк, какой иногда привозили из-за моря рейдеры Салкаров. В этой газовой сетке запутались мириады крошечных насекомых, причем не мертвых, какие остаются в паутине, а живых. Каждое насекомое было искоркой света, так что все вместе они освещали палатку — не так ярко, как я привыкла, но достаточно, чтобы все видеть. Я с удивлением смотрела на это. В это время вошел чужак и увидел мои открытые глаза. Злясь на свою глупость, я состроила испуганное лицо и завертелась, как бы желая убежать, но не имела такой возможности. Он встал на колени возле моего ложа и критически и оценивающе оглядел меня, затем грубо просунул руку под мою куртку, так что я не

могла ошибиться в его намерениях. Теперь мне не надо было разыгрывать страх: я и в самом деле испугалась. Играть роль покорной самки я больше не могла и не собиралась без борьбы позволить ему сделать то, что он хотел сделать. Я тщетно наклоняла голову, чтобы вцепиться зубами в его руки, которые теперь рвали мою куртку и тунику под ней. Я подняла колени и старалась ударить его. Похоже, он рассматривал это как игру, и она ему нравилась. Он присел на пятки, его ухмылка обещала мне большее зло, чем я могла ожидать. Вероятно, ему хотелось продлить мое унижение, потому что он не продолжал своих действий, а сидел и смотрел на меня, как бы обдумывая следующий шаг и предвкушая заранее то, что он сделает.

Но ему так и не представилась эта возможность. Послышался резкий оклик, и из-за дверного полотнища показалась голова и плечи женщины племени. У нее было такое же широкое и плоское лицо, как у мужчины, но волосы были уложены в замысловатую башню. В шпильках в волосах были вставлены драгоценные камни, игравшие на свету. Ее свободное меховое пальто было распахнуто, под ним, несмотря на холодную погоду, ничего не было выше талии, кроме множества ожерелий из драгоценных камней. Соски тяжелых грудей были покрашены в желтый цвет, такого же цвета лепестки расходились радиусами от них, имитируя цветок. Разговаривая с моим пленителем, она рассматривала меня с какой-то надменной веселостью, и у нее был властный вид, как у Мудрых Женщин низшего ранга. Я не предполагала найти такой у этого народа. Впрочем, с чего я взяла, что в этом обществе главенствует мужчина? Только из-за манеры, с какой этот чужак обращался со мной? Они говорили со странным акцентом и весьма быстро. Я кое-что улавливала, но общего смысла не понимала. Я снова пожалела о моей утраченной силе, даже о самой малой части ее. Только тот, кто обладал ею и потерял, мог бы понять мои чувства. Эта великая потеря больше чем наполовину опустошила меня. Хотя я не понимала их слов, но мне было ясно, что гнев их усилился, и что женщина приказала мужчине сделать что-то, в чем он давал клятву. Один раз она повернулась к двери и сделала жест, который я расценила как намек, что она зовет кого-то поддержать ее приказ. Злобная усмешка исчезла с его толстогубого лица. Оно стало таким угрюмо-мрачным, что я на месте этой женщины испугалась бы. Но ее надменность и нетерпение росли, и она опять повернулась, как будто подмога, которую она хотела вызвать, стояла за дверью. Но прежде, чем она позвала — если она собиралась это сделать — ее прервал низкий медный гул, воспринимаемый как многократное эхо. Услышав это, я на секунду забыла, где я и какие еще испытания предстоят мне. Этот гудящий звук пробудил во мне то, что я считала навеки утерянным, — не только крохи памяти, но и немедленный ответ, который был для меня таким разительным и ошеломляющим, что я чуть не вскрикнула. Моя Власть была стерта, но память нет. Я помнила искусство чар, господство воли и мысли, которому меня обучали, но не

могла ими воспользоваться. Память сказала мне, что в этом варварском лагере прозвучал духовный гонг. Кто мог воспользоваться этим колдовством, этим колдовским орудием в таком месте? Женщина явно торжествовала, мой захватчик беспокойно хмурился. Наконец, он вытащил из-за широкого пояса длинный нож, встал надо мной и разрезал веревку, связывающую мои ноги. Когда он поднял меня, его руки скользнули по моему телу, обещая сделать зло в будущем, раз уж не удалось сделать это сейчас. Поставив меня, как куклу, он резко толкнул меня вперед, и я беспомощно врзалась бы в стену, если бы женщина не перехватила меня за плечо, ее ногти жестоко вцепились в меня, и она повернула меня к выходу. Мы вышли в ночь, освещенную кострами. Люди у костров не смотрели на нас, когда мы проходили мимо, и мне казалось, что по каким-то причинам они умышленно отводили от нас взгляд. В воздухе все еще чувствовалась вибрация, порожденная гонгом, хотя звука уже не было. Я ковыляла, поддерживаемая и подгоняемая женщиной, мимо костров, палаток, все глубже в лес, извилистым путем между деревьями. Когда костры остались позади, стало очень темно, а тропа — совершенно неразличимой. Но моя стражница-гид шла спокойно, как будто видела в темноте гораздо лучше меня или ходила здесь так часто, что ноги ее сами шли, куда надо. Замигал другой костер — низкий, с глубоким пламенем. От него исходил ароматный дым. Его я тоже знала издавна, только тогда он обычно вился из жаровни, а не из палочек, поставленных открыто. Неужели меня привели к настоящей Мудрой Женщине? Возможно, беженке из Эсткарпа, перешедшей, как и мы, через горы в поисках древней родины?

Палатка, перед которой пылал огонь, была больше других. Она занимала почти всю поляну, на которой стояла. В дверях стояла фигура в плаще с капюшоном, время от времени протягивавшая руку, чтобы бросить в огонь приятно пахнувшие травы. Почувствовав этот запах и хорошо его зная, я обрадовалась: он был не от сил Зла. Это пища не для Тьмы, а для Света. Магия бывает двух родов. Колдунья рождается со своим искусством, ее сила от земли и от всего растущего, от природы. Если же она заключает договор с Тенями, она оборачивает во зло все, что живет на земле, и растения вредят, так же как и летят. Волшебница может родиться со стремлением подниматься выше в своем искусстве, а может оказаться и без дарования, и тогда ей очень трудно учиться пользоваться Властью. И она тоже выбирает между Светом и Тенью. Наши Мудрые Женщины в Эсткарпе рождаются со своим искусством, и я была одной из них, хотя и не произносила их обета и не носила на груди драгоценный камень, как их сестра. Вероятно, я когда-нибудь стала бы считаться волшебницей, поскольку мое обучение шло гораздо дальше простого колдовства, и работала я без усилий и приготовлений.

«С кем я встречаюсь теперь? — думала я, пока моя проводница вела меня к палатке. — С колдуньей или с ученой волшебницей?

Наверное, с последней, судя по тону гонга». В то время, как палатка моего спасителя-похитителя освещалась пойманными насекомыми, эта палатка была гораздо светлее. В ней тоже были полосы света с пленными существами, но на низком столе, высота которого показывала, что перед ним либо стоят на коленях, либо сидят, скрестив ноги, но только не на стульях, сиял еще и хрустальный шар. Войдя, я увидела, что этот свет, который, казалось, плавно кружится в шаре, горит как солнечный.

— Добро пожаловать, дочь!

Акцент был архаичным по стандартам Эсткарпа, но слова не были бормотанием, какое я слышала до сих пор в этом лагере. Я опустилась на колени перед шаром, не понуждаемая проводницей, а просто чтобы лучше видеть говорившую. У людей Древней Расы не заметны признаки старости, хотя их век долог. Я видела всего одну или двух Мудрых Женщин, на которых это было ясно видно. Я подумала, что ссохшаяся, сгорбленная женщина, которая сидела по другую сторону стола, наверняка очень близка к смерти. Волосы ее были белыми и редкими, не было попыток скручивать и зашпиливать их в стиле женщин племени, они были заплетены в косы, и я тоже узнала их, потому что это была обычная прическа Мудрых Женщин. Только на ней не было длинной мантии, какие носят они. На плечах старухи висел меховой плащ, распахнутый так, что видно было ожерелье с подвеской из одного большого камня, висевшего между обнаженными грудями, которые теперь стали лоскутами жесткой кожи. Лице ее не было широким и толстогубым, как у других из племени, а узким, точеным, какие я видела всю жизнь, но только изборожденным морщинами и с глубоко запавшими глазами.

— Добро пожаловать, дочь,— повторила она. Она протянула руки. Я должна была дополнить это древнее приветствие — положить свои ладони на ее, но не могла, так как мои руки были связаны. Она повернулась к моей проводнице и резко сказала что-то, та поспешно наклонилась ко мне и разрешила ножом веревки на моих руках. Я неуклюже подняла затекшие руки и коснулась горячих и сухих ладоней. Некоторое время мы оставались в этой позе, и я не пыталась увильнуть от мозга, который прощупывал мой мозг и узнавал мои воспоминания, мое прошлое, как будто все это была записано в свитке.

— Значит, такой способ! — сказала она в моем мозгу.

Я приняла эту мысль так ясно, как не удавалось даже с Қайлоном и Қимоком

— Но так не должно остаться, — продолжала она. — Я чувствовала твое присутствие, дочь моя, когда ты была еще далеко. И я включилась в мозг Сокфора — не открыто, а как будто он сам надумал искать тебя.

А мои братья? резко перебила я. Может ли она со своей силой сказать мне всю правду? — Живы ли они?

— Они мужчины, что мне до них? — ответила она с давно известной мне надменностью. — Если бы ты умела читать в кристалле..

— У меня нет больше Власти,— сказала я ей. Впрочем, она и так уже знала об этом.

— Сон — это не смерть,— уклончиво ответила она.— То, что спит, может проснуться.— Ее слова были как эхо слабой надежды, с которой я выехала в Эсткарп. Я не только боялась, что моя пустота может наполниться Злом, но и жаждала снова вернуть себе хоть часть того, что было утеряно.

— Ты можешь это сделать? — спросила я ее. Я не особенно верила, что ответ будет положительным. Я чувствовала в ней радость, гордость и еще какие-то эмоции, так глубоко спрятанные и такие мимолетные, что я не могла их прочесть. Превыше всего была гордость и она же сквозила в ее ответе.

— Не знаю. Нужно время, но его быстро можно сосчитать, перебирая бусинку за бусинкой.— Она шевельнула рукой и покачала передо мной браслетом из бус, которые были нанизаны на некотором расстоянии одна от другой. Бусины были гладкие, холодные, они успокаивали, если их перебирать. Мудрые Женщины пользовались ими, чтобы управлять эмоциями или для контроля памяти.— Я стара, дочь моя, и часы для меня идут быстро. Но то, что у меня есть — твое.

Я была вне себя от радости, получив такое предложение помощи, и не подумала даже, что могу попасть под ее чары, а расслабилась и чуть не плакала от счастья и доверия, потому что она обещала мне то, чего я больше всего желала. Возможно, какой-то налет чар Дензила остался во мне, и поэтому я слишком легко поверила тому, во что хотелось верить, и забыла об осторожности. Итак, я осталась у Утты и сделалась членом ее дома, воспитанницей и «дочерью». Это был дом, вернее, палатка женщин, могущих стать Мудрыми Женщинами. Я ничего не знала о прошлом Утты, кроме того, разумеется, что это не настоящее ее имя. У адепта не одно имя, потому что, зная его настоящее имя, можно получить над ним власть более сильную, чем его собственная. Я так и не узнала, каким образом она попала в эту группу бродячих охотников, я знала только, что она живет с ними несколько поколений их короткой жизни и стала их богиней и легендой. Время от времени она выбирала «дочерей» служить ей, но в этом племени ни у кого не было врожденного дара, который можно было бы усилить, и ей никогда не удавалось найти кого-либо, кто мог бы хоть частично взять на себя ее обязанности или же понять ее нужду в товарище. Она была очень одинока. Я рассказала ей все о себе не вслух, а она читала мои мысли. Ее ничто не интересовало в остальном мире. Она давно сузила свой мир до границ этого племени и теперь не могла и не хотела снимать с себя оковы, надетые ею самой. Я надеялась, что она поможет мне получить утраченное мной, а она с гордостью ухватилась за мысль сделать из меня нечто подобное тому, чем я была.

Глава 4

Вупсалы — так эти скитальцы называли себя — имели очень смутные легенды о своей истории. Из того, что я слышала за время пребывания у них, ничто не намекало, что они когда-либо были оседлыми, даже во времена, когда Эскор был спокойной страной. У них были торговые инстинкты, и Утта в ответ на мои вопросы говорила, что они, вероятно, были бродячими торговцами, скотоводами или чем-то в этом роде до того, как перешли к варварской жизни охотников. Их обычные места были далеко на западе. Сюда они пришли из-за набегов более сильного народа, который разбивал их отряды и сильно уменьшил численность кланов. Я также узнала от Утты и ее прислужниц, что на востоке на расстоянии многодневного перехода — по стандартам племени — есть другое море или вообще широкое водное пространство, откуда пришли те их враги. Они, как и Салкары на западе, жили на кораблях. Я пыталась получить ответ, более точную информацию, рисуя карту, но то ли они в самом деле не имели таких сведений, то ли из-за какой-то природной осторожности сознательно путали, так что подробностей узнать не удалось. Им было тревожно на западе, неуютно, они не могли осесть здесь и только бесцельно бродили у подножий гор, оставаясь на одном месте не больше дней, чем пальцев на руке. Они были столь примитивны, что считали только на пальцах. Но, с другой стороны, они были удивительными работниками по металлу. Их украшения и оружие были не менее изящными и красивыми, чем те, которые я видела в Эсткарпе, только рисунки были более варварские. Кузнец пользовался у них большим уважением и играл роль жреца в тех племенах, где не было Утты. Я пришла к заключению, что очень немногие из этих жрецов были предсказателями и ясновидящими. Утта могла управлять их воображением и страхом, но не была вождем. У них был вождь Айфинг, человек средних лет, обладавший всеми качествами настоящего вождя. Он был храбр, но не безрассуден, знал, что надо делать, и имел способность ясно мыслить. Он был бессмысленно жесток и, как мне показалось, завидовал Утте, но не решался бросить вызов ее авторитету. Меня нашел с помощью собаки сын его старшей сестры. Рано утром после того, как Утта потребовала меня к себе, вождь пришел вместе с ним в ее палатку, чтобы предъявить права племянника на мою особу, согласно давнему обычаю. Племянник стоял чуть позади, очень довольный доводами вождя в его пользу, а я сидела, скрестив ноги, за спиной своей новой хозяйки, пока старшие спорили. Он так жадно смотрел на меня, что я поблагодарила Далекие Силы, принесшие сюда Утту для моей защиты. Айфинг изложил дело, которое обычаи делали ясным и неоспоримым. Я не могла следить за его речью, но прекрасно поняла ее смысл по частым взглядам в мою сторону и по жестам, указывающим то на меня, то на горы. Утта выслушала его и одной резкой фразой вдребезги разбила все его аргументы:

— Девушка пользуется нашей Властью.

В то же время в моем мозгу появилась мысль:

— Видишь вон ту чашу? Подними ее своей волей и поднеси Айфингу.

Это было нетрудно сделать в прежние дни, но не теперь. Но в ее приказе была такая сила, что я послушно подняла руку и указала пальцем на серебряную чашу, сфокусировав свою волю на задаче, которую поставила передо мной Утта. Я и теперь думаю, что тут сработала через меня ее воля. Чаша поднялась, пролетела по воздуху и остановилась против правой руки Айфинга. Он вскрикнул и отдернул пальцы, как будто чаша была раскалена. Затем он повернулся к племяннику и, повысив голос, сказал что-то, что явно было руганью, затем снова повернулся к Утте, коснулся рукой лба в знак прощания и вышел, приказав молодому человеку идти вперед.

— Я этого не делала,— медленно сказала я, когда они ушли.

— Успокойся,— прозвучало в моей голове.— Ты сделаешь куда больше, если они будут терпеливы. Или ты желаешь лечь под Сокфора для его удовольствия? — Она улыбнулась, и все ее морщины собрались вместе, когда она уловила мою мгновенную реакцию ужаса и отвращения.— Это хорошо. Я очень долго служила племени, и ни Айфинг, ни Сокфор, ни кто-то другой не перешагнут через меня. Запомни это, девушка. Будем вместе делать нашу работу. Я единственная твоя защита от этих услуг, пока ты не вернешь себе свое собственное искусство зашиты.

Эта логика дала мне основание для погружения в тренировки, которые она задумала, и первая из которых началась немедленно. В ее палатке были еще две женщины: одна была почти так же стара по виду, как Утта, хотя годами много моложе ее, потому что она была из племени. Однако, она была гораздо сильнее, чем казалась, и ее тощие руки со сведенными пальцами выполняли большую часть работы в палатке. Это она в плаще с капюшоном бросала травы в костер, когда я впервые появилась в лагере. Звали ее Аторфи, и я редко слышала ее голос. Она была полностью предана Утте, и я думаю, что мы, остальные, были в ее глазах лишь тенью ее госпожи. Женщина, которая привела меня к Утте, также была из Вупсалов, но не из этого клана. Она была, как я узнала, вдовой вождя другого племени Вупсалов, погибшего в одной из жестоких междоусобных войн, которые не давали им объединиться в один народ. Айфинг требовал ее, как законную военную добычу, но в его палатке уже было две жены, и одна из них была очень ревнива. После двух-трех дней бурных домашних скандалов он торжественно преподнес эту военную добычу Утте в качестве служанки. В заведении ясновидящей Висма нашла место более подходящее, чем палатка Айфинга, даже если бы она была его первой или единственной женой. Она сама была от природы властной, и ее новое положение связной между Уттой, которая редко выходила из палатки, если не считать походов, когда она ехала в санях, укутанная в

меха, и остальными членами клана давало Висме именно то, чего она хотела. Как страж и наблюдатель, она была незамечена. Я думаю, она сначала негодовала по поводу моего появления, но, увидев, что я не вторгаюсь в ее сферу, приняла меня. В конце концов, именно она распространяла слухи о моей растущей силе, чтобы подчеркнуть свое положение в племени.

В этом кочевом обществе наблюдалась двойственная картина. Утта и ее домочадцы вели известный мне образ жизни — образ жизни женщин, пользующихся Властью для поддержания своего правления. Остальные члены племени под руководством Айфинга следовали противоположному порядку — у них главенствовали мужчины. Я скоро увидела, что Утта была права: мне следовало поторопиться изучить все, что можно, потому что ее смерть была не за горами. Скитальческая жизнь клана в этом холоде не шла ей на пользу, хотя Аторфи и другие старались создать ей максимум комфорта. Наконец, Висма пошла прямо к Айфингу и твердо сказала, что он должен скорее выбрать более постоянное место для лагеря и обосноваться там на некоторое время, пока Утта еще жива. Этот намек так напугал Айфинга, что он тут же послал своих разведчиков искать такое место. Служба Утты в течение нескольких поколений приносила его клану «удачу», как они говорили, значительно большую, чем имели другие их соплеменники. Спустя десять дней после моего появления клан отправился к востоку. Я не могу сказать, сколько лиг мы оставили между собой и горами, которые все еще виднелись позади. Я много раз просила Утту посмотреть в ее шар и узнать что-нибудь о моих братьях, но она постоянно отвечала, что у нее уже нет сил на такой поиск. До тех пор, пока я не научилась помогать ей, это было бы бесполезной тратой ее сил и могло привести ее к смерти. Так что, если я хотела сама пользоваться шаром, в моих же интересах было оберегать Утту от лишнего напряжения и вбирать в себя то, что она могла мне дать. Но я с недоумением заметила, что, когда она следовала собственным желаниям, она была гораздо сильнее и могла сделать много больше, чем то, о чем я ее просила. Я знала, что должна всячески ублажать ее, если хочу получить назад утраченное, да и не иметь ее буфером между мной и мужчинами клана, особенно Сокфором, который преследовал меня взглядами, было действительно опасно. Если бы я вернула себе хоть какую-нибудь часть своей Власти, я освободилась бы от этой опасности: настоящую колдунью нелегко взять против ее воли. Моя мать однажды доказала это в крепости Верлейн, когда один из надменных дворян Карстена хотел сделать ее своей наложницей. Так что я склонила свою волю перед волей Утты. Она была не просто довольна, она торжествовала и почти лихорадочно работала со мной долгие часы, стараясь сделать меня равной себе, насколько могла. Я думаю, это было потому, что она уже много лет искала ученицу и не находила, и теперь все ее надежды сосредоточились на мне. У нее было мало техники Мудрых Женщин, и ее талант в основном был сродни колдовскому ис-

кусству, а не волшебному, так что мне, возможно, было бы легче ассимилироваться. Скоро меня начало раздражать, что мозг скачет как бы от одной части знаний к другой, вовсе не связанной с предыдущей, и то, что я впитывала, стараясь изо всех сил, было обширной массой концов и начал, которые я, казалось, так и не смогу привести в порядок. Я уже начала бояться, что так и останусь ее помощницей, без достаточно прочных знаний в каком-нибудь направлении, чтобы они послужили мне самой. Вполне возможно, что именно этого она сама и хотела.

После первых дней путешествия мы дважды устраивали долгие стоянки — один раз на десять дней — во время которых охотники пополняли наши запасы. Перед каждой охотой Утта работала со своей магией, заставляя меня добавлять туда и мою силу. Результатом колдовства были вложенные в мозг охотников детальные описания не только мест, где была дичь, но и мест, находящихся под влиянием Теней, которых надо было стараться избегать. Такие занятия сильно истощали ее, и мы потом не работали по крайней мере день. Но теперь я поняла ценность ее дарования для этого народа, и какие опасности и промахи подстерегали кланы, не имевшие такого стража. На тридцатый день наши сани свернули в узкую долину между двумя грядами утесов, изборозжденную замерзшими ручьями. Мы спустились дальше в узкий конец воронкообразного ущелья, где уже стояла вода. Снег здесь был рыхлым, так что те, кто ехал в санях, не считая Утты, пошли пешком, чтобы облегчить собакам работу. Наконец, снег вообще исчез. Двое молодых людей подбежали, чтобы толкать сани Утты. На темной земле кое-где появились зеленые островки — сначала мох, а затем трава и кустики. Мы как бы перешагнули из одного сезона в другой всего за несколько шагов. Было тепло, так что мы сначала откинули капюшоны и распахнули плащи, а затем сняли их. Мужчины и женщины племени оголились до пояса, и я заметила, что моя нижняя туника прилипла к телу от пота. Мы подошли к потоку. Над ним клубился пар. Я хотела напиться, так как в горле пересохло, но вода оказалась горячей. Дыхание источника принесло центру этой долины почти лето. Наше продвижение сильно замедлилось — не из-за недостатка снега для саней, а потому, что мы время от времени останавливались, и Айфинг консультировался с Уттой. Было место, куда клан желал бы войти, но там могла быть опасность. Наконец, Утта дала сигнал, что можно идти без страха, и мы вошли в место, явно излюбленное для лагеря, место, излюбленное если не этим кланом, то каким-то другим. Везде были следы старых костров, длинные белые жерди для палаток. Гладкие скалы тоже способствовали безопасности. Вупсалы быстро устроили более постоянный, чем обычно, лагерь. Кожаные стены палаток были укреплены снаружи каменными стенами, так что, в конце концов, шкуры остались на виду только на крыше. Благодаря горячему пару в центре этого места требовалось меньше защиты от холода, чем в тех снегах, откуда мы пришли.

Горячий источник снабжал нас водой, не требовавшей подогрева, и мы в нашей палатке тщательно вымылись, что доставило мне истинную радость. Висма достала чистую одежду из разрисованных сундуков и сказала, чтобы я надела, как все женщины племени, расписанные символами брюки, широкий, украшенный камнями пояс и множество ожерелий. Она хотела раскрасить мне груди, когда возобновляла рисунок на своих, но я покачала головой. Позднее я узнала от Утты, что мой инстинкт сработал правильно, потому что девственница украшает себя подобным образом только тогда, когда выберет себе воина, и я невольно могла бы привлечь к себе внимание какого-то гордого члена племени, откликаться на которое я не собиралась. Но у меня не было времени углубляться в формальности повседневной жизни, потому что Утта сразу загрузила меня занятиями, давая мне время лишь на еду и сон. Я похудела и устала и, не зная раньше муштровки Мудрых Женщин, могла бы сломаться, но мне казалось, что Утта не страдает, как я. Она учила меня, что и как использовать для блага клана. Не один раз она заставляла меня выполнять кое-какие просьбы тех, кто приходил к ней. Она сидела и смотрела, а я должна была заменять ее. К моему удивлению, люди клана не обижались на это. Может быть, присутствие Утты внушало им большее доверие ко мне. Я научилась излечивающим чарам, чарам для охотников, но в прямое предвидение, которым она пользовалась, если это требовалось Айфингу, она меня пока не включала, и я начала подозревать, что она поступала так намеренно, не желая давать мне возможность контакта с кем-либо вне лагеря, что я обязательно сделала бы, поскольку методы такого предвидения и дальновидения, в сущности, те же самые, что и для прямого мысленного поиска. Мои старания в области личных интересов, похоже, все время встречали препятствия. Туман, покрывавший мои последние дни с Дензилом, приподнялся, и я знала, что нельзя злоупотреблять этой частью Силы и что, вероятно, я никогда не верну ее. Я вспомнила дрожь и жаркое чувство вины, когда Кимок сказал, что я, полностью находясь в когтях Теней, пользовалась Зовом, чтобы принудить Кайлона выдать Долину. Не удивительно, что теперь эта Власть мне запрещена. Такова природа Власти. Если пользоваться ею неправильно или только в личных целях, она может исчезнуть. Все мои просьбы к Утте позволить мне узнать, живы ли мои братья, оставались без ответа, кроме нескольких загадочных утверждений, которые можно было толковать по-разному. Я могла уповать только на нашу крепкую природную связь: я бы знала, если их нет в живых. Мой счет дням, который я тщательно вела, рос, и я подсчитывала, что сделала за это время. Исключая предвидения и мысленный поиск, я имела теперь к своим услугам столько же, сколько знала на втором году обучения у Мудрых Женщин, хотя в том, что я теперь изучала, было больше колдовского искусства, чем волшебства. Но и тут еще были пробелы, которые Утта то ли не могла, то ли не хотела ликвидировать. Несмотря на то, что на-

шему лагерю жить здесь было гораздо легче, чем постоянно путешествуя, люди не сидели без дела. Теперь они занялись ремеслами. Шкуры были выдублены, и из них сшита одежда, кузнецы стали набирать учеников. Охотничьи отряды часто уходили из долины горячих источников, и Утта всегда уверяла, что им нечего опасаться. Я сделала вывод, что зимние месяцы хороши для охоты. Не опасаясь вторжения других кланов, которые либо были истреблены рейдерами, либо так же подались на запад, Вупсалы были в этой местности одни. Здесь ничего не напоминало Эскор. Мы не видели развалин, но и не было поблизости мест с дурной репутацией — Тени не успели запятнать их. Люди племени тоже ничем не напоминали Старую Расу или мутантов, союзников Долины, о которых я часто задумывалась — были ли они уроженцами этого мира или пришли через Ворота, открытые магами для прохода из одного мира в другой. Мы занимались лечением мальчика, которого принесла мать: он упал со скалы и получил множество повреждений. Пользуясь внутренним зрением, я исцелила все, погрузив сначала мальчика в глубокий сон, чтобы его движения не мешали моим действиям. Утта ничем не помогала, доверив все мне. Когда мать унесла ребенка, ясновидящая откинулась на мягкую подушку, служившую ей для поддержки ее скелетообразного тела.

— Хорошо. Ты не зря была названа «дочерью». — Эта похвала означала для меня многое, потому что я уважала знания Утты. Мы не были друзьями, но плыли вместе, как две щепки, срубленные с одного дерева и брошенные в воду. Ее преклонный возраст, опыт и знания разделяли нас и внушали мне почтение, а договор связывал. — Я стара, — продолжала она. — Если я посмотрю в это... — она указала на шар, стоявший рядом с ней. — Я не увижу ничего, кроме финального занавеса. — Она замолчала, но меня удерживало возле нее ощущение, что она хочет сказать что-то очень важное для меня. Она приподняла руку и указала на вход нашей палатки. Даже слабое движение, видимо, утомило ее. — Посмотри... под циновкой...

У входа лежала темная циновка, сплетенная не из полосок кожи и меха, как другие, а из какого-то растительного материала. Циновка была очень старая. Когда я по приказу Утты приподняла эту циновку, я увидела на обратной ее стороне то, чего раньше не видела.

— Руку... над... этим... — Мысленные слова Утты были как бы угасающим шепотом.

Я перевернула циновку и протянула руку над ее поверхностью, и сразу линии на циновке загорелись, и руны на ней ожили. Тогда я поняла, что оковы, которые Утта наложила на меня, зависели не от моей воли, а от ее желаний. Это связывало меня с ней и с ее образом жизни. Во мне родилось возмущение. Она приподнялась. Руки ее упали.

— Мой народ нуждается...

Было ли это оправданием, началом просьбы? Но ведь это не мой народ, и он не принимал меня. Я не пыталась бежать рань-

ше, потому что Утта предложила вернуть мне утраченные знания. Но если она и в самом деле уйдет за финальный занавес, то уйду и я! Она легко читала мои мысли. При наших отношениях я не могла ничего скрыть от нее. Она медленно покачала головой.

— Нет,— ответила она на мои рассуждения.— Ты нужна им.

— Я не их ясновидящая,— быстро возразила я.

— Будешь...

Я не могла с ней спорить. Она как то сразу осунулась, усохла, словно это слабое столкновение ее и моей воли истощило ее чуть ли не до смерти. Я встревожилась и позвала Аторфи. Мы дали Утте укрепляющего, но, видимо, настало время, когда она не могла больше удерживать боровшийся разум в изношенной одежде плоти. Она еще жила, но держалась лишь одним разумом, который нетерпеливо рвал эти ненужные связи с миром, желая вырваться на свободу и исчезнуть. Так она лежала и этот и следующий день. Тщетно Аторфи и Висма делали все, что могли, чтобы поднять ее. Но она все еще имела слабую связь с землей и с нами. Когда я выглянула из палатки, то увидела, что весь клан молча сидит, глядя на дверь. К полуночи в нее внезапно нахлынула волна жизни. Я почувствовала ее приказ, когда ее глаза открылись и взглянули на нас сознательно и требовательно.

— Айфинга!

Я подошла к двери и сделала знак вождю, сидевшему между двумя кострами, которые люди развели как защиту от того, что могло наползти из темноты. Айфинг пошел без охоты, но и без промедления. Висма и Аторфи приподняли Утту повыше на подпорке, так что она почти сидела. Утта сделала правой рукой жест, подзывая меня. Висма посторонилась, давая мне дорогу. Я встала на колени и взяла холодную руку Утты. И ее пальцы крепко, до боли, сцепились с моими, но ее мозг больше не касался моего. Она держала меня, но смотрела на Айфинга. Он опустился на колени на почтительном расстоянии от Утты. Она заговорила вслух, и голос ее был крепким, каким был, вероятно, в дни ее молодости.

— Айфинг, сын Трина, сын Кейна, сын Джера, сын Эверета, сын Столла, сын Кжола, чей отец Опоон был моим первым супругом, настало время, когда я шагну за финальный занавес и уйду от вас.

Он тихо вскрикнул, но она подняла руку, держа меня другой рукой, а затем протянула к нему обе руки, подтягивая мою. Он тоже протянул к ней обе руки, и я увидела в его лице не личную печаль, а страх, какой испытывает ребенок, оставленный взрослым, защищавшим его от ужасов тьмы и неизвестности. Утта вложила мою руку в его ладони, и он сжал ее так резко, что я вскрикнула, поскольку не ожидала такой демонстрации силы.

— Я сделала все для вас, что могла,— сказала она. Этот гортанный язык, которому я выучилась, был так же груб для

моих ушей, как и жестокий захват моей руки Айфингом.— Я воспитала другую, чтобы она служила вам, как служила я.

Она сделала усилие, чтобы выпрямиться, и слабо покачнулась.

— Готово!

Последнее слово она выкрикнула с торжеством, как военный клич, брошенный в лицо смерти. Затем она упала назад, и последняя ниточка, связывавшая ее с нами, оборвалась навсегда.

Глава 5

Похороны Утты были делом великой церемонии для Вупсалов. Я никогда такого не видела и была ошеломлена их приготовлениями. Такой ритуал не вязался с бродячим варварским кланом, он больше напоминал веками установленный образец похорон в очень древней цивилизации. Возможно, это был последний осколок древнего акта, принесенный ими из прошлого, теперь уже столь далекого, что они его уже не помнили. Аторфи и Висма одели ее во все самое лучшее, что нашлось в ее дорожных сундуках, а затем несколько раз обернули полосами смоченной кожи, которые стянули и упаковали ее усохшую плоть и тонкие кости на вечные времена. Тем временем мужчины племени ушли на юг почти на день пути и там вырыли яму такой же ширины, как палатка, в которой Утта провела свои последние дни, перевезли палатку и сани, нагруженные камнями, и установили в яме. Я искала возможность убежать во время всего этого, но магия Утты удерживала меня, и у меня не доставало сил, чтобы разбить руны, на которые я по незнанию наступила, когда шла по ее палатке. Когда я попыталась одна выйти за пределы лагеря, я почувствовала, как какая-то неодолимая сила, с которой я не могла бороться, заставила меня вернуться. При всей моей воле и стремлении к бегству оно было невозможным. В течение четырехдневных приготовлений я оставалась одна в своей новой палатке, поставленной чуть в стороне. Видимо, племя рассчитывало получить от меня какую-нибудь магию, благоприятствующую их делу, потому что от меня не требовали помощи в работе для Утты, и я была благодарна им за это. На второй день женщины принесли два дорожных сундука и оставили их в моей палатке. Я открыла их. В одном были узлы и мешочки с травами, большую часть которых я узнала. Они употреблялись для лечения или вызывали сонные галлюцинации. В другом был хрустальный шар Утты, ее жаровня, жезл из полированной кости и два свитка, вложенные в металлические трубочки, изъеденные временем. Я жадно схватила трубки, но не сразу смогла открыть их. На них были выгравированы символы, некоторые из которых я знала, хотя они слегка отличались от тех, которые я видела раньше. На концах трубки был глубоко вырезан один знак. Гравировка, казалось, была меньше затронута временем, чем сами трубки. Здесь была тонкая вязь буквенной руны — только я не могла ее прочесть — обвивав-

шаяся вокруг маленького, но четкого рисунка меча, перекрещенного жезлом власти. Я еще ни разу не видела эти два символа в такой комбинации, потому что у Мудрых Женщин жезл был знаком волшебницы, а меч — знаком воина, и такой контакт знаков женского и мужского считался бы неприемлемым и неприличным.

При более внимательном изучении я, наконец, нашла чуть заметную щелку и с большим трудом раздвинула тугие захваты. К своему великому удивлению, я увидела, что хоть свитки и целы, я не могу их прочесть. Эти руны, видимо, были личной записью какого-нибудь мага, который сам придумал код, чтобы лучше сберечь свои секреты. В начале и конце каждого свитка перекрещенные мечи и жезлы были отчетливо выделены цветом: меч — красный, жезл — зеленый, тронутый золотом. Это убедило меня, что свитки не от Теней, потому что зеленый и золотой — от света, а не от мрака. Рисунок удивил меня, потому что здесь, в противоположность изображению на трубке, меч лежал поверх жезла, как намек, что главным для рисовавшего было действие, а Власть не вела и, следовательно, была позади. Под символом были написаны широким пером буквы, которые были понятны — по крайней мере, они складывались в читаемое имя, только я не знала, чье — народа, места или человека. Я несколько раз повторила его вслух — может, его звучание пробудит что-нибудь в моей памяти:

— Хиларион.

Нет, это ничего не означало, и я ни разу не слышала этого слова от Утты. Но ведь она очень мало говорила о своем прошлом, она была сосредоточена на том, чему учила меня. Расстроенная, я снова свернула свитки и уложила в трубки. Не вставая с места, я прижала руки к кристаллу в слабой надежде, что почувствую под ладонями тепло, жар, и зеркало покажет мне то, что я хочу знать. Но этого не произошло, и я убрала шар в сундук вместе с жезлом, который лучше было не трогать, потому что такой жезл Власти отвечает только той, что приспособила его для службы.

На пятый день в мою палатку пришли две женщины. Они смело вошли, не ожидая моего разрешения. Они несли тяжелый кувшин с горячей водой и купальный таз. За ними вошла третья женщина с перекинутой через руку одеждой. Она же несла поднос с несколькими горшочками и коробочками. Первые женщины были простыми членами клана, а третья, принеся поднос с косметикой — молодая жена Айфинга, Айлия. Она была очень молода, совсем еще девочка, но держалась надменно, выставя вперед маленькие груди, покрытые толстым слоем краски. Рисунок на них изображал ярко-красные цветы, а соски в центре цветка блестели, как будто в краску были добавлены крошечные чешуйки драгоценного камня. Это была кричащая вывеска, еще более варварская, чем у других. Ее взгляд был резким, еще более недружелюбным, чем я встречала до сих пор, с того времени, как Утта взяла меня в ученицы и компаньонки. Губы Айлии вытянулись вперед, когда она поглядела на меня долгим, оценивающим и явно враждебным взглядом.

— Пора.

Она первая прервала молчание, и я подумала, что ей очень не хочется делать то, что она должна сделать, хотя я не спрашивала, что именно.

— Мы несем старую в назначенный ей дом. Мы оказываем ей почтение...

Поскольку я не знала их обычаев, я сочла за благо идти, куда ведут. Я позволила им вымыть меня горячей водой с пригоршней мха, который растягивался от влаги и использовался вместо губки. От него исходил странный запах, слабый и не противный. В первый раз я не получила кожаных меховых брюк, какие носили все. Мне дали одежду, которую принесла Айлия — длинную и широкую юбку из очень старой, как мне показалось, ткани, сохранившейся благодаря металлическим нитям, в вытканном узоре кружевных листьев. Нити поблекли, так что узор был очень слабо заметен, да и то при внимательном рассмотрении. Юбка была темно-синего цвета, по низу шла кайма шириной в ладонь из таких же металлических нитей. Она оттягивала юбку, доходившую до лодыжек. По приказу Айлии женщины разрисовали мне груди, но не цветами, а лучами блестящего пигмента. Они не добавили к моему наряду ни одного ожерелья, какие носили сами, а покрыли меня с головой вуалью, сплетенной из потускневшей металлической нити. Когда я была одета, Айлия махнула рукой к выходу и заняла место позади меня. Все племя шло процессией за саними. Сани несли на плечах, а четырех собак, которые служили Утте, члены племени вели на поводках. В санях лежало тело пророчицы, покрытое отборными мехами. Непосредственно за людьми, несшими сани, было свободное пространство, и Айфинг жестом приказал мне идти туда. Я повиновалась. Висма и Аторфи встали рядом со мной справа и слева. Обе были одеты в новое и раскрашены, но когда я поглядела на них, собираясь сказать что-то — не слова утешения, потому что кто сможет утешить их в этой потере, а просто что-нибудь дружеское — они не ответили на мой взгляд, поскольку не спускали глаз с саней. Каждая прижимала обеими руками к груди каменную чашу, каких я еще не видела. В чашах плескалась и пузырилась темная жидкость, как бы подогреваемая адским пламенем. За нами следовали Айфинг и самые главные охотники и воины, затем женщины и дети, так что мы шли к могиле всем племенем, вытянутым в цепочку. Здесь, вдали от горячих источников, было холодно, и под ногами лежал снег. Я дрожала в своей древней мантии, а те, что шли рядом со мной, полуголые, как в своей палатке, не выказывали никаких признаков неудобства.

Наконец, мы пришли к могиле. Люди, несшие сани, спустились по земляному скату в стоявшую в яме палатку и вышли оттуда с пустыми руками. Тут же Висма и Аторфи подняли свои чаши и жадно выпили жидкость. Держа пустые чаши, они взялись за руки, спустились в палатку, и больше мы их не видели. Я осознала значение их поступка только тогда, когда увидела, что люди, державшие собак, достали ножи и убили животных, быстро и без-

болезненно. Затем они, эти мохнатые слуги, тоже были присоединены к людям внизу. Я шагнула вперед — может быть, еще не поздно... Висма, Аторфи, неужели... Айфинг крепко взял меня за плечо и держал, пока воины укладывали мертвых собак перед палаткой и прикрепляли их поводками к шестам, как будто собаки просто спят, а не заливают землю своей кровью. Как мне ни хотелось прыгнуть в яму и вынести двух женщин Утты, я понимала, что не стану и пытаться. Они уже последовали за своей хозяйкой за финальный занавес, откуда не было возврата. Я не вырывалась от Айфинга, а спокойно стояла, только время от времени вздрагивая от холода на этом открытом месте. Я видела, как все племя — мужчины, женщины, дети — подходили к могиле и бросали какой-нибудь подарок. Даже грудным детям вкладывали что-нибудь в руку и заставляли бросить. Мужчины бросали в яму оружие, женщины — золото, коробочки с душистым маслом, сухие лакомства. Видимо, каждый давал самое дорогое из своего личного имущества. Тогда я поняла всю глубину их уважения к Утте. Им, наверное, казалось, что с ней ушел целый жизненный путь, потому что она жила при многих поколениях и была живой легендой. Затем мужчины с лопатами из коры и с веревками для подтаскивания камней встали с одной стороны и принялись засыпать могилу, а женщины собрались вокруг меня и повели меня обратно в лагерь. Они не оставили меня одну в палатке — со мной пришли Айлия и несколько старших женщин, хотя среди них не было Аусу, первой жены вождя. Когда я села на подушку, обтянутую кожей и набитую мягкой шерстью, Айлия дерзко взяла себе такую же. Я видела, что некоторые женщины недовольно хмурились. Я не знала, что меня ожидает, но подумала, что надо самой защищать свои права. Утта назвала меня ясновидящей перед Айфингом, хотя я и не намеревалась связывать свое будущее с Вупсалами, как сделала она. Как только я разобью связывавшие меня руны, я уйду отсюда. Чтобы добиться этого, я должна спокойно на досуге заниматься с той Властью, которой я достигла, а в этом мне, похоже, собираются отказать. Во всяком случае, было серьезной ошибкой для Мудрой Женщины принять Айлию, как равную себе, хоть она и жена вождя. Я должна сделать что-то с самого начала, чтобы они меня боялись, иначе я упущу и то малое преимущество, которое имею. Я быстро повернулась, посмотрела на Айлию в упор и резко спросила:

— Что с тобой, девушка? — Я копировала тон, который слышала в таких случаях от Утты, а также от Мудрых Женщин в Месте Тишины, когда ученица позволяла себе лишнее.

— Мы будем в одинаковом положении, — ответила она. Но она отвела взгляд, явно чувствуя себя неловко, хотя ее ответ был нахальным и вызывающим. — Вот я и села рядом с тобой.

Если бы я лучше понимала смысл ее слов, я бы подготовилась, но теперь я только инстинктивно чувствовала, что должна укрепить свое превосходство перед любым членом племени.

— Как ты разговариваешь с Той, Которая Видит Вперед, девушка? — холодно спросила я. Я не назвала ее по имени, как буд-

то такая мелочь, как ее имя, меня не касалась, я унижала ее в глазах остальных. Может быть, я сделала ошибку, наживая себе врага, но она и так была настроена недружелюбно, что я почувствовала с первого взгляда, и от попытки примирения я потеряла бы еще больше.

— Я говорю с той, которой придется сидеть рядом со мной, — начала она, но тут в палатку вошла женщина.

Она шла с трудом, опираясь на руку молодой девушки с ненакрашенными грудями и плоским лицом, обезображенным рубцом. Женщина была немолода, высоко зачесанные ярко-рыжие волосы заметно тронула седина, широкое лицо распухло, неуклюжее тело разжирело, большие груди торчали, как подушки. Это не было естественной полнотой, у нее были и другие признаки болезни сердца, и я удивилась, почему она не обращалась за помощью к Утте за то время, пока я жила здесь. Две женщины у двери поспешно встали, выдвинули подушки, на которых сидели и положили их одна на другую, чтобы для прибывшей было более удобно сидеть, так как ей явно было бы трудно подогнуть ноги. Она села с помощью своей провожатой и в течение долгого времени не могла отдышаться, прижимая руки к груди. По ее знаку Айлия встала и отошла к стене, и ее угрюмость стала еще более заметна, но слабая неловкость, с которой она смотрела на меня, сменилась страхом. Служанка встала на колени рядом с хозяйкой, чтобы видеть ее и меня.

— Это Аусу из палатки вождя.

Ее голос был едва слышен из-за шумного дыхания хозяйки. Я подняла руку и сделала жест, бросающий или сеющий, которому научилась у Утты, и подтвердила его словами:

— Аусу, мать мужчин, правительница палатки вождя, будь благословенна, и все доброе да будет на тебе!

Ее болезненное дыхание несколько успокоилось. Я вспомнила, что она одна из всего племени не провожала Утту в ее последнее место. Это было понятно: ее комплекция и тяжелое состояние здоровья делали такое усилие невозможным. Она раскрыла распухшие губы и заговорила:

— Утта говорила с Айфингом. Она оставила тебя разглядывать наши дороги..

Она сделала паузу, как бы дожидаясь от меня ответа или подтверждения, и я проговорила, что могла:

— Так сказала Утта.

Это было правдой, но не означало, что я согласна с повелительным приказом пророчицы насчет своего будущего.

— Как и Утта, ты идешь под руку Айфинга, — продолжала Аусу. Голос ее временами так хрипел, что трудно было разобрать слова, каждое из них, видимо, давалось ей с трудом.

— Я пришла помочь тебе. Ты, как ясновидящая, будешь теперь главой в палатке Айфинга.

Ее голова повернулась на громоздких плечах — чуть-чуть но достаточно, чтобы одарить Айлию таким холодным и угрожающим взглядом, что я вздрогнула. Айлия встретила ее взгляд, не

опуская глаз. Но сейчас было не время обращать внимание на немые сцены между этими двумя женщинами вождя, потому что, если я правильно поняла их, я буду женой Айфинга. Но разве они не знают, что я, как Мудрая Женщина, могу утратить свою силу, в которой они так нуждаются, если приду под руку мужчины? А утрачу? Моя мать не утратила. Может быть, это всего лишь суеверие, распускаемое и питаемое Мудрыми Женщинами для охраны их самих и их правления. В Эскоре не знали этого. Дахаун не потеряла своих талантов, когда дала слово моему брату и стала главой в его доме и в его сердце, и сама Утта говорила, что ее супругом был давний предшественник Айфинга. Но был ли такой союз угрозой для частично обретенной силы или не был — он был страшен для меня самой. Правда, теперь у меня под рукой такие средства, которые могут превратить меня в его постели в холодное мясо раньше, чем произойдет худшее. Но, кроме этой последней крайности, были и другие пути, и один из них сейчас пришел мне в голову. Никто из этих женщин не мог читать мои мысли, так что я могла приготовить — если у меня будет время — такой ответ, который удовлетворит всех. Так что я была права, не выдав своего изумления. Если бы я чуточку пошевелила мозгами, я могла бы угадать это заранее. Я снова сделала приветственный жест Аусу и сказала:

— Мать многих оказала мне честь, встретив меня как сестру.

Я сделала упор на равенство, чего не желала делать по отношению к Айлии.

— Хотя мы не делили одну чашу, как дети одной матери, но между нами не будет ни старшей, ни младшей.

Женщины вдруг зашептались, услышав этот отказ от предложенного мне главенства в палатке Айфинга, и я поняла, что они приняли мои слова, как связующие. Аусу не спускала с меня глаз, почти закрытых щеками. Затем она вздохнула, и ее напряженные плечи слегка согнулись. Я понимала ее железную волю, приведшую ее ко мне, ее решимость сделать то, что она считала правильным. Я поспешила увериться, что мне дадут то, в чем я больше всего нуждалась — уединение.

— Я не как Аусу, — сказала я ей.

Я наклонилась вперед и взяла ее пухлые руки в свои.

— Я как Утта говорю с духами, и я должна иметь палатку, чтобы предложить им кров, когда они посетят меня.

— Так, — согласилась она. — Но жена идет к своему господину. И Утта проводила ночи с Айфингом, когда это было нужно.

— Таков обычай, — согласилась я в свою очередь. — Однако, я должна жить отдельно. И, сестра, не могу ли я что-нибудь сделать для тебя? Твое тело нездорово. Может быть, духи найдут лечение...

Складки жира на ее лице задвигались.

— Это зло с севера. Ты слишком недавно у нас, сестра, ты не знаешь. Это напущено на меня за то, что я делала глупости. Ах!

Она вырвала свои руки из моих и прижала их к груди, вскрикнув от внезапной боли. Служанка поспешила достать плотно за-

крытую чашку из рога, открыла ее и дала Аусу выпить. Немного бесцветной жидкости вытекло из ее губ на тяжелый подбородок, оставляя липкие следы.

— Напущено,— повторила Аусу шепотом.— И я понесу это до могилы.

Я слышала о таких проклятиях — болезнь духа нападает на тех, кто вольно или невольно вторгается в какое-нибудь место древнего Зла, и отражается в теле человека болезнью. Но среди Вупсалов я впервые встретила какой-то знак соприкосновения с древним миром Эскора. Снаружи неожиданно донесся громкий металлический звон. Я вздрогнула. Женщины монотонно запели. Айфинг? Неужели жених уже идет за мной? Я не успела приготовиться. Что я буду делать? Я растеряла последние остатки своей уверенности.

— Айфинг идет!

Айлия придвинулась ближе, но я заметила, что она не приближается чересчур близко к главенствующей в ее доме.

— Он идет за своей невестой.

— Пусть войдет,— сказала Аусу с достоинством, которое было ей присуще. Женщины прижались к стенам, служанка Аусу тоже. Айлия не пошла с ними. Аусу еще раз глянула на меня и на нее, и Айлия тоже отступила. Главная жена громко окликнула Айфинга. Полотнище палатки поднялось, и Айфинг, наклонив под ним голову, подошел прямо к Аусу. Ее толстая рука приподнялась, и он вытянул свою грубую, темную руку, чтобы Аусу могла взять ее, но смотрели они не друг на друга, а только на меня. Я не видела на его лице того, что читала раньше у его племянника, что обещало бы мне позор. Айфинг выглядел бесстрастно, как человек, на которого возложили приятную задачу, являющуюся частью достоинства и ответственности вождя. Но за его плечом я увидела лицо Айлии с безошибочным выражением ревнивой ярости. Айфинг преклонил колено перед громадой своей жены. Она протянула левую руку ко мне, я вложила в нее свою, и она прижала мою ладонь к ладони Айфинга, как раньше это сделала Утта. Сквозь ее свистящее дыхание пробились слова, которых я не поняла, вероятно, это была какая-нибудь архаичная ритуальная фраза. Затем ее руки упали, оставив наши соединенными. Айфинг наклонился и отдернул металлическое покрывало, которое я обернула вокруг плеч, чтобы хоть немного защититься от холода. Его пальцы опустились на мои груди и содрали краску, как сдирают одежду. Женщины у стены издали звенящий крик вроде того, который издала, умирая, Утта. Видимо, это был победный клич. Меня очень беспокоил вопрос, как далеко зайдет сейчас Айфинг. У меня не было возможности приготовить то, что я задумала, но, похоже, церемонии пришел конец. Понимая, что я плохо знаю их обычаи, Аусу дала мне ключ к следующему шагу, в котором я нуждалась, чтобы выполнить то, что я задумала.

— Блюда и чаши будут разделены, сестра. И будь благословенна эта палатка...

Служанка и женщины подошли и поставили ее на ноги. Я

тоже встала, чтобы оказать ей почтение, и проводила ее за дверь палатки. Айлия тоже скрылась. Видимо, ее так бесила моя связь с ее господином, что она не желала больше быть ее свидетельницей. Когда я вернулась, Айфинг сидел на подушке. Я подошла к сундуку Утты, где хранились травы, и достала несколько сухих листочков, которые превращали обычный напиток Вупсалов во вкусный праздничный. Я добавила их в чаши, принесенные на подносе, и опустила полотнище двери, как бы для того, чтобы никто не помешал нам. Когда Айфинг увидел, что я положила листья, глаза его сверкнули, потому что травы Утты были очень хороши, и он ждал с явным желанием, пока я добавляла в его чашу еще немного листьев и размешивала палочкой. Заклинания не обязательно произносить вслух, самое главное — воля, направленная на нужный результат, а моя воля была тверда в эту ночь. Айфинг видел, что я ничего не добавляла, кроме тех трав, которые он хорошо знал, но то, что я добавила мысленно, было первым шагом в моем плане спасения. По крайней мере, хоть в этом Утта не связала меня, как связала рунами на циновке. Айфинг выпил и поел с подноса, который мы с ним разделили, а затем покачнулся и уснул. Я достала из сундука Утты ярко-красную колючку, обмотала вокруг нее два волоса, вырванных из моей головы, и плюнула на нее, произнося несколько слов, для которых уши Айфинга теперь были надежно закрыты. Сделав это, я воткнула колючку глубоко в кожаную подушку под головой Айфинга и стала ткать сон. Нелегко было вообразить то, чего сама никогда не испытывала, но я не смела позволить себе сомневаться в успехе. Но когда Айфинг повернулся и забормотал во сне, он видел как раз то, что я вложила в его мозг: что он и вправду взял жену и положил на нее свои руки и тело. Не делала ли такое и Утта? Я думала об этом, когда села в изнеможении, следя за Айфингом при слабом свете плененных насекомых. Не таким ли образом она была женой вождей, все еще оставаясь Мудрой Женщиной? Когда Айфинг проснется, будет проверена надежность сотканного мною сновидения.

Глава 6

Ночь тянулась долго, и у меня было много времени для размышлений и предвидения некоторых опасностей, могущих ожидать меня. Утта многому научила меня, это я знала, но, то ли намеренно, то ли потому, что мы происходили не от одного ордена Мудрых Женщин, она оставила в моих знаниях пробелы, и я была вроде раненого воина, который, прижавшись к стене, защищается только одной рукой, да и то левой, в то время как он привык действовать правой. Она не вернула мне мое предвидение, а из всех талантов, которые Вупсалы могли от меня требовать, именно это было самым важным. Я все больше удивлялась этому упущению со стороны Утты. Может быть, она боялась, что я воспользуюсь передачей мысли — что было частью ясновидения — и вызову из Долины помощь? Как бы то ни было, она не подготовила

пророчицы для своего народа и лишила их этого дара, который нужен был им больше всего.

Айфинг спал. Я тихонько прошла по палатке и перевернула циновку с рунами, чтобы снова прочитать линии, связавшие меня с этим народом. В то же время я рылась в памяти, ища все, что относилось к подобным чарам, как они наводятся и как разрушаются. У Мудрой Женщины есть все, есть много способов, чтобы связать человека, особенно если у него меньше талантов, чем у нее, или он вообще ничего не понимает в этих делах. Вы дарите, например, жертве что-то ценное, и если жертва принимает — она ваша, пока вы сами ее не отпустите. Но для дилетанта во Власти это опасно. Если жертва откажется от подарка — чары падут на дающего. Плетя сновидения, можно ошибиться в выборе заклинаний и извлечь у кого-то душу из тела, сделав двух рабов колдуньи: в одном мире бездушное тело, в другом — бестелесный дух. Но, в основном, все это дела Теней, а я знала, что Утта, заботившаяся о благоденствии своего приемного народа, не зависела в своей силе ни от Света, ни от Мрака. Если мне удастся разбить чары этих рун, то это будет означать, что они были каким-то собственным знанием Утты. Только я сомневалась, что смогу сделать это моими заново пробужденными способностями. Во всяком ремесле нужна практика. Я вернулась к Айфингу, прислушалась к его дыханию. Он больше не видел сновидений, которые я наслала ему, он просто крепко спал, и этот сон продлится еще некоторое время. Я осторожно отошла, сняла свадебное платье и аккуратно сложила его. Когда на моем озябшем теле не осталось ничего, что было сделано племенем, я соскоблела остатки краски с грудей, чтобы меня ничто не связывало с этим народом. Я хотела попробовать часть магии, которая, как я опасалась, была слишком велика для моих слабых сил, но являлась единственной возможностью чуть-чуть заглянуть в будущее. Нужен был какой-то предмет, которым человек пользовался и считал своей собственностью. Хотя большая часть личных вещей Утты ушла с ней в могилу, в моем распоряжении осталось то, что лежало в двух сундуках и что имело отношение к ее магии. Дрожа от холода, я встала на колени перед сундуком, где были манускрипты с непонятными рунами. Вытащив из сундука все, я убедилась, что из вещей, оставленных Уттой, эти свитки содержали наибольшую концентрацию Власти. Я села, держа их по одному в каждой руке, и постаралась сделать свой мозг пустым, как зеркало, ожидающее возможности отразить то, что исходит от этих вещей. Я не была чистым зеркалом, а скорее смотрела в зеркало, затянутое туманом. Но в нем что-то двигалось. Тусклые, туманные фигуры приходили и уходили, и я не могла сделать их ясно различимыми. Контейнеры потяжелели, оттягивали руки. Я вздрогнула, когда их ледяной холод коснулся моего нагого тела. Что же это за свитки? Я отложила одну трубку в сторону, а другую открыла и развернула свиток. Взяв в обе руки, я наклонила голову, чтобы прижаться лбом к поверхности свитка, наощупь казавшегося высушенным древесным листом.

И вот... Я чуть не вздрогнула, когда в моем мозгу появилось резкое изображение, удержала меня долгая тренировка. Изображение было достаточно четкое, но сцены кружились и мелькали с такой скоростью, что я не могла ухватить смысл. Строчки формул, колонки рун появлялись и исчезали, прежде чем я успевала понять их значение. Не было ни логики, ни последовательности, будто кто-то высыпал массу случайно связанного материала в пустое ведро и сильно встряхнул его. Я сунула свиток обратно в контейнер и приложила руки к голове, где кружились неудачные и несвоевременные концы и начала учения, вызвавшие сильную боль. И в эти минуты я не могла ни продолжать свой опыт, ни рыться в секретах Утты. Внезапно я почувствовала такую усталость, что глаза у меня закрывались сами. Я даже подумала с легким беспокойством, что я как бы выпила такую же чашу, какую подала Айфингу, и теперь готова следовать за ним в мир сновидений. Я взяла себя в руки и надела одежду, которую до этого отложила в сторону, когда меня наряжали в свадебное платье. Двигаясь с трудом, я завернулась в плащ с капюшоном, а затем скорее упала, чем легла, и мгновенно уснула. И я была права: я увидела сон.

Я увидела замок, башню, такую же большую, как цитадель в центре Ис Сити. Я никогда не видела такого большого произведения человеческих рук. Одни части здания были крепки, как камни Иса, другие мерцали, то появляясь, то исчезая, словно существовали в двух мирах одновременно. Я знала это, но не понимала, зачем и как это сделано. И там был тот, кто все это сделал, как руками тех, кем командовал, так и Властью, но хозяином здесь была не Мудрая Женщина, а адепт более сильный, чем волшебник или колдун. И замок был только внешней оправой для чего-то другого, более странного и могучего, чем стены вокруг. Я видела его то лишь как тень, то ясно и отчетливо, когда он выходил из-за вуали, созданной вокруг него его чарами. Он был Старой Расы, но что-то показывало, что он частично из другого места и времени. Он работал с Властью, и я видела, что он как бы собирает силовые лучи, сплетает их и формирует узор, подчиняющийся его желаниям. Он двигался уверенно, как человек, знающий, что он должен сделать, и не опасющийся, что его работа пойдет не так. Я следила за ним и завидовала. У меня тоже была когда-то такая уверенность, а теперь я ползла там, где должна была бежать. Под его ногами огненными линиями вспыхивали руны, сам воздух вокруг него дрожал от произносимых слов или от силы посылаемой им мысли. Это было большое дело, большее, чем я когда-либо видела, а ведь мне раза два довелось видеть в работе самую большую Власть Мудрых Женщин. Теперь я видела, что все, что он сделал, сконцентрировалось в середине холма, где он работал: линии рук, движение воздуха — все собралось в одном месте. В конце концов воздвиглась арка из света. Я знала, что этот сон показал мне создание Ворот в другой мир, которые встречались в этой древней колдовской земле. Хорошо известно, что такие ворота существуют, но что их создали маги, мы узнали только в

Эскоре. И вот теперь я была свидетельницей открытия таких Ворот. Маг стоял, слегка раздвинув ноги, руки его вдруг взлетели вверх в совершенно человеческом торжествующем жесте. Спокойная сосредоточенность лица сменилась экзальтацией. Но он не спешил пройти в Ворота, а наоборот, отступал от них шаг за шагом, хотя не видно было, что его уверенность уменьшилась. Я подумала, что он почувствовал какую-то тревогу, которая удержала его от прыжка в неизвестность. Он сел в кресло и глядел на Ворота, сложив ладони, касаясь пальцами острого подбородка, и, казалось, глубоко погрузился в свои мысли. Пока он сидел и смотрел на свое создание, я следила за ним, словно мой сон касался самого человека, а не его колдовства. Как я уже говорила, он был Старой Расы или, по крайней мере, помесью с ней. Молод он или стар? Годы не коснулись его. У него было тело воина, хотя он и не носил меча. Серая мантия была туго стянута на узкой талии алым кушаком с золотыми и серебряными линиями. Если на них долго смотреть, то они принимали форму рун, но быстро вспыхивали и гасли, так что рассмотреть их не удавалось. Видимо, он пришел к какому-то решению, потому что встал и слегка развел руки, а затем резко хлопнул в ладоши, и губы его быстро задвигались. Ворота исчезли, он остался в темноте, но я чувствовала, что триумф его не ушел: то, что сделано один раз, можно повторить.

Похоже, что мой сон показал мне мага только в этом холле. Я вдруг оказалась снаружи, прошла в большие башенные ворота, на которых сидели страшные существа. Они повернули головы и сонно смотрели, когда я проходила, но я знала, что они не смеют причинить мне вред. Это путешествие виделось так детально, что, оказавшись я в этом месте наяву, я без труда нашла бы дорогу в холл. Причин моего сна я не знала, но вообще-то подобные сновидения всегда посылаются с целью. Проснувшись, я подумала, что сон был результатом моих попыток прочесть тот свиток. Голова болела, утренний свет резал глаза, но я быстро вскочила и посмотрела на спящего Айфинга. Он зашевелился. Я быстро подскочила, вытащила из подушки колючку, спрятала ее в рубец моего плаща, потом села обратно. Айфинг открыл глаза, поморгал и улыбнулся застенчивой улыбкой, какую странно было видеть у такого человека.

— Доброе утро.

— Доброе утро, вождь людей, — ответила я, как полагалось.

Он сел на подушках и огляделся, словно не был уверен, где провел ночь. Я насторожилась, опасаясь, хорошо ли я сплела для него сон, и не знает ли он, что это только сон. Но бояться, похоже, было нечего, потому что он наклонил голову в моем направлении и сказал:

— Сила увеличивает силу, дальновидящая. Я принял твой дар, и мы будем сильны всегда, как это было под рукой Утты. — Он скрестил пальцы, как было принято в его народе, когда говорят о мертвых. Затем он ушел, как человек, вполне удовлетворенный выполненным долгом. Однако, если сон удовлетворил Айфинга и тех людей племени, перед которыми он должен был отчитаться

ся об этой ночи, то в результате этого же сна у меня появился враг, в чем я скоро убедилась. По обычаю, с утра меня посетили старшие женщины племени, и все с подарками. Аусу не пришла, потому что я ясно дала ей понять, что мы с ней на равных в семье Айфинга, а Айлия явилась последней. Она пришла одна, когда у меня никого не было, словно специально выжидала, чтобы не было свидетелей нашей встречи. Когда она вошла, ее враждебность как бы вилась вокруг нее темным облаком. Моя сила настолько шагнула вперед, что я могла читать опасность, когда встречалась с таковой. Айлия единственная из всего племени не боялась моего волшебства. Можно было подумать, что она сама была способна заглянуть мне в мозг и увидеть, как мало я в сущности знаю. Она не села и не приветствовала меня, как полагалось, а бросила к моим ногам изящно сделанную и красиво украшенную коробочку, так что та раскрылась. Из нее выпало ожерелье замечательной работы.

— Подарок новобрачной, старшая. — Она скривила рот — С приветом от Аусу...

Я не могла спустить ей такую наглую выходку.

— А от тебя, младшая сестра? — холодно спросила я.

— Нет! — рискнула сказать она.

Я заметила, что она из осторожности понизила голос. Она была страшно зла, но продолжала вести себя осторожно и не хотела, чтобы кто-то еще знал о ее злых чувствах.

— Ты меня ненавидишь? — я приступила непосредственно к делу. — А за что?

Она опустилаcь на колени, так что лицо ее было на одном уровне с моим, и наклонилась вперед. Лицо ее было искажено яростью, капельки слюны собрались в уголках широкого рта.

— Аусу стара. Она правит в палатке Айфинга очень немногим. Она больна и больше не интересуется любовью. — Слова летели вместе со слюной. Она ударила себя кулаком в грудь. — Я главная в глазах Айфинга, или была главной, пока твое колдовство не украло его мозг. Ну что ж, ведающая чарами, прокляни меня, обрати в червя, которого можно раздавить сапогом, в собаку, чтобы я возила сани, в камень. Это будет лучше для меня, чем оставаться теперь в палатке Айфинга.

Я видела, что она говорит искренне. В своей ревнивой злобе она готова была к любым чарам, которые я, по ее мнению, могла навести, только бы не оставаться на своем месте и не видеть моего торжества над ней. Храбрость и отчаяние, ненависть, сжигающая ее, заставляли ее бросить мне вызов — мне, старшей особе, какой была я в ее глазах.

— Я не хочу Айфинга, — спокойно сказала я. Раньше я просто овладела бы ее мозгом, заставила бы ее поверить моим словам, теперь же я старалась внушить ей правду, но, кажется, с малым успехом. Она замолчала, обдумывая, видимо, мой ответ, и я поспешила воспользоваться тем маленьким преимуществом, которого достигла.

— Я ведаю чарами, как ты сказала. Я не завишу от доброй

воли мужчин, будь он вождь или простой воин. Это внутри меня. Ты поняла, девушка?

Я подняла руки к груди, приняв надменную позу Мудрых Женщин, которые носили ее с той же легкостью, как свои мантии и драгоценный Камень.

Ты спала с Айфингом, угрюмо сказала она. Глаза ее смотрели вниз, на открытый ящик и ожерелье, лежавшие между нами.

— Для блага племени. Ведь таков обычай. — Конечно, я могла бы полностью обезоружить ее, рассказав, что в действительности произошло этой ночью, но я решила, что этого делать не стоит. Умение хранить тайны — первая заповедь любого искателя знаний.

— Он придет опять! Он мужчина. Вкусив праздничную пищу, он будет голоден, пока не получит ее снова! — вскричала она.

— Нет, он не придет снова, — сказала я в надежде, что говорю правду. — Для тех, кто идет тропой власти, это правильно. Мы не можем спать с мужчиной и пользоваться нашими знаниями. Один раз — чтобы наша сила в какой-то мере перешла в вождя, но не более.

Она подняла на меня глаза. Злоба ее притупилась, но упрямство не исчезло.

— Голодного мужчину словами не накормишь. Они звучат в ушах, но не наполняют его. У тебя одни желания, а у Айфинга — совсем другие. Он сейчас как во сне.

Я напряглась. Неужели она угадала правду? Если так, то она может что-то сделать. Она наклонилась еще ниже.

— Скажи, каким колдовством пользуетесь вы, Мудрые, чтобы овладеть мужчиной, который всегда мыслил ясно, и его не смущали такие вещи?

— Я этого не делала.

Но так ли это? Я действовала быстро и, может быть, не слишком ясно думала, когда наводила чары на Айфинга. Если что-то случилось, у меня теперь был ответ. Я сжала край плаща, в котором была спрятана колючка.

— Будь спокойна, Айлия, если он случайно попал под чары, я быстро сниму их.

— Я поверю тебе, когда у Айфинга снова станут ясные глаза, и он придет в мою постель такой же нетерпеливый, каким был две ночи назад, — сказала она откровенно. Видимо, она все-таки поверила. Затем она встала.

— Покажи мне, Мудрая Женщина, что ты не враг мне... и всем нам! — Она повернулась и вышла. Когда я удостоверилась, что она ушла, я опустила полотнище у входа и привязала его к внутреннему шесту. При опущенном полотнище входить не полагалось. У меня не было служанок, как у Утты, не было и учениц, но я все-таки действовала осторожно, боясь, что кто-нибудь подсматривает. Я раздула угли в жаровне, положила туда несколько сухих поленьев без коры и немного сухих трав. Когда за клубился ароматный дым, я сунула колючку в самый центр

огня с сожалением, потому что у меня не было другой, если понадобится. Но Айлия была права: если Айфинг так твердо держит меня в своих мыслях, надо побыстрее разбить связующий сон. Это сработало: вождь не приближался ко мне, и никакие другие посетители меня не беспокоили. Вероятно, в их мозгах зашевелилось что-то другое. Я считала, что они обосновались тут, в тепле, хотя бы до конца зимы, но тепло — не главное. Встал вопрос о дичи, которая все реже встречалась поблизости. К тому же, этому народу была свойственна непоседливость, им быстро надоедало любое место, даже обещавшее легкую жизнь.

Предоставленная самой себе — если не считать того, что каждое утро к моей двери приносили пищу и топливо — я проводила целые часы, пытаюсь с помощью вещей Утты больше вспомнить о том, что могло помочь мне. Рано или поздно — скорее всего, рано — Айфинг и его люди придут просить моего предвидения. Конечно, я могу притвориться провидицей, но ведь это настоящий обман! Это предательство Власти — претендовать на то, чего нет! Я не смею этого делать, потому что рискую потерять и то малое, чего мне удалось достигнуть. Все мои попытки заняться предвидением оставались тщетными, усилия с поисковым лучом тоже ни к чему не привели. Может, есть что-нибудь другое, относящееся к Власти, что может помочь мне? Наконец, я наткнулась на это другое, аккуратно завернутое, лежавшее на дне сундука Утты, как нечто давно забытое. Я достала это и стала рассматривать. Это была вещь, которой пользуются ученицы в Месте Тишины, детская игрушка по сравнению с более сложными и лучше подготовленными помощниками, но теперь я снова стала ребенком в этих делах, и это лучше, чем ничего! Придется смириться и пользоваться тем, что есть. Это была деревянная доска с тремя вертикально вырезанными рядами рун. В первом ряду виднелись следы красной краски, теперь едва заметной, золотые, слегка поблекшие линии во втором, а третий ряд был очень темным, можно было лишь догадаться, что когда-то он был окрашен в черный цвет. Если я смогу делать эту работу, пусть в малой степени, то я отвечу на вопросы Айфинга, не прибегая к обману. Оставалось попробовать, как насчет моего собственного вопроса, на который я так жаждала получить ответ? С чего начать?

Кайлон! Кимок! Я закрыла глаза, представила их себе, самых близких моему сердцу, моих «вторых я», и чуть слышно запела слова, такие древние, что значение их утратилось, но звучание собирало некоторую энергию. Положив доску на колени и держа ее правой рукой, я коснулась ее гравированной поверхности пальцами левой руки и повела их сверху вниз сначала по красному ряду, потом по золотистому, а затем — насильно заставляя их двигаться — по черному. Я три раза повторила эту процедуру. И ответ пришел. Пальцы неожиданно остановились на неровной поверхности, словно погрузились в нее и тоже стали деревянными. Я открыла глаза, чтобы прочесть сообщение. Золото! Если можно верить, золото — жизнь, и не просто жизнь, а хорошо

устроенная для тех, кого я так старалась достичь. Как только я в это поверила, прикосновение к доске сразу же стало слабее, и я смогла убрать пальцы. Тяжелый груз, который я носила, спал с меня. Я не могла не верить, что все прочла правильно! Ну, теперь насчет моего собственного будущего. Бегство... Как? Когда? Это было сложнее. Я не могла составить четкую картину в мозгу, как делала это относительно братьев. Я могла только построить сильное желание очутиться где-то в другом месте и ждать ответа. Снова мои пальцы прилипли, на этот раз почти у самого низа красной колонки. Значит, бегство возможно, но сопряжено с опасностью, и произойдет не очень скоро.

В полотнище моего входа кто-то поцарапался.

— Ясновидящая, мы идем, — раздался голос Айфинга.

Неужели моя контрмагия потерпела неудачу? Нет, если бы он пришел, как муж, он не назвал бы меня так и не стал бы ждать снаружи.

— Тот, кто идет, может войти, — ответила я формулой Утты. Я сдернула полотнище с кола. Айфинг был не один: за ними шли три воина, главные члены племени, действовавшие в качестве неофициальных советников. В ответ на мой приветственный жест они опустили на колени и сели на пятки передо мной.

— Мы должны идти. Нужда в мясе...

— Так, — согласилась я. Затем я снова применила формулу Утты: — Куда направится народ?

— Мы пришли спросить об этом тебя, ясновидящая. Мы желали бы снова идти на восток ниже берега моря, где был наш дом до того, как по воде пришли убийцы. Не принесет ли это нам зло?

Так и есть, просьба о предвидении, а у меня только доска и пальцы. Придется сделать возможное и надеяться на лучшее. Я взяла доску. Они уставились на нее с удивлением, как на что-то новое.

— Разве ты не смотришь в шар Света? — спросил Айфинг. — Утта всегда...

— У тебя то же самое копье, тот же меч, что и у Туана, стоящего рядом с тобой? — спросила я. — Я не Утта, и не пользуюсь тем же оружием, каким пользовалась она. — Видимо, это показалось им логичным, потому что они только жестикулировали, но вопросов не задавали. Я закрыла глаза и постаралась как можно яснее представить себе путешествие. Но тут тоже было трудно нарисовать мысленный образ. В конце концов, я решила, что для лучшего результата надо фиксировать внимание на себе. Вот в этом и была моя ошибка. Я пробежала пальцами по доске, и они быстро остановились. Я открыла глаза. Пальцы находились на середине правой колонки.

— Такое путешествие перед нами, — сказала я. — Есть некоторая опасность, но не самая большая. Предупреждение не сильное.

Айфинг удовлетворенно кивнул.

— Пусть будет так. Вся жизнь состоит из опасностей того или иного рода. Но у нас есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы

слышать, и есть разведчики, которые отлично пользуются тем и другим. Значит, на восток, ясновидящая. Мы двинемся через два дня на заре.

Глава 7

Мне не хотелось ехать на восток, все дальше от той части Эс-кора, которая так много значила для меня. Даже если бы я сейчас могла разбить рунные цепи и убежать, между мной и Долиной лягут многие лиги неизвестной земли, полной ловушек, хитрых и умных. Но магия Утты не оставила мне выбора, и, когда Вупсалы выступили, пошла и я. Я старалась лишь запомнить дорогу для будущего. Пока мы жили возле горячих источников, мы, вернее, я, забыли о зиме. Выйдя оттуда, мы шагнули из начала лета в середину зимы. Сани и собаки Утты ушли вместе с ней, но Айфинг, согласно обычаю, обеспечил меня и новыми санями и двумя хорошо выдрессированными собаками и прислал ко мне служанку своей старшей жены, чтобы она помогла мне собраться. У меня еще не было служанки из племени, и я не просила о ней, потому что не хотела шпионских глаз, когда собралась овладеть былыми способностями. Но теперь я видела, что Висма и Аторфи избавились от большой работы. А поскольку возня с палатками была для меня внове, мне пришлось просить кого-то в помощь. Как ни мало было племя, в нем были касты, установленные очень давно. Некоторые семьи были свободны от приказов Айфинга и других лидеров, другие же семьи повиновались. Самые низшие, такие, например, как Висма, были пленными или их потомками. Я смотрела на эти семьи с новым вниманием, когда мы поехали, и поглядывала на девушку, которую могла бы взять в свою палатку. Мой выбор колебался между двумя женщинами. Одна была вдова, живущая в палатке сына. У нее было тупое, попорченное временем и обстоятельствами лицо, и двигалась она почти так же, как рабы Колдеров по рассказам моей матери. Я не думала, что любопытство все еще живет в ней, и решила, что она, по всей вероятности, будет честна со мной, если я возьму ее из палатки, где она смиренно делала всю тяжелую работу. Другая была молодая девушка, казавшаяся довольно послушной. У нее была искалечена нога, что, по-видимому, не мешало ей в работе, но лишало надежды на замужество, разве что ее взяли бы третьей женой, то-есть, более служанкой, чем супругой. Но, возможно, она была для меня чересчур сообразительна. Я уже научилась вести собак голосовыми командами, к которым их приучили со щенячьего возраста, и, как только все было уложено на сани, я заняла свое место в цепочке сразу же за санями домочадцев Айфинга. Мужчины выстроились с флангов, охраняя тяжело груженные сани, а иной раз и прикладывая силу, чтобы подтолкнуть их. Но мы недолго шли по песку, жаре и камням, поднявшись вскоре по склону в лед и снег другого мира. Когда собакам стало легче тянуть сани, наш эскорт отошел к

основной массе путешественников, сделавшись защитной преградой для нас на случай нападения. Мы снова ехали по пустынной стране, где не было признаков прежних поселений, какие легко замечались в западной части Эскора. Я снова удивлялась этому. Ведь эта местность, даже несмотря на зимние штормы, казалась пригодной для огородов и ферм и могла хорошо кормить население. Но нам не встречались ни следы полей, ни развалины, свидетельствовавшие, что здесь когда-то были земли и замки Древних.

На второй день путешествия мы пришли к реке. На ней лежала корка льда и только в самой середине тянулась широкая, темная полоса. Здесь я впервые заметила, что мы не в дикой местности: через реку был перекинут мост, его опоры все еще стояли, но в середине их не было. С каждой стороны у моста стояло по две защитные башни, достаточно большие, чтобы разместить в них гарнизон. Одна из башен была нетронута, а три остальные сильно пострадали, покосились, и у них отсутствовали крыши и часть стены. На нашем берегу между двумя башнями стояла каменная арка с так глубоко вырезанным на ней узором, что его можно было разобрать. Этот символ я уже видела в рунных свитках Утты — перекрещенные меч и жезл. На другом конце моста снег лежал ровно и гладко, что указывало на наличие мостовой или хорошей дороги. Но племя сочло неосторожным воспользоваться этим преимуществом. Хотя я и не заметила на рунах ничего от Теней, мы сделали большой крюк, чтобы не приближаться к этим покосившимся стенам. Видимо, Вупсалы давно усвоили, что такие места могут оказаться ловушкой для неосторожного, и принципиально избегали всевозможных остатков прошлого. Я смотрела на мост и этот намек на дорогу и гадала, куда она ведет или вела когда-то, и что означают эти символы на воротах. Я же считала, что этот символ имел не рунное значение, а был когда-то геральдическим девизом народа или семьи. В Эсткарпе давно уже не употребляли таких опознавательных знаков, но некоторые из Старой Расы, бежавшие от колдеровской резни в Карстен или в пограничные районы, пользовались ими. Реку мы не переходили, а на этой стороне, похоже, не было и следа дороги. Мы шли параллельно реке, которая текла сначала на восток, а затем повернула к северу от теплой долины. Я подумала, что эта река впадает в восточное море, которое искали мои спутники.

В конце концов, я выбрала себе помощницу в палатку и при нашей второй остановке на ночлег спросила Айфинга, могу ли я взять к себе вдову Вахаи. Он тут же дал согласие. Вероятно, первая жена сына Вахаи была не слишком довольна, потому что Вахаи, несмотря на внешнее тупоумие, была прекрасной работницей. Как только она занялась моей палаткой, все пришло в тот же порядок, каким окружали нас женщины Утты. Она не проявляла никакого интереса к моим занятиям магией, завертывалась в свое покрывало и храпела всю ночь. Я научилась не обращать на нее внимания, когда искала ключ от своей тюрьмы. Я

вела этот поиск с возрастающей интенсивностью, потому что чувствовала предзнаменование грядущей опасности. Это предупреждение повисало надо мной всякий раз, когда я собиралась посоветоваться с доской, но она всегда успокаивала меня. Дело в том, что я снова сделала большую ошибку, спрашивая только о себе, ошибку, о которой до сих пор жалею. Наш курс вдоль реки вывел нас к морю. Под зимним небом это место было голым и неприятным. Ледяной ветер проникал в каждое отверстие плаща и туники. Но племя искало именно это место, и люди ходили под ветром с таким видом, словно были в ссылке и теперь вернулись домой. Дальше по берегу были развалины, которых не было видно, когда мы ехали. Основной массив лежал на мысе, глубоко врезавшемся в угрюмое металлически-серое море и небо. Что это было — укрепленный замок, городок, окруженный стенами, или башня наподобие тех, что Салкары строили на побережье Эсткарпа — с такого расстояния нельзя было определить. А Вупсалы хранили это расстояние. Лагерь их находился в середине бухты, в которую впадала река, а развалины были на северном мысе за внутренним изгибом в нескольких лигах и иной раз скрывались туманом.

В первый раз я увидела, что Вупсалы пользовались остатками чужих построек: тут были широкие каменные стены высотой по пояс, видимо, остатки городка, где когда-то высадились с кораблей люди Старой Расы. Наши палатки в сочетании с этими стенами дали нам лучшее жилье и больше тепла, что я особенно приветствовала. Я заметила, что племя хорошо знало этот участок и много раз тут бывало, потому что каждые сани подъезжали к определенному ограждению, как к своему дому. Вахаи, не ожидая моих приказаний, отвела наших собак к одному из отгороженных мест, последнему уцелевшему, расположенному к северу от остальных. Вероятно, это было место Утты, когда она бывала здесь. Я согласилась с выбором Вахаи: это место отвечало моим намерениям, так как находилось в стороне от остальных. Я помогла Вахаи сообразить, каким образом можно использовать стены для палатки. Затем она сделала веник из веток и вымела песок и всякие обломки, и у нас остался чистый и гладкий пол из квадратных плит. В одном конце жилища был очаг, который мы немедленно разожгли. Когда мы закончили устраиваться, я нашла, что здесь много удобнее и уютнее, чем было для меня в других местах после Зеленой Долины. Я грела руки у огня, пока Вахаи готовила ужин, и думала о людях, строивших этот дом, остаток которого укрывает нас теперь, и давно ли строители оставили деревню во власть песку, ветру, дождю, снегу и сезонным визитам кочевников. Не было никакой возможности подсчитать время с тех пор, как Эсмор впал в хаос, а остатки Старой Расы бежали на запад, в Эсткарп. Однажды я с помощью братьев дала рождение домашнему духу и послала его в прошлое узнать, что случилось с прекрасной страной, попавшей в западню Теней. Мы видели глазами этого ребенка от моего разума историю того, что произошло, каким образом приятная,

приличная жизнь была сломана и разорена жадными, безрассудными людьми, искавшими запретного знания. Годы мы не могли подсчитать, но, конечно, не меньше столетия легло между нашим сегодняшним огнем в очаге и первым, загоревшимся на этом месте.

— Это очень старое место, Вахаи,— сказала я.

Она встала на колени рядом со мной и поставила на огонь котелок с длинной ручкой, которым мы пользовались на лагерьных кострах.

— Ты много раз бывала здесь?

Она медленно повернула голову и слегка нахмурилась, как бы стараясь придумать или подсчитать, хотя система счета у нее и ее народа была примитивной.

— Я помню, когда я была маленькой,— начала она тихим голосом с паузами, будто говорила так редко, что ей приходилось искать слова,— и моя мать помнила тоже. Мы очень давно были здесь. Это хорошее место. Здесь много мяса, а в море рыба жирная и вкусная. И еще есть ягоды, которые можно сушить. Мы собирали их после первых морозов. Это очень хорошее место, когда нет рейдеров.

— Там есть много камней.— Я указала на север.— Ты там была?

Она судорожно вздохнула и переключила все свое внимание на котелок. Несмотря на ее явное нежелание отвечать, я продолжала расспросы. Было что-то в ветре и воде, штурмовавших нас, что запало мне в мозг.

— Что там за место, Вахаи?

Она чуть заметно дернула плечом и испуганно отвернула голову.

— Вахаи! — Я и сама не знала, почему настаиваю на ответе, но чувствовала, что должна получить его.

— Это странное место.— Она запинаясь то ли от страха, то ли ее тупой мозг не мог подобрать слов.— Утта однажды ходила туда, когда я была еще девочкой. Она вернулась и сказала, что это место Власти, оно не для тех, кто не из Мудрых.

— Место Власти,— повторила я задумчиво. Но какой Власти? В некоторых местах этой несчастной страны были омуты зла, оставленные живущими там или проходившими мимо Тенями, а были и бастионы, в которых такие, как я, могли найти поддержку и помощь. А если развалины в этом далеком от центра страны месте похожи на те убежища голубых камней, может ли посещение их укрепить то, чего я достигла? Но руины слишком далеко, и вряд ли рунные чары позволят мне идти туда. Время от времени я делала эксперименты, чтобы узнать, как далеко я могу отойти от племени, и расстояние это оказывалось небольшим. Допустим, я уговорю кого-нибудь сопровождать меня хотя бы только до границы того места, раз уж они боятся подойти близко, удлинится ли мой невидимый поводок настолько, чтобы я могла исследовать то место? Но если это жилище Теней, мне нечего и думать идти туда с моей хилой защитой. Как жаль, что Утта

не оставила никаких записей о своем пребывании в племени. Но если бы даже она и начала такой отсчет, за столько лет все было бы похоронено. Живя среди людей, которые отмечали лишь немногие события, она, без сомнения, утратила свою меру времени. Я подумала о двух загадочных свитках в сундуке Утты. Может, они как раз из этой цитадели на мысе? А что, если эти руины и есть те самые, что я видела во сне? Свитков два, а я использовала только один, когда видела мага, открывавшего ворота. Нет ли в другом свитке какого-нибудь секрета, который даст мне то, что я хочу — свободу? Меня охватило нетерпеливое желание произвести такой опыт снова — постараться увидеть сон и взять из него нужное знание. Но я призвала в помощь крепко вколоченную в меня дисциплинированность. Хотя я была почти уверена, что Вахаи нелюбопытна и тугоумна, но такое сновидение может вызвать человека из его тела в пространство, а я не хотела иметь свидетелей.

Я употребила тот же прием, что и с Айфингом — приготовила с помощью трав Утты приятный напиток. Вахаи удивилась, что я угощаю ее такой роскошью, и я упрекнула себя, что не сделала этого раньше. Надо сделать что-нибудь для нее, и сейчас самый подходящий момент. Когда она уснула, я соткала для нее сонные чары, которые дадут ей радость, какую она желает, и оставят эту радость в ее мозгу. Затем я наложила чары на нашу дверь, чтобы никто не вошел, разделась, прижала второй свиток к груди и уткнулась лицом в его верхний конец, открыв свой мозг. Снова хлынула волна, непонятная, слишком запутанная для меня. Если бы я имела время разобраться в ней, я, вероятно, получила бы очень многое, но я была в положении человека, перед которым выпали груды драгоценных камней и велели за короткое время выбрать камни одного вида, так что мне пришлось торопливо выбирать все изумруды, откидывая в сторону рубины, сапфиры и перлы, такие прекрасные, что я жаждала иметь их. Мои «изумруды» я выхватывала то здесь, то там. Эти кусочки и обрывки оказались для меня, когда я проснулась, неизмеримо дороже любых драгоценностей.

Я спрятала свиток в контейнер и оглянулась на Вахаи. Она лежала на спине и улыбалась. Я ни разу не видела такой улыбки на ее тупом лице. Когда я накинула плащ на свое дрожащее тело и вытянулась, чтобы подкинуть дров в очаг, я снова подумала о том, что можно сделать для моей компаньонки. Небольшие чары могут дать ей возможность видеть хорошие, счастливые сны каждую ночь до конца жизни. Для того, кто хочет от жизни большего, чем спать и видеть сны, такой подарок стал бы проклятием, но сны для Вахаи, по-моему, будут благом. Я еще подкрепила свои мысленные приказы и сработала чары, а уж потом вернулась к тому, что должна была сделать этой ночью. Мои «изумруды» оказались истинным сокровищем. Как я и знала с самого начала, магия Утты была ближе к природе, чем к учению Эсткарпа, и ее связывающие руны были делом крови. Но, при некоторых обстоятельствах, кровь можно аннулировать кровью

же. Это болезненно и, возможно, опасно для меня, но я решила попробовать этот путь.

Я развернула циновку с рунами и провела рукой по тусклой поверхности. Руны вспыхнули. Затем я взяла длинный нож и воткнула его острие в вену. Из руки ударила сильная струя. Я взяла жезл, который обнаружила при первом осмотре сундука, обмакнула его кончик в кровь и аккуратно перекрасила каждую руну. Они перестали блестеть и потемнели. Несколько раз мне приходилось вводить нож поглубже, чтобы вышло больше крови. Закончив, я приложила к ране целебную мазь и вернулась к остальным чарам. Я не знала точно, какие именно силы Утта призывала для укрепления этих цепей, но знала, что противопоставили бы им Мудрые Женщины. Я назвала имена одно за другим, следя за свертыванием крови. Руны скрылись под ней. Когда я решила, что все готово, я скомкала циновку и бросила ее в огонь. Это было серьезное испытание. Если я сделала что-то неправильно, то заплачу жизнью за такое разрушение. Пока пламя лизало и пожирало циновку, мое тело корчило, и я кусала губы, чтобы не кричать от сжигающей меня агонии. Я в кровь искусала губы, но выдержала и не вскрикнула, потому что это могло бы разбудить Вахаи. Я терпела и смотрела на циновку, пока та полностью не сгорела, а затем подползла к сундуку Утты и дрожащими руками смазала все тело мазью, задыхаясь от боли. Тело мое покраснело, словно не циновка, а я сама лежала в огне очага.

Так были разбиты чары, но сама я после этого была в таком скверном состоянии, что не могла уйти ни в этот день, ни на следующий. К тому же, надо было предпринять некоторые меры предосторожности, чтобы ни одна собака в лагере не унюхала мой след и не пустилась в погоню, когда меня хватятся. Вахаи встала на рассвете довольная и с обычной сноровкой принялась за свои обязанности, а на меня почти не обращала внимания, кроме тех случаев, когда подавала мне еду. Нашему одиночеству способствовал также туман, окутавший, словно облаком, наши руины, так что все сидели по своим палаткам. К вечеру мне стало лучше, и я уже могла двигаться, хотя и с трудом. Я занялась подготовкой к бегству. Мысль о развалинах на мысе крепко засела в моем мозгу. Утта была там, сказала, что это место Власти, и предупредила племя, чтобы не ходили туда, но она не сказала, что это злая Власть. Если я спрячусь там, то избежну преследования, и они припишут мое исчезновение действию магии и побоятся искать меня с собаками и следопытами. Я как-нибудь снова укроюсь и буду ждать хорошей погоды, чтобы снова пуститься в путь на запад. Пока я разбиралась в имуществе Утты, я размышляла о том, что все оказалось к лучшему, что я вышла благополучно из этого приключения. Конечно, я не получила обратно всего того, что потеряла из-за сотрудничества с Дензилом, но все-таки знала достаточно, чтобы не представлять угрозы для своих близких, и теперь могла спокойно вернуться в Долину. Я приготовила небольшой пакет целебных

трав и все, что нужно для чар, которые могут потребоваться для защиты в пути и, когда Вахаи легла спать, я собрала запас пищи, взяв то, что долго не портится и дает наибольшую силу и энергию при наименьшем объеме. Но с севера пришел шторм и бушевал три дня. Завывания ветра напоминали зовущие голоса, так что мы с Вахаи тревожно переглядывались, держась поближе к огню, в котором горели последние запасы топлива и немного трав. К концу третьего дня ветер утих. Вскоре послышалось царапанье в дверное полотнище. На мой оклик появился Айфинг. Он принес охапку топлива, вынесенного морем на берег, и рыбу с серебристой чешуей, при виде которой Вахаи радостно засопела. Освободившись от этих припасов и стряхнув снег со своих тяжелых мехов, Айфинг посмотрел на меня.

— Ясновидающая... — начал он. Он запнулся, не зная, как выразить свою просьбу. — Взгляни, какие дни ожидают нас. Такой шторм иногда приводил рейдеров...

Я взяла доску, и он присел на пятки в ожидании. Я спросила его, каков внешний вид корабля, которого она опасается, и его неуверенное описание дало мне мысленный образ салкарского корабля, какие я видела в детстве. Я подумала, что эти другие морские волки, возможно, той же крови, что и салкары. Держа в уме это изображение, я закрыла глаза и повела пальцами по доске. Пальцы быстро дошли до конца красной линии, спустились по золотой, а на третьей, зловеще-черной, остановились, как будто застряли в ямах. Я взглянула. Они закрепились так близко от верха линии, что я испуганно закричала:

— Опасность! Великая опасность... и очень скоро!

Он выскочил, не закрыв за собой дверное полотнище. Я отбросила доску и бросилась к двери. В начинавшихся сумерках я видела, как он идет между стенами развалин, время от времени останавливается у некоторых опущенных полотнищ и выкрикивает предупреждение. Скоро все пришло в движение. Слишком поздно! Айфинг неожиданно покачнулся и упал навзничь, выхватив меч, которым уже не сможет воспользоваться. Топор ударил его между шеей и спиной и взял его жизнь. Метательный топор — это тоже салкарская штучка. Айфинг еще падал, когда между низкими стенами собралось множество Теней. С другой стороны лагеря донеслись крики: видимо, рейдеры ворвались в некоторые палатки. Я повернулась к Вахаи, хватая приготовленный мною мешок.

— Беги! Рейдеры!

Она стояла и смотрела на меня с самым глупым видом. Я набросила на нее плащ, повернула к двери и вытолкнула перед собой. Упряжные собаки были выпущены из их общей конуры в центре лагеря и сражались теперь вместе с хозяевами. Я толкала и дергала Вахаи, понуждая ее идти со мной к северу. Некоторое время она шла, но потом вдруг резко закричала, как бы проснувшись, и оттолкнула меня. Прежде, чем я успела снова схватить ее, она уже бежала обратно, к центру свалки. Я оглянулась. Будь я такой, как Утта, с ее природными силами, я,

наверное, смогла бы помочь племени, но от меня им не было никакого толку.

Глава 8

Метель скрыла все, что происходило в лагере, а поднявшийся ветер заглушил крики. Временами я думала, что выбрала худшее из двух зол, когда убежала, потому что я полностью сбилась с пути. Я шла наугад, пока не наткнулась на едва заметный куст и отскочила. Это сказало мне, что я отошла от развалин и нахожусь в зоне начала растительности, маскирующей мою далекую цель. Этот кустарник был достаточно густым и высоким, чтобы скрыть меня, пока я пробиралась сквозь него, и я чуть не упала, как мне показалось, в колею. Колея была такой узкой, что я сочла ее тропой мелких животных. Она изгибалась и крутилась и явно не выглядела древней дорогой, поскольку человеческий род при строительстве дорог имеет привычку подчинять природу своей воле, а не смиряться с ее вывертами. Я была уверена, что чувство направления не окончательно покинуло меня и приведет к таинственному мысу. Наверное, лучше было бы идти на запад прямо от моря, но не в такую бурю, да еще с риском встретить рейдеров. Я считала, что строения не мысе будут для меня отличным укрытием. Я была так занята своим бегством и своим непосредственным будущим, что почти не думала о судьбе племени. Вообще-то они привыкли жить в постоянном кругу кровавых междоусобиц и нападений, но морские разбойники были худшими из врагов. Мужчины захваченного племени встречали смерть, женщины, если они были достаточно милovidными, могли стать младшими женами, а некрасивые — рабынями. В любом случае это была тяжелая жизнь, но они в ней родились. Я прожила свою короткую жизнь в поселке в постоянной войне: родилась во время смертельной борьбы с Карстеном, мои родители были на границе, откуда шла величайшая угроза, мои братья отправились сражаться еще до того, как на их подбородках появился слабый пушок. Я была вынуждена привыкнуть к самой различной борьбе. Мы с детства носили щит, и снимать его не разрешалось. Поэтому такое нападение не было для меня неожиданностью. Будь у меня моя прежняя сила, я обвела бы племя защитным кругом, прежде чем убежать. Я взяла бы с собой Вахаи, если бы она согласилась, и я с сожалением думала об Аусу. Но среди других членов племени не было никого, кому я была бы обязана, кого я должна была бы защитить.

Изнамывающаяся тропа неожиданно вывела меня к более широкой, пересекающей ее под углом. Я подумала, что под снегом тут дорога, ведущая к мысу, и свернула на нее. Вупсалы считали, что победа в сражении им обеспечена. Но вряд ли они станут искать меня. Поскольку я оказалась плохой пророчицей, меня могли бы преследовать из мести, но никак не для того,

чтобы просто вернуть к себе. Буря усилилась. Ветер не давал идти, пелена снега закрывала все вокруг. Тревога моя росла. Нужно было поскорей отыскать какой-то кров, иначе я упаду и буду занесена снегом. Скверный конец! С одной стороны дороги тянулся кустарник, между кустами что-то темнело. Я обнаружила, что это кучи камней, обломки какой-то постройки. В куче была впадина, и я вползла в нее. Это оказалось чем-то вроде пещеры, образованной несколькими упавшими стенами. Она дала мне ощущение безопасности, а снежный занавес скрыл меня в ней. Время и ветер нанесли в пещеру сухих листьев. Я вырыла себе в них гнездо и набросала на себя листьев сверху. Затем я занялась маленьким искусством, частично унаследованным от Утты: сжевала горсть трав и заставила мозг уснуть. Это не был настоящий транс, и я не решилась бы на него в таких обстоятельствах, но все же сродни ему. В этом состоянии холод почти не имел значения для моего тела, а спать я не могла, поскольку такой холод мог вызвать сон без пробуждения. Я сознавала, что лежу в темноте и кругом шторм, но это вроде бы не имело значения, так как я частично вышла из тела, оставив остальное спокойно думать. Не было сна, но не было и размышлений, потому что умственная активность могла бы разбить чары, поставленные мной как буфер между собой и внешними страданиями. Это было длительное и терпеливое ожидание, и тот, кто жил в Месте Тишины, знает, как держаться в подобном состоянии. К утру ветер стих. К отверстию моей норы нанесло снега, так что снаружи почти ничего не было видно, но все-таки было ясно, что буря прекратилась. Я вылезла из своего гнезда и достала немного сушеного мяса, растолченного и спрессованного. Его надо было сосать, а не жевать, чтобы не сломать зубы. Взяв кусок в рот, я надела заплочный мешок и двинулась. Линию старой дороги отмечали только верхушки кустарника, торчавшие из снега. Пробираться к дороге по сугробам было крайне утомительно. Я запыхалась и устала. Я шла и вязла, скользила и падала.

Я чуть не умерла. Хорошо, что лед и снег, бывшие моим несчастьем, оказались тем же и моему врагу. Айлия, намеревавшаяся вонзить мне охотничий нож в спину, поскользнулась, толкнула меня, и мы обе скатились в сугроб. Я вылезла из него как раз вовремя, чтобы встретить ее нападение и выбить нож из ее руки, а в следующий момент — вообще сбить ее с ног. Нож пропал в глубоком снегу, но она бросилась на меня с кулаками, и я защищалась, как могла. Хороший удар по голове снова уложил ее, и на этот раз я встала на нее коленями, а она визжала, плевалась и скалила зубы, как дикий зверь. Я собрала остатки своей воли и направила ее на нее, и она, в конце концов, успокоилась и лежала тихо, но в глазах ее горела ненависть.

— Он умер! — сказала она. — Ты убила его!

Неужели Айфинг так много для нее значил? Я была удивлена. Видимо, я всю жизнь полагалась на мысленную речь и не научилась судить о людях по другим признакам, как судят те, кто не

имеет способностей к мысленному общению. Я думала, что Айлии нравится ее роль второй жены, даже можно сказать — почти первой, а не сам вождь. Значит, я ошибалась в Айлии, и настоящая скорбь погнала ее выследить ту, которая, по ее мнению, была виновна в смерти ее мужа в большей степени, чем рейдер, кинувший в него топор. Ненависть не рассуждает, и если Айлия перешла границу, где ее могла достичь моя логика, то я взвалила на себя груз, с которым не знала, что делать. Я не могла ни убить девушку, ни оставить ее здесь. Возвращаться в племя я тоже не собиралась. Оставалось единственное, очень неприятное решение — идти дальше с нежелательной пленницей...

— Я не убивала Айфинга,— сказала я, стараясь подействовать на ее мозг.

— Ты виновата. Утта была щитом, она правильно предсказывала. Он думал, что и ты будешь делать так же. Он надеялся на тебя.

— Я никогда не говорила, что у меня власть Утты,— возразила я.— Мне не оставили выбора...

— Ну, да! — воскликнула она.— Ты хотела уйти от нас, вот ты и позвала рейдеров, чтобы скрыться самой, пока они пускают в ход мечи! Ты черное существо!

Ее слова резали меня, как острым лезвием. Я всего лишь хотела убежать из племени. Неужели я бессознательно предала их? Не для того ли я посоветовалась с отвечающими рунами, чтобы сделать племя беспомощным? Дензил служил Теням, и под его влиянием я близко подошла к таким поступкам, из-за которых могла бы быть проклятой навечно. Неужто на мне осталось пятно, и оно толкнуло меня на такое холодное решение, в каком обвиняет меня Айлия? Я была так счастлива, получая снова свою Силу — для собственной выгоды, как я теперь выяснила. А в этих вещах существует равновесие. Добро, употребленное во зло, становится злом и растет, как снежный ком, так что в конце концов уже нельзя призвать добро — приходит только нечто, искаженное Тенями. Неужели я до сих пор ношу в себе, то, что все мои поступки всегда будут вредить другим? Но ведь имеющий Власть вынужден пользоваться ею. Это естественно, как дыхание. Когда я была лишена Власти, я была призраком, оболочкой, идущей по жизни, не чувствуя и не касаясь ее. Чтобы жить, я должна быть собой, должна иметь то, что дано мне от рождения. Но если это сделало меня чудовищем, несущим с собой обрывки Теней?

— Я хотела быть свободной,— сказала я ей. Я как бы искала ответа и для себя, и для Айлии. — Я могу поклясться Тремя Именами, что не замышляла вреда ни тебе, ни твоему народу. Утта держала меня в плену даже после своей смерти, благодаря своему искусству, и только потом я сумела разбить ее чары. Ты сама подумай: если бы тебя захватили рейдеры и держали в лагере, как рабыню, разве ты не воспользовалась бы случаем, попавшим тебе в руки? Я не призывала на вас врагов и никогда не имела ясного предвидения, как Утта. Она не учила меня этому. Айфинг пришел ко мне как раз перед нападением рейдеров. Я читала от-

вечающие руны и предупредила его.

— Слишком поздно! — крикнула Айлия.

— Да, но это не моя вина, и я не вашей крови и не клялась служить вам. Я просто нуждалась в свободе.

Поняла она меня или нет — не знаю, но только в эту минуту до нас донесся зовущий металлический звук. Айлия напряглась под моими руками и завертела головой по снегу, утопанному нашей дракой.

— Что это? — спросила я.

— Морские собаки! — Она знаком призвала к молчанию, и мы прислушались. Справа, с запада, пришел резкий ответ. Значит, здесь было уже два отряда, и нас могли взять в кольцо. Я встала и поглядела вперед. Было уже достаточно светло, хотя день был пасмурный, впереди начинался мыс с развалинами, и я мысленно видела там много потайных мест. Чтобы найти нас там, понадобится целая армия. Я схватила Айлию за руку и поставила рядом с собой.

— Пошли!

Она вроде бы согласилась, но, сделав несколько шагов, поняла, что мы идем к тем строениям, против которых предупреждала их Утта. Вероятно, она убежала бы, если бы звук рога с запада не прозвучал еще раз, и гораздо ближе. А путь на восток преграждал колючий кустарник, через который только огонь смог бы проделать для нас тропу.

— Ты хочешь убить... — Она попыталась вырвать руку, но ей это не удалось, несмотря на ее варварское происхождение и привычку жить в постоянных войнах. Я держала ее. Звук рога раздался еще ближе. Бегство рождает страх. Как только мы начали свое отступление, страх возрос и поглотил все остальное. Айлия больше не протестовала, не вырывалась, а, наоборот, торопилась, потому что темные развалины обещали укрытие. По дороге я высказала убеждение, что такие развалины обыскать нелегко, так что преследователи, в конце концов, оставят нас в покое. Я добавила, что, хотя моя Власть много меньше Власти Утты, она все-таки достаточно сильна, чтобы предупредить нас о каком-либо темном зле. Я, правда, опасалась, хотя не сказала этого Айлии, как бы это место не оказалось полностью темным и не заперло нас, но ведь Утта ходила туда и вернулась, а Мудрая Женщина никогда не рискнет идти в яму Древнего Зла.

Дорога привела нас к двум воротам-башням. Их посты увенчивались фигурами устрашающего вида. Когда мы ступили между двумя столбами, на которых они скорчились, послышалось громкое рычание. Айлия вскрикнула и хотела убежать, но я встала против нее и встряхнула, чтобы часть ее страха ушла, и она смогла бы выслушать меня. С таким устройством я была знакома давно. Одни из ворот Ис Сити были снабжены таким же. Звук производился ветром, проходившим через определенным образом вырезанные отверстия. Не знаю, поверила ли она мне, но то обстоятельство, что я была невредима, а странные создания только ревели, но явно не собирались спускаться и нападать на нас,

успокаивало ее, и я снова потянула ее за собой. Как только мы прошли через ворота, в спешке уже необходимости не было, и я пошла медленнее, хотя и не останавливалась и не выпускала руки Айлии. В отличие от поселка, здесь не было развалин, но, как и в Ис Сити, было ощущение глубокой древности, будто столетия давили на массивные камни и вдавливали их глубже в землю. Камни не покосились, лишь покрылись патиной вечного и неизменного существования. Стены были очень толстые и, похоже, имели внутри пространство для прохода, закрытое с двух сторон решетками. Возможно, когда-то здесь жили стражники-нелюди, и для каждого было что-то вроде клетки. Затем мы вышли на мощеную дорогу, поднимавшуюся к высоким башням, окруженным кольцом стен. Скорее это все-таки был город, потому что между первыми воротами и замком в центре теснилось множество зданий. Они тарашили на меня мертвые глаза окон, разинутые рты дверей. То тут, то там между плитами мостовой торчали высохшие стволы деревьев. Снежные сугробы дополняли мрачную картину запустения. Строения были все одинаково серые, более светлые, чем в Ис Сити. Но над каждой дверью было пятно, обрадовавшее меня — ярко-голубое, как те камни в Эскоре, поставленные в защиту от окружающего Зла. Поскольку здесь была эта охрана, значит, когда-то она защищала тех, кто тут жил, так что, как я подумала, я могла бы войти без страха. Я убедилась еще в одном: эта улица, полого поднимавшаяся ко вторым воротам, была мне знакома, как будто я давно хотела пойти по ней и теперь почти забыла. Но как только мы дошли до ворот, и я увидела вырезанный в голубом камне символ — перекрещенные меч и жезл — я вспомнила. Этой дорогой я шла во сне, когда видела, как открыли ворота в другой мир. Теперь я не могла ни свернуть в сторону, ни освободиться, потому что нас тянуло вперед. Я услышала, как Айлия испуганно вскрикнула. Когда я обернулась, то увидела, что ее глаза застыли, и она идет, как под мысленным принуждением. На меня оно тоже действовало, но, видимо, не так сильно, как на нее. Я приняла это за притяжение Власти к Власти. По-видимому, тот маг, который когда-то работал здесь, оставил ядро энергии, которой невозможно было сопротивляться. Мы убыстряли шаг, входили в двери, шли по коридорам, проходили через комнаты и холлы все быстрее и быстрее. Мы почти бежали. Айлия не издавала ни звука.

Наконец, мы вошли в высокий зал. Он казался живым, а не мрачно мертвым. Здесь не так чувствовался груз бесчисленных лет, и здесь были знания и энергия, такая сильная, что, казалось, весь воздух напоен ею. На стенах еще сохранились украшения, висели ковры, хотя и потускневшие, но вытканые с таким искусством, что местами проглядывало то лицо человека, то морда чудовища с отчетливостью зеркального отражения. Можно было подумать, что ковры и есть зеркала, и в них отражаются создания, марширующие невидимо для нас и вечно глядящие на свое отражение на поверхности ткани. Здесь были сундуки с разными символами на крышках. Я узнала эти символы — они были запи-

саны на свитках. Кто знает, может быть, Утта как раз отсюда и взяла те два свитка. У меня было большое искушение подойти к ближайшему сундуку, открыть крышку и полюбоваться на такие сокровища, но я крепко сжала руку Айлии и медленно повела ее вокруг стен этого огромного холла, не рискуя выйти в чистую и пустую середину. Было достаточно светло, чтобы разглядеть рисунки, сделанные на цветных камнях или металлических полоках, которые покрывали большую часть стен. В пол были глубоко врезаны инкрустированные пентаграммы, магические круги, большие или меньшие отпечатки величайшей из магических фигур. Они лежали чуть в стороне от нашего пути вдоль стен. Но за этими символами — ключами к великому знанию — были неопределенные линии, нерезкие, как будто тот, кто шел к центру зала, продвигался и к знанию и не нуждался более в конкретных символах, как в гидах. Одни я мало знала, другие лишь немногим отличались от тех, которые я видела раньше. Здесь было что-то вроде школы для работников Власти, как Место Тишины. Но тут все было настолько больше, в неопределенных линиях ближе к центру читались такие намеки, что работавший здесь, наверное, смотрел бы на Мудрых Женщин, как на детей, делающих свои первые неуверенные шаги. Ничего удивительного, что здесь было ощущение продолжения жизни. Камни стен за коврами, камни под нашими ногами столетие за столетиями впитывали в себя радиацию Власти и теперь отражали то, что так долго проникало в них.

Мы отошли далеко от входных дверей, когда я заметила кресла, скорее троны, потому что они стояли на возвышении с тремя ступенями и были сделаны из голубого камня, с широкими подлокотниками и высокими спинками, на которых были вырезаны слабо светившиеся руны. На среднем кресле лежал жезл мага, будто ненадолго оставленный хозяином, пока тот куда-то вышел. Символ на спинке этого кресла был тот же, что и на воротах этой цитадели — жезл и меч. Это явно было кресло правителя здешних земель — человека или больше чем человека. Увидев кресло, я вспомнила детали своего сна. Маг сидел именно здесь, когда смотрел на появление ворот. Что же случилось потом? Может быть, он ушел через те ворота, чтобы посмотреть на другой мир? Легенды говорят, что так делали многие маги. Сон вспомнился так отчетливо, что я посмотрела на зеркало, ища след Ворот, но там был голый помост, на нем не было никаких символов, даже намек на них. Может, хозяин этого зала действительно дошел до такого совершенства, что не нуждался ни в чем для создания энергии?

Я подумала о Мудрых Женщинах и о Дензиле, представляющих высоты такого искусства. Если мне доведется когда-нибудь встретиться с хозяином этого среднего кресла, я буду против него, как Айлия или Вахан, потерянное, простое существо. Это было для меня новым ощущением, потому что, хотя я и потеряла большую часть того, что имела, я помнила, что было в моих возможностях раньше, а здесь я осознала, что все, чему я училась, было

лишь первой страницей самых простейших для Мастера Ворот рун. Поняв это, я вдруг почувствовала себя маленькой и усталой, испуганной, хотя зал и был пуст, и тот, перед кем я благоговела, давно исчез. Я взглянула на Айлию — она, по крайней мере, была человеком. Она стояла, опустив руки, там, где я ее оставила. Ее лицо было странно пустым, и во мне вспыхнуло беспокойство: разве не я привела ее сюда, в эту резиденцию Власти, которая все еще чувствуется и вредит ей, в то время как я со своими защитными силами могу не бояться? Может, я опять в своем упрямом эгоизме сработала для Зла? Я обняла ее за плечи, заглянула в глаза и коснулась мозга. Нет, тут было не повреждение, чего я опасалась, а нечто вроде сна. Я подумала, что этот сон — ее защита, и он, вероятно, будет продолжаться, пока мы останемся здесь, но вообще-то нам пора было уходить, пока эта просачивающаяся старая Власть не накопилась и не обратила нас в рабов. Но оказалось, что уйти — все равно, что пробиваться против течения, которое несло нас в противоположном направлении. Я с тревогой обнаружила, что здесь действительно поднялся невидимый поток, кружившийся вокруг третьего кресла, как будто его целью было то место, где во сне я видела Ворота. Айлия с готовностью поддавалась этому течению, прежде чем я сообразила, что нам грозит реальная опасность. Я вцепилась в Айлию, оттаскивая ее назад, но она вырывалась, и ее невидящие глаза усталились в пустой центр зала. Свободная рука ее взметнулась, пальцы как будто бы нащупали невидимую опору, чтобы ухватиться за нее и вырваться из моих рук. Я воздвигала себе мысленную охрану. У меня не хватило сил, чтобы защитить оба наши мозга, но, если я смогу удержаться, то я, конечно, удержу и Айлию, и мы выйдем из холла. Я думала, что за его пределами мы будем в безопасности. Но пока что я могла только удерживаться против потока, а Айлия рвалась все сильнее, пока мы обе не оказались позади среднего кресла, и я положила руку на его высокую спинку. На сиденье лежал жезл. Не схватить ли его, когда мы пойдем мимо? А что это мне даст? Такие жезлы Власти были оружием, они управляли лучами, нужными для колдовства, но они также были собственностью только одного, своего хозяина. Чего я достигну, если попытаюсь пользоваться им? Однако, этот жезл столь резко запечатлелся в моем мозгу, что я поняла: он имеет для меня какое-то великое значение, о чем я пока и не догадываюсь. Теперь мы были на уровне сидения. Я должна взять жезл, пока меня не оттащили, потому что Айлия снова начала вырываться, и скоро мне придется держать ее обеими руками. Я поколебалась секунду, но потом воспользовалась случаем. Я резким движением подтащила Айлию к креслу, вскочила на первую ступеньку помоста и левой рукой схватила конец жезла.

Глава 9

Схватив жезл, я чуть не выронила его: он был таким холодным, что обжигал руку, как замерзший металл. Но я все-таки не

выпустила его — не могла, потому что он держал меня крепче, чем я его. В ту же минуту Айлия вырвалась из моей руки и бросилась вперед, затем вдруг споткнулась и упала на колени. Видимо, ее вес освободил какой-то источник, находившийся на этом месте, потому что вверх брызнула вспышка и, как в моем сне, появились Ворота из световых линий.

— Айлия! — закричала я. Мой крик ничего не значил для ее околдованного мозга. Она торопливо поползла на коленях через этот жуткий портал. Я видела холл за этими Воротами, но Айлия исчезла, как только поползла под аркой. Сжимая жезл, я бросилась за ней, решив, что ни одна жизнь больше не должна пропасть из-за недостатка моего внимания или мужества. Было ощущение разорванности, не боли, а скорее отвратительной дезориентации, потому что я прошла через какое-то пространство, через которое человеческое тело никогда не проникало. Затем я покатила по твердой поверхности и застонала от боли, которую получила в этот короткий промежуток времени — или вне времени.

Я села. У меня кружилась голова. Я услышала стон — не свой — и с трудом огляделась. Рядом с каким-то высоким предметом кто-то скорчился и кричал. Я подползла к Айлии и подняла ее голову. Глаза ее были закрыты, тело судорожно вздрагивало, а голова безостановочно вертелась из стороны в сторону, как у больного в сильном жару. И она все время вскрикивала. Я не раз слышала, как мой отец пришел в Эсткарп через подобные Ворота. На другой стороне он обнаружил два столба, отмечавшие вход в Тор Мурс. Когда он и моя мать выступили против сил Колдера, те Ворота тоже имели отметку в обоих мирах. Но тут, вероятно, вход был где-то в другом месте, потому что я ничего не видела, кроме открытого пространства. Здесь был день, но пасмурный. В то время как Эсмор был одет в снег и лед, по эту сторону исчезнувшей двери было так душно, что я закашлялась, и из глаз моих полились слезы. Воздух, казалось, был наполнен невидимым дымом. Растительности не было. Земля и небо были одинаково серыми. В песке, казалось, никогда не укоренялось ничего растущего. В некоторых местах были наносы пыли, похожей на золу. Возможно, здесь пронесся большой пожар. Я посмотрела на столб, возле которого лежала Айлия. Он был выше человеческого роста. Он не был ни обожженным древесным стволом, ни каменным, а, похоже, металлическим, вроде фермы моста или опоры, и весь в оспинах и чешуйках, как будто что-то в резком воздухе постепенно разрушало его. Может быть, он отмечал Ворота с этой стороны? Нет, он стоял слишком далеко от места, где мы вошли. Я устроила Айлию на земле, положив ей под голову свой заплечный мешок, затем, шатаясь, встала и увидела на земле что-то блестящее. Это лежал жезл. Он был такой белый на унылом сером песке, что подходил на луч света. Я с трудом наклонилась и подняла его. Ледяной холод исчез, он теперь был похож на любой другой жезл. Я бережно уложила его в складки своего кушака и затем медленно обернулась в надежде увидеть Ворота. Песок поднимался пепельными дюнами, и все они были настолько одинаковыми, что заблуж-

даться здесь было проще простого, и никаких ориентиров, кроме облупленного столба. Когда я встала перед ним и посмотрела вдаль, я увидела на некотором расстоянии другой такой же столб, почти на одной линии с первым.

Айлия зашевелилась и приподнялась. Я заторопилась к ней. Глаза ее по-прежнему были пустыми. Она затерялась в какой-то внутренней пустыне. И я не могла до нее добраться. Она встала, придерживаясь за столб, и повернулась в направлении второго, то наклоняя слегка голову, то поворачивая ее в сторону как будто принимаясь к знакомому запаху, а затем уверенно качнулась в сторону второго столба. Я схватила ее за плечо. Она, видимо, не узнала меня, но с удивительной силой вырвалась, повернулась и вдруг так резко толкнула меня, что я от неожиданности покати-лась на песок. Когда я поднялась на ноги, она уже бежала. Я бросилась за ней, хотя мне очень не хотелось уходить отсюда, не осмотрев это место как следует. Я боялась поверить, что Ворота окончательно пропали, и у нас нет надежды вернуться. За вторым столбом стоял третий, и Айлия направилась к нему, но мне казалось, что ее ведут не столбы, а невидимое принуждение. Мы миновали шесть таких столбов, тоже изъеденных, как и первый, и вышли из песчаных дюн в совершенно иное место. Здесь была высокая пожелтевшая трава. Линия столбов продолжалась, только теперь они стали выше. Два из них оплавилась, и на них висели застывшие капельки металла. Вокруг них была та же трава и какие-то неприятные кусты с пурпурными стеблями и темно-красными волокнами, болтавшимися на кончиках листьев; они выглядели какими-то плотоядными, и я не имела желания рассмотреть их поближе. За оплавленными столбами шла дорога. В противоположность столбам, она казалась проложенной совсем недавно. Она была гладкой и тускло черной. Айлия шагнула на нее и остановилась, покачиваясь, но смотрела не на дорогу, а вперед. Наконец, я ее догнала и схватила за плечи. На этот раз она не напала на меня. Мне не нравилась эта дорога, и я не хотела идти по ней. Пока я стояла в нерешительности, я услышала звук. Он быстро приближался, как будто что-то несло к нам на большой скорости. Я навалилась на Айлию и упала вместе с ней на твердую землю, надеясь, что наша темная одежда сольется с серо-коричневой почвой. Что-то промчалось по дороге с такой скоростью, что нельзя было толком понять, что же это такое. Конечно, это было не животное, у меня создалось впечатление, что это какой-то цилиндр, вероятно, металлический, который даже не касался поверхности дороги, а скользил на высоте, равной длине моей руки. Он пролетел и исчез вдаль, оставив струю воздуха, поднявшую пыль. Интересно, видели нас или нет? Во всяком случае, те, кто управлял этой машиной, не побеспокоились остановиться. Впрочем, вряд ли они могли это сделать на такой скорости. Но как эта штука могла мчаться, не касаясь земли, хотя она явно следовала по дороге? Колдеры делали машины. Может, мы попали в мир Колдеров? Если так, то мы в большой опасности, потому что Колдеры превращают своих рабов в живых

мертвецов, каких человек в здравом уме не может себе даже представить. В моем мешке было очень мало еды и совсем не было воды, потому что я предполагала путешествовать там, где есть реки и хотя бы снег. А здесь едкая атмосфера и сухое дыхание ветра вызывали жажду, и рот у меня запекся, будто я съела пригоршню золы. Чтобы сохранить жизнь, нам нужны были пища и вода. Судя по виду местности, мы здесь не найдем ничего такого, и, значит, придется рискнуть и идти по этой дороге в том направлении, куда унеслась та штука. Я протянула руку Айлии, но она уже сама повернулась в ту сторону и пошла по обочине дороги. Я двинулась следом.

Мы увидели это издалека. Когда я видела башни Ис-Сити и неизвестную цитадель на восточном мысе, я удивлялась великой работе человеческих рук. Но нельзя было поверить, что увиденное нами сейчас сделано человеком. Башни — если это были башни — поднимались к облакам, а внизу было совсем немного строений. От башни к башне тянулись кружевные пути, будто строители вели дорогу высоко в небе. Все это было такого же серо-коричневого цвета, как и земля. Башни как бы выросли сами благодаря какой-то фантастической культивации. Однако, у них был металлический блеск. Дорога привела нас прямо к подножию одной из башен. Мы увидели такие же дороги от других башен. Однажды я видела паутину зиз-пауков с ее плотной серединой и множеством радиальных нитей для прикрепления и сейчас подумала, что если бы можно было взглянуть на этот комплекс с высоты, он, наверное, выглядел бы паутиной зиз-паука — мысль явно неприятная, потому что таких охотников, как зиз-пауки, следует избегать. Я облизала сухие, потрескавшиеся губы. Айлия была не в лучшем состоянии. Она снова застонала, как тогда, когда мы только что прошли Ворота. Вероятно, нам придется войти в эту металлическую паутину, чтобы отыскать воду. Снова раздался предупреждающий звук. Я опять пригнула свою спутницу к земле. Механизм пронесся, но не над дорогой, по которой мы шли, а в стороне. Я встала и увидела еще какое-то темное пятно в небе, росшее с каждым ударом моего испуганного сердца. Это была не птица. Но ведь отец рассказывал, что и в его мире люди строили машины, как Колдеры, и летали на них по небу. Не попала ли я в мир моего отца? Но он никогда не говорил о таком городе или о местности, засыпанной пеплом и песком. Вещь в небе все увеличивалась, а затем зависла между двумя башнями. Я увидела платформу, более плотную, чем кружевные дороги, которая обеспечивала проход между вершинами башен. Небесная вещь осторожно опустилась на платформу. С такого расстояния я не могла рассмотреть, выходили ли из нее люди, чтобы войти в одну из четырех башен по углам открытого пространства, но все же это было так странно, что я даже слегка испугалась.

Знания Колдеров, их машины и люди, которых они своей волей обращали в машины, — все это давно считалось Злом, так что мы в Эсткарпе привыкли относиться с отвращением ко всей их работе. И в этом месте пахло Злом, и оно не походило на Зло Эскора,

которое я понимала. Это, здешнее Зло, происходило от преступно изогнутого пути жизни, полностью чуждого всему, что я знала. Однако, мы должны были добыть пищу и воду или же умереть. Но никто добровольно не выбирает смерть, если есть хоть какой-то шанс остаться в живых. Мы стояли и смотрели на фантастический город — вернее, я смотрела, потому что Айлия вроде бы не видела ничего. Единственный вход в башню на уровне земли был, по-видимому, туннелем для продолжающейся дороги. В стенах не было больше отверстий до первой воздушной линии, а та была выше самых высоких шпилей Ис-Сити, и окон тоже не было. Волей-неволей приходилось идти по дороге, а у меня не хватало духу поставить ногу на эту гладкую поверхность. Надолго ли хватит наших сил без припасов? Всякое промедление истощало нас.

Стемнело. Может, темнота будет нашим другом? Я посмотрела в темное небо и увидела вспышки сияний по линиям межбашенных путей, как блеск капелек росы на паутине. В туннелях, куда вели дороги, освещение было тусклым. Свет мог быть враждебен нам, но выбора у нас не было, и я взяла Айлию за руку. Она больше не указывала путь, но и не вырывалась, когда я потащила ее вперед ко входу. Когда мы подошли ближе, я поняла, что отверстие было шире, чем полотно дороги, так что оставался узкий проход сбоку, и нам не обязательно было ступать на поверхность дороги. Но хватит ли ширины этого прохода, чтобы спасти нас от тех машин, которые войдут в туннель, пока мы будем там? Ветер от их полета уже доказал нам их силу. В ограниченном пространстве туннеля она может стать роковой для нас. Я остановилась у входа и прислушалась. Шума, свидетельствующего о появлении машин не было, и мы могли идти дальше. Под ногами было нечто вроде металла, покрытого эластичным губчатым материалом, пружинившим при каждом нашем шаге. Я тянула Айлию по этому узкому краю, надеясь, что когда-нибудь в стене обнаружится дверь. И мы нашли ее, отмеченную слабым светом сверху, а ниже света был незнакомый символ. За отверстием виднелся узкий проход. Там я вздохнула свободнее, избавившись от необходимости прислушиваться, нет ли позади мчащегося разрушителя. Воздух здесь был не таким тяжелым, как снаружи, но все-таки неприятным, и к нему примешивался непонятный запах, от которого я закашляла. Освещение по стенам было размещено с большими интервалами и было столь тусклым, что промежутки тонули во мраке. Мы были в середине между первыми двумя, когда я заметила, что мы вовремя свернули в эту нору: раздался мощный рев, от которого задрожали стены и пол. Видимо, одна из машин вошла в туннель. Клубы дыма проникали и сюда, и мы задыхались от него. Когда мы дошли до следующего освещенного места, я прислонилась к стене, чтобы отдышаться и протереть глаза, и увидела под ногами наносы чего-то мягкого, как зола, но только черного. Там, где мы прошли, остались заметные следы, но впереди нанос был нетронут. Это указывало, что какое-то время — может, и годы — здесь никто не проходил. Это успокаивало

меня, но зато не приближало к тому, в чем мы особенно нуждались. Узенький проход завел нас в круглое пространство, похожее на дно колодца. Я запрокинула голову, чтобы взглянуть вверх, и мне казалось, что колодец поднимается выше верхушки башни. В стенах колодца были отверстия, вроде входов на разные этажи. Одни были темными, другие освещены, но не было никаких признаков ступенек, чтобы добраться хотя бы до первого по высоте отверстия. Я уже решила вернуться в опасный туннель и идти по нему дальше в надежде на второй боковой проход, но Айлия резко шагнула вперед и толкнула меня. Я прижалась рукой к стене, чтобы сохранить равновесие. В результате этого неожиданного действия мы уже не стояли на дне, а поднимались вверх, как на крыльях. Я, кажется, вскрикнула и потянулась рукой к жезлу на поясе. Затем я попыталась удержаться за гладкую стену, мимо которой мы поднимались. Ногти мои царапали ее, ломались, но ничуть не замедлили наш подъем.

Мы подлетели к первому отверстию — видимо, второго этажа. В тусклом свете я видела, что проход от двери расширялся в обе стороны. Я задвигала ногами и обнаружила, что могу перемещаться к стене. Значит, надо сделать усилие и нырнуть в следующий уровень. И мы, в конце концов, вышли из колодца куда-то в другой проход, на противоположной стороне от того места, через которое вошли. Он был лучше освещен и там был звук, или вибрация, которая шла не то от пола, не то от стен. Пол тоже имел губчатое покрытие, но никакой золы не было. Видимо, мы попали в секцию, которой кто-то пользовался, и нам следовало быть осторожными. Я заметила, что Айлия как бы пришла в себя и смотрит на меня, на стены и опять на меня. Ее прежний пустой взгляд исчез. Она вздрогнула и закрыла руками лицо.

— Тропа Балимата,— прошептала она со стоном.

— Нет! — Я протянула руку, чтобы она почувствовала человеческое прикосновение. — Мы живем, мы не мертвые!

Балимат, по их верованиям, был злым духом, ожидающим за финальным занавесом тех, кто плохо выполнял ритуалы.

— Я помню...— Она все еще не отнимала рук от лица.— Но это, конечно же, страна Балимата, и мы идем в его дом. Больше нигде не может быть такого.

Я готова была согласиться с ней, но у меня был аргумент, который должен был убедить ее, что она не присоединилась к мертвым.

— Ты хочешь есть? Хочешь пить? А разве мертвые едят?

Она опустила руки. Лицо ее выражало угрюмую безнадежность.

— Кто знает? Никто не возвращается рассказать о том, что позади занавеса. Если это не дом Балимата, то где мы, колдунья?

— В другом мире, это точно, но не у смерти. Мы нашли магические Ворота, и нас вынесло в другой мир...

Она покачала головой.

— Я ничего не знаю о твоей магии, колдунья, знаю только, что она принесла вред мне и моему народу и, похоже, продолжает

это делать. Но я и в самом деле голодна и хочу пить. И если здесь можно найти пищу и воду, я хотела бы отыскать их.

— Я тоже. Но мы должны идти осторожно. Я не знаю, кто или что живет здесь, знаю только, что здесь много странного, и мы должны вести себя так, как разведчики в лагере рейдеров.

Я открыла мешок и достала остатки еды. Мы ели, пока наша жажда не показала, что мы больше не можем глотать. Но даже это небольшое количество мяса придало нам сил. Мы пошли дальше и обнаружили, что коридор прочерчен по стенам контурами, которые, по-видимому, обозначали двери, но как они открывались — неизвестно. Я толкнула одну-две, но они не поддались. Так мы дошли до конца коридора, который выходил на балкон. Оттуда тянулся один из воздушных путей, соединявший эту башню с другой где-то в центре города. Я посмотрела на эту пешеходную дорогу, казавшуюся такой хрупкой, и решила, что пойти по ней не смогу. Айлия зажмурилась и подалась назад в коридор.

— Я не могу! — вскричала она.

— И я не могу...

Но что нам еще оставалось? Снова надеяться на колодец и его подъемник, который вознесет нас выше, в другой коридор, где нам будет не лучше? Я спросила Айлию, что она помнит о нашем путешествии. Она ответила, что помнит большую часть его, но она была тогда как бы во сне — зрительницей, а не участницей, за исключением того времени, когда ее что-то заставило двигаться, но это принуждение оставило ее, когда мы вышли на дорогу. Мы без особой надежды пошли обратно к колодцу. Мы еще не дошли до конца коридора, когда раздался слабый щелчок. Мы прижались к стене и застыли. Одна из дверей, только что плотно закрытая, открылась, и оттуда вышла фигура.

Вышла? Нет, она катилась, скорее, даже парила над полом, как машина на дороге, и эта фигура... Я видела много мутантов и чудовищ. В Эскоре было полно созданий, являвшихся конечным результатом многолетних экспериментов магов. Такими были Крогены — водяные люди, Леннены — крылатые, Серые Существа — злая помесь зверя и человека, и еще много других. Но это... Хуже этого я ничего не видела и не слышала. Это было что-то вроде помеси человека с машиной, металл и плоть, сросшиеся вместе. Нижняя половина тела была металлическим оводом. Ног не было, но к оводу были прижаты отростки, заканчивающиеся когтями. Такие же отростки были и у более узкой верхней части. Голова же была человеческой или похожей на человеческую, без волос, с остроконечной металлической верхушкой. Позади этой фигуры шла другая. Она шла на двух ногах и имела человеческие руки, но все остальное тело было металлическим, и голова тоже оканчивалась металлическим острием. Не взглянув в нашу сторону, эти создания направились к колодцу, просто шагнули в пустоту и были подняты вверх.

Глава 10

— Ох! — прошептала Айлия. Ее глаза снова стали пустыми. Я тем временем размышляла, нельзя ли повернуть магическую силу колодца и заставить его опустить нас вниз. После того, как я увидела возможных обитателей этого города башен, у меня уже не было желания исследовать его дальше. Мои надежды найти здесь пищу исчезли. Эта немыслимая смесь плоти и металла наверняка не пила и не ела, а значит, нам не найти в этих лабиринтах запаса провизии. Теперь я пыталась вспомнить, как начался наш подъем. Я уперлась рукой в стену и, как теперь подсказывала память, вроде бы видела в ней пластинку другого цвета. Я провела рукой вниз, а мы поднялись вверх! Может ли быть единый сигнал? Если так, то смогу ли я здесь найти такую же пластину, чтобы она спустила нас вниз? Надо попробовать. Оставаться здесь значило быть обнаруженными, а меня корчило при одной мысли о каком-либо контакте с этими полулюдьми-полумашинами. Нам просто повезло, что они не увидели нас.

— Пошли.— Я потянула Айлию за руку.

— Нет! — Она пыталась вырваться.

— Ну, оставайся здесь,— резко сказала я,— и они найдут тебя здесь...

— Там найдут тоже! — Она указала на шахту.

— Нет.— И, хотя я не была в этом уверена, я поспешно объяснила, что думала насчет возможности спуститься.

— А если не сможем?

— Тогда попытаем счастья на этом подвесном мосту.

Но у меня к этому было такое же отвращение, как и к лицезрению тех чудовищ. К тому же, мост приведет нас внутрь города, а не из него. Я думаю, что Айлии это нравилось не больше, чем мне, потому что она пошла к шахте без дальнейшего принуждения. Мы шли медленно, прислушиваясь к каждой отмеченной линией двери и ошупывая ее, прежде чем двинуться дальше, потому что боялись, как бы ее вдруг не открыл какой-нибудь здешний наблюдатель. Когда мы дошли до последней двери, откуда вышли те двое, снова раздался щелчок. Под моими пальцами дверь чуть-чуть поддалась. Жужжание стены усилилось, в узкую щель, которую я не решилась расширить, я увидела непонятные металлические предметы. Я только мельком взглянула на них и не стала задерживаться. Мы дошли до шахты, и я огляделась. Найти контрольную пластинку оказалось нелегко, но я нашла ее. В ней было два углубления — одно над другим. В тот раз я провела рукой сверху вниз, значит, теперь надо сделать наоборот. Я так и сделала и некоторое время ждала, не решаясь проверить свою догадку экспериментально. Если мы шагнем туда, и нас унесет наверх следом за той гротескной парой, может вполне случиться, что мы попадем прямо в лапы тем, кто живет там. Затем я вспомнила о мешке: вот с ним я и произведу опыт. Хотя там все остатки наших продуктов... Я сняла мешок с плеч и бросила. Он начал опускаться. Значит, я была права.

— Давай! — приказала я Айлии и шагнула в пустоту, хотя и сама очень боялась упасть. Айлия приглушенно вскрикнула, но последовала за мной. Спуск происходил быстрее, чем подъем, хотя, конечно, ничем не напоминал падение. Я помнила, что один тускло освещенный уровень мы миновали при подъеме, и приготовилась метнуться туда, как только мы поравняемся с отверстием. Я подумала, что недостаток света в том проходе может означать, что там пусто или почти пусто, и сказала об этом Айлии. Я думала, что она откажется, но она не собиралась оставаться одна. И вот мы шагнули в отверстие и остановились на узком месте, как усаживался Вранг на камне, а мой мешок ушел вниз. Впрочем, я сейчас о нем не жалела. Насест был невысоко над полом. На полу стояло множество предметов, все на некотором расстоянии друг от друга. В конце концов я решила, что здесь отдыхают те машины, которые мы видели на дороге. Это были цилиндры примерно в два человеческих роста, сужавшиеся к концу конусом. По бокам были видны контуры дверей, а у ближайшего к нам цилиндра дверь была открыта. Но не просто открыта: на металле виднелись пятна ржавчины, проломы, дверь была выломана или выжжена. Приглядевшись, я увидела подобный же взлом и в другом цилиндре. Зачем обитателям города понадобилось ломать собственные контейнеры — если это были контейнеры? Что в них держали? Может, их использовали для перевозки продуктов в город, как во время уборки урожая в Эсткарпе? Тогда в них может быть пища. Я сказала об этом Айлии.

— А вода? — хрипло спросила она.

Я не думала, что какой-нибудь жидкий продукт мог так храниться, но решила произвести обыск. Мы должны найти воду как можно скорее, иначе у нас не хватит сил выйти из города. Балкон, на котором мы стояли, не имел ступеней вниз. Пришлось прыгнуть. Айлия не пошла за мной, сказав, что останется на месте, а у меня, поскольку я уже была внизу, не было причин возвращаться, не осмотрев транспорт. Я пожалела, что нет факела: освещение было очень слабым. Но даже и при нем я увидела что-то свисавшее из дыры в боку цилиндра: это была цепочка, очень прочная, несмотря на малые размеры звеньев. Вдоль нее были сделаны петли, по которым можно было влезть. Правда, петли были очень малы. Видимо, тот, кто их делал, имел ноги гораздо меньше моих или подтягивался на руках. Но все же пальцы ног можно было протиснуть. Добравшись до пролома, я заглянула внутрь и так испугалась, что чуть не потеряла равновесие. Когда я положила руку на внутреннюю стенку, в цилиндре вспыхнул свет. Там было свалено множество ящиков с содранными или просто проломленными крышками. Но содержимое меня весьма разочаровало: в основном, металлические брусья. Там, где упал широкий контейнер, растеклась гнусно пахнущая лужа. Запах был так силен — хотя лужа почти высохла, — что я побоялась оставаться дольше у отверстия. Видимо, тут была какая-то отравка, потому что моя голова уже кру-

жилась и появился кашель.

Как только я снова взялась за цепь, из глубины погребов вырвался такой яркий свет, что я чуть не ослепла и кое-как спустилась вниз, сильно кашляя. Еще одна вспышка. Теперь свет горел ровно, и я подумала, что грабители, видимо, еще работают, прожигая себе путь в другой цилиндр. Такая настойчивость поисков показывала, что ищут что-то очень важное. Были ли здесь люди, которые тоже нуждались в пище и питье? В конце концов, Ворота в Цитадели за много лет захватили не только нас с Айлией. Я так поддавалась этой жалкой надежде, что решила проследить за теми, кто пользовался огнем. Для этого надо было идти вглубь помещения, оставив Айлию, но возвращаться к ней и объяснять — потеря драгоценного времени. Видимо, на мой мозг подействовали испарения, потому что все мои решения казались мне логичными и правильными. Я не пошла к Айлии, а обогнула цилиндр, который перед тем осматривала, и стала пробираться к той далекой вспышке. У меня, по крайней мере, хватило здравого смысла двигаться с осторожностью. Я старалась укрываться со всей ловкостью, которой научилась в Эскоре. Мне помогали слабое освещение и тени рядов транспортных машин. Кашель мой прекратился, но жажда усилилась до крайности, и мне казалось, что я обязательно найду воду, как только доберусь до тех, кто производит вспышки.

Наконец я подобралась к ним. Двое работавших висели на паутине лямок с каждой стороны цилиндра и следили за усилиями двух других на полу, которые направляли режущие лучи на металл, постепенно разрушая его. Одного взгляда на работавших было достаточно: это не те полумашини, которых я видела наверху. У них были обычные тела с руками и ногами. Я осторожно смотрела, прикрывая глаза пальцами, и недоумевала, что это за огонь или свет с силой огня, которым они пользуются как орудием? Огонь я могла призвать силой своей воли, потому что он был частью природы и должен был прийти на зов Мудрой Женщины. Но тут было совсем другое — луч выходил из трубки, которую работавший держал в руках, а трубка соединялась гибким рукавом с ящиком на полу. Огонь погас. Люди на лямках придвинулись ближе и начали колотить брусьями по раскаленной двери, но металл только прогибался. Но я уже не следила за ними. Один из тех, кто держал трубку, положил это странное орудие и пошел к груде мешков. Там он взял маленький контейнер и поднес его к губам. Пил! Вода! В этот момент я прошла бы мимо любого богатства знания, лишь бы взять то, что держал незнакомец. И я возьму это! Он поставил контейнер и пошел обратно к трубке. Когда он взял ее и снова приготовился пустить луч, я побежала вдоль цилиндров. Работавшие были заняты своим делом и работали открыто, как будто вовсе не боялись враждебно настроенных наблюдателей, так что я не считала себя в опасности. Мой мир, мое будущее сузились до этого контейнера. Я шла прямо к нему, время от времени поглядывая на рабочих, но все их внимание сосредоточилось на упрямом металле.

Я схватила контейнер и поднесла его к губам. Это была не чистая вода. Впрочем, может быть, в этом мире вода вообще имела кислый вкус, но она так освежила мои пересохшие рот и горло, что я с трудом остановилась, сделав несколько глотков. Со стороны работавших раздался крик, и я в ужасе повернулась, уверенная, что они увидели меня. Но нет: оказывается, дверь в цилиндр поддалась, и висевшие на лямках люди отламывали ее. Я осторожно ощупывала мешки, которые они свалили здесь. Там было несколько свертков — наверное, с едой — и я взяла два из них. Больше я не могла нести, потому что взяла еще три контейнера с водой, судя по весу, почти полных. Два я повесила на лямке через плечо, а третий вместе со свертками прижала к себе и пошла обратно к Айлии. Мы были в выгодном положении относительно двери, так что могли заметить, когда рабочие уйдут. Если они нашей породы, более ранние жертвы Ворот, мы можем встретить их. Теперь, достав воду, я снова стала осторожной и не собиралась сдаваться любому рыскавшему по этому миру, пока не удостоверюсь, что это не враг.

Когда добралась до входа, я не нашла там Айлии. Окликнуть ее не рискнула. Мой голос мог привлечь внимание работавшей группы. И я не была уверена, что смогу подняться на балкон со своим грузом. Наконец, мне пришлось вернуться к лесенке из цепи, подняться и опуститься внутрь на покатый, вонючий пол. Айлия не показывалась, а я торопилась, так как боялась, что те люди заметят пропажу воды и выследят меня. На конце лестницы был крючок. Я раскрутила цепь над головой и бросила, чтобы крючок зацепился за балкон. Таким образом, я смогла подняться туда и втащить за собой контейнеры, прикрепленные мной к нижнему концу лестницы. Нагруженная припасами, я быстро спустилась на дно шахты. Айлии не было и следа, но я была почти уверена, что она ушла этим путем. Я огляделась вокруг, ища свой мешок, но не нашла его. На пыльном полу было множество следов, больше, чем могли бы оставить мы. Может, рабочий отряд пришел отсюда? Я снова пошла по проходу к дороге. Здесь не было жужжания в стенах и полу, как на верхних уровнях, так что я хорошо слышала звук впереди — не предупреждающий рев транспорта, а крик, похожий на человеческий. У меня было большое искушение окликнуть Айлию, но я подозревала, что она в опасности, и решила не делать опрометчивых поступков. Я шла по пыльному проходу. Мне показалось, что я вижу впереди движение. Я остановилась и прислушалась. Если кто-то идет в мою сторону, мне придется отступить, в противном же случае я пойду следом.

Затем в маленьком островке света я увидела Айлию. Ее тащили две фигуры ниже ее ростом, но я не могла их разглядеть. Одно из этих созданий резко ударило Айлию по спине, она покачнулась, а они сразу встали вплотную к ней. Она шла на своих ногах, но как бы в полубессознательном состоянии, полностью покорная, не сопротивлявшаяся. Это было почти у самого входа, и через несколько секунд они уже вошли в туннель. Я быстро

побежала. Тяжелые сосуды с водой били меня по ребрам. Вбежав в туннель, я остановилась в нерешительности. В какую сторону повели Айлию? Я прислушивалась и вглядывалась, но ничего не могла определить и, в конце концов, решила, что они пошли в ту сторону, откуда мы пришли, то есть, к началу туннеля. Те, кто живет здесь, должны знать опасности дороги. Я пошла обратно, хотя очень боялась, как бы мои логические умозаключения не подвели меня. Когда я наконец вышла из туннеля в ночь, я убедилась в разумности своего выбора: я задела ногой какой-то предмет, и он выкатился в полосу лунного света. Это был сверток, который я сразу узнала, поскольку делала его своими руками. В маленьком мешочке было завернуто немного лечебных трав Утты. Он не мог просто выпасть из мешка, когда мы здесь проходили, поскольку мешок был хорошо завязан, значит, кто-то открыл его здесь и выронил сверток. Я опустилась на колени и стала кругом ощупывать землю, но больше ничего не нашла. Во всяком случае, было ясно, что люди, захватившие Айлию, взяли мешок и здесь его осматривали. Мне казалось, что темные фигуры, которые вели Айлию, были похожи на рабочих в погребке. У них были явно человеческие тела, хотя и небольшие. Теперь, когда я имела время вспомнить и оценить виденное, у меня создалось впечатление, что у них очень тонкие руки и ноги. В Эскоре были Тэсы — с раздутыми телами, паучьими членами. Они так далеко отошли от человека, что ненавидели нас, тех, кто жил в другом мире над их туннелями и норами. Может быть, Тэсы нашли путь через Ворота? Нет, эти использовали огонь как оружие, а Тэсы этого не делали. Но куда же шли те, кого я отслеживаю? Сверток лежал как раз за краем дороги, поворачивавшей налево, как будто эти люди пошли между дорогой и следующей башней. Земля была твердой, но на ней были наносы пепельного песка, и я тщательно искала хоть какой-нибудь намек на след.

Я нашла даже больше, чем надеялась. Здесь была другая дорога, более трудная, чем та, которая шла под башнями. Видимо, по ней проходил тяжелый транспорт и оставил колеи, и на краях их я нашла отпечатки ног — отчетливые следы сапог Айлии и более мелкие и узкие, босые, с остроконечными пальцами. Все следы вели вперед, и я пошла по ним. Колея дошла до следующей дороги и пошла параллельно ей в ту сторону, откуда мы пришли к башням. Но эта часть местности была более неровной. Колея шла по холмам, а кое-где огибала их. Увидеть что-то вдаль было невозможно, оставалось только слушать, не будет ли каких-либо звуков, указывающих, что я подхожу ближе. Холмы стали выше, на них выступали скалы, но, когда мне послышался шум и я укрылась за утесом, то почувствовала под рукой шов. Приглядевшись, я поняла, что это не природные камни, а остатки построек, наполовину занесенных песком, похожим на золу. Но думать об этом мне не пришлось, так как шум мне не померещился: это было шипение и мягкий хруст. Внизу под моим насестом ползла новая форма транспорта.

По сравнению с быстроходными цилиндрами это был неуклюжий, плохо сконструированный предмет, будто его задумал совершенно иной тип мозга. У него не было колес, как у повозок в моем мире, а были только громадные ободы, шедшие кругом. Их звенья крутились на прутьях, выходивших из корпуса-ящика. Если машина везла водителя или пассажира, то они, видимо, помещались в этом корпусе, где были узкие вертикальные щели. Машина шла тяжело, медленно, равномерно, как движущаяся крепость. Она шла к башням. Может, ее послали взять тех, кто грабил склад транспорта? Я прижалась к углу полусгоревшей стены и смотрела вслед машине.

Глава 11

Можно ли сказать, что такое «запах» Власти? Я знаю, что можно чутать Зло Теней, и не знаю только, какими ноздрями это делается — плотскими или духовными. Но это правда — я в Эскоре чувствовала места Тьмы, которые нужно было избегать. А в этом мире всегда была едкая вонь, которая притупляла предчувствие даже на небольшой протяженности. Как будто я, пройдя через Ворота, потеряла право пользоваться тем, что было моим щитом.

Теперь я могла рассчитывать только на свои пять физических чувств, и это было похоже на утрату половины зрения. Однако я все еще пыталась узнать, не могу ли хоть немного пользоваться своими способностями. Поскольку Айлия тоже из моего мира, у меня была слабая надежда на существование мысленной связи между нами. В этом случае я могла бы узнать от нее, куда же ее ведут, какие опасности лежат между нами и даже, при очень хорошем мысленном контакте, увидеть ее глазами. Надежда была очень слабая, но я прижалась спиной к разрушенной стене и сосредоточилась на Айлии, мысленно рисуя ее изображение и требуя ответа. Но...

Вот! Я привскочила и задохнулась. Это же не мозг Вупсалки, нет! Но я его коснулась, просто коснулась края мысленной передачи такой мощности, что меня отключили, смахнули с дороги, потому что передача шла в другом направлении. Конечно, это не Айлия. Но можно ли быть уверенной, что тот, мозга кого я коснулась, был из моего мира и тренированный во Власти? Правильно ли я предполагала, что через Ворота могли пройти и другие? Но... Одна моя часть страстно желала возобновления контакта со своим, из своего мира, а другая предупреждала об опасности. Я знала историю Эскора. Там немного говорилось о том, что Воротами часто пользовались Темные. Общение с Темной Силой могло удвоить мои несчастья. Я не могла поверить, что те полулюди из города башен или те, которые ехали в движущейся крепости, были из Эскора. Мы никогда не делали машин. Мы ненавидели в Колдерах то, что они были в какой-то степени полулюдьми, частью машин, которые они обслуживали.

Мудрые Женщины считали наш выбор правильным, потому что в последнем великом сражении в Горме сила мозга победила и уничтожила всех тех, кто объединился с металлом. Но все-таки где-то близко был человек из моего мира. Я мечтала найти его, но не решалась, так как хотела узнать о нем побольше.

Колея, оставленная краулером, была ясно видна в лунном свете, но звуки уже растворились вдали. По этой дороге ушла Айлия, и я тоже должна идти по ней. Я выпила немного воды, спустилась вниз и пошла по колее. Все чаще попадались остатки строений. Ясно, что когда-то здесь был город, совсем другой, не похожий на башенный, но столь же большой и значительный. Колея пошла между высокими стенами и вдруг вышла в открытое пространство вроде громадного кратера или бассейна в глубине земли. Здесь не было никаких остатков зданий, но были места, покрытые каким-то стеклянным материалом, и колея огибала их, как будто звенья не могли идти по такой гладкой поверхности. Колея вела к центру кратера, где было черное отверстие, вроде входа в шахту, какую мы нашли в городе, но шириной в основание башни. Спрятаться здесь было решительно негде. Если я подойду к шахте при лунном свете, меня так же хорошо увидят, как если бы я трубила в рог у ворот замка. Но ведь Айлия наверняка ушла через эту дыру. На мне лежала тяжелая ответственность за Айлию, и я должна освободить ее, если только смогу. Я снова отступила в тень к последней разрушенной стене, закрыла глаза ладонью левой руки, а правой дотронулась до жезла в своем поясе. У меня не было другого предмета Власти. Может, жезл добавит что-то к моим ограниченным силам? Я нарисовала в мозгу Айлию и послала поисковую мысль. Я встретила пустоту. Мозг Айлии был заблокирован. Я попыталась очень осторожно, как бы кончиками пальцев, найти источник, блокирующий ее мозг, но нащупала совершенно не то, на что рассчитывала — что-то абсолютно чуждое тому, что я знала. Машина с Властью? Этого не может быть! Власть противостоит и всегда противостояла машинам. Мудрая Женщина может при необходимости пользоваться обыкновенным стальным оружием, как это иной раз делала моя мать, но в основном Мудрые Женщины пользуются Властью. Но даже такая модификация оружия, как арбалет, и то требует тщательной подготовки мысленного рисунка. Мы не дружим с машинами. Однако мое прикосновение сказало мне, что мозг Айлии заблокирован с помощью машины. Неужели знания Эскора смешались тут с местными и произвели такой чудовищный гибрид? Было бы полным безумием войти в эту дыру впереди, не зная, с чем там придется встретиться, но и бросить Айлию я тоже не могла и сейчас не знала, что делать. Такое состояние было настолько чуждым моей природе, что я стала легкой жертвой того, что последовало за мной, а мой мозг был так занят сиюминутной дилеммой, что я оказалась неподготовленной и беззащитной.

Этот толчок был тем же ищущим, какой я ощутила раньше. У меня создалось впечатление от удара, такое же, как и тогда.

После небольшой паузы пришел зов такой великой нужды, что меня буквально вытянуло из углубления, в котором я пряталась, на открытое место. Это был такой же поток, какой я в меньшей степени чувствовала в холле цитадели. Мое сопротивление произошло, и я боролась изо всех сил, а то, что тащило меня, казалось, торжествовало и показывало нечто вроде нетерпения, которое не разрешало мне никакого возврата к собственной воле. Так я подошла к отверстию и увидела чуть ниже края платформы — не полной протяженности, а только клин ее. Возможно, она ожидала возвращения краулера, чтобы опустить его в бездну. Внизу я ничего не видела, и мне казалось, что этот колодезь глубиной в перевернутую башню идет от самого центра земли. За ожидавшей платформой виднелось начало лестницы, висевшей на стене шахты. Я пыталась бороться с принуждением, тянувшим меня к лестнице, но не было никакой возможности освободиться, и я начала спускаться в бездну. Я быстро поняла, что ни в коем случае нельзя смотреть вниз, а только на стену, чтобы избежать головокружения. Мне казалось, что я спускаюсь целые часы, если не дни. Стена была каменистой, хотя и ровной. Я спускалась медленно, но то, что тянуло меня, не ослабевало. Наконец я почувствовала под ногой твердую почву. Дрожа, я прислонилась к стене и боялась отойти от нее, потому что она давала мне чувство безопасности, если только в таком месте могла быть какая-либо безопасность. Но давление на меня так и не прекращалось. Я пошла вдоль стены, ведя по ней рукой и осторожно ставя ноги. Через какое-то время моя рука встретила пустоту. Поток тащил меня в это отверстие. Там я тоже отчаянно ощупывала стену и шла, осторожно делая каждый шаг. После первой опознавательной вспышки мысленный луч, захвативший меня, стал механической передачей. Мне хотелось проверить, что за личность стоит за ней, но я боялась открытого вторжения. Мы знаем, что маг может сделать с более слабой ведьмой или колдуном, и такая зависимость хуже всего, хуже всякого рабства тела. Я бежала из Эскора от такой зависимости, а попасть в нее здесь — это значит пропасть навеки. Впереди раздался слабый свист, а затем появился свет. Я подошла к открывшейся двери и вошла. Как только я шагнула на свет, принуждение исчезло, и я стала свободна, но у меня не было времени воспользоваться этой свободой, потому что, как только я захотела отступить, дверные створки сошлись, оставив узкую щель, через которую я не могла пролезть. Я стояла, мечтая о каком-нибудь оружии. Как и на складе транспорта, я стояла на балконе. Передо мной развернулась сцена, которую я не сразу поняла. Там был экран, и на нем то вспыхивал, то пропадал свет, пробегая по неразличимому узору. Слышалось какое-то звяканье.

Экран делил пространство внизу на две части, и был еще проход с низкой стеной, шедшей из какой-то точки непосредственно под балконом, на котором я стояла, к узкой арке с экраном. С каждой стороны этой стены имелись отделения вроде камер с

перегородками на высоте плеча. Некоторые из них были заняты. Взглянув на их обитателей, я отступила к двери. Мне казалось, что у фигур на складе и у тех, которые вели Айлию, были несколько необычные очертания, но вполне человеческие, теперь же я увидела их при полном освещении и поняла, что это пародия на человека, что они гораздо хуже чудовищ Эскора. Лопнула моя последняя надежда, что я найду здесь своих, тоже захваченных Воротами. Они были малорослы, с отталкивающей, мертвенно-бледной сероватой кожей. У полулюдей в башнях головы оканчивались металлом, а у этих слегка прикрывались желтовато-белыми волосами, которые росли прядями, а между ними виднелись красные пятна, похожие на шрамы. Их одежда так туго прилегала к телам, что выглядела почти второй кожей. Она тоже была серой, но темнее тела. Тонкие, скелетообразные руки высывались из рукавов. Я заставила себя снова шагнуть вперед и еще раз посмотреть на них. Лица у них были до удивления одинаковы, как копии с одной модели, и различались только морщинистыми рубцами или грубыми оспинами. Двигались они неуклюже, если двигались вообще. Большая часть их лежала на узких койках в своих индивидуальных камерах, другие сидели, глядя на низкие стены, и словно бы ждали приказа, которого их тупой разум не мог понять, но который следовало выполнить. Двое ели, доставая пальцами из мисок что-то зеленоватое. По общим очертаниям это были люди, но стоявшие ниже животных моего мира. Свет на экране изобразил символ. Раздался звук. Лежавшие на койках поднялись и встали возле своих дверей. Едоки уронили миски и тоже подошли к дверям. Но лишь немногие вышли из своих комнатушек, выстроились в проходе и прошли под тем местом, где стояла я. Остальные остались на местах, не выражая никакого нетерпения или недовольства, что их оторвали от еды и от отдыха. Символ на экране снова растаял в бегущем свете, и я задумалась над своим непосредственным будущим. Совершенно ясно, что мне не пробиться через дверь, теперь плотно закрытую. Ни в одной из камер внизу не было признаков Айлии. Оставалась секция за светящимся экраном. Я не знала, что там, как и за выходом под моим балконом, куда ушли серые люди. Увидит ли кто из оставшихся, если я спущусь вниз? Я не решалась сделать это и боялась коснуться мозга Айлии.

Но мне не дали времени на размышление. Если меня привело сюда что-то вроде прикосновения к мозгу, то сейчас были приняты другие меры воздействия со стороны правителя этой подземной территории. Без всякого предупреждения я была схвачена чем-то, что никак не поддавалось моим попыткам освободиться. Я могла только моргать глазами, а все тело обратилось в камень, как в детских сказках. Плененная этой неизвестной силой, я смотрела, как четверо ожидающих повернулись и пошли опять-таки под балкон, но не исчезли там, а поднялись ко мне на платформе. Один прицелился в меня из какого-то оружия наподобие арбалета. Цепи, державшие мои ноги и руки,

исчезли, и я получила способность двигаться. Они направили меня на платформу и опустили вниз, напротив экрана. Зрелище этого экрана отсюда, а не сверху, внушало страх. Он был полностью чужд мне, однако вокруг было что-то знакомое — сила влияния, управляемая Мудрой Женщиной, но она направлялась не на меня и не была частью потока, приведшего меня сюда. В сопровождении стражей я прошла через арку экрана. Тут не было камер, а только помост с четырьмя ступенями. Вокруг помоста стояли небольшие экраны. Из них только два светились. Перед каждым экраном была устроена наклонная панель с кнопками и маленькими рычажками. Я с растущей тревогой вспоминала рассказы о силах Колдеров. Перед каждой панелью было сиденье. Люди в сером сидели перед освещенными экранами, положив руки на панели, как бы готовясь в любой момент нажать кнопки, если понадобится.

На самом помосте стояло нечто, сразу же привлекавшее мое внимание: высокий столбообразный ящик из прозрачного кристалла, а в самой его середине стоял человек из Эскора. Я его сразу узнала! Он был не только Старой Расы, он был тем магом, которого я видела во сне. Он был похоронен, но не мертв! Из вершины кристалла тянулись вверх серебряные нити, все время трепетавшие и кружившиеся. В глазах человека был жестокий блеск, страшное по интенсивности требование, сила этих глаз давила на меня. В эти несколько секунд он пытался сломить меня, подчинить своей воле. Я знала, что представляю для него ключ к освобождению, и он привел меня сюда только ради этого. Возможно, он и добился бы своего, если бы я сразу уступила его требованию, но моим ответом был почти автоматический отказ. Никто из моего рода не подчинялся силе! Если бы он просил, вместо того чтобы применять силу... Но его нужда была слишком велика, он не мог просить, когда все живое вне его хрустальных стен объединилось, по его мнению, с врагом. Серебряные нити дико тряслись, когда он пытался сделать из меня рабыню, вещь. Я услышала изумленный крик. На одной из панелей поднялся человек, наклонился вперед, вглядываясь в пленника в кристалле, а затем взглянул на меня. Изумление на его лице быстро перешло в возбуждение, потом в удовлетворение. Он в той же степени отличался от серых людей, как и я, но он не был из Старой Расы, и у него не было никакой Власти. Это я поняла сразу. Но в лице его были жизнь и разум, а вместе с тем и отчужденность, которая показывала, что он не был человеком, а только казался им. Он был на голову выше своих слуг, тощий, но не скелетоподобный, как они. Ни лицо, ни руки его не были серыми, но на нем была такая же серая, плотно прилежавшая одежда, как и у слуг, отличавшаяся лишь замысловатым гербом на груди, выполненным в желтом, красном и зеленом цветах. Волосы были блестяще-черными, густыми и довольно длинными. Они были зачесаны назад за уши и касались плеч. Это были волосы Салкара, но по его лицу я видела, что это не морской разбойник, прошедший через Ворота: его черты были

резкими, угловатыми, широкий, торчавший вперед нос придавал ему сходство с птичьей маской, какие носили в сражениях Фальконеры.

— Женщина! — Он коснулся кнопки на панели, подошел ко мне и, уперев руки в бедра, стал разглядывать меня сверху донизу с таким наглым высокомерием, что я разозлилась.

— Женщина! — повторил он. Он глянул на пленника и опять на меня, но уже не удивленно, а задумчиво. — Не такая, как та... — Он махнул рукой по направлению к другому краю помоста. Я не могла повернуть голову, так что видела только край плаща. Это был плащ Айлии. Она не шевелилась, и я подумала, что ее держит та же сила, что теперь держала меня.

— Итак? — обратился он к пленнику. — Ты, значит, хотел воспользоваться ею? Однако ты не пытался сделать это с другой. Какая же разница между ними?

Человек в кристалле даже не взглянул на него, но я чувствовала глубокую ненависть, волной хлынувшую из его тюрьмы. Ненависть эта замораживала, а не жгла. Такую ненависть я иногда чувствовала у своих братьев, но она не была все же такой неистовой. Его захватчик обошел вокруг меня. Я не могла повернуть голову, чтобы видеть его, но хорошо знала, что он не может сразу заметить Власть, как заметил ее пленник, поскольку сам лишен этого дара. Эта мысль дала мне искру уверенности, хотя, видя пленника, я мало на что могла надеяться. Как он признал во мне ведьму, так и я признала в нем больше, чем колдуна, — мага, каких больше не существовало в Эскоре и никогда не было в Эсткарпе, где Мудрые Женщины тщательно контролировали все знания, оставшиеся как раз от таких безрассудных искателей запретного.

— Женщина, — повторил чужак в третий раз, — ты на нее рассчитывал. Похоже, она нечто большее, чем кажется, хоть она грязная и чумазая. Если она окажется хоть чуточку родней тебе, мой недруг, то сегодня поистине ночь удачи, и счастье улыбнулось мне! — Он кивнул стражникам, и те окружили меня, хотя и не подошли вплотную. Видимо, существовал какой-то барьер.

— А теперь мы поместим тебя в безопасное место, девушка, пока не настанет время заняться решением твоей загадки.

Стражники теснили меня по ступеням, пока я не оказалась на противоположном от входа конце комнаты, позади пленника в кристалле, так что мы больше не видели друг друга. Затем стражники остановились, из пола поднялись четыре хрустальных бруса, каждый толщиной в мое запястье. Они поднялись выше моей головы и запылали. Сила, удерживавшая меня, исчезла, но, протянув руку, я убедилась, что между брусками существует невидимая сила-стена, и я заперта внутри этих стен. Это походило на комнату, где можно было сесть. Я села и огляделась, стараясь узнать все, что можно, об этом месте, хотя пока не знала, зачем мне это. Теперь я видела Айлию. Она лежала — спала или была без сознания — на второй ступеньке помоста.

Голова ее была повернута в другую сторону, но я видела, как поднимается и опускается ее грудь. Значит, жива. Мне тоже очень хотелось спать. Как только я села, все напряжение и усталость долгих часов, проведенных в этом мире, навалились на меня, как мягкое покрывало, и оставалось только расслабить мозг и тело. Но сначала я сосредоточилась и поставила некую стражу, которая предупредит меня при новых попытках того, кто стоял в столбе, давать команды. Сделав это, я опустила голову на колени. В ладонях я незаметно держала жезл, взятый в Эскоре. Если жезл принадлежал человеку в кристалле, он мог увидеть его, когда я пришла, и пожелать его отобрать. Но как он доберется до жезла через свои прозрачные стены? Этот человек представлял для нашего захватчика явную ценность. Вполне возможно, что и я тоже. Эту мысль я поспешила отогнать, потому что сейчас мне надо поспать, чтобы при необходимости иметь ясный ум.

Глава 12

Я спала и видела сон. Это был не второй штурм моей воли, не грубый приказ к повиновению: рука скользнула в мою руку и повела меня в укромное место, где можно было вести мысленную беседу, не опасаясь быть подслушанными. Это место было не в нашем мире, и я была здесь с пленником кристалла. Он каким-то образом казался моложе, более уязвимым, но был полностью погружен в свою ненависть и в необходимость сжечь свои оковы и вернуться в мир, дабы удовлетворить жажду мести. Я уже знала, что он маг и настолько же выше Мудрых Женщин Эскарпа, насколько я была выше Айлии по шкале Власти. Теперь я узнала его имя — разумеется, не настоящее, которое древний закон запрещает называть, — Хиларион. Когда-то он сотворил Ворота, потому что его исследовательский ум толкал его к новым знаниям, и, открыв их, он пошел посмотреть, что находится за ними. Он пошел, самоуверенный, гордый своей силой — слишком самоуверенный, поскольку за долгие годы своего превосходства в своей сфере он отвык от осторожности. Таким образом, он был захвачен в паутину, сотканную не его наукой — та не задержала бы его ни на секунду, — а рожденную машиной или каким-то другим видом Власти, которого он не понимал. Власть эта была сильна и сделала его частью себя, как те полулюди в городе башен были сплавом машин и плоти. Между башнями и подземельем шла давняя война. Похоже, теперешние обитатели башен не делали открытых нападений на подземелье, но серые люди по приказу своего хозяина совершали набеги на города и приносили оттуда нужные припасы. Эта жизнь набегов и сражений длилась несчетные годы задолго до захвата Хилариона, а он тут очень давно. Это я хорошо знала, потому что дни магов Эскора давно прошли, может быть, тысячу лет назад. Машины здесь были установлены тысячелетие назад в

связи с великой войной и продолжали функционировать, хотя мир на поверхности был полностью уничтожен, остались только башни. Когда пришел Хиларион, они с его пленением обрели новую жизнь. от его Власти, так как он в какой-то мере управлял ими, хотя взамен сам был под контролем Зандора, который всегда был эдешним хозяином. Услышав это, я усомнилась, что человек может существовать так долго.

— Но ведь он не настоящий человек, — сказал Хиларион. — Возможно, когда-то он и был им, но научился выращивать тела в цистерне и поселяться в них, когда старое тело изнашивалось. А машины сплели вокруг него такую защиту, что я не мог добраться до него никаким импульсом. Теперь он скоро узнает, что ты одной природы со мной, и запрет тебя тоже, чтобы добавить силы его машинам.

— Нет!

— Я тоже говорил «нет», однако не смог устоять против его «да». Но вместе с тобой мы сможем. Мне нужно только освободиться из кристалла, который нейтрализует все, что я посылаю против Зандора, и тогда посмотрим, кто сильнее — человек или машина. Теперь я знаю эти машины, все их стрессы и изношенность, знаю, как их атаковать. Освободи меня, колдунья, дай мне свою силу, и мы оба добьемся свободы. Если ты откажешь мне в помощи, то будешь заключена, как и я, на вечные времена.

— Но я уже заключена, — осторожно заметила я. Аргументы Хилариона были хорошо обоснованы, но я не забыла, что он сначала захотел сделать из меня не союзника, а только оружие. Он моментально прочел это и сказал:

— Подобный плен делает человека нетерпеливым, и если этот человек видит перед собой ключ от своей тюрьмы и вроде бы легко может взять его, разве он не протянет руку, чтобы схватить этот ключ? Ты принесла сюда мою вещь. В моих руках она будет ценнее всякой стали или разбрасывающей огонь трубки, какими пользуется этот народ.

— Жезл?

— Да. Это мой жезл, и я уже не надеялся увидеть его снова. Тебе он ни к чему, а мне он даст Силу.

— А как ты его возьмешь? Я не думаю, что твой столб легко сломать.

— Он выглядит крепким, но это видимое силовое поле. Поднеси к нему жезл...

— Значит, я так же могу освободиться?

— Нет! Ты же знаешь природу подобных жезлов. Они повинуются только тому, кто их сделал, в руках другого они ничто. Это не твой ключ, а мой! — Он говорил правду, но я теперь была пленницей, и его жезл был так же далек от него, как если бы он тоже был заключен в кристалл.

— Но...

Не знаю, что он хотел сказать, но внезапно он исчез из моего сна, и я осталась одна. Спала ли я дальше или нет — не знаю, но когда я открыла глаза, все было по-прежнему. Я видела

сияющий столб и спину Хилариона. Но кое-что изменилось, серебряные нити, выходившие из вершины столба, ритмично покачивались, и я видела световые вспышки на тех экранах, которые были темными, когда я засыпала. Теперь перед ними сидели серые люди, а вокруг помоста шел Зандор, останавливаясь перед экранами, словно он читал вспышки, как руны. Серые люди работали автоматически, не отвлекаясь ни на что. Раздался глухой щелчок. Зандор повернул голову к большому экрану, отгораживающему эту часть помещения от камер серых людей. По поверхности экрана пробежала рябь. Искры вспыхивали, гасли и снова вспыхивали. Зандор изучил рисунок вспышек, а затем подбежал к свободному сидению у одного из маленьких экранов. Его пальцы быстро пробежали по кнопкам, и я тут же почувствовала такой удар, словно меня хлестнули по голому телу бичом. Это уже был не сон. Это был приказ или дисциплинарное взыскание, данное Хилариону, а я также почувствовала его, только, видимо, в меньшей степени. Вот, значит, каким образом Зандор заставлял своего пленника выполнять свои желания! Но об этом Хиларион мне не сказал. Я удивилась силе духа этого человека, так долго выдерживавшего в подобных условиях. Конечно, есть средства, с помощью которых мозг может отвести боль и телесные нужды. Мы рано начинали их изучать, потому что, если человек хочет пользоваться Властью, он должен иметь жестокий самоконтроль. Хиларион мог призвать эти средства для своей защиты, если только машина, полностью чуждая, не имела возможности уничтожить их. Я думаю, частично так оно и было. Я должна, как могу, помочь Хилариону, и не только из жалости, хотя она и проснулась во мне, но и потому, что и меня станут подвергать тем же приказам и стрессам. Я повертела в руках жезл. Хиларион предупреждал меня, что мне жезл не поможет, но у меня был слабый шанс передать жезл ему. Я была уверена, что, когда Зандор освободит меня, он, конечно, потребует какую-то цену за мою свободу.

Оставалась Айлия. Я бросила взгляд на нее. Может ли Зандор уловить посланную ей мысль? Я с почтением относилась к здешним машинам, в основном потому, что ничего в них не понимала. Есть ли среди них такие, что смогут перехватить мысленное послание и предупредить об этом хозяина? Посыл мысли был частью моего таланта, полученного обратно не в полной мере, так что я вынуждена была полагаться лишь на его жалкие остатки. Если только Айлия не заключена в такую же невидимую камеру, она доступна. Именно то, что она без сознания, может сыграть в мою пользу. Галлюцинации и сны были у Мудрых Женщин главными путями, чтобы влиять на других людей. Вопрос: смогу ли я работать над Айлией и не перехватят ли мой мысленный посыл? Насколько я могла видеть, Зандор полностью погрузился в происходившее на экране. Девушка-Вупсалка все еще лежала на том же месте, только повернулась ко мне. Положив голову на руки, она как бы спала естественным сном. Я начала опустошать пространство вокруг себя, часть за частью.

Это был традиционный метод контроля мысли, и я пошла по этому пути, как по темному коридору, проверяя свои знания, как проверяют ногой рывтины. Такое упражнение было мне известно с давних пор, но я никогда еще не выполняла его с такой неуверенностью. Результат зависит от приемных способностей того, на кого влияешь. И в Эсткарпе не было таких отвлечений, какие окружали меня здесь. Я не хотела касаться частоты, на которой действовал Хиларион, потому что это тотчас станет известно Зандору. Я закрыла глаза — не на самом деле, а как меня учили — на все, кроме тела Айлии. Мысленный образ не требовался, она сама была передо мной. Я начала искать по прямой линии к ее мозгу. За ней, похоже, никто не следил, но это могла быть и просто хитрость. Напряжение было очень велико, и я собрала всю свою покалеченную Силу!

— Айлия! — посылала я мысленный оклик. Я много раз видела терпеливых рыболовов, забрасывающих удочку, вытаскивающих ее, снова бросающих — и все без результата. Теперь так было со мной. Я боролась с подступавшим отчаянием, ощущением, что во мне больше нет силы для того, что было когда-то пустяковым упражнением.

— Айлия! — Нет, я не могла коснуться ее. То ли не хватало силы, то ли что-то уничтожило мой поиск. Но если так, каким же образом Хилариону удалось послать мне сон? Или это было галлюцинацией, навеянной Зандором? Не все маги ходят в Тени, но многие. Но можно ли считать Зандора Темным Существом? Я колебалась, терялась и сознавала горечь своего провала. Я отступила и снова начала думать ясно. Моя плененная спутница была частью того, что Зандор делал с этими машинами. Быть такой частью было необходимо для мысленного контакта, поскольку ее тело было в плену. Серые люди нажимали кнопки, не размышляя. Где-то здесь была энергия, родственная нашей Власти и могущая связать с Айлией. Может быть, я смогу осуществить частично такую связь и построить обратную связь для передачи моего убогого мысленного посыла? Правда, это грозит опасностью. Такое прикосновение может притянуть меня, как сталь к магниту. Пожалуй, придется просить Хилариона помочь мне Силой. Интересно, нуждается ли Зандор в сне или его синтетическое тело не знает усталости? Наступает ли время, когда здешняя энергия понижается? Если да, то скоро ли это будет? Ведь Зандор может вспомнить о своей второй пленнице и заняться мною! Я огляделась и увидела, что за то время, что я сосредоточилась на Айлии, тут произошла перемена. Дополнительные экраны потемнели, сидения перед ними пустовали. Зандор стоял перед Хиларионом и смотрел на мага с удовлетворенной улыбкой. Он заговорил, и его низкий голос донесся до меня.

— Неплохо получилось, недруг. Пусть и не своей волей, но ты добавил кое-что к нашим достижениям. Не думаю, что люди в башнях захотят попробовать снова. Они не любят потерь. — Он медленно покачал головой. — Мы работаем лучше, чем предполагали вначале, когда обосновались здесь. Тогда у нас были

машины только для развития наших рук, глаз и мозга. Теперь у нас есть большее. Но те люди все еще правят!— Лицо его исказилось, как будто его терзала внутренняя боль.

— И так будет продолжаться, пока стоят башни! Они сработали хуже, чем предполагали, эти строители башен, когда сделали себя машинами. Мы лучше умрем!— Он ударил кулаком по ладони другой руки.— Человек существует, человек останется!

«Человек,— подумала я.— Он говорит о себе, а Хиларион сказал, что Зандор не человек в том смысле, в каком мы это понимаем. Может, он имеет в виду серых людей, действующих по его приказу и не имеющих ни собственной воли, ни мозга? Он говорит, как человек, сражающийся за правое дело, как говорили мы в Эскоре о Тенях, как говорили в Эсткарпе при упоминании Карстена или Алисона».

Из-за этой войны здесь волчья яма, западня, которой лишь немногие могут избежать. Пришло время, когда для бойцов все средства хороши. Так было, когда Мудрые Женщины вспенили горы и положили конец вторжению Карстена, но заплатили за это дорогой ценой — отдали свои жизни. Они поставили ноги на слишком узкую тропу и не смогли перешагнуть. Они призвали Власть для этого взрыва, но не пожелали договориться с Тенями. Здесь могло случиться иначе. Возможно, вначале Зандор был таким же, как мой отец и братья, но затем вступил на путь Дензила, обольщенный мыслью о победе, в которой он так нуждался, или запахом Власти, который становился все привлекательнее по мере того, как Зандор пользовался ею. Вероятно, он все еще обманывал себя тем, что действует ради высокой цели, и эти действия становились все более страшными.

— Человек останется,— повторил он.— Человек будет здесь!

Он вздернул голову и посмотрел на Хилариона. Серебряные проволоки теперь мягко обвисли, совершенно безжизненные, и, если у Хилариона и был ответ, он не высказал его. В первый раз мне пришла в голову новая мысль: каким образом я понимаю речь Зандора? Ведь это не язык Старой Расы, и даже не тот искаженный, как в Эскоре, и не язык Салкаров. Как это получается? Здесь другой мир — разве что Зандор тоже прошел через Ворота? Видимо, это какая-то магия машин. Они улавливают слова и переводят их для нас. А что машины не могут делать? Теперь я вернулась к своему плану. Энергия машин связана с Хиларионом. Мне она нужна. Но время! Мне нужно время! Зандор пошел ко мне. К счастью, я не изменила позы. Может, я смогу обмануть его, притворившись спящей? Даже такой маленький обман может оказаться выгодным для меня. Если он не скажет ничего... Так и случилось. Я закрыла глаза и слушала приближающиеся шаги. Кажется, он остановился и смотрел на меня. Я напряженно ждала слово, которое положит конец той малой свободе, которая еще оставалась у меня. Но он не сказал ничего, и через некоторое время я услышала удаляющиеся шаги. Я сосчитала до пятидесяти, потом еще до пятидесяти — для гарантии, и открыла глаза. Он ушел. Только один серый че-

ловек сидел перед освещенным экраном. Все остальные экраны были темными и, насколько я могла видеть, в комнате не было больше никого.

Нет, к Хилариону нельзя обращаться. Прикосновение к его мозгу может быть обнаружено, и я не вполне представляла, как вести мысленный поиск кроме того, какой связывал меня с братьями. Есть частоты коммуникаций, отчетливо представляемые, как светлые ленты, лежащие горизонтально от края до края. Коснуться их — это вроде поиска. Мой брат Кайлон всегда умел найти такие частоты животных и пользоваться ими, но я никогда не искала никаких других, кроме хорошо известных. Теперь я должна установить верхнюю и нижнюю частоты, чтобы выиграть время, которого у меня, наверное, мало. Для точного отсчета я выбрала старую, хорошо известную мне точку моих братьев. Может быть, я вскрикнула, не знаю, но, во всяком случае, серый человек не повернул головы: я на миг коснулась такого отчетливого и громкого зова, что вздрогнула и сбила прикосновение, как в тот раз, когда Хиларион коснулся моего мозга. Кто это? Кайлон? Кимок? Однажды Кимок пошел со мной в ужасы неизвестного мне мира, куда более чуждого нам, чем этот. Неужели он потянулся за мной снова?

— Кимок! — окликнула я.

— Кто ты? — Вопрос был таким резким, что громко отозвался в моем мозгу.

— Каттея, — ответила я сразу, не думая. — Кимок, это ты? — С одной стороны, я желала ответа «да», а с другой — боялась этого. Добавить к своему грузу еще тревогу за брата — это больше, чем я могу вынести. Ответ пришел не словами, а изображением. Я увидела, как в окне, комнату с каменными стенами, мрачную, темную. На пьедестале стояла каменная чаша, в которой горела горсточка углей, чуть освещая часть комнаты вокруг чаши. В освещенном участке стояла женщина в одежде для верховой езды Старой Расы — темные брюки и куртка темного, тускло-зеленого цвета, волосы были туго заплетены в косы. Я не сразу увидела ее лицо: оно было повернуто к огню. Затем женщина повернулась ко мне. Глаза ее широко раскрылись, но ее изумление не могло быть больше моего.

— Джелит!

Моя мать! Но каким образом здесь? С нашей последней встречи прошло много лет, когда она уехала искать моего отца и пропала, но время не коснулось ее. Она была такая же, как и тогда, хотя я уже из ребенка стала взрослой женщиной. Я видела, что ее не смущает перемена во мне и что она узнала меня.

— Каттея! — Она шагнула ко мне, протягивая руки, словно мы могли коснуться друг друга через это пространство. Затем ее лицо стало серьезным, и она быстро спросила: — Где ты? — Не знаю. Я прошла через Ворота...

Она сделала жест поднятой рукой, словно отмахиваясь от несущественных деталей.

— Понятно. Опиши мне, где ты.

Я это сделала, рассказав все как можно короче. Когда я кончила, она вздохнула как бы с облегчением.

— Это очень хорошо. По крайней мере, мы в одном мире. Теперь скажи: ты искала, думая о нас?

— Нет, я не знала, что ты здесь.

Я быстро рассказала, что должна сделать.

— Маг, создавший Ворота, в плену!

Она задумалась.

— Похоже, дочка, тебе повезло наткнуться на возможность спасти всех нас. Твой план воспользоваться девушкой вполне разумен, но тебе нужна помощь со стороны, это тоже ясно. Посмотрим, что можно сделать.— Она мысленно позвала:— Симон, иди скорее!

Она снова обратила свое внимание на меня.

— Покажи мне эту девушку через свои глаза, и комнату тоже.

Я сделала для нее то, что не хотела сделать для Хилариона: я отказалась от своей воли, чтобы мозг моей матери крепко связался с моим, и она видела бы то, что вижу я. Помогая ей, я медленно поворачивала голову.

— Это Колдеры?— спросила я.

— Нет, не похожи. Я думаю, что этот мир когда-то был близок к миру Колдеров, и кое-что от их Власти перешло сюда. Но сейчас это невозможно. Я знаю вход в нору, где ты находишься. Мы придем по возможности быстро. До тех пор не связывайся со мной без большой необходимости. Но если этот Зандор займется работой над тобой, как и над Хиларионом, немедленно вызывай меня.

— А как насчет Айлии?

— Ты совершенно права: она может стать для нас ключом свободы, но пока мы не можем ею заняться. У нас нет времени. Самое главное — маг. Он знает Ворота, они его творение и будут подчиняться ему. Нам необходимы эти Ворота, если мы хотим вернуться в Эсткарп.

Она неожиданно улыбнулась.

— Время, видимо, бежало для тебя быстрее, дочка, чем для нас. Вижу, что я родила как раз такую, о какой мечтала: дочь моего разума, как и моего тела. Будь осторожна, Каттея, и внимательна, не упускай ни одного шанса, который может послужить спасением для нас всех. Сейчас я отключаюсь, но, если понадобится, зови немедленно!

Окно в каменное помещение исчезло, а я стала размышлять, как мои родители оказались здесь. Она говорила с отцом, как будто он был на некотором расстоянии от нее, а не в другом мире. Может, он прошел через другие Ворота в этот мир, и она пошла за ним? Если так — значит, те Ворота тоже захлопнулись за ними. Это вернуло меня к Хилариону. Мать сказала, что сотворенные им Ворота должны подчиниться ему. Значит, мы должны освободить его, чтобы тоже вернуться в свой мир. Но время... Друг оно нам или враг? Я порвалась в плаще и достала сверток с едой, похищенной у серых людей. Это был какой-то

темно-коричневый брусок, ломавшийся в пальцах. Я понюхала его: запах странный, но не противный. Во всяком случае, это была моя единственная пища, а я была голодна, так что я стала ее жевать — сухую и рассыпчатую. Я запила водой из контейнера и кое-как проглотила. Теперь оставалось только ждать, а ждать — самое трудное.

Глава 13

Но я могла думать и рассуждать. Мать говорила, что в этом мире время течет медленнее, чем у нас. Правда, если судить по мысленному изображению, она казалась не старше, чем была, когда отправилась на поиски отца, а мы тогда были детьми, еще не вступившими на свой жизненный путь, а теперь я чувствовала себя безмерно старше своих лет. Конечно, они хотят вернуться домой, поэтому мать так обрадовалась Хилариону, но если они рискнут прийти в эту шахту, не попадут ли они в ту же сеть? Я хотела было дать ей предостережение по мозговой связи, но вовремя вспомнила, что она, по ее словам, знает это место. В таком случае, она знает и о его опасностях. Столб передо мной сверкал, но серебряные нити опустились, скрыв тюрьму мага. Видимо он спал. Внезапно я заметила слабое движение там, где лежала Айлия. По-видимому, на ней не было невидимых пут. Она очнулась от бессознательного состояния, в котором была так долго, медленно села и повернула голову. Глаза ее были открыты. Приглядевшись, я подумала, что она не вполне сознает окружающее, что она все еще какая-то ошеломленная, как во время нашего путешествия по городу башен. Айлия не встала на ноги, а поползла вдоль ступени, на которой лежала раньше. Я посмотрела на серого человека. Он спокойно сидел за своей панелью, как бы не видя ничего, кроме игры света на экране. Айлия добралась до угла, обогнула его и медленно потащилась к дальней стороне. Секунда-две — и она скроется из моих глаз, а может быть, и от возможности добраться до нее, когда она будет мне нужна. Я послала ей мысленный приказ остановиться, но ответа не было. Теперь она была на дальнем конце помоста, и я ее уже не видела. Потом я заметила, что один из серебряных усиков на столбе зашевелился, коснулся другого, тот третьего, а следующие впереди скрылись от моего наблюдения. Я не могла вспомнить, двигались ли усики до пробуждения Айлии или они зашевелились только при ее пробуждении. Может быть, Хиларион был в курсе моих попыток контакта с мозгом девушки-варварки и решил помочь? Продвижение Айлии по той стороне могло привлечь внимание серого человека. Он, конечно, увидит ее, если она проползет мимо, прямо под ним. Я напряженно следила, когда она появится в поле моего зрения, но она не появилась. Арку большого экрана я видела. Если Айлия попытается пройти через нее, я увижу. И тогда я должна позвать Джелит, несмотря на опасность потерять единственную возможность помощи. Но

Айлия не поползла к двери. На экране замерцали вспышки, затем послышался звук, по которому раньше двинулись серые люди. Я увидела, что усики на стеклянном столбе зашевелились и стали медленно подниматься.

Через арку вошел отряд серых людей, а позади них появился Зандор. Это было так неожиданно, что я не успела притвориться спящей. Мне стало страшно, когда отряд серых подошел прямо ко мне и окружил светившиеся брусья моей тюрьмы. Зандор медленно подошел и остановился напротив меня, внимательно разглядывая. Я инстинктивно встала, когда стражники подошли ближе, так что теперь твердо встретила его взгляд. Это не было дуэлью воли, какой она могла быть с кем-нибудь из моей породы и какая была с магом, потому что мы не призывали Власть. Но Зандор явно не считал меня легкой добычей, готовой служить ему, его целям. Я ждала и не посылая зова матери. Я сделаю это, когда не будет другого выхода. Зандор, видимо, пришел к какому-то решению. Он щелкнул пальцами, и один из серых пересек помост и вернулся, толкая перед собой что-то вроде сундука, поставленного на торец. В нижней его части была узкая панель из непрозрачного материала, напоминавшая экран. Сундук поставили напротив меня. За ним встал Зандор и провел пальцами по его поверхности сначала нерешительно, потом нетерпеливо, словно надеялся на легкий ответ, но не получил его. Он ничего не говорил, а серые не выражали никакого интереса к действиям своего хозяина, они просто стояли вокруг, как изгородь. Три раза Зандор коснулся панели. На четвертый раз непрозрачная панель ожила. На ней не было мерцающего узора, как на экранах, только слабая голубая вспышка. Такого же цвета были голубые скалы, означавшие безопасность в Эскоре. Увидеть этот свет было почти успокоением. У меня было странное ощущение, что, если бы я положила руку на экран, я была бы куда более бодрее, чем от пищи, которую только что съела. Зандор отдернул пальцы с резким восклицанием. Он как бы обжегся там, где не рассчитывал на огонь, и поторопился нажать в другом месте. Голубой цвет потемнел. По-видимому, Зандор фокусировал на мне какой-то тест Власти, потому что он твердо держал руку до тех пор, пока цвет не собрался на вершине панели и не остался там, не темнея больше, но и не светлея. Зандор удовлетворенно кивнул и убрал пальцы. Свет немедленно исчез.

— Такая же, но не такая, — сказал он, то ли обращаясь ко мне, то ли думая вслух. В любом случае я не сочла нужным отвечать. Он махнул рукой, и один из серых увез ящик. — Что же это такое?

Что такое? Похоже, он ставит меня наравне со своими машинами. Я, по его мнению, вещь, не личность. Я почувствовала такую же ярость, какая переполняла Хилариона. Неужели Зандор признает только силу машин и поэтому рассматривает нас, имеющих Силу в себе, как род машин?

— Я — Каттея из Дома Трегарта, — ответила я.

Я считала, что эти слова лучше всего подчеркнут, что я, может

быть, даже более человек, чем он. Он засмеялся так презрительно, что я еще больше обозлилась, но во мне проснулось предупреждение: не позволяй ему играть на твоих эмоциях, потому что в этом кроется опасность. Я вернулась к дисциплине Мудрых Женщин и приказала себе смотреть на Зандора объективно, как смотрели бы они. Мне помогло, возможно, и их древнее убеждение, что мужчина — существо низшее. Сама я в это не верила, потому что знала отца и братьев, всех тех, кто имел часть моих талантов, но когда такая идея внушается постоянно, немудрено принять ее за эталон. Это был мужчина — по крайней мере, когда-то был им. Врожденной Власти у него не было, он зависел от безжизненных машин, служивших ему, как наши дух и разум служили нам. Следовательно, при всей его хитрости он, в сущности, не мог быть на равных с колдуньей Эсткарпа. Однако Хиларион, могучий маг, попал в сети Зандора. Да, но Хиларион пришел сюда неподготовленным и был захвачен раньше, чем по-настоящему понял опасность. Я же была настороже.

— Каттея из Дома Трегарта, — повторил он с насмешкой. — Я ничего не знаю об этом Трегарте — страна это или клан. Но, похоже, что у тебя есть то, что может мне пригодиться, когда мы закрепим тебя, как и его — Зандор указал на Хилариона.

— Для тебя будет лучше, Каттея из Дома Трегарта, слушаться нас, потому что в противном случае тебя ждет наказание, какого ты не захочешь получить вторично, хотя ты, наверняка, упряма, если ты сродни тому, в столбе.

Я не ответила — лучше не вступать в спор. В таких случаях речь вянет и наступает молчание. Я была уверена, что Зандор не может читать мои мысли без машин, к которым я питала глубокое недоверие, так что я могла составлять план, не опасаясь, что его раскроют. Серые люди, по-видимому, не нуждались в словесных приказах. Возможно, Зандор контролировал их, как я хотела сделать это с Айлией? Они разделились на две группы и ушли в темную часть комнаты куда-то за моей спиной. Я не поворачивалась и не смотрела на них, не желая выпускать из виду их хозяина. Он сел перед маленьким экраном и развернул сиденье, чтобы быть лицом ко мне. В воздухе вокруг чувствовалась какая-то легкость, говорившая мне об опасности. Если он предполагает взять под контроль и меня, то я, кажется, имею более сильного врага, чем думала. А что Айлия? Я не видела ее за дальним углом помоста, но она не проходила под аркой. Значит, она теперь перед Хиларионом, а Зандор и единственный человек-слуга, все еще сидевший на своем месте, были одни — в данный момент. Я не стала закрывать глаза для точной сосредоточенности, но послала зов, так как видела, что лучшей минуты для атаки у меня не будет.

— Желит! Симон!

Мгновенно пришел ответ, полный, сильный, как будто плечи мои обняли защищающие руки и подняли щит между мной и острием меча. В одной старой легенде говорится, что, если человек с Властью хочет навеки разделить двоих, причиняющих

друг другу боль и слезы, он встряхивает между ними плащ. Я почти поверила, что плащ передо мной. Я как будто видела, ощущала его. Но чувство защиты, окружившей меня, не затуманило моих намерений.

— Что ты хочешь? — быстро спросила мать.

— Отразить Зандора — это первое!

— Вбей! — И я взяла. В меня вдруг хлынула такая сила, какой я не знала с тех дней, когда общалась с Дензилом. Все то, что я вернула себе через Утту и собственными стараниями, было как бледный свет свечи перед полуденным солнцем. И эту силу я направила в команду:

— Айлия!

На этот раз осечки не было, моя команда и моя новая сила вошли в варварский мозг девушки. Я подчинила ее себе, не смея даже вспомнить, что сейчас она была моим единственным оружием для нашего общего спасения. Несколько секунд странной дезориентации, когда я смотрела одновременно на помост, на Зандора и на то место за столбом, где должна была появиться Айлия, а затем я сосредоточилась на последней. Мне никогда еще не приходилось так управлять человеком, если не считать тщательно контролируемых опытов в Месте Тишины, когда я училась. Это было такая страшная вещь, что разум мутило, казалось, будто находишься в таком месте, где человек не имеет права быть. Но я боролась с этим болезненным состоянием и не выпускала Айлию из-под контроля. Сначала ее тело отвечало мне неуклюже и неловко, будто я была бродячим кукольником, пришедшим на рыночную площадь в праздник урожая, но плохо знающим свое ремесло и дергающим как попало за ниточки, привязанные к рукам и ногам куклы, поэтому шагающей не туда, куда надо. Но я не должна быть неловкой, если уж держу ее. Так что я не пыталась укрепиться на ногах, а повернулась и поползла; как ползла сама Айлия недавно, только в обратном направлении. Если я смогу добраться до той ступеньки, где она была, то я, наверное, успею сделать все, что надо.

Я теперь думала не о Джелит и Симоне, а только о сильном потоке, который они мне дали. Я спешила упрочить свой контроль над телом Айлии, хотя не пыталась пока сделать что-нибудь еще, кроме как отвести ее подальше от Зандора. Я прошла дальнюю сторону помоста и угол, из которого видела Зандора в кресле, все еще глядевшего на четыре бруса, которые были мной. Человеку редко удастся увидеть себя иначе, как только в зеркале. Теперь у меня было ощущение головокружения, вращения в каком-то пространстве, которое не здесь и не там, так что я быстро отвела глаза и стала смотреть только на Зандора. Перед каждым моим продвижением шел Страх. Я не понимала, почему хозяин этой тюрьмы до сих пор не оглянулся на меня. Мне казалось, что громадная энергия, которая вела меня, должна была коснуться и его, ведь словно невидимая нить тянулась через открытое пространство и связывала меня в клетке со мной, ползущей в теле Айлии. Наконец я достигла того места, где с

самого начала находилась Айлия. Здесь я остановилась перевести дух. Если Зандор сейчас повернется и увидит меня, я пока в безопасности. Но когда я перемещусь в точку позади него, а это долгое — по крайней мере, мне так казалось — путешествие, я могу быть замеченной и немедленно заподозренной. Он встал, и я невольно съезжилась. Но он не повернул голову, а глядел в глубину комнаты за мою клетку. Там что-то шевелилось — видимо, возвращались серые.

Он подошел и встал перед клеткой. Знает ли он, что я не в своем настоящем теле? Нет, то, что видит маг, Зандор, конечно же, не видит. Теперь я должна сделать последнее движение по ступеньке, встать и побежать к точке непосредственно за Зандором и молиться, чтобы он не повернулся. Теперь все зависело от правильного расчета времени. Я сделала последнее внушение спящему мозгу Айлии — то, что она должна сделать, когда настанет время. Я ввела этот приказ так глубоко и крепко, как только позволила мне вся моя возобновленная Сила. Затем я вернулась в свое тело. Жезл был под руками, наготове. Серые уже подошли к тому месту, откуда я могла их видеть, не поворачивая головы. Они несли множество предметов. Зандор стал сортировать их, откладывая одни в сторону, а другие придвигая к моей клетке. Инстинкт подсказал, что у меня всего несколько секунд в запасе, и я должна быть наготове. Я ждала и видела Айлию, стоявшую на помосте. Ее широко раскрытые глаза смотрели на меня, и прикосновение к ее мозгу уверило меня, что она полна готовности повиноваться последней моей команде, которую я в нее вложила. Зандор снова встал передо мной.

— Ну, моя Каттея из Дома Трегарта, — с издевкой сказал он, — я вполне могу назвать тебя своей, потому что с этого часа ты будешь покорна моей воле. Но пусть эта судьба не огорчает тебя. Разве ты не хочешь жить вечно, чего раньше тебе не было дано? Ты станешь лучше думать обо мне, когда научишься воспринимать мою мудрость, Каттея из Дома Трегарта.

Видимо, он отдал бессловесный приказ своим слугам, потому что они начали открывать ящики и мешки и устанавливать на углу помоста сияющий круг, как основание. Зандор с видимым удовольствием объяснял, что именно они делают. Во-первых, он желал показать мне, что мне не уйти от уготованной участи, а во-вторых, просто был рад иметь слушателя. Видимо, он давно жил в одиночестве, не имея никого под пару своему мозгу, потому что серые явно не были его товарищами — просто добавочные руки к его услугам. Они готовили второй столб, чтобы запереть меня, как Хиларiona. Помещенная там, я буду добавлять свою Власть к Власти машин для защиты и для увеличения знаний Зандора. Похоже, он был уверен, что, как только он объяснит мне всю справедливость и необходимость своих действий, я покорно войду в клетку, гораздо более прочную и постоянную, чем та, в которой я была сейчас, потому что пойму и соглашусь с необходимостью. Древняя война между башнями и этим местом велась так давно, что стала образом жизни, так

что Зандор не мог и думать о каком-либо другом ее образе. Все, что могло упрочить его положение, должно быть взято и пристроено к делу его защиты. И я буду вторым мечом в его руках. Его слуги работали четко, не тратя лишних движений и, видимо, не нуждаясь в указаниях. Они врезали круг в помост и поставили вокруг несколько маленьких машин. Когда они сделали это и отступили, я приготовилась. Сейчас они должны убрать мою клетку и выпустить меня, чтобы затем втолкнуть в другую. У меня считанные секунды, и я напряглась, сжав жезл в правой руке и одновременно стараясь создать видимость покорности и легкой контролируемости.

Видимо, Зандор решил, что лучший противовес всякой попытке к бегству с моей стороны — неожиданность. Сверкающие брусья пропали сразу, без предупреждения, но я была начеку. Я не отскочила назад, как он, вероятно, рассчитывал, я только бросила жезл и с радостью увидела, что Айлия поймала его, без колебаний повернулась, прыгнула на верхнюю ступеньку помоста и ударила острием жезла в столб, как ударила бы мечом человека-врага. Видимо, Зандор не сразу понял, что я сделала, а может быть, был так уверен в себе и своей охране, что такое кооперирование между мной и совершенно бесполезной, по его мнению, девушкой оказалось для него шоком, от которого он не успел оправиться. Я думаю, что абсолютная власть в течение столетий дала ему такую уверенность в способности править миром, что он просто не мог ни предвидеть, ни понять случившегося. Острие жезла пронзило столб-тюрьму, и в ту же секунду все оборудование комнаты разлетелось, как снесенное штормом, и взорвалось над нашими непокрытыми головами. Мощные световые лучи слепили глаза, шум, похожий на тысячекратно усиленный гром, пригибал. Едкий дым сгустился в вонючий туман. Я бежала к арке большого экрана. Я слышала крик Зандора, видела, как серые люди тыкались слепо туда-сюда, когда энергетические лучи хлестали их. Некоторые вещи я видела только мельком и позднее удивлялась, вспоминая подробности. Огненные черви или змеи ползли по полу, падали из воздуха, корчась, как живые. Я перепрыгнула через такого червя и добежала до переднего края помоста.

— Айлия! — мысленно окликнула я. Она, спотыкаясь, подбежала ко мне. Звать мага не было надобности, он уже бежал к арке, свободный впервые за столетия. В его руке был жезл, и он пользовался им, как копьем, направляя его в огненных змей и отгоняя их назад. Напали они на Зандора и его людей или нет — я не видела, потому что желтый туман заливал глаза, но, во всяком случае, змеи эти выстроились за нами чудовищной стражей. Хиларион посмотрел на меня, и я прочла в его глазах торжество. Свободной рукой он показал нам на отверстие в большом экране. В этом жесте был призыв к осторожности. Я поняла, что мы еще отнюдь не избавились от Зандора. По другую сторону экрана нас встретили ряды серых людей. Они держали трубки, какими пользовались те, кто резал транспортные машины. С

помощью моей все еще тройной силы я построила галлюцинацию: она была сделана поспешно и несовершенно, но сейчас годилось и это. Айлия рядом со мной получила внешность Зандора. Серые, увидев его с нами, опустили трубки и расступились, пропуская нас. Мы подошли к площадке под балконом и по жесту Хилариона встали на нее. Она тут же поднялась и вознесла нас на верхний уровень, и как раз вовремя: серые опомнились и выстрелили лучом туда, где мы были секунду назад. Огненные полосы заматались под поднимавшейся площадкой. Я видела, как из-за экрана валит дым, и слышала грохот шторма, который разразился в результате освобождения Хилариона.

— Здорово получилось, волшебница,— впервые заговорил Хиларион.

— Но мы еще не свободны. Не думай, что Зандором можно управлять так же легко, как этой девушкой, которой вы так ловко воспользовались.

— Я никогда не недооцениваю врага,— ответила я,— но помощь идет...

— Вот как? Значит, ты не одна пришла через Ворота, не только с ней?

— Я не одна,— ответила я. Больше я ничего не добавила. Хиларион был теперь ключом, как раньше была Айлия, и я не доверяла ему. Я попрошу его о чем-либо не раньше, чем со мной рядом встанут отец и мать, потому что в глубине моего мозга жил старый вопрос. Многие маги повернулись к Теням. Может, Хиларион был слегка запятнан, а может, был полностью с Тенями. Как знать? Я доверяла Дензилу, а потом оказалось, что он — враг, значит, были на той стороне фронта такие, которые выглядели светом, в то время как на самом деле они выбрали путь великой Тьмы. Общая опасность может временно объединить недругов. Так могло быть и здесь. Но что, если Хиларион проведет нас в построенные им Ворота, войдет с нами в Эскор и там покажет, что он из тех, кого мы боялись? Нет, мы должны держаться настороже, пока не узнаем... А как мы узнаем?

Глава 14

Мы стояли теперь перед монолитной на вид стеной, и я вспомнила, как она разошлась, а потом замкнулась за мной. Как мы выйдем, если дверь управляется машинами Зандора, а у нас нет даже огнеметного оружия, каким пользовались его слуги? А ведь слуги не замедлят появиться здесь и обратят нас в плен. Но у Хилариона не было сомнений. Он подошел к стене. Я заметила, что движется он связанно, как будто долгое пребывание в столбе сковало его тело. Но даже если мышцы медленно повиновались ему, он был полностью уверен в своей Власти. Он сделал выпад жезлом, как воин мечом, и ткнул острием в ту часть стены, где была едва заметная линия раздела. Я почувствовала прилив воли, исходивший от него в этот момент. Из

острия жезла выскочила голубая искра, задержалась на этой линии, растянулась по ней. Пол под нашими ногами вздрогнул, двери неохотно раздвинулись, давая нам для прохода лишь узкую щель. Я толкнула туда Айлию и прошла за ней, оставив Хилариона в аррьергарде. Мы были в темном проходе, по которому я с такой осторожностью пробиралась вчера... или когда? В узкой полосе света из двери я увидела, что Хиларион снова направил на портал свой жезл. Снова голубая искра, и дверь столь же нерешительно стала закрываться. Когда осталась щель не шире пальца, голубая вспышка пошла по полу поперек двери, затем поднялась и прошла тем же манером поверху.

— Не думаю, что они скоро справятся с этим,— с удовлетворением сказал Хиларион. Он говорил медленно, с паузами. Такие интервалы между словами и невнятность речи бывают у людей, телом и духом дошедших до крайности.

— Каттея!— позвал он из темноты.

— Я здесь,— ответила я быстро. Мне показалось, что он окликнул меня то ли для уверенности, то ли для помощи, и это страшно изумило меня. Разве что сражение за свободу и в самом деле истощило его силы.

— Мы должны выбраться на поверхность.— Запинки в его речи усилились, и я слышала его тяжелое дыхание. Я протянула руку и коснулась крепкой, горячей плоти. Он схватил мои пальцы — не сильно, только, чтобы удержать — и я сразу почувствовала, что моя сила переходит от меня к нему и наоборот.

— Нет!— Я попыталась вырвать руку, но тщетно.

— Да!— В его голосе теперь было больше энергии.— Маленькая волшебница, мы еще не вышли из этой шахты, и наша первая схватка может оказаться последней. Я должен иметь то, что ты можешь дать мне, поскольку ты не можешь вести меня, если даже захочешь. Ты не знаешь здешних ловушек, как знаю их я, ведь я сам невольно участвовал в их создании. Я слишком много лет провисел на столбе, чтобы теперь держаться на ногах и быть крепким, как меченосец. Ты дашь мне то, что необходимо, если хочешь выбраться от Зандора.

— Но машины... они в огне,— добавила я к своему упорному сопротивлению.

— Такое с ними бывало и раньше. Есть быстрые методы ремонта, и Зандор уже принялся за дело. Не забывай, что здесь была война, такая война, какая тебе и не снилась, леди волшебница. Такой войны люди нашей крови никогда не видели. В этом месте множество защитных приспособлений, и большинство из них теперь обернется против нас, как только Зандор сумеет пустить их в ход. Так что дай мне свою силу, и поторопимся.

Я вспомнила о своем долге спуске и подумала, сможем ли мы подняться. Айлия шла довольно охотно, но ее, как и раньше, надо было вести. Я не пыталась снова контролировать ее мозг.

— Дай ему то, в чем он нуждается,— пришла мысль моей матери.— Напитай его, а мы будем питать тебя. Он прав, теперь против нас всех выступает тяжело вооруженное войско!

Я оставила свою руку в его руке и почувствовала, как выходит из меня энергия, а он впитывает ее, как губка воду. В то же время в меня входило то, что передавали мне Джелит и Симон, так что я не истощалась: Я снова подумала, что без них Хиларион просто ограбил бы меня, и тогда что стало бы с Айлией и со мной? Мое недоверие к нему усилилось. Мы дошли до подножия лестницы, но маг не повернул к ней, а указал на какую-то часть стены. Этот сегмент начал медленно опускаться, и я узнала платформу. Только двигалась она очень медленно, и Хиларион беспокоился, хотя и не говорил ничего. Он повертел головой, как бы прислушиваясь, но шагов за нами не было слышно. Я горела желанием отступить, даже вернуться к лестнице, лишь бы не зависеть от превосходящего знания Хилариона, но поняла, что он выбирает самый лучший и легчайший путь, и осталась на месте. Платформа в конце концов опустилась, мы вдвоем взобрались на нее, и она начала подниматься, причем, значительно быстрее, чем опускалась. Как только мы поднимемся, мы сможем укрыться в развалинах построек, если достаточно быстро пересечем кратер. Но до поверхности мы не добрались. Платформа остановилась, значительно не дойдя до края. Сначала я подумала, что это временная остановка, но затем увидела, что Хиларион указывает жезлом в центр платформы. На этот раз голубая искра погасла, не коснувшись пола, он попробовал снова, уже с заметным усилием, и, наконец, повернулся ко мне.

— У нас есть две возможности,— сказал он с бесстрастным выражением на лице.— Я выбрал одну — думаю, что и ты выберешь ее же.

— А именно?

— Прыгнуть.— Он указал вниз.— Это лучше, чем быть взятым живым. Я говорил тебе, что здесь сильные защитные устройства. Мы теперь пойманы, к радости Зандора, так же надежно, как если бы он поставил вокруг нас свои силовые поля. Прыгай, пока он и в самом деле этого не сделал!— Сказав это, Хиларион двинулся, чтобы привести свои слова в действие. Я ухватила за него, а он был так истощен, что покачнулся и чуть не упал.

— Нет!— воскликнула я.

— Я не желаю снова стать его вещью!

Но мой зов уже ушел, и я получила ответ.

— Идет поддержка, которую я обещала,— сказала я Хилариону. Я оттащила его к центру платформы.— Здесь те, кто несет нам помощь.— В эту минуту я не знала, какого рода помощь идет с моими родителями. Я только верила, что они ее окажут.

— Это безумие!

Его голова склонилась на грудь, и он качнулся на меня, как будто последние силы ушли от него. Я опустилась на пол от тяжести его ослабевшего тела. Айлия упала рядом со мной, и я сидела, поддерживая Хилариона, и смотрела на край колодца,

мучительно ожидая появления своих родителей. Я не знала, какие еще защитные условия и устройства есть у Зандора, и боялась, не слишком ли их много. Вполне могло быть, что Хиларион предлагал правильное решение — пусть зловещее, но лучшее. Время, как всегда бывает в минуты стресса, ползло бесконечно медленно. Я прислушивалась к звукам внизу и время от времени бросала быстрый взгляд на стену: не опускаемся ли мы по приказу Зандора. Если да — мы пропали. Затем я заметила движение наверху и в страхе ожидала, что кто-то спрыгнет сюда, увидев нас. Свет стал менее тусклым. Может быть, мы пришли сюда на заре, и теперь наступает день? Наконец, я увидела, что сверху что-то спускается и стучается о стену с таким металлическим звоном, что я встревожилась, как бы не услышали там, внизу. Когда эта вещь опустилась пониже, я увидела, что это висячая лестница на цепи, какой пользовались на складе транспорта. Она коснулась платформы, и пришла мысль матери:

— Быстрее, наверх!

— Айлия!— Я снова повлияла на ее мозг. Она встала и полезла по лестнице.

— Хорошо!— одобрила мать.— Теперь помоги магу!

Я уже сделала это. Сила тех, кто был наверху, входила в меня и выходила. Хиларион освободился от моих рук и медленно встал. Я подвела его к лестнице. Как только его руки ухватились за нее, он снова ожил и стал подниматься, но не так быстро, как мне хотелось. Когда он поднялся выше моей головы, я, в свою очередь, пустила в ход руки и ноги в надежде, что цепь выдержит троих, так как Айлия все еще была ниже края кодца.

— Держись!— пришла команда матери. Я вцепилась крепче. Теперь лестница поднималась вместе с нами. Снизу послышался скрипящий звук. Я посмотрела вниз на темную платформу. Поднимается? Нет, она опускалась в глубину, где ее, наверняка, ждали люди Зандора. Помощь пришла вовремя. Мы поднимались все выше, и я скоро поняла, что не нужно смотреть вверх, а тем более вниз, следует только изо всех сил надеяться на эту качавшуюся опору. И вот наконец мы по одному выбрались в серый пасмурный день.

Впервые после долгой разлуки я увидела тех, чей союз дал мне жизнь. Мать была такая же, как и в мысленном изображении, а отца я не видела так давно, что почти забыла его лицо. Он стоял рядом с ней, шлема на нем не было, но на теле была кольчуга Эсткарпа. Он тоже выглядел едва достигшим середины жизни, но черты его лица носили вуаль усталости и страданий. У него были черные волосы, как у представителей Старой Расы, но лицо не такое правильное, как у наших людей от узкородственных связей, а резкое, немного тяжеловесное, и глаза были необыкновенные. Они пугали, когда он широко раскрывал их и внимательно смотрел на кого-нибудь. Сейчас он так смотрел на меня. Это была смущающая встреча. Хотя они

и были моими родителями, в детстве я не была близка с ними. Поглощенные своими обязанностями охраны границ, они редко бывали с нами. К тому же мать после родов долго болела, и Кимок однажды говорил, что из-за этого отец не любил нас. Во всяком случае, когда она почти касалась пальцами финального занавеса, и никто не знал, уйдет она или останется, он вообще не мог смотреть на нас. Матерью нам стала Анграт из Фальконеров, а не Джелит Трегарт. И теперь я чувствовала себя чужой и далекой им, поэтому не спешила открыть свои объятия и сердце. Но похоже, что им и не приходило на ум делать такие жесты, по крайней мере, мне так показалось тогда. Отец поднял руку в приветствии, которое тут же перешло в жест, приглашавший всех нас к одной из медленно ползающих машин.

— Давайте туда!— сказал он. Он свернул лестницу и положил ее на плечо. Сбоку в машине была открыта дверь, и мы забрались внутрь. Там было очень тесно. Отец захлопнул дверцу, прошел к своему месту впереди и сел за такую же полку с рычагами, какие были в подземелье у экранов. Рядом с ним села мать и повернула к нам голову, пока мы втроем усаживались.

— Нам надо побыстрее убираться,— сказала она.— Каттея и Хиларион, держите со мной связь. Это может понадобиться для поддержки иллюзии, которую мы оставим за собой.

В полутьме этой крошечной комнатки я видела, что Хиларион кивнул. Он взял жезл за один конец, а другим коснулся спинки сидения Джелит. Левую руку он протянул ко мне через Айлию, и я сжала ее. Мать положила локоть на руку Симона, так что мы четверо были в одной цепи. Наш объединенный мозг шел к одной цели, хотя у нас с Хиларионом это был просто посыл силы, которая будет сформирована и использована Симоном и Джелит, когда они найдут нужным. Не знаю, что они сделали снаружи нашего ползущего ящика, но атаки на нас пока не было. Наверное, они создали имитацию нашей машины и послали ее в другом направлении. Перед передним сиденьем находился экран. На нем появилось изображение кратера, через который мы ехали. Когда я проходила здесь следом за Айлией, я была в таком напряжении, что почти не обращала внимания на местность. Теперь на экране я видела колени от машин, идущие от колодца и к нему. Мы скоро отклонились от их курса и свернули на грунт, где не было следов.

«Но разве мы сами не оставляем колею, по которой нас легко выследить?»— подумала одна часть моего мозга, в то время как другая посылала энергию для поддержки иллюзии. Мой отец был известен как хитрый и находчивый воин. Его предприятия, казавшиеся почти безнадежными, обычно кончались успешно, как, например, его выступление против Колдеров, принесшее им конец. Так что следовало теперь положиться на него, он знал, что делает, пусть даже со стороны его поступки казались безумной ошибкой. Айлия была погружена в тот же сон или беспмятство, в каком находилась в подземелье, и лежала без движения между мной и Хиларионом. Маг присло-

нился к спинке кабины. Глаза его были закрыты, на лице были признаки переутомления, как у моего отца, но руки, державшие жезл и мою руку, оставались крепкими. Мы могли рассчитывать на его помощь, пока находились в этой проклятой стране, поскольку, если нас захватят, его ждет ужасная судьба. Но что будет, когда мы вернемся в Эскор? Не принесет ли его возвращение такую великую опасность моим братьям в Долине, против которой они не выстоят? У меня не было хрустального шара для предвидения, не было и доски Утты для видения возможного будущего — никто ведь не может видеть будущее настолько точно, чтобы сказать, что то-то и то-то обязательно случится. Тут есть множество факторов, способных меняться, так что человек, видящий возможное будущее, может соответственно изменить его какими-то своими действиями. Я решила, что надо будет поговорить с матерью наедине и не мысленно, потому что мысленную речь Хиларион легко уловит. Я буду умолять ее и отца помочь мне удостовериться, что мы не принесем новой опасности — конечно, предполагая, что Хиларион сможет найти и открыть Ворота. Я не была уверена, что найду то место, где мы прорвались в этот мир. Разве что удастся проследить мысленным поиском некую концентрацию в этом месте. Такое нарушение структуры пространства-времени должно оставить «запах», который человек с талантом уловит.

Ехать в ящике было нелегко. Как только мы выползли из кратера, начались толчки, скольжения, тошнотворная качка. Кроме того, нас оглушала пульсация, отмечающая жизнь машины, а едкий воздух этого мира становился все хуже, скапливаясь в нашем тесном помещении. Но все эти неудобства не имели значения. Мы сосредоточились только на накоплении энергии для прикрытия нашего бегства. Экран показал остатки древних построек, окружавших кратер. В этой части они были более заметны, чем там, где я проходила. Мы ехали извилистым маршрутом со скоростью пешехода. Я думала, что нам лучше было бы бежать на своих ногах, чем трястись в этом вонючем ящике, но неожиданно мы резко остановились, и я увидела то, что, как видно, встревожило отца: движение по верху обрушившейся стены. Это был не человек, а черная трубка, нацелившаяся сейчас на нас. Отец остался сидеть, твердо упираясь ногами, но голова и плечи его исчезли в отверстии наверху. Что он там делал — не знаю, но по экрану пронесся огонь, ударивший прямо по трубке. Под струями огня трубка стала сначала тускло-красного цвета, а потом все более светлой и яркой. Затем наше оружие принялось поливать дорогу огнем из стороны в сторону. Прошло несколько долгих минут, потом отец выключил его.

— Автоматическое оружие, — пояснил он. — Галлюцинация на него не действует. Я думаю, оно должно было сжигать все движущееся, что не отвечало определенным паролем. — В своем родном мире отец встречался с таким оружием и, по-видимому, умел вести такой древний вид войны и в этом кошмарном мире.

— Здесь есть и еще что-то?— спросила мать.

Отец угрюмо рассмеялся.

— Если бы здесь было что-то, мы бы уже знали об этом. Но, пока мы бредем по открытой местности, будет что-нибудь и еще, в этом я не сомневаюсь.

Мы поползли дальше, и теперь я пристально следила за экраном, не появится ли еще такой же или какой-нибудь другой металлический часовой. Мы обнаружили еще двух таких же и уничтожили их тем же способом — вернее сказать, отец уничтожил. Наконец мы оставили позади этот забытый город и выехали в открытую местность, где покрытая пеплом земля кое-где прерывалась высохшей растительностью, то мертвой, то полной какой-то отвратительной жизни. Наше путешествие, похоже, будет продолжаться вечно. Затянутое облаками небо начало темнеть. Я проголодалась и хотела пить, а мои запасы остались в подземелье. Наконец мы остановились, и мать разделила на всех несколько глотков воды и дурно пахнущее сушеное мясо. Надо было жевать и глотать в надежде, что оно утолит голод и даст силу. Отец откинулся на спинку сидения, держа руки на приборной доске. Лицо его было серым от усталости, но он не сводил глаз с экрана.

— Мы ищем твои Ворота,— сказала мать, обращаясь к Хилариону.— Можно их найти?

Хиларион поднес к губам контейнер с водой и медленно сделал глоток, как будто тянул время для принятия какого-то решения, а затем ответил вопросом:

— Ты — Мудрая Женщина?

— Я была ею до того, как выбрала другой путь.— Она повернулась, чтобы лучше видеть Хилариона.

— Но ты не утратила того, что имела,— сказал он, уже не спрашивая, а утверждая.

— Я выиграла больше!— В голосе матери слышались гордость и что-то вроде торжества.

— Значит, ты понимаешь природу Ворот,— продолжал маг.

— Да, и я знаю также, что эти Ворота создал ты. Мы ведь уже давно ищем тебя, и у нас уже были кое-какие сведения о том, где ты. Но тебя обернули во что-то, враждебное нашему поиску, так что мы не могли поговорить с тобой, пока Каттея не дошла до тебя и не открыла канал мысли-поиска между нами. Ты создал Ворота и ты можешь ими управлять.

— Могу ли? Не знаю, но попробую. Раньше я сказал бы — да, но теперь я исковеркан чуждым мне учением. Может, это так свернуло меня, что я не смогу снова призвать истинную Власть и получить ее ответ.

— Это лежит на одной чаше весов,— согласилась Джелит.— Но мы не знаем, что на другой, пока не станем взвешивать. Ты был настоящим магом, иначе ты не смог бы создать Ворот. Ты был пленен для других целей — это наше несчастье, но оно не должно быть нашим концом. Ты проведешь нас через свои Ворота?

Он опустил глаза и посмотрел на жезл, который вертел в руках, как на что-то новое и незнакомое.

— Даже в этом я сейчас не уверен, — тихо сказал он. — Но я хорошо знаю, что не смогу быть гидом, если останусь в этой машине. Влияние чужого слишком сильно и может исказить то, что я буду пытаться сделать.

— Если мы оставим машину, — заговорил Симон, — мы пойдем, как голые в бурю. А в этой движущейся крепости мы достаточно защищены.

— Вы спросили, — нетерпеливо сказал Хиларион. — И я ответил правду. Если вы хотите получить ваши Ворота, нам нужно выйти из этого ящика.

— А ты не мог бы пройти немного вперед? — начала я, — сделать все, что нужно, для определения направления, а потом вернуться?

Мои родители продолжали смотреть на Хилариона. После долгой паузы он ответил:

— Можно попробовать... увидеть... — В его голосе была какая-то нерешительность и такая усталость, что я подумала: любое видение такого рода — непосильная задача для него. Но он тут же спросил, обращаясь к Симону: — Считаешь ли ты эту местность в какой-то мере безопасной? Сейчас самое подходящее время для моих усилий. Мы не можем ждать, пока Зандор пустит всю свою силу и мощь за нами. А у людей башен есть свои методы, когда речь идет о чужом, что гуляет здесь. А поскольку вы едете в этой штуке, принадлежащей народу Зандора, воздушные разведчики пустят в ход молнии, как только засекут ее.

И вот мы вышли из краулера в темную ночь и остановились, глядя на окружающее нас запустение.

Глава 15

Когда я вошла в кратер, луна была яркой и полной, а сейчас шла на убыль, но давала еще достаточно света, чтобы мы видели окружающее. Отец жестом приказал нам оставаться на месте, а сам упорхнул — не подберу другого слова, чтобы описать его быстрые движения, когда он, обогнув машину, как бы растворился в пространстве. Я сообразила, что сейчас он использует свои навыки пограничного разведчика. Когда он исчез, мать сказала:

— Непосредственной опасности нет. Так в какую же сторону? — обратилась она к Хилариону. Он поднял голову. Мне казалось, что он раздувает ноздри, как собака, ищущая след. Затем он поднял жезл и приложил его верхушку к своему лбу между закрытыми глазами, словно собирался смотреть внутрь, а не снаружи. Жезл качнулся и указал на направление. Хиларион открыл глаза. В них блеснула искра жизни.

— Туда! — сказал он уверенно.

Мы ничуть не сомневались, что он знает, как провести нас по этой засыпанной пеплом дикой земле. Когда вернулся отец, а это случилось быстро, возможно, по мысленному приказу матери вне моего диапазона, он изучил направление, указанное жезлом мага, а затем проверил по приборной панели краулера. Но мы не пошли сразу, а сначала отдохнули, а один из нас оставался на страже. Я спала без сновидений. Когда я проснулась, луна уже исчезла, но было пасмурно. Мы поели и немного попили из наших скудных запасов. Отец сказал, что вряд ли мы встретим что-либо враждебное, тем более что и механические часовые краулера ничего не регистрировали. Мы снова поехали, теперь уже по указанию Хилариона. Но через час отец резко повернул машину, и на раскачивавшемся ходу повел ее под скалистый выступ. Он контрольной панели шло жужжание, пока отец не прекратил его, прижав кнопки и рычаги. Кроме голой скалы, в трещине которой мы были зажаты, мы ничего не видели и сидели молча. Отец не повернулся и не дал никаких указаний, только смотрел на приборы. Я боялась, что есть опасность, которую он при всей своей ловкости не предусмотрел, и прислушивалась, сама не знаю к чему. Хиларион задвигался, как бы разминая свое длинное тело.

— Люди башен,— сказал он уверенно.

— Их флайер,— согласился отец.

— Эта машина послушна тебе,— продолжал Хиларион. Он кивнул в сторону матери.— Однако она из Старой Расы, а они не любят машин.

— А я не из Эсткарпа,— ответил отец.— Похоже, все миры связаны Воротами. В своем времени и мире я был воинком и пользовался подобными машинами, ну, может, не совсем такими. Эту мы нашли на берегу моря, как только пришли сюда через Ворота, которые закрылись и не пустили нас назад, и с тех пор это наша крепость.

— Только, пока ты держишься подальше от башен,— прокомментировал Хиларион.— И давно вы странствуете так, разыскивая Ворота, чтобы вернуться?

Симон пожал плечами.

— Мы считали дни, но время здесь, кажется, идет не так, как в Эсткарпе.

— Как?— Хиларион удивился. Какие же потрясения ждут его, когда, вернувшись, он увидит, сколько лет прошло в Эс-коре.

— Я оставил маленькую дочь,— сказал отец,— а теперь вижу взрослую женщину, пришедшую собственным путем к той же цели.— Он повернулся ко мне с неуверенной и о чем-то просящей улыбкой. Хиларион с удивлением посмотрел на меня, а затем на Симона и Джелит. Джелит кивнула, как бы отвечая на невысказанный вопрос мага.

— Каття— наша дочь, но мы расстались с ней очень давно. И, похоже, что за это время случилось многое.— Она обернулась ко мне.

«Мне надо очень тщательно выбирать слова,— подумала я.— Я могу рассказать им, что произошло в Эсткарпе и частично об Эскоре».

Поскольку у меня не было доверия к Хилариону и я не имела возможности отвести мать для разговора в сторону, я должна была говорить очень осторожно. Я рассказала, что случилось с нашей тройкой с тех пор, как Джелит уехала: как меня взяли Мудрые Женщины, и я много лет провела в Месте Тишины, о взрыве, который волшебницы Эсткарпа направили против Карстена, как Кайлон и Кимок освободили меня и увезли в Эскор. Я рассказала, что мы приехали в страну, над которой тоже нависли военные тучи, что мы объединились с теми, кто был близок нам по духу, но не упоминала ни имен, ни мест. О своих личных несчастьях я, насколько могла, умолчала, сказав только, что была околдована человеком, обманувшим нас всех, и что поехала обратно в Эсткарп для лечения. Затем я рассказала о Вупсалах и рейдерах, а также о том, как я и Айлия очутились в цитадели на мысе и прошли через Ворота. Я не решалась мысленно сообщить матери, что это не все и что должен быть еще разговор наедине, но что-то в ее глазах сказало мне, что она поняла и при первом же удобном случае мы поговорим. Я очень боялась, как бы Хиларион не засыпал меня вопросами о том, что случилось в Эскоре с тех пор, как он оказался здесь, но он, как ни странно, этого не сделал. Я решила, что это его молчание подозрительно, и готова была даже отказаться от возвращения, потому что с нами вернется и он. Отец вздохнул.

— Похоже, что наш тщательный счет дней и в самом деле ни к чему. Значит, Карстен теперь отгорожен, а Мудрые Женщины, построив ограду, тоже обратились в ничто? Кто теперь там правит?

— Корис, по моим последним сведениям, хотя он страдает от раны, полученной в последние дни войны, и больше не носит Топор Вольта.

— Топор Вольта!— задумчиво повторил мой отец, как бы вспоминая многое.— Местопребывание Вольта и его Топор... Хорошие дни были! Таких, наверное, для нас уже не будет. Но если Карстен подавлен, то как насчет Ализона?

— Люди, которые присоединились к Кайлону,— ответила я,— говорят, что Ализон, увидя, что случилось с Карстеном, притих и ходит на цыпочках.

— Это ненадолго. Они вновь вообразят себя сильными и достанут мечи из ножен. Корис может править и пусть правит, но со старыми друзьями за спиной и у правой руки. Сейчас они ему особенно нужны, раз он не держит Топор Вольта.

Я знала, о чем думает отец, как если бы читала его мысли: хотя он не происходит от Старой Расы, он стал одним из них. Между ним и Корисом из Горма была крепкая дружба, скованная кровью и потом во время войны с Колдерами. Ему больше всего хотелось бы прямо сейчас поехать в Ис-Сити и помочь другу.

— Да,— сказала мать. Она тоже, видимо, знала, о чем он думает.

— Но прежде, чем ехать в Ис, нам нужно вернуться в наш мир.— Она вернула нас к реальности. Отец потряс головой, отгоняя мысли, служившие сейчас помехой. Затем он посмотрел на приборную доску и, казалось, просто читал то, что в моих глазах было сплошной путаницей.

— Как считаешь, далеко еще до твоих Ворот?— спросил он Хилариона.

— Он говорит мне, что надо еще пройти некоторое расстояние,— Хиларион повертел в пальцах жезл.— А как с флайером?

— Он улетел. Скоро двинемся.

В самом деле, довольно скоро краулер выбрался из щели, куда загнал его Симон, и снова покатился по своему маршруту, а мы смотрели на неизменную мрачность этого мира. Нам пришлось объезжать дюны и бугры, и наша возможность видеть, что там, впереди, сильно сократилась. Но в машине отца были и другие предупреждающие устройства, и мы положились на них. Ночь тянулась бесконечно долго. Нас так трясло, что наши тела превратились в сплошные синяки. Мы сделали остановку и отдохнули, после чего на место моей матери сел Хиларион, поскольку его жезл показал, что мы уже недалеко от цели, а Желит села рядом с Айлией. Мы сумели влить в рот девушки немного воды, но она ничего не ела с тех пор, как мы с ней разделили наши запасы в коридоре башни, и я беспокоилась, долго ли она просуществует без еды. Мать успокоила меня, сказав, что в таком бессознательном состоянии телу требуется меньше. Мы поднялись на гребень и начали спускаться. Отец вдруг издал короткое восклицание и быстро передвинул какие-то рычаги. Экран показал, что впереди одна из тех черных, гладких дорог, шедших к башням. Мы спускались прямо на нее, а отец старался приостановить наше стремительное движение. Наконец ему удалось повернуть тупой нос машины резко влево, так что мы встали параллельно дороге. Отец облегченно вздохнул, когда мы остановились, не коснувшись дороги.

— Что же теперь?— спросил он, ни к кому не обращаясь, а как бы в пространство.

Туда!— Хиларион завертелся на сиденье, указывая жезлом через дорогу. Отец резко хмыкнул.

— Легко сказать! Мы не можем пересечь эту дорогу ни здесь, ни дальше.

— Почему?— Нетерпение Хилариона усилилось. Видимо, он был близок к цели, а ему запрещали идти по прямой.

— Потому что это не обычное шоссе,— ответил отец.— Это передача силы, которая приводит в движение транспорт башен. Этот танк не предназначен для этого. Я не знаю, что произойдет, если он выберется на эту дорогу, но не думаю, что мы останемся живы.

— Что же нам делать? Искать мост?

— Неизвестно, есть ли он, — мрачно ответил отец. — Если мы станем искать какой-то переход — надземный или подземный — мы рискуем удалиться от нашего пути на много лиг. — И он отвернулся от экрана и в упор взглянул на мага.

— Знаешь ли ты точно, насколько ты теперь близок к месту расположения Ворот?

— Лига, может, меньше.

— Разве вот что, — начал отец неуверенно. Он словно выбирал из двух зол меньшее. — Может быть, удастся использовать этот танк в качестве моста. Но если он упадет и выкинет нас посреди дороги... — он чуть заметно покачал головой.

— Я думаю, Симон, — вмешалась Джелит, — что у нас, в сущности, нет выбора. Если мы станем искать окружной путь, то его может и не быть, и мы только напрасно удлиним расстояние между нами и Воротами. Если этот твой план имеет хоть какие-либо достоинства, давайте примем его.

Отец не сразу ответил, он смотрел на экран и, видимо, размышлял, а затем сказал:

Я поставлю на тебя не больше, чем если бы ты прыгала с вершины Латора.

Мать засмеялась.

— Ах, но я же видела, Симон, как ты делал подобные вещи, выигрывая пари и собирая монеты горстями! Жизнь постоянно бросает вызов, и человек не может уклониться даже от самого худшего. Мы это хорошо знаем!

— Ну что ж, ладно. Я не знаю природы этой силы, но думаю, что она идет как поток. Установим контроль и будем надеяться на лучшее.

Мы занялись приготовлениями. По приказу отца мы вышли из машины, взяв с собой и Айлию, а в машину загрузили камни, собранные поблизости, чтобы дать ей нечто вроде якоря против потока силы. Отец достал цепь, которая помогла нам выбраться из колодца, и укрепил ее на плоской крыше танка, чтобы мы могли за нее держаться. Все, кроме отца, залезли на крышу, взяв с собой остатки воды и пищи, а он сел в кабину, в тот маленький уголок, который был для него оставлен. Машина под нами обрела жизнь и снова повернулась носом к дороге. Когда она поползла вниз, к черной поверхности, отец выскочил из кабины и взобрался к нам. Он оказался прав в своих предположениях. Как только тяжелая машина коснулась черной поверхности, она получила толчок, как от мощного речного течения, и наполовину свернула с курса. А если бы она полностью развернулась и потащила бы нас в качестве беспомощных пленников к башням? Или Сила моего отца одержала бы победу? Я лежала, крепко вцепившись в цепь, ее звенья больно вдавливались в мое тело, когда машина под нами дрожала и боролась с потоком. Она шла под углом, но все еще не поворачивалась полностью, что означало бы бедствие. Я не была уверена, что мы хоть сколько-нибудь продвигаемся к цели. Мы уже были далеко от той точки, с которой начали. Что будет, если на нас налетит какая-нибудь

транспортная машина? Я так живо представила себе эту картину, что, пытаясь стереть ее, пропустила поворотный пункт нашей битвы. Я внезапно обнаружила, что отец уже не лежит рядом со мной, а стоит на коленях и отвязывает сумки с провиантом. Он быстро крикнул остальным, и я, подняв голову, увидела, что они смотрят на землю за дорогой, на ту сторону, куда мы стремились. Затем отец крепко взял меня за плечи.

— Отпусти цепь! Когда скажу — прыгай!

У меня не было никакой надежды на успех, но случается, что один человек должен верить другому, и я, борясь со страхом, выпустила цепь, за которую так отчаянно цеплялась, и встала, сначала на колени, а потом, с помощью отца, на ноги. Мать и Хиларион уже стояли, Айлия, вроде бы проснувшись, стояла между ними.

— Прыгай!

Я принудила свое безвольное тело к этому усилию, не смея думать о том, что может случиться. К счастью, я упала на дюну, погрузилась в песок и встала невредимая, отплевываясь и протирая глаза. Освободившись от песка и пепла, я увидела другие покрытые пеплом фигуры, поднимавшиеся из таких же холмов. С ними тоже ничего не случилось: незначительные ушибы, пепел в горле и в глазах — вот и все. Танк теперь полностью развернулся по течению и быстро удалялся к башням. Мы ползали по дюнам, ища и выкапывая наши сумки. Затем Хиларион достал жезл, который для надежности был спрятан под туникой, и приложил его ко лбу.

— Там, — он указал куда-то в холмистую местность.

Айлия шла, хотя ее нужно было держать за руку, и я знала, что мать держит ее мозг. Это было нелегко, и я сразу же стала помогать. Идти по этому зыбучему пеплу-песку было очень тяжело. Иной раз мы вязли в нем по колено. Все дюны выглядели такими одинаковыми, что без жезла Хилариона мы потеряли бы направление, едва отойдя от шоссе. Но все-таки я увидела что-то высокое и твердо стоявшее. Я узнала металлический столб, который видела, когда прошла через Ворота. Страх частично оставил меня. Но найдет ли Хиларион именно то место? Там не было никаких ориентиров. Но наш гид, по-видимому, не сомневался. Он вел нас по извилистой, труднопроходимой тропе, петляя, но все время возвращаясь на путь, указанный жезлом. Наконец он остановился у одного из столбов. Кругом было ужасающе однообразно. Трудно было поверить, что мы действительно достигли нужной точки.

— Здесь, — уверенно сказал маг. Он посмотрел на то, что мне казалось простым пыльным воздухом, что поднимал ветер.

— Никаких признаков... — начал отец. Мать, защищая глаза руками, пристально посмотрела вперед, затем сказала:

— Что-то есть... Волнение...

Хиларион, казалось, не слышал. Он делал быстрые движения жезлом, как бы рисуя в воздухе контуры портала. И в пыли, поднятой ветром — кто знает, может это и не пыль? — остава-

лись слабые рисунки контура, сделанного жезлом. Линии образовывали прямоугольник, перечеркнутый в середине двумя линиями, которые шли из верхних углов к нижним. В четырех отрезках верхушка жезла вписывала теперь символы. Два из них были мне знакомы — они изменяли форму во времени, — другие же были новыми для меня. Последний, пятый символ пересекал все остальные. Когда Хиларион опустил жезл, мы увидели, что маг измучен и слаб, но все еще твердо стоит на ногах, несмотря на ветер и крутившийся песок. Затем он снова начал обводить все детали своего рожденного из воздуха рисунка. Теперь тонкие группы линий приобрели цвет: сначала зеленый, переходивший в ярко-голубой, так что я снова увидела «защитающий» цвет Эскора. Но цвет не удержался и скоро увял, стирая и рисунок. Маг помрачнел и начал рисовать цветом снова. Цвет погас вторично. Мать взяла за руки меня и отца. Связанные физической цепью, мы связали и наши разумы. Энергию, родившуюся в нашей цепи, мать послала Хилариону. Тот с изумлением оглянулся на нее, а затем поднял жезл и в третий раз нарисовал линии и символы. Я чувствовала напряжение, но держалась твердо и отдавала силу по требованию матери. На этот раз нарисованные линии не погасли, зелено-голубой цвет держался, разгораясь все ярче. Когда Хиларион опустил жезл, рисунок сверкал и пульсировал, повиснув в воздухе на фут от земли. Вокруг него ветра не было, хотя в других местах он поднимал густую пыльную вуаль. Некоторое время Хиларион критически оглядывал свое творение, как бы желая убедиться, что в нем нет изъянов. Затем он сделал два шага вперед и сказал нам, не оглядываясь:

— Пора идти!

Мы разорвали цепь. Мать и я взяли наши сумки, а отец поднял Айлию. Маг направил острие жезла в центр перекрещивающихся линий, подобно тому, как вставляют ключ в замок, и Ворота открылись. Я видела, как маг исчез. Я пошла за ним, за мной мать и последним отец. Снова ужасное искривление пространства-времени, и я пскатилась по каменной мостовой, болезненно жмурясь от удара головой о какой-то твердый предмет.

Я лежала на спине против кресла, возвышавшегося в холле цитадели. Пылавшие Ворота были единственной светлой вещью в этом сумрачном зале. Рядом кто-то шевелился. Я повернула голову. Рядом стоял Хиларион с жезлом в руке. Он не смотрел на Ворота, а вглядывался в холл. Не знаю, что он надеялся увидеть — может, стражников, слуг или домохозяцев, — но он не нашел то, чего искал. И эта пустота поразила его. Он поднес руку ко лбу и пошатнулся, а потом пошел вдоль стены холла, как бы желая скорее найти что-то, пока его не охватила настоящая паника. Я почувствовала некоторое облегчение: он просто забыл о нас, поглощенный собственными горестями. Самое время для нас уйти. Несмотря на головокружение, я кое-как поднялась, держась за поручень кресла, и огляделась. Отец уже встал. Айлия лежала перед ним. Он перешагнул через нее и обнял Дже-

лит, помогая ей встать. Они были так крепко спаяны друг с другом, что действительно казались единым телом и духом. Что-то в их манере, когда они стояли рядом, на момент замкнувшись в своем личном мире, заставило меня остановиться. Я вздрогнула, как от холодного ветра, и подумала, как же это, наверное, хорошо — иметь такое единение с кем-то. Кайлон, вероятно, познал это с Дахаун, Кимок — с Орсией. И я бессознательно тянулась к тому же, когда пошла за Дензилом, но в конце концов поняла, что он хотел вовсе не меня, не Каттею-девушку, а Каттею-волшебницу, отдававшую ему свою Власть. Глядя на этих двоих и на мир, который они держали в себе, я поняла, что я еще не настоящая колдунья, которая поставила бы Власть выше всего. Но только это и остается мне в жизни. Сейчас же не время для подобных размышлений: надо узнать обо всем здесь и сделать соответствующие приготовления. Я выпустила ручку кресла и, пошатываясь, пошла к родителям.

Глава 16

— Извините,— сказала я тихо.

Я боялась, как бы мои слова не вывели Хилариона из его озабоченности и не привели сюда слишком рано. Мать повернула голову и посмотрела на меня. Видимо, в моем лице что-то предупредило ее, потому что глаза ее стали настороженными.

— Ты боишься? Кого, дочка?

— Хилариона,— ответила я. Теперь и отец внимательно смотрел на меня. Хотя его рука все еще обнимала плечи матери, другую руку он поднес к поясу, как бы ища оружие.

— Слушайте,— заговорила я шепотом. Я не желала вести мысленный разговор, поскольку в этом месте, пропитанном колдовством, мысленное прикосновение могло прозвучать, как гонг.

— Я не все рассказала вам. Эскор трещит, давно уже разорванный воинственным колдовством. Большая часть тех, кто в этом повинен, поглощена темными силами, которые они сами же и вызвали. Другие ушли через Ворота в другое место и время, но на них до сих пор лежит проклятие за то, что они сделали в далеком прошлом. Мы ничего не знаем о Хиларионе. Я не думаю, что он мастер Мрака, иначе он не мог бы управлять голубым огнем. Но ведь были и такие, кто не следовал ни добру, ни злу, а только своему любопытству, и творил зло в поисках знаний. Теперь мы сражаемся за жизнь Эскора, а я приложила руку к возобновлению древней войны, когда неосторожно работала с магом и нарушила древнее равновесие. И я еще раз нанесла вред, уже другой, совсем недавно, и не хочу взваливать на себя еще и третий груз вины, приведя обратно одного из магов прошлого, который может испортить все, за что боролись мои братья и наши боевые друзья. Хиларион знает слишком много, чтобы взять его в Долину. Надо узнать о нем побольше, прежде чем принести ему какую-нибудь клятву.

— У нас мудрая дочь,— сказала мать.— А теперь рассказывай побыстрее, о чем умолчала раньше. Я рассказала, не упуская ничего, о своем участии в планах Дензила и о том, что случилось дальше. Когда я замолчала, мать кивнула.

— Теперь понятно, почему ты подозреваешь Хилариона. Но...— Она как бы прислушалась, и я понял, что она послала усок мысленного поиска к Хилариону.— Так...— Ее обращенный внутрь взгляд стал обычным, и она обратилась к нам:

— Не думаю, что нам стоит бояться его отношения к нам. Время в том мире, видимо, очень отличается от этого. Даже больше, чем мы думали. Ах, как тяжело человеку видеть, что его мир пропал, хотя сам он еще здесь, на родной земле. Я вот думаю... Скажи-ка, дочь, ты в самом деле считаешь, что Хиларион может угрожать тому, что нам дорого?

Я вспомнила Дензила, отбросила сомнения и сказала:

— Да.

Мать, казалось, не была в этом убеждена. Она открыла нам свой мозг, и я могла прочитать, хотя бы частично, то, что она узнала от Хилариона. Там была такая боль, такое отчаяние, что я вздрогнула и телом, и мозгом и закричала, что не хочу больше ничего знать. Она отпустила меня.

— Как видишь,— сказала она,— его занимают собственные мысли, и они таковы, что их нелегко нарушить. Если мы уйдем...

— Давайте уйдем,— сказала я. Во мне поднялось горячее желание уйти из этого места, принадлежавшего Хилариону, и выкинуть из головы все мысли о маге,— если мне удастся закрыть мозг на часть прошлого. Мне хотелось повернуться и бежать со всех ног, словно за мной гнали Серые Существа, люди-волки. Однако мы пошли спокойным шагом, потому что с нами была Айлия. Я стала думать о ней и о том, что нам с ней делать. Если Вупсалы еще остались в поселке, мы можем разбудить ее спящий мозг и оставить девушку неподалеку, сделав, может быть, кое-какие чары, которые закроют для нее недавнее прошлое, и она вспомнит о нашем путешествии, как о быстро улетучившемся сне. Но если набег действительно положил конец племени, нам придется взять ее с собой в Долину, где Дахаун и ее народ примут ее. Отец оставил одну из сумок с пищей и водой на полу, а другую повесил на плечо. Мы с матерью повели Айлию. Когда мы вышли, я тоже заметила сюрпризы времени: я вошла сюда в самый холодный месяц зимы, а выходила под теплое весеннее солнце месяца Хризалид. А ведь прошло, по моим расчетам, всего несколько дней. Снег, лежавший на этой большой площади, уже исчез. Несколько раз мы вспугивали веселых ящеров и других мелких животных. Одни замирали, глядя на нас круглыми настороженными глазами, другие поспешно исчезали. Я с некоторой опаской смотрела на улицы и дороги перед нами, потому что плохо помнила, как мы шли через цитадель. После того, как мы дважды оказались перед глухой стеной, я высказала свои опасения вслух.

— Нет дороги?— спросил отец.— Но ты же прошла без затруднений, так?

— Да, но меня притягивало Властью.

Я не помнила, как мы с Айлией шли. Казалось, дорога была очень легкой и простой от тех ворот, где каменные стражи подавали голос во время ветра, и я совершенно не помнила этих запутанных переходов и переулков.

— Придумано?— спросила я вслух. Мы остановились перед последней стеной, где проход, выглядевший так обещающе, оказался вдруг наглухо закрытым. Вокруг нас были дома с голубыми камнями над дверями и зиявшими окнами, и что-то вокруг них холодило сердце, как зимний ветер холодит тело.

— Сознательно наведенная галлюцинация.

Отец удивился. Мать закрыла глаза. Я знала, что она осторожно пользуется мысленным посылом. Я рискнула последовать ее примеру, все время опасаясь коснуться линии, связывавшей нас с Хиларионом. Мой мозг различил то, чего не видели глаза. Симон Трегарт был прав: на это место была наложена колдовская иллюзия, и стены вставали там, где их не было, открытые места на самом деле были заняты. Закрыв глаза, мы как бы видели другой город, поставленный на тот, который был раньше. Причины этой иллюзии я не могла понять, потому что это не новые чары, поставленные Хиларионом, чтобы сбить нас с толку. Эта иллюзия была очень старая, обтрепанная и поношенная почти до первых нитей.

— Я вижу!— резко сказал отец. Он тоже переключился на другое зрение.— Так... Мы идем сюда.

Сильная рука схватила мою руку, в то время как я и мать держали под руки Айлию. Связанные таким образом, мы стали разрушать чары города, потому что мы закрыли глаза на дневной свет, а наше другое зрение было настроено мозгом. Мы вышли на улицу, спускавшуюся к толстой внешней стене, и я узнала ее. Под ней мы шли, когда спасались от рейдеров. Я дважды открывала глаза, чтобы проверить, действуют ли еще смущающие чары, и каждый раз видела тупиковую улицу или стену дома или часть стены, так что спешила зажмуриться и положиться на другое зрение. Человек, не имеющий подобного дара, не смог бы победить этого колдовства. Мы в этом убедились, когда дошли наконец до ворот. На расстоянии вытянутой руки от выхода на земле лежало тело, раскинув руки, будто хотело схватить свободу, которую не видели глаза. Это был рослый мужчина в кольчуге. Его грубые волосы были заплетены в косы. Богатый шлем валялся в стороне. Лица человека не было видно, и я была рада этому.

— Салкар!— Отец наклонился над телом, но не касался его.

— Не думаю. Во всяком случае, не из того племени, которое мы знаем,— возразила Джелит.— Наверное, это из твоих рейдеров, Каття.

В этом я не могла бы поклясться, поскольку видела их только мельком в ту ночь, когда они напали на Вупсалов, но

подумала, что мать права.

— Он умер уже довольно давно.— Отец снова выпрямился.— Может, он погнался за тобой, Каттея, и для него ловушка сработала.

Но для нас она провалилась. Мы прошли сквозь стену между бронзовыми зверями и нашли здесь признаки того, что люди действительно боялись этих мест: лежала каменная плита, принесенная, наверное, из разоренного поселка, и на ней лежала куча разных вещей. Сначала они, может быть, были разложены как следует, но потом птицы и звери сбили все это в кучу. Там была меховая одежда, теперь запыленная песком и расклеванная птицами, металлические блюда, на которых когда-то лежала пища, меч и топор, к которым с возбужденным видом потянулся Симон. Вообще-то он был посредственным меченосцем, потому что в его родном мире мечи не использовались. Тем не менее, для воина всякое оружие благо, когда нет ничего другого.

— Оружие мертвеца,— сказал он.— Говорят, что взять оружие покойника — значит, взять и боевой гнев.

Я вспомнила, что Кимок, придя за мной в Темную Башню Дензила, нашел меч в тайнике давно исчезнувшей расы и взял его для нашей защиты. Я думаю, поскольку уж рука мужчины инстинктивно хватается за сталь, это оружие скорее будет служить добру, чем злу. Мать тоже взяла что-то с этого жертвенного стола и, держа это обеими руками, вглядывалась почти со страхом.

— Эти рейдеры брали добычу в странных местах,— сказала она.— Я слышала о такой вещи, но никогда не видела. Видимо, они сочли ее достаточно ценной, раз предложили живущим здесь, по их мнению, демонам.

Это была каменная чаша, сделанная в виде сложенных ладоней, но руки были не совсем человеческими: пальцы очень длинные и тонкие, узкие остроконечные ногти покрыты блестящим металлом. Чаша была красно-коричневая, гладкая, отполированная.

— Что это?— с любопытством спросила я.

— Зеркало видения. Им пользуются, как хрустальным шаром, только сюда наливается вода. Не знаю, как эта вещь попала сюда, но она не должна здесь оставаться. Дотронься до нее, Каттея.

Она протянула мне чашу. Я прикоснулась к ней и вскрикнула от неожиданности: камень был не холодным, как я ожидала, а горячим, почти обжигающим. Но Желит держала чашу и, казалось, не чувствовала жара. А я ощущала не только жар, но и волну Власти, и поняла, что это могучая сила, которая может служить нам оружием, как и меч, так естественно взятый отцом. Мать взяла обрывок шелка, также лежавшего на жертвеннике, завернула в него чашу и спрятала ее под тунику. Отец прицепил к поясу меч и сунул туда же боевой топор для равновесия. Эта куча награбленного наводила на мысль, что в ту снежную ночь победителями стали рейдеры, а не Вупсалы. Я бы-

ла уверена, что все это оставили здесь именно рейдеры. Ни разу не видела, чтобы Вупсалы оставляли где-нибудь свои сокровища, кроме как в гробнице Утты. Теперь, прежде чем уйти отсюда, надо было удостовериться, что из народа Айлии никого не осталось. Я объяснила это родителям, и они согласились со мной. Сейчас была середина утра, солнце приятно пригревало. Снега уже не было, лениво жужжали насекомые, и мы слышали утреннюю перекличку птиц. Пока мы не ушли с мыса, я все время была в напряжении, ожидая контакта с Хиларионом, его зова или вопроса, куда мы пошли и зачем. Но теперь мы вошли в покрытый почками кустарник, в нормальный для глаза мир, и мое напряжение чуточку спало. Но я все еще сомневалась и сознавала, что мы не освободились от своего спутника, которого я меньше всего хотела видеть.

Когда мы обследовали поселок, стало ясно, что он пуст, и не потому, что племя отправилось в странствия. На ветру полоскались разорванные шкуры палаточных крыш. Мы осторожно прошли по развалинам. Я нашла хижину, из которой бежала,— когда? Для меня это было несколько дней назад. Морские разбойники побывали и здесь. Сундук Утты был опрокинут, свертки с травами разорваны и содержимое из них высыпано и перемешано. Мать поднимала то сухой листок, то щепотку травяной пыли, нюхала и бросала, покачивая головой. Я поискала рунные свитки, приведшие меня в цитадель, но их не было. Видимо, рейдеры решили, что это ключ к какому-нибудь кладу. В дальнем углу мы нашли кувшин с дорожной пищей из вяленого мяса, спрессованного с сухими ягодами. В данный момент это было для нас дороже любых сокровищ. Айлия стояла за дверью, где ее оставили и, казалось, не видела ничего вокруг и не сознавала, что вернулась в свой поселок. Отец пошел по другим палаткам, но быстро вернулся.

— Место смерти,— угрюмо констатировал он.— Уйдем отсюда.

У меня не было друзей в племени. Я была пленницей, но я никогда не была им врагом, и их смерть всегда будет на мне: они верили в мой дар, а я погубила их. Мать прочла мои мысли, обняла меня и сказала:

— Нет, потому что сознательно ты не обманывала их и тебе ничего не оставалось, как предоставить их своей судьбе. Ты не Утта и ты не могла держаться за выбор, который она заставляла тебя сделать. Так что не бери на себя чужой груз. Это зло жизни, и в какой-то мере люди сами виноваты, когда это зло приходит как акт судьбы.

Слова, предназначенные для утешения и облегчения, сейчас, однако, были только словами, хотя и задержались в моем мозгу, и позднее я вспомнила их. У нас не было ни саней, ни сильных собак, не было настоящего проводника. Мы знали только, что нам нужно на запад. Сколько времени займет путешествие в Долину, и много ли опасностей поджидает нас на пути — можно было только гадать. Я думала, что вспомню дорогу по берегу

реки через страну от места горячих источников, но, когда я сказала об этом отцу, он покачал головой и ответил, что, если долина горячих источников так хорошо известна кочевникам, то лучше обойти ее и направиться прямо на запад. Это была хорошая мысль, хотя мы и не могли быстро идти пешком, особенно с Айлией, которая шла под нашим контролем, но о ней надо было заботиться, как о неразумном ребенке. Итак, мы повернулись спиной к морю и цитадели на мысе. Продуктов у нас почти не было — скверное на вкус мясо, принесенное из того мира, и кувшин из поселка. Но зато недостатка в воде не было, потому что здесь протекала масса ручьев, оживших с приходом весны. Отец поднял с земли два округлых камня и сделал удивительное оружие, какого я не видела никогда. Он скрепил камни ремнем, затем раскрутил над головой и пустил для начала в куст. От удара и веса камней ремень закрутился вокруг ветки и оборвал ее, а с нее почки. Отец засмеялся и пошел освобождать ремень.

— Похоже, я не разучился, — сказал он. Он снова отправил свое оружие, но уже не в куст, а в его неосторожного обитателя — подскочившую вверх птицу. Когда мы остановились на ночлег, у нас было уже четыре таких птицы. Мы зажарили их на костре и с аппетитом съели. Это было очень приятно после долгого пребывания на невкусном рационе. Ночью стало холоднее, но мы не остались у костра. Отец положил в него последнюю охапку листьев и прутьев, а нас повел на место, которое он наметил для ночного лагеря — довольно далеко от этого маяка, могущего привлечь внимание. Он выбрал маленькую рожицу, где зимние ветры повалили несколько деревьев, и те при падении захватили другие, так что получилось нечто вроде шалаша из перепутавшихся веток и стволов. Мы заползли в него и загородились кустарником. Если бы у меня было немного травы из запаса Утты, можно было бы поставить защитные чары, но рейдеры так все перемешали, что выбрать нужное мне не удалось. Мать достала из поясного кармана кусочек голубоватого металла, осторожно провела по нему рукой и воткнула в землю. От него исходил бледный свет, который должен был ярко вспыхнуть, если вблизи появится кто-то из Теней. Правда, против рейдеров, хищных животных или кочевников у нас не было защиты, кроме наших глаз и ушей, поэтому мы установили дежурство. У меня была первая вахта, и я держалась напряженно и боялась пошевелиться, чтобы не разбудить остальных. Мои глаза и уши были настороже, и я пыталась объединить их с мозгом, время от времени посылая короткую мысль-поиск, но с большими интервалами, так как в этой стране ее могут перехватить враги. В ночи было много звуков и шорохов. Моя кровь иногда бежала быстрее, и я настораживалась, но потом понимала, что эти звуки производят ночные животные и ветер. Все время я отгоняла от себя желание подумать о Хиларионе, о том, что он сейчас делает в пустом здании, которое когда-то было центром его владений. Все ли он еще вспоминает прошлое, которого

больше не увидит? Или он преодолел этот шок и снова пользуется своими талантами? Зачем? Ворот он больше делать не будет, в этом я была уверена. Хватит с него и этого долгого заточения у Зандора.

Зандор... Я с удовольствием отгородилась от опасных мыслей о Хиларионе. Интересно, что произошло с Зандором? Может быть, наш побег из его Места Власти сильнее сказался на его машинах, чем думал Хиларион? Может, это подорвало силу Зандора? Ведь мы предполагали погоню, но этого не случилось. Возможно, Зандор так ослаб, что в следующий раз люди башен положат конец его подземному убежищу, и кончится длительная война, принесшая миру пепел и смерть. Но думать о Зандоре — значит, вспоминать Хилариона, так что я прогнала от себя и эти мысли. Оставалось вспоминать о более далеком прошлом, о Зеленой Долине, о Кайлоне, о Кимоке. Все ли еще война там на мертвой точке? Или те, о ком я беспокоилась, зажатые в смертельной схватке? Я послала мысль-поиск в ту сторону.

Только дойдет ли? Я была в таком возбуждении, что забыла, где я, какие обязанности возложены на меня. Я закрыла глаза и уши, склонила голову на руки. Кимок! Я мысленно рисовала его лицо, узкое, длинное, волевое. Вот! Держа его, я все дальше посылала зов, вкладывая в него всю свою силу.

— Кимок!

Пришел ответ! Сначала неясный, затем усиливающийся. Он услышал! Он там! Я не ошиблась, значит, между нами не было стены смерти!

— Где? — бился в моем мозгу его вопрос. У меня тряслась голова, и я была вынуждена придерживать ее рукой.

— Восток... — Больше я ничего не могла сказать: голова моя качалась не от мысленного посыла, а от рук, трясших меня за плечи и разбивавших мысленный контакт. Я открыла глаза с гневным криком.

— Дура! — холодно прошептала мать. Я видела только темный силуэт, но ее крепкие руки все еще держали меня.

— Что ты сделала еще, девчонка?

— Я говорила с Кимоком, — я злилась, как и она.

— Крик для всех, кто слушает, — ответила она. — Такой писк может навести на нас Тени! Если мы не чувствовали их следов, то это не значит, что местность чистая! Не ты ли сама говорила нам об этом?

Она была права, но и я была права тоже, потому что Кимок знает теперь, что я жива, и может прийти к нам. Если между нами и Долиной стоит какое-то зло, то нас предупредят те, кто желает нам добра. Когда я пустила в ход эти доводы, мать отпустила мои плечи.

— Может быть, — проговорила она вслух. — Но хватит... Когда захочешь сделать это еще раз, скажи мне, и вместе мы сделаем больше.

В этом она тоже была права. Но я не могла избавиться от

возбуждения, какое принес мне факт ответа Кимока. Ведь в прошлом, с тех пор, как я участвовала в делах Дензила, я была отделена от того, что делало нас троих единым существом. Пока я мучительно старалась заново освоить свое искусство у Утты, это пришло само собой. Быть снова той, кем я была...

— А будешь ли когда-нибудь?— снова ударил меня шепот матери.— Ты пошла другой доегой, с которой уже не свернешь. Я просила для вас троих то, что считала самым полезным для вас в этом мире: для Кайлона — меч, для Кимока — свиток, для тебя же, дочь,— Дар. Но ты пошла по другому пути, чего я не предвидела. Возможно, это очень плохо для тебя...

— Нет!— мгновенно возразила я.

— Посмотрим, что ты скажешь в будущем,— неопределенно заметила она.— Так вот, дочка, ты не тревожь нас больше посылками. Нам надо отдохнуть.

Вопреки своим нетерпеливым желаниям, я дала ей обещание.

— Не буду... сегодня.

Я снова стала следить только за внешним миром до того часа, когда Желит сменила меня, и я погрузилась в сон. Перед восходом солнца отец разбудил нас всех. Сегодня было гораздо холоднее: на ветвях лежал иней. Мой отец в основном воевал на границах, а мать ездила с ним для обнаружения вражеских разведчиков. Они никогда не ходили пешком. Я тоже, так что теперь мы все трое находили этот способ преодоления пространства весьма утомительным, и это изматывало нас куда больше, чем мы предполагали сначала. Мы старались идти ровным шагом, не слишком быстро из-за Айлии. Девушка шла, куда ее вели, ела, если ей подносили пищу ко рту, пила, когда давали, но была, как во сне. Она так давно отошла от реальности, что я сомневалась, придет ли она в себя когда-нибудь полностью. Мы не могли бы оставить ее в таком состоянии у ее народа, даже если бы и нашли его. Все равно ее убили бы, потому что для кочевого племени она стала бы тяжелым бременем. Утта оставалась с ними так долго только потому, что она имела талант, а Аусу, жена вождя,— потому что имела преданную служанку, заменившую ей руки и ноги.

Глава 17

Симон Трегарт был ловок и хитер, как и всякий, кто подолгу лежал в засадах или обходил ловушки врага в диких горах Карстена. Он шел впереди, иногда приказывая нам оставаться в укрытии, пока он не изучит обстановку и не подаст нам сигнал. Я не могла понять, что вызывало его подозрения, если это что-то не лежало прямо на дороге, но всецело доверяла отцу. Мысленным прикосновением мы не пользовались, поскольку эта сторона не была чистой. Дважды мать приказывала нам поспешно обойти стороной какие-то места, где ее искусство обнаруживало скрытое Зло. Одним из таких мест был холм, на котором

стоял каменный монолит, темно-красный в солнечном свете. Там не было вокруг ни единой травинки, земля была на вид твердая и почерневшая, как после пожара. Само здание, если приглядеться, мерцало по контуру и как бы меняло очертания. Я быстро отвела глаза: нельзя видеть, какую форму может принять эта субстанция. Во второй раз мы чуть не погибли. Это был лес, где деревья были без листьев, но не потому, что для них еще не настало время, а потому, что вместо листвы на ветках были желтоватые копыя или наросты с красными серединками, отвратительные на вид. Они казались открытыми язвами, разъедавшими больную плоть растения. Было слабое ощущение, что дело не только в этих отвратительных деформированных деревьях, но и в том, что в их тени как будто что-то ползает, крадется, не смея выйти на солнечный свет, и ожидает возможности прыгнуть и утолить неистовый голод. Обходя это Зло, мы подались на юг и увидели, что лес гораздо больше, чем мы думали. Его пальцы из пораженных лиан и кустов тянулись в стороны и захватывали растительность. Они дотянулись до берега реки, и мы остановились в нерешительности. Нам оставалось либо пробиться через них, на что у нас не хватало духу, либо идти по воде, если не удастся пройти по узкой полоске гравия под выступом берега, а с Айлией это будет весьма непросто.

Над водой пронеслись звуки, и мы упали на землю на краю берега за тонким экраном кустиков между нами и водой внизу. Я задыхалась от ветра, дувшего со стороны зачумленного леса. Вонь была нестерпимая. Теперь у нас не было возможности уйти, так как с дальнего берега доносились голоса, и только слов нельзя было разобрать. На секунду я подумала, что это спасшиеся из разгромленного поселка, потому что они явно были той же крови, что и Вупсалы, но, когда они зашлепали по воде, наполняя водяные мешки, я не увидела ни одного знакомого лица. Я заметила, что, хотя одежда у них в основном была та же, что и у Вупсалов, вместо плащей, которые носил клан Утты, у этих было перекинуто через плечо что-то вроде тканого одеяла, сложенного узкой полосой. Они явно не торопились уходить: женщины и дети разводили костры и ставили котлы на треногах, а мужчины сняли обувь и шли по воде, растягивая рыболовную сеть и покряхивая от холода. В первый раз я заметила, что Айлия зашевелилась по собственной воле, и быстро обернулась к ней. Лицо ее утратило свое пустое выражение, глаза смотрели на эту сцену работы разумно и узнающе. Она подняла голову. Я испугалась, что она закричит и привлечет внимание этих людей, хотя они и не Вупсалы, и она никого из них не узнала. Я хотела схватить ее за руку, но она уклонилась, ударила меня по голове, что на минуту ошеломило меня. Затем она быстро поползла на коленях, но не к тому месту, а в противоположную сторону, как если бы видела в тех людях смерть, смертельных врагов. Если бы она просто отступила от края обрыва, все было бы хорошо. Но в своей слепой поспешности она поползла к западу, прямо к кошмарным растениям. Ее необходимо

было остановить. Мой отец бросился за ней, схватил ее за лодыжку и дернул назад. Она молча упала ничком — видимо, страх перед людьми племени заставил ее молчать — повернулась и бросилась на отца, сражаясь зубами и ногтями. Самым скверным было то, что во время этой борьбы злые лианы зашевелились, как змеи, готовые напасть. Мы с матерью объединились в мысленном посыле, предназначенном для подчинения Айлии, яростная борьба которой не только могла выдать нас тем людям, но и позволить лианам, поднявшимся теперь в воздух, схватить ее и отца. Айлия обмякла, но отец не смог встать сразу. Мать вскрикнула и побежала туда, я за ней. Мы ухватились за отца и Айлию и оттащили их подальше. Это было сделано как раз вовремя, потому что один из лопнувших наростов выпустил в воздух струю пыли. К счастью, она не долетела туда, куда мы успели отползти, а опустилась на землю под корчившимися стеблями. Похоже, что мы избежали одной серьезной опасности только для того, чтобы попасть в другую. С того берега вдруг донеслись крики, и я увидела там лихорадочную спешку. Рыболовы бросили сеть и зашлепали к нам с оружием в руках.

— Цепь! — раздалась у меня в мозгу команда матери. — Цепь для галлюцинаций!

Не знаю, какого рода изображение она выбрала, чтобы укрыть нас, но того, что получилось от соединения нашей Власти, вполне хватило, чтобы мужчины племени резко остановились среди потока, а их женщины и дети с визгом бросились наутек. На моих глазах мои родители превратились в чудовищ, да и я, наверное, тоже выглядела устрашающе. Только Айлия, лежавшая, как мертвая, осталась в человеческом облике. Мать была ошеломлена не меньше меня, но нерешительность ее продолжалась лишь несколько секунд. Затем она выпрямилась на бесформенных когтистых ногах, угрожающе взмахнула передними лапами с громадными птичьими когтями: демоническая маска повернулась к реке, и из ее горла вырвался рев, способный пробить барабанные перепонки. Увидев и услышав ее, мужчины племени повернули назад и побежали вслед за своими женщинами.

— Убрать. — Отец наклонился и поднял Айлию на чешуйчатое плечо. — Мы достигли цели. Теперь можно убрать.

Уничтожить иллюзии? Но мы уже пытались сделать это, как только люди племени побежали обратно, но иллюзия оставалась в силе. Чудовище, которым была Джелит, медленно повернулось и уставилось на мерзкий лес.

— Видимо, — сказала она, — мы работаем с нашими чарами слишком близко к тому, что может изменить их и повернуть к ужасной цели. Мы не добились невидимости, а зашли слишком далеко в обратном направлении. Теперь я не знаю, как это уничтожить.

Я затряслась от страха. Однажды я уже носила знак Тени, он вовлек меня в такое, о чем не хотелось вспоминать. Кимок ценой собственной крови вернул меня к человеческому роду. Но

я познала ужас и отвращение к себе. Неужели мы снова осуждены на то, чтобы нести такое пятно?

— Плакать будем потом,— сказал отец,— а сейчас нам лучше уйти подальше от этого стока нечистот.

Мы пошли за ним в воду. Я подумала, что теперь нам нечего бояться возвращения племени. Кроме того, вокруг нас была вода, и это в какой-то степени успокаивало, потому что текущая вода сама по себе является барьером для Зла. Я почти надеялась, что моя чудовищная внешность исчезнет, когда поток омоет мою чешуйчатую кожу. Но этого не случилось, и мы вышли из воды, какими вошли в нее, и оказались в наполовину устроенном лагере племени. Увидев несколько брошенных сумок, я пошла на охоту, ища и складывая в мешок сушеную пищу, разбросанную повсюду. Мать прошла мимо меня, наклонив страшную рогатую голову, как бы обнюхивая след. Наконец ее когтистые лапы разорвали туго завязанную корзинку, вывалив сухие травы, и она долго сортировала их, пока не отделила горсточку сухих, ломких листочков. Мы не пошли к реке, а повернули на запад. Теперь отец не ходил уже вперед на разведку, полагая, что наше ужасное обличье вполне может служить защитой. Он нес Айлию, а мы шли по бокам. Следить за нами было некому, потому что даже большие собаки заразились общей паникой и бежали за хозяевами без оглядки.

— Когда будем в безопасности,— сказала Желит,— у меня, кажется, есть кое-что, что вернет нам прежний вид.

— Отлично,— согласился Симон,— но сначала оставим позади как можно больше пространства.

На этой стороне реки были луга. Вероятно, когда-то здесь были фермы, хотя там, где мы проходили, не было и намека на строения. Когда мы подошли к линии деревьев, я убедилась, что раньше здесь в мире и довольстве жили люди. Деревья ничем не напоминали Зло того ужасного леса. На них распускались бутоны, это был фруктовый сад. Некоторые деревья были мертвыми, расщепленными штормом, погибшими от старости, но многие все еще цвели, как обещание продолжавшейся жизни. Жизнь действительно продолжалась. Птицы гнездились здесь в изобилии. Видимо, они надеялись на ранние плоды для своего пропитания. Как тот лес был отмечен клеймом Зла, так здесь чувствовался, до благословения, источник Добра. Я ощущала запахи трав, слабые, но безошибочные. Тот, кто сажал этот сад или ухаживал за ним, посадил также и растения, служившие для лечения и блага. Здесь не было голубых камней безопасности, но были мир и полное спокойствие. Здесь мы и остановились. Айлия спала. Мать достала чашу, изображавшую сложенные ладони. Держа ее в когтях, она медленно поворачивала голову, как бы ища впереди направляющую точку, а затем пошла к одному из деревьев и опустилась на землю. Я пошла за ней, ведомая тем же слабым запахом. В маленьком бассейне журчал источник. Над ним стояло молодое зеленое растение с мелкими желтыми цветочками. Мы в детстве

называли их «глазастиками». Они были хрупкими и держались всего один день, но это были первые весенние цветы. Мать встала на колени и до половины налила чашу водой из источника. Осторожно держа ее, она вернулась к нашему временному лагерю под деревьями.

— Разведем костер?— спросила она отца. Рогатая и клыкастая его голова закачалась.

— А это необходимо?

— Да.

— Пусть будет так.

Я уже собирала под мертвыми деревьями длинные и сухие стебли и ветви, выбирая те, которые дадут сильный, приятно пахнущий дым, и достаточно высохшие, чтобы горели быстро и ярко. Отец тщательно сложил маленький костер и зажег его. По знаку матери я бросила в огонь щепотку трав, которые она набрала в корзинке племени. Джелит наклонилась над огнем, держа чашу обеими лапами и пристально вглядываясь в нее. Я видела, что вода в чаше затуманилась и стала как бы фоном для ясного рельефного изображения. В глубине чаши стоял мой отец — не чудовище, следившее за костром, а человек. Я поняла, что надо делать, и присоединила свою волю к воле матери. Даже вдвоем это было трудно. Изображение в чаше медленно изменялось. Оно становилось бесформенным, чудовищным, а мы следили и напрягали волю. В конце концов изображение полностью совпало с тем существом, которое вело нас через реку. Тогда мать дунула в чашу. Изображение исчезло, осталась только вода, такая же чистая, какой была вначале. Когда мы подняли головы, стараясь выпрямить наши горбатые спины, мы увидели, что отец снова стал человеком. Мать передала чашу отцу, а не мне. Она посмотрела на меня с некоторым сожалением, если такое выражение можно было заметить на ее страшной морде, и сказала:

— Он самый близкий...

Я кивнула. Она была права. У него мысленное изображение выйдет наиболее отчетливым. Я послала свою силу отцу, пока мать отдыхала. Я тоже чувствовала нарастающую усталость и принуждала себя к борьбе. Мать в чаше медленно превращалась из высокой статной женщины в чудище, пока мы не решили, что сделано это хорошо, и отец сдул отраженного в воде демона в ничто.

— Отдыхай,— приказала мне мать.— Остальное мы должны сделать сами, как в свое время дали тебе жизнь.

Я растянулась на земле и смотрела, как они наклонились над чашей, и знала, что они рисуют меня такой, какой видят. Но мы так долго были с ними в разлуке. Смогут ли они построить ту «меня», какую я видела в зеркале? Странная мысль, чуточку тревожная. Я перевела взгляд на цветущие ветви деревьев, под которыми лежала. Во мне поднялось великое желание остаться здесь навсегда, сбросить с себя весь груз. Что-то звякало вдоль моего тела, но я не обратила на это внимания. Гла-

за у меня закрылись, и я, кажется, уснула.

Когда я проснулась, солнце припекало сильнее и клонилось к западу. Значит, добрая часть дня уже прошла. Я удивилась, почему мы не уходим. Я подняла голову, оглядела себя и увидела, что вернулась в свой облик. Мать прислонилась к дереву, а отец лежал, положив голову ей на колени. Он, видимо, спал, а она ласково гладила его по волосам, но смотрела не на него, а куда-то в пространство, и на губах ее была улыбка, смягчавшая ее обычно суровое лицо. Теперь оно было даже нежным, как будто она вспомнила о чем-то счастливом. Меня опять охватило неясное чувство одиночества, пустоты, которые появлялись у меня и раньше, когда я была свидетельницей их чувства друг к другу. Я как бы смотрела на уютную теплую комнату из темной холодной ночи. Мне почти хотелось стереть эту радость с лица матери, сказав ей: «Ну, а что для меня? У Кайлона есть Дахаун, у Кимока — Орсия, а я думала, что найду это в Дензиле. Неужели правда, что, как я узнала от него, любой мужчина, посмотрев на меня, увидит только оружие для осуществления своих честолюбивых замыслов? Неужели я должна отогнать напрасные надежды и пойти узким, бесплодным путем Мудрых Женщин?» Я встала. Мать взглянула на меня. Я и в самом деле нарушила ее мечтательную задумчивость, но не совсем по своей воле. Ее улыбка стала шире — она относилась ко мне с нежностью — и согрела меня.

— Такие чары — утомительная вещь. А место здесь хорошее. Обновляются тело и душа.

Отец зашевелился и встал, позевывая.

— Это верно. Но нельзя спать весь день. Нам нужно пройти порядочное расстояние до темноты.

По-видимому, отец хорошо поспал. Наш отдых благотворно сказался и на Айлии, а может, мать освободила ее от полного мозгового контроля. Она достаточно пришла в себя, чтобы идти, после того, как мы поели из припасов племени. И вот мы оставили этот оазис добра в старом лесу. Когда я проходила мимо последнего цветущего дерева, я отломила веточку, понюхала цветок и воткнула себе в волосы, как какую-нибудь драгоценность. Удивительно, что аромат не ослаб, когда цветок начал вянуть, а, наоборот, усилился, так что я как бы омыла все тело этим нежным запахом. К вечеру мы остановились на вершине небольшого холма, с которого можно было наблюдать во всех направлениях. Мы не стали разводить огонь, но когда темнота сгустилась, мы увидели вдали светящуюся точку — несомненно, костер, как решил отец. Поскольку эта точка была на юге, отец подумал, что там лагерь племени, но очень далеко от реки. Вероятно, они не вернулись на берег даже для того, чтобы подобрать брошенные вещи. Мы опять спали по очереди. На этот раз у меня была средняя вахта. Когда мать меня разбудила, было очень холодно, и я плотнее закуталась в плащ. Айлия лежала чуть подальше. Вскоре после того, как мать пошла спать, я услышала, что Айлия зашевелилась. Она вертела голо-

вой и что-то бормотала. Бормотание сменилось более отчетливым шепотом, и я наклонила голову над ней, прислушиваясь. То, что я услышала, предупреждало об опасности.

— Запад... Злой лес... Через реку на юг... снова на запад... сад... затем на запад к холму мимо сухого дерева, более высокого, чем два других... На запад в место, которое называют Зеленой Долиной.

Она три раза повторила это, затем замолчала. Я была уверена, что она не просто вспоминает нашу дорогу, а сообщает кому-то. Кому и зачем? Ее народ погиб или пленен морскими разбойниками, да я и не думаю, что кто-нибудь из них мог вызвать мозг Айлии. Днем она действовала под влиянием страха, когда увидела другое племя. Нет ли у него ясновидящей вроде Утты, которая следит за нами? Так могло быть, но это был не первый и не лучший ответ, который я нашла. Хиларион! Он не стал бы контактировать со мной или с моими родителями, зная, что такой контакт, даже самый легкий, будет тут же замечен, так что ему придется идти на попытку полного захвата. Но Айлия, по нашим стандартам, была слабой и легкой добычей для любого, владевшего колдовством, поэтому он мог добраться до нее и работать с ней, через нее выслеживая нас. Все мои страхи насчет него вернулись, но в то же время я чувствовала неуверенность, так как помнила, как мысленное прикосновение матери показало мне страшное одиночество Хилариона, унававшего, что случилось с его миром, о возвращении в который он так долго мечтал, пребывая в плену. Я никогда не верила в активное Зло Хилариона. Я боялась только такого Зла, которое родилось бы от безрассудного интереса к исследованиям, любопытства и самоуверенности. Таким он был раньше, таким мог и остаться, и в этом случае он представлял собой угрозу всему, что мы сделали в Эскоре. Если он проследит за нами до Зеленой Долины... Мы могли бы снова заблокировать мозг Айлии, но тогда придется нести ее на руках и постоянно о ней заботиться, а ведь нас, наверняка, ожидают многие опасности, и такая пленница может стать причиной нашей гибели. Бросить же ее тоже немислимо. Окончательное решение принадлежало не мне одной, а всем троем. Все остальное время своего дежурства я прислушивалась, но от Айлии не исходило ни звука. Она спокойно спала. Разбудив отца для последней вахты, я рассказала ему о том, что слышала, чтобы он был настороже, хотя вряд ли Айлия могла передать что-либо еще. Утром мы держали совет. Мать задумчиво рассматривала мои идеи.

— Не думаю, что у племени есть ясновидящая, — сказала она. — Твоя Утта, вероятно, уникальность этого рода. Вот Хиларион — более разумный ответ. Возможно, мы совершили ошибку, оставив его.

— Но... — запротестовала я.

— Да, но... Много «если» и «но» встает перед нами в каждый отрезок времени, и мы выбираем то, что в данный момент считаем лучшим. У нас есть Власть, делающая нас выше некоторых,

но мы никогда не должны думать, что мы выше человечества вообще. Я думаю, что не стоит блокировать мозг Айлии. Она станет для нас чересчур тяжелым грузом. Я также не поставлю наши защитные чары. Такой, как Хиларион, легко прочтет их, как следы на влажной земле. Пусть лучше думает, что мы ни о чем не подозреваем, а когда наше путешествие закончится, мы придем на защиту.

Отец кивнул.

— Так, ты, как всегда, привела все в ясность, моя колдунья-жена. Наша главная задача — пройти через эту местность туда, где мы найдем друзей. Пусть считают нас меньшими, чем мы есть. Это само по себе уже защита.

Это было весьма логично. Но, когда мы на заре выступили в путь, я то и дело оглядывалась, и мне казалось, что за нами ползет какая-то тень и сразу же прячется, когда я оглядываюсь, так что я ни разу не видела ее, а только ощущала ее присутствие.

Глава 18

Мы больше не встретили такого солнечного и приятного уголка, как тот фруктовый сад, но зато и не видели такой гнусной клоаки, как тот лес. Мы, можно сказать, шли по земле, где не ступала нога человека. Дикая местность, но не слишком трудно проходимая. Два дня мы шли прямо на запад. Каждую ночь мы слышали, как Айлия рапортовала о проделанном за день пути. Можно было подумать, что она шла в полном сознании и смотрела вокруг глазами опытного разведчика. На третий день далекая голубая линия на северо-западе разбилась на отдельные горные пики, и я обрадовалась приближению к более или менее знакомой мне местности. Может, сегодня или завтра я наткнусь на отметки, которые выведут нас в места, патрулируемые людьми Долины. К полудню мы поднялись на вершину горы и смотрели оттуда на луга. Трава была пожухлая, побитая зимними холодами, но сквозь нее уже пробивалась молодая свежая зелень. Людей не было, была очень старая каменная изгородь, представлявшая теперь только линию упавших камней. От нее шла дорога, упиравшаяся в медленно текущую реку. В воде было несколько деревьев, протянувших ветви над ее поверхностью, а посередине реки — остров.

Увидев, что было на острове, мы застыли в страхе. Отец предупредил, свистнув, чтобы мы легли и не высовывались на фоне неба: мы наткнулись на яростную битву между вооруженными отрядами. На этой стороне реки скакали туда и сюда черные киплианы — чудовища вроде лошадей, что служили Сарнам-Всадникам. Я думала, что все Сарны погибли при поражении Дензила, но, оказывается, их осталось в живых достаточно, чтобы набрался отряд. Сарны внешне походили на людей и носили плащи с капюшонами. У самого края воды толпились Серые

Существа, вытянув вверх полуволчьи морды, как бы выплевывая и выкрикивая свою ненависть. Но, как всегда, бегущая вода удерживала и тех и других от атаки острова. Однако в этом сборище Теней вода удерживала не всех, в воздухе пронзительно визжали русы — птицы, предвестники зла. Они летали, нацелив клювы и когти на отряд острова. Были и другие, кого не могла удержать бегущая вода. Над водой за клубился желтый туман. Он медленно, но верно тянулся к острову. Только резкие щелчки энергетических хлыстов Зеленых Всадников не допускали врагов близко. Но, возможно, что силы Теней держали только осаду, дожидаясь подмоги, поскольку мы видели движение на другом берегу реки. Там тоже собирались Сарны-Всадники и Серые Существа, а за ними двигалось что-то, настолько скрытое мерцанием воздуха, что мы не могли ничего разглядеть. Я была уверена, что это какое-то мощное Зло. Однажды нас с Кимоком так окружили в Месте Камней. Кайлон и Зеленый Народ пробилась и освободили нас. Здесь же, похоже, окружили самих Зеленых Людей. Кимок! Его имя было у меня на языке, но я не произносила его вслух, чтобы кто-либо из Теней не подхватил его и не использовал как раз против того, кого я хотела защитить. Я видела, как кипит вода вокруг острова, и удивилась: неужели Кроганы, бывшие наши союзники, перешли теперь под знамена Темных Сил? Отец внимательно следил за сценой внизу. Затем он сказал:

— Разумно было бы предпринять какую-нибудь диверсию. Только это не Колдеры и не люди...

Пальцы матери задвигались в понятных мне жестах. Она не пересчитывала врагов, но вроде бы проверяла их. Затем она ответила:

— Они не подозревают о нас. Некоторые из них имеют знания, но это не Мастера — просто рожденные в лучах Власти. Не знаю, удастся ли повернуть их чарами, но попробуем. Армия?

— Начнем с нее, — решил отец.

Мать достала щепотку трав, которыми снимала чары, когда мы выглядели чудовищами. Мы с отцом нацарапали земли с гребня и, смочив ее слюной, скатали в шарики, а мать вдавливала в них травы. Закончив это, она выстроила шарики в линию перед нами.

— Называй их! — приказала она. Отец так и сделал, долго и твердо глядя на каждый шарик. Некоторые из названных им имен я слышала раньше.

— Откилл, Брендан, Дермонт, Осберик. — Последнее было великим именем. Магнус Осберик удерживал Башню Салкаров и взорвал ее вместе с собой и напавшими Колдерами, когда не осталось надежды на спасение.

— Финис, — продолжал отец называть имена пограничников Старой Расы, Салкаров и нескольких Фальконеров. Все эти люди стояли когда-то рядом с ним, но теперь уже умерли, и наша магия не могла им повредить. Когда он кончил, еще не все

шарики получили имена, и заговорила Джелит. Имена, которые она называла, как-то особенно шелкали в воздухе. Она называла не воинов, а Мудрых Женщин, ушедших за финальный занавес. Она замолчала. Один шарик остался неназванным. Что меня заставило? Ничья воля не входила в меня, не давила на мозг, не направляла мою руку, однако я сделала то, о чем и не помышляла. Я указала на последний шарик и назвала имя — не мертвого, а живого. Имя, которое я никогда бы не произнесла без принуждения, неизвестно как сорвалось с моего языка.

— Хиларион!

Мать бросила на меня быстрый оценивающий взгляд, но ничего не сказала, а направила всю свою силу на призыв. Мы с отцом помогали ей. И вот из крошечных кучек земли, слюны и травы стали появляться фигуры, имевшие внешность названных людей. Были они настолько реальны, что можно было коснуться их и почувствовать их твердые тела. Они держали в руках оружие, готовые сражаться, и могли на самом деле убить. Последний шарик, который я назвала, не принес плода. Я подумала: «Неужели только страх перед Хиларионом и, может быть, желание думать о нем, как о мертвом, отделенном от нас, толкнуло меня на сей акт?»

Но сейчас не было времени для праздных размышлений, потому что с гребня горы спускалась армия, вызванная нами. Впереди шли воины, за ними с полдюжины женщин в серых мантиях, у каждой из них на груди висел колдовской драгоценный камень, угрожавший врагу неизмеримо больше, чем сталь мечей воинов. Так сильна была эта галлюцинация, что если бы я не видела сама процесс создания чар, я приняла бы эту готовую к сражению силу за настоящую, живую армию. Но один шарик остался. Я хотела разрушить его, но обнаружила, что не могу этого сделать, и оставила его лежать, пока мы вчетвером пошли за армией, спускавшейся по нашей воле к воде. Не знаю, кто из осаждавших первым заметил нас, только они внезапно все отхлынули от берега и кинулись на нас. Воины стали рубить, хотя вначале я думала, что враг почувствует нереальность армии и отнесется к ней, как к иллюзии. Затем к нам повернулись Сарны-Всадники, и от них полетели огненные копыя. Но никто из тех, в кого они целились, не крутился в пламени и не падал мертвым. И как наши воины встретили Серых Существ, так Мудрые Женщины из второй линии послали вперед лучи из своих драгоценных камней. Лучи эти, коснувшись головы киплиана или его всадника, вызывали, видимо, безумие, потому что киплианы с воплями бежали, но время от времени останавливались, дико лягаясь, скидывая и затаптывая своих всадников, которых не коснулись лучи.

Главным для нас было выиграть время. Я хорошо понимала это и старалась вместе с родителями крепко держать энергию, питающую эту иллюзию. Клубы тумана потянулись от острова к нам. Туман этот был практически нереален, его нельзя было рубить мечом, и лучи, казалось, не вредили ему, хотя он ста-

рался отклониться от всего, что целилось в его центр. И как будто всего этого было мало, подошло ближе и то загадочное, что мерцало на другой стороне реки. Но Сарны-Всадники и Серые Существа не делали никаких попыток перебраться на этот берег и принять участие в сражении или хотя бы доплыть до острова. Они как бы ожидали возможности к отступлению, оставив это странное существо вести битву. Мать внезапно взмахнула рукой, и отец тут же оказался рядом и обнял ее за плечи, поддерживая. Меня задело лишь боковой струей этого хаотического завихрения, косо ударившего в нас, но мать, видимо, получила полный удар. Совершенно ясно, что удар этот исходил из того мерцавшего невидимого нечто. Но если оно предполагало небрежно смахнуть нас такой тактикой, то скоро поняло, что мы гораздо сильнее, чем оно думало. Наши иллюзорные отряды не упали за смертью и не ослабели. Они просто перестали существовать, потому что энергию, дававшую им жизнь, мы отвели для собственной защиты. Но наша армия успела расчистить дорогу к берегу, и люди на острове быстро воспользовались передышкой. Я видела, как встали ринтаны, ранее лежавшие в глубине, на них садились люди, и, размахивая энергетическими хлыстами, сметали остатки гадости. Затем громадными прыжками через воду они бросились к нам. Впереди был Кимок, за его спиной сидела Орсия. Ее волосы и перламутровая кожа поблескивали от воды. За ними ехали Зеленые Люди — четверо мужчин и две женщины.

— Садитесь! — крикнул брат. Отец почти швырнул Айлию к одному из Зеленых Всадников и помог матери сесть позади второго. Я протянула руки к одной из женщин и взобралась на ее ринтана, а отец сел к одному из всадников-мужчин. Киплианы и Серые Существа, раскиданные нашим иллюзорным войском, больше не собрались, и мы поехали к юго-востоку, держась берега реки. Мы ехали и знали, что мерцающая угроза идет позади и что из всего, с чем мы встретились в этот день, она самая страшная. Я оглянулась и увидела, что оно вышло из воды — видимо, бегущая вода не была ему помехой — и движется теперь по нашему берегу. От скорости его передвижения зависела наша жизнь. Мы не могли остановиться и сделать новую армию, даже если бы были в состоянии призвать Силу и дать ей жизнь. Я никогда не знала, какую скорость могут развить ринтаны, но в тот день увидела, и вторично испытывать не хотела бы, разве что в случае самой крайней необходимости. Я вцепилась в женщину, которая сидела передо мной, и все свое внимание сосредоточила на том, чтобы удержаться в седле. Окружающий мир проносился мимо меня с такой быстротой, будто ринтаны летели, не касаясь земли, и я закрыла глаза. Затем мы поехали не по земле, а по воде, и все еще на восток, удаляясь от цели. Каменистое дно под водой замедляло ход ринтантов, но все равно они бежали куда быстрее самых лучших лошадей Эсткарпа. Я боялась оглянуться, потому что безымянное «нечто» посылало нам уже не удары, имевшие целью сбить нас, а что-то вроде покусывания. Для меня эти

коварные прикосновения были хуже удара меча. Их упорство показывало, что, уж если это создание вышло на охоту, его ничто не заставит свернуть со следа. Ринтаны тоже могут устать. Что, если они пойдут медленно или вообще останутся? Наше путешествие по воде закончилось так же неожиданно, как и началось. Ринтаны перешли поток под углом, вышли на противоположный берег и повернули на запад. Близился вечер, а ночь — время Теней. Безымянное «нечто» может созвать помощников, не смевших выйти при дневном свете. Нам необходимо было найти какую-то защиту на ночные часы, и я надеялась, что та, с кем мы едем, тоже понимает это и позаботится обо всем.

Когда ринтаны остановились, я была поражена и могла только предположить, что они и в самом деле выдохлись, поскольку мы оказались в столь же опасном месте, как и то, из которого мы бежали. Мы оказались в открытой низине, где сухая трава была по колено ринтанам. Здесь не было никаких признаков поста Света — ни голубых камней, ни даже того ощущения добра, которое было в саду. Мы были открыты и беззащитны против любой атаки врага. Зеленые люди сошли со спин своих союзников и пригласили нас сделать то же. Затем я наблюдала встречу Кимока с родителями. Кимок был таким же высоким и прямым, как отец, только более стройным. Он смотрел на отца, в его глаза, протягивая ему руки, и отец сжал их в приветствии пограничников, а затем они обнялись и приложились щеками друг к другу. Перед матерью Кимок опустился на одно колено, склонив голову, и она коснулась ее. Затем он поднял на нее взгляд, и она сделала благословляющий знак.

— Хорошее приветствие в дурное время, — прокомментировал отец. — Похоже, что в этом месте у нас не будет защиты.

— Сегодня полнолуние, — ответил Кимок. — В эту ночь нам нужен Свет.

Но нам служила не только луна. Зеленый Народ с уверенностью, показывавшей, что это делается не впервые, огнем своих хлыстов аккуратно нарисовал на земле звезду, достаточно большую, чтобы вместить весь наш отряд. На остриях звезды они зажгли костры из скрученной травы и поставили в середине каждого костра кубик смолы величиной с мужской кулак. Кубик загорелся, но не сильным, быстро кончавшимся пламенем. Из него выходил высокий столб голубого излучения, которое защищало от Зла. Сидя в звезде, мы поели, а затем стали разговаривать. Нам было о чем поговорить. Я узнала, что Кимок с Кайлоном были отнесены лавиной далеко в сторону. С ними был и Вальмонт, к сожалению, сильно пострадавший. Позднее они нашли переломанное тело Рокнара, а меня не могли разыскать. Их чуть не убила вторая лавина, засыпавшая место, которое они начали раскапывать. В конце концов, они вернулись в Долину, надеясь, как и я, что наша связь сказала бы им, если бы я умерла. Зима для Долины оказалась очень трудной. Злые силы с наступлением холодов осмелели, и на границах той части страны, которая была очищена Зеленым Народом и его союзниками, что ни день, то происходили стычки.

Похоже, Тени задумали измотать людей, держа их в постоянной тревоге. Мои братья давно были знакомы с жизнью пограничников, так что легко вернулись к ней.

С приходом весны осаждающие их силы Зла ослабели, так что патруль Долины двигался с военными действиями все дальше и дальше. Кимок был занят как раз таким делом, когда мое прикосновение достигло его, и он тут же поехал искать меня. Сейчас мы находились далеко от зоны влияния Долины, и нам следовало ехать очень быстро, чтобы оказаться под ее покровом. Мы рассказали друг другу о своей жизни, и все это заняло немало времени, хотя мы придерживались лишь голых фактов. Он вздрогнул, услышав о Хиларионе, и сразу же посмотрел на меня. Я знала, что делается в его мозгу. Он думал, не придется ли нам снова бороться с новым Дензилом, только раз в десять более сильным. Я не могла сказать ни «да» ни «нет», потому что у меня не было доказательств, только страх. Рядом с Кимоком сидела Орсия и тоже смотрела на меня. Я избегала ее взгляда, потому что отлично помнила, как под влиянием Дензила желала ей зла. Могла ли я надеяться, что когда-нибудь она сможет смотреть на меня, не вспоминая о прошлом, о той стене, которая стояла между нами? Когда мы наконец легли спать, она пришла ко мне, держа в руке маленький флакончик, не больше мизинца. Она осторожно открыла его и поднесла ко мне, так что нежный аромат коснулся моих ноздрей.

— Спи спокойно, сестра, и будь уверена, что сны, которые придут, не будут иметь ничего от Мрака.

Она увлажнила кончик пальца содержимым флакончика и провела им по моему лбу, векам, губам. Я поняла, что она дала мне свою магию, и поблагодарила ее. Она улыбнулась той же улыбкой и тщательно закрыла флакон. Затем она сделала жест в сторону Айлии, которая сидела и смотрела в пространство невидящими глазами.

— Ей нужно побыть некоторое время в безопасном месте, — сказала Орсия. — Она не нашей крови, и то, что она видела, лежит на ней тяжелым грузом. Когда мы будем в Долине, Дахаун сможет дать ей лучшее лечение, чем мы.

Она повернула голову к ночному ветру. В нем не было миазмов Зла и, хотя было холодно, чувствовалось возобновление жизни. Глубоко вдыхая этот воздух, я чувствовала, как, благодаря сердечной помощи Орсии, с меня свалился один из моих тяжких грузов. Большая часть нашей группы уже отдыхала. Ринтаны, подогнув под себя ноги, пережевывали жвачку и думали свои думы, не похожие на наши, но столь же выразительные. Орсия все еще сидела между мной и Айлией. Она взяла меня за руку и испытующе взглянула.

— Тебе лучше, сестра?

Если это означало вопрос, то я ответила даже с большей твердостью, чем была убеждена сама.

— Да, моя Власть вернулась почти полностью.

— Твоя Власть, — повторила она. — Если ты нашла то, что

тебе дорого, береги это, Каттея.

Я не поняла, что она, в сущности, имела в виду. Пожелав ей, в свою очередь, спокойной ночи, я завернулась в плащ и уснула. Если в душистой жидкости Орсии было благо, то оно, похоже, не сработало. Едва я закрыла глаза, как оказалась на гребне, где мы делали из земли наше маленькое войско. Я снова коснулась пальцами последнего шарика и назвала имя, которое не хотела произносить. На этот раз шарик остался просто землей, а тот, чье имя я назвала, вырос передо мной не таким, каким я видела его в последний раз в его пустой, разрушенной временем цитадели, а таким, каким он был в моем первом сне, когда он сидел в кресле и смотрел на открытые им Ворота. Он посмотрел на меня, и было что-то в его взгляде, от чего мне хотелось отвернуться, но я не могла.

— Ты вызвала меня на Битву Мертвых,— сказал он не вслух, а мысленно.— Значит, ты боишься меня... или ненавидишь?

Я собрала все свое мужество, чтобы ответить честно:

— Я боюсь тебя, вернее, боюсь того, что ты можешь сделать, будучи тем, кто ты есть. Твои дни в Эскоре прошли. Не поднимай там снова своего знамени.

И, как если бы моя настоящая мысль выплыла наверх, чего я боялась больше всего, я увидела позади него развернутое знамя, желтое, как солнечный свет на золотом песке, и на нем скрепленные жезл и меч.

— Не поднимать знамя,— повторил он задумчиво.— Значит, ты думаешь, Каттея, волшебница и колдовская девушка, что мои дни прошли? Я не сержусь на тебя, потому что между нами никогда не будет правителя и подчиненного. Но я предвижу, что ты еще пожелаешь этого знамени. Зови его, когда понадобится.

Я собралась с мыслями, чтобы он не влиял на меня.

— Я хочу только, чтобы ты оставался в своем месте, Хиларион, и не ходил в наше. Я не призываю на тебя зла, потому что уверена, что ты никогда не шел с Тенями. Но оставь нас в покое!

Он медленно покачал головой.

— У меня нет армии, нет ничего, кроме меня самого. А за тобой долг, потому что ты назвала меня именем мертвых. Когда настанет время, весы уравниваются.

Больше я ничего не помню. Остаток ночи я крепко спала и проснулась с неопределенным предчувствием, что наступающий день будет полон опасностей и злоключений, но в первые часы показалось, что я ошиблась. Мы ехали прямо на запад. Ринтаны не мчались, как накануне, но все-таки бежали очень быстро и, казалось, не чувствовали веса всадников. Вскоре мы узнали, что, если Сарны-Всадники и Серые Существа потеряли наш след, то мерцавшее «нечто» унухало его. Скорость у него была больше нашей, хотя оно вроде бы с трудом догоняло нас. Я видела, как два Зеленых Всадника, которые скакали в арьергарде, то и дело оглядывались назад. Я сделала то же, и мне показалось, что я вижу вдалеке мерцание. Оно бросало вперед какое-то влияние, замедлявшее наши мысли, туманившее мозг. Оно действовало и на тело, так

как каждое движение давалось с трудом. Ринтаны тоже начали поддаваться ему. Яркий солнечный свет побледнел. Между ним и нами протянулось тонкое облако, и мы дрожали от холода, словно Ледяной Дракон вылез из своей берлоги и дышал на нас. Наш бег сменился рысью, а затем и шагом, но и он с трудом давался ринтанам. В конце концов передовой, на котором ехал Кимок, громко замычал, и все остальные остановились. До нас дошла мысль передового ринтана:

— Мы не можем, пока эти чары не уйдут.

— Эти чары,— быстро откликнулась моя мать,— выше моих способностей. Нужны знания другого рода. Я не имела с ними дела.

Холод моего тела сравнялся с холодом моего внутреннего страха. Я была уверена, что мать может бросить вызов любому Злу в этой замученной стране и бороться с ним.

— У меня есть магическая вода,— сказала Орсия,— но она слаба против того, что сейчас охотится за нами. А у тебя, Кимок? Брат покачал головой.

— Я назвал бы великие имена и получил бы ответ, но я не знаю, какое имя может иметь дело с этим...

В этот миг я вспомнила то, что знала я одна — кто может встать против нашего преследователя. Я тогда назвала его среди мертвых, сама не понимая, почему. Если я позову его сейчас, то для смерти, потому что тут на нас уже лежало ее дыхание, и тот, кто вступит в эту битву, должен иметь такую мощь, какой нет ни у кого. Даже Мудрые Женщины Эсткарпа должны были работать сообща для своих великих чар. Я могу позвать его, и он ответит и, может быть, погибнет. Так говорил мне мой страх. Может ли женщина позвать человека на смерть, если знает об этом заранее? Если я это сделаю, то не ради своей жизни, а ради жизни тех, кто может создать хорошее будущее для этой страны. Я соскользнула со спины ринтана и побежала назад, к невидимому существу. На бегу я звала на помощь, как зовет погибающий.

— Я вызываю... Твое знаю...

Почему именно так я сформулировала свою просьбу — не могу сказать. Но мне ответила золотая вспышка через все небо. Она несла с собой тепло солнечных лучей, которые так странно ушли от нас. Под знаменем стоял Хиларион. Не глядя на меня, он повернулся к тому созданию, и в его руке был не обнаженный меч, а жезл мага. Он поднял жезл, как воин салютует своим мечом, прежде чем нанести первый удар. Салют был четким, официальным, он содержал вызов тому, кто преследовал нас. Последующего боя я не видела. Мерцание до того усилилось, что мне пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть. Но одну вещь я могла сделать и сделала: то, что требовал от меня Хиларион, когда он был еще пленником Зандора, я теперь отдала добровольно, без его просьбы. Я послала ему всю свою Силу и Власть, опустошая себя полностью. Кажется, я упала на колени, прижимая к груди руки, но точно не помню. Я сознавала только это опустошение и необходимость отдавать. Сколько времени это продолжалось — тоже не знаю.

Затем наступил конец. Я была высушена и пуста, и пустота эта была глубже, чем та, что оставила во мне рана, нанесенная Дензилом. Я слабо подумала, что это смерть. Что же, так и должно быть. Я не боялась смерти, я только хотела вечного покоя. Неожиданно на мои плечи легли горячие руки и подняли меня. Это прикосновение вернуло меня к жизни, но я уже не хотела жить, потому что знала, что я наделала своим зовом.

— Ничего подобного!

Я заставила себя открыть глаза и увидела не слепой хаос, как я предполагала, а того, кто стоял рядом. Я знала, что он не из породы Дензила, которые ничего не дают, а только берут, и что в самом деле между нами никогда не будет ни управления, ни подчинения, а только равенство. В словах не было нужды, и в мыслях тоже было только быстро исчезнувшее удивление: как я могла быть такой слепой и не видеть открытой двери, за которой не было никакого страха. Мы вместе пошли к тем, кто смотрел и ждал. Открыватель Ворот стал защитником жизни, и на этом я заканчиваю свою часть саги об Эскоре.

* * *

Мы хорошо работали вместе. С нашей объединенной Властью мы ездили, сражались и очистили страну от Теней, отгоняя их все дальше, а когда они уползли в свои норы и тайники, мы с помощью Власти запечатали их. Когда большая часть очистки была уже произведена, мои родители уехали в Эсткарп, куда влекло их сердце. Но дороги между нами были теперь открыты, и наши мысли тоже могли долететь туда и обратно быстрее любых посланцев. Мои братья со своими людьми ушли из Долины и завоевали для себя новые земли, а я выглядываю из-за стен цитадели, смело входящей в море. И из пыли веков пришло новое пробуждение, очень плодородное и доброе.

ГОД ЕДИНОРОГА

КОЛДУНЯ И ОБОРОТЕНЬ

Это произошло в Год Единорога.

Пришло время, когда Лордам Высокого Халлака нужно было платить по договору Всадникам-Оборотням, которые помогли им победить вооруженные орды Ализона.

Тринадцать юных девушек — это и была обусловленная цена. Их должны были выдать за чужаков, которые могли принимать как человеческое, так и звериное обличье...

Одной из тринадцати невест, которых Всадники-Оборотни увезли к себе на родину — загадочную страну вне пространства и времени, — была Джиллан.

Было время, когда приветствовалось каждое измерение, потому что, как говорят, ничто не может быть таким пустынным и однообразным, как никогда не изменяющееся течение времени в маленьком обществе, которое отделено от остального мира и существует, защищенное от всяких изменений.

С колоколообразной башни монастыря Норстатт была видна холмистая долина, тянувшаяся до далекого серо-синего гребня гор. Эта долина уже существовала, когда сюда пришел человек, и она все еще будет существовать, когда он исчезнет. Еще недавно в этой местности шла гигантская битва и в течение долгих лет велась вооруженная партизанская борьба против захватчиков из-за моря, пока, наконец, их не оттеснили к их главной крепости на берегу моря. Последнее сражение и, наконец, — мир, во время которого населению этого места пришлось привыкнуть к языку мечей воинов.

Все мы в Нордейше знали это, но пламя войны никогда еще не проникало так далеко в глубь страны, никогда еще не достигало нашей долины. Только те, кто пережил все эти ужасы и искал у нас прибежища, приносили с собой дух войны. Мы сами никогда не видели шаек этих ализонцев, грабящих и захватывающих все на своем пути, и за это женщины Норстатта ежедневно возносили в часовне благодарственные молитвы.

Во время этих беспокойных дней войны я была привязана к монастырю, но были дни, когда я думала, что задохнусь от этого всеподавляющего спокойствия, царящего здесь. Потому что тяжело жить среди чужаков, чужих тебе не только по крови, но и по духу, по стремлениям и намерениям. Кем же я, собственно, была? Каждый в монастыре, кого спрашивали об этом, вероятно, отвечал так:

— Кто это? Это Джиллан, которая вместе с госпожой Алюзан работает в саду трав. Она пришла сюда вместе с леди Фризой восемь лет назад, хорошо разбирается в травах и по большей части сама выращивает их для себя, не является красавицей и у нее нет знатной родни. Утром и вечером она приходит в часовню и склоняет голову, но она не давала обета. Она мало говорит...

— Да, они все мало говорят. Монашки, девушки и леди, нашедшие здесь убежище, но они много размышляют. И они все время напоминают Джиллан, что она не из Высокого Халлака.

Я вспоминаю корабль, сотрясаемый гигантскими волнами. Корабль из Ализона, я это помню. Но сама я не из Ализона, нет. Я находилась на этом корабле с определенной целью и была тогда так мала и юна, но все же боялась этой цели. Но тот, кто привел меня на корабль, стоял под мачтой, которую волны и ветер уронили на палубу. И ни один из его спутников не знал, зачем я нахожусь на корабле.

Это было в то время, когда Лорды Высокого Халлака отчаянно сражались, чтобы освободить страну от собак Ализона. Они напали на порты захватчиков и нанесли по ним уничтожающий удар. И захватили меня. Они отвезли меня в одну из горных крепостей.

Лорд Фарло, как мне кажется, что-то знал или что-то подозревал о моем прошлом, потому что он выделил для меня охрану и приказал своей жене обращаться со мной хорошо. Так некоторое время я прожила в их имении под их опекой. Но это продолжалось недолго, потому что Ализон становился все сильнее и Лордам становилось все труднее сдерживать его. В одну из холодных суровых зим мы бежали, преодолев голую равнину, в одну из высокогорных долин. В конце концов мы достигли Норстатта, но леди Фриза пришла в монастырь только для того, чтобы умереть. А потом Лорд Фарло упал в горах со стрелой в горле и то, что он знал и предполагал, осталось неизвестным. И я снова осталась одна на чужбине, но на этот раз, конечно, в мирном монастыре.

Мне достаточно было только взглянуть в зеркало, чтобы понять, что я не принадлежу к расе Халлака. У женщин Халлака была светлая кожа, румяные щеки и волосы — желтые, как одуванчики на обочине дорог, или коричневые, как крылья певчей птички. В отличие от них у меня была коричневая от загара кожа и лицо мое никогда не было румяным. И мои волосы, уложенные косой вокруг головы, были черными, как безветренная ночь.

Есть одиночество духа, которое переносится намного тяжелее, чем одиночество тела. За все те годы, которые я прожила в Норстатте, я обнаружила только двух людей, которые привлекли ме-

ня. Монашка Алюзан уже была женщиной средних лет, когда я попала в Норстатт. Она тоже держалась несколько поодаль от остальных. Жизнь ее была посвящена травам, она настаивала и комбинировала эти травы, из которых потом приготавливала порошки, мази и настойки, исцеляющие, успокаивающие и освежающие. Ее познания были широко известны, и сражающиеся в горах отряды часто присылали к ней своих самых быстрых курьеров, чтобы попросить у нее средства для заживления ран, от лихорадки и от ревматизма, которые постоянно мучили людей, в любую погоду и в любое время года живущих под открытым небом.

Когда она увидела меня в Норстатте одну, она пристально поглядела на меня, словно рассматривала только что найденную траву, а потом она взяла меня к себе на службу. И сначала это было все, что мне было нужно, потому что я была слишком усталой, чтобы учиться, а дух мой изголодался по какой-нибудь работе. И все последующие годы я была этим вполне довольна.

Я работала в саду, выпаливая сорную траву, когда произошло нечто, нарушившее мою равномерную жизнь, заполненную учением и работой. В саду все еще гудели пчелы на цветах, но внезапно я услышала другой звук, сначала в ушах, а потом в голове. Что-то шевельнулось в моей памяти, но я не могла четко осознать что это было.

Звук этот словно невидимым канатом тянул меня вперед. Я встала и прошла через арку ворот во внутренний садик, который использовался только для отдыха; садик с фонтаном, прудом и множеством цветов в любое время года. Там стояла скамейка, наполвину на солнце, наполвину в тени и на ней сидела одна из монахинь, закутанная в шаль, хотя день был очень теплым. Эта старая монахиня очень редко покидала свою келью и была легендой среди молодых девушек, живущих в монастыре.

Ее лицо под капюшоном было маленьким и бледным, но глубокие старческие морщины виднелись только в уголках ее старческих глаз и вокруг рта. Еще на лице были маленькие морщинки, такие, какие возникают во время смеха. Руки ее были искривлены от старости и неподвижно лежали на животе. На ее пальцах сидела маленькая ящерка, подняв блестящую головку и уставив на нее свои искрящиеся глаза, словно они вели друг с другом безмолвную беседу.

Она все еще глядела на ящерку, но гудение в моей голове смолкло. Потом она тихо сказала:

— Приветствую тебя, дочь моя. Сегодня великолепный день.

Так мало слов, но они были так добры, что я приблизилась и опустилась на скамейку рядом с ней. Так я познакомилась со старой аббатисой Мальвиной, и она тоже стала обучать меня. Но знания ее касались не растений, а летающих и ползающих живых существ. Но аббатиса уже находилась на закате своей жизни и она была моей подругой очень недолго. И только она одна во всем Норстатте знала мою тайну. Я не знаю, чем я выдала ей себя, но она не выказала никакой неприязни,

когда заметила, что я иногда могу воспринимать то, что скрыто в какой-нибудь вещи. Когда я увидела ее в последний раз, она лежала в постели и тело ее, в котором был заключен ее свободный дух, не могло уже больше двигаться — она задала мне вопрос, чего прежде никогда не делала. Но что я могла вспомнить, кроме корабля Ализона? И когда мне стало известно, что я отличаюсь от остальных, с которыми я жила до сих пор? Но я ответила на ее вопрос так подробно, как только смогла.

— Ты очень умна для своего возраста, дочь моя,— ответила она тогда своим слабым голосом.— Это заложено в твоей природе. Недоверие охраняет нас от того, чего мы не понимаем. Я слышала рассказы о стране за морем, где некоторые женщины имеют способности, далеко выходящие за рамки обычного. И я также слышала о том, что тот народ считает Ализон своим врагом и преследует его так же, как эта свора собак из Ализона преследует нас. Очень может быть, что ты относишься к той, другой расе и они по какой-то причине взяли тебя в плен.

— Пожалуйста, матушка аббатиса,— возбужденно обратилась я к ней,— скажите, где находится эта страна? Как я могу...

— Найти путь туда, дочь моя? Нет никакой надежды попасть туда, и ты должна удовлетвориться этим. Если ты отважишься отправиться туда, то снова можешь попасть в руки ализонцев и погибнуть самой худшей и далеко не быстрой смертью. Не омрачай свои юные годы напрасными стремлениями. Ничто не происходит, кроме как по воле Того, Кто Зажигает Пламя. То, что тебе надо, ты получишь в положенное время,— глаза ее улыбнулись.— Я говорю это при Пламени: придет то, что заполнит пустоту в твоей памяти.

Но это было сказано три зимы назад. С окончанием войны внутри стен Норстатта все пришло в движение. Вскоре приехали Лорды, чтобы забрать своих жен, сестер и дочерей. Потом настало время свадеб, и теперь возбуждение царило даже в маленьких комнатухах под колоколообразной башней.

Свадьбы — я думала о них, как о Великом Таинстве. Теперь пришло время, и Великое Таинство началось.

В первые весенние дни Года Грифа между Лордами Высокого Халлака и Всадниками-Оборотнями был заключен договор. Жестокое притесняемые ализонцами, преследуемые ими, боясь каждой тени, гонимые ненавистью и отчаянием, они прибыли в соляные дюны, чтобы заключить договор со Всадниками.

Те Всадники, которые пришли говорить с Лордами, имели человеческий облик, но они не принадлежали к человеческому роду. Они были великолепными бойцами, сильными людьми — или существами,— которые прискакали из северо-восточной дикой местности и все их сильно боялись, хотя они никому не делали ничего плохого и не захватывали никаких земель. Сколько их было, не было известно ни одному человеку, но было известно, что они обладали знаниями, которые намного превосходили человеческие.

Оборотни, колдуны, волшебники... они были всем этим и даже большим. Но уж если они приносили присягу, они были лояльны и верны присяге, несмотря ни на что. И теперь они вместе со своими предводителями были готовы на свой лад бороться за права Высокого Халлака.

Война продолжалась на протяжении Года Огненного Дракона и Года Шершня, пока силы Алисона не были сломлены и полностью разбиты. Из-за моря больше не прибыло ни одного корабля, чтобы доставить продовольствие и припасы людям Алисона. Последний их морской порт на побережье был захвачен, их крепости на возвышенных местах превратились в смрадные руины, и алисонцы, высадившиеся на берег моря, были уничтожены.

Теперь наступал новый год, Год Единорога, и Лорды Высокого Халлака должны были выполнить свою часть договора с Всадниками, так как те выполнили свою часть договора с Лордами Высокого Халлака. Всадники должны были сделать две вещи: помогать Лордам бороться за освобождение, а потом покинуть степи, попутно освобождая их от остатков банд алисонцев, и оставить их в полное распоряжение человека.

А какую плату должны были дать Лорды Высокого Халлака, поклявшиеся на Мече? Лорды должны были заплатить своей собственной кровью, своими дочерьми, которых Всадники требовали себе в жены и которых они хотели забрать с собой в неизвестность.

Насколько было известно в долинах, среди Всадников никто никогда не видел ни одной женщины и никто даже не слышал о их женщинах. Сильно ли отличалась продолжительность жизни Всадников от продолжительности жизни людей, тоже было неизвестно. Никто также никогда не видел их детей, хотя Лорды время от времени направляли своих послов к ним в лагерь, особенно после заключения договора.

Двенадцать девушек и еще одну требовали они — молодых девушек, не вдов и не таких, для которых легкое поведение было обычным образом жизни. И они должны были быть не моложе восемнадцати и не старше двадцати лет. Кроме того, они должны быть благородной крови и тело у них должно быть стройное. Нужно было найти двенадцать девушек и еще одну и в первый день Года Единорога передать их Всадникам на границе степей, чтобы оттуда их новые, чужие хозяева увезли их в будущее, из которого не было возврата.

Что должны были чувствовать эти двенадцать девушек и еще одна? Страх? Да, страх они тоже испытывали, потому что, как сказала аббатиса Мальвина, страх — это самая первая реакция на то, что нам чуждо.

Норстатт дал приют пяти девушкам, которые соответствовали этим требованиям. Но две из них, однако, уже были обвенчаны и с нетерпением ждали этой весной своей свадьбы. А леди Тольвана была дочерью такого высокородного Лорда, что ей подобрали великолепного жениха, несмотря на ее некрасивое лицо и острый язычок. А Маримма с ее похожим на розу лицом и с ее врожден-

ной кротостью... Нет, ее дядя заберет ее из монастыря и возьмет ее с собой на следующую встречу Лордов, где он сможет подобрать ей жениха, который соответствует его понятиям о чести. Зато Суссия — что, собственно, известно о Суссии? Она была старше всех и держала свои воспоминания при себе, хотя с готовностью болтала о всех, даже самых незначительных событиях, происходивших в Норстатте. Другие едва ли замечали, как мало она говорила о себе. Она была знатного происхождения и обладала приятной внешностью и умом. Ее родина находилась в низине, на морском берегу, и там она прожила с рождения до изгнания. У нее были родственники среди военных, но где они сейчас находились, никто не знал. Да, Суссия была подходящим кандидатом. Но как она воспримет это возможное сообщение о том, что выбор пал на нее?

Уже наступали ранние вечерние зимние сумерки и я плотнее натянула двойную шаль, чтобы защититься от резкого холодного ветра. Бросив последний взгляд на заснеженный сад, я спустилась вниз по лестнице башни, чтобы обогреться у огня в большом зале монастыря.

Меня встретил громкий гвалт голосов, и моя шаль зацепилась за крючок возле двери. В зале не было ни одной монашки, но все те, кто нашел убежище в монастыре, некоторые из них провели здесь даже больше года, собрались у камина.

— Джиллан, подумать только,— крикнула леди Маримма весь голос, удивленно глядя на меня, когда я подошла к огню.— Она пришла сюда! Может быть, уже наступил Час Пятого Пламени!

Родственник-воин, вернувшийся с войны,— подумала я. Это могло быть тем, что привело в такое возбуждение весь монастырь.

— Кто прибыл?— Я назвала ближайшего родственника Мариммы.— Лорд Имграй?

— Он и невесты! Джиллан, обещанные невесты! Они уже скажут по степи и сегодня заночуют здесь! Джиллан, это же страшно! Бедные крошки! Мы должны молиться за них...

— Почему?— к нам подошла леди Суссия. Она не была так красива, как леди Маримма, но, как я думала, она большую часть своей жизни жила по-королевски и на нее еще долго будут обращать внимание после того, как красота других давно уже поблекнет.

— Почему?— повторила Маримма.— Потому что они поскачут в черное, злое будущее и никогда больше не вернутся назад!

И Суссия на это ответила то, что полностью соответствовало моим мыслям обо всем этом:

— Может быть, они поскачут в это черное будущее, малышка. Не все из нас имеют свое собственное мягкое гнездышко или защищающее нас крылышко.

— Я охотнее обручусь со сталью меча, чем отправлюсь в такое свадебное путешествие!— воскликнула Маримма.

— Но ты же ничего не боишься,— сказала я ей только для того, чтобы унять свой собственный страх. Но за плечами Ма-

риммы я внезапно заметила предупреждающий взгляд Суссии. И я задала себе вопрос, знала ли она что-нибудь или только догадывалась.

— Маримма, Маримма...

Я думаю, она была рада отвернуться от нас и последовать зову других девушек, которые были уже обручены и поэтому находились в безопасности, словно она могла разделить с ними эту безопасность.

— Обрати на нее внимание, так же как я сама обратила на нее внимание в эту ночь,—тихо сказала она.

— Зачем?

— Потому, что она пойдет с ними!

Я беспомощно уставилась на нее. Но я знала, что она говорит правду.

— Как... откуда... почему?— пробормотала я, но она быстро положила свою ладонь мне на запястье и отвела меня немного в сторону. Голос ее был тих и предназначался только для моих ушей.

Откуда я это знаю? Семь ночей назад я получила личное сообщение. О да, я думала, что выбор может пасть на меня. За это говорило многое. Но у моих родственников насчет меня были другие планы, вот уже в течение года, и когда было сделано предложение включить меня в состав группы невест, они тотчас выбрали для меня жениха-воина. Во время войны у меня не было родины, но теперь, когда этих собак из Алисона уничтожили, я стала хозяйкой не одного замка — как последняя из своего рода.— Она чуть заметно улыбнулась.— И таким образом я представляю большую ценность для своих родственников. С наступлением весны я должна идти под венец, и свадьба состоится здесь, в долине. Но почему именно Маримма? Человек, жаждущий власти, может добиться этого различными способами. Лорд Имграй имеет право предложить свою руку кому хочет. И он человек, у которого никогда не было достаточно власти. Он просто из любезности предложил ей эту услугу. И все другие считают, что такой цветок придется по вкусу, потому что не все невесты так красивы.

— Но она не пойдет...

— Она пойдет, она должна будет это сделать. Но она погибнет. Такой напиток не для нее.

Я взглянула на Маримму. Лицо ее покраснело и ее охватила какая-то лихорадка радости, которая мне не понравилась. Но все это не имело ко мне никакого отношения, ко мне — чужестранке, чья кровь не была кровью этого общества.

— Она погибнет,— с нажимом повторила Суссия.

Я повернулась к Суссии.

— Если это пришло в голову Лорду Имграю и другие с ним согласились, ее ничто уже не спасет...

— Ничто? Частенько уже бывало так, что мужчины планировали что-нибудь, а женщины нарушали все их планы.

— Но если бы на ее место была бы предложена другая, обла-

дающая такой же красотой, пал бы тогда выбор на нее?

— Да,— сказала Суссия, посмотрев на меня таким странным понимающим взглядом, что я подумала о том, что нам больше не нужно никаких слов. И я подумала о Норстатте, об однообразных годах, которые прошли и которые мне еще предстоит провести здесь, подумала о своем месте и той части, которую я занимаю в этом мире.

Двенадцать невест должны были провести ночь в качестве гостей в этом монастыре, двенадцать и одна должны были на следующее утро уехать из монастыря. Двенадцать и одна, и я не могла быть одной из них! Но почему?

Коридоры монастыря были темны, но я их все изучила. Монахини отправились в свои кельи, и гости покинули зал. Идя по темным холодным коридорам, я думала о гостях, которые прибыли незадолго до рассвета и разделили с нами наш завтрак за длинным столом.

Лорд Имграй, возглавлявший эту группу, был человеком с коротко подстриженной коричневой бородой и серебряными нитями, пронизывающими его волосы, у него было жесткое лицо, каждая черточка которого выдавала его волю и решительность. Его сопровождали два солдата, которые, выполняя свои обязанности, по-видимому, чувствовали себя не в своей тарелке. Вооруженный эскорт разместился в ближайших домах деревни возле монастыря.

А потом невесты. Мой опыт общения с невестами ограничивался деревенскими свадьбами, когда я сопровождала монашек, которые во время таких торжеств покидали свой монастырь. Однако эти невесты выглядели иначе, чем деревенские девушки. Они все были одеты в одежду путешественниц: теплые шубы, защищающие их от зимней стужи, разрезные юбки для верховой езды, а под шубами короткие куртки воинов, и на каждой из них был вышит герб рода, который свидетельствовал о высоком происхождении невесты. Но не было никаких развевающихся на ветру кудрей, никаких венков из цветов. Две или три из них с блестящими глазами, лихорадочно покрасневшими щеками были великопленны: милы и прекрасны. Но у других были припухшие веки, покрасневшие от слез, побледневшие щеки и другие признаки печали. И я слышала шепот леди Тольфаны, которая обменивалась информацией со своей соседкой по столу.

— Милы? Да, милы, так сказала наша дорогая сестра, леди Гралия. Лорд Джеррет, ее любовник, известный охотник за юбками. Это значит, что в последнее время он охотно поднимает все юбки, находящиеся поблизости от него. Вот почему ты видишь в этой группе Кильдас. Обвенчанная с Всадником, она больше не будет доставлять никакого беспокойства во владениях своей сестры.

Кильдас? Это была одна из этих лихорадочно жизнерадостных невест. Ее каштановые волосы в свете лампы испускали красно-золотое сияние, у нее был округлый подбородок и рот с пол-

ными губками. Плотнo облегающая куртка не скрывала округлостей ее тела, они были вполне достаточными, чтобы зажечь желание, которым и воспылал к ней Лорд ее сестры. Вполне достаточное основание для того, чтобы отправить Кильдас к Всадникам.

Возле Кильдас сидела девушка, которая образовывала контраст с цветущей внешностью Кильдас. Вышивка на ее курточке была сделана тщательно и искусно, но одежда на ней была поношенной и, очевидно, перешитой из другой. Девушка сидела, опустив взгляд, веки ее покраснели, она с трудом жевала пищу, но жадно и часто пила из кубка. Алианна? Нет, Алианна — это маленькая девушка на другом конце стола. Имя же этой девушки было Сольфина.

В то время как Кильдас была одета в великолепные одежды — может быть, для того, чтобы несколько успокоить совесть тех, кто послал ее сюда, — на Сольфине была поношенная одежда, подчеркивающая ее бедность. Она, несомненно, принадлежала к одному из древнейших, но обедневших родов, без приданого, и, вероятно, у нее были младшие сестры, о которых тоже надо было заботиться. Поэтому она стала невестой и она была обязана семье Лорда.

Несмотря на предположение Суссии, здесь не было ни одной некрасивой девушки. Соглашение предусматривало, что среди невест не должно быть ни больных, ни уродливых. А некоторые из них, как, например, Кильдас, были достаточно милы, чтобы составить хорошую пару. Впрочем, если раньше юноши и считали их когда-то милыми и привлекательными, то сейчас их горе затмило их красоту. Я находила, что Лорды Высокого Халлака с честью выполнили свою часть соглашения — за исключением того, что не посчитались с желаниями самих невест. С другой стороны, браки в Высоком Халлаке заключались, не принимая во внимание симпатии обеих сторон, во всяком случае, в старых, знатных семьях. Там браки заключались строго по расчету. И, может быть, девушкам предстояло не самое худшее, может быть, для них было бы хуже, если бы все шло по-старому.

Глядя на Маримму, в это легко было поверить. Ее лихорадочная веселость исчезла. Она тихо сидела и наблюдала за Лордом Имграем и больше не делала никаких попыток привлечь к себе внимание. Напротив, она поспешно отводила свой взгляд, когда ей казалось, что он поворачивается к ней и отвечает на ее взгляд.

Я предположила, что он еще не сообщил ей эту новость, потому что Маримма никогда не была в состоянии даже в самых небольших затруднениях сохранять самообладание. Она, конечно, давно бы ударилась в истерику. Но было ясно, что она что-то подозревает.

И это стало ясно потом, когда Маримма полностью сломалась. И я еще больше уверилась в чувстве, что счастье не только улыбнулось мне, но еще и протянуло мне руку помощи, так что мне нужно было только сохранить трезвую голову, чтобы все произошло так, как мне этого хотелось.

Я достигла своей цели: комната сборов. То, что мне нужно было сделать, надо было совершить быстро, но обдуманно и тщательно, а затем незаметно уйти. На одной из боковых полок лежали сумки, на которых были разнообразные карманчики всех форм и размеров. Я взяла одну такую сумку, а потом, не решаясь зажечь свет, пошла от шкафа к шкафу, от полок к комодам и столам и была благодарна за то, что мне все это было знакомо, я двигалась с уверенностью, словно на пальцах у меня были глаза. Бутылочки, коробочки, флакончики, все находилось в нужных кармашках, потом я перекинула сумку набором лекарств и других снадобий через плечо. Монахиня Алюзан снаряжала сумку таким образом для санитаров, идущих на поле боя. Потом я повернулась к одному из дальних шкафов, который был заперт. Но мне уже давно была доверена тайна его замка, и я без труда открыла его. Я нашла внутри шкафа несколько бутылочек, а потом, чтобы быть уверенной, вытащила пробку из одной бутылочки и понюхала.

Пахло яблоками и уксусом. Я выбрала нужную бутылочку. У меня не было времени, чтобы отлить из нее, поэтому я взяла с собой всю бутылочку. Затем снова тщательно заперла шкаф.

Я постаралась как можно быстрее достичь своей комнаты, чтобы меня здесь не увидел кто-нибудь. Это было опасно. Моя комната находилась на углу хода, который вел к кельям монашек, на другой стороне находились комнаты, в которых жили гости, находящиеся в монастыре долгое время. Из-под одной из дверей сочился свет, и я смогла свободно вздохнуть только тогда, когда за мной закрылась дверь в мою комнату.

Я зажгла лампу, стоящую на столе, и поставила туда бутылочку, которую прихватила с собой из особого шкафа. Я немного отлила из нее в маленький пузырек, который я взяла с полки в своей комнате, потом добавила пять-шесть капель из другого флакона и, затаив дыхание, стала смотреть, как бесцветная смесь стала изменяться, пока, наконец, не стала свежего зеленого цвета.

Потом я стала ждать. Глубоко во мне шевельнулось удивление, почему я была так уверена, что все пройдет нужным мне образом.

Во время этого ожидания я прислушивалась к малейшим шорохам и возбуждение мое все росло и росло.

А потом шорох одежды, тихий звук, быстрые шаги по голым каменным ступеням. Я хотела подбежать к двери и распахнуть их, чтобы посмотреть, кто это пришел сюда, но совладала с собой. Прежде чем ногой пришедшего царапнул по дереву двери, я спокойно подошла к ней.

Я не удивилась, увидев перед собой леди Суссию. Но она, кажется, удивилась, увидев меня полностью одетой, словно я ждала какого-то вызова.

— Ты должна своими лекарствами помочь Маримме, Джиллан, с ней нехорошо, — ее взгляд скользнул мимо меня к столу, где в костяной чашечке лежали таблетки и стояла бутылочка;

когда ее взгляд снова упал на меня, на ее губах появился намек на улыбку. Нам не надо было никаких слов. — Я хочу, чтобы тебе повезло в том, что ты задумала, — тихо сказала она. И больше не говорила о моих знаниях врачевания, но мы обе понимали все.

Я взяла таблетку и пошла по коридору к комнате Мариммы. Дверь в нее была приоткрыта и оттуда доносились голоса. Один из них был тих и почти неразборчив, и этот голос мгновенно остановил меня и поколебал мою уверенность, которая не покидала меня весь вечер.

Аббатиса Юлианна! Я всегда боялась ее пронзительного ума, и мне показалось, что мои намерения были раскрыты. Но я уже давно миновала ту черту, откуда можно было отступить.

— ...ничего, кроме обычного женского каприза. Но время идет. Мы выедем утром, чтобы выполнить нашу часть договора. И утром она будет уже готова к свадьбе! Она пойдет с нами без жалоб и плача! Мать аббатиса, я слышал, что кое-кто из женщин здесь обладает умением врачевать. Дайте ей питье, которое прскратит ее истерику. Не могу же я заткнуть ей рот и привязать ее к седлу — но если это будет необходимо, я это сделаю! Мы сдержим данное нами слово!

Лорд Имграй не был в гневе, он был холоден и неумолим, как камни в долине.

— Таких, кто использует врачевание во вред, здесь нет, мой Лорд. — Аббатиса была так же неумолима, как и он. — Вы действительно хотите достигнуть условленного места с девушкой, которая потеряла сознание от страха? А это вполне может произойти, если вы доведете дело до крайности...

— Вы преувеличиваете размеры всего этого, леди аббатиса! Маримма испугана, она слышала много диких историй и это все. Просто она выйдет замуж по приказу, а не по собственному выбору. Наша часть договора должна быть выполнена в течение ближайших трех дней, поэтому мы выедем завтра утром на рассвете. Связанные клятвой, мы должны передать двенадцать и еще одну девушку их будущим мужьям, и эти двенадцать девушек и еще одна поедут с нами завтра утром...

Я взяла таблетку в правую руку и, когда голоса смолкли, постучала в дверь.

Дверь открылась, и Лорд Имграй выглянул наружу. Я поклонилась ему, но как равная равному.

— Чего вам?

— Леди Суссия сказала, что вам необходима лечебная помощь, — я подождала ответа, но не от него, а от нее, от той, которая стояла возле кровати Мариммы. Ее вуаль была немного приподнята, так что лицо ее было освещено, но я не успела различить его выражения, так как Лорд Имграй отошел в сторону, чтобы пропустить меня.

Лорд Имграй пристально посмотрел на меня. Хотя нижняя часть моей одежды и была темного цвета, но я не носила ни плаща, ни вуали и на мне была праздничная вышитая юбка. Не было никакого герба с обозначением моего рода или страны, только ис-

кусный узор, придуманный мной самой.

— Это не ваша врачевательница,— резко сказал Лорд. Я взглянула на аббатису Юлианну и вложила в свой взгляд всю мою силу воли, ожидая, что она подтвердит Лорду мои полномочия и тот не отошлет меня обратно. Аббатиса отошла в сторону и сделала мне знак подойти к кровати.

— Это Джиллан, помощница нашей врачевательницы, и она великолепно обучена врачеванию. Мой Лорд, я забыла, что Час Последнего Света уже прошёл. Скоро все наше общество соберется в часовне на вечернюю молитву. Ели бы Маримме не грозила огромная опасность, мы бы не стали вызывать сюда врачевательницу.

Он подавил взглас недовольства, но даже его авторитет ничего не значил для монахинь под крышей этого монастыря.

— Теперь вам лучше уйти, мой Лорд,— предложила аббатиса.— Маримма вот-вот должна очнуться и если она опять увидит вас здесь, то снова ударится в крик и слезы, а это вам не нравится...

— Дочь моя,— теперь взгляд ее обратился ко мне. Я не могла прочесть ее мыслей. Если же она прочитала мои и разгадала мои намерения, то ничем не дала этого понять.— Ты ведь будешь лечить ее, как только сможешь и, если понадобится, проведешь возле нее всю ночь.

Я не ответила ничего определенного, а только поклонилась ей, хотя и ниже, чем Лорду Имграю, который все еще, колеблясь, стоял у двери. Но когда аббатиса повернулась к двери, он вышел и она последовала за ним наружу. Дверь за ними закрылась.

Маримма зашевелилась и застонала. Лицо ее покраснело, как от лихорадки, дыхание было тяжелым и неравномерным. Я положила таблетку на стол и ложкой отмерила в костяную чашечку дозу смеси из флакончика. Через мгновение я уже держала чашечку в руках. Теперь я находилась между настоящим и будущим. С этого мгновения возврата назад уже не было — только успех или разоблачение и враждебность такая непримиримая, что я не могла и надеяться на прощение. Но я колебалась недолго, обняла рукой плечи Мариммы и приподняла ее голову. Глаза ее были полуоткрыты, и она бормотала что-то бессвязное. Я поднесла костяную чашечку к ее губам, и, повинаясь моим мягким убеждениям, она проглотила содержимое.

— Великолепно.

Я оглянулась. В дверях стояла Суссия, и створки дверей тихо закрывались за ней. Она подошла ко мне.

— У тебя должна быть союзница...

Да, это так. Но почему?..

Мы, казалось, снова были единомышленны и разделяли мысли друг друга.

— Почему, леди Джиллан? По многим причинам. Сначала первая из них: потому что это нежное создание мне очень нравится,— она взглянула на Маримму.— Она принадлежит к тому безвредному, нуждающемуся в поддержке виду женщин, для ко-

торых наш мир слишком суров и которые никогда даже не могли подумать о том, что мы легко можем вынести. Ты и я — женщины совсем другого типа. А во-вторых, потому что я тебя знаю лучше, чем ты думаешь, Джиллан. Этот Норстатт для тебя — тюрьма. И на какое другое будущее ты можешь надеяться здесь, кроме как на бесконечные годы однообразной жизни...

— Пыльные годы... — Я не заметила, что думаю вслух, пока не услышала тихий смех.

— Я сама не смогла бы выразиться лучше!

— Но почему тебя так заботит моя судьба?

— Я сама этого точно не знаю, Джиллан, — задумчиво ответила она. — Мы с тобой не сестры, не подруги и не собутыльницы. Я знаю только, что мне хочется помочь тебе. И думаю, что у тебя действительно есть причина уехать отсюда. И будь у меня выбор, я тоже поступила бы так же.

— С готовностью?

Суссия улыбнулась.

— Тебя это удивляет?

Странно, но меня это не удивляло. Суссия, не проронив ни слезинки, готова была поехать с невестами и с любопытством и жадной приключений ждала отъезда.

— Мы обе одной и той же натуры, Джиллан. Поэтому этот монастырь не для тебя.

— Ты имеешь в виду, что я должна ехать с легким сердцем и выйти замуж за оборотня и колдуна?

— Именно. — Она все еще улыбалась. — Подумай о том, какое это будет приключение, моя дорогая Джиллан. Я тебе очень завидую.

Она была права — и еще как права!

— А теперь скажи, какую дозу ты ей дала? — спросила она. — И каков твой план?

— Я дала ей снотворное, и она будет спать долго, проснется через день-полтора, освеженная, с успокоенными нервами и мыслями.

— Но если она будет спать здесь... — Суссия задумчиво прикусила свою нижнюю губу.

Это не входило в мои намерения. В этом сне она была в полном моем распоряжении. Как только начнется Час Великого Молчания, я перенесу ее в свою комнату. Суссия кивнула.

— Хорошо придумано. Ты более рослая, чем она, но в сумраке рассвета ничего не будет заметно. Я принесу тебе одежду для верховой езды, а также ее куртку и накидку. Ты будешь прятать слезы под этой накидкой. Ты будешь молчать, и не думаю, что Лорд Имграй будет задавать тебе вопросы, если ты пойдешь к своей лошади с закрытым накидкой лицом. Остается еще прощание с аббатисой. Она должна благословить невест у двери часовни.

— Это будет очень рано, и если пойдет снег... Есть еще несколько моментов, которые я надеюсь преодолеть только с помощью случая.

— Я сделаю все, что смогу,— сказала Суссия.

Потом мы стали обсуждать подробности моего плана. В конце концов Маримма оказалась в моей постели, а я лежала на ее в теплом нижнем белье, в костюме для верховой езды и разрезной юбке, которую мне принесла Суссия. Вся эта одежда была из тонкой ткани, одежда, которую я не носила в монастыре, и ее серебристый цвет подходил к цвету накидки, которую мне тоже принесла Суссия. Куртка была светлого цвета, и на ней красным и золотым был вышит крылатый конь, летящий над зелено-голубыми линиями, означающими море — герб Мариммы.

Я заплела свои черные волосы и закрепила их на голове, потом натянула капюшон и вуаль для путешествий, сделав из них нечто вроде маски, закрывающей мое лицо. Когда я была готова, Суссия критически осмотрела меня.

— Тот, кто хорошо знает Маримму, боюсь, не ошибется. Но Лорд Имграй видел ее редко и те, с кем ты поедешь завтра утром, никогда прежде не знали ее. Ты должна будешь проявить все свое мастерство, чтобы сохранить маскировку, пока, наконец, возвращение не станет невозможным. Место встречи с всадниками находится не особенно далеко, возвращение вызовет задержку, а плохая погода на плоскогорье может задержать его еще больше, поэтому Лорд Имграй не отважится на возвращение. Ему же нужны двенадцать невест и еще одна, и они у него есть... Это будет твоей защитой против гнева, если он раскроет тебя.

Да, это будет единственной защитой, которая у меня есть. Страх захлестнул меня, но я не позволила ему затмить мой разум. Я должна была вооружиться уверенностью.

— Всего хорошего, Джиллан.

— И я желаю тебе всего хорошего и даже еще больше,— коротко ответила я, взяв мешочек с травами и лекарствами, который перед этим упаковала. И все же мне на мгновение захотелось отступить и все бросить, но я без колебаний отбросила это желание.

Снова вернувшись в комнату Мариммы, я провела там остаток ночи, приняв кое-что из моего запаса снадобий, так что, несмотря на то, что я почти не спала, утром я была свежей и бодрой, когда в дверь осторожно постучали.

Я надела на голову капюшон и накинула поверх него накидку, но все же медлила отозваться. Потом я услышала шепет:

— Ты готова?

Суссия. Когда я подошла к ней, она быстро положила руку на мое плечо, словно заботливо оберегая свою новую подругу. Я стала играть свою роль и, слабая и дрожащая, вышла в большой зал. Еда уже ожидала нас: походный завтрак и горячее питье. Мне удалось съесть намного больше, чем это было заметно со стороны. Суссия, как моя подруга, сидела возле меня и тихо, но настойчиво говорила со мной заботливым голосом. Она шепотом рассказала мне, что ей удалось с помощью различных уверток усладить подруг Мариммы, потому что я очень боялась, что их сочувствие может привести меня к гибели. После истерического

припадка Мариммы вчера вечером, когда ей сообщили эту новость, они с готовностью поверили этому.

Все шло так, как я и надеялась. Когда Лорд Имграй, до сих пор избегавший меня, наконец подошел, чтобы увести меня, я пошла, пригнувшись и плача, как я надеялась, достаточно жалобно. Последняя проверка произошла тогда, когда я опустилась на колени, чтобы получить благословение от аббатисы Юлианны. Она каждой из нас дала Поцелуй Мира, и поэтому я должна была на мгновение откинуть свою накидку. Я напряженно ждала того, что вот-вот буду разоблачена. Но в выражении лица аббатисы Юлианны ничего не изменилось, когда она наклонилась и ее губы прижались к моему лбу.

— Иди с миром, дочь моя, — произнесла она ритуальную фразу, но я поняла, что эти слова предназначались именно мне, а не Маримме. И, ободренная этим, я с помощью Лорда Имграя взобралась в седло и мы выехали из Норстатта. Я впервые покинула его стены после десяти лет, проведенных в этих каменных стенах, где веками ничего не менялось. Мои планы начали исполняться.

Скача по скованной холодом долине, мы почти ни о чем не говорили. Сначала мы ехали по трое или по четверо рядом и каждую пару женщин эскортировали один или два воина, но потом нам пришлось ехать гуськом друг за другом, потому что дорога все более сужалась, пока, наконец, не превратилась в узкую тропу. Я закуталась в свою накидку и молчала. Меня все еще удивляло, почему аббатиса не разоблачила моих намерений. Испытывала ли она к Маримме настолько сильную симпатию, что была готова даже пойти на обман, чтобы спасти свою фаворитку? Или она смотрела на меня как на помеху в своей маленькой тихой обители, от которой она таким образом избавлялась?

С каждым новым часом нашего путешествия шансы на возвращение все уменьшались. И, если это было возможно, Лорд Имграй все время поторапливал нас. Как далеко находилось место нашей встречи с Всадниками? Я знала только, что оно находилось где-то на краю степи.

Мы миновали Харродейл с его отдельными крестьянскими домиками, там не было ни одного человека, только животные, и после Харродейла дорога стала все круче подниматься вверх. В Хокердайле нас сопровождал шум воды, струящейся на равнину быстрым потоком и не полностью еще скованной льдом. У конца долины мы проехали мимо домика поста, и из него вышли несколько человек, чтобы приветствовать нашего Лорда и перекинуться с ним несколькими словами. Во время этой короткой задержки ко мне приблизился другой пони, и всадница, ехавшая на нем, пригнулась ко мне.

— Может быть, они вообще не хотят делать никаких остановок, чтобы дать нам передохнуть? — громко спросила она, может быть, надеясь, что ее слова достигнут ушей Лорда Имграя.

— Похоже на то, — тихо ответила я, потому что я не хотела, чтобы меня слышали.

Она нетерпеливо одернула свою накидку и ее капюшон сполз немного назад. Это была Кильдас, которая так злобно говорила за столом о Тольфане. Темные тени лежали под ее темно-голубыми глазами и тонкие морщинки пролегли вокруг ее полных губ.

— Ты здесь по его выбору,— сказала она, кивнув в сторону Лорда Имграя.— Но с сегодняшнего дня ты слишком молчалива. Какой же бич страха он использовал, чтобы сделать тебя уступчивой и добиться своей цели. Вчера вечером ты клялась, что никогда не поедешь с нами...— Она не выказывала никакой жалости, только любопытство, так как страдания других помогли ей забыть о своем собственном горе.

— У меня была целая почь для раздумий,— ответила я.

Она коротко усмехнулась.

— Да, это, должно быть, были великие раздумья, если сейчас ты так спокойна. Зал дрожал от твоих воплей, когда тебя уводили в твою комнату. Теперь ты согласна на то, что у тебя будет жених-колдун?

— А ты?— спросила я в ответ. Маримма со своим страхом привлекла к себе внимание, а ее страхи были теперь для меня самой наименьшей заботой. Я была не Маримма и не могла хорошо играть ее роль. Пока Лорд Имграй меня не разоблачил... Он все утро был занят только тем, что заставлял нас ехать быстрее. Но что произойдет, когда он обнаружит, что его обманули? Но ему нужно было передать Всадникам определенное число невест, и это должно защитить меня от его гнева.

— Я?— Кильдас оторвала меня от размышлений.— Как и у всех вас, у меня не было выбора. Но мужчины-оборотни должны иметь много общего с мужчинами нашего рода и поэтому я не боюсь за себя.— Она вскинула голову, сильная в своей убежденности и действенности того оружия, которым ее наградила природа.

— Как они выглядят? Ты видела хоть одного Всадника?— только и спросила я. До сих пор я была занята только своим бегством и всем, что было связано с ним, и мало думала о том, что ждет меня в конце этого путешествия.

— Нет я никогда еще не видела ни одного из них,— ответила она.— Они до нападения ализонцев еще никогда не появлялись в долине. И потом говорят, что они путешествуют только ночью, а не днем. Когда они вели с нами переговоры, они были в облике человека, но они обладают странными силами...— Уверенность Кильдас исчезла, и она снова начала теребить накидку у своей шеи, словно та мешала ей дышать.— Если о них и известно больше, никогда не слышала об этом ничего.

Краем своего уха я услышала звук, похожий на рыдание. К нам подъехала еще одна девушка. По ее поношенной одежде я узнала ее — Сольфина, которая накануне делила пищу с Кильдас.

— Слезами больше ничего не изменишь, Сольфина,— сказала Кильдас.— Подумай о том, что у тебя был свободный выбор, и будь такой же храброй, как и все мы.

— Ты сама решила поехать с нами?— спросила я.

— Это... это была моя единственная возможность помочь, -- робко ответила Сольфина. — Но ты права, Кильдас, нельзя сначала делать выбор, а потом плакать от страха. Как много я дала бы за то, чтобы еще раз увидеть свою мать и сестер. Но теперь мне никогда больше не удастся этого сделать.

— А разве при обычной свадьбе было бы не так? — мягко спросила Кильдас. — Ты была бы отдана Лорду или Капитану одной из южных долин и тоже никогда бы не смогла вернуться назад.

— Я знаю, и это меня поддерживает, — быстро ответила Сольфина. — Это правда, меня бы отдали. Теперь мы все идем на встречу с нашими сужеными. И так происходило со всеми женщинами на протяжении бесчисленного количества лет. И в результате свадьбы я приобрету больше, чем потеряю, намного больше. Но Всадники...

— Ты должна понять вот что, — сказала я. — Всадникам так нужны женщины, что они готовы были пойти ради их приобретения на то, чтобы заключить договор и сражаться за кого-то. И когда мужчина хочет чего-то настолько сильно, что даже ставит на карту свою жизнь, чтобы добиться этого, он будет очень дорожить этим, неустанно заботиться о приобретенном.

Сольфина внимательно посмотрела на меня. Ее покрасневшие глаза блеснули. Одновременно я услышала тихий возглас Кильдас, которая подвела своего пони еще ближе.

— Кто ты? — властно спросила она. — Ты не та жалкая девчонка, которую вчера вечером увели из зала!

Нужно ли мне играть роль Мариммы перед моими спутницами? Для этого не было никаких особых оснований.

— Ты права. Я не Маримма.

— Кто же ты тогда? — настаивала Кильдас, а Сольфина смотрела на меня округлившимися от удивления глазами.

— Я Джиллан и прожила в монастыре уж много лет. У меня нет родственников, и это путешествие — мой собственный выбор.

— Если у тебя нет родственников, которые вынудили бы тебя пойти на это или которые извлекли бы из твоего выбора для себя какую-то пользу, почему ты тогда едешь с нами? — Теперь голос Сольфины выдавал ее удивление.

— Потому что, может быть, есть худшие вещи, чем это путешествие в неизвестность.

— Что же это такое? — спросила Кильдас.

— Однотонная, никогда не меняющаяся жизнь. У меня не было других шансов, чтобы вырваться за стены монастыря, а я не хочу все время носить вуаль и накидку монахини и быть довольной, когда один день моей жизни как две капли воды похож на другой.

Кильдас кивнула.

— Да, я могу понять это. Но что произойдет, если Лорд Имграй узнает правду? Он твердо решил отправить Маримму к Всадникам и делает это по своим личным мотивам. И он не такой человек, который позволит перечеркивать свои планы.

— Я знаю это. Но мне совершенно ясно, что он спешит, и у него осталось не так уж много времени для того, чтобы достигнуть места встречи. Он не успеет вернуться назад в Норстатт, а его честь обязывает его передать Всадникам всех невест.

Кильдас рассмеялась.

— Ты мыслишь четко и целеустремленно, Джиллан. Мне кажется, что твоя защита против его гнева очень действенна.

— И тебя... тебя не страшат эти... дикие люди? Ты сама выбрала свою судьбу?— спросила Сольфина.

— Я не знаю, какие ужасы меня ждут в будущем. Но все же лучше ехать по долине к подножию горных пиков, чем смотреть на них из тени,— ответила я. Все же мое мужество было не так велико, как я хотела это показать. Может быть, я оставила позади себя меньшее зло, чем то, которое меня ожидало. Но об этой возможности мне не хотелось думать. Только не теперь.

— Великолепная философия,— заметила Кильдас.— Она может и дальше поддерживать и вести тебя, сестра-невеста. Ага, кажется, нам все же дадут передохнуть.

После нескольких слов, сказанных Лордом Имграем, мужчины из эскорта подошли к нам, чтобы помочь нам слезть с наших лошадей и отвести нас в домик сторожевого поста. В караульной мы столпились у огня, чтобы согреть руки и размять наши ноги и спины. Как всегда, я держалась от нашего предводителя как можно дальше. Он, наверное, подумал, что Маримма боится и ненавидит того человека, по воле которого оказалась здесь. Во всяком случае, он тоже счел за лучшее оставить меня в покое и поэтому не приближался ко мне. Я незаметно стояла в углу вместе с Кильдас и Сольфиной, и мы пили из бокалов горячий бульон, который нам налили из огромного общего котла.

Мы еще не закончили свой скудный обед, когда Лорд Имграй повернулся к нам всем:

— Снегопад на плоскогорье прекратился. Хотя это и тяжело, но мы должны двигаться дальше и к наступлению ночи достигнуть Кроффа. Времени у нас мало, и на следующий день мы должны быть уже на Перевале Соколов.

Послышались тихие слова протеста, но никто не осмелился возразить во весь голос. Перевал Соколов — это название мне ничего не говорило. Может быть, это и было условленное место встречи.

Счастье благоволило мне и дальше. Все еще не разоблаченная, я вместе с другими девушками достигла замка Кроффа, горной крепости, в которой теперь осталась только одна четвертая часть ее гарнизона. Нас ввели в длинную комнату с лежащими на полу соломенными матами, и мы были вынуждены довольствоваться теми «удобствами», которые были в этом горном гнезде, непрерывно подвергающемся атакам противника в течение многих лет. Сильно устав, я провалилась в глубокий сон без сновидений. Но потом я внезапно проснулась, и мне показалось, что я услышала какой-то зов. Мне почти удалось услышать эхо какого-то очень хорошо знакомого мне голоса — монахини Алюзан?—

который настойчиво велел мне сделать что-то. И чувство это было так сильно, что я вскочила и только потом поняла, где и с какой целью я нахожусь. Я увидела соломенные маты и услышала дыхание других девушек.

Теперь я полностью проснулась, полная беспокойства, что-то заставило меня надеть верхнюю одежду и выйти наружу, потому что мне был необходим свежий воздух.

Я тихо выскользнула из спальни в коридор и поднялась по лестнице, которая вела на террасу. Снег покрыл все вокруг, и было довольно светло, но высокие темные горы были только силуэтами, кое-где посеребренными скрытой облаками луной.

С гор веял свежий ветер. Но теперь, когда я вышла сюда, то, что заставило меня сделать это, уже исчезло. И я не могла понять, что привело меня сюда. Несмотря на мою накидку, мне стало холодно от ветра и я шагнула назад к двери.

— Что ты здесь делаешь?

Этот голос я узнала сразу. Каким образом и почему Лорд Имграй ощутил вместе со мной потребность подышать свежим воздухом среди ночи, я не знала. Но я не могла избежать этой встречи.

— Мне захотелось на свежий воздух...— Мой ответ был глуп и бессмыслен. Обернувшись, я была вынуждена защитить рукой глаза, потому что он направил мне в лицо свет переносной лампы.

Но он, должно быть, сначала заметил герб на куртке Мариммы, потому что он крепко взял меня за плечо и подтянул поближе.

— Глупышка! Маленькая глупышка!— Я вздрогнула, услышав его властный голос, который, однако, относился не к Маримме, а к моим собственным радостям и горестям. И это придало мне какую-то силу, я опустила свою руку и встретила его взгляд.

— Ты не Маримма!— Он еще крепче схватил меня и поднес лампу поближе.— Но ты одна из тех, кто ехал со мной. Кто ты?— Его пальцы, как острия пяти мечей, уперлись в меня, и я уже хотела закричать.

— Я принадлежу к невестам, мой Лорд. Я — Джиллан из Норстатта...

— Так! И она отважилась на это, эта женщина...

— Нет,— я даже не пыталась освободиться от его хватки, а просто стояла.— Это был мой собственный план!

— Твой? И что ты собиралась делать со всем этим, что тебя никак не должно было касаться? Ты в этом горько расскаешься...

Он сдерживал свой гнев, но от этого был еще опаснее.

— Время для раскаяния прошло — или еще не наступило.

Я старалась обдуманно выбирать слова, чтобы привлечь его внимание и заставить его задуматься.

— Время сейчас не ваш союзник, мой Лорд. Вернувшись в Норстатт, вы потеряете его слишком много. Если вы отправите меня с вашим человеком, у вас опять будет недостаток — потому что на Перевале Соколов должны быть двенадцать и одна невеста, иначе пострадает ваша честь.

Он начал трясти меня с такой силой, что я моталась в его

руках как соломенная кукла. Потом он оттолкнул меня от себя так, что я, поскользнувшись на снегу, упала и больно ударилась об ограждение террасы. И я думаю, что в это мгновение ему было все равно, даже если бы я перелетела через ограждение.

Я снова поднялась, все мое тело дрожало. Мое плечо невыносимо болело, и страх перед тем, что чуть было не произошло, все еще сковывал мои члены. Но я смотрела на него с поднятой головой и хорошо знала, что должна сказать ему.

— Вы должны представить меня как невесту, мой Лорд. Я здесь и охотно могу подтвердить, что я здесь по вашей воле, если будет необходимо мое свидетельство. А у вас все еще остается Маримма, которая обладает такой красотой, что ей без труда можно будет найти подходящую пару. Неужели вы от этого что-нибудь теряете?

Он тяжело дышал от возбуждения, но я правильно оценила его как человека, способного держать свои чувства в узде, если это будет нужно для выполнения его планов. Когда он пошел ко мне и поднял лампу, я поняла, что избежала огромной опасности. Его мозг уже работал, думая о том, что я ему только что сказала.

— Джиллан,— в его устах мое имя прозвучало глухо и сухо.— И ты соответствуешь всем условиям?

— Я молодая девушка, мне около двадцати лет. Я была приемной дочерью Лорда Фарло из Тантропа и его жены, они подобрали меня, когда я была еще маленькой и находилась в плену у ализонцев. Охотник из Ализона сохранил мне жизнь, а Лорд Фарло держал для каких-то своих целей — так что мое происхождение можно рассматривать как благородное.

Он пристально осмотрел меня с головы до ног. Его взгляд сконфузил меня, и он понял это. Я сдерживала досаду и понимала, что он знает об этом.

— Ты права — время поджигает нас. Им нужно вручить двенадцать и одну невесту. Но все это может оказаться не таким, как ты себе это представляешь, девушка.

— Кто не ожидает ни добра, ни зла, у того есть все шансы получить и то, и другое,— резко ответила я ему.

На его лицо набежала легкая тень, которую я не смогла идентифицировать.

— Откуда охотник взял тебя?— В голосе его был интерес к моей личности, но он не мог использовать это в качестве инструмента для достижения своих целей.

— Не знаю, помню только, что находилась на корабле во время шторма, а потом в порту, где меня подобрал один из воинов Лорда Фарло,— правдиво ответила я.

— Охотник этот тоже участвовал в заморской войне. Эсткарп?— Он швырнул в меня это слово, словно хотел увидеть мою реакцию не него.

— Эсткарп?— повторила я, потому что это слово ничего не значило для меня. Это враг Ализона?

Лорд Имграй пожал плечами.

— Так говорят. Но для тебя это неважно. Ты уже сделала свой выбор и поэтому остаешься.

— Кроме этого мне ничего больше и не нужно, мой Лорд.

Он проводил меня обратно в спальню девушек и, когда дверь за мной закрылась, я услышала, как он вызвал охранников и они встали у нашей двери. Я снова легла на свой соломенный матрац. То, чего я опасалась с тех пор, как покинула монастырь, было уже позади. Я преодолела уже два барьера между мной и тем, что я искала. Теперь я всеми своими мыслями вернулась к третьему — к тому, что ожидало меня на Перевале Соколов.

Мы знали о мужчинах только по разговорам в монастыре, да по редким посещениям родственников дам, нашедших убежище в монастыре. Хотя я и знала кое-что о мужчинах, но не знала их. Для монахинь браков не существовало, и они не говорили об этом. Я не имела ни малейшего представления о том, что меня ожидало. Я не могла также понять страхов моих спутниц, потому что обычные мужчины мне были так же чужды, как и Всадники-Оборотни с их мрачной репутацией.

На следующее утро Лорд Имграй ни словом не обмолвился о нашей предыдущей встрече. И я снова накинула на себя свою маскирующую вуаль, благодаря которой многие девушки не догадывались, что я не Маримма. Но мне показалось, что по мере того как наше путешествие подходило к концу, другие невесты становились все тише и обращались внутрь себя, чтобы справиться со своими собственными страхами и обнадежить себя, насколько это было возможно.

Насколько я знала карту этой местности, мы уже оставили долину позади себя. Узкая дорога, на которой хватало места только для двух пони, едущих рядом, вела с возвышенности вниз на равнину, где тут и там выступали сквозь покров снега коричневые пучки травы. Мы пересекли речушку по грубому деревянному мосту, который, несомненно, был построен людьми, но нигде не было ни малейших признаков, что здесь недавно проезжали какие-нибудь путники: на снегу не было видно никаких следов. И мы ехали дальше по этой заброшенной местности, которая производила впечатление, что все люди здесь давно уже вымерли.

Мы снова поднялись по одному из склонов, более крутому, чем все склоны перед этим. Наша тропа вела к узкому перевалу, находящемуся между двумя утесами. Мы оказались на узком плато, на котором была каменная хижина и каменная яма очага с почерневшими от огня камнями. Тут мы и остановились. Лорд Имграй приблизился к одному из охранников и проводнику из крепости.

— Вы будете ждать нас здесь.

Ничего больше не сказав, он повернулся и вместе с двумя другими охранниками поскакал к перевалу. Мы устало и с трудом спешили. Двое мужчин из эскорта развели огонь в хижине и распределили походные пайки, но я думаю, что никто из нас много не ел. Кильдас коснулась моей руки:

— Перевал Соколов...— Она указала на щель в скалах.—

Кажется, что невесты добрались сюда быстрее, чем женихи. Ничто не указывает на то, что нас здесь встречают.

Она все еще говорила, когда в сгущающихся сумерках в узкой щели перевала появился свет — но не желтый свет ламп или факелов, а странное зеленое свечение. И в этом зеленом свете четко вырисовывались три фигуры, которые скакали по направлению к нам — но кроме них на перевале никого не было.

— Вы знаете, какая сегодня ночь?— Девушка, чья накидка была откинута, а капюшон сполз, так что пряди ее светлых волос выбились наружу, взглянула на нас. Это была Эдит, которая прошлой ночью лежала слева от меня. Она пришла в Норстатт с юга, и герб ее — саламандра меж двух языков пламени — был мне незнаком.

Кильдас ответила за всех нас:

— Год подходит к концу, и на рассвете мы встретим новый...

— Да, это так. Мы вступаем в Год Единорога.

— Сегодня дома все собираются в большом зале, чтобы отметить это,— грустно сказала Сольфина.

— Я спрашиваю себя, будут ли наши новые Лорды отмечать праздниками наступление каждого нового года,— заметила Кильдас.— Они не почитают пламя, как мы. Каким богам молятся эти Всадники? Или у них вообще нет никаких богов?

— Никаких богов!— испуганно воскликнула Сольфина.— Как могут жить люди без богов, без Высшей Силы, которая выше, чем они сами и на которую можно опереться?

Эдит презрительно усмехнулась.

— Кто сказал, что они люди? Неужели тебе все еще непонятно? Ты и я, мы рождены под несчастной звездой, и нам предопределено перейти из одного мира в другой, так же, как мы переходим из старого года в новый.

— Почему ты думаешь, что то, что неизвестно, обязательно должно быть плохо?— спросила я.— Тот, кто ищет только тень и находит только тени. Если оставить в стороне все слухи, что мы знаем по-настоящему плохое об этих Всадниках?

Тут все загалдели одновременно, пока Кильдас громко не рассмеялась.

— Они говорят... это значит... то и то. Кто, собственно, говорил, и что? Я считаю, что наша сестра-спутница права. Что мы действительно знаем о них, кроме недоброжелательных слухов? Никто из Всадников-Оборотней не поднимал меча против нас — они только заключили с нами договор и помогли уничтожить наших врагов. Только потому, что у человека черные волосы, потому что он носит серую накидку и предпочитает жить в диких местах, он должен отличаться телом и духом от того, у кого под шлемом светлые волосы, кто носит ярко-красную накидку и охотнее живет в городе, в обществе, чем в одиночку? Оба они занимают свои места в обществе. Что плохого, чего мы сами не знаем, можно ожидать от Всадников?

— Но ведь они не люди,— настаивала Эдит.

— Откуда мы знаем, что это на самом деле так? У них есть способности, которых нет у нас, но разве у каждой из нас нет особых способностей? Кто-то из нас может искусно вышивать шелка, а другие этого не могут, кто-то может великолепно играть на музыкальных инструментах, завораживая других. Могут ли все из нас без исключения делать это? Поэтому и эти мужчины могут иметь способности, которых нет у наших мужчин, но все же оставаться такими же мужчинами, как и наши, несмотря на все их особые способности.

Верила ли она в то, что говорила, или нет, во всяком случае, она старалась быть мужественной и боролась со страхом, который мучил нас всех. На перевале все еще сиял зеленый свет, и ни Лорд Имграй, ни его спутники еще не вернулись назад.

Мы все еще кучкой сидели на камнях у очага, когда вернулся помощник Лорда Имграя и сообщил, что мы должны ехать дальше, на узкий перевал. И я подумала, что все ощутили то же, что и я: возбуждение, более чем паоловину состоящее из страха.

Но мы поехали не в лагерь мужчины, которые должны были приветствовать нас. Проехав перевал, мы выехали на широкую площадку, где были установлены большие палатки из шкур. В палатках были кушетки, покрытые шкурами различных животных с густым мехом, и некоторые шкуры были животных, которых я никогда раньше не знала. Пол тоже был покрыт шкурами. В самой большой палатке был низкий длинный стол, уставленный едой.

Я провела рукой по мягкому серебристо-белому меху с серыми крапинками, достаточно красивому, чтобы из него можно было сшить манто для леди какого-нибудь высокородного Лорда. Хотя все вокруг нас было сшито из кожи и меха, в этом была несомненная красота и чувствовалось уважение тех, кто предоставил нам такой комфорт.

Когда мы ужинали едой, стоявшей на столе,— там был хлеб с запеченными в нем сушеными фруктами, вкусное жареное мясо и сладости, по вкусу напоминающие мед и орехи,— Лорд Имграй внезапно встал из-за стола. Вокруг него была тень и казалось, что между ним и нами вдруг возник какой-то барьер. Потому что теперь мы действительно были готовы отказаться от своего рода.

— Теперь слушайте внимательно,— сказал он, и его голос был необычайно хриплым.— Рано утром вы услышите сигнал рога. Отсюда идет тропа, которая начинается у палаток, и она приведет вас туда, где вас будут ждать ваши новые Лорды.

— Но...— слабо запротестовала Сольфина,— тогда, значит, у нас не будет никакой свадьбы, никакой передачи через Кубок и Пламя.

Лорд Имграй натянуто улыбнулся.

— Вы оставили тех, кто обручается через Кубок и Пламя, моя Леди. Конечно, вы выйдете замуж, но по другому обряду, который, однако, свяжет вас браком с вашим будущим мужем,— он взглянул на всех нас, сидевших рядком, а потом на меня, хотя взгляд его и не задержался на мне.— Я желаю счастья вам

всем,— он поднял бокал.— Как тот, кто здесь представляет для вас всех ваших родителей, я пью за долгие годы счастливой жизни и за легкую смерть, за дружественный вам клан и благословляю ваших будущих детей. За нас всех!

Так говорил Лорд Имграй двенадцати и еще одной невесте, которых он привел сюда, он давал им отеческое напутствие. А потом он быстро вышел, прежде чем кто-нибудь из нас успел возразить.

— Вот так,— я поднялась и в это мгновение все глаза в смущении повернулись ко мне.— Я не думаю, что мы когда-нибудь снова увидим Лорда Имграя.

— Но мы одни... одни должны идти к этим чужакам...— запротестовала одна из девушек.

— Одни?— спросила я, и леди Кильдас быстро пришла мне на помощь.

— Нас двенадцать и одна, а не одна. И мы молодые девушки, нас здесь ждут, и я думаю, что нам окажут хороший прием.— Она подоткнула под себя драгоценный, отливающий чернотой мех, на котором играли серебристые отблески.

Я ждала ухода Лорда Имграя почти в полном смятении, но, как ни странно, среди девушек царило чувство ожидания и удовлетворенности, и хотя они мало говорили, каждая уже подготовилась и заняла одну из кушеток.

Я накрылась серебристо-серым мехом и погрузилась в глубокий сон без сновидений. Я проснулась только тогда, когда утреннее солнце заглянуло внутрь палатки.

— Джиллан!— Кильдас стояла у входа, откинув в стороны брезентовые створки двери. Она смотрела на меня с видимым смущением.— Что ты там застряла?

Я вылезла из своего теплого мехового гнездышка и подошла к ней. Лошадей, на которых мы приехали, не было. Хотя другие палатки все еще были здесь, но площадка была пуста и палатки эти покинуты. По всей видимости, сопровождающие их люди Лорда Имграя покинули невест, пока те спали.

— Может быть, они испугались и некоторые из них в последнюю минуту изменили свое решение?— заметила я.

Кильдас улыбнулась.

— Я думаю, что твои сомнения напрасны, не так ли, Джиллан?

Она была права. Ничто в мире не заставило бы меня этим утром повернуть обратно.

— По крайней мере, они были настолько великодушны, что оставили нам наш наряд невест,— Кильдас указала на довольно объемистый тюк.— Я не знаю, сколько у нас есть еще времени до того момента, как наши новые Лорды позовут нас, но я думаю, будет лучше, если мы будем уже готовы. Вставайте, девушки!— крикнула она внутрь палатки, и девушки зашевелились на своих кушетках.— Приветствуйте Год Единорога и то, что он нам принесет.

В одной из покинутых палаток мы обнаружили чаши из полированного рога и сосуды с водой, которая все еще была теплой и пахла травами. Мы помылись, а потом справедливо распределили между собой содержимое выюков, так что заботы наши были забыты и каждая из нас нарядилась так красиво, как только могла. Некоторым из обладательниц этих нарядов они показались диковинными, так как некоторые из девушек были очень бедными, а другие, такие, как Кильдас, были достойны платья невесты из знатного дома.

Потом мы с большим аппетитом позавтракали тем, что осталось от ужина. И нам казалось, что время идет быстро. И вот когда Кильдас подняла свой кубок за наше счастливое будущее, с другой стороны перевала послышался сигнал — звук рога — нет, приветствовавший звук фанфар.

Я встала и повернулась к Кильдас и Сольфине.

— Мы должны идти?

— Здесь нам нечего больше делать, — согласилась Кильдас. — Посмотрим, что это за счастье, за которое мы только что пили, ожидает нас.

Мы вышли наружу и стали спускаться вниз по тропе в волнуемое облако тумана, скрывающее все, что находилось внизу. Но дорога не была ни крута, ни тяжела. Остальные девушки следовали за нами, их шуршащие подола платьев не касались земли, а фата невесты скрывала их лица. Ни одна из них не задержалась и не повернулась назад, никто из них не выказывал никакого страха, и мы молча продолжали свой путь.

Рог прозвучал три раза. В первый раз, когда мы отправились в путь, во второй раз, когда мы миновали перевал, и теперь вот в третий раз. После третьего сигнала рога туман перед нами расступился, словно разведенный в стороны чьей-то гигантской рукой, и мы вышли на площадку, где была не зима, а весна. Короткая трава здесь была сочной и мягкой. Ворота из кустов образовали входную арку, и на этих кустах висели маленькие белые и желтые цветочки, напоминающие колокольчики, и от них исходил сладкий запах, как от венков невест.

Не было видно ни одного человека, вместо этого мы увидели тут и там лежащие на траве накидки-плащи и некоторые из них были словно нарочно отброшены в сторону. И эти накидки были сделаны из тончайшей ткани, украшены тончайшей вышивкой и покрыты драгоценными камнями, каких никто из нас никогда не видел. И каждая из этих накидок отличалась от другой, хотя и едва заметно, потому что на всех них было столько узоров, что разбегались глаза.

Мы молча стояли и смотрели. Но чем дольше я глядела на то, что было передо мной, тем большее смущение охватывало меня, потому что мне казалось, что я вижу вторую картину, которая была словно скрыта первой. Когда я концентрировала свое внимание на какой-нибудь части этого зеленого лужка, на цветущих кустах или даже на какой-нибудь накидке, радостное великолепие красок меркло и я видела нечто совсем другое, что выступало

наружу из-под всего этого.

Тут не было больше зеленой травы, а только коричневая зимняя земля и пепельно-серая поросль, такая же, как и на равнине, по которой мы ехали день назад. Не было никаких цветущих кустов, а только голые колючие безлистные ветки. И накидки — красота вышивки и драгоценных камней как сияние покрывала темные краски, которые образовывали узоры, напоминающие ряды каких-то странных рун, которые не имели для меня никакого значения, и все эти накидки были такого же серо-коричневого цвета, как и земля, на которой они лежали.

Чем дальше я на них глядела, сосредотачивая свою волю, тем сильнее бледнело все это колдовство. Взглянув на своих спутниц, я заметила, что они видели только то, что было на поверхности, и не видели того, что было под всем этим. И лица их были открыты. Они выглядели такими счастливыми, и я поняла, никакое мое предупреждение не сможет сломать их убежденность, да я и не хотела делать этого.

Они оставили меня, сначала Кильдас, а потом Сольфина и другие. Они пробежали мимо меня на этот заколдованный луг, и каждая подобрала одну из накидок, привлекающих их своим великолепием, которое, однако, было только видимостью.

Кильдас нагнулась и, подобрав одну из накидок, накинула ее себе на грудь; на этой светящейся голубым накидке драгоценными камнями было вышито сказочное животное — двойное зрение пришло ко мне и ушло, и я теперь только изредка могла видеть те вещи, которые были скрыты колдовством от глаз других. Девушки прижимали к себе накидки как бесценные сокровища, а потом они пошли дальше, словно увидели свою цель и теперь старались как можно быстрее достичь ее. Они подошли к кустам, прошли через арку и исчезли в облаке тумана, висевшем по другую сторону этой арки.

Сольфина тоже сделала свой выбор и исчезла. Эдит и остальные последовали за ней, и я с испугом поняла, что осталась одна. Мое двойное зрение нагнало на меня страх, но дальнейшие колебания могли быть опасными. Но я все еще смотрела на оставшиеся накидки, их осталось тут еще несколько, и их иллюзорная красота постепенно исчезала и все они стали казаться мне одинаковыми. Нет, не совсем одинаковыми, решила я, рассмотрев их повнимательнее, потому что ряды рун на них были различной длины и ширины.

Одна из накидок лежала несколько в стороне от остальных, в углу, почти на самом краю площадки. Руны на ней не образовывали единого узора, а были разрозненными. Некоторое время я старалась воспринять их колдовство, разглядеть в них что-нибудь зелено-голубое, крылатую фигуру, сотканную из драгоценных кристаллов. Но это видение было настолько беглым, что в следующее мгновение я уже не знала, на самом ли деле я видела все это. Однако я чувствовала, что эта накидка притягивает меня, по крайней мере, она притягивала мой взгляд сильнее, чем другие. И чтобы не вызвать подозрений, я должна была сделать свой вы-

бор немедленно. Но почему я так подумала, не знаю.

Я пересекла мертвую, мерзлую землю, подняла накидку и прижала ее к себе, потом прошла через голые кусты в холодный туман, оставив позади себя на земле лежать десять накидок, их колдовство и краски на них исчезли.

В тумане я слышала голоса и радостный смех, но никого не видела и, когда я пыталась определить направление этих звуков, не смогла понять, с какой стороны они доносятся. Мне было неприятно, я была в тумане одна. И накидка в моих руках, отделанная серебристо-серым мехом, становилась все тяжелее. Одетая в свое подвенечное платье, я начала мерзнуть, потому что оно почти не защищало меня от промозглого тумана.

В тумане появилась темная тень: ко мне приближалась какая-то фигура. Я почувствовала себя пойманной, у меня не было шансов на бегство. Человек или зверь — или и то и другое? Темная тень передвигалась на двух ногах, как человек. Но того, что встретили в тумане мои спутницы, они не испугались, потому что я слышала в тумане их счастливые голоса, только не могла разобрать слов.

Человек. Да, голова у него была человеческой. А я смотрела на него двойным зрением, которым я разглядывала серо-коричневые накидки.

Наконец, чужак вышел из тумана, и я смотрела, как он, принадлежащий к чужой расе, приближается ко мне, чтобы взять меня. Он был высок, хотя и не так высок, как горец-воин, и он был строен, как юноша, который впервые вышел на бой. Лицо его тоже было гладким, как у юноши, и только его зеленые глаза под раскосыми бровями были не глазами юноши, а усталыми, старыми и какими-то лишенными возраста.

Каждая из его раскосых бровей так круто поднималась вверх, что глаза его, казалось, образовывали на лице прямой угол, вершиной которого был острый, выступающий вперед подбородок и под таким же углом были подстрижены его густые черные волосы, спадающие на лоб. По человеческим меркам он был ни красивым, ни безобразным, а каким-то совсем другим.

На голове его не было ни шлема, ни чего-нибудь еще, но он был одет в кольчугу, которая, казалось, очень сильно стесняла его движения. Она спускалась до середины его бедер, под ней были надеты плотно облегающие тело короткие брюки из гладкого серебристого меха, такого же короткого, как и тот, который мне так понравился там, в палатке; этот мех был почти таким же. На его ногах были меховые сапоги несколько более темного цвета, чем брюки. Его гибкую талию охватывал пояс из мягкого материала, застегивающийся на огромную пряжку, к которой был прикреплен странный молочно-белого цвета камень.

Так я впервые увидела Херрела, Всадника-Оборотня, чью накидку я подобрала, ничуть не прельщенная ее колдовством.

— Мой... мой Лорд? — наконец вежливо спросила я, так как он, очевидно, не хотел нарушать молчание, повисшее между нами.

Он улыбнулся почти насмешливо.

— Моя Леди,— ответил он мне, и в его голосе снова прозвучала легкая насмешка, но я чувствовала, что она относилась не ко мне.— Кажется, мне удалось устроить все гораздо лучше, чем я надеялся, и ты подобрала мою накидку.

Он протянул руку и взял у меня накидку.

— Я Херрел,— сказал он.

— Я Джиллан,— ответила я. И тут я осознала, что не знаю, что ждет меня дальше, потому что в своих планах и в своих мечтах я никогда не пыталась заглянуть дальше этого места.

— Приветствую тебя, Джиллан...— Херрел взмахнул накидкой и заботливо укрыл ею мои плечи, так что она укрыла меня от шеи и почти до самой земли.

— Итак, я заявляю свои права на тебя, Джиллан,— если ты тоже хочешь этого.

В его последних словах был неприкрытый вопрос. Если это был какой-то вид церемонии, он давал мне возможность для отступления. Но не могла же я вернуться назад.

— Это мое желание, Херрел.

Он все еще тихо стоял, словно ждал чего-то еще, но я не знала чего. А потом он нагнулся и спросил меня еще более резким голосом:

— Что находится на твоих плечах, Джиллан?

— Серо-коричневая накидка, отороченная мехом...

Мне показалось, что он на мгновение задержал дыхание.

— А каким ты видишь меня, Джиллан?— спросил он тогда.

— Я вижу мужчину молодого и немолодого, одетого в кольчугу и меховую одежду, он носит пояс с серебряной застежкой и серебристо-белым камнем. На голове у него черные волосы и...

Мои слова нарушали эту тишину, казавшуюся мне угрожающей. Херрел протянул руку и так быстро дернул с моей головы фату, что из моей фаты выпали заколки, она распустилась и волосы рассыпались по плечам и спине поверх накидки, которую он сам надел на меня как символ нашей связи.

— Кто ты?— Его голос звучал так же требовательно, как и голос Лорда Имграя при нашей прошлой встрече.

— Я Джиллан, пленница война из-за моря, привезенная в долины Высокого Халлака и пришедшая сюда по своей собственной воле,— я говорила ему правду, потому что знала, что он имеет право знать правду.

Он отбросил фату в туман, а потом нарисовал в воздухе между нами какой-то узор, и слабое мерцание света возникло там, где двигался его палец. Но его улыбка погасла, и на его лице появилось такое выражение, словно он с чем-то боролся.

— Мы связаны накидкой — и это не случайность, а судьба. Но я прошу тебя об одном, Джиллан, если у тебя есть то, что ты называешь двойным зрением, постарайся, по крайней мере некоторое время, смотреть обычным зрением — все другое опасно.

Я не знала, как мне это сделать, но напряженно пыталась представить под своими ногами зеленую траву и яркие краски во-

круг. На мгновение одна картина наплыла на другую, а потом я снова оказалась среди всего этого великолепия — закутанная в зелено-голубую накидку, вышитую каплями драгоценных камней. И у Херрела внезапно появилось другое лицо, более похожее на человеческое и чрезвычайно привлекательное, но та, другая его внешность мне нравилась больше.

Не говоря больше ни слова, он взял меня за руку, и мы вместе вышли из туманной страны ничто в зеленую рошу с цветущими деревьями. Там я снова нашла своих спутниц, и каждую из них сопровождал мужчина, подобный Херрелу; они сидели на траве, ели и пили, каждая пара из одной тарелки, принадлежащей только ей, так как это было в обычае долин во время свадеб.

В стороне стояли другие мужчины, и они были без спутниц. Празднующие, казалось, не замечали их. Когда мы проходили мимо этих мужчин, они все повернулись и уставились на нас. Один из них со сдавленным криком выступил вперед, и это не обещало нам ничего хорошего. Но двое других оттащили его назад в свою группу. Херрел завел меня в маленькую нишу между двумя цветущими деревьями, исчез, а потом вернулся назад с едой и питьем в хрустальных сосудах — или, по крайней мере, мне это так показалось.

— Смейся,— тихо сказал он мне.— Покажи счастье невесты, потому что здесь есть те, которые за нами наблюдают, и то, о чем мы с тобой будем говорить, не предназначается для других ушей и не соответствует их мыслям.

Я отломил кусок пирога и поднесла его к своим губам. Мне удалось улыбнуться и даже рассмеяться, но внутренне я все время была начеку.

— Я желаю тебе счастья,— Херрел тоже улыбнулся, поднимая свой бокал и отпивая пенистую, янтарного цвета жидкость.

— Но, может быть, это невозможно,— тихо возразила я.— Это то, что ты хотел сказать мне? А если это так — то зачем?

Он протянул мне бокал, чтобы завершить церемонию поздравления. Я отпила, но над краем бокала мой взгляд задержался.

— Для этого есть основания, моя Леди. Сначала первое: это не предназначалось ни одной из вас,— он коснулся накидки, которая все еще ниспадала с моих плеч зелено-голубым великолепием.— По Праву Братства они не могли отвергнуть мои приязнания. Но никто из них не верил, что мою накидку выберет невеста. Ты сделала плохой выбор, Джиллан, потому что я в этом обществе самый незначительный...— Он произнес это легко, без боли и стыда, но так, что его происхождение сразу стало ясно и на это нельзя было не обратить внимания.

— Я не верю этому.

— Улыбайся!— Он отломил себе кусок пирога.— Ты говоришь так из вежливости, моя леди.

— Я говорю то, что чувствую.

Теперь он стал серьезен, его глаза изучали мое лицо, словно

он мог проникнуть в мои мысли и прочитать их содержание: как то, что мне было известно, так и то, о чем я даже не догадывалась. Потом он глубоко вздохнул:

— Ты ошибаешься. Все время случается так, что я спотыкаюсь там, где остальные легко достигают своих целей. Я с ними одной крови, но во мне что-то не так, так что иногда я могу распоряжаться своими силами, а иногда они мне изменяют. Таким образом, ты выбрала человека, которого его сородичи оценивают очень низко.

Я провела рукой по накидке на моих плечах.

— Но было же что-то, что привлекло меня, и, кажется, на этот раз твои силы не отказали тебе.

Херрел кивнул:

— И таким образом я получил то, что для меня не предназначено...

— И это и есть основание опасаться несчастья?— Я не верила, что он опасается этого. Он, конечно, был воин не из последних, несмотря на то, что он думал о себе сам.

— Ты не понимаешь,— мягко произнес он.— Я могу только то, о чем ты узнала в первый час нашего знакомства, и, возможно, с этого часа у нас впереди не будет гладкой дороги. Мы запросили у вас двенадцать и одну невесту, но наш отряд насчитывает почти в два раза больше воинов. Мы предоставили выбор колдовству и судьбе, но некоторые из оставшихся никак не могут согласиться с тем, что выбор пал не на них. Кроме того, ты назвала себя пленницей людей из-за моря и ты не из одного из родов Высокого Халлака, потому что ни один из его жителей не может видеть нашего второго лица. Поэтому ты можешь быть нашей дальней родственницей...

И поэтому не принадлежать к человеческому роду?— спросила я сама себя.

— Не позволяй никому обнаруживать, что ты видишь наши вторые лица,— предупредил он меня.— Они не доверяют тем, которые не такие, как они и, вероятно, еще меньше будут доверять той, которая выбрала мою накидку.

Некоторое время мы молчали, потом я спросила:

— Это ваш лагерь?

— На один-два часа,— улыбнулся он.— Если ты попытаешься увидеть замок или стены какого-нибудь огромного замка, ты напрасно стараешься, моя леди. У нас нет другого дома, кроме степей.

— Но вы же уедете отсюда — это часть договора. Куда мы поедем?

— На север, далеко на север, а потом на восток,— рука его легла на застежку с молочно-белым камнем.— Мы изгнанники и теперь снова хотим вернуться на родину.

— Изгнанники? Из какой страны? Из-за моря?— Может быть, вы были дальними родственниками по крови.

— Нет. Наша родина может находиться далеко в пространстве и во времени, но она неотделима от этой земли. Мы происхо-

дим из очень древнего народа Высокого Халлака — очень юный народ. Раньше для нас не было границ, если мы хотели странствовать. Все наши мужчины и женщины обладали силами, которыми они могли пользоваться по своему желанию. Хотел кто-нибудь ощутить свободу скачущего галопом коня — он мог стать этим конем. Или соколом, или орлом, парящим в воздухе. Если ему хотелось иметь богатую одежду или драгоценности, он получал их с помощью своих способностей, и они исчезали, когда это великолепие наскучивало их владельцу. Но только обладание такими силами и их использование приносило с собой огромную скуку, потому что со временем не осталось больше ничего такого, что можно было бы пожелать, никаких новых впечатлений для глаз, сердца и души.

А потом пришло время опасности, потому что мы становились все более беспокойными и обращались от известного к неизвестному. Потом мы распахнули двери запретного и развязали силы, которые не смогли контролировать. Мы становились все старше и слабее. И некоторые из нас, снедаемые беспокойством и любопытством, стали искать других развлечений. Они высвобождали то, что они чаще всего не понимали, и смерть нависла над страной. Мужчины, бывшие до сих пор друг для друга братьями, теперь встречали друг друга с недоверием и даже ненавистью. Они убивали друг друга мечами и другими способами, которые были намного хуже.

После одного из больших сражений на нас наложили обязательства. С этого времени каждый из нас, кто рождается с беспокойным духом, должен покинуть страну, в которую вернулся наш народ, и превратиться в странника. Не было никакого свободного выбора, хотя некоторые из нас и выбрали бы эту жизнь, потому что они рассматривались как потенциальные нарушители мира, который должен был неукоснительно поддерживаться, иначе наша раса исчезла бы с лица земли. И каждый из нас, обладающий беспокойным духом, должен был странствовать некоторое количество лет, пока звезды на небе не образуют новый узор. Когда это происходило, они должны были отыскать Врата и просить разрешения войти. И если они выдерживали проверку, то могли вернуться на родину, к своему народу.

— Но люди Высокого Халлака говорили, что они знали Всадников с тех пор, как пришли в эту страну...

— Продолжительность жизни людей и наша не одинакова. Но теперь приближается день, когда мы снова должны попытаться счастья у Врат. Но удастся наше возвращение или нет, наш род не должен вымереть. Поэтому мы и взяли невест у людей. Мы хотим, чтобы у нас были потомки.

— Полукровки не всегда обладают такими качествами, как чистокровные...

— Это правда. Но, моя леди, ты забываешь, что мы все же обладаем некоторыми способностями, и не все изменения, которые мы можем совершить, являются обманом зрения.

— Но будут ли глаза девушек ослеплены и далее? — Она

взглянула на двух своих спутниц, которые были в таком восторге под влиянием колдовства, что видели только тех, с кем делили кубок и тарелку. Хорошо ли это было или нет, я не могла сказать.

— Они будут видеть только то,— ответил он,— что захочет тот, чью накидку они носят.

— А я?

— А ты? Может быть, если ты всеми силами будешь стараться делать это, ты будешь видеть то, что видят другие. Теперь, основываясь на своем опыте воина, я могу сказать, что для тебя будет лучше, если ты будешь видеть только то, что видят другие. Мои спутники будут недовольны, если узнают, что у тебя есть воля, с которой они не могут совладать. За наше счастье, моя леди...

Его тон изменился так внезапно, что я сначала была ошеломлена, но потом насторожилась. Сзади к нам кто-то приближался. Но я сделала вид, что ничего не заметила, и глядела на Херрела так, словно он был единственным во всем мире.

Тот, кто подошел, молча стоял позади, он был один, и от него облаком исходило какое-то беспокойство... Ненависть? Нет, в нем было слишком много презрения. Это было что-то вроде досады, направленной против низшего члена группы, гнев за то, что тот осмелился воспротивиться его воле, в которую подошедший так верил.

— А, Хальзе, ты пришел, чтобы выпить за невесту?— Херрел взглянул на того, кто стоял позади меня. На его лице не было заметно и следа беспокойства. Однако голос его стал острым, как лезвие боевого ножа, и я была уверена, что Хальзе не был другом Херрела, а относился к тем, кто завидовал ему, потому что волшебство накидки Херрела принесло ему успех. Но я продолжала смотреть на Херрела с таким же восторгом, с каким другие девушки смотрели на своих избранников.

— Кажется, Херрел, который всегда был так неловок, все же преуспел в волшебстве,— заметил подошедший с видимой насмешкой. Позволь посмотреть, насколько тебе это удалось, позволь посмотреть, что за невеста подобрала твою накидку.

Одним быстрым движением Херрел оказался на ногах, готовый принять вызов насмешника.

— Мой Лорд?— я схватила его руку, гладкую и холодную.— Мой лорд, что это?

Он поднял меня, и я, наконец, смогла увидеть стоявшего за моей спиной. Он был на пару дюймов выше Херрела, и его тело, такое же стройное и мускулистое, как и у Херрела, было намного шире в плечах. Но в целом от своих спутников он отличался только тем, что его брюки и сапоги были из коричневого меха и на застежке его пояса был небольшой красный камешек. Но, хотя внешне они походили друг на друга как братья или близкие родственники, внутренне они сильно отличались друг от друга, и то, что находилось у них внутри, сильно разнилось. Гнев, надменность и самоуверенность одного из них были так велики и он считал, что ничто в мире не сможет устоять против его воли,— это

был Хальзе. А для меня он был тем, кого я должна была избегать, как испуганная маленькая мышка спасается бегством от охотящейся совы.

— Моя леди,— Херрел все еще сжимал мою руку.— Я хочу представить тебя моим спутникам-всадникам. Это Хальзе, Сильная Рука.

— Мой Лорд,— я постаралась быть мужественной и как можно лучше сыграть свою роль.— Я очень уважаю твоих друзей и спутников,— мои слова были формальными и я надеялась, что в них не заметно фальши.

Глаза Хальзе пылали не зеленым, а красным, и улыбка его была похожа на удар бича по голому телу того, на кого он смотрел.

— Воистину, это прекрасная леди, Херрел. На этот раз счастье было на твоей стороне. Но что получит леди от такого счастья?

— Мой Лорд? Я знаю, что вы имеете в виду. Но пламя, сжигающее меня,— огромное блаженство, и оно мое в этот час.

Этим словами я ответила ему на его удар бича, хотя это и не входило в мои намерения. Он, улыбаясь, отошел, но это была вынужденная улыбка, за которой он с трудом сдерживал кипящую в нем ярость.

— Пусть и дальше это будет так же приятно,— он поклонился и пошел прочь, не сказав на прощание ни слова.

— Так и будет,— заметил Херрел.— Но я думаю, что нам предстоит борьба. И ради всего святого, Джиллан, контролируй свой язык, свою улыбку и даже свои мысли! Хальзе и представить себе не мог, что он уедет отсюда без невесты и что мне повезет там, где он потерпит неудачу, и это вдвойне разозлило его. А теперь пошли, время не ждет.

Я увидела, что остальные тоже поднялись, и праздник кончился.

Херрел обнял меня рукой за талию, и мы вместе с другими парами пошли к тому месту, где нас ждали лошади.

Меня привезли сюда на лохматом горном пони, но эти лошади были совсем другими. У них была странная пятнистая шерсть, серая и черная, и благодаря этой расцветке они сливались с зимним ландшафтом, когда стояли неподвижно. Потом мы снова вернулись из весны в зиму.

Лошади Всадников были большими, более гибкими и длинноногими, чем все другие лошади, которых я видела в долинах. Покрывала на седлах были из меха, а сами седла маленькие и немного неуклюжие. Некоторые из лошадей были навьючены тюками, хотя мне показалось, что мы, по-видимому, не взяли с собой ничего, чем мы подкреплялись во время свадебной церемонии; так же как мы не взяли с собой ничего из оставленных нами палаток.

И так мы поехали прочь от долины Свадьбы, и хотя я сама не чувствовала себя настоящей невестой, но считала Херрела своим женихом. Было ясно, что я ни с кем больше не могла разделить

свои чувства и свое общество и, таким образом, снова оказалась в стороне от тех, с кем мне придется жить.

Лошади бежали быстро и неутомимо. Я не могла себе и представить, что какие-нибудь четвероногие могли быть способны на такое. Проходили часы, но время теперь не имело никакого значения. Может быть, Всадники с помощью своего волшебства могли изменять ход времени. Вероятно также, что в пищу и питье, которые мы съели и выпили, было что-то прогоняющее голод и усталость, потому что все это время мы не ели и не отдыхали. Мы ехали всю ночь, весь следующий день и всю следующую ночь. Лошади не знали усталости, и все это было словно во сне. Не думаю, что мои спутницы замечали ход времени, они ехали словно в трансе, и на их лицах застыло выражение восхищения.

Наконец, мы миновали степи и въехали в высокогорную область, здесь я впервые за все время увидела сооружение, сделанное руками человека: стену в два человеческих роста, сложенную из камней, и хижину с крышей из ветвей и кустарника. Или это видела только я, потому что услышала, как Кильдас сказала:

— Мой Лорд, как прекрасен этот зал!

И я сконцентрировалась на том, чтобы видеть то, что должна была видеть. А потом въехала во двор, окруженный каменными строениями с крышами из дерева, украшенными искусной резьбой.

Херрел повернулся ко мне:

— Здесь мы отдохнем, а потом поедem дальше, моя леди.

Когда я спешила, на меня нахлынула такая усталость, какой я давно не чувствовала, хотя и должна была чувствовать, и подумала, что мне нравится то, что Херрел не стал поддерживать меня и помогать мне. Мой отдых начался с дремоты, которая перешла в глубокий сон.

Я проснулась в полной тьме! И услышала возле себя спокойное дыхание. Я поняла, что на кровати рядом со мной кто-то лежит. Напрягшись, я лежала и прислушивалась. Но кроме равномерного дыхания, больше не было слышно никаких звуков. Но я проснулась, внутри меня прозвучал ясно слышимый зов.

Было очень темно, и я осторожно поднялась. В помещении было тепло, словно в камине горел яркий огонь, но здесь не было ни камина, ни огня. На мне было только нижнее белье, но холодно не было. Зато какой-то холод разливался внутри меня. И внезапно стало очень важно увидеть не только это помещение и кровать, но и то или того, кто лежал на этой кровати и спал.

Мои голые ноги ступили на мягкий мех, которым был выстлан пол. Я делала шаг за шагом, ошупывая руками пространство вокруг себя, чтобы не наткнуться на мебель. Откуда я знала, что впереди меня находится источник света, наполнявший меня потребностью что-нибудь увидеть?

Стена, вдоль которой я шла с вытянутыми руками, которые не повиновались моей воле. Окно со ставнями, закрытыми на засов. Мои пальцы сдвинули засов, и я распахнула ставни. Яркий лунный свет ворвался внутрь, и все вокруг стало хорошо видно.

— Аррр...— голос или рычание?

Я обернулась и взглянула на кровать, где только что лежала. Что это подняло голову и взглянуло на меня зелеными глазами? Меха, гладкий блестящий мех и острые зубы-клинки, обнаженные во внезапно пробудившейся ярости. Горная кошка... и не кошка. Губы приподнимались и клыки обнажались все больше, готовые рвать и поглощать... Это было самым ужасным и отвратительным из всего, что я видела до сих пор.

ЭТО ТО, ЧТО ТЫ ВЫБРАЛА!

В то мгновение, когда в моей голове прозвучали эти слова, я подавила зарождающуюся внутри меня злобу. Может быть, это тот, другой, пытался добиться меня и изменить мою судьбу. И то, что я увидела, было двояким, одно под другим, серебристая шкура, гладкий мех, звериная маска на лице. Только зеленые глаза оставались все теми же. И они горели готовностью к бою. Когда они открылись, в них были разум и понимание.

Я подошла к тому, кто был одновременно и зверем, и человеком. И потому, что я смогла увидеть в нем человека, я больше не испытывала страха перед тем, кто находился рядом со мной в комнате. И боялась только того, что разбудило меня и направило к окну.

— Ты Херрел,— сказала я человеку-зверю. И после этих слов он снова превратился в человека, а зверь исчез, словно его никогда не было.

— Но ты же видела меня другим,— это было утверждение, а не вопрос.

— В лунном свете... да.

Он встал с постели и теперь стоял у того ее конца, где были его ноги. Повернувшись к двери, он помахал рукой в воздухе и пробормотал несколько слов на языке, которого я не понимала.

На двери появился свет, но не серебристый, как свет Луны, а зеленоватый, как от светильников Всадников, и от этого света протянулись две световые дорожки, одна к кровати, возле которой стоял Херрел, а другая к моим ногам.

Я снова увидела смешение человека и зверя, на этот раз потому, что в нем закипал гнев. Херрел набросил на плечи накидку и пошел к двери. Но, положив руку на запор, он остановился и взглянул на меня.

— Может быть, это и к лучшему... Да, к лучшему. Только,— теперь он говорил мне, а не сам себе,— они должны увидеть, что ты испугана. Ты можешь кричать?

Я не могла понять, что он задумал, но доверилась ему, собрала все свое мужество и закричала, сама удивляясь тому, какую ноту ужаса мне удалось вложить в этот крик.

Тишина в здании царила недолго. Херрел распахнул дверь, а потом снова отскочил назад ко мне. Его руки обняли меня, словно он утешал меня, и прошептал мне на ухо, что я и дальше должна разгрызывать испуг.

Послышался вопросительный голос и торопливые шаги, потом к нам приблизился свет лампы. Предводитель Всадников Хи-

рон стоял в дверях и смотрел на нас. До сих пор я видела его только издали. У него был вид человека, требующего удовлетворительного объяснения.

— Что здесь произошло?

— Я проснулась от того, что стало жарко. Мне захотелось открыть окно...— Я подняла руку и неуверенно провела ею по лбу, словно почувствовала себя совсем ослабевшей.— Потом обернулась и увидела огромного зверя...

На мгновение воцарилась тишина. Херрел нарушил ее.

— Посмотри сюда,— это прозвучало как приказ, а не как просьба. Он указал на мех у моих ног, по которому тянулась зеленая линия — уже побледневшая, но все еще различимая.

Хирон посмотрел, потом перевел взгляд на Херрела.

— Ты требуешь права меча?

— Против кого, Хирон? У меня нет никаких доказательств.

— Это правда, и лучше не надо никого искать — особенно сейчас.

— Я никого не вызываю на поединок,— холодно ответил Херрел.

Хирон кивнул, но я почувствовала, что ему было противно, словно это была неприятность, которую он принял к сведению только из чувства долга.

— Ни это, ни что-либо еще не должно повториться,— продолжил Херрел.— Нет большего преступления, чем посягать на чужую избранницу. Разве мы все не клялись на оружии?

Хирон снова кивнул.

— Больше не будет ничего подобного.

Когда мы снова остались одни, я посмотрела на Херрела.

— Что это за колдовство было направлено против нас сегодня?

Но он не ответил на мой вопрос, а только изучающе посмотрел на меня и спросил:

— Ты увидела зверя и человека, но все же не побежала от него?

— Я видела зверя и человека, а человека я не боялась. А теперь скажи мне, что же все-таки произошло, потому что это, очевидно, было сделано со злым умыслом.

— Колдовство было направлено на то, чтобы сделать меня отвратительным в твоих глазах и, может быть, на то, чтобы ты оставила меня и побежала к другому, который ждал тебя. Скажи мне, почему ты пошла к окну?

— Потому что... потому что мне было приказано,— да, это было именно так. Мне во сне приказали, чтобы я сделала так. Это Хальзе?

— Вероятно. Но есть и другие... Я уже говорил тебе, что никто не верил в то, что какая-то из девушек выберет мою накидку. И то, что я добился этого, принизило их в их собственных глазах. И они с удовольствием посмотрели бы, как я потерпел неудачу. Они хотели отнять тебя у меня, напугав изменением моего тела.

Изменением тела... Ты носишь человеческое тело только потому, что тебе это нужно?

Он ответил мне не сразу, подошел к окну и выглянул наружу, в ночь, залитую лунным светом.

— Ты боишься того, что узнала обо мне?

— Я не знаю. В первое мгновение я испугалась, но для моего второго зрения ты, очевидно, навсегда останешься человеком. Он снова повернулся ко мне, но лицо его было в тени.

— Я клянусь тебе на оружии, Джиллан, что никогда по собственной воле не буду пугать и ужасать тебя.

На следующее утро мы выехали из опорного пункта Всадников и на этот раз с нами было больше вьючных лошадей, потому что возвращения назад не было. Мы приближались к Вратам в их исчезнувшую страну, поднимались в горы все выше и выше, дул холодный ветер, хотя снега не было. Херрел схал слева от меня, не говоря ничего. Изредка он поднимал голову и ноздри его расширялись, словно он чувал опасность в воздухе. Осторожно оглянувшись, я увидела, что остальные Всадники делали то же самое, и только девушки все еще были околдованы своим восхищением. На Всадниках были серебристые шлемы и нашлемным гербом Херрела была великолепно сделанная фигурка в виде присевшей и готовой к прыжку горной кошки. Гербом мужчины, ехавшего рядом с Кильдас, была птица — может быть, орел — с распростертыми крыльями, словно вот-вот готовая взмыть в воздух. А за ним ехал человек, на шлеме которого была фигурка медведя, очень злобного красно-коричневого обитателя горных лесов, которого охотники боялись больше, чем всех остальных диких зверей.

Человек с медведем на шлеме повернул голову и я узнала Хальзе. Медведь, кошка, орел... Я попыталась рассмотреть гербы других: дикий кабан, клыки которого подняты для нападения, волк... Обратни, колдуны... могли ли они на самом деле превращаться в зверей и птиц по своей воле и желанию? Или то, что я видела прошлой ночью, было только иллюзией и было направлено на то, чтобы оттолкнуть меня от Херрела?

На небольшой площадке мы сделали привал, чтобы перекусить. Я заметила, что Всадники все еще были обеспокоены. Те, у кого были невесты, собрались вокруг Хирона и трое из них через некоторое время поскакали дальше. Ни одна из девушек, казалось, не заметила этого беспокойства, так что и я должна была выглядеть беззаботной. Но когда Херрел принес мне стакан вина, я шепотом спросила у него, чем это все так обеспокоены.

— Опасность к востоку отсюда. Люди, возможно, ализонцы...

— Но Ализон на этом берегу уничтожен! Нет больше никаких... — я не смогла скрыть своего удивления.

— Некоторые из них в отчаянии бежали, потому что у них здесь не осталось ни одного корабля, а другого пути вернуться на родину у них не было. Эти люди укрылись в глухих местах и живут разбоем и налетами.

— Но так далеко на север...

— Они знают, что люди Высокого Халлака сюда не заходят, а нас они оставили в степях.

— Но они знают также, что Всадники все еще здесь, а на Всадников напасть они не отважатся!— Я переняла уверенность жителей долины в том, что те, с кем я сейчас ехала, были непобедимы и что не было человека, который был бы могущественнее их и по собственной воле выступил бы против Всадников.

— Джиллан,— Херрел слегка улыбнулся.— Ты переоцениваешь нас. У нас есть способности, которых нет у других рас, но мы так же истекаем кровью, если нас ранят мечом, и так же умираем, если рана достаточно глубока. И, как ты видишь, нас немного. Ты сама должна понять, что очень трудно все время поддерживать иллюзию. Двенадцать из нас пошли своим путем. От каждого из тех, кто сопровождает невесту, требуется более, чем только воля, чтобы поддерживать иллюзию. В последнюю ночь ты спросила меня, было ли на самом деле то, что ты видела. Да, иногда я бываю таким — в бою. Мы изменяем свои тела ради собственной безопасности. Но для того, чтобы принять то или иное обличье, требуется воля и сила духа. Эти юные девушки из Высокого Халлака видят нас такими, какими мы хотим показаться им. Однако, если сейчас нам придется принять бой, они увидят нас такими, как видишь нас ты, и это может быть концом всего, что мы получили в результате нашего договора. Скажи мне откровенно, Джиллан, кто из тех, кто пришел с тобой, примет наш настоящий вид, не делая никакой разницы?

— Я недостаточно хорошо знаю их...

— Но ты можешь оценить их...

— Очень немногие.— Может быть, я недооценивала девушек Высокого Халлака, но когда я думала об их разговорах и том огромном страхе, в котором они ехали к перевалу, то, полагаю, что не ошиблась.

— Вот видишь. И это нам очень сильно мешает, а тем, кто на нас нападет, терять нечего. Но я не думаю, что они нападут на нас. Мы надеемся, что до сражения дело не дойдет.

Но надежда эта была тщетной. Через час после того, как мы покинули нашу стоянку, Всадники разделились на две группы. Неженатые Всадники, которые по трое эскортировали каждую из нас, направились на восток и галопом скрылись из виду. Некоторые из них все же остались с нами, одним из них был Хальзе, который скакал взад и вперед вдоль нашей колонны, и каждый раз, когда он проезжал мимо меня, мне казалось, что он поворачивает голову ко мне и медведь на его шлеме сверкает на меня злобными глазами.

Зимой сумерки наступают рано, и вот уже тени выползли на нашу дорогу, которая вилась между обломками скал, покрытых снегом. Лошадь Херрела остановилась, и я натянула поводья своей кобылы. Остальные Всадники исчезли и мы, наконец, остались одни.

Остановившись, Херрел спешился и осмотрел передние ноги

своей лошади. К моему удивлению, он осматривал не копыта, а длинные волосы, закрывающие их. Внезапно пальцы его замерли и все тело напряглось.

— Что случилось?— спросила я.

Но не получила никакого ответа. В воздухе прозвучало тонкое пронзительное пение. Лошадь Херрела встала на дыбы, всхрапнула, брыкнулась и отбросила Херрела наземь.

Я тоже не смогла удержать свою кобылу. Она слепо умчалась прочь. Напрасно я пыталась успокоить ее, совладать с ней при помощи поводьев, чтобы заставить ее снова повиноваться. Наконец, я в отчаянии вцепилась в ее гриву. На своей груди я чувствовала жжение, словно что-то обжигало мою кожу. Амулет — я совсем забыла о нем. Однажды я тайно сделала его из трав и ягод, зашила его в платочек и вышила на этом платочке символы. Свои знания я почерпнула из старых книг, особые рецепты из которых я испытывала сама. Я носила амулет на шее на ленточке, он был спрятан под костюмом и гербом. Даже монахиня Алюзан однажды сказала, что в старом, передающемся из поколения в поколение знании имеется доля истины, которую я обнаружила сама, а знание, которым я пользовалась, происходило от верований, которые были так же стары, как и вся их религия.

Одной рукой я схватила амулет и сорвала его с ленточки, а потом, почти не сознавая, почему я это делаю, прижала амулет к покрытой пеной шее кобылы. Та взбрыкнула, испуганно заржала и замедлила свой головокружительный бег. Моя воля, наконец, победила, и мы вернулись. Я была уверена, что мою кобылу и лошадь Херрела нарочно привели в состояние паники.

Я почти боялась, что не найду обратной дороги, потому что все скалы вокруг выглядели одинаково. Позади меня послышался стук копыт и сразу же после этого позади меня оказался Хальзе. Я видела его сверкающие глаза — глаза человека... медведя. Он нагнулся, чтобы подхватить поводья моей лошади и заставить ее остановиться. Я оттолкнула его руку и при этом амулет соскользнул с разорванной ленточки и ударил его по запястью.

— Аааа...— Крик боли, словно на него обрушился удар бича. Он отпрянул, и его лошадь испуганно встала на дыбы. А потом я снова оказалась вне пределов его досягаемости и поскакала к Херрелу.

Но там была только его лошадь, стоявшая со свисающими поводьями и опущенной головой. А потом я увидела на скальном выступе такого же готового к прыжку зверя, какого я видела в лунном свете на кровати.

— Херрел?— Я была так уверена в том, что зверь снова превратится в человека, что, забыв о всякой осторожности, прыгнула с лошади и побежала к скале. Но на этот раз мне не удалось прогнать фантом. Зеленые глаза пристально смотрели в том направлении, откуда мы прибыли. А потом хищная кошка издала долгий вой. Я испуганно отпрянула от скалы и внезапно амулет, который я все еще сжимала в руке, снова нагрелся. Я торопливо убрала свою руку от скалы, о которую опиралась, и увидела в ще-

ли скалы какой-то предмет. От него исходила такая злоба, что я, не задумываясь, почему я это делаю, вытащила из трещины этот предмет и бросила его на землю. Предмет этот был длиной с мое предплечье и он раскалился, когда я приблизила к нему свой амулет. Я начала топтать его каблуками сапог и топтала до тех пор, пока он не разлетелся по камням мелкими осколками.

— Харрооо!— отразилось от скал, и этот звук исходил из человеческого горла. Потом я услышала другой крик и шипение зверя.

А потом, так быстро, что я едва это заметила, мимо меня пронесся медведь, за которым следовал волк. Надо мной пролетела гигантская птица. Потом я увидела огромного серого волка, еще одну кошку, на этот раз красно-коричневого цвета с черными пятнами, второго черного волка: отряд Всадников на боевой тропе. Но самого боя я не видела. И может быть, это было только хорошо, потому что я услышала крики, которые были наполнены таким ужасом, что я зажала себе уши и забилась в щель скалы. Мужество покинуло меня, осталось только одно желание: не видеть и не слышать ничего, что происходило там, где в полутьме сошлись звери и люди.

Я снова пришла в себя, когда кто-то потряс меня за плечо и назвал по имени.

— Джиллан!

Я взглянула в зеленые глаза, но они на этот раз находились не на голове кошки. Хотя я все еще видела эту кошку, но на этот раз это был шлем с фигуркой на нем...

— Она видела нас! Она знает все!— услышала я чей-то голос по ту сторону моего маленького мирка, в котором я была заключена и в котором кроме меня был только Херрел.

— Она знает больше, чем вы думаете, братья по отряду! Посмотрите на то, что она держит в руках!

Гнев сгушался вокруг меня, и я почти ощущала его в виде плотного красного тумана.

Потом вокруг моей шеи обвилась чья-то рука и поддержала меня, словно обещая безопасность.

— Прекратите! Лучше посмотрите, что это она сжимает в руке! Посмотрите же — Харл, Хизон, Хулор! В этом предмете заключено волшебство, но в этом волшебстве нет ничего злого, если только против него не будет направлено какое-нибудь зло! Харл, скажи Семь Слов, держа это в руке.

Я услышала слова или звуки, такие жесткие, что ушам моим стало больно. Слова чужой Силы.

— Ну?

— Да, это волшебство, но оно направлено только против Власти Тьмы.

— А теперь посмотрите туда!

Красный туман гнева исчез. Я снова видела, как обычно, своими глазами, а не чувствами. Там, где я растоптала этот предмет, в небо поднималась тоненькая ниточка маслянистого черного дыма и скверный запах, появившийся, когда я растоптала

предмет, исчез. Дым медленно сформировался в предмет в виде жезла, подобного тому, какой я нашла в расщелине скалы. Ревун, один из тех, которые используют Темные Силы.

Снова прозвучали странные слова, на этот раз произнесенные почти всеми одновременно. Предмет, сформировавшийся из дыма, покачнулся и внезапно исчез с резким шелкающим звуком.

— Вы сами видели это, — сказал Херрел. — А теперь вы знаете, что это было за колдовство. Тот, кто носит такой амулет, какой носит Джиллан, не может заниматься черной магией. Джиллан, — он повернулся ко мне, — что ты знаешь об этом только что исчезнувшем предмете?

— Амулет обжег мне руку, когда я оперлась о камень. Я увидела в скале расщелину и в ней находился этот предмет. Я... я вытащила его и раздавила ногами на мелкие кусочки.

— Смотрите, — Херрел снова повернулся ко всем Всадникам. — Мне кажется, братья по отряду, что мы должны быть благодарны ей за спасение. Если бы эта вещь продолжала действовать, могло произойти вот что: мы не смогли бы избавиться от нашего боевого обличия, не смогли бы снова превратиться в людей и вернуться назад к тем, кто не должен знать о нас правду.

Среди Всадников послышалось быстрое перешептывание.

— В таком случае мы должны все обсудить, — заявил Хальзе.

— Пусть будет так, — ответил Херрел. — И вы убедитесь в том, что здесь произошло. Но здесь может быть и другое колдовство. Хари, я прошу тебя, взгляни на левую переднюю бабку Рошана.

Я видела, как тот, у кого на шлеме была закреплена фигурка орла, подошел к лошади Херрела, нагнулся к ее левой передней ноге и ощупал копыто.

— Пути колдовства?

— Да. И вы утверждаете, что это работа какого-нибудь нашего врага или моей леди? Может быть, — Херрел бросил взгляд на каждого из присутствующих здесь Всадников, — может быть, это и было задумано, как шутка, но чуть было не стало причиной моей гибели, а также гибели каждого из нас, пришедших сюда. А может, это была вовсе не шутка. Кто-то надеялся, что я останюсь и паду жертвой судьбы или врага?

— Тогда у тебя есть право требовать удовлетворения с помощью меча, — сказал ему Хальзе.

— Я знаю это и потребую это, когда найду того, кто пытался сыграть со мной такую скверную шутку.

Херрел посадил меня в седло, а потом сел позади меня. Его руки обнимали меня, но все равно я чувствовала себя одиноко. Одиноко среди тех, кто, как мне показалось, ненавидел меня.

Потом мы где-то разбили лагерь, и я так устала, что все происшедшее казалось мне дурным сном.

На следующее утро мы поехали дальше, и я все еще чувствовала себя разбитой. Херрел ехал рядом со мной.

— Все это продлится не больше одного дня. Мы уже недалеко от Врат. Но я прошу тебя никогда не забывать о том, чего ты должна остерегаться.

Херрел говорил так, словно опасность угрожала нам обоим. Но я все равно чувствовала себя совершенно одинокой. Не было того Херрела, на которого я могла положиться. Здесь был человек и зверь, и я не отваживалась доверять ни тому, ни другому.

— Мне снилось, что тут была битва,— сказала я, наизусть заучив этот урок.— Но тут не было никакой битвы.

— Да, здесь не было никакой битвы,— подтвердил он.

— Итак, эта битва мне приснилась,— продолжила я.— Кто же следует по нашим следам и какой противник использует оружие, чтобы разрушить ваши чары?

Он ответил со всей откровенностью.

— Это были охотники из Ализона, и некоторые из них, должно быть, обучены тайному знанию, и их ненависть выплеснулась наружу. То, что они направили на нас, было Темными Силами, вызывающими изменения наших тел, а затем навсегда закрепляющими эти изменения. И этим мы сами себе роем могилу. Лучше бы они сделали так, чтобы мы навсегда остались людьми.

— Сколько их было? И почему они напали на вас?

— Мы насчитали двадцать человек. Их план был очень хитер. Они оставили ложный след, чтобы разъединить нашу группу, а потом напали на ту ее часть, которую считали более слабой. А почему? Они носят щиты с гербами Халлака и это значит, что они хотят направить нас против Халлака. Только мы не понимаем этой Черной Стрелы. Она не относится к их обычному вооружению.

Потом Херрел получил приказ ехать в арьергарде, и я присоединилась к другим девушкам. Один раз, когда Сольфина немного отъехала от меня, рядом появился Хальзе. Его красные медвежьи глазки изучающе смотрели на меня, словно он пытался прочесть мои мысли.

— Настоящее зрение может быть угнетающим, моя леди,— заметил он.— Оно здесь не нужно.

— А если нужно, мой Лорд? Ведь именно оно помогло мне обнаружить эту вещь, по крайней мере, я так думаю. И оно все еще может принести мне пользу...

Он пожал плечами.

— Может быть, мы несправедливы к вам, моя леди. Но, по крайней мере, ваши сестры не разделяют ваших сомнений. И вам это также было полезно.

И все же я нашла его улыбку жуткой, и когда он, наконец, повернул своего коня и исчез, я поехала быстрее, чтобы догнать Кильдас. Мне вдруг стало очень неприятно ехать в одиночестве.

— Харл сказал, что у Хальзе злой язык,— заметила Кильдас.— Хотя он и проявляет необходимую вежливость или, по крайней мере, кажется, что проявляет. Он в ярости от того, что ему не досталось невесты.

— Может быть, его накидка была недостаточно привлекательной.

Она рассмеялась.

— Только, чтобы он не услышал этого! Он воображает, что в любом обществе является первым. И это правда, он же выглядит таким привлекательным...

Она находит его привлекательным? Для меня он был медведем, скрытой под густым мехом опасностью.

— Красивое лицо — это еще не все.

— Ты права. И мне Хальзе не особенно нравится. Он всегда улыбается и кажется таким довольным, но я думаю, что на самом деле это не так. Джиллан, я не знаю, что тебе сказал Херрел, но не разговаривай с Хальзе так открыто. Харл сказал мне, что между ним и Херрелом старая вражда и после свадеб отношения между ними еще больше ухудшились. Потому что Херрел получил то, что хотел бы Хальзе...

— Меня? — улыбаясь, спросила я.

— Может быть, не тебя, но невесту. Перед тем, как мы появились здесь, он много говорил о том, что его счастье было словно заноза в его теле. И другие Всадники не забыли о его хвастовстве и постоянно напоминают ему об этом. И это плохо, — она посмотрела на меня. — Прежде чем мы встретились с ними, я думала, что все Всадники похожи друг на друга и объединены в общую группу, которая думает и действует как один человек. Но они оказались такими же, как все остальные люди, у каждого из них свои собственные мысли и мечты, ошибки и страхи.

— Тебе все это рассказал Харл?

Кильдас улыбнулась, и улыбка ее была улыбкой безграничного счастья.

— Харл рассказал мне о многом... — И она снова погрузилась в мир грез и мечты, в который я не могла последовать за ней.

Долгий день подходил к концу, но Херрела я больше не видела. Мы в конце концов достигли узкой и длинной долины, вход в которую был так тщательно скрыт деревьями и кустами, что я и не подозревала о его существовании. Там нас уже ожидали скрытые отвесными скалами походные палатки и авангард нашей группы уже достиг их. Уже стемнело, но в руках у Всадников мерцали зеленые лампы и был разведен костер. Все вокруг было похоже на внутренность огромного прекрасного замка.

Но когда мы остановились, Херрел не подошел ко мне, чтобы помочь слезть с лошади. Это сделал человек, у которого на шлеме был изображен волк.

— А где Херрел? — спросила я.

— Арьергард еще не достиг этого места, леди.

И это было правдой. Честно говоря, я не могла сказать, что чувствовала облегчение и избавилась от своего страха, когда увидела искусно вырезанную фигурку кошки, прикрепленную к шлему, из-под которого на меня смотрели зеленые глаза.

Усталость, которой я вовсе не ощущала, пока сидела в седле, волной нахлынула на меня, когда я с онемевшими ногами и руками приблизилась к костру. Одиночество стеной отделяло меня от остальных, одиночество и то, что только я одна знала о их тайне.

Мне все еще было неясно, был ли Херрел зверем, который мог принимать внешность человека, когда это было необходимо для достижения его целей, или он был человеком, который иногда принимал внешность зверя? При нашей первой встрече я с готовностью пошла на то, чтобы признать его странности, но теперь меня угнетала мысль, что у меня больше не было пути к отступлению. И я больше не могла думать о будущем.

— Джиллан?

Я с трудом повернула голову. Ко мне подходил Херрел. Охваченная чувством одиночества, я смотрела на человека, для которого я, может быть, что-то значила. Я протянула ему руку и произнесла:

— Херрел!

Когда руки Херрела обняли меня, я почувствовала, как на меня нахлынула иллюзия. Теперь мы находились не в темной узкой долине, окруженной грозными каменными стенами, а в самом центре цветущей весенней долины. И хотя нас все еще окружала ночь, но это была весенняя ночь. В травяном ковре, испуская сладкий аромат, распустились маленькие белые цветы. Зелено-золотое сияние, исходящее отнюдь не от ламп, окружало палатки. Я увидела низкий стол, уставленный тарелками и кубками, а перед ним маты, на которых сидят во время еды. Все те, у кого не было невест, исчезли. Только мы, двенадцать и одна, которые пришли с равнины, и мужчины, которых мы выбрали, остались тут.

Херрел повел меня к столу, и я последовала за ним, околдованная в этот момент так же, как и другие девушки. Какое это было облегчение: забыть о реальности и погрузиться в иллюзию.

Мы с Херрелом, как обычно, ели из одной тарелки. Я не могла понять, что это была за еда, и знала только, что никогда прежде не ела ничего такого изысканного и вкусного. И темно-красная жидкость в бокалах, стоящих перед нами, имела запах спелых, насыщенных солнцем фруктов ранней осени.

— За тебя, моя леди,— Херрел поднял бокал.

Действительно ли он выпил или мне это только показалось? Когда он передал мне бокал, я только слегка смочила вином губы.

— Теперь мы, наконец, достигли цели нашего путешествия, мой Лорд?— спросила я у Херрела.

— В известном смысле. Но это также и начало его. И мы сегодня это отпразднуем...

В этом обществе трезвы были только мы одни. Вокруг нас слышался тихий нежный смех и бормотание голосов. Все, казалось, были счастливы, но мы не включились в эту всеобщую иллюзию.

— Перед нами находятся Врата, и мы должны проникнуть через них? Или овладеть ими?

— Овладеть? Нет, мы не можем силой пробить себе путь. Или

Врата откроются сами, или они останутся закрытыми. И если они останутся закрытыми...

Он надолго замолчал, и я решила задать вопрос:

— И что же тогда?

— Тогда мы должны странствовать дальше. Но мы надеемся, что время наших странствий подошло к концу.

— Когда вы это узнаете? И как?

— Когда? Утром. Как? Я не могу тебе сказать этого.

Было ясно, что он не хотел говорить мне этого.

— И что нас ожидает, когда мы минуем Врата?

Херрел глубоко вздохнул. Лицо его всегда выглядело юным, но у него были глаза старика, а теперь мне показалось, что и глаза его стали молодыми. И от зверя... видела ли я когда-нибудь его в образе зверя?

— Как мне описать тебе это? Жизнь там совсем другая: это другой мир!

Около нас поднялась пара, и они, тесно обнявшись, пошли к палатке. Теперь мне предстояло то, чего я всегда подсознательно боялась.

— Моя дорогая, пойдем и мы? — Голос его изменился и стал мягким и нежным.

Все во мне воспротивилось, но тело мое не оттолкнуло его, когда рука его легла мне на талию. Для постороннего наблюдателя мы были обычной влюбленной парой.

— За наше счастье, — он взглянул на бокал, который все еще был в его руке. — Джиллан, выпей за наше счастье.

Это была не просьба, а приказ. Его глаза вынуждали меня пить, и я выпила. Передо мной все поплыло, и иллюзия снова стала совершенной. Я без сопротивления пошла с ним.

Губы его были мягкими, ищущими, а потом требовательными, и я ответила на это требование. Словно острие меча пронзило меня, и моя защитная реакция проснулась во мне. Нет! Это было не для меня! Это было бы концом всего, что было Джиллан, это было моей маленькой смертью. Против этой смерти поднялись все мои защитные силы, этому воспротивилась вся моя воля. Я забилась в самый дальний угол палатки и выставила руки перед собой. Потом я увидела бледное лицо Херрела, покрытое кровавыми царапинами.

— Колдунья! — Я услышала, как он отодвигается от меня. — Это то, чем ты являешься на самом деле — ты колдунья, Джиллан!

Я опустила руки и взглянула на него. Он не двигался. Только лицо его было таким же решительным, как после битвы, когда он выступил против своих братьев по отряду.

— Я не знал этого, — тихо сказал он, словно понимая меня. — Я этого не знал, — он пошевелился и я испуганно отпрянула назад.

— Не бойся, я не прикоснусь к тебе ни в эту ночь, ни в следующие! — Голос его звучал горько. — И в самом деле судьба против меня. Такой, как Хальзе, принудил бы тебя для твоей

же собственной пользы и для пользы нас всех. Но я не хочу делать этого. Ну, хорошо, Джиллан, ты можешь выбирать, но ты должна взять на себя все последствия своего выбора. Может быть, позднее ты обнаружишь, что твой выбор неразумен.

Он, казалось, думал, что я все поняла, но его слова были для меня загадкой. Он взял меч и положил его в середине спального места. Потом лег по другую сторону меча и закрыл глаза.

Почему? Мне нужно было задать ему столько вопросов, но лицо его было замкнутым. Хотя он и лежал справа от меня, казалось, что нас отделяет друг от друга бесконечная пустыня. И я не отваживалась нарушить молчание.

Я думала, что теперь мне не заснуть, но едва легла на своей стороне меча, как сон немедленно овладел мной.

Проснувшись я на рассвете.

— Херрел, — рука моя не ощутила холода стали. Я была в палатке одна. Но во мне было побуждение более сильное, чем тогда, в горах, когда оно привело меня к разоблачению Лордом Имграем. Меня снова звали, но кто и куда?

Я быстро оделась и вышла наружу в свет раннего утра. Иллюзия исчезла, остались только суровые каменные утесы и угасающий костер. Я чувствовала, что все другие девушки еще спят и проснулась только я одна. И потребность убедиться, что я не осталась здесь одна, взяла верх над всем.

Гонимая этой потребностью, я пошла к ближайшей палатке. Там лежала Кильдас, укрытая накидкой, и спала. Я заглянула в следующую палатку. Всадников нигде не было! Я вернулась к Кильдас и попыталась разбудить ее, но тщетно. Может быть, ей снился сладкий сон, потому что на ее губах играла улыбка. Мои старательные попытки разбудить других тоже не имели успеха.

И мое беспокойство становилось все сильнее и сильнее. Кожа моя зудела. Меня переполняло возбуждение, которого я не понимала. Где-то происходило что-то, что меня притягивало...

Притягивало. Это было именно так! Я отключила все свои мысли и постаралась сконцентрироваться на этом влечении. Мне так хотелось, чтобы оно исчезло.

Я закрыла глаза, покачнувшись, словно соломинка на ветру, и повернулась к засыпанному щебнем концу долины. Там, это было где-то там!

Опасность... Я забыла о всякой опасности, сознавая только магическое влечение. Я карабкалась по грудам щебня, досадуя на то, что мое платье мешает мне. Вверх, еще выше, вверх!

Моя кровь равномерно пульсировала в такт ударам сердца, но одновременно с этим пульсация чувствовалась и в воздухе, похожая на почти беззвучный барабанный бой, удары волн о мое тело, пока я карабкалась все выше и выше. Потом я услышала звук, на который во мне что-то сильно среагировало, и зуд в моем теле стал сильнее. Одновременно во мне росло разочарование, потому что я хотела узнать и понять, но не узнала ничего. Я стояла по эту сторону закрытой двери, по которой я могла колотить руками до тех пор, пока не брызнет кровь, но все равно

не могла пройти в нее, потому что не знала, как ее открыть.

Я достигла вершины ее каменного горба и глянула вниз. И обнаружила Всадников.

Они стояли тремя рядами, и лица их были обращены к концу долины. И это действительно был конец: массивная, гладкая стена из камня была непреодолима. Головы Всадников были непокрыты, шлемы и все их оружие было отложено в сторону на место, которое находилось почти за пределами моего поля зрения. Они с пустыми руками стояли перед стеной.

Они кричали, но не голосами, а своими сердцами. Этот крик причинял мне боль, и я зажала уши руками, чтобы не слышать его. Но это не помогло против того, что вызвал во мне этот крик: голода, одиночества, скорби и маленького лучика надежды. Они, как осадным тараном, ударили своими чувствами в стену, чтобы пробить Врата в свою страну.

Один из них вышел вперед — это был Хирон, я поняла это, даже не видя его лица. Он положил свою ладонь на каменную стену и замер, пока остальные еще взывали о доступе в свою страну. Потом он отошел в сторону, и его место занял другой, потом следующий, и так все по очереди. Время шло, но я это сознавала так же смутно, как и Всадники.

Когда последним к стене подошел Херрел, я увидела его лицо прямо перед собой, как видела вчера вечером: оно выражало чувство утраты и безграничной тоски. Они, там внизу, не пытались воздействовать на Врата своей волей, они только молили и унижались, идя против своей природы.

Ожидали ли они теперь какого-то ответа? Херрел отошел от стены и снова вернулся на свое место в последнем ряду. И мощные удары волн их чувств не ослабевали. Я почти верила, что все их усилия напрасны. Эта каменная стена, должно быть, стояла там такая же несокрушимая с начала времен. Или во время бесконечных странствий по степям охватило их безумие, которое заставляло их пытаться сокрушить эту гору? И б ы л а ли вообще эта затерянная страна?

Теперь я привыкла к пульсации в моем собственном теле и сейчас, когда узнала, что они здесь делают, решила проявить осторожность и подумала о возвращении в лагерь. Но, когда я попыталась покинуть свой наблюдательный пост, мне не удалось этого сделать. Я была словно прикована к камням, на которых я полулежала. Когда я это поняла, меня охватил страх, и я вскрикнула.

Они заметили, что я была здесь! Они обнаружили меня! Но ни одна голова не повернулась ко мне, все глаза были устремлены на стену. Я напрягла все свои психические силы, но не смогла порвать невидимых оков. Всадники-Оборотни продолжали взывать к Силам, от которых они ожидали милости, в то время как я вынуждена была бессильно лежать здесь.

Я справилась с охватившей меня паникой и снова попыталась подняться. Я не хотела беспомощно лежать здесь. Но не могла двигаться! Моя рука лежала на камне передо

мной, и я сконцентрировалась на своих пальцах. Давайте же пальцы! Моя рука сжалась в кулак и оттолкнулась от скалы. Только рука! Рука, поднимись!

Я снова и снова отдавала мысленные приказы, и пот бежал по моему лицу. Конечности медленно начали повиноваться мне: сначала одна, потом другая, я с трудом пошевелила ногой, согнула колено, чтобы освободиться от этой невидимой сети. Сантиметр за сантиметром я отползала назад, пока Всадники не скрылись из поля зрения. Потом устало вытянулась и, отдохнула, прежде чем сконцентрировать свою волю на то, чтобы встать. Я стояла, пошатываясь, затем мне удалось переступить сначала одной, потом другой ногой, и чем дальше я удалялась от своего наблюдательного поста, тем свободнее становились мои движения.

Лучи солнца проникли в долину и упали на мое лицо и истерзанные руки, согрев их. Когда я повернулась спиной к каменному горбу, который отделял меня от Всадников, то снова смогла двигаться нормально. И теперь мне только хотелось достичь лагеря и найти там убежище.

Однако, едва лишь я сделала пару шагов, как услышала удар колокола, который звучал с колокольни монастыря, призывая к молитве, только этот удар был звучнее и глубже. Звук, казалось, исходил отовсюду: с неба, из-под камней под ногами, от окружающих скал. И с этим гулом все, казалось, пришло в движение; все, что было твердым и неподвижным, вдруг закачалось. Вниз посыпались камни. Я прижалась к скале. Моя рука, в которую попал камень, стала бесчувственной.

Эхо этого колокольного гула, который теперь уже прекратился, было таким же громким. Никакие боевые барабаны, никакие гонги в замках, никакие другие звуки, которые я когда-либо слышала, не могли сравниться с этим гулом.

Итак, они достигли своего и их закрытые Врата открылись. Их родина была перед ними! Их! А не моя...

Снова покатались падающие камни, и я огляделась. На меня смотрели пылающие глаза медведя и за медведем я увидела узкую морду волка и услышала удары крыльев орла. Люди-Оборотни — или звери! А потом они снова стали людьми, а не зверями. Херрел пробирался через отряд вперед.

— Убить!

Вылетел ли этот приказ из горла волка, из клюва орла или же это было ржание жеребца? Слышала ли я это вообще или я только прочла это в их глазах?

— Я не могу убить ее, — сказал Херрел. — Разве вы не понимаете, что дал нам случай? Она из рода Мудрых, в ней течет кровь колдуний!

Хирон подошел поближе, стал рассматривать меня прищуренными глазами, и от его внимания не ускользнула ни моя измятая одежда, ни мои окровавленные руки.

— Почему ты пришла сюда — спросил он, и голос его был спокоен, очень спокоен.

— Я проснулась... и меня позвали.

— Разве я вам ничего не говорил?— вмешался Херрел.— Настоящая кровь должна ответить на то, что мы...

— Замолчи!— приказ был похож на удар бича, и я увидела, что тело Херрела напряглось и глаза его засверкали. Он повиновался, но с неохотой.

— И куда же ты пошла?

— Туда, вверх,— я указала на вершину каменного горба, с которого я наблюдала за их призывами.

— И все же ты не свалилась вниз,— медленно сказал Хирон.— Ты даже ухитрилась спуститься обратно.

— Убей!

Был ли это Хальзе? Или кто-то другой? Но Хирон покачал головой.

— Она не добыча для хищников, братья по отряду,— он поднял руку и указал на символ, сгустившийся в воздухе между нами. Сначала возник туманный зеленоватый след, потом зеленое стало синим, а когда линии стали бледнеть, серым.

Да будет так!— Хирон произнес эти три слова, объявляя свое решение.— Теперь мы знаем.

Он больше не пошевелился, но Херрел подошел ко мне и я протянула ему руку. Мы медленно пошли прочь, и Всадники следовали за нами на некотором расстоянии, которое становилось все больше и больше.

— Ваши Врата открылись?

— Они открылись.

Мы подошли к палаткам. Костер погас, и мы никого не увидели. Другие девушки, должно быть, все еще спали. Почему же я не спала вместе с ними? С тех пор, как мы пересекли Перевал Соколов, я вообще уже ничего больше не делила с другими...

Херрел привел меня обратно в лагерь в палатку, в которой мы провели ночь, отделенные друг от друга мечом... Я так устала, что хотела только погрузиться во тьму сна и все забыть. Я легла и закрыла глаза. И, мне показалось, заснула.

Если бы я упражнялась в применении своих природных способностей, которые я использовала как неумелый ребенок, играющий оружием, которое может и спасти и причинить вред, я была бы вооружена и предупреждена и, может быть, смогла бы защититься от того, что произошло со мной в эту ночь. А Хирон, проведя испытание, узнал, чем на самом деле я была вооружена: хотя во мне и была кровь колдуньи, но я совершенно не сознавала этого и не могла направить свои способности против того, что он мог со мной сделать.

И единственную возможную защиту, которую Херрел возвел между мной и тем, что задумали остальные Всадники, я сама же и уничтожила. Но поняла это намного позже.

Хирон действовал быстро, и на его стороне был весь отряд. Они были очень умелы в наведении иллюзий, но иллюзии эти могли быть как простыми, так и очень сложными. И открытые Врата позволили им сделать это. Они присоединились к источни-

ку энергии, который раньше долгое время был закрыт для них.

Я проснулась. Херрел стоял надо мною с кубком в руках. На лице его была озабоченность и прикосновение его было осторожным. Он хотел, чтобы я выпила содержимое кубка — это была та живительная жидкость, которую я однажды уже пила. Я вспомнила ее вкус, пряный запах. Херрел... Я протянула руку, и она показалась мне невероятно тяжелой, так трудно было ее поднять. На щеках Херрела был след моих ногтей. Почему я кому-то причинила зло... тому... тому?

Но на этих щеках не было никаких следов! Херрел? Эти глаза... глаза коня или медведя? Мои веки были так тяжелы, что я не могла держать глаза открытыми.

Но хотя я не могла видеть, мне показалось, что, по крайней мере, слух еще не отказал. Я слышала движение в палатке вокруг меня. Потом меня подняли и понесли... я парила, отрезившись от всего, что слышали мои уши.

— ... кого я должна бояться.

— Его? — усмешка. — Он не видит нас, брат! Она не может больше пошевелиться и не имеет ни малейшего понятия о том, что мы хотим с ней сделать.

— Да, она едва ли поедет с нами утром.

Это было похоже на удар чужой воли, на требование Всадников там, в долине перед каменной стеной, но теперь их объединенная воля образовала огромное давящее облако, которое сталкивало меня в бездну и у меня не было никакой надежды защититься от него.

Меня окружал пепельно-серый лес. Я знала, что за мной охотятся. У меня не было ни оружия, ни защиты, но я не бежала прочь, а прислонилась спиной к сухому дереву и ждала.

Ветер шелестел блеклыми листьями — нет, это был не ветер, это была воля, которая нахлынула на меня таким мощным потоком, что задрожали листья. Я вынудила себя остаться на месте и ждать.

Бледные серые тени появились между деревьями и их бесформенные очертания казались чудовищными. Но я спокойно ждала, и они, хотя и собирались угрожающе за деревьями, но не нападали. За дуновением воли последовал жалобный звук, такой высокий и резкий, что от него стало больно ушам. Тени закачались и разлетелись. Из леса вышли те, у которых были тела: медведь, волк, хищная птица, кабан и другие, о которых я ничего не могла сказать. Они шли на задних ногах, и это делало их еще более ужасными, чем если бы они шли на всех четырех.

Я судорожно попыталась заговорить с ними. Если бы мне удалось произнести их имена вслух! Но горло мое словно перехватило.

Позади зверей снова собрались тени и очертания их размывались, формировались снова и снова расплывались, так что я знала только то, что существа эти были ужасны и враждебны человеку. Звери отступили в сторону и освободили место для

своего предводителя, огромного дикого жеребца. Он тоже стоял на задних ногах и держал в человеческих руках оружие — серо-белый док, кое-где посеребренный, и тетива его зеленовато мерцала. Медведь подал ему стрелу, и та тоже была зеленая. Казалось, что ее древко было сделано из луча света.

— Во имя Костей Смерти, Власти Серебра и Силы Нашей Воли... — ни одного произнесенного слова, но слова этого угрожающего заклинания болезненно отдавались у меня в голове, — мы разъединяем от имени трех и никто больше не будет в силах соединить!

Стрела была наложена на сверкающую тетиву. В это мгновение мне хотелось убежать, но их объединенная воля сковывала меня с такой силой, словно я была прикована к дереву. И тетива отправила стрелу.

Холод, горький холод, который так глубоко проник в меня, что превратился в боль, которую я должна была вынести. Я все еще стояла, прислонившись к дереву, — или уже нет? Потому что я видела всю эту сцену своим странным двойным зрением, словно некто, к кому все это не имело никакого отношения. Тут была Джиллан, которая стояла, прислонившись к дереву, и другая Джиллан, лежащая на земле. Потом стоящая Джиллан подошла к животным, которые окружили ее и вместе с ней исчезли среди деревьев. Но лежащая Джиллан не пошевелилась. А потом я внезапно стала лежащей Джиллан. И все еще был холод, такой пронизывающий, какого я никогда еще не чувствовала.

Я открыла глаза. Моя память снова вернулась ко мне. Я увидела над собой бледное небо и падающие с него белые хлопья снега. Куда же делась палатка?

Я с трудом поднялась. Воспоминания снова вернулись ко мне. Эти скалы я уже видела... Это была долина, в которой находились Врата, ведущие в затерянную страну Всадников. Но долина была покинута. Тут не было больше ни палаток, ни верховых животных, привязанных рядом. Падал снег, но он еще не успел покрыть кострище с почерневшими камнями. Огонь, тепло, чтобы прогнать этот болезненный холод из моего тела!

Я на четвереньках подползла к камням и погрузила пальцы в золу. Но зола уже давно остыла и была так же холодна, как и моя рука.

— Херрел! Кильдас! Херрел! — громко прокричала я, и звук этих имен отразился от каменных стен. Но не было никакого ответа. Лагерь был свернут, и все, кто был здесь, ушли!

Я не могла поверить, что это был сон. Это была правда, и я испугалась этой правды. По-видимому, Всадники действительно освободились от той, которая была им не нужна, и освободились очень простым способом: они оставили ее в дикой местности.

У меня есть две ноги... Я могу идти... последовать за ними...

Шатаясь, я поднялась на ноги и пошла в долину. И тут — она снова была здесь — высокая, все закрывающая стена. И были ли здесь когда-нибудь Врата? Я же не видела их! Но если они и были, то снова закрылись.

Мне было так холодно, хотелось лечь в снег и заснуть, чтобы никогда не просыпаться от этого сна. Но сон, может быть, снова означал этот пепельно-серый лес и эти ужасные тени! Я с большим трудом опять вскарабкалась на каменный горб. Межовая подстилка, на которой я лежала, была уже покрыта снегом. А возле подстилки находилось еще что-то: моя сумка с лекарствами. Почти бесчувственными от холода руками я достала флакончик, отпила из него и подождала, пока по моему телу распространится тепло. Но ничего не произошло. Мне по-прежнему было холодно. И казалось, что какая-то часть меня была заморожена или удалена, и образовавшаяся на ее месте пустота была заполнена льдом.

Но голова моя была ясной и руки полностью повиновались моему мозгу. У меня осталась подстилка, сумка и одежда для путешествий, которая была надета на мне. И больше ничего — ни оружия, ни пищи.

Я нашла немного дров, которые Всадники везли с собой, отнесла их к костру и положила там. Потом я кончиком пальца намазала мази на пару веток и добавила пару капель жидкости из одного флакона. Вспыхнуло пламя и быстро охватило все дрова. Всадники поступили очень глупо, оставив мне мою сумку. Я знала, что в ней находилось, а они и представить себе не могли этого. Тепло согрело мои руки, лицо, тело. Да, это было тепло. Но внутри меня все еще царил холод, ледяная пустота. Наконец, мне удалось найти верное слово для того, что я чувствовала. Я была опустошена или, вернее, меня опустошили. Но чем являлось то, чего меня лишили. Не жизнь, потому что я двигалась и дышала, испытывала голод и жажду. Укрепляющее питье из моей сумки смягчило физические муки голода, а жажду я утолила снегом. Но я была опустошена и никогда не буду чувствовать себя нормально, пока у меня снова не будет того, что у меня отобрали.

То мое «я», которое увели с собой животные, были ли это то, что я снова должна обрести. Было ли это на самом деле сном? Нет, это был не только сон, они использовали против меня свое колдовство, пока я спала — последнюю ночь? А как долго я находилась здесь? По слухам, с помощью колдовства можно даже было менять время для самого себя. Они оставили меня тенью из мира сна и, может быть, они восприняли это как один из видов смерти. Но на тот случай, если им не удастся устранить меня с помощью колдовства, как это не удавалось им раньше, они оставили меня умирать здесь, в этой глуши. Но почему они меня так боятся или ненавидят? Потому, что не могли меня околдовать и я не подчинилась их воле, как другие девушки из долины?

«Колдунья» — назвал меня Херрел, и он, казалось, хорошо знал, о чем говорил. Была ли я действительно колдуньей? Но я не понимала своих сил, не могла обращаться с ними. Колдунья, которая покалечена так же, как, по утверждению Херрела, был неполноценен он сам. Неполноценен?

Я взглянула на каменную стену, где не было больше никаких Врат. То, что сделало бы меня полноценной, исчезло за этой стеной. Но оно притягивало меня — оно действительно притягивало

меня! Пока мое тело отдыхало, мой разум работал, и я все сильнее и сильнее чувствовала это влечение. Мне казалось, что я в самом деле вижу те нити, которые ведут от меня прямо в эту каменную стену. Потом снег прекратился, и дрова в костре почти прогорели. Я должна была найти какой-нибудь способ проникнуть через этот барьер или перебраться через него.

— Стой! Остановись!

Я вздрогнула. В долину въезжали люди, и на них тоже были шлемы с гербами и забралами, их меховые накидки были короткими, а их сапоги на пятках заканчивались шпорами.

Охотники из Ализона? Я не шелохнулась. Стрелы в их натянутых луках были направлены на меня.

— Женщина!— Один из них объехал меня, слез и подбежал ко мне. В своем шлеме он выглядел еще более чужим, чем Всадники-Оборотни.

У меня не было возможности для бегства. Если я попытаюсь вскарабкаться на скалу, он без труда схватит меня, а если я побегу к Вратам, к барьеру, то попаду в ловушку.

То, что я нигде не бежала, удивило его. Он медленно подошел, перевел взгляд с костра на меня, а потом на своих спутников.

— Может быть, твои друзья бросили тебя, а?

— Осторожнее, Смаркл!— резко крикнул один из его товарищей.— Разве ты никогда не слышал о засаде с приманкой?

Он тотчас же остановился и прижался к скале. Воцарилось долгое молчание. Люди сидели в седлах и ждали, их стрелы были направлены на меня.

— Эй ты, там, иди сюда!— крикнул наконец один из всадников.— Иди сюда или мы тебя пристрелим.

Может быть, было лучше не подчиниться им и умереть быстрой чистой смертью. Но во мне возник какой-то порыв, более сильный, чем все остальные чувства, мне так необходимо было получить обратно то, что утратила, и поэтому я не могла так просто расстаться со своей жизнью. Я прошла мимо кострища к скале, за которой меня с нетерпением ждал Смаркл.

— Это одна из ловушек Дейла, капитан!— крикнул он остальным.

— Иди сюда, ты!

Я медленно двинулась дальше. Насколько было видно, тут были четыре воина, предводитель и Смаркл. Сколько их всего въехало в долину, я не знала. Очевидно, они последовали сюда за Всадниками-Оборотнями и это указывало на их твердую решимость, потому что они углубились далеко в степи, на большое расстояние от моря, которое для этих людей было единственным путем на их родину и где их могли подобрать корабли. Как сказал Херрел, они были в отчаянии, и им больше печего было терять. И они были чудовищами, более худшими, чем Всадники-Оборотни.

— Кто ты?— резко спросил предводитель.

— Невеста из Дейла,— ответила я правду.

— А где остальные?

— Уехали дальше.

— Уехали дальше? Оставили тебя здесь? Ты считаешь нас идиотами...

На меня нашло вдохновение.

— Я больна горной лихорадкой, а для них вдвойне опасна. Разве вы не знаете, что Всадники-Оборотни не такие, как мы?

— Что ты об этом думаешь, капитан?— спросил Смаркл.— Если бы это была ловушка, они бы давно уже уничтожили нас...

— Держи ее крепче!

Смаркл подошел ко мне и прижал своим весом к скале. Дыхание его было жарким и дурно пахнущим, и глаза его, которые я видела сквозь прорези в забрале его шлема, голодно сверкали. Потом он оторвал меня от скалы и крепко сжал, хотя я и не думала сопротивляться.

— Она не из Халлака!— Один из солдат нагнулся в седле и уставился на меня.— Вы видели когда-нибудь, чтобы у них были такие волосы?

Косы мои распустились и на фоне снега казались еще более черными и сильнее бросались в глаза. Люди из Алисона осмотрели меня сверху донизу, и мне показалось, что я заметила в их глазах настороженность, так, словно они внезапно почувствовали себя не в своей тарелке.

— Рога Кхатера,— выругался один из солдат.— Взгляните на нее! Слышали ли вы когда-нибудь о таком?

Губы предводителя изогнулись под забралом в издевательской гримасе.

— Да, Тактор, я слышал о подобных ей, но, конечно, не в этой стране. Но я также слыхал, что есть одно средство обезвредить такую колдунью, очень приятное средство...

Смаркл усмехнулся и еще крепче сжал мою руку.

— Мы не должны глядеть ей в глаза, капитан. Она таким образом может выбить человека из седла. Колдуньи из Эсткарпа знают, как околдовать смертного мужчину.

— Это может быть. Но она же тоже смертна. В любом случае, у нас есть великолепное развлечение.

Я не имела ни малейшего понятия, о чем они говорили. Насколько я поняла, они, очевидно, думали, что я принадлежу к одной из враждебных им рас.

— Принесите топлива для костра,— приказал предводитель солдатам.— Здесь становится холодно. Солнце заходит за скалы.

— Капитан,— спросил Тактор,— почему она осталась здесь, если не для того, чтобы причинить нам вред?

— Причинить нам вред? Может быть. Но я скорее думаю, что они обнаружили, кем она является, и поэтому оставили здесь.

— Но эти дьяволы тоже кое-что смыслят в магии!

— Да, это так. Но и волки в стае нападают друг на друга, когда голод достаточно силен. Может быть, между ними произошла ссора, о которой мы ничего не знаем. Может быть, даже эти овцы из долины придумали план и эту девчонку привезли контрабандой, чтобы нарушить договор. Если это так, то значит

ее предали или раскрыли. В любом случае они ее бросили, и мы с ее помощью узнаем кое-что!

Смаркл все сильнее сжимал мою руку, и его прикосновение было оскорблением, от которого я чувствовала стыд, понимая, о чем они говорят. Во мне все еще оставалось какое-то чувство, какое-то слабое воспоминание о том, когда я была такой живой и мне было так хорошо.

Они набрали много дров. Когда-то давно в этой долине протекала река и теперь между камней валялось множество обломков деревьев. Мужчины развели костер, и я словно воспрянула к новой жизни. Смаркл набросил на мои руки и плечи кожаную петлю, потом связал мне лодыжки и таким образом я стала их пленницей. Их физический голод, казалось, пересиливал другой их голод, потому что они принесли ременные силки с какой-то птицей и крупного кролика, которых они разделили и подвесили над костром.

Предводитель стоял передо мной, широко расставив ноги.

Колдунья, куда поехали Всадники-Оборотни?

— Дальше.

— И они оставили тебя, потому что обнаружили, кем ты являешься?

— Да,— это могло быть так или не так, но, вероятно, он был прав.

— И их колдовство было таким же могущественным, как и твое...

— Я не могу судить о их могуществе.

Он задумался над этим, и мне показалось, что ему не понравились собственные мысли.

— Что находится там, дальше; впереди?

— Теперь там ничего нет,— правдиво ответила я.

— Что же, они улетели или растворились в воздухе?— Смаркл грубо рванул веревки на моих лодыжках.— Тебе не удастся обмануть нас, колдунья!

— Они проехали через Врата, которые снова закрылись за ними.

Предводитель взглянул на солнце, которое уже почти скрылось за скалами. Длинные тени протянулись по долине. Потом предводитель осмотрел долину. Казалось, ему не понравилось то, что он увидел, но он был опытным воином и сам хотел убедиться в правдивости сказанного мною. Движением руки он отозвал двух солдат: они вытащили мечи и стали карабкаться по насыпи на каменный горб.

В тени скалы я заметила наплечный ремень своей сумки и надеялась, что они не заметили ее. Я могла использовать только свои руки, я действительно могла колдовать...

Предводитель снова повернулся ко мне, чтобы продолжить свой вопрос.

— Куда они ушли? Что находится за этим барьером?

— Я не знаю этого. Знаю только, что они искали другую страну

Предводитель поднял забрало и снял шлем. Его волосы были

очень светлыми, но не тепло-золотистыми или красно-коричневыми, как у мужчин Дейла, а почти белыми, как у старика, но только он не был стар. У него был острый выступающий вперед нос — клюв орла, высокие скулы и маленькие глаза с узкими веками. Я увидела на его лице следы усталости и напряжения, как у человека, который находился уже на пределе выдержки. Он опустил на камень, больше не обращая на меня внимания, и устался на пламя костра.

Немного позднее вернулись разведчики.

— Кучи упавшего щебня и скалы. Они не могли уйти этим путем.

— Но они же проехали сюда, в долину, — неуверенно сказал другой разведчик. — Если они вернулись, то не могли проехать мимо нас. Они проехали сюда — а потом исчезли!

Взгляд предводителя снова устался на меня.

— Как?

— Наверное, с помощью своего колдовства. Они просили о том, чтобы им открыли Врата. Так и произошло.

К сожалению, Врата открылись для них, но не для меня. Но это не могло меня удержать, так же как и этих людей, которые были сейчас возле меня. Где-то по другую сторону каменного барьера находилась сейчас другая часть меня, которая притягивала и вела, желая, чтобы мы опять стали единым целым.

— Она, наверно, сможет привести нас туда... — Тактор кивнул в сторону каменного барьера. — Говорят, что этим колдуньям подчиняются ветер и волны, земля и небо, растения и животные.

— Но ведь колдунья одна, разве может она сделать это, если она никогда прежде не пользовалась своей силой? — Предводитель ализонцев покачал головой. — Вы думаете, она осталась бы здесь и стала бы дожидаться нас, если бы сама могла последовать за Всадниками тем же путем. Нет, мы, наверное, потеряли свою добычу.

Смаркл провел языком по своим губам, увлажняя их.

— Что мы будем делать, капитан?

— Тот пожал плечами.

— Поедим, а потом... — Он с ухмылкой взглянул на меня. — Потом развлечемся с ней. А завтра утром составим новый план.

Один из них усмехнулся, а другой ударил по плечу своего спутника. Они отбросили мысли о завтрашнем дне и жили лишь настоящим моментом, как это было в обычае у воинов. Я взглянула на мясо, жарящееся на костре. Скоро оно будет уже готово. Потом они поедят, а затем...

До сих пор я оставалась пассивной. Хотя меня и связали, но не обращались со мной жестоко. Но время шло. Они поедят, а потом...

Но у меня было знание. Это было внутри меня, я была уверена, что могу использовать этот оставшийся у меня час как щит и меч, если я перейду в нападение. Воля — я всегда могла противопоставить всему свою волю. Сила воли... Могла ли я так сконцентрировать силу своей воли, чтобы она стала оружием?

Мои отчаянные мысли все время возвращались к моей сумке с лекарствами и снадобьями. Мужчины пригоршнями набили снег в маленький котелок, который они поставили у костра. Пара маленьких капелек из одного из флакончиков в этот котелок и... Но как мне это сделать?

Они ели, и запах жареного мяса снова пробудил во мне голод. Они не предлагали мне еды, и я знала, почему они так поступают. Что бы со мной ни сделали этой ночью, завтра утром они поедут дальше без меня. Почему они должны обременять себя женщиной, которая к тому же была опасной колдуньей?

Сумка. Я пыталась не задерживать на ней свой взгляд, чтобы они случайно не проследили за ним и не заметили сумку. Но потом я все же украдкой взглянула туда — и испугалась. Это, наверное, были фокусы от костра, потому что сумка теперь лежала на освещенном месте и ее мог увидеть каждый, кто поднимал голову. Но как это было возможно? Она сначала лежала между двумя камнями, а теперь находилась на порядочном расстоянии от них! Казалось, что в ответ на мой молчаливый зов у сумки появились ноги и она передвигалась на них.

Крышка у сумки была застегнута. Я больше не осмеливалась глядеть на сумку, а уставилась на пламя костра и сконцентрировалась на том, чтобы мысленно отпереть застежку сумки. Насколько легко было действовать пальцами, настолько же тяжело было повторить весь процесс этого в уме.

Так: шпенек в металлической шелке, теперь опустить его вниз. Так. Теперь повернуть. Верхний шпенек вынуть их шелки. Не отважиться ли мне оглянуться, чтобы проверить, подчиняется ли сумка моим желаниям. Нет, лучше не надо.

А теперь: как были расположены пузырьки там, внутри? Когда я заполняла сумку, то совала их внутрь в темной рабочей комнате монахини Алюзан. Я так углубилась в свои воспоминания, что картина четырех мужчин, сидящих предо мною у костра, расплылась. В сумке было пять карманов, в которые я рассовала пузырьки. Я надеялась, что моя память не обманывает меня именно теперь, когда вся надежда оставалась на нее.

Одна из маленьких трубочек-пузырьков была не из стекла, а из кости, и была заткнута затычкой из черного камня. Наружу из сумки, трубочка! Я опустила голову на колени, спрятав лицо в тень, и отважилась взглянуть на сумку. Воины Ализона, наверное, думали, что я впала в отчаяние, создать именно такое впечатление и входило в мои намерения.

Трубочка, наружу! Движение под крышкой сумки. Теперь я поверила в свои силы, но до этого мгновения я даже не отважилась и подумать, что у меня что-то получится. И в результате увиденного мое удивление было так велико, что я сама чуть было не свела на нет все свои усилия. Я снова сконцентрировала свою волю и увидела трубочку, высовывающуюся из-под кожаной крышки сумки, а потом, она, хорошо видимая, упала на землю.

Трубочка... в котелок. Одно в другое. Горячее жирное мясо так хорошо пахнет. Трубочка, в котелок! Маленькая костяная

трубочка шевельнулась, приподнялась и устремилась в том направлении, куда я хотела ее послать. Я вложила в этот приказ всю свою силу воли.

Она не летела с быстротой стрелы. Временами она опускалась на землю, когда воля моя слабела и концентрация усилий спадала. Но я сделала это. Трубочка упала в тающий снег в котелке и ни один из воинов Алисона не заметил этого.

А теперь последнее — затычка из черного камня — долой! Пот бежал по моим вискам и плечам. Затычка, долой! Я старалась из всех сил, но у меня не было никакой возможности узнать, удалось ли мне задуманное или нет.

Рука схватила котелок. Я затаила дыхание, когда в воду погрузился маленький рог для питья. Видели ли солдаты, что находилось в котелке? Выполнила ли трубочка мой приказ? Солдат жадно выпил воду из рога, а потом еще один солдат сделал то же. Выпили трое, четверо. Теперь Смаркл. А предводитель? Только он не пил. Они закончили свой ужин и разбросали обглоданные кости между камнями. Моя отсрочка кончилась. Предводитель не пил. Да и по остальным я не замечала, чтобы мое снадобье как-то подействовало на них. Может быть, затычка не... Но теперь уже было слишком поздно пробовать еще раз.

Смаркл встал и, ухмыляясь, вытер руки о бедра.

— Теперь наступило время для удовольствий, капитан?

И вот только теперь предводитель повернулся к котелку с водой. Я сконцентрировалась на нем и попыталась подчинить своей воле. Его мучит жажда, он должен напиться! И он напился большими глотками, прежде чем ответить Смарклу...

— Как хочешь...

Смаркл испустил ликующий крик и пошел ко мне под смех и поощряющие крики своих спутников. Он поднял меня, прижал к себе и рванул на мне одежду, хотя я защищалась как могла.

— Смаркл! — раздался крик, но Смаркл лишь улыбнулся и дохнул своим смрадным дыханием мне в лицо.

— Ты должен подождать своей очереди, Мацик. Каждый возьмет ее по очереди.

— Но ты только посмотри, посмотри! Капитан, Смаркл! — Один из солдат возбужденно указывал на землю. — Она... она не отбрасывает тени!

Смаркл испуганно выпустил меня, и я, так же как и другие, уставилась на землю. Костер ярко пылал, и тени мужчин были темны и великолепно видны. Но я — я не отбрасывала тени. Я пошевелилась, но ни на камнях, ни на земле не появилось никакого движения.

— Но она действительно существует, говорю вам, — крикнул Смаркл. — Я касался ее, она на самом деле существует. Посмотрите сами, если вы мне не верите!

Но остальные отступили назад, качая головами.

— Капитан, ты знаешь о колдуньях достаточно много, — умоляюще спросил Смаркл. — Могут они заставить человека видеть то, чего нет на самом деле? Они же живые и существуют на са-

мом деле, и мы достаточно легко можем уничтожить все их колдовские способности и при этом доставим себе немалое удовольствие.

— Если она захочет, вы можете почувствовать то, чего нет на самом деле,— ответил один из солдат.— Может, это вообще не женщина, а оборотень, который остался здесь, чтобы задержать нас, пока отряд не вернется, чтобы уничтожить нас. Убейте ее, тогда мы узнаем, существует ли она на самом деле или это всего лишь иллюзия.

— Используйте проклятую стрелу...

— Когда у нас будет еще одна, я использую эту стрелу, Ясник,— вмешался предводитель.— Но у нас только одна. Колдунья она или оборотень, но у нее есть колдовские силы. А сейчас мы посмотрим, что она может сделать против холодной стали,— он поднял меч и направился ко мне.

— Аааа!— Это был крик испуга, закончившийся вздохом, и солдат, первым выпивший воду, пошатнулся и, ища опоры, схватился за своих спутников. Потом он упал на землю, потянув за собой других. Затем пошатнулся и упал еще один человек.

— Колдовство!— Предводитель ударил меня мечом, но лезвие скользнуло по моим ребрам и руке. Оно рассекло мышцы, но не нанесло смертельного ранения, как он рассчитывал, а потом лезвие меча с силой ударилось о скалу за моей спиной. Лицо предводителя исказилось от ярости и страха, и он уже был готов замахнуться снова.

Но придушенный крик еще одного солдата у костра отвлек его внимание, и он повернул туда голову. Некоторые из его людей уже неподвижно лежали на земле, другие шатались как пьяные и старались удержаться на ногах. Предводитель провел рукой по глазам, словно стараясь очистить поле зрения. Потом он ударил во второй раз, и на этот раз лезвие рассекло мою одежду. Затем он опустился на колени и упал на камни лицом вниз.

Я прижала руку к своему боку и почувствовала влагу крови. Но я не отваживалась пошевелиться, потому что некоторые из солдат все еще были на ногах. Двое из них пытались достать меня, вытянув оружие, но в конце концов на ногах осталась только я одна, все остальные уже лежали на земле.

Они не были мертвы, и как долго будет действовать на них мое снадобье, в какой пропорции оно было разбавлено и сколько его было выпито, я не знала. И должна была исчезнуть отсюда, прежде чем они проснутся. Но куда мне идти? Когда я убедилась, что все они потеряли сознание, я подошла к сумке, которую открыла силой своей воли, и достала оттуда мазь и бинты. Обработав свои раны, я обошла всех своих врагов и забрала у них те вещи, которые понадобятся мне в моей борьбе за выживание. Я заткнула за пояс длинный охотничий нож, а потом нашла пищу: компактный рацион, который был у всех воинов Алисона. Они, должно быть, не пользовались им и жили только охотой, если это им удавалось. Мечи, луки и полные колчаны стрел я собрала и бросила в огонь; хотя лезвия мечей и не пострадают, но все остальное будет уничтожено. Потом я взяла их лошадей и погна-

ла их в долину, потом напугала их, и они убежали.

Ножом я обрезала длинную юбку моего костюма для путешествий и покрепче привязала то, что мне нужно, к поясу, чтобы не мешало, когда я буду карабкаться по скалам. А карабкаться мне придется, потому что только таким способом я могла добраться туда, куда мне было нужно. И хотя сейчас была уже ночь, я должна была отправляться в путь, чтобы быть отсюда на приличном расстоянии к тому времени, когда проснутся солдаты Ализона.

Было бессмысленно пытаться преодолеть каменный барьер, который маскировал «Врата» Всадников, на поверхности этой отвесной стены не было места, чтобы можно было поставить ногу или зацепиться пальцами. И так, оставались каменные стены долины, и галечные осыпи представляли главную опасность на этом пути. Но влечение к объединению было так велико, что заполнило даже ледяную пустоту внутри меня. Принуждение, которое гнало меня на север, в последние часы стало еще сильнее.

Я начала карабкаться вверх. У меня было одно преимущество: я никогда не боялась высоты. И часто слышала, как охотники с гор говорили, что во время подъема никогда нельзя оглядываться назад или смотреть вниз. Но мне казалось, что я двигаюсь вперед ужасно медленно и все время боялась, что одно неверное движение и я свалюсь вниз. И также не знала, когда проснутся охотники Ализона и начнут преследовать меня.

Я поднималась все выше и выше, и мгновения казались мне часами. Дважды я в ужасе цеплялась за скалу, когда тяжелые каменные обломки громыхали мимо меня, пролетая на расстоянии нескольких миллиметров от моего тела. Наконец я достигла расселины в скале, которая представляла собой неплохую опору для ноги. Я забралась внутрь этой расселины и пробиралась все дальше и дальше, пока, наконец, не выбралась на относительно ровную площадку, которая, должно быть, была вершиной этой скалы. Я споткнулась о кусок льда и упала. Все тело так устало, что больше не повиновалось моей воле.

Через некоторое время я немного отдохнула и заползла в щель между двумя скалами, отвязала меховую подстилку, которую перед этим привязала на спину, и накрылась ею.

Когда я начала подъем, луна стояла высоко в небе, а теперь она побледнела, так же как и звезды. Я достигла вершины самой высокой скалы, и на этом же уровне должен был быть гребень каменного барьера. Я не спала, но погрузилась в какое-то странное состояние двойственности чувств. Время от времени я видела себя скорчившейся между двумя скалами, словно я смотрела на себя со стороны. А потом оказывалась в другом месте, полном света, тепла и людей, которых я старалась рассмотреть почетче, но это мне не удавалось.

Рапа на моем боку перестала кровоточить, мазь оказывала свое действие, а меховая подстилка несколько защищала от холода. Но беспокойство снова охватило меня, меня тянуло дальше. Занимался рассвет, и заря окрасила небо в красный цвет. По ту

сторону зубцов скал, которые в последнее время своими тенями скрывали меня, находилась пересеченная местность, хаос выветренных скал и камней. Я придерживалась края долины, чтобы не заблудиться. Каменный барьер был около четырех метров шириной и позади него была такая же узкая долина, как и та, по стене которой я вскарабкалась сюда, только каменные стены здесь были так круты, что о спуске нечего было и думать. Я должна была пробираться вперед по верхнему краю стены долины и надеяться, что мне все же удастся найти более удобное место для спуска.

А потом я внезапно увидела разницу в камнях вокруг меня. Они теперь были не серого цвета, а темного, зелено-голубого, и я также заметила, что эти огромные камни, иногда даже больше меня самой, казались неестественными в той местности, где я находилась. Я немного отдохнула и подкрепилась тем рационом, что забрала у ализонцев. И пока я ела и смотрела на цветные камни, то все больше и больше убеждалась в том, что они попали сюда не естественным путем.

Потом голова моя внезапно закружилась, глаза закрылись, а потом снова открылись. Как и в свадебной роще Всадников, я второй раз увидела здесь картины, которые растворялись друг в друге, пока совершенно не перепутались, а потом наплывы волнами стали сменять друг друга. На мгновение немного в стороне справа от меня показалась тропинка, и хотя я не смотрела туда, в следующее мгновение она исчезла и там снова появились каменные обломки. Я была уверена, что причиной этого двойного зрения была не слабость, а скорее затуманившееся сознание. Если это будет продолжаться и дальше, я едва ли осмелюсь двинуться вперед из страха, что мои глаза предадут меня и я сделаю неверный шаг. На этот раз я только на мгновение смогла овладеть этим двойным зрением. И каждая попытка, которую я предпринимала, очень утомляла. И во мне все нарастало желание продолжить путь — сейчас же и без промедления.

Я встала, но непрерывно меняющиеся картины перед глазами так вскружили голову, что я изо всех сил вцепилась в скалу. Казалось, что даже почва у меня под ногами больше не была прочной. Я была пленницей этого хаоса, и не было никакой возможности для бегства. Я закрыла глаза и долго стояла неподвижно. Потом осторожно вытянула вперед ногу, и она уперлась в неменяющуюся и остающуюся твердой почву. Я ступала, ощупывая пространство вокруг себя руками, и они наткнулись на твердый камень. Но когда я снова с надеждой открыла глаза, эти взаимопроникающие картины все еще были здесь, и я закрычала.

Я подняла свою сумку, меховую подстилку и попыталась мыслить логично. Я была уверена, что здесь какой-то обман или мое зрение путали галлюцинации. И они затрагивали только зрение, но не осязание. Поэтому было возможно продвигаться вперед наощупь. Но я не могла больше ориентироваться по каменным утесам и, может быть, стала бы ходить по кругу. А как насчет

того, что тянуло меня? Что все время заставляло меня следовать за Всадниками? Могла ли я вслепую пройти весь этот хаос? Но у меня не было другого выхода, кроме как попытаться сделать это. Я решительно закрыла глаза, вытянула руки и пошла в том направлении, куда меня влекло. Это было нелегко, и я шла вперед очень медленно. Несмотря на вытянутые руки, я все время натыкалась на обломки скал, часто останавливалась и открывала глаза, но снова испуганно закрывала их перед картинами, которые теперь были не только двойными, но и тройными и даже четырехслойными.

Я не знала, действительно ли иду вперед или мои опасения насчет того, что я иду по кругу, сбывались. Но влечение внутри меня не исчезало и со временем мне становилось все легче определить, куда меня тянуло. Руки по обе стороны натыкались на скалы и ноги с каждым разом все более увереннее ступали по шероховатой скалистой поверхности. Но потом руки наткнулись на твердую гладкую поверхность, а не на шероховатый камень, и эта поверхность была столь чуждой, что я открыла глаза.

Яркий свет ослепил меня, угрожая спалить. Но руками я не почувствовала никакой жары. И не было ничего, кроме ослепительного света, на который невозможно было смотреть. Я начала изучающе двигать руками назад и вперед. Гладкая поверхность заполняла промежуток между двумя скалами, через который я должна была пройти, и в высоту тянулась настолько, насколько я доставала руками, а вниз уходила в почву. На всей этой невидимой поверхности не было ни единой щели, ни единой шероховатости.

Я отступила назад и попыталась найти другой путь, чтобы обойти этот барьер. Но другого пути не было, а то, что влекло меня вперед, тянуло меня прямо в это ущелье, которое было блокировано невидимой стеной. И в конце концов я устало опустилась на землю. Это был конец. Я подавленно опустила голову на колени. Но я сидела не на камне, а ехала на лошади. И отважилась открыть глаза, потому что не могла поверить в это, но увидела Ратку, мою лошадь, с развевающейся гривой. Мы находились в сказочно прекрасной зеленой и золотистой стране... И Кильдас — тут были Кильдас и Сольфина с венками из цветов на головах и белыми цветами на упряжи. И они пели, так же как и все остальные — и я тоже пела вместе с ними.

Я знала также, что это была одна сторона истины, так же как хаос выветренных скал и барьер из света — другая. Я хотела громко позвать, но губы мои произносили только слова песни.

— Херрел! — Во мне зародился крик, но я не могла издать ни звука. — Херрел! — Если он обо всем узнает, тогда, может быть, сможет объединить меня с моим другим «я» в одно целое. Тогда я не буду больше одинокой Джиллан, которая находится вместе с остальными невестами, и другой одинокой Джиллан, которая блуждает среди скал, а снова буду единой полноценной Джиллан!

Я оглянулась и увидела их всех, едущих по прекрасной дороге,

утопающей в зелени. И у Всадников на шлемах тоже были цветы. Всадники казались мне прекрасными мужчинами, не похожими на мужчин Высокого Халлака, и их звериное обличье совершенно не было заметно. Только одного, кого я все время искала, не было среди них.

— О, Джиллан,— сказала мне Кильдас,— был ли когда-нибудь в твоей жизни такой прекрасный день? Как будто весна обвенчалась с летом и подарила нам самое лучшее, что есть у них обоих.

— Это так и есть,— ответила та, что была одной из половинок Джиллан.

— Это удивительно,— рассмеялась Кильдас,— но я напрасно стараюсь вспомнить о том, как жила раньше там, в Дейле. Все прошлое напоминает мне сон, который бледнеет все больше и больше. И у нас нет никаких причин для того, чтобы возвращаться обратно...

Но у меня есть причины для этого! — крикнуло мое внутреннее «я». — Потому что я все еще нахожусь в Дейле и должна объединиться!

Один из всадников подъехал ко мне и протянул мне ветку, усеянную цветами, которые испускали чарующий аромат.

— Хорошие цветы, моя леди,— сказал он,— но они не так хороши, как те, которые я приготовил в подарок...

Рука моя коснулась ветки.

— Херрел... — Но когда я взглянула на того, кто протягивал мне ветку, то увидела на его шлеме красные глаза медведя. А из-под них глядели странные узкие глаза, которые приковали к себе мой взгляд. Потом рука его поднялась, и на ладони появился маленький белый предмет, который настолько приковал мое внимание, что я не могла отвести от него свой взгляд...

Я подняла голову с колен. Темные тени вокруг меня отрицали, что тут только что была зелено-золотистая страна. Я уже не ехала, украшенная цветами, по весенней стране, а потерянно сидела в стране холодной зимы между заколдованными камнями. Но я кое-что приобрела: я узнала, что на самом деле было две Джиллан, одна, которая с трудом пыталась достичь другой стороны этой вершины и искала путь дальше, и другая, которая все время была вместе с остальными невестами Дейла. А пока эти две Джиллан были порознь, для меня не существовало настоящей жизни.

Тот, кто ехал возле меня, был Хальзе. Он знал, что я стремлюсь к своей половине, и прогонял меня. Но где же был Херрел и как он относился к этой другой Джиллан.

Я осознала, что с наступлением темноты головокружительное мерцание взаимопроникающих картин прекратилось и что я снова стала нормально видеть. Исчез ли этот невидимый световой барьер? Я отползла назад между двух камней и увидела перед собой не слепящий свет, а мерцающую зеленую стену. Но когда я коснулась рукой этой стены, ее поверхность была такой же твер-

дой и гладкой, как и раньше. И это было колдовство, я была в этом уверена, независимо от того, сделали ли эту стену Всадники или кто-либо другой. Я не могла вскарабкаться здесь на скалы, как я это сделала в долине, и у меня не было с собой ничего, чтобы подкопаться под барьер. Яркость световой стены между тем так сильно уменьшилась, что я могла видеть сквозь нее. По ту сторону стены находилась открытая местность, в которой не было хаоса камней и скал, которые до сих пор так мешали мне продвигаться вперед. Там, по ту сторону мне, может быть, не нужно будет бояться этой путаницы картин. Но как мне преодолеть этот барьер? Я не видела никакого способа сделать это, но должна была найти его!

Я уставилась на камни, между которыми была световая стена. Я не могла перелезть через них: они были в два человеческих роста и такие гладкие, что на них нельзя было найти какой-нибудь зацепки. Они казались частью какой-то древней насыпи или крепости. Но потом я увидела, что каждый их этих камней, между которыми и была прозрачная стена, поднимается над остальными камнями, словно столбы у ворот. Перед моими глазами почему-то внезапно возникло изображение паутины. Если избежать опасных клейких нитей, паутину можно разрушить, обломав ветку, к которой она крепилась... Я извлекла костяную трубочку из своей сумки только лишь при помощи силы воли, но ведь здесь были тяжеленные камни, а не легкая бутылочка. И как мне узнать, что барьер исчез, если мне удастся пошевелить один из этих массивных камней?

Я еще раз взглянула на эти каменные столбы, между которыми находился барьер. Они, казалось, были глубоко вделаны в землю. Наконец, я сконцентрировалась на левом столбе и напрягла все свои усилия.

Ты должен упасть! Падай! Я всей силой воли ударила о столб, словно со всей силы ударила руками и ногами, которыми могла пользоваться для этого. Падай! Здесь у меня не было такой ограниченности во времени, как в лагере охотников Алисона. Здесь время не имело значения. Здесь был только столб, барьер и настоятельная необходимость преодолеть этот барьер. Пошатнись и падай! Все вокруг меня поблекло и исчезло. Я видела только высокую темную тень, вокруг которой дрожало маленькое голубое пламя, сначала вверху, потом, после моей направленной решимости, внизу. Земля, отпусти! Крепления, поддайтесь!.. Я состояла только из одной воли, которую направляла на столб. Поддайся... падай! И темный каменный столб поддался, покачнулся. Голубое пламя охватило его основание. Падай!

Каменный столб медленно нагнулся наружу в противоположную от меня сторону. Раздался звук, пронзивший все мое тело болью, настолько сильной, что она превзошла мою волю и сознание, а потом я провалилась в ничто.

Когда я снова пришла в себя, голова моя лежала на жестком камне. Холодный дождь падал на мое лицо. Я открыла глаза. Станный запах, совершенно мне не знакомый. Я с трудом поднялась. Один из столбов наклонился наружу, словно указывал мне путь. На камнях виднелись черные следы. И между столбами больше ничего не было. Я проползла вперед, и рука моя коснулась почерневших камней. Я отпрянула, мои пальцы были обожжены. Шатаясь, я встала на ноги, протащилась сквозь образовавшееся отверстие и вышла на открытое место по ту сторону исчезнувшего барьера.

Сейчас был день, хотя облака были так густы и мрачны, что вокруг меня была полутьма. Шел холодный дождь со снегом. Но окружающее было хорошо видно. Тут больше не было отдельных обломков скал, только обычные горы, которые с детства были мне. И тут было что-то еще: дорога, но едва я достигла ее, как была снова вынуждена устало опуститься на землю. И теперь, наконец, я утолила свой голод припасами охотников Алисона. Но меня снова влекло дальше.

Это была старая узкая дорога, частично поросшая красными и сине-зелеными пятнами лишайника. Дорога вела вниз, через ущелье, идущее далеко вниз и открывающееся на далекую бескрайнюю равнину. Пройдя через арку ворот, я попала на овальную, окруженную высокими стенами площадку. Вдоль стен на равном расстоянии друг от друга находились ниши, которые были закрыты на три четверти; только верхняя часть ниш была открыта. И на оправах каждой ниши был высечен символ. Некоторые из символов были почти полностью сглажены ветрами и непогодой, другие были хорошо видимы, но для меня ни один из этих символов не имел никакого значения.

Верхняя часть ниш была темной. Когда я подошла к первой нише, то отшатнулась назад. Из ниши меня словно что-то ударило. Но что это было? Удар невидимой силы? Нет. Когда я повернулась к одному из этих отверстий, ощущение стало четче. Это был вопрос, требование дать ответ. Но кому, как и зачем? Но в нишах находилось что-то разумное. И мне показалось странным, когда я громко ответила, нарушив здесь тишину.

— Я Джиллан из долины Высокого Халлака и иду, чтобы потребовать другую часть моего «я». И не хочу ни большего, ни меньшего.

Насколько мои глаза видели и уши слышали, внешне ничто не изменилось. Но я чувствовала пробуждение чего-то, что находилось здесь уже немыслимое количество лет. Вокруг повсюду что-то шевелилось, и на меня были направлены взгляды невидимых существ. Может быть, мои слова не значили ничего, может быть, это нечто было так старо, что его нельзя было описать человеческими словами.

Но то, что это меня проверяло — я знала. И медленно шла дальше через центр площадки, поворачиваясь от одной ниши к другой, ряд за рядом ниш, то, что проверяло меня.

Из ниш с четко различимыми символами не исходило такого сильного ощущения, как из ниш со стершимися символами. Это были охранники, и кто знает, как давно они здесь появились, призванные выполнять свой долг? Может быть, я представляла

опасность для того, что они должны были охранять здесь?

Я добралась до конца овальной площадки и теперь стояла перед аркой других ворот, под которой проходила дорога, ведущая дальше. Я повернулась и посмотрела на пройденный мною путь, ожидая сама не зная чего. Может быть, одобрения, разрешения идти туда, куда хотела, благословения того, что искала и что нашла. Но чего бы ни ждала, все равно была разочарована. Меня освободили от вопросов, и это все. И может быть, ничего не было нужно.

Вырубленная в скалах дорога вела все дальше вниз к подножию гор. Я видела все больше деревьев и коричневой травы. Все еще шел дождь, но он уже не был холодным. Я шла по дороге, пока в конце концов не пришла к остаткам рощи. Хотя деревья и были по-зимнему голыми, ветви их были так сильно переплетены друг с другом, что они полностью защищали меня от дождя. Мои руки и ноги были свинцово-тяжелыми от усталости, и мне было так холодно... Будет ли мне всегда так холодно?

Нет... Внезапно мне стало не холодно, а тепло. Солнце, тепло и аромат цветов окутали меня. На этот раз я не сидела на лошади. Я открыла глаза и выглянула из палатки. Солнце уже клонилось к закату и снаружи журчал ручеек. Это была зелено-золотистая страна другой Джиллан. Я видела человека, лицо которого было наполовину повернуто в сторону от меня. Но я его тотчас же узнала.

— Херрел!

Голова его повернулась, и он взглянул на меня своими зелеными глазами. Его лицо было твердым как сталь и замкнутым, и такая же твердость была и в его взгляде, но только сначала. Потом выражение его лица изменилось, и он взглянул в глубину моих глаз.

— Херрел! — Я сделала то, чего не делала еще никогда в своей жизни: попросила другого о помощи, действительно пытаясь достигнуть его.

Он подошел ко мне — это был почти прыжок охотящейся кошки, — опустился возле меня на колени и погрузил свой взгляд в мои глаза.

Все, что я хотела сказать, застряло у меня в горле. Я могла только произнести его имя. Его руки обняли меня, и он забросал меня потоком слов, вопросов, требуя от меня ответа, но я не могла ни слышать его, ни отвечать ему. Только мое требование было так велико, что глухим криком отдавалось у меня в голове.

Внезапно около Херрела оказались люди, они набросились на него и потащили прочь, хотя он яростно отбивался. И тогда я увидела Хальзе. Рот его был искажен от ярости, глаза метали огонь, прожигаящий меня насквозь. Он снова встал между нами, он прогонял меня назад, в ссылку.

Херрел... — тихо прошептала я. Я всегда внутренне надеялась и теперь узнала, что это было правдой, — узнала, что Херрел никогда не был в сговоре с остальными, которые бросили меня здесь, в глуши. Может быть, он тоже был введен в заблуждение

той частью Джиллан, которая теперь ехала вместе с остальными? Хальзе подарил этой Джиллан цветы, так как хотел добиться ее. Удалось ли ему добиться с помощью своего колдовства, чтобы Джиллан благоприятствовала ему? Как далеко могло зайти его влияние на нее? Как долго могла просуществовать та Джиллан, отделенная от меня и Херрела? Была ли она всего лишь проявлением галлюцинации или у нее тоже было тело из плоти и крови? Сделал ли Хальзе ее своей с помощью остальных или она только вела себя как невеста, чтобы восстановить свой прежний вид и все ошибались в том, что она приняла мое исчезновение без всяких вопросов, как это сделала Кильдас? Или ту, другую Джиллан, использовали, чтобы наказать Херрела каким-то образом и чтобы он не узнал, кто это сделал? Если это было так, тогда та короткая встреча в палатке должна была указать ему на истинное положение вещей. Я не сомневалась в том, что Херрел за то короткое мгновение, пока остальные не утащили его, узнал, что на самом деле существуют две Джиллан.

Я снова отчаянно попыталась достигнуть той, другой Джиллан, чтобы объединиться с ней. Связь между нами все еще существовала, но мне никак больше не удавалось приблизиться к той Джиллан. Они теперь были предупреждены и, должно быть, установили барьер на пути к нашему воссоединению.

Веки мои отяжелели от усталости и голова опустилась на колени. Все, что меня угнетало, растворилось во сне.

Сон немного освежил меня, и на рассвете я снова тронулась в путь. Дорога теперь больше не была прямой, а извивалась по местности, становившейся все более приветливой. Деревья и кустарники были покрыты листвой, и я из зимы вошла в весну или лето. А потом я увидела кусты с такими же белыми сладко пахнущими цветами, как и те, которые Хальзе подарил той другой Джиллан. Я достигла зелено-золотой страны, находящейся по другую сторону Врат, страну, к которой так стремились Всадники во время своих странствий.

Я достигла реки, берега которой окаймляли деревья с ветвями, низко склонившимися над водой и усеянными розовыми кустами. Я спустилась по крутому откосу и погрузила свои руки в воду. Холодная, но не очень. Потом я торопливо расстегнула застёжки, крючки и пуговицы и сняла свою грязную вонючую и частично разорванную одежду, чтобы вымыться и поискать брод. Рана на моем боку, хотя и была ярко-красной и припухшей, уже почти затянулась. Несколько упавших цветов коснулось моих плеч и их запах остался на моей коже и в моих волосах. Я наслаждалась свободой воды и не могла заставить себя вернуться к своей одежде, к тому стремлению, которое гнало меня вперед. Но все же в конце концов я выкарабкалась обратно на берег и снова натянула на себя выглядевшую теперь еще более грязной одежду

Дальше дорога шла по полям, но поля эти были невозделанными и здесь не было ни коров, ни овец. Только птиц здесь было множество, и они без опаски летали рядом со мной или что-то клевали у меня под ногами. У них было такое же яркое оперение, как и у птиц, которых я видела в долинах Халлака, но здесь были и другие виды животных. Дважды я видела покрытых мехом зверьков, которые смотрели на меня безо всякого страха. Солнце изливало на меня тепло, и меховая подстилка, которая сослужила мне такую добрую службу в горах, стала меня обременять. Я остановилась, сложила се и случайно взглянула на землю.

Я действительно не отбрасывала никакой тени! Люди Алисона еще в лагере заметили это, но во время своего бегства я была так занята, что это не произвело на меня никакого впечатления. Но ведь я же была настоящим живым существом из плоти и крови! И все же и деревья, и кусты, и даже высокая трава отбрасывали свои тени на освещенную солнцем землю и это подтверждало их реальность, а я не отбрасывала. Может быть, я сама была невидимой? Но охотники Алисона видели меня и даже хотели меня. Для них я была женщиной — видимой, осязаемой, привлекательной. Я держалась за эти мысли. Еще никогда не приходило в голову, что сейчас я существую только, чтобы встретиться со своим другим «я».

Я подвигала рукой по земле, чтобы получить ответ на этот вопрос. Так странно было думать о том, какая это незначительная часть — наши тени, но не иметь своей собственной тени было совсем другим делом. Внезапно обладание тенью стало такой важной вещью, как обладание руками и ногами. Я попыталась взглянуть на это своим двойным зрением, но и там у меня не было тени. Но окружающий меня ландшафт изменился, и я увидела...

Я больше не находилась в безлюдной местности. Туманные образования принимали четкие формы, когда я концентрировалась на них. У края дороги, слева от меня стоял крестьянский дом, которого я прежде не видела — с крышей, с фронтоном, пристройками и садом. Дом был таким же, как и все дома в долинах Халлака, с остроконечной крышей и резьбой на карнизе и наличниках окон. Перед домом был мощеный двор, на котором двигались какие-то фигуры. Чем дальше я вглядывалась, тем четче становилось все это. И именно это было настоящим, а пустые поля — иллюзией. Я непроизвольно свернула с дороги и поспешила к мощеному двору. Вблизи дом был еще более внушительным. Он был почтенен, стар и сложен из того же сине-зеленого камня, который я видела в горах. Крыша его была покрыта шифером, а резьба выкрашена в золотой и зеленый цвет. Мужчина вел лошадь из конюшни к корыту с водой, а служанка ошпыливала какую-то птицу с блестящими пестрыми перьями и длинными гибкими ногами. Я не могла четко видеть ее лица, но она выглядела таким же человеком, как и я. На мужчине были серо-бурый брюки и серая кожаная куртка, подпоясанная усаженным металлическими бляшками поясом. На девушке была красно-коричневая одежда и длинный желтый фартук такого же

цвета, как и шапочка у нее на голове.

Девушка пошла по двору в моем направлении и стала разбрасывать зерна из плоской коробочки, висевшей у нее на руке.

— Пожалуйста...— Я истосковалась по человеческим существам и хотела, чтобы она увидела меня и ответила, но, хотя я говорила громко, она, похоже, не замечала меня, так как даже не повернула головы в моем направлении.

— Пожалуйста...— повторила я громче. Но она все же не замечала меня. И мужчина, который теперь вел лошадь от корыта с водой обратно в конюшню, прошел совсем рядом со мной. Выражение его узкого лица с раскосыми бровями и острым подбородком — черты лица были такими же, как и у Всадников, — не изменилось.

Я не могла долго выносить их равнодушие — протянула руку и дернула девушку за рукав. Она коротко вскрикнула, отшатнулась и начала что-то пораженно бормотать. Мужчина повернулся и громко задал вопрос на незнакомом мне языке. И хотя они оба глядели туда, где стояла я, они, казалось, не видели меня.

Моя сконцентрированность ослабла. Все поблекло: и старый дом, и мужчина, и девушка-служанка, и пристройки, и крыши, и лошадь. Они становились все бледнее и бледнее, пока не исчезли совсем и я снова не оказалась одиноко стоящей в поле. И все же что-то внутри меня говорило, что это мое зрение вернется ко мне. Там, где я видела настоящее под наслоениями иллюзорного, теперь настоящее наслаивалось на иллюзорное. Для меня это была страна-призрак, а для людей этой страны я сама была призрак. Я снова вышла на дорогу, опустила руку на обочину и положила свою кружащуюся голову на руки. Буду ли я когда-нибудь настоящей в этой стране? Может быть, тогда, когда снова отыщу ту, другую Джиллан? А была ли она сама здесь настоящей?

От пайков охотников-ализонцев остались только крошки. Где мне здесь найти пищу? Может быть, мне удастся достаточно долго сдерживать иллюзию, чтобы в каком-нибудь крестьянском доме отыскать что-нибудь съестное и, вероятно, я должна буду взять это без разрешения, потому что те, кто там живет, не могут увидеть меня. Этот народ считает, что он хорошо защищен, — подумала я. — Снаналя охранники наверху в горах, а потом здесь этот пустынный ландшафт. Отряд охотников из Ализона может проехать здесь много миль, не найдя ничего, что стоило бы захватить. И как многие другие, я проходила мимо и не знала, что тут было на самом деле. Замки? Дома? Города?

Мне нужна была пища, и если я хотела найти что-нибудь, то должна была видеть. Две усадьбы, которые я неясно различала вдаль, находились слишком далеко от дороги, потому что эта дорога существовала на самом деле и она вела меня в нужном мне направлении, в ту сторону, куда меня все время тянуло.

Было уже далеко за полдень, когда я обнаружила деревню, которая тоже находилась на дороге. Это была маленькая дере-

вушка, в которой было примерно двадцать домов и башенноподобное сооружение в центре. Люди по обеим сторонам улицы были для меня всего лишь тенями, и я даже не пыталась разглядеть их получше. Я сконцентрировалась на домах. На пороге первого из них сидела женщина и прядла. Перед другим домом играли дети, а у третьего дверь была закрыта и, может быть, даже заперта. Но четвертым домом было большое здание, которое, судя по изображению на двери, было гостиницей.

Я напрягла всю свою волю, чтобы удержать все это видимым, и прошла **внутрь** здания через полуоткрытую дверь под изображением. За дверью был короткий коридор, а недалеко еще одна дверь, за которой находилось большое помещение с деревянным столом и лавками по бокам. На этом столе стояла тарелка с коричневым караваем хлеба и куском желтого сыра. Я почти испугалась, что все это побледнеет и превратится в ничто, когда мои пальцы схватят хлеб и сыр, но ничего подобного не произошло. Я сунула все это в складку своей меховой подстилки и пошла назад к двери. Но на пороге дома стояла фигура — один из туманных жителей этих домов. Я отпрыгнула, почувствовала какое-то беспокойство и постаралась получше разглядеть входящего. Это был мужчина в кожаных штанах, сапогах и кованой кольчужке под верхней курткой из шелковистого сукна, похожей на ту, какие носили Всадники, но только без меха и вместо шлема на голове у него была шапка.

Он с подозрением заглянул в помещение, но взгляд его скользнул мимо меня. Потом я увидела, как ноздри его расширились, словно он что-то учуял. Затем он заговорил на языке, которого я не поняла, но мне показалось, что это был вопрос. Я затаила дыхание, чтобы оно не выдало меня. Он повторил вопрос, сделал пару шагов в моем направлении и вошел в комнату. Я осторожно прокралась мимо него и уже была почти у двери, когда он отвернулся от стола, с которого я взяла хлеб и сыр. В первое мгновение я подумала, что он увидел меня. Но хотя он теперь смотрел прямо мне в лицо, выражение его лица чутко прислушивающегося человека не изменилось. Теперь он направился прямо ко мне.

Из последних сил я выбежала в дверь из комнаты и побежала вдоль коридора. Человек громко крикнул, и с улицы донесся ответ. Когда я уже хотела покинуть дом, то вдруг увидела прямо перед собой чью-то фигуру. Я, защищаясь, вытянула вперед руку и она ударилась о твердую плоть, хотя я видела перед собой только расплывающиеся контуры. Я услышала удивленный вскрик, когда вновь вошедший отшатнулся назад. Но я уже была снаружи, на улице, и побежала прочь от деревни к той, другой дороге, где я чувствовала себя в относительной безопасности.

Позади себя я услышала крики и топот ног. Видели ли они меня или я все еще была невидимой для них? Я не осмеливалась оглянуться назад. Призрачный мир вернулся снова и я, тяжело дыша, оказалась на дороге и больше не видела ничего, кроме лугов, полей, неба. Но я все еще слышала крики, а потом стук копыт лошади, который приближался ко мне. Я еще крепче при-

жала к себе подстилку с добычей и снова побежала по дороге прочь от исчезнувшей деревни с ее мощеными улицами. Когда я, наконец, тяжело дыша, остановилась, не было больше слышно ничего, кроме щебетания птиц. Я стала думать, что они действительно не заметили меня. Я ничего больше не боялась, по крайней мере, в это мгновение. И все же после небольшой передышки я еще больше увеличила расстояние между собой и моими возможными преследователями, прежде чем опустилась на небольшую, поросшую травой кочку возле дороги, чтобы воспользоваться своей добычей. Коричневый хлеб и сыр показались мне гораздо вкуснее всего, что Всадники предлагали своим невестам: для меня это была сама жизнь.

После того, как голод был немного утолен, я обуздала свой аппетит. Второй налет подобного рода, может быть, будет уже невозможен, и я должна экономить свои припасы. Из кустов выпрыгнула птичка и стала клевать крошки. Потом она поглядела на меня и защебетала, словно прося еще. Я бросила ей еще пару крошек, чтобы понаблюдать за ней. Несомненно птичка видела меня, так же, как и другие животные во время моих странствий. Может быть, я была невидима только для людей этой страны?

Солнце уже сильно склонилось к западу. Скоро наступит ночь, и я должна была найти себе какое-нибудь убежище. Далеко впереди я увидела темное пятно, это мог быть лес и я решила искать убежище там.

Все мои мысли были направлены на это, так что я сразу обратила внимание на изменение атмосферы вокруг себя. Мне стало как-то неприятно — чувство, не имеющее ничего общего с наступлением ночи, и через некоторое время у меня появилось впечатление, что меня преследуют. Это ощущение было так сильно, что я все время оглядывалась и иногда на минуту останавливалась, чтобы оглядеться вокруг. Мне бросилось в глаза все более увеличивающееся количество птиц вдоль дороги, которые все чаще пролетали над самой моей головой.

Мысль искать защиты среди деревьев, которые теперь высились передо мной, показалась мне теперь угрожающей. Это был огромный лес, простирающийся далеко на север и на юг. Я почти уже решила остановиться там, где я была, на краю поля, на котором могло находиться так много всего, когда я туда глядела. Но я все же пошла дальше. Дорога становилась все уже, обочины исчезли, и надо мной нависли ветви, словно деревья по обеим сторонам дороги хотели слиться друг с другом.

И в листве, и между деревьями я слышала долгие шорохи. Я видела белок, лисиц, других зверей и не могла представить себе никаких безопасных для меня причин этой активности. Мне скорее казалось, что меня сопровождала и наблюдала за мной лесная охрана, состоявшая из зверей и птиц — и у меня против нее не было никакой защиты! Хотя я и старалась найти место, которое могло послужить мне укрытием от наступающей ночи, но не видела нигде ничего, куда бы я могла сойти с дороги.

Но потом я подошла к месту, где дорога разветвлялась, и

каждое ответвление было не шире обычной тропинки. И в центре между разветвляющимися тропинками находился маленький островок земли, на котором возвышался земляной холмик, а на его плоской вершине стояли три каменные колонны и средняя из них была выше двух других.

Странно, пока я смотрела на эти колонны, большая часть моего неприятного ощущения исчезла. И хотя это место было ничем не защищено, я чувствовала, что меня тянуло на эту площадку. Я взобралась наверх, развернула подстилку, опустилась на землю и прислонилась спиной к средней из колонн.

Я снова поела того, что мне удалось добыть, хотя далеко не столько, сколько мне хотелось бы. Мне хотелось пить и было трудно глотать сухой хлеб.

Между тем солнце зашло, и я накрыла плечи подстилкой. Лес был полон звуков, но я устала и ослабла, и, несмотря на то, что все время прислушивалась к этим звукам, уснула.

И проснулась в темноте. Сердце мое сильно билось, и я тяжело дышала. И все это не было дурным сном, от которого я очнулась. Лунный свет вокруг меня был очень ярок, и колонны блестели серебром.

Мне снова показалось, что я вслепую брожу по комнате, в которой находится сокровище, имеющее для меня огромное значение. Я могла только догадываться, что же это было. Я чувствовала, что меня затянуло в какое-то место, где властвовали Силы, но какие это были Силы, Добрые или Злые, я не знала. Во мне не было страха, только подавленность, потому что я не могла воспринять информацию, которая была для меня чрезвычайно важна, но которая обходила меня стороной.

Как долго я так сидела как заколдованная и напряженно старалась преодолеть границу своего незнания? Внезапно я услышала стук копыт по дороге, но не с той стороны, откуда я пришла, а с другой. Вокруг меня зашелестело, словно множество маленьких существ убегало в лес с дороги скачущего галопом всадника.

Я сидела под своей серебристой колонной, не ощущая никакого страха, и ждала.

В лунном свете появилась покрытая пеной лошадь. Ее всадник так внезапно натянул поводья, что животное встало на дыбы и лягнуло передними копытами. Всадник-Оборотень!

Лошадь заржала и снова лягнула, но всадник тотчас же ее осадил. И тогда я увидела фигуру на его шлеме. Я вскочила, и подстилка упала с моих плеч. Я протянула к нему руки.

— Херрел!

Он слез с коня и пошел ко мне. Но шлем скрывал его лицо, так что я не могла видеть его выражения.

Было похоже, что после долгих странствий по зимней ночи я открыла дверь гостеприимного дома, из которой струились свет и тепло и которая обещала близость других людей. Я взобралась из безопасности моего освещенного лунным светом островка и побежала к тому, кто с такой же скоростью помчался ко мне навстречу.

— Херрел! — Но между нами внезапно возник зеленый свет, угрожающий и опасный, как змея, и когда он опять исчез...

Над обнаженными клыками на меня уставились зеленые гла-

за дикой кошки, и здесь уже не было ничего, к чему я так стремилась.

— Херрел! — Я не знала, почему снова выкрикнула его имя. Ведь он больше не был человеком.

Я отпрянула назад, когда огромный зверь с серебряным мехом плотно припал к земле, изготовившись для прыжка, и знала, что вижу в его глазах смерть. Я почувствовала своими плечами твердую землю холма, но не отважилась повернуться спиной к угрожающей мне смерти, чтобы снова вскарабкаться наверх к колоннам, у которых могла найти хоть какое-то убежище.

У меня за поясом был нож, но я знала, что не смогу устранить сталью эту грозящую мне опасность. Я пристально смотрела в эти звериные глаза и не могла найти в них ничего человеческого. Но в этом звере было что-то от Херрела, скрытое, задушенное, но оно было тут. И если всю свою волю я устремлю на этого скрытого человека, тогда, может быть, мне удастся снова вывести его на поверхность.

— Херрел... Херрел! — умоляла я его больше мысленно, чем вслух. — Херрел!

Но не произошло никаких изменений. Короткий звук вырвался из его поросшего мехом горла, и моя воля была окончательно парализована, когда круглая голова с плотно прилегающими к ней ушами поднялась и чудовище издало долгое рычание, как тогда, при нападении на охотников Алисона. Но я попыталась бороться дальше.

— Херрел! — Животное качнуло головой взад-вперед, а потом встряхнулось, словно отгоняя от себя что-то неприятное.

— Херрел! Ты человек, а не зверь! Ты человек! — Я кричала это ему, потому что была убеждена в том, что внутри этой кошки скрывается человек. Или того, кого я знала как Херрела, больше не существовало. Я закрыла глаза, потому что воля моя отступила перед нахлынувшими на меня отвращением и яростью, которые исходили от него.

Боль горячей волной пронзила мою руку, которую я успела поднять в последнюю секунду, защищая лицо. Что-то тяжелое прижало меня к земляному холму так, что я не могла пошевелиться. Я не глядела на то, что меня прижало, я не могла вынести этого.

— Джиллан! Джиллан!

Меня обняли руки мужчины, а не лапы зверя, которые должны были рвать мое тело. Голос, хриплый от боли и страха, а не шипение кошки.

— Джиллан!

Я открыла глаза. Его лицо склонилось надо мной, и я прочла на нем выражение такой муки, что сначала удивилась.

— О, Джиллан! Что я тебе сделал?

Потом он поднял меня, словно я была как перышко, и понес на площадку на вершине холма. Он положил меня на меховую подстилку и осторожно вытянул мою раненую руку. Разорванный рукав рассыпался на два больших куска материи и обнажи-

лись глубокие кровоточащие раны. Он издал странный звук, увидев их.

— Херрел?

Теперь его взгляд встретился с моим. Он кивнул.

— Да, теперь я Херрел. Да съест желтая гниль их кости за то, что они сделали с тобой! В этом лесу есть лечебные травы, я пойду поищу их...

— В моей сумке есть лекарство...— Боль, как жидкий металл, захлестнула мою руку до самого плеча, так что я едва могла дышать, и колонны в лунном свете начали колебаться перед моими глазами. Я чувствовала, как Херрел достал сумку из-под моего платья и попыталась показать ему, какую мазь он должен был взять. Когда он положил свою руку на мои раны, я вскрикнула и погрузилась в ничто, в котором не было ни боли, ни мыслей.

— Джиллан! Джиллан!

Мне не хотелось покидать это лечебное ничто, но голос звал и звал меня.

— Херрел?

Он опустился возле меня на колени, и его лицо было худым от усталости. Он поднял руку, словно хотел коснуться моей щеки, но потом снова опустил ее.

— Джиллан, как ты себя чувствуешь?

Я пошевелила рукой, но ощутила только следы боли. Я осторожно приподнялась. Рука моя была забинтована, и я почувствовала острый запах хорошо знакомой мне мази; так, значит, он разворошил мою сумку. Когда я начала двигаться, на меня упало несколько капель крови и среди этих капель я увидела маленькие кусочки разорванных листьев, которые пахли лекарственными травами. Я лежала, покрытая плотным слоем этих листьев.

— Как ты себя чувствуешь?— снова повторил Херрел свой вопрос.

— Хорошо, мне кажется, хорошо.

— Но не все так хорошо. Времени у нас в обрез!

— Что ты имеешь в виду?— Я зачерпнула горсть крови и листьев, чтобы вдохнуть их запах.

— Ты разделена...

— Я знаю это.

— Но, возможно, тебе известно не все. На некоторое время возможно из одного человека сделать двоих, хотя это и злое дело. Но если эти двое не сойдутся снова, одна из вас погибнет...

— Другая Джиллан?— Кровь и листья выпали из моей руки, и я снова почувствовала холод внутри и меня снова куда-то тянуло.

— Или ты,— он, наверное, прочитал по моему лицу, что я его не поняла.— Они сделали это потому, что думали — ты умрешь в горах или в пустыне. Эта страна имеет мощную защиту.

— Я знаю это.

— Они не верили, что ты сможешь выжить. И когда ты умрешь, останется только та Джиллан, которую они взяли с

собой и она будет жить, хотя и не будет такой, как ты, кроме самой маленькой частички. Когда ты пришла в Арвон, они узнали об этом. Они узнали, что их страну побеспокоило какое-то чужое существо, и поняли, что это ты. Итак, они снова использовали магию и...

— И послали тебя,— сказала я мягко, и он ничего не ответил.

Он повернул свою голову так, чтобы я могла видеть его лицо, и на нем была написана такая боль, что я не могла найти слов, чтобы облегчить его мучения.

— При нашей первой встрече я рассказал тебе, что я не такой, как все остальные. Они могут меня принудить, если захотят, или ослепить мои глаза, когда это будет им нужно. Когда они привели с собой ту, другую Джиллан, она отвернулась от меня и отдала предпочтение Хальзе, как тому хотелось с самого начала!

Я испугалась Хальзе! Другое мое «я» действительно находилось в руках Хальзе и она действительно отдала ему предпочтение? Стыд пронзил меня пылающим огнем. Нет... нет...

— Но я же здесь — наконец смущенно сказала я.— У меня есть тело... я...

Но было ли это так на самом деле? В этой стране я была только привидением, так же, как здешние люди были для меня такими же нереальными. Я провела рукой по ранам, радуясь боли, которая последовала за этим движением, потому что я почувствовала реальность своего тела.

— Ты это ты, и она тоже — ты, часть тебя. И пока вы обе малые и слабые части одного целого. Вот если бы ты погибла, тогда она стала бы полноценной для целей Хальзе. Мои братья по отряду боятся тебя, потому что тебя нельзя удалить, как других. Поэтому они воздействуют на тебя с помощью колдовства, Джиллан, которым могут удалить тебя.

— И если ты...— Он снова прочитал мои мысли.— Если я убью тебя, как они рассчитывали. Им было все равно, узнал бы я правду или нет. Они, видно, не боятся меня, но если бы я сделал с собой что-нибудь из-за этого вынужденного убийства, это было бы для них только правильно. Для них это был тонкий план.

— Но ты же не убил меня.

Выражение его лица оставалось мрачным.

— Посмотри на свою руку, Джиллан. Нет, я тебя не убил, но я тебя ослабил, и это тоже пригодится им. Время — наш враг, Джиллан. Чем дольше вы будете разделены, тем сильнее ты ослабеешь и, может быть, объединяться вам будет уже слишком поздно. Будет лучше, если ты узнаешь правду.

— Я думаю, что ты можешь больше, чем думаешь о себе,— мужественно произнесла я.— Иначе почему ты не выполнил возложенное на тебя задание? Колдовство — могущественная сила, и ее нельзя так легко преодолеть.

Херрел посмотрел на меня.

— Не думай обо мне так хорошо, Джиллан. Я благодарю высшие силы за то, что так вовремя очнулся от околдовавших

меня сил. Или это ты меня разбудила, потому что твой голос донесся до меня в бесконечную тьму, куда они меня загнали... Если ты сможешь ехать, то мы должны немедленно отправиться в путь и должны настичь отряд...

Он помог мне встать, но накрыл меня не моей тяжелой меховой подстилкой, а своим плащом. Потом он взял меня на руки и понес по склону холма к дороге. Лунный свет померк, рассвет был уже недалеко. Херрел свистнул, и его конь подошел к нам. Херрел усадил меня в седло, а сам сел сзади. Его жеребец, казалось, и не заметил двойного груза.

Пока мы сжали, мне было тепло и удобно в объятиях Херрела.

— Не понимаю, почему Хальзе так домогается меня, — начала я. — Только ли это уязвленная гордость и досада от того, что ты получил невесту, а он — нет?

— Так было вначале, — ответил он. — А потом он делал это из-за того, что ты не такая, как остальные. Это была единственная возможность привязать тебя к нам, когда это не удалось, ты стала жертвой того, что они захотели с тобой сделать.

— Последняя возможность?

— Той ночью, когда ты отвергла меня, ты не отдалась мне, потому что все наши заклинания оказались бессильными.

Я была рада, что он сидел позади меня и не мог видеть моего смущения.

— Ты тогда назвал меня колдуньей, — сказала я после долгого молчания. — Ты сделал это в гневе?

— В гневе? Какое право я имел сердиться? И назвал тебя так потому, что думал, что ты и есть колдунья. И поэтому тебе не оставалось ничего другого, как только отвергнуть меня.

— Колдунья, — повторила я задумчиво. — Но я изучала только искусство врачевания, а это не колдовство. Если бы я была тем, что ты сказал, то никогда бы не жила в монастыре. Они выгнали бы меня оттуда через час после моего прибытия.

— Колдовство — это не так плохо, как думают люди Дейла. В тебе есть какая-то другая кровь, которая ответственна за все это. Она должна дать тебе не только умение пользоваться своими силами, но и власть над ветром и водой, землей и огнем — это твоё естественное дарование, и никто не может тебя этому обучить. В старые времена Арвон не был закрыт от остального мира, и мы знали о других народах по ту сторону моря, которые, как и мы, рассматривали колдовство как образ жизни. Там есть страна, в которой живут колдуны. И пока мы странствовали по степям, то много слышали об этой стране. Она тоже находится на закате своего существования, потому что так же стара, как и Арвон. Но в Эсткарпе все еще есть колдуны, и Ализон ведет с ними войну.

— И ты думаешь, что во мне течет кровь этих колдуний?

— Да. Ты не изучала искусства колдовства, но в тебе есть силы. И еще одно. Если колдунья отдаст свое тело мужчине, она утрачивает свои колдовские способности.

— Но если все это именно так, то как же существует их народ?

— Говорят, что они вымирают. Но это тоже не совсем так. Время от времени колдуньи выбирают тех, кто готов принести себя в жертву. И потом, не все женщины в этой стране колдуньи, хотя они рожают дочерей, у которых есть такие способности. И каждой, которая обладает ими, нелегко от них отказаться.

— Но я же не знала обо всем этом. Я не настоящая колдунья.

— Если в тебе есть способности, они сами постараются направить тебя на правильный путь.

— А другая Джиллан?

— Джиллан, которую они постарались создать — не колдунья. Они не решились идти на такой риск.

С каждым словом Херрел все глубже проникал в пустыню моего опустошения.

— Херрел... когда я на мгновение вернулась к другой Джиллан там, в палатке, и звала тебя... ты меня узнал?

— Да, я тебя узнал и понял также, что произошло.

— Они уволокли тебя прочь и тогда Хальзе прогнал меня от нее.

— Да.

— Если бы они не послали тебя, ты отправился бы, чтобы отыскать меня?

— Я пошел по их приказу, — он отклонил мой вопрос.

И внезапно я поняла.

— Ты пошел, потому что они использовали твоё желание найти меня, поэтому они и смогли заколдовать тебя. Если бы между нами не было никакой связи, они, должно быть, не смогли бы тебя послать, — я услышала позади себя тяжелое дыхание. — И потому, что ты все время думал обо мне, Херрел, ты и смог разрушить это колдовство. Не забывай этого! Потому что я никогда не слышала о человеке, который смог бы воспротивиться наложенному на него колдовству, — я положила свою руку на его, которой он держал повод. — Слишком долго ты признавал эту мою оценку, Херрел. Благодарю меня за то, что я взяла твою накидку, в то время как другие смеялись, когда ты клал ее. И до сих пор нам удавалось разрушить все их злое колдовство. И ты тоже не отказался от борьбы, иначе ты не стал бы догонять свой отряд, — я замолчала. Но когда он ничего не ответил, продолжила: — Я видела тебя, как должна была видеть заколдованными глазами невеста, видела как Всадника-Оборотня, как зверя, и думаю, что, может быть, есть и другие Херрелы, которых я не знаю, но все они настоящие. Потому что у правды множество лиц. Но я выбрала тебя и не раскаиваюсь в своем выборе.

Он долго ничего не говорил, только его руки крепко обняли меня. Серый рассвет вокруг нас становился все ярче, и жеребец равномерной рысью нес нас к нашей цели.

— Ты все еще живешь надеждой, — наконец тихо произнес Херрел. — Но в конце концов все мы живем надеждой, а это самая ненадежная вещь на свете. Джиллан, худшее еще впереди. Колдовство сломлено, но они не сложат оружия, Джиллан. И нам придется пойти за ними. И чтобы что-то сделать, нам при-

дется выступить против Всадников.

— Они встретят нас в обличе зверей?

— Тебя они могут встретить в обличе зверей, но меня — нет. Мы должны потребовать от них соблюдения устава отряда, если у меня есть шансы что-нибудь потребовать. Я могу потребовать у Хальзе удовлетворения мечом за то, что он взял себе другую Джиллан. И имея тебя, я могу это доказать.

— И если тебе удастся добиться этого?

— Если я добьюсь этого, то могу потребовать у Хальзе сатисфакции, а может быть, и у других. Но они всеми силами постараются помешать этому.

— Почему я могу видеть только иллюзию этой страны, если я не напрягаю всю свою волю? — спросила я у Херрела немного погодя.

— Ты пришла сюда не через Врата, а через горы. — Он снова крепко обнял меня. — А горы эти полны ловушек. То, что ты там прошла и уцелела — это тоже колдовство — твое колдовство. Расскажи мне, каким путем ты пришла.

Я рассказала ему все с момента моего пробуждения в покинутом лагере и, когда я рассказывала ему о прибытии ализонцев, то услышала, как изменился ритм его дыхания. И после того, как я рассказала ему, каким образом мне удалось избавиться от них, он сказал:

— Это и было настоящее колдовство! Ты не можешь отрицать свою одаренность. Я почти убежден, что таким же образом ты можешь вызвать на борьбу весь отряд и все же невредимой ускользнуть от них...

Когда я рассказала ему о своей борьбе между изменчивыми камнями, он кивнул:

— Это были руины Кар Ре Доган, созданной с помощью колдовства как крепость против зла, которое когда-то бродило по всей пустынной местности, но с тех пор прошло много времени. Ты нашла очень древний путь, которым представители нашей расы не пользовались вот уже много тысячелетий.

Я рассказала ему о световом барьере и каким образом его преодолела, а потом о дороге, которая привела меня к площадке охранных.

— Место захоронения Королей, — объяснил Херрел. — Они царствовали здесь в прежние времена. Когда мы впервые пришли в Арвон, в народе, еще жившем там, было немного их крови. Мы смешались с ними и переняли некоторые из наиболее ценных их обычаев. У них была привычка хоронить своих королей стоймя, чтобы они могли смотреть на происходящее снаружи. И если их потомкам требовался хороший совет умершего короля, они шли туда и оставались там на ночь, чтобы воспринять во сне их мудрость. Они также выполняют роль охранников этой страны.

— Я чувствовала, что меня проверяли, но мне позволили пройти.

— Потому что они узнали о родстве своих сил с твоими...

Я рассказала ему остальное. Потом мы сделали остановку у ручья, где я утолила свою жажду. Все же я чувствовала себя очень ослабшей и сказала об этом Херрелу.

Он избегал моего взгляда.

— Теперь они уже знают, что я не выполнил их приказа, и теперь они вытягивают из тебя жизненные силы, чтобы влить их в другую Джиллан и сделать ее более сильной. Время — наш враг, Джиллан. Они не могли убить тебя никакими способами, но они смогут ослабить тебя так, что будет уже поздно что-либо предпринимать.

Я взглянула на свои руки. Они дрожали.

— Херрел, эта страна, по которой мы едем, действительно пуста, или здесь есть жизнь, которую они могут использовать против нас?

— Здешние места не так населены, как равнина по ту сторону леса, здесь есть только отдельные дома и замки. Будь ты одна, они приказали бы пограничникам, на которых ты наткнулась в гостинице, выступить против тебя. Но теперь ты едешь вместе со мной и все остальные рассматривают это как личное дело Всадников.

— Херрел, разве в Арвоне нет никаких законов, никаких прав? Разве мы не можем обратиться к верховному властителю и попросить соблюдения закона?

Херрел покачал головой.

— Всадники не подчиняются этим законам, и ты тоже пришла из другой страны. Нас не приводят к присяге. Новые властители не могут запретить нам въезд в Арвон, потому что это наше право по рождению, и условия древних договоров должны выполняться. Позже Всадники могут наняться на службу к одному из семи Лордов. Но сейчас с нами никто ничего не может поделать, пока они выступают только против кого-нибудь из своей группы — против меня или против тебя, чужестранки из Дейла.

Херрел достал из седельной сумки еду, и мы поели. Это подкрепило меня, и тело мое наполнилось новой жизнью. Я не могла поверить, что другие Всадники ослабили меня, чтобы дать силы новой Джиллан.

— У тебя здесь нет никаких родственников, Херрел? — спросила я. — Ты же не всегда был только Всадником. Разве ты никогда не был ребенком, у тебя не было матери, отца и, может быть, даже братьев и сестер?

Он снял свой шлем, присел у ручья на колени и зачерпнул руками воду, чтобы умыться лицо.

— Родственники? О да, у меня, конечно, есть те, которые пережили время и изменения. Но так же, как ты не принадлежишь к народу Дейла, но нашла у них убежище, так и я не полностью принадлежу к народу Оборотней. Моя мать происходила из дома Кар До Пра на севере. Она поддалась любовному колдовству одного из Всадников-Оборотней и последовала за ним через горы. Ее отцу заплатили деньги, чтобы увести ее с собой, и я не знаю, пошла ли она с ним добровольно или он увел ее

силой. Когда родился ребенок, его приняли как ребенка Всадника. Но тогда, когда я был еще очень мал, то однажды изменил свое тело — может быть, я был рассержен или испуган — и мое происхождение стало ясно видно. Я был больше Всадником-Оборотнем, чем Красным Плащом, и они отправили меня к Серым Башням. Но я был все же полукровкой, а не настоящим Всадником. Со временем мой отец стал для меня таким же чужим, как и мой клан в Кар До Пра. Я не мог ждать никакой помощи и от клана Красных Плащей.

— Но твоя мать...

Он пожал плечами.

— Я знаю ее имя — леди Элдрис, и это все. А мой отец...— Он поднялся и, отвернувшись, взглянул вдаль, — мой отец среди тех, кто причинил тебе зло. Его гордость уязвлена тем, что его сын всего лишь полукровка.

— Херрел...— Я подошла к нему и положила свою руку на его, но выражение его лица все еще было отсутствующим.

Херрел свистом позвал своего жеребца и, наконец, обратился на меня внимание.

— Пора ехать.

Мы снова вернулись на дорогу и долго ехали молча.

— Разве нет никакой другой возможности, кроме как догнать Всадников?— спросила я, наконец.

— Мне кажется, у меня есть план или только намек на план, — ответил он, и я не стала настаивать.

Уже под вечер мы снова подъехали к месту, где дороги разветвлялись таким же земляным холмиком, как и на предыдущей развилке. Но на этом холме стояла только одна колонна в самом его центре. Херрел натянул поводья.

Он поднял меня, снял с седла и поставил на землю.

— Заберись наверх и обещай мне, что останешься у подножия колонны, пока я не вернусь. Там ты будешь в безопасности.

Я схватила его за руку.

— Куда ты идешь?

— Я должен найти то, что нам должно сегодня помочь. Подумай о том, что у подножия колонны ты будешь в безопасности. Там может находиться только тот, у кого добрая душа и чистые помыслы.

Я послушалась его и вскарабкалась на площадку на вершине холма. И снова почувствовала себя такой слабой, что с готовностью опустилась на землю у подножия колонны. Херрел съехал с дороги и поехал по равнине. Временами он слезал с лошади и, как мне показалось, рассматривал выступающие корни самых высоких деревьев. Может быть, это все еще была часть леса, но деревья стояли здесь друг от друга на значительном расстоянии и были довольно низкими. Херрел внимательно осматривал их. Наконец он начал копать своим мечом землю под одним из деревьев. Он рубил корни и собирал их в пучок. Потом вернулся ко мне, бросил пук корней у подножия холма и я увидела, что это

действительно были корни или обрывки корней. Он еще трижды выкапывал, отсекал и приносил сюда обломки сухих корней, пока их не набралось достаточно для того, чтобы образовать из них выровненную кучу конусообразной формы. Потом он взобрался ко мне наверх, принес свою седельную сумку с продуктами и фляжку, наполненную свежей водой из ручья.

— Что ты хочешь делать со всем этим? — Я указала на кучу корней. И, когда он промолчал, спросила: — Скажи мне, что ты хочешь делать, Херрел? Может быть, это защита от нападения врага?

Херрел улыбнулся.

— Ты права, это действительно для меня щит и меч — самое лучшее, что только можно пожелать, Джиллан. Ладно, слушай, что я хочу сделать. Я не хочу ждать, пока они по своему желанию назначат время и место сражения. Я хочу определить это сам и поэтому вызываю их сюда! Когда взойдет луна, я подожгу эту кучу корней, и это привлечет их сюда...

— Сложное колдовство?

Теперь он рассмеялся.

— Сильное колдовство. И при этом произойдет вот что: пламя, поднявшееся над кучей горящего дерева, которое так же старо, как и мы, осветит их низменную натуру. Никогда за все тысячелетия существования Дейла никто не мог заставить Всадника-Оборотня отвечать, когда кто-то обнаруживал его генеалогическое дерево. Я не думаю, что они ожидают от меня такого вызова. Они думают, я удовлетворен, ничем не возмущен и живу только одной надеждой. Поэтому, если я вызову их сюда, то должен быть готов встретиться со всем их могуществом...

— И ты думаешь, что можно...

— Будет ли счастье на нашей стороне, это решится сегодня ночью, Джиллан. Я не знаю, в каком облике они появятся, но когда я назову имя Хальзе и потребую права меча, они вынуждены будут признать мои права. И тогда я смогу действовать...

Херрел знал свой отряд и эту страну, он не выбрал бы этот рискованный путь, если бы был другой. Наши шансы были исчезающе малы.

— Херрел, когда мы вызовем их, у меня не будет права потребовать у них удовлетворения?

Он вынул свой меч и провел кончиками пальцев по его лезвию.

— Существует такой обычай, но...

— Говори же!

— Если ты в свете пламени костров сможешь назвать имя оборотня, тогда он снова примет человеческий облик. И тогда ты сможешь потребовать у него права крови и попросить меня выступить в качестве защитника твоих прав. Но если ты неправильно назовешь имя того, кого ты вызвала, то он может потребовать это от тебя.

— А если нам удастся победить?

— Ты получишь право требовать свое — другую Джиллан. Но если брошу вызов я, то, возможно, они выступят против меня всем отрядом и у меня не будет другого выбора, кроме как между жизнью и позором и смертью.

— Ты думаешь, я не смогу узнать Хальзе? Он — медведь.

— Звери, которых ты видела — не единственные образы, которые мы можем принимать, а только самые употребительные. Но при таких обстоятельствах, как эти, он не будет медведем.

— Но ты можешь мне помочь...

Херрел покачал головой.

— Я не смогу сделать этого ни словом, ни делом, ни жестом, ни даже мыслью! Назвать имя — это только твое дело, и только ты в этом сможешь преуспеть или потерпеть поражение. Когда ты встанешь перед ним с мечом, ты будешь тем, кто бросает вызов.

— У меня есть двойное зрение. Разве оно не поможет мне?

— Как хорошо оно служит тебе теперь? — спросил он.

Я задумалась о туманных домах, которые я случайно заметила во второй половине дня, и моя уверенность исчезла.

— Риск велик, — продолжал Херрел. — Я сам брошу вызов и буду действовать как смогу...

Голос его звучал решительно, но я еще не сдалась. Я прислонилась к колонне и провела руками по древнему камню. Вот если бы ко мне вернулось мое проникающее двойное зрение хотя бы на несколько мгновений, которые были необходимы для того, чтобы назвать настоящее имя! Я лихорадочно искала пути разрешения этой проблемы. В моей сумке с лекарствами были травы, которые проясняли голову и обостряли разум, а около них были и те, которые излечивали многие болезни. Моя раненая рука больше не болела. Наверное, была возможность усилить мои силы настолько, насколько это было необходимо.

— Херрел... пожалуйста, подай мне мою сумку.

Он изучающе поглядел на меня, словно попытался прочесть мои мысли и понять мой план, но потом взял сумку и положил ее мне на колени.

— Сколько времени у нас осталось до их прихода? — спросила я.

— Не знаю. Я зажгу костер, когда взойдет луна, а потом будем ждать.

Это было слишком неопределенно. Я взяла сумку и нашла в ней маленький флакончик, сделанный из кварца.

— Что ты хочешь делать?

Я открыла руку. Кварц засветился в полутьме.

— Мой Лорд, ты когда-нибудь слышал о моли?

Он посмотрел на меня.

— Откуда это у тебя?

— Из сада, где мы выращивали травы. Монашка Алюзан использует это, но не для колдовства, а потому что у этих настоев целебные свойства, которые могут защитить от колдовства. Я использовала свои знания только дважды, в последний раз на воине, который утверждал, что Всадник-Оборотень взглянул на

него дурным глазом и с тех пор его руки и ноги стали беспомощны. Была ли это болезнь, порожденная страхом, или это было настоящее колдовство — не знаю, — я улыбнулась. — Но после того, как в течение трех дней он принимал по несколько капель в день настоя из этой травы, он снова мог ходить и даже бегать. Это значит, что моли обладает и другими свойствами. Она может разрушать иллюзии...

— Но ты же не знаешь, кто придет и при ком надо это употребить...

— Это неважно. Это ведь мои иллюзии, которые я должна разрушить. Но я не отваживалась сделать это раньше. И я также не знаю, сколько времени пройдет, пока настой окажет свое действие. Если я приму его не во время, настоящее зрение придет ко мне или слишком рано, или слишком поздно. Ты не сможешь меня предупредить?

— Это огромный риск...

— Все, что нам предстоит сегодня сделать — к лучшему. Не лучше ли нам так и поступить?

— А если ты ошибаешься?

— Нужно верить в удачу. Ты можешь меня предупредить?

— Я могу сказать тебе, когда они будут приближаться, хотя их не будет еще видно. Потому что я тоже буду следить за знаками в пламени и узнаю, насколько они сильны.

Этим я и удовольствовалась. Но когда мои пальцы обхватили выдолбленный кусочек кварца, я поняла, как ничтожна была наша надежда.

Пока мы ждали восхода луны, я попросила Херрела рассказать мне об Арвоне и тех, кто живет в этой местности. Оказалось, что все, кто живет в Арвоне, сведущи в магии, но только в различных ее видах и различной степени. Имелись адепты, которые жили в одиночестве, погруженные в изучение нашего мира и времени и они почти никогда не принимали человеческий облик. Зато народ, который жил в замках, четыре клана: красные накидки, золотые накидки, синие накидки и серебристые накидки, — очень мало пользовался магией и поэтому очень много времени они проводили в человеческом облике. Между этими двумя крайностями было огромное количество других, чуждых обыкновенным людям форм жизни: Всадники-Оборотни, те, кто отдавали свои силы и могущество на службу кланам; раса, живущая в реках и морях, и раса, представители которой никогда не отходили далеко от лесов, и еще другие расы, которые никогда не меняли свою внешность животных, но все же были разумными и сильно отличались от животных, живших в нашей стране.

— Я почти уже поверила, что в этом твоём Арвоне имеется множество чудес, — сказала я наконец. — Что можно вечно скитаться по нему, смотреть и слушать и все же ничего не понять.

Херрел встал и соскользнул по склону холма к куче корней. Тут я увидела, что на небе появилась серебристая луна. Херрел ударил мечом в центр кучи сухих корней и высек сноп зеленых искр. Дерево загорелось, но не ярким пламенем, а скорее затлело.

Херрел трижды ударял мечом, и каждый раз острие его глубоко погружалось в кучу корней. И наконец, вверх поднялся маленький язычок пламени, и в небо потянулся серо-белый столбик дыма.

Херрел поднял голову. Глаза его блестели зеленым и тени скользили по лицу. Но перед ним не появлялся никто, а он все стоял с обнаженным мечом в руке. Наконец, он повернул голову ко мне и сказал:

— Их влечет сюда...

Я встала. Он не пошевелился, чтобы помочь мне спуститься с земляного холма, казалось, он был прикован к своему месту. Я подошла к нему и протянула свою правую руку. В левой руке я сжимала кварцевый флакончик.

— Твой меч, воин.

Херрел с трудом пошевелился, словно борясь против чего-то, чтобы протянуть мне меч. И мы стали ждать, стоя возле костра. Луна освещала дорогу, но там не двигалось ничего и нигде, насколько я могла видеть. Через некоторое время Херрел заговорил, и его голос прозвучал так, словно он находился далеко от меня.

— Они идут.

Как близко были они или как далеко?

Когда я должна использовать защиту, которую давала мне пара капель золотистой жидкости? Я вытащила пробку и приложила флакончик к губам.

— Они скоро...

Я выпила. Жидкость была острой и неприятно щипала язык. Я быстро проглотила ее. Дорога оставалась пустой недолго. Это были не звери, не птицы, как я ожидала, несмотря на предупреждение Херрела, а множество непрерывно изменяющихся форм и фигур: от воина к лошади, которая оседала и превращалась в ползущее на животе чудовище, чешуйчатый дракон, который встал на дыбы, превратившись в человека, но в человека с крыльями на плечах и лицом демона. Все непрерывно изменялось, и мне стало ясно, что я была слишком самоуверенна. Как я могла среди такого множества издевающихся надо мной масок найти Хальзе? Если моли не поможет моему двойному зрению, я буду побеждена прежде, чем начнется борьба. Я постаралась сконцентрировать свое внимание на какой-нибудь одной фигуре в этом хаосе растворяющихся и снова формирующихся существ. А потом...

Из моей руки, сжимающей рукоятку меча Херрела, вылетело голубое пламя и окутало клинок. И я увидела...

За сетью изменяющихся форм я увидела человекообразных существ, которые сконцентрировались на том, чтобы поддерживать эту колдовскую картину, которую они сплели.

— Я вызываю вас! — громко сказала я.

Всех или одного?

В действительности ли я услышала это или это был только мысленный ответ, который я восприняла?

— Одного, от которого зависит все.

— И что это за «все»?

— Мое другое «я», колдуны!

Я изо всех сил удерживала свое двойное зрение. Хальзе, да, я нашла его, был слева от того места, где стояла я.

— Ты назовешь имя, колдунья?

— Я назову имя.

— Согласны.

— Согласны во всем?— Продолжала настаивать я.

— Во всем.

— Тогда...— Я указала мечом на Хальзе,— вызываю среди вас Хальзе.

Тени забурили и забушевали еще сильнее, затем они слились и исчезли. Перед нами стояли люди. Хирон вышел вперед.

— Ты назвала имя правильно. Что ты требуешь теперь?

— Это требование — одно из моих прав,— рука моя скользнула по рукоятке меча и я протянула его Херрелу, чьи пальцы в то же мгновение перехватили рукоятку.

— Да будет так!— Хирон говорил так, словно оглашал смертный приговор, и это относилось к нам, а не к одному из его спутников.— По обычаю отряда?— спросил он Херрела.

— По обычаю отряда.

Теперь все мужчины задвигались. Хирон снял накидку со своих плеч и положил блестящую шкуру лошади на дорогу. Харл и трое других сняли свои шлемы и положили их по углам накидки, так что гербы их были обращены внутрь. На расстоянии одного метра от краев накидки глубоко в почву четверо мужчин воткнули четыре меча. Четыре другие накидки скатали валиками и положили между мечами, так что образовался четырехугольник.

Хальзе отложил свою накидку и свой щит в сторону и подошел к накидке Хирона. Херрел встал перед ним. Хальзе улыбнулся — и я уже видела у него такую улыбку и ненавидела его за нее — улыбку того, кто уже протянул руку, чтобы схватить то, что он считал своим.

— Итак, у нее гораздо больше сил, чем мы думали, неудачник. Но теперь она допустила ошибку, потому что выбрала меч и тебя, чтобы действовать им.

Херрел ничего не ответил. Лицо его было лишено всякого выражения. Он бросил взгляд на Хирона, который вышел в центр лошадиной шкуры и теперь стоял между двух бойцов.

— Это поле боя. Вы будете сражаться, пока у одного из вас не пойдет кровь или кто-то не переступит край поля боя. Тот, кто хотя бы одной ногой переступит край, считается сбежавшим с поля боя и все права на победу переходят к другому.

Потом он повернулся ко мне.

— Если ты потеряешь своего бойца, ты будешь принадлежать нам и мы сделаем с тобой все, что захотим.

Я знала, что он имеет в виду: они отдадут остатки моих жизненных сил своей фальшивой Джиллан. И это наполнило меня еще большим страхом. Но я надеялась, что он не сможет прочесть по моему лицу, каких усилий мне стоит отвечать ему холодным тоном.

— Если ваш боец будет побит, мой Лорд, то вы добровольно отдадите мне то, что вы похитили у меня. Это наш договор.

И хотя я больше не задавала ему ни одного вопроса, он сказал:

— Это наш договор,— потом взмахнул платком в воздухе и крикнул:— Давай!— И прыгнул с накладки.

Я не боец, который понимает толк во владении мечом, и думала, что Всадники, которые ходят в битву в обличье животных, такое умение сочли ненужным. Но, оказывается, они умели сражаться не только зубами и когтями, но и мечами.

Они кружили друг возле друга и не спускали друг с друга глаз, изредка атаковали один другого, чтобы проверить силы или ловкость противника. Медленное начало внезапно перешло в дикий танец и быструю смену ударов и контрударов звенящими мечами. Вел ли себя при этом правильно Херрел, не знаю. Но крови не было, и хотя однажды Херрел на полстопы сошел с накладки, он снова быстро вернулся на свое место.

Какое-то время я была так захвачена этой смертоносной игрой, что кроме этого не замечала ничего, что происходило вокруг меня. Может, это была сила моли, которая обострила мой разум, но я внезапно осознала, что вокруг поля боя сконцентрировалась воля остальных. Может быть, эта злая воля и не могла физически ослабить Херрела, но она, как облако, нависала над ним и желала его поражения. Я сама очень хорошо ощущала желания этих людей, а Херрел давно уже не ставил свою жизнь ни во что. Его гнев и необходимость заставляли его забыть обо всем и обо всех, но он все же оставался достаточно чувствительным и теперь в нем прорастали семена сомнения. Я снова попыталась использовать свою волю в качестве оружия, на этот раз для того, чтобы применить ее как щит против злой воли отряда. И тут я сама испугалась, тут было нечто, что почти превосходило мои силы.

Мое двойное зрение отказало. Я больше не видела двух мужчин, сражающихся на мечах, а только медведя, стоящего на задних лапах и этими огромными волосатыми лапами пытающегося схватить кошку и раздавить ее, но та с шипением и фырканием увертывалась от него.

— Ты...

Это требование так резко привлекло мое внимание, что взгляд мой оторвался от борьбы и я посмотрела на того, кто окликнул меня. Жеребец, мужчина, чудовище.

— Хирон,— назвала я его имя и он стал человеком.

— Ты ошиблась, колдунья, когда выбрала себе половину....

Капитан Всадников, он хотел отвлечь меня, чтобы ускорить поражение Херрела?

— Я должна была выбрать лучшего среди вас?

— Ты дура! Взгляни на свои руки! Ты сама себя уничтожишь! Каждый раз, когда ты теперь пользуешься магией, колдунья, ты сама уничтожаешь себя, а та, другая Джиллан, становится все сильнее! Скоро ты станешь просто тенью, а она по-

лучит твою плоть. И зачем тебе тогда будет нужна победа?

Пока он говорил, я почувствовала слабость. Моя рука в лунном свете была бледна и странно прозрачна. Рука тени...

Нет! Они только хотели отвлечь меня от сражающихся! Херрел отступил и опасно приблизился к границе из скатанных накидок. Если Хальзе не сможет его ранить, он будет пытаться опозорить своего противника, вытеснив его за пределы четырехугольника.

Нет! Я попыталась достигнуть Херрела, укрепить его силы и уверенность... Херрел, ты можешь... ты можешь победить медведя! Херрел...

— Дура... ты уничтожаешь...

И я почувствовала, что Хирон сказал правду, что мои старания поддержать Херрела означали мою гибель. Но я должна была удержать туман поражения, который отряд насылал на Херрела, должна была сломать их объединяющую волю, а это стоило мне так бесконечно много.

Я услышала крик, призыв, или это был клекот птицы, рев зверя, ржание жеребца? Я протерла глаза, чтобы лучше видеть. Кошка присела перед медведем, стегая себя хвостом и обнажив клыки, но одна задняя лапа медведя находилась за пределами ограждения. Хальзе должен был считаться сбежавшим с поля боя!

Они снова были людьми, все они были все еще против Херрела, но исходящий от них туман поражения исчез, словно развеванный порывами ветра. Херрел поднял меч и острием указал на Хальзе.

— Он сбежал!— громко и требовательно произнес он.

— Он сбежал,— сухо подтвердил Хирон.

— Сделка есть сделка. Мы требуем все...

Когда Хирон не ответил, Херрел подошел к нему.

— Мы требуем все,— повторил он.— Или законы отряда больше не существуют? Я ведь могу подумать, что ты хочешь запретить нам воспользоваться нашим правом.

— Я не могу вам этого дать.

Херрел уставился на него, и в глазах у него запылал зеленый огонь, но он все же продолжал оставаться человеком, а не кошкой.

— Ты сам объяснишь, почему ты потерял свою честь, предводитель Всадников?

— Я не могу дать вам того, чего у меня нет.

— Чего у тебя нет? Что же тогда стало с другой Джиллан, которую вы сами сделали?

— Посмотри,— Хирон указал на меня,— связь разорвана. То, что мы сделали, исчезло.

Связь разорвана... Я покачнулась. Где же теперь было то влечение, то притяжение, которое вело меня по этой дикой стране. Я больше не чувствовала этой связи... И услышала злорадный смех.

— Она сама себе сделала это,— сказал Хальзе.— Она вос-

пользовалась своей силой, и это уничтожило ее. Ухаживай за своей невестой, пока еще можешь, Херрел. Скоро она совсем превратится в тень!

— Что ты с ней сделал?— Херрел промчался мимо Хирона и схватил Хальзе. Его руки сомкнулись на горле противника, и оба снова повалились наземь.

Остальные, наконец, оторвали Херрела от его врага и крепко держали, несмотря на все его старания освободиться и снова наброситься на Хальзе, лежащего на земле и тяжело дышащего.

Потом Хирон сказал:

— Мы поступили так честно, как только могли, но связь разорвана, и другая Джиллан исчезла...

— Куда?

— Она там, куда мы не можем последовать за ней. Она отправилась в другой мир, и когда связь оборвалась, она вернулась обратно в свой родной мир.

— Вы создали ее. На вас лежит обязанность вернуть ее обратно — или вы совсем потеряли всякое понятие о чести!— Херрел освободился.— Я требую все. Джиллан требует все, и ты присягнул нам в этом,— сказал он Хирону.— Теперь выполняй свои обязательства!

Херрел подошел ко мне и коснулся меня рукой, но я не почувствовала его прикосновения. Я пыталась поднять руку. Она была тонкой и прозрачной. Связи больше нет... Я была слаба, бесконечно слаба и опустошена, и никогда больше ничего не буду ощущать...

— Другой мир,— повторил Херрел.— Пусть будет так! У тебя есть ключ к двери в этот мир, Хирон. Открой дверь или с этого времени ты станешь клятвопреступником.— Он взглянул на остальных членов отряда, выстроившихся в ряд.— Все вы клятвопреступники.

— Ты не знаешь, чего требуешь,— возразил Хирон.

— Я очень хорошо знаю, чего требую: это ты нарушаешь договор. Я требую, чтобы нас обоих провели через ту дверь, и требую, чтобы вы своими силами поддерживали Джиллан, пока договор не будет выполнен. Вы допустили несправедливость и теперь должны помочь исправить ее.

Хирон устался на него, словно не веря своим ушам. Среди Всадников возникло движение и послышалось перешептывание, но Херрел не обратил на это никакого внимания. Все его внимание сосредоточилось на предводителе.

— Мы не можем сделать это здесь и сейчас,— ответил Хирон.

— А где и когда?— спросил Херрел.

— В башнях.

— В башнях!— Херрел явно не поверил — Вы сделали это в глуши, вдали от Врат, так почему же сейчас вы говорите, что ей надо вернуться назад? Так можете вы открыть для нас дверь в другой мир?

— Ты требуешь, чтобы мы помогли ей, как только сможем, но она должна пройти в дверь и я не уверен, что мы сможем по-

мочь ей в этом. А мы, кроме всего прочего, должны еще и сами закрепиться здесь, иначе можем потерять все.

Но все это я видела словно во сне. Руки Херрела обнимали меня и мы ехали дальше.

— Джиллан, ты должна держаться за жизнь. Джиллан... Джиллан, посмотри вокруг. Джиллан!

Солнце? Но ведь была ночь и двое мужчин — или звери? — сражались друг с другом. К моим губам прижался флакончик, и голос приказал мне выпить. Я послушалась, и туман перед моими глазами быстро исчез. Руки Херрела держали меня, и мы ехали галопом. Накидки развевались на плечах у всех, кто ехал с нами. И теперь был день.

— Держись, Джиллан! — Это было желание Херрела, его голос и укрепляющее средство, которое меня поддержало. Но я воспринимала окружающее словно в каком-то сне и оно не имело ко мне никакого отношения.

А потом оказалось, что я уже не сижу на лошади, а лежу на кровати или кушетке и Херрел лежит возле меня. Вокруг этой кровати поднимался дым, клубящийся, волнующийся дым, который наплывал и окутывал меня, пока я сама тоже не заklubилась, не воспарила и не стала его частью.

А потом... на земле лежала серо-белая зола, искалеченные деревья с серо-белыми остатками листьев Джиллан! Я должна была найти Джиллан! Где в этом чужом мире мне найти Джиллан? Джиллан? Моя воля задавала этот вопрос, Джиллан, где ты? Никакого ответа. Я пошла по этому пепельно-серому лесу все дальше и дальше. Я оглядывалась вокруг, но тут не было ничего, кроме этого мертвого леса, в сером свете ничего не двигалось.

Как долго я блуждала? Между деревьев внезапно появились тени, и они напоминали те, которые однажды уже напугали меня в этом лесу. И страх снова вернулся ко мне.

По воздуху ко мне спланировало крылатое существо с морщинистой кожей и головой, которая на три четверти состояла из огромного клюва.

Джиллан!

Я уставилась на эту странную птицу. Она летала передо мной. Джиллан. . . идем . . . идем..

Я снова взглянула на это крылатое существо, оно хотело вести меня? Я с трудом сформировала в своем сознании вопрос:

— Кто ты?

Существо торопливо ударило крыльями.

— Идем . . . идем . . .

В таком случае хоть такой проводник в этом сером лесу будет лучше, чем вслепую блуждать здесь. Может быть, это была ловушка, но я, снова взглянув на птицу, не почувствовала беспокойства. Планирующее существо вывело меня из леса, провело через густой кустарник и вывело на равнину. Я подумала об опасностях, поджидающих меня здесь, но голоса в своей голове я больше не слышала. Я все еще пыталась вызвать свое другое

«я», но не получила никакого ответа.

А потом... Джиллан? Я вынуждена была ухватиться за куст. Ответ! Но не от птицы надо мной, а откуда-то впереди меня. Я побежала. На этот раз меня потянуло так сильно, что я не могла больше сбиться с этого пути.

Это продолжалось до тех пор, пока я не заметила, что осталась одна, и та странная птица, которая вела меня через лес, больше не сопровождала меня. В этом больше не было необходимости, теперь у меня был гораздо более лучший проводник.

Я выбежала на площадку, окруженную высокими стенами, но надо мною было только небо. И здесь все было не серым, а бледным, появился желтоватый свет. Я остановилась и осмотрелась.

— Джиллан?— Мои губы шевельнулись в первый раз, и я попыталась заговорить вслух.

Но на этой площадке мне ответило такое эхо, что я прижала ладони к ушам, потому что оно стало для меня чужим и больше не было моим.

Она вышла на мой зов, но не одна и не две, и они шли сквозь свет — Джиллан, стократно отраженные в бесконечный ряд.

Стройное тело с бледной кожей, ребра пересекал красный след от меча воина Алисона, на руке след от зубов чудовища, почти полностью залеченный. Темные волосы падают с высоко поднятой головы — я видела саму себя, но не одну, а множество. И все они отвечали мне тысячами голосов, которые говорили одно и то же.

— Я здесь.

— Ты должна найти среди нас ту Джиллан, которую ищешь,— услышала я голос в своей голове.— Если можешь, используй силы, которые в тебе...

Я увидела тень у Врат, увидела зеленые глаза. Это был человек или это была кошка?

— Ищи, Джиллан.... Я охраняю Врата...

И я вошла в свет, который становился все ярче, чтобы среди множества Джиллан найти ту, которая нужна была мне. Я встала перед ними всеми, закрыла глаза и сосредоточилась, используя всю свою силу воли на поиске искры истины в бесконечном ряду видений. Я не должна была думать ни о чем, кроме поисков настоящей Джиллан.

Я больше не была телом на двух ногах и с двумя вытянутыми руками, которые у него имелись. Я была теперь бестелесным желанием и стремлением. Я больше не видела, не чувствовала, не думала. А потом я снова внезапно стала Джиллан. Другой Джиллан. Я была в ней, заполнила ее пустоту. Но мой триумф был только искрой, которая быстро погасла. Я все еще была неполной. Хотя и нашла свою Джиллан среди всех других Джиллан, которые висели в этом насыщенном светом воздухе, но теперь я должна была доставить ее к той Джиллан, из которой я ушла.

Я снова двинулась сквозь раздражающе яркий свет, а потом

мои ноги споткнулись обо что-то, что лежало на земле. Я споткнулась, упала и легла возле Джиллан, которой я была раньше. Мои пальцы коснулись холодного тела. Глаза ее были открыты, но в них не было жизни. Она не дышала. Она была мертва.

Мне, кажется, я закричала, положив руки на безжизненное тело Джиллан. Выиграли ли они, Всадники-Оборотни?

Я уставилась в мертвое лицо. Я была изгнана из своего тела и помещена в ту Джиллан, которая, хотя и была частью меня, но была созданием Всадников, и я не стану полноценной до тех пор, пока не вернусь в свое настоящее тело, в тело, которого касалась своими руками. Но как?

Меня называли колдуньей, колдуньей, которая не владела своим искусством.

Впервые обе Джиллан были рядом друг с другом, тело к телу. Как это началось? С Джиллан, в которую попала стрела и которая осталась лежать под деревьями, в то время как Другая Джиллан была уведена зверями: смерть или жизнь... Одна Джиллан умерла здесь, чтобы дать жизнь другой Джиллан. Джиллан, в которой сейчас была я. Следовательно, теперь эта Джиллан должна была умереть, чтобы другая снова смогла ожить. Но как? У меня не было никакого оружия...

Херрел потребовал от Всадников, чтобы они мне помогли. Хирон, дай мне смерть! Но не было никакого ответа. Мои мысли искали Херрела. Тот мог дать мне смерть, которая означала жизнь. Я поползла назад к Вратам, с трудом таща за собой безжизненное тело Джиллан.

— Херрел...

Я услышала слабый ответ, поползла дальше, и наконец, добралась до Врат. Тут была тень, которая обещала охранять Врата, и ее окружали другие тени, те, которых я боялась в том непельно-сером лесу. Гнев наполнил меня, и я не знала, проснется ли во мне пылающий факел моих сил, когда я устремилась к этим телам, но они отступили и побежали назад.

Я вернулась к Вратам, и зеленые глаза взглянули на меня.

— Ты... не она...

— Я — другая, — начала я.

Тень вздрогнула.

Где она?

— Там... — Я указала на тело, которое затащила из света.

Он покачнулся. Его призрачная фигура изменилась, теперь он стал мужчиной, который опустился на колени так же, как я опустилась на четвереньки.

— Она мертва, — прошептал он.

— Послушай меня, Херрел! Сделай что-нибудь с Джиллан, в которой я нахожусь, убей ее для меня в этом мире. Ведь если я буду снова убита, произойдет так, что снова оживу, но уже в том теле.

Я не была уверена, что он понял меня или даже услышал. Я стояла возле тела мертвой Джиллан, а потом он глянул на меня и глаза его яростно блеснули. Он больше не был кошкой, а приз-

рачным человеком с мечом-тенью и он ударил.

Боль разорвала меня, боль, которая разорвала меня надвое.

Золотистый свет, и в этом свете я должна была найти другую Джиллан. И я нашла ее. Я лежала на холодном камне, потом стала приподниматься. Я видела перед собой белое тело, которое медленно исчезало, словно таяло в тумане. Их Джиллан — фальшивая. Я снова существовала и стала полноценной! И больше не чувствовала себя опустошенной, наконец почувствовала, как мои руки коснулись настоящего тела.

Херрел! Я огляделась. Тень, чей меч освободил меня, исчезла.

— Херрел! — Эхо моего крика отдалось в моих ушах, но не было никакого ответа. Нужно ли мне теперь искать Херрела, как он до этого искал мое другое «я»?

Передо мной появилась тень лошади.

— Идем... — Это был властный приказ. Но я не повиновалась ему.

— Херрел? — Это одновременно был вопрос и отказ.

Жеребец нетерпеливо вскинул голову и замолк.

— Где он?

— Убежал от того, что сделал здесь.

— Но он же освободил меня!

— Для него Джиллан погибла от его руки.

— Нет! — Мне все было ясно, и я не могла поверить, что Херрел не смог понять правды.

— Ну, а теперь идем. Мы не можем держать дверь между мирами открытой долго.

— А Херрел?

Жеребец, который был Хироном, снова вздернул голову.

— Он сам решил прийти сюда, хотя знал об опасности. Он сам определил свою судьбу...

— Нет и нет! Херрел должен идти с нами.

— Тогда ты тоже выбрала свой путь, колдунья...

— Вы же поклялись помочь нам!

— Это конец всем клятвам. Теперь у тебя есть свое собственное «я», которое Херрел добыл для тебя. Но даже наши объединенные силы не могут держать Врата долго открытыми. Идем назад к жизни или иди в ничто меж временем и пространством.

Он поставил меня перед выбором. Я не была связана клятвой, но знала, что не смогу сделать шага, который поведет меня к жизни, если рядом со мной не будет Херрела.

Я взглянула на призрачного Хирона.

— Подержи Врата открытыми столько, сколько сможешь. Может быть, я найду еще что-нибудь, что является частью Джиллан или частью ее жизни и о чем я не знала раньше.

Призрачный жеребец стоял неподвижно и золотистые глаза, которые были в нем самым живым, серьезно смотрели на меня.

— Это твой выбор, колдунья, — а потом тень Хирона покачнулась и исчезла.

А теперь я должна была спросить у себя самой, чем был для меня Херрел. Я думала о первой нашей встрече в свадебном ту-

мане, когда он подошел ко мне, потому что я выбрала его накидку. Он был выше меня, стройный, с гладким лицом юноши и глазами такими же старыми, как горы Великого Халлака. Это был первый Херрел, которого я знала. Потом была дикая кошка, лежащая на освещенной лунным светом кровати и проснувшаяся, учуяв опасность, когда нас опутали сети злого колдовства. Это был второй Херрел. Потом снова была кошка, которая устремилась в бой с врагами из Ализона и после боя вернулась в человеческий облик, чтобы защитить меня от гнева Всадников-Оборотней. Был следующий Херрел, который ухаживал за мной и которого я оттолкнула от себя, и Херрел, который, как чудовище, напал на меня и поранил руку. Херрел, который заботился о моей ране и засыпал меня целебными листьями. Херрел, который ехал со мной по лесной долине и вечером ждал восхода луны, рассказывая мне о своей стране и своем одиночестве... Кто же все-таки этот Херрел? Это другая часть меня, и без него все мои последующие дни будут пусты, как были пусты дни без другой Джиллан.

Я устремила все свои мысли, чтобы найти Херрела. И почувствовала, что меня куда-то тянет. Я полностью сконцентрировалась на этом чувстве и воспользовалась им как проводником. Но оно вело меня не обратно, в пепельно-серый лес, а в холмистую местность.

Я не знаю, как долго шла, пока, наконец, не увидела вдали туманную фигуру.

— Херрел!

Туманная фигура остановилась. Я мысленно окликнула его, потом снова и снова звала, и он пошел ко мне.

— Кто ты? — с трудом спросил он. — Кто ты? — Палец его шевельнулся и начертил в воздухе символ.

Вспыхнул голубой огонь, такой яркий, что он ослепил меня и я крикнула:

— Я Джиллан! В самом деле, Херрел, я — Джиллан!

Лицо его все еще было туманным, но глаза его пристально всматривались в меня.

— Я убил Джиллан...

— Ты соединил нас! — Я подбежала к нему. — Другая Джиллан должна была умереть, чтобы мы снова стали одним целым, и это произошло при помощи твоего меча.

— Джиллан... Но что ты тогда делаешь здесь? Врата... — Он выпрямился. — Они не могут держать Врата открытыми так долго...

— Это же мне сказал и Хирон, — без раздумий ответила я.

Он снова взглянул на меня своими зелеными глазами.

— Хирон... Он сказал тебе это! Но почему тогда ты не ушла?

— Мне вернуться? Ты хочешь бросить меня?

На его туманном лице не было никакого выражения, и в зеленых глазах тоже ничего нельзя было прочесть. Может быть, его путь не был моим? Между нами воцарилось молчание, потом я отважилась нарушить его:

— Если эта дверь закроется, есть ли другая, которую мы можем открыть?— Нет, я не ждала, что он сможет мне ответить на этот вопрос, а только надеялась, что мне удастся отвлечь его от тяжелых мыслей.

— Я этого не знаю. Хирон напрасно обнадежил тебя, сказав об этом...

— Хирон ни о чем не предупреждал меня. Но я уже раньше была в этом мире, и мне все это представляется сном. Но ото сна можно проснуться.

— Сон?— Он шевельнулся и снова ожил, протянул мне руку, словно хотел придвинуть меня к себе, но я почувствовала только прикосновение чего-то туманного: тень, а не плоть. Херрел отпрянул назад:

— Что это?— прошептал он.

— Для меня ты всего лишь тень,— поспешно ответила я.

Он поднес свою руку к глазам, словно хотел убедиться в ее реальности.

— Но она настоящая, из мяса и костей.

— Для меня ты всего лишь тень,— повторила я.

— Сон!— Он ударил своим нереальным кулаком по камню. Если мы теперь попали в мир снов...

— Как же нам тогда вернуться?

— Да, пробуждение... Расскажи мне все, что можешь, об этом мире!

Я не знаю, почему он этого хотел, но повиновалась и рассказала о лесе и появлении птицы.

— Птица?— прервал меня Херрел.— Ну, что ж, они не нарушили своей клятвы. Это был проводник, посланный отрядом.

Когда я закончила свой рассказ, Херрел некоторое время задумчиво молчал.

— Если это сон,— сказал он наконец,— тогда мы оба все еще лежим в одной из Серых Башен. И если мы не сможем проснуться, то потеряем все. Чем глубже наш сон, тем меньше шансов проснуться.— Херрел поглядел вдаль.— Если нам удастся вернуться в наше время, наш мир и наши тела, значит, мы все еще частично связаны с ним. Может быть, мы сможем проснуться, если снова попытаемся объединиться с нашими телами, находящимися там. Я не вижу другого пути.

— Но я не вижу никакой четкой картины, на которой я могла бы сконцентрироваться...— Я только бегло вспомнила кровать, которую установили в одной из Серых Башен, кровать, на которой лежала я, а рядом лежал Херрел.

— Я знаю одно!— Он положил свою руку на мою, и я почувствовала прикосновение, словно к плоти прикоснулось перышко.— Слушай меня внимательно...

Он в подробностях описал мне свое помещение в одной из башен, пока я сама не увидела его часть за частью.

— Теперь ты видишь, Джиллан?

— Ты заставил меня увидеть это. А что теперь?

— Теперь мы оба сделаем то, что делали уже прежде. Мы

направим всю волю на то, чтобы вернуться в наши спящие тела и проснуться. Начнем!

Я закрыла глаза и представила комнату, которую Херрел обрисовал мне. И в центре этой комнаты кровать, на которой лежала Джиллан. Это была Джиллан, которую я должна была найти. Я сконцентрировалась на этой Джиллан, не только на ее спящем теле, но и на всем остальном, что было от Джиллан и что во сне так далеко отошло от этого тела...

Я проснулась. Но действительно ли я спала? Я испугалась, что когда открою глаза, то снова увижу свет чужого мира. Собрала все свое мужество...

Я взглянула на серые, очень древние стены и увидела настенные занавесы, полинявшие от времени. Я проснулась! Джиллан снова стала Джиллан, и я знала, что, наконец, снова стала совершенно полноценной.

Херрел! Я быстро повернула голову, чтобы увидеть того, кто лежал рядом со мной на кровати. Херрел был тут, и он был словно мертвый. На нем была кольчужка, его сильные руки покоились на рукоятке обнаженного меча. Шлем его лежал рядом с головой.

— Херрел?— Встав, я увидела, что одета в богатую одежду из зеленой и серебристой ткани, вышитой маленькими молочно-белыми драгоценными камнями, которые вспыхивали светом при каждом моем движении.

Я озабоченно склонилась над Херрелом.

— Херрел!

Он открыл глаза.

— Да...

Он отложил свой меч в сторону, чтобы протянуть руки и привлечь меня к себе. Несколько мгновений мы лежали, прижавшись друг к другу, потом я нашла его губы, охваченная желанием, которое было так же велико, как и его.

Потом он немного отстранил меня от себя, и взгляд его стал изучающим, но губы улыбались.

— Мне кажется, моя дорогая леди, что в этой войне мы стали друг для друга хорошими товарищами, а теперь нам надо постараться быть ими и в мирное время.

Я тихо рассмеялась.

— Я буду твоей верной спутницей, мой храбрый Лорд!

Он встал с кровати и помог встать мне. Длинные складки на моем платье из тонкой материи, которое было на мне, тяжело спадали к моим ногам и мешали мне двигаться.

— И все это великолепно для меня,— засмеялась я.

Херрел посмотрел вниз.

— Они сочли нас мертвыми и оказали нам последние почести, которых никогда не оказывали нам, когда мы были живыми.

Внезапно у меня появилось ощущение, что это тяжелое платье связывает меня с прошлым. Я отпустила руку Херрела, и мои пальцы стали быстро расстегивать застежки и развязывать завязки, пока я, наконец, смогла снять это тяжелое великолепие и осталась в коротком нижнем белье. Я бросила это великолепное платье на кровать.

Херрел взглянул на меня.

— Мы уже идем?— И его рука снова нашла мою руку.

— Куда, мой Лорд?

Он улыбнулся.

— На этот вопрос я не могу дать ответа, потому что сам не знаю его. Знаю только, что мы покидаем этот мир и других Всадников, чтобы самим искать свое счастье. Ты хочешь этого?

— Да. Ты выбрал свой путь и он будет моим путем.

Херрел снял пояс и бросил его к мечу, своему шлему и моему платью, лежащему на кровати.

— Мне эти вещи больше не понадобятся.

Херрел провел меня через длинный коридор и дверь во двор. Снаружи была ночь: светила луна и блестели звезды. Вокруг нас поднимались семь Башен. Ничто не двигалось, когда Херрел и я подошли к стойлу, в котором стояли серо-черные пятнистые лошади Всадников. Он ввезд и вывел наружу мою кобылу и своего жеребца, и мы провели животных за собой, пока не вышли через ворота наружу.

— Кто идет?

Из-под темного навеса портала вышел Хирон, и обнаженный меч в его руке ярко блеснул в лунном свете.

— Да, кто идет?— ответил мой суженый.— Назови наши имена, если ты нас узнал.

Предводитель Всадников-Оборотней взглянул на нас. Он не выказал никакого удивления.

— Итак, вы нашли путь назад...

— Мы нашли его. И теперь мы прошли через другую дверь,— он указал на портал позади Хирона.

— Ты Оборотень по крови и эти Башни твой дом.

Херрел покачал головой.

— Не знаю, кто я, но я не принадлежу к вам, и Джиллан тоже не принадлежит. Поэтому мы уходим, чтобы узнать, кем являемся на самом деле.

Хирон на мгновение замолчал, потом несколько неуверенно произнес:

— Ты — один из нас...

— Нет,— Херрел во второй раз отрекся от своего родства с Всадниками-Оборотнями.

Ты хочешь уйти к своей матери?

Ты этого боишься? Ты, который никогда не хотел признавать себя моим отцом?— ответил Херрел.— Я же сказал тебе, мне не нужен никто из вас — ни мать, ни отец. Теперь ты позволишь нам пройти через ворота?

Хирон отошел в сторону.

— Как хотите,— голос его был так же лишен выражения, как и его лицо.

Херрел и я выехали из ворот и ни один из нас не оглянулся назад. И это были последние ворота между нашим прошлым и нашим будущим. Нас было только двое: Джиллан и Херрел. И этого было достаточно.

КРИСТАЛЛ С ГРИФОНОМ

КЕРОВАН

Родился я дважды проклятым. Во-первых, моим отцом был Ульрик, лорд Ульмдейла на севере. И о нашем роде рассказывали ужасные истории. Моим дедом был Ульм, который привел свой народ в эту северную долину, разогнал морских разбойников, основавших Ульмпорт, и ограбил одно из зданий Прёжных, забрав оттуда все сокровища. Все знали, что это не простые драгоценности, так как они светились в темноте. После этого грабежа не только Ульм, но и все те, кто был с ним в том набеге, чем-то заболели и многие из них умерли. К моменту моего рождения мой отец уже достиг среднего возраста. До моей матери у него были две жены и дети от них. Но эти дети или умирали при рождении или же покидали этот мир в раннем детстве. Это были слабые болезненные создания. Но отец поклялся матери иметь наследника и поэтому он предпочел ее своей второй жене, когда ему показалось, что он уже никогда не дожидется от нее наследника. Род моей матери тоже наложил на меня проклятие. Ее звали леди Тифана, дочь Фортала из Пальтендейла, расположенного дальше на северо-западе. Когда народ наш пришел в эти края, то нас предупредили, что здесь еще остались Прёжные, которые выглядят совсем не так, как наши люди. Они вступили в связь с пограничными жителями и в результате на свет появились те, что были людьми лишь наполовину. Но мой отец страстно хотел иметь наследника. Тифана недавно овдовела и родила прекрасного ребенка, которому уже было два года. Звали его Хлимер. Мой отец не стал слушать разные слухи о кровосмешении с чужой расой и с полным уважением приветствовал леди. Насколько я знаю, она тоже желала соединиться с моим отцом, не обратив внимания на то проклятие, которое лежало на нашем семействе за похищение сокровища Прёжных. Мое рождение произошло раньше срока и при странных обстоятельствах. Моя мать направлялась в святилища Гуппоры, чтобы принести свои дары и попросить сына и легкие роды. Но после дня пути у нее неожиданно начались схватки. Там не было никакого пристанища, и к тому же надвигалась буря. Поэтому ей и всей свите пришлось укрыться в том месте, которое обычно избегали все люди — в одном из тех странных и внушающих страх строений, что остались от Прёжных, владевших

этими долинами задолго до того, как сюда пришли люди с юга. Это строение было в прекрасном состоянии, как и все другие, созданные неизвестным народом. Казалось, что Прежние использовали заклинания, чтобы скреплять каменные плиты между собой, и их строения не только были неподвластны времени и погоде, но и создавалось впечатление, что их покинули только вчера. Никто не мог сказать, для какой цели они служили. На их внутренних стенах виднелись изображения мужчин и женщин, точнее тех, кто выглядел, как мужчины и женщины. Роды были очень трудными, и женщины опасались за жизнь моей матери. А когда она родила, они пожалели, что я появился на свет, так как когда мать увидела меня, она вскрикнула, потеряла сознание и почти лишилась разума. И еще несколько недель после этого она была не в себе. Я был не таким, как другие дети. Мои ноги были без пальцев: они скорее напоминали копыта, маленькие, раздвоенные, покрытые роговой оболочкой, как ногти на пальцах. Над глазами наклонно располагались брови, а сами глаза имели янтарный цвет, какого никогда не было у людей. Поэтому каждый, глядя на меня, хотя я был крепче и сильнее моих несчастных братьев и сестер, родившихся до меня, знал, что на меня наложено проклятие. Но я не заболел и не умер. Напротив, я рос и становился все сильнее и сильнее. Но мать не желала видеть меня. Она заявила, что демоны подменили ее дитя еще в чреве. А когда ей приносили меня, она впадала в такое состояние, что все начинали бояться за ее рассудок. Вскоре она объявила, что у нее нет детей! Кроме Хлимера и позднее моей сестры Лизаны — прекрасной маленькой девочки без малейших отклонений от нормы. И в ней моя мать находила утешение. Что касается меня, то я не жил в Ульмдейле. Меня отослали на воспитание одному из лесников. Однако, хотя мать и отказалась от меня, отец все же навещал меня изредка, правда не представляя никому из родственников. Он дал мне имя Керован. Это имя носил известный воин нашего рода. Отец следил за тем, чтобы меня обучали владению оружием. Для этого он прислал ко мне Яго, одного из бедных дворян, который долго служил моему отцу, пока падение с горы не сделало его неспособным более выполнять свои обязанности. Яго был настоящим воином. Он являлся не только мастером военного дела, которому можно обучить любого юношу с сильным телом и острыми глазами, но и владел более тонким искусством повелевать — искусством полководца. Он был вынужден в результате увечья вести совсем иную, чем прежде, жизнь. Теперь он заставлял работать свой мозг, как раньше он заставлял работать свое сильное тело. Нередко, просыпаясь ночью, я заставлял его над куском гладкой коры, на которой он вырезал ножом планы сражений и четким почерком выписывал свои соображения по вопросам ведения войны и осады крепостей. Яго путешествовал больше, чем любой другой житель нашей долины, который за всю свою жизнь отошел от места своего рождения не дальше, чем за три-четыре долины. В юности он плавал по морям с Салкарами, этими опасными морскими грабителями, и бывал в таких полулегендарных землях,

как Карстен, Ализон, Эсткарп... Правда, о последней стране он говорил очень мало и становился беспокойнее, когда я приставал к нему, прося рассказать об Эсткарпе поподробнее. Все, что он мне сказал, это то, что заклинания и колдовство там так же обычны, как у нас колосья на полях, что все женщины там колдуньи и держатся отдельно от мужчин, и что каждый должен ходить там осторожно, с оглядкой и держать язык за зубами. Я всегда вспоминал Яго с теплом и любовью. Он видел во мне просто юношу, а не монстра. Когда я находился рядом с ним, то забывал, что отличаюсь от остальных людей, и был доволен жизнью. Итак, Яго учил меня искусству войны, вернее тому, что должен был знать о ней наследник. Тогда он еще не знал, что такое настоящая война, называя ею поединки между соперничающими лордами или же сражения с бандами преступников, живущих в Пустыне. Зимний голод и холод заставляли их нападать на нас, грабить амбары и пытаться захватить наши теплые дома. Но оказалось, что война имеет гораздо большее значение. Это было страшное занятие и люди по горло насытились ею. Оказалось, что это не игра по заранее разработанным и тщательно соблюдаемым правилам, как игры на доске, которыми развлекались наши люди долгими зимними вечерами. Но если Яго учил меня искусству войны, то Мудрый Человек Вайемен Ривал показал мне, что существуют и другие жизненные пути. У нас всегда считалось, что только женщина может постичь искусство исцеления тела и духа. И Ривал был для своих соотечественников таким же странным, как и я. Жажда знаний у него такая же сильная, как у голодающего стремление добыть кусок хлеба. Иногда он уходил за травами, и не только в ближайшем леса, но даже в Пустыню. Возвращался оттуда с огромным мешком за плечами, которому позавидовал бы любой странствующий торговец. Он был родственником Главного Лесника и мог поэтому бродить по лесам без соблюдения каких-либо формальностей. Люди с опаской смотрели на Ривала, но когда заболело животное или человек мучился от неизвестной болезни, то всегда просили придти именно его. Ривал хорошо знал все травы — и те, что были известны почти всем в долине, и те, что были никому не известны. Он знал о травах все и почти каждый фермер, желающий получить приличный урожай, звал его к себе на поле и просил совета. Но он разбирался не только в жизни растений. Животные и птицы, нуждающиеся в помощи, приходили и летали к нему сами, и он терпеливо лечил их, пока они не выздоравливали. Этого было вполне достаточно, чтобы все люди старались держаться от него подальше. К тому же, все хорошо знали, что он посещает места Прежних и пытается постичь их тайны, о которых наши люди старались даже не думать. Да, его боялись, но именно это и влекло меня к нему. Я был почти как все дети: хорошо слышал, что говорят обо мне без меня, слышал рассказы о моем рождении, о том проклятии, которое лежит на роде Ульма, о том, что в роде моей матери вполне возможно примешана кровь чужой расы. Доказательства и тому, и другому были заключены во мне. Мне было достаточно посмотреть в отпо-

лированный щит Яго, как в зеркало, чтобы увидеть себя. Я направился к Ривалу, внешне гордый и независимый, но испытывающий в душе странный трепет. Он стоял на коленях перед растением с длинными, острыми, тонкими листьями, похожими на копья. Ривал не смотрел на меня, когда я приближался, но заговорил со мной так, будто провел со мной в компании целое утро.

— Язык Дракона, как называют его Мудрые Женщины, — у него был мягкий и слегка вибрирующий голос. — Говорят, что он великолепно залечивает раны, как будто зализывает их языком. Посмотрим, посмотрим... Но ведь ты находишься тут не для того, чтобы разговаривать о растениях, не так ли, Керован?

— Конечно. Люди говорят, что ты знаешь о Прежних.

Он присел на пятки и взглянул мне прямо в глаза:

— Не так уж много. Мы можем смотреть, шупать, изучать... но их могущество... Мы не в силах поймать его в сеть или в западню. Можно лишь пробовать, может что и получится. Знали они очень много, намного больше, чем мы. А мы не можем даже понять, почему они отсюда ушли, когда пришел первый из наших людей — наш предок. Мы их не прогоняли, нет. Их крепости, замки, их Святилища уже были пусты. Они ушли задолго до появления людей и понять, почему это произошло, весьма сложная задача. На это можно потратить всю жизнь и не узнать даже десятой доли.

На его загорелом лице я увидел то же оживление, что и у Яго, когда он показывал хитроумный выпад мечом, или объяснял, как устроить засаду. Ривал изучающе смотрел на меня.

— Что ты ищешь у Прежних? — осведомился он.

— Знания... знания, почему я не такой, как все люди... — я замолчал. Моя гордость не позволяла сказать мне вслух то, что я слышал от других.

Ривал кивнул:

— Знания должен добиваться каждый человек, а знания о себе — тем более. Но я могу не все... Я не могу дать тебе такого знания. Идем...

Он поднялся и направился в свою хижину стелящимся шагом лесного жителя. Не задавая вопросов, я пошел за ним. Так я попал в сказочный дом Ривала. Замерев на пороге, я не мог даже двинуться, лишь смотрел на то, что находилось в доме. Я никогда не видел столько вещей, каждая из которых притягивала мой взор и каждую из которых мне хотелось рассмотреть повнимательнее. В корзинах и гнездах сидели звери и птицы, которые смотрели на меня яркими глазами. Они, казалось, чувствовали себя в безопасности и не собирались прятаться от меня. В шкафах и на полках стояли горшочки, лежали мешочки с тряпками неизвестного предназначения, мешочки с травами и кореньями, валялись осколки каких-то сооружений, собранные по всей видимости в строениях Прежних. В комнате стояли кровать и два стула, расположенные рядом с очагом. Все говорило о том, что главное ее назначение — служить складом, а не жилищем. Ривал стоял посреди комнаты, уверев руки в бедра и что-то отыскивая на

полках пытливым взглядом. Я понюхал воздух. В нем была смесь тысяч запахов. Аромат трав смешивался с запахом зверей и пищи, варившейся в котелке над огнем. И это нельзя было назвать нечистым, неприятным, отвратительным запахом.

— Ты ищешь Прежних — тогда взгляни сюда! — Ривал показал на один из шкафов.

Я прошел между двумя корзинками с какими-то мохнатыми зверюшками, чтобы поближе разглядеть то, что он хотел мне показать. Здесь я увидел россыпь кусочков чего-то и две фигурки. Ривал сложил обломки и склеил их. В фигурках не хватало частей, но уже можно было разобрать, что это такое. Возможно, среди Прежних существовали подобные разнообразным живым существа; а может, они возникали лишь в воображении скульптора — никто не мог утверждать этого наверняка. Одна из фигурок, к сожалению без головы, изображала крылатую женщину, другая — человека на вид самого обыкновенного, если не считать, что на его лбу росли витые рога. Но лицо его было благородное, как у настоящего полноправного лорда. Там же находилась фигурка кого-то с перепончатыми руками и ногами — вероятно, обитателя морских глубин. Еще была маленькая фигурка женщины с такими длинными волосами, что они закрывали ее всю, как плащ. Эти фигурки Ривал постарался расставить хотя бы частично. Чуть сбоку лежали фрагменты — голова с короной, но без носа и глаз, тонкая рука с кольцами на пальцах. И рука и кольца были сделаны из одного и того же материала, названия которого я не знал. Я не стал трогать их, а только стоял и смотрел. Во мне разгорелось страстное желание узнать побольше об этом народе. Теперь я понимал сжигающую Ривала страсть к поискам, его терпеливые попытки восстановить разбитые кусочки, чтобы воочию увидеть то, что делали Прежние... И Ривал тоже стал моим учителем. Я ходил с ним по местам, которых избегали другие люди. Мы искали, обсуждали, делали предположения, надеясь, что когда-нибудь обнаружим ключ, который откроет дверь в прошлое, или хотя бы даст возможность заглянуть туда. Мой отец посещал меня раз в месяц, и когда мне исполнилось десять лет, он впервые заговорил со мной серьезно. Мне было ясно, что его что-то гложет, когда он заговорил со мной. Но я не удивился его откровенности, так как он всегда разговаривал со мной не как с ребенком, а как с человеком, который все понимает. В этот раз он был угрюм и, вероятно, хотел поговорить со мной о чем-то важном.

— Ты мой единственный сын, — начал он и было заметно, что он с трудом подбирает слова. — И ты единственный полноправный наследник моего трона в Ульме. — Затем он надолго замолчал и я не прерывал цепочку его раздумий, которые, как я знал, теснились в его мозгу. — Но есть и те, кто считает иначе...

— Да, есть и такие, — подтвердил я без всяких интонаций, как бы устанавливая факт.

Отец нахмурился,

— Тебе кто-нибудь говорил об этом?

— Никто. Я сам додумался.

Он еще больше посуровел.

— Ты пришел в этот раз к правильному заключению. Я взял Хлимера под свое покровительство, так как его мать стала леди Ульма. Но он не имеет права быть поднятым на щите к трону после моей смерти. Трон принадлежит тебе. Но они заставляют меня сделать так, чтобы Лизана обручилась с Роджером, твоим кузеном.

Я сразу понял, на что он намкает, но хотел услышать это напрямую. Поэтому я без колебаний спросил его:

— И Роджер унаследует Ульмдейл по праву жены?

Рука отца потянулась к рукояти меча и стиснула ее. Он поднялся и стал расхаживать взад и вперед, твердо ставя ноги на землю, как бы готовясь к отражению нападения.

— Это противоречит законам, но они жужжат и жужжат об этом день и ночь, так что я почти оглох в собственном доме.— Я понял, что «они» — это моя мать, которая не считает меня сыном, но я промолчал, и он продолжал: — Поэтому я хочу женить тебя, Керован. По этой свадьбе, свадьбе наследника, все поймут, что я полностью признаю все твои права крови и клана. Через десять дней Плон едет в Икринт с предложением обручить тебя. Там живет очень красивая девушка по имени Джойсан, она на два года моложе тебя. Когда ты будешь женат, никто уже не посмеет отодвинуть тебя в сторону от престола, хотя твоя невеста не придет к тебе до Года Огненного Тролля.

Я быстро прикинул в уме — значит восемь лет. Это хорошо. Свадьба не имела для меня большого значения, хотя отец считал ее делом особой важности. Я подумал, но в тот момент не отважился спросить, скажут ли девушке или ее родственникам, кого ей прочат в мужья? Но внутренне я боялся этой встречи с женой. Однако, я был еще мальчиком и все казалось мне настолько далеким, что об этом можно не думать. Кроме того, может ничего и не получится, тогда и свадьбы не будет. Я не видел Плона, который выполнял поручение отца. Ведь он уехал из Ульма, где я никогда не бывал. А через два месяца появился отец, уже не такой несчастный и озабоченный, как раньше. Он сказал, что Плон уже вернулся и я обручен с невестой, которой я никогда не видел и, возможно, не увижу до дня свадьбы. Поглощенный занятиями, я совершенно не думал о будущей жене. Много времени проводил с Ривалом в поисках тайн Прежних. Хотя я был поручен попечению Яго, он не возражал против моих походов с Ривалом. Между ними была старая дружба, несмотря на то, что они разительно отличались друг от друга по своим мыслям и действиям. Годы шли, и мой воспитатель уже не мог противостоять мне в поединках на мечах или топорах. Но в стрельбе из лука он оставался таким же искусным, как и был. Он продолжал вычерчивать карты и разрабатывать планы сражений. И я по-прежнему уважал его, хотя и не видел в таких занятиях особой пользы для себя. Я не желал обижать старика и внимательно слушивал его наставления. Впоследствии эти знания не раз спасали меня. Он так же, как и раньше, без ус-

тали обучал меня ратному делу. А Ривал, казалось, совсем не старился. Он легко ходил по лесам, преодолевал с удивительной скоростью огромные расстояния. Но я так и не постиг его уровня знаний растений, но зато отлично понимал мир птиц и животных. Я перестал охотиться ради развлечения, и находил удовлетворение в том, что дикие животные не боятся меня. Но самое приятное для меня заключалось в посещении мест Прежних. Ривал проникал все дальше и дальше в Пустыню, стараясь обнаружить что-нибудь, сохранившееся от Прежних. Самым большим его желанием, как он мне поведал, было найти какие-нибудь книги или свитки. Я был обручен в Год Змеи Брызжущей Ядом. И чем ближе подходил к тому, чтобы стать мужчиной, тем чаще меня стали посещать мысли о моей будущей леди. В доме Лесника было два мальчика моих лет, но они так и не стали моими друзьями. Не только общественное положение разделяло нас, но я и сам не старался сблизиться с ними, — ведь во мне было что-то нечеловеческое и это не позволяло приобретать друзей. Я подарил свою дружбу только двоим — Яго, который по возрасту годился мне в отцы, и Ривалу, который мог бы быть моим старшим братом, и иногда мне этого очень хотелось. Дети лесника в эти дни направились на осеннюю ярмарку. Они разделились, повязали ленты на камзолы и со смехом поехали в Ульм, громко обсуждая предстоящие приключения. Это нанесло мне сильный удар и я подумал, что когда леди Джойсан увидит меня, то испытает такое же потрясение, какое испытала моя мать. Вдруг она отвернется от меня с отвращением? По ночам меня начали мучить кошмары и Ривал сердечно поинтересовался, какая болезнь гложет меня. И я рассказал ему правду обо всех своих сомнениях, отчаянно надеясь, что он успокоит меня и скажет, что я вижу чудовищ там, где их нет, и что мне нечего бояться, но здравый смысл подсказывал мне, что впереди меня поджидает разочарование, катастрофа. Но Ривал не стал успокаивать меня. Он долго молчал, глядя на руки, которые только что пытались восстановить разбитую фигурку, а теперь спокойно лежали на столе.

— Мы всегда говорили друг другу только правду, Керован. Я тебя хорошо знаю и в спутники выбрал бы только тебя. Но разве я могу обещать, что приведу тебя к счастью? — он помолчал. — Когда-то я шел по дороге, ведущей к свадьбе, и некоторое время я был даже счастлив. Но если твоё отличие от других на виду, то мои отличия находятся внутри. Да, они у меня есть, и я не такой, как другие. И та, с которой я должен был разделить Чашу и Огонь, увидела эти отличия и встревожилась.

— И ты никогда не был женат? — воскликнул я.

— Не был... Но в моей жизни есть другое!

— Что же? — быстро спросил я.

— Это! — и он развел руки, как бы показывая, что находится в его доме.

— Значит, у меня будет также. Я был обручен, так как этого требовали обычаи и спокойствие отца. То, что я слышал о браках, заключавшихся лордами, не обещало мне огромного счастья.

Наследники и лорды женились, чтобы увеличить свои поместья за счет приданого невест, чтобы продолжить свой род. Если впоследствии возникали любовь и уважение, то приходило и счастье в дом. Но так бывало редко.

— Может быть, ты на это способен,— сказал Ривал.— Есть одно дело, о котором я давно думаю и мечтаю. И сейчас пришла пора взяться за него.

— Идти по Дороге! — я вскочил на ноги, как будто намереваясь тут же отправиться в путь, чтобы открыть тайну, так как Дорога действительно была тайной. Мы набрали на Дорогу во время скитаний по Пустыне. Один вид ее заставил бы покраснеть от стыда наших строителей дорог. Ведь у нас дороги представляли всего лишь протоптанные кривые тропы, пригодные для передвижения верхом. Дорога была выложена тщательно подогнанными каменными плитами. В ее начале не было ничего, что могло бы объяснить, зачем она построена. Она просто начиналась в Пустыне примерно в полудне пути от дома Ривала. Дорога вела прямо в Пустыню — широкая, прямая и местами засыпанная желтым песком. Дойти до ее конца было нашим давним желанием. И то, что мы решились на это путешествие, полностью вытеснило у меня мысли о Джойсан. Теперь она была всего лишь звуком, именем, и встреча с ней должна была состояться через долгие годы, а путешествие начаться прямо сейчас. Я ни перед кем не отчитывался в своих действиях, кроме Яго. А он в это время года ездил в Ульм, чтобы встретиться со своими товарищами по оружию и доложить отцу, как обстоят здесь дела. Поэтому я был полностью свободен и мог делать, что хочу. А хотел я пойти по Дороге.

ДЖОЙСАН

Я, Джойсан из Икринта, была помолвлена в Год Змеи Брызжущей Ядом. Вообще-то этот год не считался пригодным для новых начинаний, но мой дядя, лорд Цпарт, обратился за советом к даме Лорлиас из Норстиц Аббы, которая настолько хорошо понимала язык звезд, что к ней приезжали за консультацией даже издалека. Она трижды читала звезды и заявила, что мой брак совершенно необходим для моего же счастья. Сама свадьба меня мало беспокоила, но из-за этого я стала центром долгих и утомительных церемоний. Под конец я настолько устала, что чуть не расслакалась. Когда человеку восемь лет, то ему невозможно вникнуть в думы и тревоги, которые владеют окружающими его взрослыми людьми. Свое обручение я воспринимала, как яркое пышное представление, но не могла понять в нем своей роли. Помню, что я была разодета и украшена жемчугом и драгоценностями. Однако, все мое внимание было занято тем, чтобы выполнить суровые приказы дамы Мат и ничего не запачкать. Платье на мне было голубое, хотя мне никогда не нравился этот цвет. Я больше любила цвета, богатые оттенками, например, цвет осенних листьев. Но голубой — это цвет невесты, и я была вынуждена одеть это платье. Моего жениха здесь не было и он не выпил со мной Чашу Жизни и не зажег Свечу Дома. На его месте был че-

ловек такой же суровый, как и мой дядя. Он показался мне очень старым, так как его борода уже была подернута серебром. На его руке я помню ужасный шрам и я очень боялась, когда он взял меня за руку во время церемонии. В другой руке он держал огромный боевой топор, символизирующий моего настоящего жениха, который должен был соединить свою судьбу с моей. Правда, моему жениху нужно было прожить еще по крайней мере лет шесть, прежде чем он сможет поднять такой топор.

— Лорд Керован и леди Джойсан! — прокричали гости и обнажили ножи. Их лезвия зловеще засверкали в свете факелов. Гости поклялись доказывать в будущем законность этого обручения, даже если придется прибегнуть к оружию. От страшного шума у меня заболела голова. Возбуждение прошло и я как во сне дождалась конца празднества. Старый лорд Плон, представляющий на свадьбе моего жениха, ел со мной из одного блюда. И хотя он спрашивал меня, что я желаю из кушаний, находившихся на столе, я настолько боялась его, что не могла произнести даже слова, и он выбирал блюда, совершенно не соответствовавшие моему вкусу. Мой желудок отчаянно протестовал против насилия и меня едва не стошнило. Чуть позже женщины уложили меня в одной ночной сорочке на громадную кровать с балдахином. Мужчины во главе с моим дядей принесли этот ужасный топор и положили его рядом со мной, как будто это был действительно мой жених. Такой была моя помолвка. После она уже не казалась мне странной, просто это было трудно понять ребенку. И только этот топор, который был моим партнером по брачному ложу, являлся предвестником того, что придет не только ко мне, к моему дому, но ко всей нашей стране, к Высокому Халлаку. После отъезда лорда Плона жизнь возвратилась в прежнюю колею. По обычаю я должна была продолжать жить под родительским кровом, пока не достигну определенного возраста и мой лорд не призовет меня к себе. Но незначительные изменения все же произошли. На больших празднествах я теперь сидела по левую сторону от дяди и ко мне обращались, называя меня — леди Ульмдейла. На моей праздничной одежде теперь был не только один герб моего дома, а два, разделенные центральной золотой лентой. Слева был изображен прыгающий Грифон Ульмдейла, а справа — Сломанный Меч Харба, знаменитого воина, основателя нашего рода в Высоком Халлаке, прославившего его, победив сломанным мечом ужасного Дракона Пустыни Ирр. В мои именины, как только погода позволяла пуститься в дорогу, приходили подарки от лорда Керована с приветствиями и поздравлениями. Но сам Керован как бы не существовал для меня в плоти и крови. С тех пор, как умерла жена моего дяди, он поручил управление замком Икрянт своей сестре даме Мат. И она занялась моим воспитанием. Вот этому, этому и этому необходимо научиться, чтобы я была отличной хозяйкой, когда войду в дом своего мужа. Заданий становилось все больше и больше и они были все труднее по мере того, как я росла. Иногда у меня возникало желание ничего не слышать об Ульмдейле, о наследнике, и никогда не выходить замуж. Но от

дамы Мат с ее чувством долга я ускользнуть не могла. Я совсем не помнила жену дяди. У него почему-то не было наследника и за годы, прошедшие со дня смерти жены, он так и не женился. Я иногда думала, что он не осмеливается хоть на немного принизить значение дамы Мат. То, что она умела управлять замком и приносила мир и покой всем, кто жил под ее правлением, никто не мог отрицать. Все в замке было в полнойшем порядке. В юности я никак не могла поверить, что леди Мат, так же как и я — с помощью топора — была помолвлена с лордом из южных долин. Но прежде, чем она стала его настоящей женой, пришла весть, что он скончался от тяжелой болезни. Никто не знал, как она переживала эту потерю. Но когда миновало время траура, она удалилась в Женский Монастырь в Норетиде, основанный для успокоения женских душ. Но смерть жены ее брата произошла до того, как она приняла суровые обеты, и она вернулась в мир, чтобы исполнять обязанности домоправительницы в Икринте. Она всегда носила скромную строгую одежду и дважды в год путешествовала в Норсдейл на поклонение, а когда я стала старше, она и меня брала с собой. Вопрос о наследнике дяди не был решен, он еще не объявил его. У него была младшая сестра, которая имела сына с дочкой. Но сын был наследником своего отца, и дядя не мог назвать его своим наследником. Я была дочерью его младшего брата, но как девочка, не могла наследовать Икринт, кроме как по его завещанию, которого он еще не оглашал. Мое приданое было достаточным, чтобы привлечь хорошего мужа, и дядя мог, если бы захотел, впрочем — это даже было его долгом, назвать наследником моего мужа. Я думаю, что дама Мат хотела бы видеть меня в монастыре. Она желала, чтобы моя свадьба никогда не состоялась. И по правде говоря, наши поездки в Норсдейл мне нравились. От рождения я обладала пытливым умом и это привлекало ко мне внимание аббатисы Мальвины. Она была стара и очень мудра. Поговорив со мной, она предоставила мне право заниматься в монастырской библиотеке. В ее шкафах хранились громадные сокровища — свитки с записями о путешествиях, о войнах, о прошлом. Эти истории околдовывали меня. Но больше всего меня увлекли упоминания о Прежних, которые правили этой страной до того, как наши люди пришли на север. Я хорошо знала, что эти упоминания дошли до нас в отрывочной и искаженной форме, так как Прежние покинули эти места до того, как здесь появились первые люди. Наши предшественники общались только с отдельными оставшимися представителями Прежних, которые, возможно, были оставлены для того, чтобы запутать наше представление о них. Некоторые из них были злом, врагами людей, как тот дракон, которого прикончил Харб. Остались места, в которых колдовство притаилось, и человек, по глупости оказавшийся там, мог попасть в его сети. Другие, оставшиеся от Прежних, заслуживали благодарности и даров. Такова была Гуппора — Мать Плодородия — ей поклонялись все женщины, и ее могущество могло сравниться с могуществом Очищающего Огня, которому был посвящен Женский Монастырь. Я сама носила

амулет Гуппоры — зернышко, соединенное с засушенным фруктом. Остальные не были ни хорошими, ни плохими. Они не укладывались в человеческие стандарты. Иногда они проявляли удивительную капризность: одним делали добро, другим — зло, как будто взвешивали людей на весах и, оценив их, затем соответственно обращались с ними. И очень редко удавалось войти в контакт с кем-нибудь из Прежних, кроме Гуппоры. Иногда я отыскивала аббатису Мальвину в ее маленьком садике и расспрашивала ее. Она отвечала, если могла, а когда не знала ответа, то сразу же признавалась в этом. Во время нашей последней встречи я нашла ее сидящей с каким-то сосудом, поставленным возле ее колена. Сосуд был из зеленого камня и сделан так искусно, что казалось, ее пальцы просвечивали сквозь камень. На нем не было никаких украшений, но его линии были настолько изящны и четки, что сосуд являлся настоящим произведением искусства. На самом доннышке сосуда было вино. Я знала, что это вино, так как мне в нос ударял его терпкий запах. Вино, нагретое ее пальцами, пахло виноградом. Мальвина медленно покачивала кубок и вино омывало его стенки. Аббатиса не смотрела в кубок, она испытующе смотрела на меня. Мне стало как-то неловко и я старалась припомнить, не совершила ли я каких-либо прегрешений.

— Я много раз пыталась это сделать, Джойсан. И сегодня утром я проснулась с желанием повторить попытку для тебя. В юности у меня был дар предвидения, это действительно дар, хотя многие в этом сомневаются. Многие, кто боятся того, что нельзя попробовать на вкус, потрогать, услышать. Этим даром нельзя управлять. Те, кто им обладает, не могут вызвать его, они должны терпеливо ждать, когда он сам проявит себя. И сейчас, если ты желаешь, я могу попытаться использовать его для тебя, но получится ли что-нибудь у меня, не знаю.

Меня охватило возбуждение. Я слышала о даре предвидения. Им обладают Мудрые Женщины — вернее, некоторые из них. Но, как сказала аббатиса, этот дар нельзя натренировать, заострив, чтобы он всегда был готов к использованию, как меч мужчины или игла женщины — им можно пользоваться только тогда, когда он приходит, и бесполезно пытаться управлять им по собственному желанию. Но к моему возбуждению примешивался страх. Одно дело читать, слушать рассказы о таком могуществе, и совсем другое — видеть его в действии и применительно к себе. Но даже страх не заставил меня сказать «нет» в ответ на ее предложение.

— Встань передо мной на колени, Джойсан. Возьми сосуд двумя руками и держи его ровно.

Я сделала, как приказала аббатиса. Затем Мальвина наклонилась вперед и притронулась пальцами правой руки к моему лбу.

— Смотри в вино, думай, что это картина... картина...

Странно, но голос ее все удалялся и удалялся от меня. Я смотрела в кубок и видела в нем уже не темную жидкость. Мне казалось, что я смотрю в огромное безграничное черное зеркало, повисшее в пустоте. Оно не было блестящим, как обычное зеркало.

Черная поверхность подернулась туманом. Его струйки постепенно преобразовывались в смутные шевелящиеся тени. Я увидела круглый блестящий шар и в нем то, что было мне знакомо — грифон, отливающий белым блеском. Сначала шар был большим — он занимал все зеркало. Потом начал быстро уменьшаться, и я увидела, что он прикреплен к цепи. Цепь держала рука и шар вращался. Грифон то поворачивался ко мне, то отворачивался. Во мне росло понимание того, что этот шар имеет огромное значение для моей жизни. Вот он стал совсем маленьким и рука, державшая его, тоже стала уменьшаться. Вскоре появилось тело, которому принадлежала эта рука. Это был мужчина. Лицо его было повернуто в другую сторону и я его не видела. На нем кольчуга, прикрывающая горло. На поясе висел меч, и никаких эмблем, по которым я могла бы опознать, к какому роду он принадлежит. Ничего, кроме загадочного шара. Затем мужчина исчез и зеркало вновь стало темным и безжизненным. Рука Мальвины отпустила мой лоб. И когда я подняла на нее глаза, то увидела, что ее лицо побледнело. Поэтому я быстро поставила кубок на землю и отважилась взять ее руки в свои, чтобы помочь. Она слабо улыбнулась.

— Это требует немало сил, а их у меня почти нет, но я обязана была это сделать. Скажи, дочь моя, что ты узнала?

— Разве ты ничего не видела? — удивилась я.

— Нет, это было только для тебя.

Я рассказала обо всем, что произошло передо мной: о грифоне, заключенном в шаре, о человеке в боевых доспехах, который держал шар. И закончила словами:

— Грифон — это герб Ульма. Может быть, я видела лорда Керована, с которым обручена?

— Может быть, — согласилась Мальвина. — И мне кажется, что этот грифон имеет огромное значение для твоего будущего, и если он когда-нибудь попадет в твои руки, храни его. Вполне возможно, что в нем фокусируется могущество, которым обладали Прежние. А теперь позови даму Аюсан. Мне нужно что-нибудь укрепляющее. Но не говори ей, чем мы тут занимались, так как взгляд в будущее весьма интимное дело и о нем не следует распространяться.

Я не сказала об этом никому, даже Мат. Аббатиса изобразила, что ей просто нехорошо, и все дамы засуетились вокруг нее, так как очень любили ее. Никто не обратил на меня внимания. Я взяла сосуд с собой, отнесла в гостиную и поставила на стол. Я смотрела и смотрела на него, но не видела ничего, кроме вина — ни темного зеркала, ни движущихся теней. Но в памяти сохранилось видение грифона и если бы я могла рисовать, я изобразила бы его в мельчайших деталях. Я думала, что бы могло это означать. Этот грифон несколько отличался от грифона на гербе Ульма. У него, как и положено, имелись крылья и голова орла. Но туловище было, как у льва — зверя, которого можно встретить лишь на юге. На голове орла красовались львиные уши. По верованиям нашего народа грифон символизирует золото —

тепло и величие солнца. В старых легендах утверждается, что грифон охраняет спрятанные сокровища. Поэтому грифонов всегда изображали красным и золотым цветом — цветом солнца. Но этот грифон, заключенный в блестящий шар, был белого цвета. Вскоре после этого события дама Мат и я вернулись домой в Икринт. Но здесь мы оставались недолго. Был Год Коронованного Лебеда. Мне исполнилось четырнадцать лет и пора было готовить одежду и все такое, что я должна была взять с собой, когда лорд Керован призовет меня к себе. А это могло произойти через год или два. И мы пришли в Тревампер — город, расположенный на стыке торговых путей. Здесь собрались все торговцы севера и предлагали свои товары. Даже Салкары — морские разбойники, весьма неохотно покидавшие царство ветра и воли, тоже приезжали в Тревампер. Тут мы случайно повстречались с моей тетей Ислайгой, ее сыном Тороссом и дочерью Инглидой. Она сердечно приветствовала даму Мат, но я понимала, что это фальшивая вежливость, так как сестры не любили друг друга. Но леди Ислайга изображала на лице улыбку, поздравляя меня с удачной помолвкой, которая соединит меня с домом Ульма. Когда старшие занялись своими разговорами и перестали обращать на нас внимание, ко мне подошла Инглида. Мне показалось, что смотрит она на меня с неприязнью. Это была плотная девушка в богатой одежде. Волосы ее были распущены и на их кончиках подвешены серебряные колокольчики, которые мягко звенели при ее движениях. Это легкомысленное украшение не подходило к ее широкому плоскому лицу с чересчур маленьким ртом, который был постоянно поджат, как будто она хранила тайну и не желала ни с кем ею поделиться.

— Ты знаешь, как выглядит твой жених? — ехидно спросила она.

Мне стало беспокойно под этим пристальным взглядом. Я знала, что Инглида плохо ко мне относится, но не могла понять, почему, так как мы едва знали друг друга.

— Нет, — я сразу насторожилась, как всегда, когда ощущала к себе враждебное отношение. Но лучше узнать правду сейчас, чем в тревоге ждать ее. И впервые я подумала о том, что никогда раньше об этом не задумывалась. Почему Керован не прислал мне свой портрет? Обычно во время обручения при помощи топора портрет жениха привозили.

— Жаль, — в ее взгляде я прочла нескрываемое торжество. — Посмотри, вот мой жених, Эльван из Риндейла. — Она вытащила из кошелька портрет, на котором было изображено чье-то лицо. — Он прислал мне его в подарок два года назад.

На портрете было лицо человека средних лет, а не юноши. И оно мне совсем не понравилось, хотя, может быть, просто художник был не очень хорошим. Но было ясно, что Инглида невероятно гордится портретом.

— Кажется, он серьезный человек, — это было лучшее, что я смогла придумать, чтобы похвалить ее жениха. Но чем больше я смотрела на портрет, тем больше он мне не нравился. Инглида

восприняла мои слова, как похвалу. Я на это и надеялась.

— Риндейл — это горная долина. Там все занимаются производством шерсти и торгуют. Мой жених уже прислал мне это и это... — она показала на янтарное ожерелье, а затем протянула руку с кольцом в виде змеи. Глаза змеи были сделаны из красных драгоценных камней.

— Змея — эмблема его рода. Это его собственное кольцо, он прислал мне его в подарок. Следующей осенью я поеду к нему.

— Желаю тебе счастья.

Ее бледный язычок лизнул верхнюю губу. Она явно хотела что-то сказать, но не решалась. Наконец, она все-таки решилась, склонив голову ко мне. Я изо всех сил старалась не отодвинуться, хотя ее близость была мне неприятна.

— Мне бы хотелось пожелать тебе того же самого, дорогая родственница.

Я понимала, что мне не следует спрашивать ее ни о чем, но спросила помимо желания:

— А почему бы и нет, родственница?

— Мы гораздо ближе к Ульмдейлу, чем вы. Мы... мы многое слышали, — она с таким выражением произнесла последнее слово, что это произвело на меня впечатление. При всей моей неприязни к ней, я не могла не выслушать ее.

— Что же именно? — в моем тоне прозвучал вызов. Она заметила это и наверняка получила удовольствие.

— О проклятии, родственница. Разве тебе не сообщили, что наследник Ульмдейла находится под двойным проклятием? Даже мать отказывается видеть его с самого момента рождения. Разве тебе не сказали этого? — повторила она с торжеством. — Сожалею, но я должна разрушить твои мечты об отважном юном лорде. Он — чудовище, и должен жить отдельно от людей, так как никто не может смотреть на него без содрогания.

— Инглида! — это прозвучало осуждающе и она вздрогнула, как будто ее ударили. Рядом с нами стояла дама Мат и было очевидно, что она все слышала.

Ярость ее была так велика, что мне стало ясно: Инглида говорила правду или что-то весьма близкое к ней. Только правда могла так вывести из себя невозмутимую даму Мат. Она не сказала больше ни слова, но смотрела на Инглиду с такой злобой, что та отшатнулась, побледнела, вскрикнула и убежала. Но я осталась на месте и встретила взгляд дамы Мат. Во мне родился холод. Он все рос и рос. Я задрожала.

— Проклятие! — прошептала я. Монстр, на которого отказывается смотреть собственная мать! О, Гуппора! Что они со мной сделали, навязав это чудовище? Я думала, что кричу вслух, но я молчала. Молчала и дрожала. Я смогла овладеть собой, и медленно заговорила, стараясь, чтобы мой голос был ровным. Я решила узнать сейчас и именно здесь всю правду.

Во имя Огня, которому ты служишь, леди, скажи мне всю правду. Ее слова — не ложь? Я обручена с человеком, не похожим на других людей? — я не могла заставить себя произнести слово

«монстр». Я полагала, что сейчас дама Мат все смягчит и скажет, что все обстоит совсем не так. Но она села рядом. Лицо ее стало строгим, хотя вспышка гнева угасла.

— Ты уже не ребенок, Джойсан. Скажу тебе все, что знаю. Это правда, что Керован живет отдельно от родных, но он не монстр. На род Ульма наложено проклятие, а его мать родилась в северных долинах, где, как говорят, кровь людей смешалась с кровью Прежних. Поэтому и в нем их кровь. Лорд Цпарт удостоверился в этом перед тем, как согласиться на обручение.

— Но он же живет отдельно! Это правда, что его мать, которая родила его, отказывается смотреть на него? — холод во мне стал таким жестоким, что я едва сдерживала себя.

Но леди Мат была со мной вполне искренна.

— Это из-за обстоятельств его рождения. Она набитая дура, — затем она рассказала мне о том, как лорд Ульма не мог получить наследника от своих жен из-за своего проклятия. Тогда он женился в третий раз на вдове, которая родила ему сына раньше времени в стенах одного из строений Прежних. И она в страхе отвернула свое глупое лицо от сына, так как решила, что его послали Прежние. Но ребенок был вовсе не монстр. Его отец поклялся в этом Великой Клятвой, нарушить которую не осмелится никто.

Так как она рассказала мне все, ничего не скрывая, я поверила ей и мое смятение улеглось. Затем она добавила:

— Радуйся, Джойсан, что тебе достался молодой муж. Инглида, несмотря на свое хвастовство, вышла замуж за человека, у которого уже была жена и который настолько стар, что годится ей в отцы. Он не станет покрывать ее тупость и потакать глупостям молоденькой дурочки. Она увидит, что ее муж будет гораздо менее терпим к ее капризам и лени, чем мать, и еще не раз пожалеет, что сменяла дом родителей на дом мужа. Керован — человек, с которым интересно общаться. Он не только умел в обращении с оружием, что занимает ум большинства мужчин, но также изучает древние книги и, как и ты, занимается исследованием того, что осталось от Прежних. Да, ты можешь гордиться своим мужем. Ты умная девушка и не позволяй завистливым словам этой тупой дурочки воздействовать на твой разум. Я могу поклясться Огнем, если ты захочешь этого, а ты знаешь, такую клятву я никогда не нарушу, что я не допустила бы твоей свадьбы с монстром!

Я хорошо знала даму Мат и ее заверения меня полностью успокоили. Но все же в дальнейшем я все чаще и чаще задумывалась о том, что же представляет собой Керован. Мне было трудно поверить в то, что мать может отвернуться от своего ребенка. Может быть то, что она родила его в здании Прежних, помutilо ее разум. Ведь рожала она в страхе от боли. А я знала, что многие места Прежних полны черного колдовства, **враждебного** к людям. Она могла стать жертвой колдовства, когда **корчилась** в родовых муках. И все время, что мы находились в городе — ни тетя, ни ее дочь не подходили к нам. Возможно, дама Мат высказала

им свое мнение о том, что сообщила мне Инглида. Я была рада, что мне не нужно было видеть ее бледное полное лицо, поджатые губы и испытующий взгляд.

КЕРОВАН

Для большинства наших людей Пустыня являлась страшным местом. Там скрывались преступники, которые считали ее своей родиной. Там бродили охотники, еще более дикие, чем преступники. Они приносили из Пустыни меха неизвестных зверей, золото, но не самородки, а куски каких-то сломанных изделий, а также неизвестный металл, который очень у нас ценился. Кузнецы делали из него великолепные мечи и кольчуги, необыкновенно крепкие и не ржавеющие. Но иногда этот металл обладал страшными свойствами: он взрывался и разрушал все вокруг. Кузнецы охотно его брали, но всякий раз опасались, не попал ли в их кузницу кусок проклятого взрывающегося металла. Те, кто приносил металл, тщательно скрывали место, где его брали. Ривал был уверен, что они находили его не на поверхности, а выкапывали из-под земли. Видимо какое-то строение древних постигла катастрофа, в результате которой металл оплавился в эти бесформенные куски. Ривал пытался выпытать что-нибудь у некоего Лагона, торговца, который дважды проходил через наш лес, но он отказался что-либо сообщить. Поэтому не только дорога привлекала нас. В пустыне было еще много тайн, требующих разгадки. И такое путешествие мне чрезвычайно нравилось. Мы дошли до места, где начинается дорога, к середине утра и долго стояли перед ней, не решаясь поставить ногу на гладкую поверхность, кое-где засыпанную песком. Здесь была первая загадка, так как дорога кончалась резко, будто эту прямую полосу обрубил меч какого-то великана. Но если даже такое и случилось, то где же остаток дороги по другую сторону меча? Дорога кончалась и дальше не было следа. Почему она вела к этому месту, где ничего не было? Конечно, вполне возможно, что разум Прежних был совсем иным, чем у людей, и нам сложно судить о их намерениях.

— Совершенное место... А сколько лет прошло с тех пор, как здесь ходили люди, Ривал? — спросил я.

Он недоуменно пожал плечами.

— Кто знает? И люди ли сделали ее? Но если дорога кончается так, то начало может быть интересным.

Мы ехали на маленьких неприхотливых лошадках, привычных к передвижению по пустыне. Они могли преодолеть большое расстояние, довольствуясь минимумом еды и питья. На третьей лошади были сложены наши пожитки. Оделись мы так, как одеваются торговцы металлом, и тот, кто мог следить за нами, наверняка решил бы, что мы тоже обитатели пустыни. Ехали мы очень осторожно, прислушиваясь к каждому звуку и внимательно наблюдая за окружающим. Только тот, кто все время настороже, может надеяться избежать ловушек и прочих опасностей в этой

стране. Пустыня не была пустыней в полном смысле слова, но растительность тут была скудной, а трава сожжена солнцем. Временами встречались рощи, где толстые деревья росли очень близко друг к другу. Кое-где виднелись камни, возвышающиеся, как колонны. Некоторые из камней были обработаны, если и не людьми, то какими-то существами, имеющими инструменты. Но время и непогода так выветрили их, что на них остались едва заметные следы обработки. Мы видели остатки стены, затем пару колонн, вероятно поставленных при входе во что-то. Но мы проехали мимо этих мест, так как исследовать их у нас не было времени. На равнине царила тишина. День выдался безветренным. Стук копыт наших лошадей по каменным плитам разносился далеко по сторонам, и я вскоре начал беспокойно оглядываться через плечо. Мне начало казаться, что за нами следят преступники. Моя рука помимо воли потянулась к рукояти меча, как бы готовясь отразить нападение. Но когда я взглянул на Ривала, то обнаружил, что он едет спокойно, правда изредка поглядывая по сторонам. Я подъехал ближе к нему.

— Кажется, за нами следят. — Мне пришлось немного поступиться гордостью, но он лучше знал эту страну.

— Здесь, в Пустыне, так всегда бывает.

— Преступники? — мои пальцы сжали рукоять меча.

— Возможно. Но скорее всего что-нибудь другое, — его глаза не желали встречаться с моими и я понял, что он не может это объяснить. Или он просто не желал выказывать передо мной свою тревогу. Я ведь был моложе его и менее опытен в таких путешествиях.

— Это правда, что Прежние оставили после себя стражей?

— Что могут знать люди о Прежних? — ответил он вопросом на вопрос. — Хотя это не исключено. Когда человек идет по пути Прежних, ему часто кажется, что за ним следят. Если даже ими в действительности оставлены стражи, то они сейчас слишком стары и бессильны и ничего не могут сделать, кроме слежки.

Эти слова вряд ли могли меня успокоить. Я продолжал вертеть головой во все стороны, но ничто не шевелилось в этой плоской пустыне, где пролегалла дорога, прямая, как стрела. К полудню мы остановились на обочине, поели и напоили лошадей из бурдюков. Солнце скрылось за серыми тучами, которые, казалось, не предвещали приближение бури. Но Ривал почему-то нюхал воздух.

— Нужно искать укрытие, — заявил он и в его голосе слышались тревожные нотки.

— Но я не вижу для этого причин.

— Буря приходит здесь быстро и без предупреждения — он взглянул вдаль и указал мне на темное пятно впереди, возможно, это были какие-то развалины. Мы быстро направились туда и вскоре обнаружили, что эти развалины находятся от нас довольно далеко. Над землей уже повисла дымка, искажающая размеры предметов, так что они казались ближе, чем на самом деле. Наконец, мы добрались до намеченного места, и как раз вовремя,

так как небо уже потемнело, как в пасмурный день. Скоро наступит вечер. К счастью, тут можно было укрыться, хотя эти развалины были настолько стары, что никто бы не смог сказать, чем они были раньше, но мы обнаружили там и более сохранившиеся фрагменты. Среди обломков нашли часть комнаты с остатками крыши. Мы вошли туда вместе с лошадьми и кладью. Ветер уже свирепствовал. Он поднимал клубы пыли, которая забивала рот, ноздри. Мы с трудом успели спрятаться. В комнате ничего не было видно из-за плотной завесы пыли. Но длилось это недолго. Над головой раздались жуткие раскаты грома, как будто в бой шла какая-то могучая армия. Небо прочертила ослепительная молния. Было ясно, что она поразила землю где-то совсем рядом, а затем хлынул дождь. Он мгновенно прибил пыль, но это не помогло нам оглядеться, так как перед нами встала совсем другая завеса — на этот раз водяная. Вода ручьями бежала по выщербленному полу и мы забрались в самый дальний угол помещения. Лошади фыркали, ржали, косили глазами, перепуганные разбушевавшейся стихией. Но я считал, что нам вполне повезло с укрытием, хотя вздрагивал и съеживался при вспышках молний. Гром буквально оглушал нас. Мы сжались в комочки и крепко держали поводья, чтобы лошади, обезумев от страха, не сбежали. Вскоре они начали успокаиваться, перестали вертеть головами, и я постепенно расслабился. Темнота была кромешной, точно глухой ночью, и у нас не было факелов. Хотя мы тесно прижались друг к другу, дождь так шумел, что мы не могли бы слышать друг друга, не крича. А кричать здесь мы не осмеливались. Чем были прежде эти руины? Здание стояло близ дороги и вполне могло быть таверной. А может быть, это было помещение патрульного поста, или даже замок. Ривал говорил: «Кто может понять намерения Прежних?»

Свободной рукой я ощупал стену. Поверхность была совершенно гладкой в отличие от внешних сторон, выщербленных временем. Мои пальцы не могли нащупать мест соединения плит. Но должны же эти блоки где-то соединяться между собой? Внезапно... Люди спят и видят сны. Но я могу поклясться, что не спал. А если это был сон, то такой, который я видел впервые в жизни. Передо мной предстала дорога, по которой кто-то двигается, но кто именно, невозможно разглядеть из-за плотного тумана. Просто силуэты, напоминавшие людей. Но были ли это люди? И хотя я не мог рассмотреть их, их эмоции достигали меня. Все они двигались в одном направлении, и это было бегство. Но не поражение, не бегство от наступающего врага. Казалось, какое-то обстоятельство вынудило их к отступлению и они уходят отсюда, где долго жили, пустив глубокие корни. Я понимал, что они не принадлежат в данном случае к одному народу. Один из них, проходя мимо меня, вызвал чувство сожаления, потери, такое острое и четкое, как будто он громко кричал об этом на понятном мне языке. Уяснить чувства многих других мне было сложнее, хотя, совершенно очевидно, они являлись не менее глубокими. Но вот основная часть процессии удалась. Теперь передо мной

проходили небольшие группы тех, кому, вероятно, было труднее всего уходить. Слышал ли я их плач сквозь шум дождя? Скорее всего, они плакали мысленно и горе их так подействовало на меня, что я не мог смотреть на них. Я закрыл глаза и ощутил, как по моим пыльным щекам стекают горькие слезы.

— Керован!

Наконец, призрачные тени исчезли. Осталась только свирепая буря. На моем плече лежала рука Ривала. Он тряс меня, как бы стараясь пробудить ото сна.

— Керован! — в его голосе послышались повелительные нотки. Я тщетно пытался рассмотреть что-либо во мраке.

— В чем дело?

— Ты... ты плачешь, что с тобой?

Я рассказал ему о народе, который уходил куда-то, охваченный горем.

— Может быть, у тебя было видение, — произнес он задумчиво, когда я закончил свой рассказ. — Может быть, так Прежние покидали эту страну. Ты никогда не пробовал себя в ясновидении? Не проверял себя на наличие в тебе Могущества?

— О, нет! — я решил, что мне не нужна еще одна тяжесть, которая окончательно отделила бы меня от людей. Достаточно того, что на моем теле отразилось проклятие, лежащее на нашем роду, и я не хотел прибавлять к этому еще и ясновидение. Я не желал идти по пути, по которому идут Мудрые Женщины и некоторые мужчины, вроде Ривала. И когда Ривал предложил мне испытание, я быстро и без сомнений отказался. Ривал не настаивал. Идти по этому трудному пути должны добровольно и самостоятельно. Он требовал более суровой дисциплины, чем путь воина. Здесь царили свои законы. Когда буря стихла, небо снова просветлело и мы смогли двинуться дальше. В выбоинах и ямах стояла вода. Мы наполнили свои бурдюки и досыта напоили лошадей. Мы ехали, я же все время думал, что же это было — сон или видение? Но вскоре острота сопереживания, которая так воздействовала на меня, прошла. И я был рад этому. Дорога, которая до этого все время шла прямо, теперь стала описывать широкую дугу, отклонившуюся к северу. Она вела все дальше в неизвестность Пустыни. Впереди мы заметили темно-голубую линию в вечернем небе, как будто там лежала горная цепь. Земля стала более гостеприимной, все чаще попадались деревья, а не чахлые кустарники, окруженные засохшей травой. Вскоре мы добрались до моста, переброшенного через бурный поток. И тут мы остановились на ночлег. Ривал настоял на том, чтобы мы устроились не на берегу, а на песчаном мысу, врезавшемся в поток. После дождя вода в реке поднялась, и бурные волны разбивались о прибрежные камни, обдавая нас брызгами. Я с неудовольствием принял решение Ривала, так как считал, что место выбрано довольно неудачно, и оно слишком опасно из-за близости воды. Вероятно Ривал угадал мое настроение, потому что сказал:

— Это опасная страна, Керован. Лучше позаботиться об обычных предосторожностях... и о необычных тоже.

— Обычные предосторожности?

Он показал на воду.

— Через такой бурный поток не перейдет никто. В случае нападения нам придется защищаться лишь с одной стороны.

Это действительно была обычная предосторожность. Я раскидал камни, очистив место для нас и животных. Ривал запретил разводить костер, хотя бурная речка принесла много топлива. В воде была своя жизнь. Я заметил чью-то мелькнувшую тень и подумал, что здесь водится рыба громадных размеров, хотя затем мною овладело беспокойное ощущение, что это не тень рыбы. Я решил, что тут лучше не погружаться слишком глубоко в неизвестность. Мы решили поочередно дежурить, как будто находились в окружении врагов. Когда наступила моя очередь сторожить, то я был настолько встревожен, что в каждой тени мне чудилось подползающее чудовище, но я постарался взять себя в руки и успокоиться. Хотя солнца днем не было, луна ночью появилась во всем блеске. Ее яркие лучи, освещая долину, делали ее черной и серебряной — серебряной на открытом пространстве, черной — в тени. В этой Пустыне была своя жизнь. Мы услышали отдаленный стук копыт и наши лошади заржали и забеспокоились. Видимо, это были их дикие собратья. Однажды я услышал далекий печальный зов, подобный вою волка, вышедшего на охоту. И что-то большое и крылатое медленно и бесшумно пролетело над нами, как бы рассматривая, кто же это вторгся в его владения. Но эти звуки не были пугающими сама по себе: все знали о существовании диких лошадей, а волки забегали даже в долины, а крылатые хищники водились повсюду. Нет, вовсе не эти звуки тревожили меня. Меня тревожило то, чего я не слышал. Я был уверен, что в этой серебристо-черной долине кто-то скрывается и бдительно следит за нами или слушает наши разговоры. Но я никак не мог решить — добро это или зло. Утреннее солнце разогнало все мои страхи. В дневном свете долина не выглядела такой жуткой. Она была открыта взгляду и пустынна. Мы переехали мост и направились дальше по дороге к горам. К полудню мы приблизились к их подножию. Вершины были остры, как ножи. Дорога перестала быть прямой. Она сузилась до того, что по ней можно было проехать только двоим одновременно. Она поворачивала вправо и налево, спускалась вниз и поднималась вверх. Казалось, что те, кто ее прокладывал, следовали по самому легкому маршруту в этом лабиринте гор. Прежние и тут оставили свои следы. На каменных плитах мы видели множество изображений. Встречались лица, подобные лицам людей, а иногда мы замечали физиономии каких-то жутких существ. На некоторых плитах мы видели высеченные надписи и Ривал терпеливо срисовывал их. Хотя никто никогда не мог прочесть письма Прежних, Ривал надеялся, что когда-нибудь ему удастся сделать это. Он истратил так много времени на копирование, что полдень застал нас в узком ущелье, где мы решили отдохнуть, устроившись под самым подбородком широкого лица, надменно смотрящего на нас из глубины утеса, на котором оно было высечено.

Я долго изучал его и, чем больше смотрел, тем более знакомым казалось мне это лицо, хотя и не смог сказать, почему и откуда. И несмотря на то, что мы были окружены этими причудливыми изображениями, теперь у меня не было ощущения, что за нами следят. Впервые за время нашего путешествия у меня поднялось настроение.

— Почему здесь столько изображений? — удивился я. — Чем дальше мы продвигаемся, тем их становится больше.

Ривал проглотил кусок хлеба и, собравшись с мыслями, ответил:

— Возможно мы приближаемся к очень важному месту — святилищу, или городу. Может, это часовые... Годами я собирал и анализировал рассказы торговцев, и никто из них не забирался так далеко по этой дороге.

Я заметил, что он возбужден и ждет какого-то важного открытия, самого важного из тех, что он сделал за долгие годы путешествий по этой Пустыне. Он быстро поел, так как нетерпение уже овладело им, так же как и мной. Мы решили не задерживаться под этим гигантским подбородком и поскакали дальше. Дорога продолжала извиваться между холмами и изображения стали более сложными и замысловатыми. Ривал остановился перед одним из них и трепетно воскликнул:

— Великая Звезда!

Всматриваясь в изображение, с трудом я выделил взглядом пятиконечную звезду. Она была так искусно замаскирована в лабиринте линий, что найти ее было довольно сложно.

— Великая Звезда? — произнес я с непониманием.

Ривал соскочил с лошади, подошел к утесу и начал ощупывать глубоко высеченные линии, как бы желая, чтобы его пальцы подтвердили истинность того, что видят глаза.

— Насколько я знаю, это способ вызова одного из самых Могущественных, но кроме изображения от ритуала ничего не осталось. Никогда раньше я не видел такого сложного рисунка. Я должен перерисовать его.

Он достал рог с чернилами, перо, кусок пергамента и принялся за работу. Я изнемогал от нетерпения, наблюдая, как он любовно и аккуратно прорисовывает каждую черточку, то и дело сверяясь с оригиналом.

— Я разомнусь немного, — сказал я.

Ривал что-то хмыкнул в ответ, не отрываясь от работы.

Я поскакал, сделал поворот и... конец дороги! Передо мной возвышалась каменная плита и никаких намеков на дверь или ворота. Мощеная дорога кончалась перед этим утесом. Не веря своим глазам, я смотрел на такой неожиданный и бессмысленный конец нашего путешествия, на которое мы возлагали столько пламенных надежд. Дорога начиналась ниоткуда и кончалась в... Зачем же тогда вообще была нужна? Каким целям служила? Я сошел с коня и ощупал пальцами каменные плиты. Это был настоящий твердый камень — дорога находилась лишь за мной, упираясь в камень. Я прошел сначала в одну сторону, затем в

другую, пытаясь обнаружить хоть какой-то смысл во всем этом. С каждой стороны находилось по колонне, как будто они охраняли какой-то вход, портал. Но самого портала не было! Я подошел к левой колонне и дотронулся до нее и тут же заметил у ее подножия что-то непонятное. Полузасыпанный песком какой-то блестящий предмет. Я опустился на колени и сначала пальцами, а затем кончиком ножа выцарапал находку из каменной расщелины. В моей руке находился странный поблескивающий предмет. Это был шар, маленький блестящий шар. Вероятно, он пролежал, среди этих грубых камней довольно долго, и все же на нем не было видно ни единой царапины. Внутри шара я увидел изображение грифона, как будто сделанного искусным ювелиром-резчиком драгоценных камней. Грифон был гербом нашего рода. У него одна нога с когтями была поднята, а клюв раскрыт, словно он хотел изречь какую-то мудрость. Прямо над головой грифона в шаре находилось золотое перекрученное кольцо, как бы звено цепи. Я стоял, держа шар в руке, и свет его становился все сильнее. И я мог бы поклясться, что шар нагревается. Тепло, исходящее от него, было мне приятно. Я держал шар на уровне глаз, чтобы повнимательнее рассмотреть грифона. Теперь я видел, что глаза его сделаны из красных камней, и эти глаза вспыхивали, хотя на них не попадали лучи солнца. Казалось, они жили своей жизнью. У Ривала я видел множество различных обломков, но впервые мне попала такая вещь — совершенно целая и неповрежденная — за исключением остатка цепи, но это легко можно было восстановить. Отдать ее Ривалу? Но когда я смотрел на грифона, чувствовал, что он предназначен именно мне, что эта находка не просто мое везение, шар сделан для меня. Но я не знал, какова цель этого подношения. Может, действительно ко мне через мать проникла примесь крови Прежних и поэтому шар так странно знаком мне. Я принес шар Ривалу. Когда он взглянул на него, на его лице выразилось безграничное удивление.

— Сокровище... и оно только твое,— медленно проговорил он, как будто ему не хотелось произносить этих слов.

— Нашел его я, но сокровище принадлежит в равной степени нам обоим,— я заставил себя быть великодушным

— Нет, это не может быть простой случайностью, что шар с грифоном нашел тот, у кого грифон герб рода,— он протянул руку и коснулся левой стороны моего камзола, где красовалась голова грифона. Он даже не стал брать шар в руки, хотя внимательно осмотрел его.— Эта вещь обладает могуществом,— высказался он, наконец.— Ты чувствуешь в нем жизнь?

Я чувствовал. Тепло, которое излучал шар, грело меня, и я не мог этого отрицать.

— Его можно использовать по-разному,— тихо проговорил Ривал, прищулив глаза.— Он может осуществлять связь между людьми, открыть дверь без ключа. Шар будет твоей судьбой и поведет тебя в загадочные места.

Хотя он никогда не говорил о своей способности к ясновидению, я понял, что сейчас он владеет какой-то тайной силой,

позволяющей ему увидеть будущее шара, который я нашел. Я завернул шар в пергамент и спрятал во внутренний карман камзола для большей безопасности. Возле каменной плиты Ривал был так же удивлен, как и я. По всему было ясно, что портал место чрезвычайной важности, но ведь портала не было, как не было и входа куда-либо. В конце концов, мы удовлетворились тем, что нашли, и направились в обратный путь домой. За все время пути Ривал ни разу не попросил у меня шар с грифоном, чтобы посмотреть на него. Я тоже не доставал свою драгоценную находку, но постоянно думал о ней. В те две ночи, которые мы провели в Пустыне, мне снились странные сны, но я не смог ничего из них вспомнить. Однако у меня осталось страстное желание вернуться в мой единственный дом, так как там меня ждет дело чрезвычайной важности.

ДЖОЙСАН

Несмотря на всю мою неприязнь к Инглиде, ее брат Торосс мне понравился. Этой осенью после нашего возвращения в Икринт, он приехал с небольшим эскортом в горы на охоту. Они хотели принять участие в большой охоте, после которой наши кладовые заполнились бы на зиму соленым и копченым мясом. Отличаясь от сестры как по телосложению, так и по разуму, он был стройным и хорошо сложенным юношей. Волосы его были более рыжими, чем у жителей долины. Он обладал быстрым и острым умом, и кроме того, отлично пел. Я слышала как дама Мат говорила женщинам, что Торосс должен всю жизнь носить с собой рог, чтобы собирать слезы девушек, вздыхающих по нему. Однако сам он не предпринимал ничего, чтобы заслужить их внимание. Он всегда был готов принять участие в чисто мужских развлечениях — скачках, фехтовании и был не последним среди мужчин. А для меня он стал другом, какого у меня никогда не было. Он обучил меня словам многих песен и показал, как подыгрывать себе на лютне. Иногда он приносил мне ветку с ярко окрашенными осенними листьями или же еще что-нибудь такое же безыскусное, но красивое. Правда, у него не хватало времени для подобных развлечений — ведь это был период, когда приходилось немало работать и запастись продуктами на холодные дни. Мы сушили фрукты, шили теплые одежды и чинили то, что требует ремонта. Все больше и больше работы оставляла для меня леди Мат. Она говорила, что я уже не маленькая и мне нужно набраться опыта, коль скоро я буду хозяйкой в собственном доме, в доме моего мужа. Я часто допускала ошибки, но многому научилась, так как была горда и не желала, чтобы потом надо мной посмеивались в чужом доме. И я ощущала гордость, когда дядя хвалил блюдо, приготовленное моими руками. Хотя я была целыми днями занята и трудилась даже по вечерам, когда мы занимались одеждой, я все же не могла выбросить из головы мысли, которые разбудила во мне Ингида.

И поэтому я сделала то, что могла сделать только глупая молодая девчонка. На западе нашей долины находился источник, о котором говорили, что если придти к нему в полнолуние, когда луна отражается на поверхности воды, то обрешь счастье. Не вполне веря этому, и не питая большой надежды, я тайком ушла из дома и направилась по только что сжатым полям на запад. Ночь была холодной и я натянула на голову капюшон плаща. Затем я стояла, глядя на сверкающую поверхность луны и держа шпильку, готовясь уронить ее в центр блестящего круга. Но неожиданно изображение луны задрожало и превратилось во что-то другое. И я увидела, что теперь это не луна, а шар. Я уронила шпильку от удивления, вода снова задрожала и это видение, если это было видением, исчезло. От удивления я забыла то заклинание, которое должна была произнести. Так что все мое приключение оказалось напрасным, я не могла больше надеяться на свое счастье. Расхохотавшись над своей глупостью, я побежала прочь от источника. В мире, где мы жили, существовали колдовство и заклинания. Этим занимались Мудрые Женщины, посвятившие колдовству и магии свою жизнь. Но были и такие, как аббатиса Мальвина, которые могли управлять силами, недоступными пониманию большинства людей. Каждый может после соответствующих тренировок, если конечно у него имеется дар, научиться управлять такими силами, но у меня не было ни дара, ни терпения. Может, мне лучше не вмешиваться в эти дела? Только... почему я снова увидела грифона, заключенного в шар? Грифон... мои пальцы нащупали вышитую эмблему грифона на платье. Это был герб дома Ульма, с которым я связана торжественной клятвой. Что же представляет из себя мой жених? Почему он не присылает мне своего портрета, как сделал это жених Инглиды? Чудовище? Да, Инглиде не было никакого смысла лгать мне. Наверняка в ее словах есть доля правды, и имеется только один способ... Из Ульмдейла к моему дню рождения ежегодно приходили подарки, и когда они придут в этом году, я отыщу начальника каравана и попрошу, чтобы он передал мое пожелание жениху — обменяться портретами. У меня уже был свой портрет, нарисованный писцом дяди. Такой у него был талант. Да, именно это я и сделаю. Мне казалось, что источник вложил в мою голову такую счастливую мысль. И поэтому я прибежала обратно в зал, радостная и никем не замеченная.

«Теперь я талантлива, помог источник», — подумала я и принялась за осуществление своего решения. Сначала мне было необходимо подыскать подходящий для портрета футляр, который я аккуратно наклеила на отполированную деревянную пластинку. Потом я сшила небольшой мешочек. На его лицевой стороне вышила изображение грифона, а на обратной — сломанный меч. Я надеялась, что мой жених поймет эти нехитрые намеки, поймет, что мое будущее Ульмдейл, а прошлое — Икринт. Все это я делала тайно, так как не желала посвящать кого-либо в свои планы. Но я не успела спрятать свою работу, когда Торосс

в полдень зашел ко мне без предупреждения. Портрет лежал на столе и я как раз измеряла его. Торосс заметил его и сразу же спросил:

— Чья искусная рука сделала это? Портрет очень похож на тебя.

— Это Аркан, писец дяди.

— И для кого же он нарисовал его?

В его голосе прозвучала повелительная нотка, как будто он имел право требовать от меня отчета. Я была очень удивлена и даже немного разозлилась, что он заговорил со мной таким неподобающим тоном. Ведь он всегда был со мной вежливым и мягким.

— Это подарок лорду Керовану. Скоро он пришлет мне подарки, а я отправлю ему портрет, — я не хотела раскрывать свои планы Тороссу, но его вопрос был поставлен слишком прямо и увильнуть от ответа было невозможно.

— Твой лорд! — он отвернулся от меня. — Я забыл, что эта связь существует. Джойсан! Ты когда-нибудь думала, что значит поехать к незнакомым людям, к жениху, которого ты никогда не видела? — снова в его голосе я ощутила какую-то горечь, жестокость, которой не могла понять. Я не думала, что он хочет пробудить во мне страх.

Я не желала отвечать ни «да», ни «нет» на вопрос, которого он не имел права задавать.

— Джойсан... существует право отказа от свадьбы! — эти слова вырвались у него помимо его воли. Он стоял, не глядя на меня. Рука его лежала на рукояти меча и я видела, как его пальцы стиснули эфес.

— И обесчестить его и мой дом? — возмутилась я. — Ты хочешь, чтобы меня все презирали? Какого же ты обо мне мнения, родственник? Почему ты решил, что я могу так оскорбить человека?

— Че-ло-ве-ка! — он резко повернулся ко мне. В выражении его глаз и лица была какая-то жестокость, которой я раньше в нем не замечала. — Ты знаешь, что говорят о наследнике Ульм-дейла? Человек... о чем думал твой дядя, когда соглашался на обручение? Джойсан, никто не осудит девушку, которая откажется от свадьбы, если узнает, что ее обманули. Будь благодарна и откажись от свадьбы! Сейчас же!

Я встала. Во мне разгорался гнев. Однако, внешне я была совсем невозмутима, так как умела скрывать свои истинные чувства. За это я должна благодарить судьбу — она дала мне превосходное оружие против злобного мира.

— Родственник, ты забываешься. Такие слова абсурдны и недопустимы. Неужели ты думаешь, что я послушаюсь тебя? Лучше попридержи свой язык, — и я вышла, не обращая внимания на его робкую попытку задержать меня. После этого я вошла в свою маленькую комнату и встала у северного окна, уставившись вдаль. Я дрожала, но не от холода, а от смущения, которое гнездилось во мне уже несколько недель с момента встречи с

Инглидой. Тогда она, а теперь странные слова Торосса... Да, право отказаться от свадьбы существовало, но оно всегда вело к смертельной вражде между Домами. Чудовище — это сказала Инглида. И теперь Торосс сказал «че-ло-век», как будто это слово нельзя применить по отношению к моему жениху! Но ведь мой дядя не желал мне зла. Он наверняка все заранее обдумал, прежде чем дал согласие на помолвку, и даже дама Мат дала мне торжественную клятву... Я тут же подумала об аббатисе Мальвине. Только с ней одной я могла поговорить об этом деле. Мнение дамы Мат я уже знала: Керован стал жертвой стечения обстоятельств. В это я могла поверить с большей готовностью, чем в то, что он не человек. Ведь после клятвы, которыми обменялись его отец и мой дядя, этого просто не могло быть. И я успокоила душу такими размышлениями, еще больше укрепившись в намерении послать свой портрет Керовану. Но после этого я всячески избегала Торосса, хотя он неоднократно предпринимал попытки поговорить со мной. Лишние хлопоты! Я всегда сыгралась на занятости, на недостаток времени и уходила от него. В конце концов, он поговорил с моим дядей, и в тот же день он и его люди уехали из Икринта. Дядя вызвал меня к себе, а Аркан направился за дамой Мат. Дядя хмурился и по его лицу я поняла, что он чем-то чрезвычайно озабочен. Когда я вошла, он стал еще более хмурым.

— Ты что затеваешь, девочка!? — закричал он, едва я появилась на пороге.— Неужели твое слово так легковесно, что ты...

Дама Мат поднялась с кресла. На ее лице был гнев, но направлен он был на дядю, а не на меня.

— Сперва нужно выслушать Джойсан, а уж потом кричать на нее, если она этого заслуживает,— ее тихий, но повелительный голос отрезвил его.— Джойсан, сегодня Торосс пришел к твоему дяде и начал говорить об отказе от свадьбы...

Теперь наступила моя очередь перебить ее. Меня тоже охватил гнев, когда дядя стал кричать на меня, не выслушав, что я думаю обо всем этом.

— Он и мне говорил о том же самом, но я отказалась его слушать. Я заявила, что не нарушу клятву. Неужели вы так плохо меня знаете, что поверили ему, а не мне.

Дама Мат довольно кивнула.

— Так я и думала! Джойсан живет с тобой столько времени и ты даже не знаешь, что она из себя представляет! Что сказал тебе Торосс, Джойсан?

— Мне показалось, что он считает лорда Керована сообщником зла. Он уговаривал меня отказаться от свадьбы, а я сказала, что мне не подобает выслушивать его постыдные слова и ушла от него. После этого я ни разу с ним не разговаривала.

— Отказаться от свадьбы! — дядя сильно ударил кулаком по столу.— Он сумасшедший? Это значит вступить в кровную вражду не только с Ульмдейлом, но и с половиной северных родов, что стоят за Ульриком! Почему он так настаивает на этом?!

В глазах дамы Мат появился холод.

— Я могу предположить две причины, братец. Первая — его горячая кровь, а вторая...

— Хватит! Нет нужды перечислять все причины, которые могли вызвать такую глупость со стороны Торосса. Слушай, девочка! — он повернулся ко мне. — Ульрик поклялся, что его наследник может быть мужем любой леди. То, что его жена слегка тронулась при рождении сына, об этом знают все. Она так ненавидит своего сына, что называет его не иначе, как чудовище, хотя он вовсе не чудовище. Ульрик разговаривал со мной о причинах всего этого. Я расскажу тебе все, но ты должна держать язык за зубами, и не забывай этого, девочка!

— Конечно, дядя, — заверила я его, так как он сделал паузу, как бы ожидая, чтобы я дала обещание.

— Ладно... Тогда слушай! Знай, что лежит за всеми этими дикими историями, чтобы ты могла отличить правду от фальши. Леди Тифана, мать твоего жениха, имеет сына Хлимера от первого брака. Так как он не получил наследства от своего отца, леди Тифана привезла его с собой в Ульмдейл. К тому же у нее есть дочь Лизана, которая на год моложе твоего жениха. Лизана помолвлена с кем-то из рода матери. Тифана обожает свою дочь так же сильно, как ненавидит Керована. Ульрик уверен, что в его доме гнездится заговор против истинного наследника. Они хотят, чтобы наследником стал муж Лизаны, а не Керован. Ульрик ничего не может против них предпринять, так как у него нет доказательств. Но он не хочет, чтобы сына изгнали и лишили наследства, тогда Ульрик уже не сможет защищать его. Поэтому он стремится обеспечить Керована мощной поддержкой, связав его с сильным родом. На троне не может сидеть человек, тело и душа которого не такие, как у других людей. И они хотят посеять сомнения у тех, кто будет поддерживать наследника трона. Распустить о нем слухи, что он монстр... и тому подобное. Ты понимаешь, что может произойти, если у них все получится. Торосс пришел ко мне со слухами. Я дал клятву Ульрику не рассказывать никому о всех его предположениях и страхах, поэтому я просто запретил Тороссу болтать об этом. Но ты, вероятно, выслушала его...

Я покачала головой.

— Он пришел ко мне с этим, но я уже слышала еще раньше подобное от его сестры в Тревампере.

— Мат рассказывала мне об этом, — гнев сошел с лица дяди. Теперь я знала, что ему стыдно за то, что он так меня встретил. И хотя он никогда не признается в этом, мы хорошо понимали друг друга в таких вопросах. — Вот видишь, девочка, как далеко зашли слухи! Я далек от мысли, что Ульрик плохо управляет своим Домом, но каждый глава рода должен держать свой Дом в руках. Однако знай, что ты помолвлена с лордом, стать женой которого большая честь, и это время скоро наступит. Не обращай внимания на слухи, ведь теперь ты знаешь их источник и цель.

— Благодарю тебя за правду, дядя.

Когда я вышла от него с дамой Мат, она сразу же увлекла меня в свою комнату и долго смотрела на меня, как бы пытаясь выяснить, что же тантся в моей голове.

— Почему Торосс осмелился говорить с тобой об этом? Нужны весьма веские причины, чтобы нарушить обычай. Ты помолвлена, Джойсан, и тебе не пристало строить глазки направо и налево.

— Все не так, дама Мат,— и я рассказала ей о своем плане. К моему удивлению, она не стала меня осуждать и упрекать. Она просто кивнула.

— Все правильно, Джойсан. Вероятно, нам следовало подумать об этом раньше, развеялись бы всякие слухи. Если бы у тебя был портрет лорда Керована во время разговора с Инглидой, ты смогла бы ответить ей вполне достойно. Значит, Торосс был в бешенстве от того, что ты хотела сделать? Сейчас этот мальчишка вернулся к тем, кто послал его сеять здесь смуту,— она была в ярости, но я не понимала, на кого направлена эта ярость. Леди Мат не стала мне ничего объяснять.

Вскоре я закончила трудиться над мешочком и леди Мат сказала что это моя лучшая работа. Я положила его в свой шкафчик до приезда каравана из Ульмдейла. Караван прибыл через несколько дней. Он отличался от тех, что приезжали раньше. Все охранники были старые, израненные в прежних боях. Они уже не могли нести активную службу. Их старший был сторбленным пожилым человеком и ходил, прихрамывая. Кроме шкатулки, которую он с церемониями передал мне, он привез послание Ульрика моему дяде и тут же начал с ним какой-то важный разговор. Я подумала, что это может быть вызов в Ульмдейл. Но поразмыслив еще немного, я отказалась от этого предположения. Мой жених должен был бы приехать сам во главе пышной процессии, чтобы с честью доставить меня к себе в дом. В шкатулке находилось ожерелье из северного янтаря и золотой кулон с цепочкой. Да, это был богатый подарок. Я знала, что дама Мат устроит мне возможность поговорить с этим Яго наедине и тогда я смогу вручить ему свой подарок и просьбу. Но видимо он многое должен был рассказать дяде, и поэтому даже не вошел в дом до самого ужина. Я была рада, что его посадили рядом со мной, потому что я могла бы попросить его о тайном свидании, где я передала бы ему подарок. Но он заговорил первым:

— Леди, ты получила подарок дома Ульмдейла, но у меня имеется подарок от самого лорда Керована, который он просил вручить тебе прямо в руки.

Я почувствовала страшное возбуждение, так как предположила, что он прислал мне свой портрет. Но это был не портрет. Мы отошли от стола подальше и он вложил в мою дрожащую ладонь не плоский пакет, а маленький круглый. Я быстро развернула его и... у меня в руках очутился шар и внутри него грифон! Тот самый, что я видела в Монастыре! Я едва не вы-

ронила его. Когда Могущество входит в жизнь кого бы то ни было, это наполняет человека трепетом и страхом. В шаре над головой грифона было кольцо, так что его можно было носить, как кулон на цепочке.

— Прекрасная вещь! — я с трудом обрела дар речи, и очень надеялась, что не выдала своих страхов. Ведь я не могла объяснить причины той паники, что охватила меня. Чем дольше я рассматривала подарок, тем больше убеждалась, что это настоящее произведение искусства, самое прекрасное из тех, что я получила в качестве подарков.

— Да, милорд просит тебя принять этот дар и по возможности носить на груди, — он говорил так, как будто старательно припоминал слова, сказанные ему Керованом. Я решила не задавать ему вопросов, может быть, он слишком близок с моим женихом.

— Передай лорду, что его подарок доставил мне огромную радость, — теперь я уже полностью овладела собой и с легкостью произносила формальные фразы. — Когда я буду смотреть на него, он будет восхищать меня не только своей красотой, но и добротой того, кто подарил мне его. — Я торопливо вытащила свой подарок. — А вот передай это в руки моего жениха. Попроси его, если он сочтет нужным, пусть пришлет мне то же самое.

— Твои слова для меня приказ, леди, — Яго сунул портрет в свой кошелек, и прежде чем он успел что-нибудь добавить, хотя говорить нам было уже не о чем, к нам приблизился один из слуг и пригласил его в покои дяди. Больше в этот вечер мы не увиделись.

И в те два дня, что посланцы находились в Икринте, мы уже не говорили с ним наедине. Я с церемониями попрощалась с ним, когда он уезжал. Все в доме уже знали новости, которые привезли люди из Ульмдейла. Люди из долины ни по рождению, ни по склонностям не были мореходами. У нас на побережье имелись торговые порты и деревни рыбаков. Но ни один большой корабль не ходил под флагом лорда из долины. Те, кто торговал за морями, никогда не принадлежали к нашим родам. Новости из-за морей безнадежно устаревали, пока достигали наших краев. Но мы слышали, что восточные страны давно воюют друг с другом. Вести об этой войне доходили до нас в такой искаженной форме, что в них трудно было поверить. Но возле наших берегов уже стали ходить другие корабли. В восточных морях Салкары два года назад потерпели жестокое поражение. И у нас не было своих торговых кораблей, чтобы возить наши товары — шерсть, металлы, жемчуг — за море. Нам приходилось заключать невыгодные сделки с этими людьми, которые, казалось, весьма были заинтересованы в нашей стране. Частенько, принимая груз в гавани, они целыми отрядами путешествовали по нашей стране, как бы исследуя ее. Наши знания о войне никогда не распространялись за пределы вражды между родами. Временами это была кровавая вражда, но в столкновениях никогда не принимало участия больше сотни людей с

каждой стороны. У нас не было короля, и мы гордились этим. Но это же было и нашей слабостью. Наши лорды изредка объединяли силы, чтобы совершить рейд в Пустыню с целью разогнать преступников. Но подобные союзы всегда были кратковременными. И если один лорд посылал просьбу о помощи другим лордам, он никогда не был уверен, что ему в ней не откажут. Поэтому всякому было ясно, что мы слабые противники, которых легко победить поодиночке. Однако было известно также, что люди долин будут драться за свою свободу, что они никогда не изменят своему лорду, который являлся главой рода. Ульмпорт находился у моря и туда недавно прибыли два корабля. Люди с кораблей утверждали, что они из Ализона и надменно рассказывали о могуществе своей страны. Один из них был ранен во время путешествия по долине, а другой убит. Раненого лечила Мудрая Женщина, и благодаря своему искусству она могла отличать правду от лжи. Когда раненый, охваченный жаром, бредил, она внимательно слушала. После того, как приехали его товарищи и увезли к себе, она пошла к лорду Ульрику. Тот внимательно выслушал все, что она сообщила. Лорд Ульрик был достаточно умен, чтобы понять, что над всей страной нависла опасность. Он сразу же послал весточки всем соседям, в том числе и в Икринт. Раненый оказался разведчиком армии, которая вскоре собирается здесь высадиться. Стало ясно, что ализонцы считают нас легкой добычей, и войну с нами не опасной.

Да, страшная тень нависла над нашей страной. Но я ласкала в руках шар с грифоном, не раздумывая об ализонцах и их шпионах. Я только мечтала, что в следующий раз мне привезут портрет Керована, человека, а не монстра.

КЕРОВАН

К моему удивлению Яго возвратился раньше, чем вернулись из Пустыни мы с Ривалом. Он был так разгневан, что, будь я помладше, срезал бы с ближайшей ивы прут и хорошенько отстегал меня. Я заметил, что его гнев связан не столько с моим путешествием во враждебную землю, сколько с тем, что он узнал в Ульме. Он говорил со мной так строго и так серьезно, что я забыл свою обиду на него и приготовился слушать. Я дважды был в Ульме и оба раза, когда там не было матери: она уезжала навестить родственников. Так что я представлял себе, как расположена наша долина. Кроме того, во время своих приездов, отец рассказывал мне о нашей стране, о нуждах нашего города и обо всем, что, как он считал, будет мне необходимо, когда я займу его место. Но того, что привез Яго, я еще никогда не слышал. Я впервые узнал о тех, кто вторгся в нашу страну, хотя тогда они еще не объявляли нам войну. То, что они с презрением относятся к нам, мы поняли сразу, так как не были глупы и наивны. Люди долин очень высоко ценили свободу. Они неохотно объединяли свои силы, разве только в случае крайней необходимости.

Но мы ощущали опасность, которая грозит нашей стране, как дикие звери. Всякому было ясно, что мы слабые противники, которых легко победить поодиночке. Однако не каждый мог предположить, что люди долин будут яростно драться за свободу и никогда не изменят своему лорду, который являлся главой рода.

Ульмпорт находился у моря и туда недавно приходили два корабля из Ализона. О них и его, то есть противника, замыслах, сообщил мне Яго. Пришельцы уже год разведывали наши порты и устья рек. Они были весьма осторожны и играли роль торговцев. То, что они давали нам в обмен на наши товары, было ново для нас и мы с удовольствием торговали с ними. Пришельцы никогда не приходили на одном корабле. Всегда на двух или трех... И они непременно совершали из порта поездки по стране, как бы для торговли. Во внутренних районах страны к ним относились подозрительно, хотя все знали, что они торговцы, прибывшие на кораблях из-за моря. Правда, встречали их с уважением, но пришельцы все высматривали и расспрашивали. Мой отец, собрав все донесения об их маршрутах, заключил, что путешествия совершаются не ради торговли, а ради рекогносцировки местности незнакомой страны. Он тут же написал своим ближайшим соседям в Апсдейл, Фондейл, Флатингдейл и даже в Вестдейл, где был порт Эрби. С этими лордами у него были отличные отношения и даже тень вражды не разделяла их. Лорды все выслушали и затем послали своих людей, чтобы присматривать за пришельцами. Вскоре все они поняли, что пришельцы изучают нашу страну с какой-то своей целью, которая не сулит ничего хорошего жителям долин. И было решено, что под тем или иным предлогом лорды запретят любому кораблю из Ализона бросать якоря возле наших берегов. Однако наши лорды люди упрямые, и убедить их совместно сделать что-нибудь, что предложил один из них, задача посильная лишь человеку с безграничным терпением. Ни один лорд не признает открыто, что он подчиняется воле другого. У нас нет лидера, который мог бы собрать всех лордов под одно знамя и заставить их выполнить общее решение, и в этом наша огромная слабость. Теперь пятеро лордов решили собраться в Ульме с целью обменяться мнениями. Но для этого им нужно было найти подходящий предлог, чтобы не беспокоить свой народ и ввести в заблуждение пришельцев. И вот мой отец решил устроить посвящение своего наследника в воины, ввести его в круг своих советников — для моего возраста это обычное дело. Я внимательно слушал Яго. Но узнав, что я буду центром предстоящей встречи, я был весьма удивлен. Ведь меня так долго держали вдали от дома, что я считал такую жизнь единственно для себя возможной.

— Но.... — начал я.

Яго забарабанил пальцами по столу.

— Да, лорд Ульрик совершенно прав. Ты слишком долго находился вдали от того, что принадлежит тебе по праву. Он обязан сделать это не только для прикрытия встречи, но и для

себя самого. Он уже осознал глупость своего решения отдалить тебя от дома.

— Глупость? — я был удивлен, что он произнес это слово, ведь Яго был верным подданным Ульрика и всегда отзывался о нем с трепетом.

— Да, я сказал «глупость», — это слово во второй раз вырвалось с его губ, как стрела, пущенная из лука. — В его собственном доме есть те, кто хотел бы все изменить. — Он умолк, но я прекрасно понимал, что он имеет в виду: моя мать хочет, чтобы ее дочь и жених Лизаны унаследовали Ульмдейл. Я никогда не пренебрегал слухами, которые сюда доходили. Я считал, что всегда нужно знать даже самое худшее. — Посмотри на себя! — Яго вновь взорвался гневом. — Ты не монстр! И тем не менее говорят, что лорд Ульрик был вынужден выслать тебя сюда и держать в заточении лишь потому, что ты страшен внешне и слаб умом, потому что ты больше похож на животное, чем на человека.

Его гнев высек во мне искры. Так вот что говорят обо мне в моем же доме!

— Ты должен показать себя тем лордам, границы владений которых совпадают с границами Ульмдейла. Показать, что ты настоящий наследник и доказать это. Тогда уже никто не сможет тебя оболгать. Лорд Ульрик тоже в курсе этих слухов. Нашлись даже наглцы, которые осмелились сказать ему это в лицо.

Я встал из-за стола и направился к стене, где висел боевой щит Яго. Старый воин провел много времени полируя щит и теперь он сверкал, как зеркало, хоть и искажающее формы.

— Пока я в сапогах, — пробормотал я, — я вполне могу сойти за нормального человека.

Эти сапоги были сделаны так, что я мог легко сунуть туда свои копыта, и ноги казались вполне нормальными. Когда я стоял, никто бы не смог отличить меня от обычного человека. Сапоги делал сам Яго из прекрасной кожи, которую выслал отец.

Яго кивнул.

— Да, ты поедешь и будешь в сапогах, и ни один из недоброжелателей уже не скажет, что ты не можешь быть настоящим наследником и произнести клятву лорда. А оружием ты владеешь не хуже, а даже лучше любого из воинов. Твой ум остер, чтобы предохранить тебя от опасностей и коварства.

Эта была самая большая похвала, какую я когда-нибудь от него слышал. Одетый в доспехи и вооруженный, я ехал с Яго из изгнания. Наконец-то я возвращался в дом своего отца. Но я чувствовал внутреннее беспокойство, отлично понимая, что многим членам семейства не по душе мое возвращение. У меня было много времени, чтобы переговорить с Ривалом до отъезда, но я все же не предложил ему ехать со мной, хотя заранее знал, что он наверняка откажется. При нашей последней встрече он так смотрел на меня, что мне казалось, его взор проникает в

мой разум, воспринимая все мою неуверенность и страх.

— Перед тобой долгая дорога, Керован,— проронил он.

— Лишь два дня пути,— поправил я его.— Мы едем в Ульмдейл.

Ривал покачал головой.

— Ты едешь дальше, обладатель грифона. Опасности ждут тебя. Смерть будет у тебя за плечами. Ты будешь давать и, давая, получать. И то, и другое будет в крови и огне...

Я понял, что в нем проснулся дар предвидения, точнее ясно-видения, и ощутил желание заткнуть себе уши. Мне казалось, что он не предвидит мое будущее, а предрекает его.

— Смерть идет по пятам за каждым смертным,— я собрал все свое мужество и осведомился: — Если ты видишь мое будущее, скажи, какой щит я должен поднять, чтобы защитить себя.

— Как я могу все предвидеть? — с горечью произнес он.— Будущее каждого человека очень смутно. Оно как множество дорог, расходящихся от перекрестка. При одном выборе, ты пойдешь одной дорогой, при другом — иной, и так далее. Но никто не сможет избежать того, что ждет его в конце. Перед тобой лежит твой путь. Шансы на выбор велики. Иди осторожно, Керован. И знай, что в тебе есть нечто глубоко затаенное. Если ты найдешь это нечто и научишься им пользоваться, то оно будет защищать тебя лучше, чем любой меч и любой щит из самого прочного металла.

— Скажи мне...— начал я.

— Нет! — он отвернулся от меня.— Я уже много сказал и больше ничего не скажу. Я не могу видеть, какой выбор сделаешь ты, и я не могу ни единым словом повлиять на твой выбор. Иди с миром.— Он поднял руку и нарисовал в воздухе какой-то знак. Я отшатнулся, так как его палец оставлял в воздухе светящийся след, который быстро исчезал. Я понял, что кое-какие изыскания в области наследия Прежних увенчались успехом. Его знак обладал Могуществом.

— Ну, тогда до встречи, дружище,— попрощался я.

Ривал не взглянул мне в глаза и стоял, подняв руку в прощальном жесте. Теперь я знаю, он понимал, что это наша последняя встреча и, возможно, сожалел об этом. Он сожалел, что сообщил мне о своем видении. Кто захочет знать свое будущее, знать, что на пути его ожидает столько опасностей? Во время нашего путешествия Яго много разговаривал со мной. Он рассказывал мне об обитателях дома моего отца, давая каждому меткую характеристику, чтобы я мог составить о них свое представление, и знал, что можно ждать от любого из них. Я видел, что он поучает меня как ребенка, чтобы я, по своей глупости, не сделал какую-нибудь роковую ошибку, которая могла бы привести меня к катастрофе. Мой старший брат был привезен в Ульм еще ребенком и вырос здесь до того возраста, когда его можно было посвящать в воины. Для этого он уехал к ближайшим родственникам матери. Но в прошлом году он вернулся и подружился с

Роджером, женихом сестры. Я хорошо понимал, что он никак не может быть настроен благожелательно по отношению ко мне. Да, его следует остерегаться. У моей матери были сторонники в доме и Яго весьма деликатно перечислил их мне, дав краткие характеристики и описав положение, которое они занимают в доме. Но на стороне отца находилось гораздо больше людей и среди них высшие офицеры, маршал и многие другие. Это был род, разделенный на два лагеря, но внешне все выглядело нормально. Я внимательно слушал наставника, изредка задавая вопросы. Может, это сам Яго решил просветить меня, а может, это была идея отца, который хотел предостеречь меня перед тем, как я появлюсь в кругу друзей и врагов. Мы приехали в замок на заходе солнца. Яго протрубил в рог и перед нами распахнулись ворота замка. Я заметил знамена Апсдейла и Флатингдейла под нашим грифоном. Они развевались на высокой башне. Я понял, что два гостя, приглашенные отцом, уже здесь. Значит, я с самого начала окажусь под взглядами, как любопытными, так и враждебными. Мне предстояло сыграть свою роль, чтобы все поняли, что я далеко не дурак. Смогу ли я это сделать? Я еще и сам не знал этого. Мы спешились и охранники отсалютовали нам мечами. Мой отец в мантии поверх камзола выступил навстречу нам из глубокой тени портала главного входа. Я опустился на колено и отвел меч так, чтобы он мог положить руку на его рукоять в знак дружелюбного приветствия. Затем он полуобнял меня и поднял на ноги. Мы вошли в главный холл, где уже был накрыт праздничный стол, и бегали слуги, разнося блюда, вина, закуски и кубки. Здесь, среди приглашенных, находились два пожилых господина в мантиях. Отец предложил мне познакомиться с ними. Это были лорд Саврон из Апсдейла и лорд Уинтоф из Флатингдейла. Я чувствовал на себе их любопытные взгляды, однако я знал, что в кольчуге и в сапогах я не отличаюсь от их сыновей, это давало мне силу держаться спокойно и невозмутимо. Сейчас никто не назвал бы меня монстром. Они восприняли мое появление, как обычную встречу, будто я не был в Ульме всего пару часов, а не всю жизнь.

Так как я все еще считался ребенком, и не представлял из себя ничего важного, то быстро покинул общество старших и удалился в ту часть замка, где жили молодежь и холостяки. Как наследнику, мне выделили отдельную комнату. Она была совершенно пустой, если не считать жесткой кровати, двух стульев и маленького стола. Здесь было гораздо меньше комфорта, чем в моем жилище у лесника. Слуга принес мой багаж, и я заметил, что он с открытым любопытством разглядывает меня, когда ему кажется, что я не смотрю на него. Затем он предложил мне принести горячую воду для умывания, и когда я согласился, явно обрадовался возможности поближе рассмотреть монстра, а потом рассказать все своим товарищам. Пока он отсутствовал, я скинул кольчугу, камзол и остался в одной рубашке. Он проскользнул в комнату с тазом, от которого поднимался пар, поставил его на пол и сняв с плеча полотенце, по-

ложил его рядом. Я решительно расстегнул рубашку и снял ее, оставшись таким образом голым до пояса. Пусть видит, что у меня все в порядке. Яго говорил, что если на мне сапоги, то никто не сможет сказать, что я урод.

— Поищи мне рубашку, — попросил я его, кивнув на дорожные мешки. Он все еще смотрел на меня. Что он надеялся увидеть? Безобразное тело? Я взглянул на себя и заметил, что не снял еще грифона. Перекинув цепь через голову, я положил шар на стол и начал мыться. Взгляд слуги перекинулся на грифона. Я продолжал смывать грязь с тела. Пусть думает, что это мой талисман. Люди часто носят талисманы, а здесь эмблема моего рода, так что ничего необычного в этом нет. Он нашел рубашку и держал ее, пока я надевал цепь. Затем он затянул на мне камзол и подал пояс с ножом. После этого он ушел, вероятно торопясь рассказать все своим друзьям. Я снял грифона с шеи и сжал шар в руке. И как обычно, ощутил приятную теплоту. С этой теплотой ко мне пришло ощущение мира и покоя, как будто этот шар, сделанный задолго до того, как первые наши люди пришли в эти долины, ждал все века того момента, когда он ляжет в мою руку. Но сейчас меня ждало тяжелое испытание, о котором я не переставал думать с того момента, как узнал, что мне предстоит приехать в Ульм. Это испытание — встреча с матерью. Что я могу сказать ей, и что она скажет мне? Через то, что стояло между нами, навести мосты было невозможно. Я стоял, сжимая кристалл, и думал о том, что я сделаю или скажу, когда наступит момент встречи. И внезапно, как будто кто-то заговорил вслух, но это прозвучало только во мне, как будто я заглянул в окно, на котором раздвинули шторы. Я понял, что никакая встреча не будет для нас приятной, не сделает нас менее чужими, чем мы были до сих пор. Но я не ощутил никакой потери, напротив, с меня как будто сняли ношу и я стал свободным. Мы не были связаны ничем, и я ничего не был ей должен — она сама так пожелала. Мне надо вести себя с ней, как с любой леди высокого ранга, оказывать ей формальную почтительность, ничего не требуя взамен. Шар в моей руке начал слабо светиться, но холодящий ветерок из приоткрывшейся двери заставил меня поспешно спрятать его. После этого я повернулся к вошедшему. Это был высокий юноша, высокий настолько, что мне приходилось смотреть на него снизу вверх. У него была мощная шея и плечи, широкая челюсть. Волосы его были очень густы и топорщились во все стороны. Вероятно, ему стоило немалых усилий расчесать эту копну соломенных волос. На его толстых губах играла ухмылка. Его камзол, расшитый золотыми узорами, туго стягивал выпуклую грудь, и он непрерывно приглаживал складки, как бы желая, чтобы все обратили внимание на его одежду. Он был огромен, но не заполнял собой весь дверной проем, так как рядом с ним стоял второй человек, небольшого роста и худощавый. Сначала я удивился. Форма его лица с очевидностью говорила о том, что он принадлежит к нашему роду, и цвет волос — более темный, чем у первого,

тоже был как у меня. У него было невыразительное сонное лицо, но я сразу предположил, что за этой бесцветной физиономией скрывается острый ум. Из этих двоих он наверняка представлял для меня большую опасность. Я сразу понял, что это враги. Описание Яго отличалось абсолютной точностью. Гигант был моим сводным братом, его звали Хлимер, а второй — по имени Роджер, кузеном-женихом Лизаны.

— Приветствую вас, родственники.

Улыбка на лице Хлимера стала еще шире.

— О, он не покрыт шерстью и у него нет когтей, насколько можно видеть. Интересно, в чем заключается его безобразие, Роджер? — он говорил так, как будто я был бессловесным существом, которое ничего не слышит и не чувствует. Но если он собирался подобным образом вывести меня из себя, то повел себя весьма глупо. Моя оценка его умственных способностей, которую я сразу ему дал, подтвердилась. Не знаю, продолжал бы он дальше в том же духе, если бы был один, но тут заговорил Роджер. Он не подхватил эту тему, а ответил на приветствие. Ответил почтительно и с уважением, ничем не показывая свое истинное отношение ко мне.

— И мы приветствуем тебя, родственник.

У Хлимера был высокий голос, какой нередко бывает у высоких людей, но в то же время какой-то нерешительный. Теплый голос Роджера располагал к доверию и дружбе. Если бы я не знал, кто он, я мог бы подумать, что он искренне приветствует меня и рад моему прибытию. Они сопроводили меня в большой холл. Я не знал, радоваться мне или нет, когда увидел, что там не поставлены кресла для женщин, и значит этот прием предназначен только для мужчин. Несомненно, моя мать решила ужинать у себя. Так как все понимали, в чем дело, то никто не стал осуждать ее. Я заметил, что отец время от времени кидает на меня испытующие взгляды. Мое место было в дальнем конце стола между Хлимером и Роджером. Но специально ли меня там посадили или нет, я не знал. Во всяком случае отец не смог бы сделать мне ни малейшего замечания без того, чтобы не обратить на это внимание остальных. Мои соседи сразу же принялись за свои шуточки. Хлимер настаивал, чтобы я опустошил кубок с вином, утверждая, что мое воздержание как-то обособляет меня от всех. Роджер в изысканных и мягких выражениях давал мне понять, что сказывается мое воспитание вдали от дома, и что мне недостает хороших манер, лоска и ума. Но все эти уколы не достигали цели, которой они добивались. Хлимер уже начал злиться. Он хмурился и как бы про себя цедил слова, которые я предпочел бы не слышать. Однако по виду Роджера ничего нельзя было сказать: он разговаривал так же вежливо и мягко, и поэтому никто не мог бы определить, что творится в его душе. К концу обеда Хлимер сам угодил в свою ловушку: он напился, его речь стала громкой, бессвязной и многие уже начали оборачиваться в его сторону и посмеиваться. Так началась моя жизнь под отцовской кровлей. К счастью, мне не приходилось

проводить много времени с Хлимером и Роджером. Мой отец, сообщив, что я здесь для посвящения в воины и утверждения в качестве наследника, держал меня все время при себе. Он представлял меня соседям, знакомил с подробностями церемонии, которая должна была состояться через три дня. Я должен был произнести клятву перед собравшимися лордами, принять меч от отца и таким образом перейти из юношей в мужчины, и стать вторым после него в Ульмдейле. И после этого участвовать в совете лордов, на котором предполагалось принять меры против ализонцев. Все согласились с тем, что пришельцы из-за моря таят в себе угрозу, но относительно того, как поступать, выявились резкие разногласия. Конференция кончилась безрезультатно, как это часто бывало в долинах, без какого либо плана действия, который был бы одобрен всеми. В соответствии со своим новым статусом в Ульмдейле я провожал лорда Саврона, отправлявшегося домой. Когда я возвращался, моя карьера, как наследника Ульмдейла, чуть не закончилась, едва начавшись. В знак уважения к гостю мой меч был туго затянут в ножнах шнуром, и я был без кольчуги. Неожиданно в моем мозгу появилось ощущение угрозы, и я не стал терять времени на распутывание шнура. Выхватив меч, я ударом кнута послал свою лошадь вперед, и тут же мимо моего плеча просвистела стрела — смерть была совсем рядом. Я отлично знал приемы лесников, которым частенько приходилось сталкиваться с преступниками Пустыни. Я метнул нож и сразу же раздался крик человека, который приподнялся из-за камней, чтобы вновь в меня выстрелить. Я выхватил меч и бросился на второго человека, который внезапно появился возле меня с мечом в руке. Копыто моей лошади ударило его в грудь и он с диким воплем покатился по земле. Как выяснилось, мы взяли важного пленника. Хотя эти двое были одеты, как крестьяне, которые брели от долины к долине, ища работу, на самом деле это были переодетые ализонцы, о которых только что разговаривали лорды. Один из них умер, а второй был тяжело ранен. Отец вызвал Мудрую Женщину, чтобы та занялась им. И в бреду тот заговорил. Почему они напали на меня, мы не выяснили, но мы узнали другое и тень, нависшая над нашей страной, стала еще чернее. Отец пригласил меня, Яго и других офицеров, которым он доверял. Он высказал нам свои опасения.

— Я не ясновидец, но каждый умный человек может сообщить, что планируют эти люди. Если мы не предпримем мер, то... — он заколебался. — Я не знаю... Новые опасности требуют новых путей их преодоления. Мы всегда следовали по пути преодоления, по пути отцов... Но помогут ли они в данном случае? Скоро может понадобиться помощь друзей, которые возьмут в руки щиты, чтобы защитить нас. Я хочу рассказать вам о тех мерах, что должны быть приняты немедленно. Следовательно... — он разложил на столе карту долин. — Здесь Апсдейл и другие. Мы уже знаем, какая опасность нас всех ожидает. Теперь необходимо предупредить соседей, и в первую очередь Икринт.

Икринт и леди Джойсан. Я так долго ее не вспоминал. Придет ли день нашей свадьбы, когда назначит ее мой отец? Мы уже достигли того возраста, когда совершаются свадьбы. Я подумал о матери и сестре, которые упрямо не покидали своих комнат с тех пор, как я тут появился. Внезапно мне пришло в голову, что леди Джойсан не сможет занять здесь место, какое ей положено. Нет, она должна приехать ко мне лишь добровольно, или не приезжать совсем! Но могу ли я быть уверенным, что она захочет это сделать? И мне пришел ответ, ясный и разборчивый, как будто произнесенный вслух. И после того, как мой отец дал инструкции Яго о чем и как говорить с лордом Пиартом, когда он вручит подарки невесте, я переговорил с моим старым воспитателем. Я не мог сказать, почему я это сделал, тем более, что мне вовсе этого не хотелось, но что-то непреодолимое заставляло меня сделать это. Я отдал ему кристалл с грифоном, чтобы он передал его леди Джойсан. Может, она моя настоящая невеста. Но я не знал этого до тех пор, пока много времени спустя не встретился с ней лицом к лицу.

ДЖОЙСАН

После того как прибыли вести из Ульмдейла, мои планы на будущее изменились. Было решено, что в этом году, как было условлено раньше, я не поеду к своему жениху, а подожду более спокойного времени. Ведь если по Ульмдейлу так нагло бродят шпионы врага, значит не за горами нападение главных сил. Мой дядя послал письмо со своим решением с Яго. Так как ни от лорда Ульрика, ни от лорда Керована не пришло возражений, мы решили, что они согласились. После этого дядя долго разговаривал со своими соратниками, а потом направил послов в Тревампер и другие долины, где жили наши родственники или ближайшие друзья. Наступило беспокойное время. Мы поспешно убирали урожай, запасали громадные количества сушеных фруктов, коптили и солили мясо — как будто тень голодного года нависла над нашей страной. И на следующее лето дядя приказал расширить посевные площади. Погода была такой же неустойчивой, как и наше будущее. Частенько разыгрывались свирепые бури. Несколько раз размывались дороги и мы оказывались в полной изоляции до окончания их ремонта. До нас доходили редкие новости, когда приезжал какой-нибудь посланец от соседей. Шпионов в Ульме больше не видели, но с юга приходили слухи о каких-то кораблях, которые не заходили в гавани, а курсировали вдоль побережья. Затем они исчезли и длительное время никаких тревожных слухов не возникало. Мы понемногу стали успокаиваться. Но мне казалось, что дядя опасается самого худшего. Он послал своего маршала в Тревампер, чтобы тот привез оттуда металл Пустыни, а кузнецу приказал изготавливать новое и ремонтировать старое оружие. К моему удивлению, он отдал распоряжение снять с меня мерку и сделать мне кольчу-

гу. Когда дама Мат выразила протест, дядя угрюмо взглянул на нее. Он уже давно не был в хорошем расположении духа.

— Спокойно, сестра. Я бы сделал то же самое и для тебя, но уверен, что ты не станешь ее носить. Выслушайте меня внимательно. Я уверен, что впереди нас ждут тяжелые времена, каких у нас еще не бывало. Если на наши берега высадится армия завоевателей, они будут поодиночке разбивать лордов. Они пойдут от дороги к дороге, от долины к долине. Следовательно...

Дама Мат глубоко вздохнула. Негодование ее испарилось и на лице появилось выражение, которого я не смогла прочесть.

— Пиарт... значит... значит ты... — она не закончила, но от ее слов меня тугими кольцами стянул страх.

— Снилось ли мне? Да, Мат... один раз...

— Дух Пламени, защити нас! — руки ее побежали по серебряным четкам, а губы зашептали молитвы, которым она обучилась в Монастыре.

— Как мне было обещано, — он взглянул на нее, — я видел сон... первый.

Выходит, будут еще два, — ее голова поднялась, а губы сжались. — Жаль, что в Предупреждении ничего не говорится о сроках.

— Это очень хорошо или очень плохо, что мы имеем Предупреждение, — вырвалось у него. — Что лучше, знать, что впереди тьма и вечно жить в ее ожидании, или же ничего не знать и встретить ужасы без Предупреждения? Лично я предпочитаю знать. Мы можем удержать Икринт, если они придут по реке или со стороны гор. — Он передернул плечами. — Мы должны быть готовы к бегству не на южное побережье, а в Норсдейл или даже в Пустыню.

— Но ведь кроме шпионов еще никто не приходил.

— Они придут, Мат, в этом нет сомнений. Они придут!

Когда мы с дамой Мат вернулись к себе, я осмелилась задать вопрос:

— Что это за сон, о котором упоминал дядя?

Она стояла у окна и смотрела вдаль невидящим взглядом. Услышав меня, она повернулась.

— Сон? — сперва мне показалось, что она не желает отвечать. Ее пальцы быстро перебирали четки, как будто она пыталась найти в них успокоение. — Это наше Предупреждение, — неохотно промолвила она. — Для тех, кто посвящен Пламени, такие вещи... нет, я не могу говорить об этом, это не наше дело. Поколение назад лорд Гандор, наш отец, взял под свою защиту Мудрую Женщину, которая жила одна и не искала общества, но у нее был дар лечить животных и ее овцы были лучшими в долине. Многие ей завидовали и распускали о ней разные жуткие слухи. Она часто ходила одна в Пустыню в поисках растений. И хотя она знала их великое множество, никогда не применяла их во вред людям, но грязные слухи обратили всех жителей долин против нее. И вот однажды ночью они пришли, чтобы забрать ее овец, а саму ее изгнать.

Лорд Гандор уезжал в Тревампер и они думали, что он там, иначе бы не осмелились на такое. Но когда они уже поджигали ее дом факелами, внезапно появился лорд со своими людьми. Лорд разогнал всех кнутом, а старуху взял под свой щит на глазах у всех — это означало его полное покровительство.

Однако старуха заявила, что она не может здесь оставаться, так как покой ее нарушен и уже не будет восстановлен. Однако она захотела увидеть нашу мать, которая была беременна. Старуха положила обе руки на живот матери, леди Алисы, и заявила, что роды у нее будут легкими. Леди Алиса очень обрадовалась этому предсказанию, так как при предыдущих родах ее ребенок появился на свет мертвым к великому горю всех домашних. Затем Мудрая Женщина предсказала, что это будет сын и у него будет дар. Время больших опасностей он сможет предвидеть во сне. После первых двух снов он сможет предпринять меры и спасти и себя и свою семью, но опасности, увиденные в третьем сне, не избежать. Затем старуха ушла из Икринта и из долины. Никто больше никогда ее не видел. Ее предсказание оказалось правдой. Через месяц мать благополучно разрешилась от бремени. У нее родился сын, твой дядя лорд Пиарт. И он видит вещие сны. Последний раз он увидел во сне смерть своей жены. Он загнал лошадь, пытаясь успеть с ней попрощаться. Так что... если он видит сон, ему можно верить.

Что ж, мне пришлось учиться носить кольчугу, потому что дядя увидел сон. Кроме того, он показал мне, как обращаться с мечом, который принадлежал ему, когда он был мальчиком. Хотя я не достигла больших успехов в фехтовании, зато стала прекрасным стрелком из лука. И впоследствии мне пришлось не раз помянуть это учение добрым словом, ведь его уроки спасали мне жизнь. Правда, он уже не знал об этом. Так пришел Год Лишайника — год, когда я должна была стать хозяйкой в доме лорда Керована. Иногда я брала в руки грифона и держала его, думая, что же за человек мой жених. Несмотря на все мои ожидания никто не приезжал из Ульмдейла и не привозил мне портрет моего жениха. Сначала я немного злилась, но затем подумала, что, вероятно, у них в Ульмдейле нет никого, кто бы мог нарисовать портрет. Ведь подобный талант чрезвычайно редок, а выехать куда-либо в такое смутное время по меньшей мере неразумно. Хотя мы сделали большие запасы, дядя приказал экономить. Даже на празднества выдавалось весьма малое количество провианта. Дядя все время был настороже. Он посылал разведчиков на границы своих владений и всякий раз терпеливо ждал их возвращения. На юге шла война. Минул месяц Ледяного дракона, начался новый год с месяца Снежной птицы. И тут мы получили известия о войне. Их привез человек, сумевший в такой мороз пробиться через снега и горы. Он так замерз, что когда его сняли с лошади, упал и не смог подняться без посторонней помощи. Вторжение началось, и оно удивило даже тех лордов, которых мы предупреждали. Эти заморские дьяволы воевали не так как мы — мечами и луками. Они привезли на своих кораблях

железные чудовища, внутри которых прятались люди. И когда эти чудовища послали вперед, ничто не могло их остановить. Они изрыгали пламя из длинных железных носов. Люди погибали в этом пламени или же чудовища раздавливали их. Когда воины отступали в крепости, чудовища ползли прямо на стены и сокрушали их своим весом. Такая война была нам неизвестна. Кровь и плоть людей не могли устоять перед неумолимым железом. Те из наших людей, кто спрятался в своих замках, надеясь отсидеться за их стенами, просчитались самым роковым образом: замки сокрушались один за другим. Но многие собрались под знамена четырех южных лордов и создали армию. Они уже могли окружать чудовища, которым для передвижения требовался подвоз топлива, и даже уничтожили несколько из них. Но наши люди уже потеряли побережье и враги все время подвозили людские резервы. К счастью, этих страшных машин было не так уж много. Вскоре мы встретили первых беглецов и ими оказались наши родственники. Отряд воинов сопровождал носилки и двух женщин. Это были леди Ислайга и леди Инглида. На носилках лежал в бреду тяжело раненный Торосс. Все они лишились дома и богатства. У них не осталось ничего, кроме того, что было на них. Инглида, вышедшая замуж и тут же овдовевшая, смотрела на меня абсолютно бессмысленными глазами. Ее подвели к огню, вложили в руку кубок и приказали выпить. Казалось, она не понимала, что с ней произошло. В её мозгу мелькали кошмарные образы. Ни сейчас, ни потом мы не смогли добиться от нее связного рассказа, как она выбралась из замка мужа, который железные монстры уничтожили одним из первых. Каким-то необъяснимым образом один из лучников провел ее в военный лагерь в долине, куда вскоре прибыла и леди Ислайга ухаживать за своим сыном. Вскоре на юге создалась обстановка, когда оставаться там было уже невозможно, и они решили попросить у нас убежища. Дама Мат тут же занялась раненым, а леди Ислайга не желала оставлять сына ни на одну секунду. Перед дядей встала проблема выбора — либо послать армию на борьбу с пришельцами на юг, либо готовиться к битве здесь, чтобы защитить свои земли. И так как он с самого начала был сторонником объединенных сил, он выбрал первое. Дядя возглавил воинов, которых смог собрать, не оставив без защиты свой замок. В нем остался небольшой, хорошо обученный отряд под командой маршала Дагаля. Был месяц Ястреба, на дорогах стояла непролазная грязь, мешающая продвижению механических чудовищ, и отряд лорда Пиарта выступил на юг. Я провожала его, стоя на башне у ворот.

Дама Мат безотлучно находилась при Тороссе, которому стало хуже. Перед этим я разливала во внутреннем дворике питательный напиток воинам из бочонка войны. Это должно было принести нам удачу, я держала бочонок в руках. Он был сделан в виде всадника на коне и жидкость выливалась изо рта лошади. Капля жидкости упала на снег и впиталась в него. Она была красная, как кровь. Увидев ее, я вздрогнула и быстро переступи-

ла через пятно, чтобы не видеть страшное предзнаменование.

Мы сидели в Икринте, готовые к нападению, но не ведали, где идут боевые действия, так как посланцы еще не приезжали. Но мы знали, что опасность может нахлынуть без предупреждения. Я думала о том, видел ли мой дядя вещие сны, и какие ужасы они нам предвещают. Но, вероятно, этого мы никогда не узнаем. Вскоре настал месяц Снегов, которые завалили все проходы в горах и мы почувствовали себя в относительной безопасности, но весна в этом году пришла рано. И в самую весеннюю распутицу прибыл посланец от дяди. Он передал, что мы должны удерживать крепость, пока это возможно. Посланец мало говорил о военных действиях и сказал только, что настоящих битв нет. Наши люди переняли манеру и тактику преступников Пустыни — они делают короткие неожиданные налеты на вражеские отряды, перерезают коммуникации, перехватывают обозы. В общем, как можно больше вредят, не подвергая себя опасности. Он же сообщил, что лорд Ульрик из Ульмдейла послал на юг отряд, но сам по болезни остался в замке. Отряд возглавил лорд Керован. Но если к берегам Ульмдейла подойдут вражеские корабли, отряд должен будет вернуться, чтобы не допустить высадку врагов, как это произошло в других городах южного побережья. В отсутствие сына лорд Ульрик не терял времени даром и укреплял замок. В тот вечер я была свободна от дел, и впервые за долгое время взяла в руки шар с грифоном. Во мне теснились мысли о том, кто послал его мне. Где он сейчас? Стоит под звездами с мечом в руке и не знает, когда звуки рога позовут его в бой? Хотя я совсем не знала его, от всей души желала ему удачи. Шар излучал приятное тепло и слабо светился в полумраке. Теперь это не казалось странным, напротив, тепло как-то успокаивало меня и снимало тяжкую тревогу. Внезапно шар затуманился, и я уже не могла различать в нем грифона. В клубящемся тумане возникали движущиеся тени, в которых угадывались сражающиеся люди. Один из них был окружен плотным кольцом врагов, наседавших на него. Я вскрикнула и на меня нахлынул страх, хотя я не могла различить, кто же там сражается. Но мне казалось, что этот талисман, присланный мне моим женихом, показывает мне сейчас его смерть. Я пыталась сорвать цепь с шеи и отшвырнуть шар в сторону, но шар мне не повиновался. Он светился и грифон смотрел на меня красными блестящими глазами. Конечно же, я стала жертвой своего воображения.

— Вот ты где? — услышала я укоризненный голос Инглиды. — Тороссу очень плохо, и он хочет тебя видеть.

Как мне показалось, она смотрела на меня с ревностью. С тех пор, как она вышла из шока, она снова стала Инглидой из Тревампера. Временами мне требовалось все самообладание, чтобы сдержаться и не ответить ей резкостью на ее колкости. Она вела себя так, как будто была тут хозяйкой, а я ее ленивой служанкой. Торосс поправлялся очень медленно. Его лихорадка поддавалась лечению дамы Мат, но болезнь неохотно покидала.

тело юноши. Вскоре мы обнаружили, что мне удастся заставить его поесть или успокоить, когда он начинал метаться в постели. Я охотно делала это, но мне не очень нравилось, когда он брал мою руку, претили его странные взгляды и улыбка. В этот вечер мне совершенно не хотелось идти к нему. Я была потрясена тем, что видела в шаре. Я заставила себя не верить, что это было ясновидение, но шла война и мой жених сражался вместе с другими. Так что вполне могло быть, что он погибнет, а мне не хотелось верить в это. Но я страстно желала бы иметь сейчас дар ясновидения, или чтобы возле меня находилась Мудрая Женщина, обладающая таким даром. Но дама Мат с большой неприязнью относилась к тем, кто использует загадочные силы. Наши родственники были лишь первыми беглецами, что пришли под защиту стен замка. И хотя дядя, отдавая приказ делать большие припасы, вероятно предвидел, что нам придется кормить множество людей, он ни разу не сказал об этом. Но теперь мы могли оценить по достоинству его предусмотрительность. Всякий раз, когда я выдавала продукты на день, я задумывалась, хватит ли нам, даже при скудном рационе, этих запасов до следующего урожая. Беглецы, в основном крестьяне — женщины, дети, старики и раненые мужчины, прибывали постоянно. Мало кто из них был способен помочь в защите замка, если возникнет такая необходимость, поэтому мы с маршалом и дамой Мат решили, что неразумно держать в крепости столько лишних ртов. Как только установится подходящая погода, их следует отослать на запад в долины, не затронутые войной, а может даже и в Монастырь в Норетиде. И теперь, когда я входила в комнату, где лежал Торосс, моя голова была занята мыслями об этом, а не о моих видениях в шаре. Торосс лежал на подушках и мне показалось, что ему гораздо лучше. Зачем же он меня позвал? Этот вопрос вертелся у меня на языке, когда леди Ислайга, сидевшая возле постели, поднялась и вышла из комнаты. Торосс поднял руку, приветствуя меня. Выходя, Ислайга даже не взглянула на меня, что-то бормоча себе под нос.

— Джойсан, сядь сюда, чтобы я мог видеть тебя! — голос его был твердым и уверенным. — У тебя под глазами круги. Ты изнуряешь себя работой, моя дорогая.

Я подошла к стулу, но не села, а стала рассматривать его лицо. Оно было осунувшимся и бледным, страдания избородили его морщинами. Однако глаза были чистыми и в них не было тумана, вызванного бредом и лихорадкой. И то беспокойство, которое всегда охватывало меня, когда я была с ним, снова вернулось.

— У нас очень много работы, Торосс. Я делаю не больше того, что от меня требуется.

Я мало говорила, думая о том, стоит ли сказать, что я обручена и ему не следует проявлять ко мне нежные чувства и заботиться обо мне.

— Скоро все кончится, — произнес он. — Война и ее ужасы в Норетиде не коснутся тебя...

— Норетид? О чем ты говоришь, Торосс? Беглецы отправятся в Норетид. Мы не можем оставить их здесь, у нас мало продовольствия, но наши люди останутся здесь. Может быть, ты тоже отправишься в Норетид.

Как только я это сказала, сразу почувствовала облегчение. Мне будет легче жить, когда эти родственники покинут замок.

— Ты тоже должна с нами поехать,— безапелляционно заявил он.— Девушке не место в крепости во время осады...

— Дама Мат!...— прошептала я, но сразу замолкла.

Нет, она не могла решить это без меня. Я отлично знала ее. Но потом я овладела собой. Торосс не имеет ни малейшего права приказывать мне. Я покину замок только по приказу дяди... или лорда Керована, и никто больше не сможет приказывать мне.

— Ты забыл, что я обручена. Мой жених знает, что я в Икринте. Он придет за мной сюда, так что я останусь тут и буду поджидать его в замке.

Лицо Торосса вспыхнуло:

— Джойсан, ты что, ничего не видишь? Почему ты так ему предана? Ведь он не вызвал тебя, когда настало время свадьбы. Прошло уже много времени и ты можешь разорвать помолвку. Если бы ты была ему нужна, разве он не пришел бы за тобой раньше?

— Даже через вражеские ворота? — спросила я.— Лорд Керован повел отряд Ульмдейла на юг. Сейчас не время думать о свадьбах, и о выполнении обычаев. Я не разорву нашу помолвку, если он сам не захочет этого сделать, пока он не скажет, что я ему не нужна.— Может, я говорила не совсем то, что думала, ведь я была женщина и имела свою гордость. Но я хотела, чтобы Торосс наконец понял, и не настаивал на том, что невозможно сделать. Если он будет уговаривать меня и дальше, то тогда наступит конец нашей дружбе, хотя мне было и жаль этого.

— Ты можешь быть свободна, если захочешь этого,— упрямо продолжал он,— если была бы правдива сама с собой, Джойсан, ты призналась бы себе, что сама хочешь этого. Меня тянет к тебе с первого дня, как я увидел тебя. И ты ощутишь то же самое... И если ты позволила бы своим чувствам...

— Неправда, Торосс! То, что я тебе говорю, также сильно, как клятва Огня. Я хотела бы, чтобы ты все понял. Я жена лорда Керована и останусь ею до тех пор, пока он сам не откажется от меня. Поэтому мне не подобает слушать то, что я слышу от тебя. И я не могу больше оставаться с тобой!

Повернувшись, я выбежала из комнаты. Я слышала, как он заворочался в постели, вскрикнул от боли и позвал меня. Я не оглянулась и вошла в большой холл. Там находилась леди Ислайга, которая наливала бульон из кастрюли в чашку. Я подошла к ней и сказала:

— Твой сын зовет тебя. Больше не проси меня приходить к нему.

Она посмотрела мне в глаза и видимо поняла, что произошло. На ее лице отразилась ненависть — ведь я отвергла ее сына.

Для нее он был всем и никто не мог отказывать ему в его желаниях.

— Ты идиотка! — бросила она мне.

— Я была бы идиоткой, если бы выслушивала его речи, — я позволила себе резкость. Затем я посторонилась, пропуская ее, когда она торопливо пошла с чашкой бульона в комнату сына.

Я осталась у огня, протягивая замерзшие руки к теплу. Была ли я идиоткой? Что связывает меня с Керованом? Игрушка с грифоном — и все это после восьми лет помолвки без настоящей свадьбы. Но для меня выбора не было и я не жалела о том, что сделала.

КЕРОВАН

Я уже забыл мирное время. Человек быстро привыкает к состоянию постоянной опасности и тревоги. Когда пришли вести о вторжении, мой отец был готов выступить сам во главе отряда. Но, поразмыслив, он решил, что главной целью врага все же является Ульмдейл. Кроме того, его мучал страшный ревматизм, а эта болезнь не позволяет человеку, и тем более воину, спать в палатках или на сырой земле. И поэтому я повел отряд под знаменем грифона на помощь южным соседям. Яго очень хотел поехать со мной, но его старые раны воспротивились этому. Меня сопровождал маршал Юруго. Мой сводный брат и Роджер вернулись к роду моей матери. Во время войны именно там было их место, и я совсем не жалел об этой потере. Хотя между нами не было открытых столкновений и даже Хлимер перестал провоцировать меня, я все же чувствовал себя беспокойно в их компании. Да, они не были мне друзьями. Правда, в те дни я мало находился в замке, потому что ездил по долине, по побережью, собирая информацию, которую привозил отцу, прикованному к постели. И при этом я не только был его глазами и ушами, но и узнавал страну, знакомился с народом, которым мне, если позволят боги, придется править в будущем. Сперва меня встречали со скрытой враждой и даже со страхом, и я понял, что опасения Яго имели под собой твердые основания. Слухи о том, что я чудовище, глубоко проникли в умы людей. Но те, с кем я ездил по стране, кому отдавал приказы, проникались мыслью, что я обыкновенный человек, их господин. Они уже не считали меня чудовищем. Яго говорил мне, что те, кто уже общался со мной, полностью на моей стороне и разоблачают все слухи обо мне. Они говорят, что любой, у кого есть голова на плечах и два глаза, может видеть, что наследник лорда ничем не отличается от остальных людей. Мой сводный брат уже снискал себе дурную славу своим духовным нищенством и вздорным характером. В первую встречу с ним я охарактеризовал его как быка, и таким он был на самом деле. Для него вообще не существовали люди, которые были ниже его по положению. Все они, по его

мнению, созданы лишь для того, чтобы служить ему. Но с другой стороны, Хлимер являлся искусным бойцом. У него были длинные руки, которые давали ему большое преимущество над таким хлипким соперником, каким он считал меня. Я не думаю, что в те времена охотно встретился бы с ним в поединке. У него было много союзников в доме и он постоянно демонстрировал это мне. Я же ни разу не отклонился от своего решения ни с кем не сближаться. К тому же, я столько времени был предоставлен себе, что плохо умел располагать к себе людей. Я никого не боялся, но и сам никого не любил. Я постоянно был один. Иногда я думал, как бы сложилась моя судьба дальше, не начнись война. Вернувшийся из Икринта Яго, куда он возил письма отца и мои подарки, отозвал меня в сторону и сунул в руку продолговатый плоский расшитый мешочек, размером с ладонь. Там находился портрет. Яго сообщил, что моя невеста просит прислать ей мой портрет. Я поблагодарил старого воина и еле дождавшись, когда он уйдет, впился глазами в ее портрет. Не знаю, чего я ожидал — разве что надеялся на то, что Джойсан не очень красива. Некрасивое лицо поможет ей перенести разочарование, когда она поближе познакомится со мной. Но передо мной был портрет девушки, на личике которой я не обнаружил следов разочарования. Лицо было тонким, а глаза на нем казались огромными. Эти глаза были какого-то неопределенного цвета — ни голубые, ни зеленые. Впрочем, художник мог и ошибиться. Но почему-то я был уверен, что художник не старался ее приукрасить. Он изобразил ее такой, какая она была на самом деле. Ее нельзя было назвать очень красивой, но лицо ее было таким, какое невозможно забыть, даже если увидеть его всего раз в жизни. Волосы ее, как и мои, были цвета осенних листьев — коричневые с благородным красным отливом. Лицо сужалось ото лба к подбородку и имело почти треугольную форму. Девушка на портрете не улыбалась, но смотрела на мир с каким-то интересом. Такова была Джойсан. Держа портрет в руках и рассматривая его, я вдруг впервые понял ясно и отчетливо, что это та, с кем связана моя жизнь, моя судьба, от которой мне не убежать. И я смотрел на серьезное лицо девушки, которая, как мне казалось, угрожает отнять мою свободу. Эта мысль заставила меня устыдиться и я поспешно сунул портрет обратно в мешочек и спрятал его в свой кошелек. Я хотел убрать его с глаз и выкинуть из головы. Яго сказал, что она хочет получить мой портрет, но даже если бы я очень хотел выполнить эту просьбу, не смог бы этого сделать. Я не знал никого, кто имел талант рисовать портреты, а расспрашивать посторонних мне не хотелось. И поэтому на просьбу невесты я не ответил ничем. А затем наступили дни, полные новых тревог, новых забот, и я забыл о ее просьбе, а может старался забыть. Ее портрет постоянно оставался при мне. Время от времени, я доставал расшитый мешочек и даже пытался вытащить портрет, но потом одергивал себя со злостью и снова прятал. Я опасался, что, видя ее лицо, сделаю то, о чем впоследствии пожалею. По обычаю, Джойсан должна

была бы приехать ко мне в конце этого года, но обстановка была очень тревожной, близилась война, и приезд отложили. А следующий год уже застал меня на юге в самой гуще событий. Сражения? Нет, я не назвал бы это так громко. Лесники научили меня быть не героем сражений, а выслеживать, вынюхивать врага, собирать о нем самые подробнейшие сведения: о его передвижении, о его силах и о его привычках. Первые поражения, когда прибрежные крепости были повержены одна за другой под ударами металлических чудовищ, принудили нас объединить свои силы. К сожалению, объединение произошло с опозданием. Враг, хорошо изучивший наши методы ведения войны, знал наши слабости и имел подавляющее превосходство в вооружении. Решительный и беспощадный противник сокрушил трех могущественных южных лордов, весьма уважаемых народом. Трое оставшихся лордов были или более предусмотрительны или более везучи. Им удалось бежать и они сформировали совет. Таким образом нам удалось создать объединенную армию, которая перешла к тактике преступников Пустыни — молниеносным ударам с мгновенным отходом. Так нам удавалось наносить урон противнику, почти не теряя при этом своих людей.

Вторжение началось в Год Огненного Тролля, а первых успехов мы добились в Год Леопарда. Но мы не гордились этими успехами. Мы потеряли уже столько, что никакие победы не могли компенсировать эти потери. Мы стремились лишь к тому, чтобы вышвырнуть пришельцев обратно в море, откуда они явились. Все южное побережье уже находилось в их руках и через три порта постоянно поступали все новые и новые отряды. Но к счастью, те металлические чудовища, которыми они нанесли первый и сокрушительный удар, больше не прибывали, иначе мы не могли бы устоять перед ними и уже давно откатились на север и запад, как перепуганные кролики. Мы взяли пленников и от них узнали, что эти металлические чудовища не принадлежат ализонцам. Их делают в другой стране, которая расположена рядом с Ализоном и сейчас воюет на другом конце мира. А целью вторжения к нам Ализона было подготовить путь для нападения более могущественной армии. Ализонцы, несмотря на их высокомерие, казалось, сами боялись тех, чье оружие они применили против нас. Они угрожали нам страшной мстостью, когда та держава закончит войну и обратит на нас всю свою мощь. Но наши лорды поняли, что сейчас не время думать о том, что будет после. Наш долг сейчас — защитить свою родину и изгнать наглых пришельцев из долин. Я уверен, что в душе все мы не сомневались в нашем близком конце, но о сдаче на милость врагу никто не помышлял. Судьба пленников, попавших в руки наших врагов, была ужасна. Смерть казалась милосердием по сравнению с участью пленников. Я вернулся из разведки, а в лагере меня с нетерпением ждал посланец одного из лордов — лорда Имгри. Усталый и голодный, я схватил кусок хлеба и вскочил на лошадь. Прибывший сообщил, что получено послание с помощью костров и щитов. Лорд, расши-

фровав его, срочно послал за мной. Передача сообщений с помощью костров и отражающих свет щитов широко применялась в нашей стране, но какое отношение я имел к сообщению, мне было не ясно. Но я так устал, что мои мозги отказывались соображать. Из всех лордов, которые входили в совет, лорд Имгри был наименес приятным. Он стоял как-то в стороне от всех остальных. Но был весьма хитер и умен и именно ему мы были в большей степени обязаны своими успехами. Его внешность, казалось, полностью соответствовала его характеру. На его лице постоянно было холодное выражение. Я никогда не видел его улыбки. Для него люди ничего не значили, но относился он к ним бережно, всегда заботился, чтобы все были сыты, устроены на ночлег. Сам он тоже делил с ними все трудности походной жизни, и все же ни с кем близко не сходилась, даже с другими лордами. Имгри уважали, боялись, охотно подчинялись ему, но я не верил, что его любили. Вскоре я уже был в его лагере. Моя голова кружилась от недостатка сна и от длительной езды верхом. Я старался не шататься, когда сошел с коня. Было делом чести — предстать перед лордом Имгри с такой же холодной невозмутимостью, с какой он встретит меня и которая никогда его не покидает. Он был не стар, как мой отец, но, как казалось окружающим, никогда не был молодым. Создавалось впечатление, что с самой колыбели он все планировал и предусматривал, если и не свои действия, то изменения ситуации вокруг него. В грубом крестьянском доме в камине горел огонь. Перед ним стоял лорд, вглядываясь в пляшущие языки пламени, как будто стараясь что-то прочесть в них. Его люди расположились вокруг дома. Только оруженосец сидел на стуле возле огня и начищал шлем грязной тряпкой. Над огнем висел котелок, распространяя вокруг себя аромат, от которого у меня потекли слюнки, хотя прежде я бы с презрением взглянул на такой скудный ужин. Когда я закрыл за собой дверь, лорд повернулся и посмотрел на меня острым пронизательным взглядом, который был его главным оружием в борьбе с окружающими. Усталый, измученный, я собрал силы и твердо встретил его взгляд.

— Керован из Ульмдейла,— он не спрашивал, он удостоверял.

Я поднял руку, приветствуя его, как приветствовал бы любого лорда.

— Я здесь.

— Ты опоздал.

— Я был в разведке и поехал сюда, как только получил послание,— спокойно ответил я.

— Так, так... И что же ты узнал?

Сдерживая себя, я рассказал, что мы видели во вражеских тылах.

— Значит, они двигаются по Калдеру. Да, реки для них весьма удобный путь передвижения. Но я хочу поговорить об Ульмдейле. Пока они высадились только на юге, но с тех пор, как пал Эрби...

Я попытался вспомнить, где находится Эрби, но настолько устал, что с трудом смог представить в уме карту. Эрби был порт в Вестдейле.

— Вестдейл? — уточнил я.

Лорд Имгри пожал плечами.

— Если он еще не пал, то непременно падет в ближайшем будущем, и тогда перед ними откроется путь дальше на север. Если они захватят и Ульм и высадят там большие силы, то мы будем раздавлены, как тараканы.

Этих слов было достаточно, чтобы заставить меня забыть об усталости. Я привел с собой небольшой отряд, но потеря каждого человека — это чувствительный удар по Ульмдейлу. А с тех пор, как мы вступили в войну, потеряли пятерых, а трое тяжело ранены и вряд ли когда-нибудь смогут взять в руки оружие. Если враги нападут на Ульмдейл, то мой отец и его люди не отступят, но им не устоять перед бронированными чудовищами, которых двинут против них ализонцы. Значит погибнет все, что было мне родным и близким. Пока я говорил, лорд Имгри взял блюдо, положил туда кусок дымящегося мяса из котла и сделал приглашающий жест, указывая на стол.

— Ешь. Мне кажется, что сейчас это тебе нужнее всего.

Его приглашение не отличалось гостеприимством и лаской, но меня не нужно было долго уговаривать. Оруженосец приподнялся и уступил мне стул. Я скорее упал, чем сел на него, схватил мясо, которое еще было очень горячим, и стал греть замерзшие руки, перекидывая его с ладони на ладонь.

— У меня уже давно не было вестей из Ульмдейла. Последний раз... — я перебрал в памяти прошедшие дни. Мне казалось, что я все время был усталым до изнеможения, промерзшим до костей, голодным как собака...

— Сейчас тебе нужно отправиться на север. — Имгри снова подошел к огню и стал говорить, не смотря на меня. — Мы не можем выделить тебе отряд. Пойдешь в поход с оруженосцем.

Я был горд, что он считает меня способным проделать опасное путешествие без вооруженного эскорта. По всей вероятности, мои рейды доказали, что я вполне зрелый воин и не нуждаюсь в опеке.

— Я могу поехать один, — коротко сказал я и начал пить бульон прямо из тарелки, так как ложку мне не дали. Он согревал меня и я наслаждался вливающимся в меня теплом и сытостью.

Лорд Имгри не стал возражать.

— Хорошо, поедешь утром. Я сам сообщу твоим людям, так что можешь спать здесь.

Я провел ночь на полу в доме, закутавшись в плащ. А утром выехал, взяв два куска хлеба и усевшись на отдохнувшую лошадь, которую подвел ко мне оруженосец. Его лорд не попрощался со мной и не пожелал мне счастливого пути. Дорога на север не была прямой, и мне приходилось сворачивать на овечьи тропы и нередко спешиваться, чтобы провести лошадь за повод по кру-

тым горным склонам. У меня был с собой горячий камень, так что я мог разводить костер, чтобы согреть и осветить заброшенные пастушеские хижины, где я останавливался на ночь. Но я так не поступал, так как опасался волков, собиравшихся громадными стаями. Шла война и на месте боев им оставалось много поживы. Иногда я проводил ночи в маленьких крепостях, где перепуганные люди, открыв рты и замирая от страха, выслушивали последние новости. Изредка я останавливался в придорожных гостиницах. Путешественники не так жадно расспрашивали меня, как жители крепостей, но слушали очень внимательно. На пятый день пути после полудня я увидел Кулак Великана, самую высокую вершину моей родины. Над головой плыли густые облака, холодный ветер рвал одежду. Я решил ускорить движение. Каменистые тропы, по которым я скакал, весьма утомили лошадь, но воспользоваться другой, более легкой дорогой было невозможно, так как если бы я спустился к торговым путям, то потерял бы массу драгоценного времени. Я продолжал движение по горным тропам, внимательно всматриваясь в окружающий пейзаж, но это не спасло меня. Вероятно, они имели часовых на всех дорогах в долину, и я шел прямо в ловушку. Да, я шел в ловушку с беспомощностью овцы, которую ведут на бойню. Тут сама природа создала прекрасные условия для западни. Я ехал по узкой тропинке по самому краю пропасти. Неожиданно моя лошадь опустила голову и тревожно заржала, но предостережение запоздало. На мои плечи опустился сокрушающий удар. Я выронил поводья и обмяк, после чего свалился с лошади. Я не мог думать, а только чувствовал. И все же какой-то инстинкт, желание выжить, заставили меня пошевелить руками. Мой затуманенный мозг воспринял информацию рук, переработал ее, натужно скрипя, и я понял, что лежу лицом вниз, голова и плечи ниже остального туловища и весь я в гуще кустов. Тут я понял, что после падения с лошади, покатился вниз в пропасть, и эти кусты спасли меня, остановив падение. Если напавшие смотрели на меня сверху, то они наверняка подумали, что я разбился насмерть. А может быть, сейчас они спускаются вниз, чтобы добить меня. Но я думал только о боли во всем теле и хотел переменить позу, чтобы мне стало легче. Я долго барахтался, прежде чем осознал, что мне нужно предпринять. Но тут я вновь покатился вниз и на меня снова обрушился мрак. Второй раз я очнулся от того, что ледяная вода горного источника заморозила мне щеку. Я со стоном приподнял голову, пытаюсь отползти от ручья, но руки не держали меня и я упал лицом в воду. От жгучего холода я задрожал еще сильнее, но вода прояснила мой разум и привела в порядок мысли. Сколько времени я находился без сознания, я не знал, но было уже темно, и этот мрак не был причиной моего тяжелого состояния. Поднялась необычайно яркая и чистая луна. Я с трудом сел, схватившись за голову. На меня напали, конечно, не преступники Пустыни, так как они наверняка постарались бы захватить кольчугу и оружие, а со мной покончить. И тут меня охватил ужас. Неужели подозрения лорда

Имгри подтвердились так быстро? Неужели нападение на Ульм-дейл уже свершилось и я наткнулся на отряд передовых разведчиков? Да, но западня была устроена так искусно, что я не верил, что это дело рук тех, с кем я воевал на юге. Нет, здесь было что-то иное. Я принялся исследовать тело и с радостью обнаружил, что все кости целы и серьезных повреждений нет. Но я был весь в ссадинах и с большой раной на голове, что было хуже всего. Возможно, от более серьезных последствий падения меня защитили кольчуга и кусты. Я весь дрожал от холода и нервного возбуждения, а когда попытался встать на ноги, то обнаружил, что ноги не держат меня. Я снова рухнул на колени и судорожно схватился за камень, чтобы не полететь вниз. Моей лошади нигде не было видно. Может, напавшие на меня забрали ее? Где же она теперь? Мысль об этом заставила меня вытащить меч. И я лежал, тяжело дыша и положив меч на колени. Я был неподалеку от крепости. Если бы я мог встать и идти, то смог бы добраться до первых пастбищ. Но каждое движение приносило мне невыносимую боль. Дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы, и я прикусил нижнюю губу так сильно, что ощутил во рту вкус крови. Только тогда я взял себя в руки. Мне здорово повезло, что я остался жив. Но сейчас я был в таком состоянии, что не мог даже защитить себя. Выходит, пока я не окрепну и не наберусь сил, мне необходимо передвигаться очень медленно и осторожно. Я слышал лишь обычные ночные звуки — птицы, звери... Ветер совершенно стих и ночь была неестественно тихой. Она как будто выжидала. Но кого? Чего? Я менял положение тела, тщательно проверял свои мышцы и, наконец, встал на ноги и не упал, хотя земля уходила у меня из-под ног. Стояла тишина. Только мирно журчал ручеек. Никто не смог бы подобраться ко мне сейчас и остаться незамеченным. Я сделал пару шагов вперед, стараясь твердо ставить ноги на каменистую почву и хватаясь руками за чертополох и сучья, чтобы не упасть. Затем я заметил стену. Луна заливала серебряным светом ее камни. Я направился к ней, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. Вскоре я добрался до открытого пространства и опустил на четвереньки. Потом пополз между камнями, не теряя бдительности. Невдалеке я заметил стадо овец и эта мирная картина успокоила меня. Если бы здесь появились пришельцы, долина была бы уже разграблена. Но реальные ли это были овцы? У нас говорили о том, что многие пастухи видели стада фантомных овец, которые изредка даже смешивались с настоящими.

А ночью и туманным утром ни один пастух не мог сосчитать овец и дважды получить одинаковое количество. Тогда пастух не имел права гнать овец в деревню, так как если реальных и фантомных овец разместить в одном помещении, то все они превратятся в призраков. Но я отбросил эти фантастические бредни и сосредоточился на первоочередной задаче: проползти до стены и войти в крепость. Вскоре я добрался до места, откуда мне отлично была видна дорога, крепость, стоящая на каменном холме

над дорогой в Ульмпорт. Луна светила ярко и света было достаточно, чтобы можно было увидеть знамя лорда на башне крепости. Но я не заметил знамени там, где оно должно было находиться. Но затем, как бы для того, чтобы все объяснить мне, подул ветер с востока. Он шевельнул полотнище, висящее на шпилье и развернул его на короткое время, но и этой доли секунды мне хватило, чтобы все увидеть и понять. Не знаю, вскрикнул ли я или нет, но внутри меня все задрожало. Потому что только по одной причине знамя лорда могло быть так изодрано в клочья. И эта причина — его смерть! Знамя Ульмдейла разорвано, это означает, что мой отец... Я ухватился за стену, но не мог удержаться и упал на колени. Ульрик из Ульмдейла мертв. Зная это, я мог предположить, почему на меня была устроена засада. Вероятно, они поджидали меня. Но если о смерти отца мне было послано сообщение, то почему оно не нашло адресата? Те, кто хотел схватить меня, должно быть перекрыли все дороги в долину, чтобы быть уверенными, что я не миную засад. Теперь надо вступить на тропу, ведущую к опасности, но я еще не был готов к этому. Сначала я должен обрести твердость духа, а уж потом шагать вперед.

ДЖОЙСАН

Хотя я и решила отправить Торосса и его родственниц из Икрина, это было не так-то легко осуществить. Торосс все еще был прикован к постели. Не могла же я отправить его на носилках? Но я больше не заходила в его покои. С Ислайгой и Инглидой я тоже не разговаривала. Хорошо, что у меня было много дел и мне редко приходилось оказываться с ними в одной компании. В костюме для верховой езды, захватив хлеб и сыр на обед, я в сопровождении оруженосца объезжала поля, проверяла посты в горах и совершала другую работу. Теперь я не снимала кольчугу и не расставалась с мечом, который подарил мне дядя. И никто не говорил мне о том, что такой костюм не подходит для девушки — тяжелое время обязывало каждого делать все, что в его силах. А затем на нас обрушилась болезнь — с жаром и глубоким, раздирающим горло кашлем. По какой-то случайности я не заболела и в мои руки перешло все управление замком. Дама Мат заболела одной из первых. Но она все же изредка покидала постель и, несмотря на слабость, старалась помочь мне и больным. Маршал Дагаль тоже заболел и его люди получали приказы от меня. Мы постоянно держали часовых в горах и в то же время старались убрать урожай. Это было трудное время — дел было очень много, а рабочих рук не хватало. Дни и ночи слились для меня в океан усталости и изнеможения. Времени для отдыха совершенно не оставалось. Все, кто держался на ногах, работали. Даже малыши выходили в поле с матерями и помогали им, чем могли. Но силы наши были на исходе и мы собрали небольшой урожай, а посадили гораздо

меньше, чем в минувшем году. В середине лета вместо традиционного пира, я собрала всех, кого наметила отправить в Норетид, и они направились на север. Шли они, в основном, пешком, так как лишних лошадей у нас не было. Торосс не поехал с ними. Его рана уже достаточно зажила и он мог бы перенести тяжести путешествия. Я надеялась, что у него хватит здравого смысла уехать, но он остался. Он даже стал другом маршала Дагалья и его ближайшим помощником, когда маршал поправился и приступил к выполнению своих обязанностей. В те дни я не чувствовала себя счастливой. И хотя Торосс не искал со мной встреч, я обостренно ощущала его взгляды, а его воля невидимыми путями пыталась захватить меня в плен. Я могла лишь надеяться, что у меня хватит сил, чтобы воспротивиться его бессловесным нападкам. Торосс понравился мне с самого первого взгляда, с первой встречи. Тогда я впервые увидела веселого, жизнерадостного юношу, столь непохожего на угрюмых, забитых людей, которые окружали меня до этого. Он был ласков, умен, с ним было интересно разговаривать. У него было приятное лицо и он великолепно поддерживал беседу и чувствовал себя как рыба в воде в любой компании. Я видела, что девушки не сводят с него глаз и сама ощущала силу его очарования. Рана омрачила его веселость, но он все равно облегчал наше существование в те суровые дни. И я не могла отрицать, что своими шутками он вселял в нас оптимизм. Правда, я никак не могла понять, на чем основана его уверенность, что я уйду к нему. Я знала, что наши мужчины смотрят на женщин, как на собственность. Сначала, конечно, они ухаживают за женщиной, потворствуют ее капризам, но когда добиваются ее и вводят в дом, то она становится вещью, как охотничий сокол, гончая собака, лошадь... Женщинам пользовались, как инструментом, чтобы заключать и укреплять союзы между лордами. И мы не могли протестовать, даже если намеченный брачный союз был женщине не по душе. Если какая-либо женщина пыталась восстать против судьбы, то предполагалось, что она вошла в союз с темными силами, а обвинение в этом означало для женщины страшную опасность: от нее отворачивались даже те, кто находился с ней в кровной связи. Мой путь был сравнительно прост и легок, до этого времени. Дама Мат была умной и душевно сильной женщиной, хорошо знающей место, которое женщина долины занимает в доме. Ее брат поручил ей управление всем хозяйством и советовался с ней по многим вопросам. Она была умна и ничем не проявляла отношение к родовым обычаям относительно роли женщин. Но я узнала от нее много такого, чего вовсе не обязательно было знать девушке, которой предстоит уйти в дом мужа. Я могла читать и писать, причем многое узнала в женском Монастыре, куда мы часто ездили. Изредка я присутствовала на совещаниях дяди и дамы Мат. Правда, я не осмеливалась высказывать свое мнение без приглашения, но дама Мат нередко спрашивала меня, что я думаю по тому или иному поводу. При этом она говорила, что будущая хозяйка должна уметь принимать решения, но для

этого надо много знать. Я знала, что обо мне много говорят. У меня имелось наследство от отца, но не в земельных владениях. И Пиарт мог назвать меня по обычаю наследницей, хотя я была девушкой, но наследником все же стал Торосс, как мужчина. До бегства с юга Торосс был прямым наследником своего отца, теперь же он потерял право на лордство, как какой-нибудь второй или третий сын. Его постоянные требования, чтобы я стала его женой, заронили в мою душу подозрения, что его главная цель не я, а полное право стать наследником Пиарта. Может я и ошибаюсь, но мне казалось, что и Ислайга также лелеет эту мысль. Поэтому она пыталась скрыть свою неприязнь ко мне и часто оставляла нас наедине, полагая, что ее сын сможет уговорить меня разорвать брачный союз с Керованом. Этим летом я чувствовала себя зайцем, которого стараются загнать две гончие собаки, поэтому я все чаще и чаще спасалась от них работой. Когда мы отправили на север первую партию беглецов, стало полегче, но ненадолго. Теперь к моим обязанностям прибавилась забота о даме Мат. Хотя она и делала, что могла, но работа давалась ей с трудом. Она все худела и худела, пока не стала совсем прозрачной. Частенько она стояла, стискивая пальцами четки и безмолвно молясь, но несмотря на это пальцы ее мелко дрожали. Я старалась проводить с ней как можно больше времени, и нам ни о чем не надо было спрашивать друг друга, мы и так, без слов отлично понимали друг друга. Но теперь она стала говорить, говорить намного больше, чем раньше. Делилась со мной всем, что знала, как будто чувствовала, что конец ее близок. Дама Мат рассказывала мне о травах, о лечении, и о многих странных вещах, которые сейчас редко передаются от одного поколения к другому. То, что мы живем в странной стране, все мы хорошо знали — достаточно было повернуть голову и увидеть то, что осталось от Прежних. Здесь таились опасности, которые можно было вызвать к жизни, если быть неосторожным. Детям строго-настрого запрещалось ходить туда, где царил странное мертвое спокойствие. Эта тишина, казалось, чего-то выжидала. Дама Мат открыла мне тайну. Оказалось, что Огонь, которому она посвятила жизнь, не обладает Могуществом Прежних. И тем, кто поклоняется ему, иногда приходилось идти в горы, чтобы искать свое Могущество, которое могло бы противостоять Злу. Даже Монастырь был вынужден искать помощи не только в своем божестве — Огне. Дама Мат пришла ко мне рано утром. Ее лицо очень похудело. Она стояла и перебирала в руках четки, глядя не на меня, а куда-то в стену, как будто опасалась встретиться со мной взглядом.

— Джойсан, с Пиартом что-то случилось...

— Ты получила письмо? — я удивилась, потому что не слышала рога. Теперь при приближении к крепости нужно было обязательно оповещать о своем приходе.

— Да, только не словами и буквами, — ответила она. — Оно у меня здесь. — Она оставила четки в покое и показала себе на лоб тонкими пальцами.

«Сон? — вновь удивилась я. — Неужели дама Мат получила такое же наследство?»

Не такой, как ты думаешь, весьма расплывчатый. Но я знаю, что ему сейчас плохо. Я должна пойти к лунному источнику

Сейчас не ночь и не полнолуние, — напомнила я ей.

Но воду из источника можно использовать, и я должна это сделать. Боюсь только, что не дойду Слишком далеко... — она покачнулась и оперлась рукой о стену. Я поспешила к ней, подхватила ее худенькое тело и усадила на стул. Я должна идти — она неожиданно заговорила с такой тревогой в голосе, что я перепугалась. Когда тот, кто всегда был тверд, как камень, вдруг обнаруживает в себе слабость, это всегда вызывает жалость.

Хорошо. Ты можешь ехать верхом?

На ее верхней губе блеснули капельки пота. Внезапно я обнаружила, что дама Мат, строгая и чопорная дама, превратилась в старуху. Но ее твердая воля сделала свое дело, хотя груз прожитых лет обрушился на нее, пригнул к земле, и это также пугало, как и ее слабость. Сейчас она даже выпрямилась и распрямила плечи.

— Я должна. Дай мне одну из лошадей, Джойсан.

Тяжело опираясь о мое плечо, она вышла во двор. Я послала мальчика на конюшню за пони. Этих смиренных животных мы держали для перевозки грузов. Когда мальчик вернулся, дама Мат уже совершенно преобразилась, как будто она выпила укрепляющее средство. Она легко села в седло и я повела пони через поля к тому самому источнику, куда недавно бегала сама. Почти никто не заметил нашего ухода. Стояло раннее утро и вероятно все уже завтракали. Я шла за пони и ощущала голод.

— Пиарт... — прошептала дама Мат. Она как будто звала брата и ждала от него ответа. Я никогда не думала о том, что же связывает этих двух людей, кроме имени. И теперь, услышав ее голос, я многое осознала. Хотя они и относились друг к другу по деловому, но на самом деле они нежно любили друг друга. Наконец, мы добрались до источника. Когда я была тут ночью, я не видела следов множества людей, искавших у источника знаки Могуущества, которые должны были здесь находиться. Источник был выложен камнями, за которыми росли кусты. К веткам кустов были привязаны кусочки ткани, потерявшие свой первоначальный цвет под воздействием ветра и дождей. Кроме того, там висели фигурки овец, лошадей — и все это висело, покачиваясь на ветру. Я помогла даме Мат спуститься на землю и довела ее до источника. Здесь она освободилась от моей поддержки и пошла вперед сама, как будто при виде источника к ней вернулись силы. Она достала из кармана сосуд такой маленький, что он мог бы поместиться в ладони. Он был сделан из полированного серебра, а я знала, что серебро любимый металл Прежних, так же как опалы, жемчуг и янтарь были их драгоценными камнями. Она подозвала меня жестом и указала на растение, росшее возле

самого родника. У него были широкие темно-зеленые листья с белыми прожилками. Не помню, встречалось ли оно мне когда-нибудь.

— Сорви листок и наполни им сосуд,— промолвила она.

Сорванный листок распространял приятный аромат и как будто сам по собственной воле скручивался в чашу, чтобы я могла черпать им воду. Вода в роднике доходила почти доверху. Я зачерпнула три раза и дама Мат сказала:

— Достаточно!

Дама Мат взяла сосуд, подняла его и начала легонько дуть на его поверхность.

— Это, конечно, не вода Девятой Волны, которая лучше всего годится для наших целей, но и эта пригодна.

Она прекратила дуть и поверхность воды стала гладкой. Дама Мат бросила поверх сосуда на меня взгляд, которому я не могла не подчиниться.

— Думай о Пиарте! Создай его портрет в своем мозгу!

Я попыталась мысленно изобразить портрет дяди и, наконец, мне это удалось. Я увидела его в тот момент, когда он пил во дворе чашу, преподнесенную мной перед его отъездом. Мною овладело удивление, что уже через несколько месяцев я с трудом вспоминаю его и даже не могу четко представить себе его облик. Ведь я же знала его всю жизнь!

— Что-то тебе мешает,— строго посмотрела на меня дама Мат.— Что у тебя есть, Джойсан?

Что у меня есть? Моя рука потянулась к груди, где прятался грифон. Неохотно, подгоняемая строгим взглядом дамы Мат, я вытащила шар.

— Повесь его туда.

Я не могла послушаться и повесила шар на одну из веток, где уже висело множество безделушек. Дама Мат проследила за мной, и вновь уставилась на сосуд.

— Думай о Пиарте!— повторила она.

В этот момент передо мной как бы открылась дверь, и я увидела его четко и ясно.

— Брат!— услышала я крик дамы Мат. И больше она ничего не говорила, только всхлипывала. Она смотрела в сосуд, и лицо ее вновь стало дряхлым и изможденным.— Пусть так и будет!— она сделала шаг вперед, перевернула сосуд и выплеснула воду в источник.— Пусть так и будет!

Резкий, удивительно чистый звук раздался в утреннем воздухе: это был колокол тревоги с крепостной башни. То, чего мы так долго боялись, пришло и к нам — враг был рядом. Пони забеспокоился. Мне пришлось схватить его за поводья. Я пыталась успокоить испуганное животное. Тяжелые гулкие удары колокола отражались от гор и возвращались к нам предвестниками близящейся грозы. Я видела, как дама Мат протянула сосуд, как бы подавая его кому-то, и выронила в источник, после чего подошла ко мне. Ее хрупкое тело горело жадной действия, опасность пробудила в ней молодость. Но на ее лице

нельзя было увидеть надежду, нет, это было лицо человека, смотрящего в ночь, не имеющую конца.

— Пиарт видел это в своем последнем сне,— сообщила она, усаживаясь в седло. Больше о нем она не говорила, может потому, что не могла. Некоторое время она размышляла о том, что увидела в сосуде. Затем тревога вытеснила из моей головы все, кроме того, что нам необходимо спешить в крепость и узнать, что же там случилось.

Вести действительно были плохие и маршал Дагаль быстро изложил нам все, одновременно отдавая приказы своим людям. Каждый понимал, что защищаться бессмысленно, но воины должны были предпринять отчаянную попытку, чтобы выиграть время и спасти остальных. Враги шли по реке — это был самый простой путь к нам от побережья. Лодки, как доложили нам разведчики, не имели ни парусов, ни весел и тем не менее быстро двигались против течения. Так что времени у нас оставалось мало. Мы уже давно решили, что оставаться в крепости и погибнуть в ней — неразумно. Для тех, кто не мог сражаться, было бы лучше уйти в горы и пробиваться на запад. И мы тщательно планировали бегство. При первых звуках колокола пастухи гнали стада, женщины и дети собирались в путь со своими пожитками. Я направилась в свою комнату, натянула кольчугу, тяжелый плащ, взяла меч и мешки, в которые уже было уложено все необходимое. Инглида уже ушла. В комнате все было разбросано. Та часть комнаты, где жила она, выглядела так, как будто уже была разграблена врагами. Я пробежала через холл в комнату дамы Мат. Она сидела в кресле с высокой спинкой, держа в руках жезл, который я впервые у нее видела. Он был цвета слоновой кости и на нем вырезаны письмена.

— Дама... твой плащ... мешок... — я быстро осмотрела комнату, ища то, что всегда должно быть наготове. Но комната выглядела обычно, и я не заметила никаких приготовлений к бегству.

— Нам пора уходить! — я надеялась, что она не так уж слаба и может подняться и идти.

Она медленно покачала головой. Я заметила, что дама Мат очень тяжело дышит, как будто ее измученные легкие не получали достаточное количество воздуха.

— Иди... — она с трудом прошептала это короткое слово. — Иди... быстрее... Джойсан!

— Я не могу тебя здесь оставить. Дагаль будет прикрывать наш отход, но крепость ему не удержать. Ты знаешь, что это наше давнишнее решение.

— Я знаю... и... — она подняла жезл. — Я должна поклоняться Огню, которому долго поклонялась и старалась забыть то, что когда-то знала. Но когда уходит надежда и жизнь, каждый должен бороться, как может. Теперь я знаю, что должна делать. Возможно, я смогу отомстить за Пиарта и за тех, кто с ним уехал. — С каждым словом голос ее становился крепче. Она выпрямилась в кресле, но подниматься с него не собиралась.

— Мы должны идти!— я положила руку на ее плечо. Оно было твердое и сильное, и я поняла, что она не хочет идти, а силой мне ее не увести.

— Джойсан, ты должна идти. Ты молода и у тебя будущее. Оставь меня. Это мой последний приказ тебе. Оставь меня. Пусть враги идут сюда... на свою погибель!

Она закрыла глаза, но губы ее шевелились, произнося слова, которых я не слышала. Видимо, она молилась. Но она не перебирала четки, а крепко сжимала жезл. Он дергался в ее руках, как будто им водила невидимая сила. Конец посоха двигался по полу, вырисовывая на нем какие-то письмена, не оставляя следов. Я поняла, что ничто не может заставить ее изменить решение. Она даже не посмотрела на меня и не ответила на мое приветствие. Дама Мат как будто ушла куда-то невообразимо далеко и полностью забыла о моем существовании. Я направилась к двери, думая, стоит ли мне привести людей, чтобы забрать ее. Я была уверена, что сейчас она не может отвечать за свои слова или действия. Возможно, она прочла мои мысли, потому что широко раскрыла глаза и повернула посох в мою сторону, как будто нацеливаясь в меня.

— Дурочка... скоро я умру... я знаю это. Поверь мне, девочка, я сделаю так, что враги пожалеют, что пришли в Икринт. Они уже должны мне кровавый долг, и я не заставлю их долго ждать. Это будет великолепная смерть человека из рода Сломанного Меча. Постарайся заслужить такой же конец, когда придет твое время, моя Джойсан!

Жезл указывал своим концом на меня. Я повернулась и пошла, так как не могла поступить иначе. На меня как будто наложили мощное заклинание, могущество которого было гораздо сильнее, чем моя воля.

— Джойсан!— колокол уже прекратил свой звон и я смогла услышать свое имя.— Джойсан, где ты?

Я сбегала по ступеням и увидела Торосса. Его капюшон был надвинут на лоб, открывая лишь часть лица.

— Чего ты ждешь?— сердито спросил он и ухватил меня за руку. Потом он потащил меня за собой к двери.— Садись на лошадь и уезжай! Немедленно!

— Дама Мат... она не хочет уходить...

Он взглянул на лестницу, затем на меня и качнул головой.

— Тогда пусть остается, у нас нет времени. Дагаль с отрядом уже на берегу реки. По ней плывут враги. У них есть оружие, которое может стрелять дальше лучшего лука. Идем...

Торосс вытащил меня на левую сторону улицы: там стояла лошадь. Другая была у ворот. Он силой закинул меня в седло.

— Поезжай.

— А ты?

— Я к реке. Куда же мне еще? Мы будем отступать, как только услышим от вас сигнал, что вы уже вошли в ущелье. Все, как раньше планировали.

Он ударил мою лошадь и та резко рванулась вперед, так

что мне пришлось призвать на помощь все свое умение, чтобы удержаться в седле. Я слышала позади крики и какие-то резкие хлопки, которые не походили ни на что, слышанное мною ранее. К тому времени, как я справилась с лошадью, Торосс уже скакал во весь опор в противоположном направлении к реке. Мне очень хотелось поехать с ним, но я понимала, что буду воинам только помехой. Моя задача была вести тех, кто не мог сражаться, спасая их. Поднявшись в горы мы разделились на маленькие отряды, каждый из которых должен был идти своим путем под руководством пастухов и лесников. Все пробирались на запад — единственное место в Высоком Халлаке, где еще было безопасно. Через некоторое время я неожиданно вспомнила: грифон в кристалле! Я оставила его на ветке возле источника! Я должна забрать его! Повернув лошадь, я понеслась назад по хлебному полю, не думая о том, что топчу посевы. Вот и кольцо деревьев возле него. Я схвачу шар, поверну лошадь и тут же поеду обратно. Все это не отнимет у меня много времени. Я въехала под деревья и соскочила с лошади, не дожидаясь, пока она остановится. Но у меня хватило здравого смысла привязать повод к сучьям. Я пошла вокруг куста, отыскивая среди множества фигурок свой шар. Вот он! Через мгновение он вновь находился в моей руке. Как же я могла забыть его? Я не стала расстегивать кольчугу, а просто сунула шар за ворот, перекинув через шею. Затем я поспешила к лошади. Она громко заржала. Я была чрезвычайно возбуждена тем, что грифон вновь у меня и поэтому не обратила внимание на ее ржание. Я шла прямо навстречу опасности, как глупая скотина. Они вероятно заметили, как я ехала сюда, и быстренько подстроили мне ловушку. Им помогло то, что я была слишком поглощена мыслью вернуть обратно грифона, не думая ни о чем другом. Как только я взяла поводья лошади, они окружили меня четко и организованно. Вероятно, они не в первый раз захватывали пленников подобным образом. Откуда-то прилетела петля и опустилась мне на плечи, крепко стянув руки. Я стала пленницей, пленницей ализонцев и все из-за своей глупости...

КЕРОВАН

Итак, мой отец мертв. Кто же правит теперь в Ульме? Яго? Я вспомнил о моем единственном друге. Яго? За то время, что я провел в крепости, я так и не набрал себе сторонников, на поддержку которых мог бы положиться. Но я обязан был выяснить, что же случилось. Я прятался в кустах близ стены. Ночной ветер был холодный и я дрожал. Никакие усилия не могли меня заставить преодолеть эту дрожь. Крепость в этот час еще закрыта. Кроме... Теперь я уже мог думать. Видимо, потрясение, которое я испытал при виде порванного флага, привело меня в чувство. Был еще потайной вход... Я не знаю, что привело наших предков сюда с юга. Они не оставили никаких записей, ко-

торые раскрыли бы причину их миграции. Но строения, которые они оставили, их способ жизни, говорили о том, что жизнь их была в опасности. Они не воевали с Прежними за обладание долинами. Тогда зачем же эти крепости, одна неприступнее другой, вырастали в этих долинах? И каждая была снабжена тайным входом, о котором знали только сам лорд и его наследники. Как будто каждый из них предвидел, что наступит момент крайне опасный и в таком входе обязательно возникнет нужда. В тайном, крысином входе... Однажды отец показал мне тайный вход в Ульм, и у меня сейчас была возможность проникнуть в самое сердце того, что, вероятно, стало вражеской территорией, и все выяснить. Я облизнул губы и ощутил соленый привкус крови во рту. К тому же, это, наверное, единственное место, где меня не будут искать. Там, в этом суровом здании, под разорванным в клочья флагом, я буду находиться в безопасности.

Я отправился в путь. Теперь, когда у меня появилась цель, я стал двигаться увереннее, но не забывал об осторожности. Нельзя, чтобы меня заметили. Я должен был преодолеть довольно большое расстояние, осторожно передвигаясь от стены к стене, от укрытия к укрытию. В окнах замка и деревенских домов кое-где виднелся свет. Огни постепенно гасли, а я передвигался очень тихо, как змея. Я был приучен к терпению, и теперь, когда каждый неверный шаг мог выдать меня, терпение было более, чем необходимо. Возле дома фермера залаяла собака и я замер с бешено бьющимся сердцем. К моему счастью вышел мужчина и сердитым окликом успокоил животное. Я постепенно приближался к цели. В Ульмдейле было гораздо меньше остатков деятельности Прежних, чем в северных долинах. И лишь здесь, в тени Кулака Великана, остались следы тех, кто жил в этой долине до того, как сюда пришли наши предки. Это сооружение не выглядело чем-то потрясающим — обыкновенная каменная плита среди камней. Никто не мог сказать, каким целям она служила. Единственное, что выделяло ее из других плит, так это то, что на ее гладкой поверхности был вырезан знак грифона — того самого, кого первый лорд Ульмдейла сделал своим символом. Даже сейчас ночью я хорошо видел четкие линии на плите. И они указывали мне путь. Я поднялся чуть выше по склону. Мое измученное тело яростно протестовало против любого движения. Вскоре я нашел место, где камни были выложены так искусно, что они закрывали проход. Я протиснулся в темную расщелину. До этого момента я не понимал, что отсутствие света создает мне трудности. Вытащив меч, я стал осторожно переставлять ноги и ощупывать стены, пытаясь припомнить, куда же мне дальше двигаться. И когда меч провалился в пустоту, я понял, что на правильном пути. Я вложил его в ножны и стал трогать стены руками. Наконец, начался спуск, по которому я должен был идти, но оказалось, что мне сильно мешают сапоги: я не чувствовал дороги и мог свалиться вниз. Я надеялся, что мои копыта окажутся для передвижения более удобными, чем сапоги. Поэтому быстро их снял и привязал к поясу. Мои копыта оказались

более чувствительными к холоду камня, чем кожа сапог. Ощущая шероховатости камня, его острые выступы, я стал спускаться более уверенно, нащупывая выемки для ног. Но я не знал, сколько же мне надо спускаться, ведь мы с отцом здесь не проходили. Он только показал, где вход. Я все спускался, спускался и мне казалось, что в этом крошечном мраке остановилось даже время. Но вот мое копыто притронулось к твердой почве и я осторожно поставил рядом второе. Теперь... свет... Я вытащил из кошелька кресало и стал ощупывать стену, пока не наткнулся на сук. Я высек огонь и вот запылал первый факел, заставив меня зажмурить глаза от яркого света. Не останавливаясь, чтобы надеть сапоги, так как я убедился в преимуществе копыт, я направился дальше. Путь оказался длинным. Думаю, что больше половины его составлял естественный туннель, вероятно, русло высохшей подземной реки. Туннель был низким и в некоторых местах мне приходилось пригибаться и проползать на четвереньках. Но я не опасался, что меня заметят, поэтому двигался в максимально возможном темпе. Вскоре путь стал пологим. Я догадался, что нахожусь уже под долиной и крепость недалеко. Вскоре свет моего факела выхватил из темноты проход в стене. Грубые ступени вели вниз и в сторону. Я понял, что это вход в пещеру на берегу моря, о котором упоминал отец, так что у меня было два пути для отступления. Туннель поднимался вверх. Эта длинная лестница вела в крепость, в комнату отца. Я остановился и загасил факел. Обе руки должны быть свободными, к тому же свет факела могут заметить через трещины в стене. Я заглянул в одну из них: это был барак. На дальней его стене горел факел, оставляя комнату в полутьме. Здесь спали несколько человек. Пройдя чуть дальше, я заглянул в следующую трещину. Перед моим взором открылся большой холл. Я смотрел в него откуда-то из-за трона отца. В очаге горел огонь, которому никогда не давали погаснуть. Слуга сидел на скамье возле него, а на полу рядом свернулись две собаки. Самая обычная картина для этого времени суток.

И вот я у цели, но я не осмеливался открыть каменную плиту, хотя меня сильно мучил вопрос, что же я обнаружу там, в комнате. Люди часто используют слово любви. Они обозначают им как чистые чувства, вроде привязанности, нежности, так и грязные, вроде похоти. Я никогда не пользовался этим словом, так как в жизни не представлялось случая испытать этого чувства. Страх, почтение, трепет — эти чувства были мне более понятны, чем любовь. Я не любил своего отца. В те дни, когда я был рядом с ним, я уважал его и преданно служил. Но всегда между нами стояло то, что я рос вне дома, был по существу изгнан. И хотя он приезжал ко мне, присылал подарки, которые привели бы в восхищение любого мальчишку, в его присутствии я всегда ощущал неловкость и беспокойство. Не знаю, что было тому причиной, то ли мое уродство, то ли то, что он не мог открыто воспротивиться моей матери и признать меня сыном с самого начала. Я понимал, что с детства наши

отношения не были такими, какие бывают между отцами и сыновьями. Я долго думал, что в этом моя вина, и поэтому в его присутствии чувствовал себя в какой-то степени морально ущемленным, не в своей тарелке. Мы построили между собой стену и сломать ее так и не смогли. Очень жаль... Сейчас я думаю, что лорд Ульрик был именно тем человеком, которого я мог бы полюбить всем сердцем. И теперь я стоял в темном туннеле возле его покоев и ощущал, что потеря отца опустошила мою душу. Сейчас моя рука лежала на ручке, которая открывала каменную стену, закрытую спинкой огромной отцовской кровати. Я чуть-чуть приоткрыл ее, так как услышал чьи-то голоса и увидел свет лампы. Тут я вспомнил, что плиту увидеть невозможно, и я даже могу обойти вокруг кровати и неожиданно появиться перед изумленными людьми. Они не могут знать о моем присутствии, и у меня появилась возможность узнать все, что здесь происходит. Я проскользнул в комнату и укрылся за балдахином кровати. Это было великолепное укрытие. В балдахине я нашел дырочку, через которую все было видно. В комнате находились четверо. Двое сидели на скамье у стены, один на стуле, а четвертый в кресле, где сидел мой отец, когда мы с ним прощались. Хлимер и Роджер. На стуле расположилась девушка. У меня даже перехватило дыхание. Если забыть, что это лицо девушки — то это копия моего лица! А в кресле — у меня не было ни тени сомнения, что я впервые в жизни увидел леди Тэфану. Она была в пепельно-серой одежде вдовы. Отброшенная назад вуаль прикрывала только волосы. Лицо ее было таким молодым, что она казалась старшей сестрой девушки, и старше ее всего на два-три года. Хлимер ничего не унаследовал от нее. Я же походил на нее, так как действительно был ее сыном. Я не испытывал никаких чувств, кроме любопытства, когда смотрел на нее. С самого начала я знал, что у меня нет матери, и примирился с этим. Мы ничем не были с ней связаны, и вот теперь я впервые увидел ее. Она быстро говорила и проделывала такие же быстрые жесты своими красивыми руками с длинными пальцами, на одном из которых сверкал перстень — перстень моего отца. Его имел право надеть только лорд. И это право принадлежало лишь мне.

Они дураки! Но нам-то зачем быть дураками? Когда придут вести, что Керован убит на юге, Лизана станет наследницей, а ее муж — она указала на Роджера, — будет править здесь от ее имени. Хочу вам сказать, что пришельцы предлагают хорошие условия. Им нужен порт, но они не хотят брать его с боем. Нам же война ничего не даст, долго против них нам не устоять. Кому нужны смерть и разрушения? Повторяю, условия очень хорошие. Эта сделка спасет нашу долину.

— Я охотно соглашусь на то, чтобы стать мужем Лизаны, а заодно и правителем Ульмдейла, — проговорил Роджер и чуть погодя добавил: — А что касается остального... — он покачал головой. — Это совсем другое дело. Легко заключить договор, но сдержать его гораздо сложнее. Мы можем открыть ворота, а закрыть их потом не удастся. Они отлично знают наши слабости. Мы слабы...

— Слабы? Мы? И это говоришь ты, Роджер?— леди Тэфана в упор уставилась на него.— Глупый мальчик, ты забыл, какое Могушество мы унаследовали от нашего рода? Я не уверена, что пришельцы сталкивались с чем-нибудь подобным.

Роджер улыбался той самой едва заметной улыбкой, которая всегда заставляла меня думать, что он очень уверен в себе, как будто владеет каким-то страшным оружием, вроде того, что пришельцы применили против нас.

— Значит, моя дорогая леди, ты хочешь к ним обратиться? Подумай хорошенько, ведь может произойти непредвиденное. Они могут выйти из-под контроля и пойти своим путем. Мы их родственники, но не близкие.

Я заметил, как вспыхнуло ее лицо, и она вытянула в его сторону палец.

— Ты осмеливаешься говорить мне это, Роджер?— голос ее стал пронзительным.

— Я не твой последний муж, леди,— если он и испугался ее крика, то ничем этого не выказал.— Его род был проклят, поэтому он легко поддавался всему, что исходило от Них. Но во мне течет та же кровь, что и в тебе. Мною не так просто руководить, хотя даже твой муж вышел из-под контроля. Он назвал своего сына наследником, несмотря на все твои заклинания.

Ее лицо еле заметно изменилось и мне стало как-то беспокойно, что-то гнетущее появилось в комнате. В ней возникло зло. Я ощущал его, чувствовал, как оно наполняет сосуд — сосуд-женщину. Я отказывался поверить в то, что эта женщина дала мне жизнь.

— Интересно, с кем ты общалась в том Святилище, когда носила под сердцем моего обожаемого кузена?— продолжал Роджер, все еще улыбаясь.— Какую сделку ты заключила? Ты творила заклинания, чтобы лорд Ульмдейла попал в твою постель в качестве мужа? Ведь ты давно не имеешь дела с теми, кто идет по Белому Пути. Не думаешь ли ты, что я пришел сюда без защиты?

Ее палец быстро чертил какие-то фигуры. И как тогда, у Ривала, я увидел, что он оставляет в воздухе светящиеся следы. Изредка палец как бы ставил точку. Следы было хорошо видно в комнате, которую наполнило черное зло. Роджер поднял руку и закрыл ею лицо. Ладонь была направлена вперед. На ней выделялись те самые линии, по которым Мудрые Женщины могли предсказать будущее. Эти линии начали светиться бледнорозовым; а затем яркокрасным цветом. Роджер все еще улыбался из-под руки. Я услышал сдавленный крик леди Тэфаны и ее рука безвольно опустилась. Кольцо на ее руке как-то потускнело, как будто его блеск был съеден дьявольскими силами, которые она только что призывала. Я испытывал страшное желание сорвать перстень с ее руки.

— Да,— продолжал Роджер,— ты, леди, не единственная, кто ищет сильных союзников в тайных местах. У нас врожденная тяга к таким вещам. Теперь, когда ты убедилась, что мы с

тобой одинаково вооружены, давай вернемся к делу. Твой любимый сын...— он замолчал и легонько кивнул в сторону Хлимера, который имел совсем не дружелюбный вид. Он сидел согнувшись и смотрел то на мать, то на Роджера. Было видно, что сначала он боялся только мать, а теперь понял, что ему надо опасаться обоих.— Так как твой любимый сын не стоит на моем пути владения Ульмдейлом, мы можем составить совместный план. Но я все же не согласен, что нам необходимо сотрудничать с пришельцами.

— Почему?— осведомилась она.— Ты их боишься? Ты, у которого есть это,— она кивнула на его ладонь.— Неужели ты не сможешь себя защитить?

— Лично я не боюсь, но я не желаю давать им хотя бы временные преимущества. Я верю, дорогая леди, что ты можешь вызвать с гор грозы и противодействовать любому предательству, которое они замыслили, но то, что ты вызовешь, не станет разбираться, что уничтожает. И я вовсе не хочу потерять Ульмдейл, защищая его.

— Ты все равно потеряешь его,— Лизана впервые нарушила тишину.— Мой дорогой Роджер,— в ее голосе слышалось мало любезностей,— мы ведь еще не поженились. Не слишком ли ты торопишься, считая себя лордом Ульмдейла?

Она говорила эти слова ледяным голосом. Они выглядели не как обреченные, а скорее, как враги.

— Верно, моя сладкая,— дружески согласился он, но если бы я находился на месте Лизаны, меня бы насторожил этот дружеский тон.— Ты хочешь здесь остаться и лордом и леди?

— Я не желаю принимать участие в твоей игре, Роджер!— резко ответила она уверенным тоном.

Роджер посмотрел на нее так, как будто впервые понял, что она тоже имеет тут вес, а он не учел этого. Его глаза чуть сузились, и он перевел свой взгляд на ее мать.

— Поздравляю, моя дорогая леди! Выходит, ты уверена в своем Могуществе и в отношении ее?

— Естественно, а ты думал — нет?— рассмеялась она, и он рассмеялся вместе с ней.

— О нет, моя дорогая леди. У нас будет прекрасное семейство! Мы можем проводить великолепные вечера, пробуя друг на друге свои заклинания и испытывая защиту каждого.

— Этих вечеров не будет!— прорычал Хлимер.— Не будет, если мы не договоримся, что делать, чтобы удержать Ульмдейл. И я не вижу шансов выиграть там, где проиграли многие великие лорды. Порт открыт — им нужно лишь подойти и высадиться. Крепость можно удерживать день, может два... но...— он пожал плечами.— Вы все слышали рассказы об их оружии. Мы кончим так же, как и все остальные.

— А что, если...— с лица Роджера сошла его самодовольная улыбка. Он взглянул на леди Тэфану и перевел взгляд на Лизану.— Что, если они не смогут пристать к берегу? Ветер и волны, ветер и волны...

Леди Тифана испытующе посмотрела на него.

— Это потребует много энергии.

— И ты обладаешь ею, моя леди, и частично моя невеста.— Он посмотрел на девушку.— Немного могу добавить и я. Ветер и волны — это довольно удачное решение проблемы. Все будет выглядеть вполне естественно, и они не смогут нас ни в чем обвинить. Мы останемся в стороне. Мы сделаем вид, что идем на сделку. А ветер и волны...

Она нервно облизала губы.

— Это требует большого Могушества.

— Может, тебе это не по силам?

— Да нет!— незамедлительно вскрикнула она.— Но для того, чтобы достичь успеха, нам троице нужно объединить все наши жизненные силы.

Он приподнял брови.

— Жаль, что мы позволили уйти самым преданным сторонникам лорда. Ненависть могла бы дать нам эти силы. Например, этот старик Яго...

— Он осмелился угрожать мне!— крикнул Хлимер.— Как будто калека может что-нибудь со мной сделать!

— Калека, конечно, не может,— согласился Роджер.— Но если бы он встретился с тобой лет десять назад... тогда я не поручился бы за твою жизнь, дорогой братец. Во всяком случае, у нас есть другие, чьей жизненной силой мы можем воспользоваться. Если мы решим...

Лизана неожиданно потеряла свое холодное безразличие. Я заметил, как в ее глазах сверкнуло безумие.

— Мы решим!— завопила она.— О, мы решим!

Роджер впервые проявил признаки беспокойства. И он заговорил с леди Тифаной, как бы игнорируя ее дочь.

— Обуздай свою ярость, моя дорогая леди. Такой путь требует благоразумия и осторожности.

Лизана вскочила на ноги так резко, что стул, на котором она сидела, полетел на пол.

— Не тебе учить меня, Роджер! Лучше смотри за своим Могушеством, если его у тебя так много, как ты стараешься показать!

— Все мы должны осторожно обращаться со своим Могушеством,— заметила леди Тифана.— Но этот план требует тщательной подготовки и этим нам следует заняться немедленно.— Она поднялась. Хлимер быстро подскочил к ней и предложил руку. Я подумал, что сейчас он не очень-то жаждет оставаться наедине с Роджером. Лизана пошла за ними, и Роджер остался в одиночестве.

Моя рука потянулась к мечу. То, что я здесь выслушал, наполняло меня ужасом, хотя многое объясняло. Было ясно, что эта троица давно имеет дело с Темными Силами: они сами признались в этом. И то, что мой отец был околдован, как намекнул Роджер, многое мне объясняло. Теперь я мог простить отца. Стена между нами рухнула, хотя для него это было слишком

поздно. Сейчас они хотят призвать на помощь Темные Силы. Вероятно, это может спасти Ульмдейл, но только для них. Но осмелюсь ли я противопоставить мою любовь к родине их темному Могууществу? Ведь если они поднимут Темные Силы этой страны, то я могу считать их своими союзниками, потому что они будут воевать с нашими врагами. Союзниками, хотя я их ненавижу. И я смотрел, как бродит Роджер по комнате, и не бросался на него. В моей голове царил лишь одна мысль. Что конкретно они собираются предпринять? Ведь, несмотря на обстоятельства своего рождения, я не имел подобных талантов, которыми, кажется, обладают они. И в стране был только один человек, который смог бы все мне объяснить и от которого я мог бы узнать, что мне делать. Позволить ли им прибегнуть к Темным Силам, чтобы спасти родину, или же предпринять все возможное, чтобы помешать им. Что представляет собой большую опасность — их обращение к Темным Силам или же пришельцы? Я не мог об этом судить. Но Ривал, который всю свою жизнь посвятил тайнам, мог рассказать мне об этом. Замок отца теперь стал для меня ловушкой, и чем скорее я выберусь отсюда, тем лучше не только для меня, но и для будущего нашей родины. Когда я шел по подземному туннелю, то размышлял о том, что сказал Хлимер о Яго. Я не сомневался, что этот бык принудил Яго драться с ним. Ну что ж, когда-нибудь я заставлю его заплатить за это. К тому времени, как я добрался до плиты с грифом, наступила глубокая ночь. Все мое тело ныло от ушибов, голова дико трещала, но меня подгоняло время. Чем быстрее я доберусь до Ривала, тем лучше. Для пешего человека это был долгий путь, к тому же меня мучил голод. Когда я перевалил через горы, окаймлявшие долину, я вышел на одну из тех троп, что использовались летом охотниками и торговцами, особенно теми, кто был связан с Пустыней. Я еле успел укрыться в кустах, когда расслышал звук копыт по камням. Я был уверен, что мне необходимо спрятаться. Даже если это был не враг, встреча с ним не сулит мне ничего хорошего, так как он расскажет о том, что видел меня. Но когда я разглядел человека, который ехал на лошади и вел в поводу вторую, я немного успокоился. Он не проехал мимо, а остановился прямо перед кустами, где прятался я, и поднял палку, которую держал в руке. Это был не посох и не кнут, так как палка была для этого толстовата.

— Лорд Керован... — говорил он очень тихо, но я четко слышал каждое слово.

Он был одет, как бедный путешественник — в кожу и толстую шерсть. Затем он откинул с головы капюшон, как бы желая, чтобы я увидел его и узнал. Но я никак не мог вспомнить, видел ли я его когда-нибудь раньше. В отличие от многих торговцев, он был чисто выбрит и на подбородке не было видно даже следов бороды. Черты его лица были немногими — он не походил на жителей нашей долины. Волосы были коротко острижены и торчали густой щеткой. Они больше походили

на шерсть зверя, чем на волосы человека. Цвет их тоже был странным — смесь серого, коричневого и черного.

— Лорд Керован! — повторил он и указал на меня пальцем.

Я не мог сопротивляться этому зову. Не зная, правильно ли поступаю, я поднялся на ноги и продрался сквозь кусты к тому, кто мог быть моим смертельным врагом.

ДЖОЙСАН

Пленница Ализона! Все те ужасы, о которых рассказывали мне беглецы, всплыли в моей памяти, когда меня окружили эти демоны, и веревка, стянувшая мои руки, потащила меня на открытое пространство. Однако, это были просто люди, но выражение их физиономий заставило меня вздрогнуть от страха. Быстрая смерть сейчас стала бы мне подарком судьбы. Они разговаривали между собой, смеялись, но я не понимала их язык. Тот, кто казался их предводителем, подошел, скинул с моей головы капюшон, и волосы мои рассыпались по плечам. Рука невольно потянулась к кинжалу, но веревка оказалась крепкой и мне не удалось вытащить его. Затем они привели меня в Икринт, где собрались во дворе замка враги. Неожиданно из башни раздался страшный гром, сопровождаемый ослепительной вспышкой. Меня швырнуло на землю и я увидела то, что привело меня в ужас. У меня затряслись руки и ноги. Толстые стены Икринта задрожали, в них появились трещины, и стены обрушились, погребая под своими обломками врагов. Все закрылось чудовищным облаком пыли. Я слышала дикие крики, животные ревели и пытались бежать. Фортуна была против меня — конец веревки, стягивающей меня, был зажат между камнями. Неужели это совершили чудовища, которым служат пришельцы? Нет, вряд ли. Зачем им убивать своих союзников? Дама Мат! Но как она совершила это? Я была поражена, обнаружив, что она обладает таким Могуществом, каким могли обладать только Прежние и некоторые Мудрые Женщины, — те, что имели дело с запретным. Мудрые Женщины и дама Мат — они всегда были противниками. Но до того, как дама Мат посвятила свою жизнь служению Огню, кем она была? Однако в любом случае она взяла очень высокую цену от пришельцев за наш Род, как она и обещала. Несмотря на ужас в душе, я должна была признать это. Наши мужчины всегда были отважными в бою, но мой отец погиб, сражаясь с пятью преступниками, и четверых из них захватил с собой в могилу. Теперь эти пришельцы из-за моря поймут, на что способны наши женщины! Сейчас мне представлялся единственный шанс бежать. Я отчаянно боролась с веревкой. Пыль постепенно оседала и вскоре я обнаружила, что держит меня. Враг, приведший меня сюда, лежал лицом вниз, придавленный громадной глыбой. А веревка была обмотана вокруг его пояса. Я подумала, что он мертв и утредила усилия. Как же это страшно, быть привязанным к мертвецу, но веревка держала крепко и я

дергалась, как стреноженная лошадь. Так меня и нашли те, кто смог выбраться из-под обломков Икринта. Наших людей не было видно. Я надеялась, что все они погибли, прикрывая наш отход. Попасть в плен было ужасно, хуже смерти. Враг недолго находился в панике. Я горько пожалела, что никто не использовал этого момента и не напал на них в это время. Теперь же я не сомневалась, что пленники жестоко заплатят за эти неожиданные потери. Ужас обострил мои чувства, но затуманил разум. Дама Мат проделала все это великолепно. Она погибла, но славной смертью. Было ясно, что мне так не погибнуть. Правда, меня не убили сразу же, когда нашли привязанной к мертвецу. Они разрубили веревку и поволокли меня из развалин Икринта к реке, где располагалась группа офицеров. Один из них мог говорить по-нашему, хотя выговор у него был какой-то гортанный. Я все еще была оглушена ужасным взрывом и почти не слышала. И когда я не ответила на его вопрос, он сильно ударил меня по щеке, и сразу же по другой. Слезы брызнули из моих глаз, мне было нестерпимо больно и стыдно, что враги видят их. Я собрала остатки мужества и посмотрела прямо в его лицо. Я снова стала настоящей дочерью своего Дома.

— Что... это... было? — он приблизил свое лицо к моему и я с омерзением ощутила его зловонное дыхание. У него была колючая борода, а щеки над ней в красных прожилках. Нос его тоже был красный и ноздреватый, а глаза острые и жестокие. Скорее всего, он был умным человеком. Скрывать от него то, что я думала, не было смысла. Вероятно, даже лучше сказать это, чтобы пришельцы знали: в Высоком Халлаке хранится много тайн и многие из них недоступны человечеству.

— Могущество, — проронила я.

Думаю, что он по моему лицу прочел, что я говорю правду и поверил мне. Кто-то из офицеров задал ему какой-то вопрос и он ответил, не отводя от меня взгляда. После этого он задал мне второй вопрос:

— Где ведьма?

И снова я сказала правду. Хотя мы не использовали слово «ведьма» в своем языке, я поняла, что он имел в виду.

— Она внутри.

— Отлично, — он отвернулся от меня и что-то сказал офицерам. Они стали о чем-то оживленно разговаривать.

Я чувствовала себя очень ослабевшей, уставшей и мне хотелось упасть на землю. Голова ужасно болела, как будто грохот развалившейся крепости разрушил что-то у меня в голове. Несмотря на отчаяние, я старалась держаться гордо и независимо, чтобы не посрамить свой род. Он снова посмотрел на меня, на этот раз оценивающим взглядом, окидывая меня с головы до ног. Его толстые вывороченные губы раздвинулись в такой улыбке, с которой смотрели на меня некоторые мужчины. И это мне страшно не понравилось.

— Ты не деревенская девчонка. Раз ты в кольчуге, я думаю, что нам достался ценный приз. Но об этом позже.

Наконец, меня оставили в покое. Я сидела на берегу, где собрались их лодки, и из них все время высаживались все новые и новые воины. Я с ужасом смотрела на них. Врагов было так много, что у меня закружилась голова. Как же наш маленький отряд надеялся остановить их хотя бы на мгновение? Затем я узнала, что случилось с нашими людьми. Одни пали в бою — им повезло, а другие... О, я не хочу открывать ворота памяти этому ужасу. Теперь я была уверена, что пришельцы не люди, а настоящие демоны. Думаю, что они специально устроили все это на моих глазах. Они хотели напугать меня и сломить. Но они недооценили меня, так как ужасное зрелище скорее закалило меня, чем согнуло. Главное не то, как человек умирает, а то, как он переносит последние минуты жизни. Во мне зрела холодная решимость, твердая, как сталь из Пустыни. Дама Мат была права. Я тоже должна открыть свой счет в смертельной борьбе с врагами. Мне показалось, что они забыли обо мне. Я все еще была связана, а конец веревки был привязан к корабельной цепи. Враги время от времени подходили и осматривали меня, как редкостное животное. Некоторые хватали меня за волосы, грудь, трогали лицо, удивленно переговариваясь между собой. Наступала ночь. Зажглись огни. Несколько овец тут же прирезали и пустили на ужин. Конный отряд ускакал в долину, очевидно, чтобы догнать и уничтожить наших людей. Я молилась Огню, чтобы наши проводники сумели увести людей по безопасным тропам. Вскоре я увидела, как отряд вернулся, и я услышала крики женщин. Значит, кто-то из наших людей все-таки схватили. Я пыталась заткнуть уши, чтобы не слышать их ужасные вопли. На нашу землю пришло Зло, здесь оно собирается и отсюда распространяется дальше. И этому Злу не было видно конца. Я стала размышлять, как мне покончить с собой. Ведь скоро они придут, чтобы грязно надругаться надо мной. Река... могу ли я броситься в реку? Если бы мне удалось добраться до реки вдоль цепи, к которой я была привязана...

Торосс... Я тупо подумала о том, что же случилось с ним? Я не видела его труп. Может, ему удалось бежать? Если так, то я, несмотря ни на что, пожелала ему удачи. Странно, но при мысли о нем, передо мной встало его лицо. Резко и четко, как будто он сам стоял передо мной. На груди под кольчужгой у меня что-то потеплело. Грифон! Эта несчастная игрушка, из-за которой я попала в руки врага. Грифон стал еще теплее — как уголек, положенный мне на грудь. От него истекало не только тепло, но и что-то еще... сила, уверенность в том, что все кончится благополучно, несмотря на то, что видели мои глаза и слышали мои уши. Как будто до меня доносился спокойный голос, уверяющий меня, что путь к спасению есть, что моя свобода в моих руках, хотя я понимала, что этого не может быть. Страх стал чем-то маленьким, далеким, и его легко было побороть. Мое зрение и слух обострились. Слух! Даже сквозь шум лагерь я различила непонятный звук. Что-то приближалось... вниз по реке! Как я это почувствовала, не знаю. Но я понимала, что

должна быть готова. Может быть, я просто бредила от усталости, отчаяния и страха. Но я была так уверена в своем убеждении, как была уверена, что живу и дышу.

— Джойсан!— шепот, но для моего обострившегося слуха почти крик. Я боялась, что его услышит весь лагерь. Я не осмеливалась ответить, но повернула голову в сторону звука, надеясь, что это движение даст понять неизвестному, что я слышу.

— Иди... сюда... если можешь...— слова доносились от реки.

Мучительны и медленны были мои движения. Я двигалась спиной вперед, чтобы не выдать себя и своего спасителя. Вскоре чьи-то мокрые руки коснулись моих, а по веревке полоснул нож и она упала. Руки мои затекли, и освободитель, стоявший по пояс в воде, растирал их.

— Прыгай в воду!— приказал он.

Я была в кольчуге и поэтому подумала, что с такой тяжестью мне не выплыть. Все равно, лучше умереть свободной. Я чуть не умерла от страха, когда рядом по тропинке прошло несколько человек, но к счастью они на меня не обратили внимания. Я тихонько соскользнула в воду. Руки подхватили меня и поддерживали, чтобы я не ушла в воду с головой, и мы оказались в объятиях быстрого течения. Я плохо держалась на воде, мой спаситель боролся за меня, а я не могла ему ничем помочь. Вскоре он зацепился за камень и стал поддерживать мою голову над водой. Его лицо было совсем рядом и я почти не удивилась, узнав в спасителе Торосса.

— Пусти меня! Ты подарил мне возможность погибнуть свободной и не опозоренной. Спасибо тебе за это...

— Я подарил тебе жизнь!— ответил он и на его лице я прочитала твердую решимость.— Держись, Джойсан!— он притянул мои руки к камню, а затем буквально втащил меня на него, так как сил у меня больше не оставалось.

Течение отнесло нас вниз по реке и теперь между нами и западными горами находились основные силы врагов. Торосс тоже дрожал от холода, и стянул с себя мокрую рубашку. На его щеке была глубокая царапина, из которой сочилась кровь. Затем он протянул мне руку и повел дальше. Мой длинный плащ словно оковами стягивал ноги, а кольчуга тяжким грузом висела на плечах. Но я шла за Тороссом, с трудом веря, что ему удалось спасти меня, и что бегство мое до сих пор не обнаружено. Через некоторое время мы добрались до каменной гряды и без сил упали на землю. Я расстегнула кольчугу и хотела снять ее, но Торосс удержал мою руку.

— Нет, она тебе еще пригодится. Мы еще не выбрались из пасти дракона.

Об этом мне не нужно было напоминать. Оружия у меня не было, да и у Торосса не было ничего, кроме ножа. Возможно, он решил, что меч помешает ему плыть. Так что, если нас догонят, то наша жизнь будет зависеть только от ножа и камней на земле.

— Нам необходимо пробраться в горы,— прошептал он.— И попытаться обойти этих мясников, чтобы соединиться с нашими людьми. Но лучше немного подождать, пока станет темнее.

Что-то заставляло меня уходить подальше от этих костров, от этого шума. Однако, и в его словах был здравый смысл. Теперь наступило время испытания моего терпения.

— Как... как ты выбрался живым из битвы на берегу?— поинтересовалась я.

Он коснулся раны на своей щеке, которая все еще кровоточила и делала его лицо похожим на кровавую маску.

— Я заработал это в бою. Удар оглушил меня и они решили, что я мертв. Придя в себя, я понял, что могу спастись, поэтому я продолжал притворяться убитым. Затем я уполз и увидел, как тебя ведут из Икринта. Что там случилось, Джойсан? Они решили уничтожить крепость и своих людей под ее обломками?

— Это сделали не они, а дама Мат. Она применила свое Могущество против врага.

Некоторое время он молчал, а потом спросил:

— Но как это могло случиться? Она же дама, дама из Монастыря в Норестиде.

— Мне кажется, что еще до того, как посвятить себя Огню, она получила другие знания. И эту героическую гибель она выбрала по собственной воле. Может, нам уже пора идти, Торосс?— я дрожала в мокрой одежде, тщетно пытаясь унять озноб. Хотя было еще лето, точнее конец лета, но погода стояла по-настоящему осенней.

Они будут ждать нас,— он стоял на коленях и смотрел из-за камней на реку.

— Кто? Враги? Неужели они прошли так далеко в долину?— я почувствовала, что радость моего спасения улетучивается.

— Нет... Анграл, Рубо,— Торосс назвал мне имена своих оруженосцев.— Моя мать прислала их, чтобы они заставили меня уйти в горы. Если бы я не увидел тебя в руках этих псов, я давно был бы там.

Значит, мы будем не одни, если нам удастся добраться до воинов Торосса. Это несколько успокоило меня, хотя оба они были уже стары и немощны. Рубо был одноглазым, а Анграл много лет назад потерял руку. И мы начали отход. Я не могла понять, почему они нас не заметили. Правда, мы старались использовать любое прикрытие. И то, что они до сих пор не обнаружили моего бегства, тоже было для меня тайной. Я каждую секунду ожидала, что они бросятся за мной в погоню, если, конечно, не подумают, что я утопилась в реке. Мы обнаружили узкую тропку, которая, извиваясь, вела наверх. Я не признавалась, что чрезвычайно трудно идти, и изо всех сил старалась не отстать от Торосса. Кроме того, ведь я была обязана ему жизнью. Это тоже заставляло меня идти вперед. Я подумала, что теперь в долгу перед Тороссом, и это может послужить причиной больших сложностей в наших отношениях. Правда, сейчас не имело смысла заглядывать в будущее, надо было еще

благополучно отсюда выбраться. Хотя я прожила в долине всю жизнь, я слабо представляла, куда мы идем. Сперва нужно было держать путь на запад, но для этого необходимо сначала свернуть на юг, чтобы обойти бесчисленные патрули врага. Мои мокрые сапоги доставляли мне невыносимые мучения. Дважды я останавливалась, чтобы выжать полы плаща, но он все равно облеплял пластырем мои ноги. Торосс уверенно шел впереди, как будто хорошо знал дорогу, и мне ничего не оставалось, как слепо следовать за ним. Вскоре мы свернули на другую тропу, менее утоптанную, но шагать по ней стало легче. Она поворачивала на запад. Если враги не проникли высоко в горы, значит, мы обойдем их. Изредка мы слышали крики в ночи с другого берега реки. Я старалась не думать о тех несчастных, так как ничем не могла им помочь. Торосс, услышав крики, даже не сбился с шага, но насторожился. Не знаю, вызвали ли они в нем ярость, желание отомстить. Мы шли молча, чтобы не нарушать дыхание, старались беречь силы, так как главные испытания были еще впереди. Несмотря на все наши усилия, мы не могли идти совершенно бесшумно, как мышки. Изредка из-под ног катились камни, трещали сучья под сапогами, шелестели ветки кустов, сквозь которые мы продирались. После каждого из этих предательских звуков мы замирали на месте и вслушивались во тьму. Но фортуна пока благоприятствовала нам. Взошла полная луна, как огромный фонарь в темном небе. Теперь мы могли видеть дорогу и идти быстрее, но зато и враги могли издали заметить нас. Торосс, прислушиваясь, остановился и взял меня за руку. Потом он приблизил свои губы к моему уху.

— Нам нужно пересечь реку по броду торговцев,— зашептал он.— Это единственная возможность добраться до горных троп.

Конечно, он был прав, но для меня это был страшный удар. Брод был известен и за ним наверняка следили, и нам не миновать его незамеченными. И даже если нам удастся перейти реку, дальше перед нами пролегал путь по равнине, где не было никаких укрытий.

— Но там нас непременно схватят.

— Ты можешь предложить что-нибудь лучшее, Джойсан?

— А если идти по этому берегу реки на запад. Здесь полно овечьих пастбищ, и они не смогут нас догнать.

— Догнать нас!— он горько усмехнулся.— Им нужно лишь прицелиться в нас из своего оружия и мы погибнем, как бы далеко от них не находились. Я видел это оружие в действии.

— Лучше умереть так, чем попасть в их грязные лапы. Брод — это слишком большой риск.

— Да,— согласился он,— но я не знаю здешних дорог. Если они тебе известны, то выходи вперед, показывай.

Я мало знала верхнюю часть долины и тщетно пыталась вызвать в памяти то немногое, о чем слышала. Эта местность пользовалась у жителей дурной славой. Сюда редко ходили и в основном потому, что здесь находились развалины строений

Прежних. Этого было достаточно, чтобы отпугнуть любого, но я надеялась на лес, который мог укрыть нас от преследователей. Я ничего не сообщила Тороссу о дурной славе этих мест, так как надеялась, что мы благополучно пройдем по краю леса, а затем повернем на северо-запад, чтобы соединиться с родственниками. Мы шли и нас одолевала страшная усталость. Я отчаянно боролась со слабостью, заставляя себя идти. Как чувствовал себя Торосс, я не знала, однако он тоже не спешил и изредка спотыкался. Огни вражеского лагеря были уже далеко позади. Дважды нам приходилось бросаться на землю, принимая к ней всем телом, чтобы нас не заметили проезжающие всадники и всякий раз, когда они проезжали мимо, не останавливаясь, я с облегчением вздыхала. И так мы добрались до опушки леса. Здесь счастье изменило нам как раз в тот момент, когда мы почувствовали себя в безопасности. Мы услышали шум и хриплые крики. Торосс толкнул меня в заросли кустов, в самый лес, который пользовался дурной славой. Тут он упал. Я повернулась и схватила его за плечи, потащив за собой из последних сил. В этот момент я вспомнила о даме Мат. Как мне хотелось сейчас иметь ее жезл, ее Могушество, чтобы я могла сжечь тех, кто гонится за нами. Огонь — свирепый, горячий огонь жег мою грудь. Я споткнулась и выпустила Торосса. Застонав, он упал на землю. Я расстегнула кольчугу и вытащила то, что мучило меня. В моей ладони лежал шар с грифоном, он почти обжигал меня. Я хотела отшвырнуть его, но не смогла. Так и стояла я с ним в руке и уже слышала крики людей, гнавшихся за нами. Свет шара — он же может нас выдать! Но я не могла выбросить его. Я стояла и держала его в руке, как сияющий маяк, приглашающий к нам смерть. Но погоня вдруг прекратилась. Точнее, они пробежали мимо, вдоль леса, и я слышала их возбужденные крики. Но как они не смогли заметить сияние шара в темноте? Кусты были редкими и не увидеть этот свет было невозможно. Мой слух подтвердил, что они действительно ушли. Я едва могла в это поверить, но мы тем не менее избежали смертельной опасности. Погоня ушла куда-то в сторону. Торосс снова застонал и я склонилась над ним. На его рубашке проявилось кровавое пятно, из его полукрытого рта вытекала алая струйка крови. Что же делать? Мы не можем оставаться тут, ведь враги могут вернуться в любой момент. Я уронила шар под ворот кольчуги на грудь, и там он лежал, светясь. На моей руке не было ожогов, хотя, когда я держала его, мне казалось, что он прожигает меня насквозь.

— Торосс! — вероятно, его рана была тяжелой, и самым лучшим было его не трогать. Но оставлять его здесь, значило обречь на гибель. У меня не было выбора. Я должна поднять его на ноги и тащить! Свет шара освещал расprostертое тело. Когда я наклонилась над ним и взялась за плечи, он шевельнулся и взглянул на меня невидящими глазами. Я напряглась и у меня неожиданно возникло ощущение, которое я уже испытывала ранее. Из сверкающего шара на моей груди в меня вливалась

энергия. Она наполняла меня и придавала силы моим уставшим рукам...

Торосс снова застонал, закашлялся и выплюнул слюну с кровью. Но он попытался с моей помощью встать. Когда он был на ногах, я обвила руку вокруг его плеча и пошла. Ноги его совсем ослабели и он всем телом опирался на меня, но я заставляла себя идти дальше. И нас это спасло, хотя кусты вокруг по-прежнему были редкими. Мы упорно двигались вперед, постепенно удаляясь от открытого пространства, где нас подстерегала опасность. Я не представляла, где нас могла подстеречь смерть, и удивлялась, откуда у меня взялись силы так долго тащить Торосса. Не знаю, когда я заметила, что мы идем по дороге, вернее по каменным плитам, которые были ровно уложены на землю. Я видела их в свете шара — огромные, заросшие мхом плиты. Торосс вновь откашлялся кровью. Мы стояли, окруженные темной стеной леса, на непонятных каменных плитах. Серебристое сияние лилось на нас с неба с такой силой, будто кто-то специально сфокусировал свет луны.

КЕРОВАН

Я, Керован из Ульмдейла, смотрел на человека в одежде торговца, который не был торговцем. Это я понял, когда его посох заставил меня выйти из укрытия. Я шел, положив руку на эфес меча, но он улыбнулся улыбкой взрослого, успокаивающего испуганного ребенка, и сказал:

— Лорд Керован, перед тобой не враг, — и он опустил меч.

Я тут же освободился от невидимых уз, и не испытывал желания спрятаться снова. Что-то в его лице заставило меня верить этому человеку.

— Кто ты? — спросил я более резко, чем того требовала вежливость.

— Что такое имя? — риторически произнес он. Конец его посоха быстро чертил на земле какие-то знаки, хотя он даже не смотрел вниз. — Путешественник может иметь множество имен. Не буду возражать, если ты будешь называть меня Пивор.

Мне показалось, что он смотрел на меня так, как будто желал узнать, слышал ли я его имя раньше. Но, видимо, разочаровался, потому что с сожалением вздохнул.

— Раньше меня знали в Ульмдейле, — продолжал он, — и я для дома Ульрика никогда не был врагом. Я не оставался в стороне, когда кому-нибудь из твоего рода требовалась помощь. Куда ты направляешься, лорд Керован?

Только сейчас я начал понимать, кто он, и меня охватил трепет. Однако, я не ощущал перед ним страха.

— Иду в лес к Ривалу.

— Ривал... он всегда искал дороги к знанию, это было главным в его жизни. И хотя ему не удалось войти в дверь, он всегда стоял на пороге, и я, и те, кому я служу, уважали его.

Где же он теперь?

Вновь кончик его посоха начал чертить знаки в пыли.

Дорог очень много. Но ты должен понять — та, которую выбрал он, не твоя.

Я задумался, пытаюсь понять, что означают его слова. Сейчас я был готов услышать самое худшее, ведь я столько повидал за последний месяц.

— Ты хочешь сказать, что он мертв? Кто же его убил? — вновь холодный гнев охватил меня. Неужели Хлимер лишил меня еще одного друга?

— Рука, нанеся удар, явилась только орудием. Ривал хотел найти некие силы, но были те, кто не желал, чтобы его поиски увенчались успехом. И его убрали.

Вероятно, Пивор не любил излагать свои мысли напрямую. Он говорил так, что скорее запутывал все, затруднял ясное представление о рассказанном.

— Он искал Свет, а не Мрак, — заявил я.

— Разве я был бы здесь, если бы это было не так, лорд Керован? Я посланец тех сил, с которыми он хотел связаться, к которым он вел тебя до того, как прозвучал рог. Слушай внимательно. Сейчас тебя одолевают сомнения и перед тобой два пути. Оба очень опасны. Оба могут привести тебя к тому, что вы, люди, называете смертью. В эту ночь тебе придется идти по одному из них. Это предназначено тебе, так как ты рожден в Святостице...

Произнес ли он чье-либо имя? Думаю, что да, но оно ничего не значило для человека. Я согнулся и приложил руки к ушам, чтобы защитить их от ужасного грохота, прокатившегося в небесах. Пивор пристально смотрел на меня, как бы оценивая мою реакцию. Теперь его посох указывал на меня. Вокруг него по всей длине возникло светящееся облако, которое сорвалось с посоха и поплыло по воздуху ко мне. Коснувшись моего лица, оно рассеялось, но я не ощутил прикосновения.

— Родственник, — произнес он. Голос его стал мягким и потерял ту величественность, с которой он разговаривал со мной до этого.

— Родственник?

— Вероятно, леди Тefана, когда совершала сделку с Темными Силами, не поняла, чего она добилась. Но она подозревала это, да, подозревала. Тебя подменили, Керован, но не для того, чтобы тобой воспользоваться, вернее, чтобы она могла тобой воспользоваться. Это она правильно поняла. И я не знаю, кто сейчас смотрит твоими глазами. Я думаю, что он еще спит или только просыпается. Придет время, когда ты вспомнишь все и тогда твоя наследственность, может частично, но будет твоей. Нет, нет, ты будешь искать и ты найдешь. Но до этого ты должен решить все проблемы здесь, ведь ты наполовину житель долины.

Я пытался что-нибудь понять. Он хочет сказать, что леди Тefана связалась с какими-то силами еще до моего рождения,

чтобы сделать меня сосудом, в который она поместит Темное Могущество?

— Не думай об этом сейчас, Керован,— ответил он на мои мысли.— Ты полукровка и сын своего отца, хотя он и зачал тебя, будучи околдованным. Она хотела впустить в тебя Темное Начало, чтобы сделать тебя своим оружием, однако вместо этого в тебя вошло другое. Узнать, кто ты на самом деле, надлежит тебе самому. Сейчас ты можешь вернуться, войти с ними в союз и понять, что она не может устоять против тебя или...— Он указал посохом на пустынные горы.— Или можешь отправиться туда, где мрак и то, что вы называете смертью, пойдет по твоим пятам. Пойти туда и обречь себя на вечные поиски, в которых у тебя не будет проводника. Итак, выбор в твоих руках.

— Они намереваются вызвать волны и ветер, чтобы нанести поражение пришельцам,— сообщил ему я.— Хорошо или плохо это для Ульмдейла?

— Вызов Могущества всегда большой риск, а если вызывают те, кто не находится в родстве с этими силами, то риск двойной.

— Может, мне воспрепятствовать этому?

Он отошел в сторону, а когда заговорил, голос его стал ледяным.

— Если хочешь...

— А есть третий путь?— пока я шел из замка, я обдумывал этот вариант.— Я могу возглавить Икринт и собрать силы, чтобы оборонять его от врагов.— Однако, мне не удалось созвать силы из соседних долин на помощь. Все дрались на юге, и в крепостях оставались лишь небольшие отряды.

— Выбор в твоих руках,— повторил Пивор и я понял, что он не даст мне совета.

Долг перед Ульмдейлом был заложен в меня с детства. Если я отвернусь от земли своих предков, не сделаю попытки спасти тех, кто живет в долине, от уничтожения либо бандами пришельцев, либо заклинаниями этой ведьмы и ее приспешников, тогда я стану предателем и каждый будет презирать меня.

— Я наследник отца, и не могу предать свой народ. С другой стороны, я не могу принимать участия в ее колдовстве. Может, найдутся те, кто последует за мной...

Он покачал головой.

— Не пытайся воздвигнуть стену из сухого песка, Керован. Мрак, свивший гнездо в стенах Ульма, распространяется дальше. Ни один воин не придет на твой призыв.

Я не сомневался, что он знает, о чем говорит. Пивор вызвал в моей душе полное доверие к себе. Значит... значит, Икринт? Во всяком случае, я найду там убежище, откуда могу собирать людей. Кроме того, мне нужно послать письмо лорду Имгри. Пивор засунул за пояс посох, потом повернулся к одной из лошадей и снял с ее спины небольшой сверток.

— Хику не боевая лошадь, но она хорошо ходит в горах. Прими ее, Керован, с Четвертым Благословением,— он взял посох и легонько коснулся им моего лба, плеч и сердца.

Я понял, что мое решение доставило ему удовлетворение. Но вместе с тем осознал, что оно не обязательно правильное. Однако мне стало ясно, что дорогу необходимо выбирать самому, без советчиков. Я совершенно забыл про свои копыта, но когда приготовился сесть на лошадь, то заметил сапоги, привязанные к поясу. Я быстро отвязал их и хотел надеть, но тут же почувствовал к ним жуткое отвращение. Почему я должен прятать свои копыта? Это же не уродство! Они, конечно, отличаются от конечностей других людей, но я видел этой ночью тех, у кого искалечена душа, а это гораздо большее зло. Нет, я покончу со скрыванием своей внешности. Если Джойсан и ее родные отвернутся от меня с отвращением, тогда я буду свободен от них. Я отбросил сапоги в сторону и меня охватило чувство свободы.

— Молодец! — сказал Пивор. — Будь собой, Керован, и не думай, что все люди должны быть одинаковы. Я возлагаю на тебя огромные надежды, Керован.

Затем он отвел лошадь на несколько шагов и, положив руку ей на спину, описал жезлом круг. В воздухе возник тонкий колеблющийся туман. Он все сгущался и вскоре скрыл от меня лошадь и всадника. Потом туман рассеялся и я ничуть не удивился, ничего не увидев там, где только что были Пивор и его лошадь. Я решил, что он один из Прежних, и пришел ко мне совсем не случайно. После его посещения мне было о чем подумать. Значит, я полукровка и связан родством с кем-то из таинственных лордов, правивших ранее этой страной. Мать хотела сделать меня своим орудием, но вышло все не так, как хотела она. Я сопоставил все услышанное от Пивора с тем, что мне было известно раньше, и многое, ранее непонятное, прояснилось. Во мне заговорило то, что было у меня от человека: значит, я действительно сын Ульрика, невзирая на все интриги колдуньи. Эта мысль ободрила меня... После смерти отец стал мне ближе и дороже, чем был при жизни. Ульмдейл принадлежит ему, следовательно я должен сделать все, чтобы обеспечить его безопасность, а это значило, что я обязан ехать туда. Я не был уверен, что полученная мною лошадь была настоящая. Это следовало из того, что дал мне ее не обыкновенный человек. Но на вид она ничем не отличалась от обычных лошадей. Пивор сообщил, что она хорошо ходит в горах, но тут еще рано ехать верхом и я повел ее за поводья. К рассвету я решил остановиться и сделать передышку. Я снял мешок со спины лошади и обнаружил там бутылку, в которой оказалась не вода, а какая-то белая жидкость. Она освежала и согревала лучше любого вина. Кроме того, я обнаружил в мешке круглую деревянную коробку с плотно пригнанной крышкой. С трудом открыв ее, я обнаружил там хлеб. Он был так хорошо защищен, что оказался свежим. Это был обычный хлеб, но в нем попадались кусочки сушеных фруктов и мяса. Одного ломтя было достаточно, чтобы полностью насытиться, так что остальное я оставил на будущее. Глаза мои слипались и тело требовало отдыха. Я устроился между двумя камнями, вытянув свои копыта. Задумчиво смотрел

на них и представлял, что же должен почувствовать человек, который бы без предупреждения увидел их. Может, я зря выбросил сапоги? Нет, как только эта мысль пришла мне в голову, я отверг ее. Это необходимо было сделать и я правильно поступил. Джойсан и ее родственники должны увидеть меня таким, какой я есть, и после этого или принять меня, или отвергнуть. Между нами не должно быть неправд или полуправд, таких, какие наполняли дом моего отца паутиной черного грязного колдовства. Я расстегнул кошелек, решительно достал футляр с портретом и впервые за многие месяцы открыл его. Лицо девушки, нарисованное два года назад. Какая она, эта девушка с огромными глазами и волосами цвета осенних листьев? Может, она изнежена, хорошо обучена женским делам, но понятия не имеет об огромном мире, что лежит за стенами Икринта. Впервые я подумал о ней, как о человеке, а не как о вещи — мече или кольчуге, — которая по обычаю принадлежит мне. Я мало разбирался в женщинах. На юге мне пришлось послушаться хвастливых баек, которые воины рассказывали друг другу, собравшись у костров. Но это ничего не прибавило к моим знаниям. Сейчас я думал, что моя смешанная кровь, моя наследственность отметили меня не только копытами, но и наложили на меня нечто большее — недаром же я был так равнодушен к девушкам долин. Если это так, то каким же будет наш союз с Джойсан? Я мог разорвать договор, но сделать это значило опозорить девушку. Все равно, что оскорбить ее публично, а этого я допустить не мог. Возможно, когда мы встретимся лицом к лицу, она вспыхивает ко мне отвращением, и тогда все кончится по обоюдному согласию. Но сейчас я смотрел на это лицо в утреннем свете и хотел видеть ее, но в то же время не желал, чтобы она разрушила наш договор о браке. Почему я послал ей своего грифона в шаре? За это время я почти забыл об этом, но мое прерванное путешествие к Ривалу заставило вспомнить. Что же побудило меня послать ей такой подарок, хотя в этом не было никакой необходимости? Я попытался нарисовать его в своем мозгу — шар, в нем грифон, одна лапа поднята в предупреждении... Но... Я уже не мог смотреть на долину перед собой. Я увидел ... ее! Она была передо мной, я мог бы коснуться рукой ее плаща. Ее прекрасные волосы были беспорядочно распущены по плечам и под ними угадывался блеск кольчуги. На ее груди висел грифон на цепочке и испускал свет. Лицо Джойсан было исцарапано и в глазах стоял страх. На ее колене лежала голова молодого мужчины. Глаза его были закрыты, а изо рта пузырилась кровь, что означало наличие раны, которую невозможно вылечить. Рука ее нежно касалась его лба и она с таким вниманием смотрела на него, что мне стало ясно — ей совсем не безразлично, умрет ли он или нет. Возможно, это было ясновидение, но этот дар или проклятие до этого являлся ко мне только раз. Я видел, что лицо умирающего не мое, и значит ее горе направлено не на меня. Может быть, здесь находился ответ на мои вопросы. Но я не мог ни в чем ее обвинить — мы ничего не знали друг о друге, кроме наших имен.

Я даже не выслал ей своего портрета, хотя она просила меня об этом.

Свечение грифона удивило меня, но уже потом я справился с собой и примирился с увиденным. Как будто в этот шар вдохнули жизнь. И теперь мне стало ясно, почему что-то заставило меня послать ей в подарок шар с грифоном, хотя я чрезвычайно дорожил им. Он был предназначен не мне и его место было у той, на чьей груди он сейчас покоился. Однако эта смерть говорила о том, что сейчас мне не найти в Икринте пристанища. Одеть кольчугу для наших девушек было не самым обычным делом, но и жили мы в необычное время. Она была в кольчуге, а ее компаньон умирал — этому могло быть только одно объяснение: Икринт осажден или уже пал. Но то, что я узнал, не привело меня в смятение, напротив, это вдохнуло в меня новые силы — у меня был долг и перед Джойсан, независимо от того, рада ли она меня видеть или нет. Если она в опасности, я должен идти спасать ее.

Ульмдейл, когда-то принадлежавший отцу, а теперь находящийся в руках тех, кто замыслил недоброе, Икринт, возможно занятый врагами — я шел от одной опасности к другой. Смерть буквально гналась за мной по пятам, готовая вонзить свои когти мне в спину. Но это была моя дорога и я не мог идти по другой. Видение исчезло и я почувствовал слабость и головокружение, преодолеть которые я не смог. Весь день я проспал в своем убежище, и когда проснулся, наступили уже сумерки. Лошадь стояла надо мной, как будто меня охраняла. На небе собирались зловещие тучи. Я редко видел такие тяжелые черные тучи, которые совершенно скрыли из виду Кулак Великана. Когда я поднялся на ноги, лошадь прижалась ко мне. Запах ее пота ударил мне в ноздри. Она положила голову мне на плечо и попыталась облизать мне лицо. Я успокаивающе погладил ее по шее. Это был страх, настоящий страх. Он передался от лошади ко мне. Иссущающее душу ожидание чего-то страшного, как будто собирались сверхъестественные силы, враждебные всему человечеству, которые могли сдуть человека, как пылинку в пустыне. Я прижался спиной к каменной стене, руки мои удерживали лошадь. Мы чего-то ждали... Не знаю почему, но я боялся, боялся так, как не боялся никогда в жизни. Не было ни ветерка, ни звука. Это жуткое спокойствие увеличивало мой страх. Долина, горы, весь мир, — все съезжилось и ждало... И на востоке вспыхнула молния. Не обычная молния, а как будто ослепительно яркая трещина, разверзшаяся в небесах. На востоке... над морем. Ветер и волны, о которых говорили они... Выходит, они все же решились? Что же случилось в порту? Лошадь издала странный, почти человеческий звук. Еще никогда я не слышал подобных звуков от животных. Давление воздуха все повышалось. Казалось, он выдавливается из легких и дышать стало невыносимо трудно. Молния вновь расщела небо. И вот послышался гул, как будто одновременно забили тысячи боевых барабанов. Из-за туч ночь стала такой черной, что я видел не больше слепого. Там, где моя кожа не была прикрыта одеждой, ее

жгло и щипало, как будто воздух был отравлен. Затем появился свет, но не в небе — сами камни стали излучать сияние и превратились в бледные фонарики. И в третий раз молния вспыхнула на востоке, а затем раздался гром. Тут же поднялся ветер... Ветер, какого, я могу поклясться, наши долины никогда еще не знали. Я упал между камнями, спрятал свое лицо в лошадиную гриву и вновь мои ноздри почувствовали резкий запах пота. Дикий вой ветра оглушил меня и не было защиты ни от этого воя, ни от самого ветра. Я боялся, что он вырвет нас из нашего жалкого убежища, потащит по камням и разобьет насмерть. Я вонзил копыта в землю, изо всех сил прижался к камням спиной и боком и замер. Лошадь сделала то же самое. Если она и ржала от страха, то я не слышал ее, так как был полностью оглушен. Бой барабанов превратился в сплошной грохот, которому не было видно конца. Я не мог размышлять, я лишь съеживался, вжимался в камни, надеясь, что нам удастся избежать ярости этой дикой бури. Но она все продолжалась и постепенно я стал привыкать к ней, как привыкает каждый к постоянной опасности. Я уже понял, что ветер дует с востока на запад, и вся его энергия направлена с моря на порт. Я даже не мог себе представить, что такая буря может сотворить с побережьем. Оно наверняка будет полностью опустошено могучими волнами. Если вражеский флот находился в это время возле побережья, от него ничего не останется, но вместе с врагами пострадают и невинные жители. Что будет с портом и теми, кто там живет? Если эта буря вызвана теми, кто сидит в Ульме, значит, они потеряли контроль над могущественными силами. Буря оказалась гораздо более грозной, чем они предполагали. Сколько же времени продлится это безумие? Этот крошечный мрак, грохот и страх, вызванный не природой, а чем-то сверхъестественным? Что с крепостью? Мне казалось, буря может свернуть даже громадные камни, из которых сложена крепость, и развалить ее на части. Эта буря не стихала постепенно, как бывает обычно. Только что стоял грохот и свист — и вдруг тишина, полная, мертвая, не менее оглушающая, чем невероятный шум. Затем я услышал мягкое ржание лошади. Она оттолкнулась от меня и поднялась на открытое пространство. Черные тучи в небе, разорванные в клочья, как знамя моего отца, превращались в ничто. Снова наступил рассвет. Сколько же времени длился этот ужас? Спотыкаясь, я побрел за лошадью. Воздух уже не был наполнен жгучей кислотой, которая раздирала легкие, он стал свежим и холодным. Я должен был посмотреть, что случилось внизу. Ведя за поводья Хику вдоль горного хребта на краю долины, я направлялся к Кулаку Великана. Обширные пространства были опустошены — деревья и кусты были вырваны с корнем. Там, где они росли, остались лишь глубокие шрамы на теле земли. Так очевидны были эти следы разрушений, что я частично приготовился к тому, что предстояло мне увидеть в самой долине, но все обстояло гораздо хуже. Часть крепости еще стояла, но это было уже не целое строение. Ее окружала вода — море воды,

на поверхности которой плавали какие-то обломки, то ли остатки кораблей, то ли домов. И эта вода пришла с востока — море поглотило большую часть Ульмдейла. Спасся ли кто-нибудь? Я не видел никаких признаков жизни. Вся деревня находилась под водой, виднелось только несколько крыш. Значит, те, что так безрассудно обратились к могущественным силам, просчитались. Может, они тоже погибли во время этой ужасной бури? Я надеялся на это. Но то, что Ульмдейл перестал существовать, для меня было ясно. Ни один человек не сможет тут жить в дальнейшем. Я был уверен, что море не вернет того, что захватило. Если пришельцы надеялись использовать Ульмдейл в качестве плацдарма, то они просчитались. Я отвернулся от того, что некогда было крепостью. Мне еще предстояло узнать, что случилось с Джойсан, и помочь ей. А затем... затем меня ждали бои на юге. И я направился прочь от Кулака Великана, не желая больше смотреть на уничтоженную долину. Сердце у меня щемило, но не из-за того, что я что-то потерял. Нет! Я никогда не ощущал себя владельцем Ульмдейла, но это была земля моего отца, которую он любил и за которую не пожалел бы жизни. Я шел и проклинал про себя тех, кто сделал это.

ДЖОЙСАН

Мы стояли под луной на каменных плитах. На моей груди светился грифон. Торосс выскользнул из моих рук и упал. Я опустилась возле него на колени и подняла рубашку, чтобы разглядеть рану. Голова его лежала на моих коленях и из уголка рта стекала тонкая струйка крови. Когда я увидела рану, то никак не могла поверить, что он смог пройти так далеко и остаться живым. Я понимала, что рана смертельна, но я отрезала ножом кусок ткани и перевязала ее, чтобы остановить кровотечение. Правда, я не понимала, зачем это делаю: ничто теперь не могло помочь Тороссу. Я ласково прижала его голову к себе. Только этим я могла облегчить ему наступление смерти. Ради меня он не пожалел своей жизни. В свете луны и светящегося шара с грифоном, я рассматривала его лицо. Какие повороты судьбы свели нас вместе? Если бы я могла, я бы с радостью назвала Торосса своим мужем. Почему же я не смогла? В библиотеке Монастыря я прочитала множество старых книг, и в одной из них утверждалось, что человек живет не одну жизнь, а возвращается в этот мир в другое время, чтобы выплатить свой долг тому, кому чем-то обязан. Следовательно человек в каждой своей жизни связан с другими нитями, которые не принадлежат этому времени, а тянутся откуда-то из далекого прошлого. Сначала Торосс явился ко мне, угрожая обречь на позор наш род, желая увести меня с собой, настаивая на том, чтобы я нарушила священную клятву. И хотя я отвергла его притязания, он пришел ко мне, чтобы умереть у меня на руках, потому что моя жизнь значила для него больше, чем его собственная. Какой же долг он мне выплачивал, если старые книги

говорят правду? Или, может, он возложил на меня долг, который мне тоже придется когда-нибудь выплачивать? Голова его шевельнулась. Я склонилась над ним и услышала горячий шепот Торосса:

— Воды...

Вода! У меня не было ни капли воды. Насколько я знала, ближе реки воды не достать, а река находилась от нас очень далеко. Я выжала полы своего мокрого плаща и смочила ему лицо, понимая, что этого ему мало. Потом в мертвенно-белом свете луны я заметила, что вокруг растут растения высотой с меня. На их мясистых листьях блестела роса, ее серебряные капли. Я узнала эти растения, их мне как-то показывала дама Мат. Но только эти были чересчур большими. Они обладали способностью конденсировать на листьях влагу при наступлении ночи. Я осторожно положила Торосса и направилась за неожиданным подарком судьбы. Затем я принесла ему воды, смочила ему губы и влила несколько капель в пылающий сухостью рот. Но и это было конечно мало, ничтожно мало, но, может быть, эти листья обладали каким-нибудь лечебным свойством. Вероятно, так оно и было, потому что даже этих капель хватило, чтобы утолить его жажду. Я вновь прижала его голову к себе и тут он открыл глаза, увидел меня и улыбнулся.

— Моя... леди...

Я хотела остановить его, но не за то, что он сказал, а потому, что ему нельзя было разговаривать. Он тратил на слова силы, которых и так осталось мало.

Но Торосс не послушался меня.

— Я... знал... моя леди... с самого начала, когда... увидел... тебя, — голос его становился с каждым словом все тверже, вместо того, чтобы слабеть. — Ты очень красива, Джойсан, очень умна... очень... очень желанна. Но это... — он закашлялся и струйка крови вытекла изо рта и потекла по подбородку. Я быстро вытерла кровь влажными листьями. — Но ты для меня далека... — Он долго молчал, но затем все же продолжал: — Не из-за наследства, Джойсан, ты должна мне верить. Я умру с тяжелым сердцем, если ты думаешь, что я желал стать наследником Икринта. Я... я хотел тебя!

— Знаю, — заверила я его и это было чистой правдой. Может быть, родственники и стремились, чтобы он женился на мне из-за наследства, но Торосс хотел именно меня, а не лордство. Мне было очень жаль, что я не испытывала к нему ничего, кроме дружбы и братской любви. Но не больше.

Он вновь стал кашлять и задыхаться. Говорить уже не мог. Я решила, что должна облегчить его страдания, и солгать ему так, чтобы он мне поверил.

— Если бы ты остался жив, я стала бы твоей, Торосс.

Он улыбнулся и эта улыбка стрелой вонзилась в мое сердце. Я поняла, что он мне поверил. Затем он повернул голову, прижался окровавленными губами к моей груди и затих, как будто уснул. Немного погодя я бережно положила его и поднялась на ноги,

оглядываясь по сторонам. Я не могла сейчас смотреть на него. Я понимала, что мы попали в какое-то место, созданное Прежними, но это не было целью нашего пути. И остановилась я тут только потому, что не могла дальше нести Торосса. Теперь я решила исследовать это место. Здесь не было никаких стен, только каменные плиты под ногами, блестящие в лунном свете. Неожиданно я заметила, что камни сами слабо светятся бледным сиянием, подобно свечению моего шара. Эти камни отличались от тех, из которых были выложены стены Икринта. Сияние, исходившее от них, немного пульсировало, как будто они дышали. Не только сияние камней, но и их форма удивили меня. Они были выложены в виде пятиконечной звезды. Я стояла, слегка покачиваясь. Камни как будто излучали энергию, стараясь, чтобы я поняла их значение, смысл. Но мои знания о Прежних были так отрывочны, что я не могла даже предположить, куда мы пришли. Но я чувствовала, что это место не предназначено для служения Темным Силам. Здесь когда-то сосредотачивалось Могущество, остатки которого сохранились до сих пор! Если бы я знала, как это использовать! Может быть, я спасла бы Торосса, жителей долин, которые в настоящее время считают меня своим предводителем. Если бы я знала! И я заплакала от духовного одиночества, от утраты того, чего не имела, но которое сейчас многое могло бы решить. Здесь что-то было. Внезапно я запрокинула голову и посмотрела вверх, раскинув руки в стороны. Я как бы хотела открыть вечно закрытую во мне дверь, открыть свету. Как он нужен был мне сейчас, и я просила, чтобы он явился ко мне. Но мои руки опустились, а я осталась такой же беспомощной, как и раньше. Меня грызло сознание того, что мне предложили нечто важное, чудесное, а я так мало знала, что не смогла это воспринять. Эта мысль была горше всего. Все еще страдая от переживаемого, я повернулась к Тороссу. Он неподвижно лежал, как будто еще спал. Его окружало сияние камней. Я не могла похоронить его тут по обычаю долин — одеть на него доспехи, сложить руки на рукоять меча, чтобы каждому стало ясно, что он погиб как воин. Даже этого я не могла сделать для него, но здесь мне это не казалось необходимым. Он лежал в сиянии славы и я поняла, что мне не нужно думать о гробнице для него. Я встала на колени, взяла его руки и сложила их на груди. После этого я поцеловала Торосса так, как он того страстно жаждал, хотя я не могла его осчастливить при жизни и идти рядом с ним. Затем я пошла в лес и нарвала цветов и ароматных трав. Я покрыла ими тело Торосса, оставив только лицо, смотревшее в ночь. И я стала молить Могущество, которое здесь обитало, чтобы оно охраняло его покой. Потом я повернулась и пошла дальше, твердо зная, что ему будет здесь хорошо независимо от того, что происходит сейчас в разграбленном и измученном войной мире. У края звезды я заколебалась. Что мне делать? Идти по лесу и разыскивать следы наших людей? В конце концов, я так и решила. Деревья в лесу были толстыми, а просветов впереди не наблюдалось. Я вполне могла заблудиться, ведь у меня не было опыта жизни в лесу. Но я шла вперед и на-

деялась, что иду туда, куда надо. Когда я добралась до густой стены кустов, которая была границей леса, я почувствовала, что падаю с ног от усталости, голода и жажды. Но передо мной уже находились горы, куда, вероятно, спрятались беглецы из Икринта. Небо просветлело. Приближалось утро. Свет шара угас, я осталась одна, и тяжесть легла на мое сердце. Я добралась до груды камней и поняла, что дальше идти не могу. Вокруг росли дикие вишни. Хотя они были очень кислыми, я набивала ими рот с такой жадностью, которая знакома лишь вконец изголодавшемуся человеку.

Я подумала, что лучшего места для отдыха, чем эта груда камней, мне не найти. Но прежде чем забраться в расщелину, я решила несколько приспособить свою одежду для передвижения по лесу. Полы моего плаща были раздвоены, чтобы я могла садиться на лошадь, но они были такие длинные, что мешали при ходьбе. Поэтому я отрезала их ножом Торосса, после чего обмотала ими свои сапоги. Костюм мой вряд ли можно было назвать элегантным, но теперь я могла передвигаться с большей свободой. После этого я забилась в щель с уверенностью, что мои взбудораженные мысли не позволят мне уснуть, как ни была велика моя усталость. Помимо моей воли руки мои потянулись к груди и сжали шар с грифоном. Хотя сейчас он был холодным, но его приятная гладкая поверхность как-то успокаивала меня. Так я и заснула. Все люди видят сны, но когда просыпаются, вспоминают лишь некоторые отрывки, которые особенно воздействовали на них — либо жуткие кошмары, либо невысказанное наслаждение. Но то, что приснилось мне, совершенно не походило на обычные сны. Я находилась в какой-то маленькой пещере, а снаружи свирепствовала буря невысказанной силы. Кто-то рядом был со мной в этой пещере. Я угадывала в полутьме очертания плеча, видела его голову, повернутую от меня, и мне очень хотелось узнать, кто же он. Но я не видела его лица и не знала, как его позвать. Я лишь съеживалась от страха, когда на пещеру обрушивались порывы ветра. И здесь было также, как там, на пятиконечной звезде — я сознавала, что, будь у меня дар, способность, я могла бы сделать все, что хочу. Но у меня не было этого дара и сон исчез, или я просто ничего не помнила. Когда я встала, солнце уже опускалось к горизонту. Длинные тени лежали у моих ног. Я была все еще слаба, мне очень хотелось пить и сильно болел живот — вероятно, я объелась кислых вишен... А может, просто от голода. Я встала на колени и осторожно выглянула, опасаясь возможных врагов. И я заметила двоих разведчиков, едущих очень осторожно, все время оглядываясь. Моя рука тут же сжала кинжал. Но затем я увидела, что это жители долины и тихонько свистнула им. Они мгновенно распластались на земле и подняли головы лишь тогда, когда я свистнула во второй раз. Они увидели меня и вскоре находились рядом. Я сразу узнала их — это были оруженосцы Торосса.

— Рубо, Анграл! — я была так рада встрече с ними, что приветствовала их, как братьев.

— Леди! Торосс сумел выручить тебя! — воскликнул Рубо.

— Да, он спас меня и принес Великую славу своему Роду. Воины смотрели на вход в пещеру и я поняла, что они уже догадываются о том, что я им скажу.

— У пришельцев имеется оружие, которое поражает издалека. Когда мы от них убегали, Торосса ударило сзади. Он умер на свободе. Слава и честь его Дому! — могли ли эти традиционные слова выразить мою бесконечную благодарность воину и передать ему последнее «прощай!». Оруженосцы уже были довольно преклонного возраста. Что могло Торосса связывать с ними? Не знаю... Они печально склонили головы и повторили за мной:

— Слава и честь его имени!

Затем заговорил Анграл:

— Где же он, леди? Мы должны увидеть его.

— Он лежит в Святом месте Прежних, там, где мы остановились в последний раз. Он будет находиться там в полном покое.

Они переглянулись. Я видела, что их верность традициям борется с благоговейным трепетом, и сказала:

— Я сделала все, чтобы он лежал с миром. Я дала ему воды и украсила его последнюю постель цветами и травами. Он лежит, как настоящий воин, я клянусь вам в этом!

Они сразу поверили мне. Все мы знали, что есть места, где сконцентрированы Темные Силы и их необходимо опасаться. И есть другие, где человеком овладевает мир и покой. Именно в таком месте сейчас находился Торосс.

— Хорошо, леди, — проронил Рубо и я поняла, что Торосс доверял им очень многое.

— Вы пришли от нашего народа? — осведомилась я. — У вас есть еда и вода? — я забыла про гордость и жадно смотрела на их поклажу.

— О, конечно, леди, — Анграл вытащил из мешка на поясе бутылку воды и черствые куски хлеба. Я изо всех сил старалась выглядеть прилично, и не проглатывать хлеб огромными кусками. Я понимала, что от невоздержанности после длительного голодания мой желудок может взмутиться.

— Мы из того отряда, который ведет лесник Борсал. Леди и ее дочь находились с нами, но они вернулись назад, чтобы найти лорда Торосса. Теперь мы их разыскиваем, так как к вечеру они не вернулись.

— Вы на этой стороне реки, значит...

— Эти дьяволы охотятся по всей долине. Если бы наш лорд был жив, то это единственный путь для него, — заявил Рубо.

— Выходит, они заняли всю долину?

Анграл кивнул.

— Да. Два наших отряда были захвачены в плен, так как двигались слишком медленно. Пропали некоторые стада. Животные отказались идти в горы и пастухи не смогли их заставить. Те, кто долго возился с ними... — он сделал короткий жест, выразительно определивший их судьбу.

— Вы можете найти путь назад?

— Да, леди, но нужно идти очень быстро.

Имеются места, где в темноте не пройти. Сейчас уже не лето и она наступает рано.

Их пища и особенно радость встречи с ними придали мне сил. К тому же изменения в моей одежде позволили мне идти гораздо быстрее, чем прошлой ночью. Но перед тем, как пуститься в дорогу, я спрятала грифона под кольчугу. Путь был труден, и даже мои проводники не раз останавливались, чтобы найти знаки, по которым они шли. Здесь не было ни дороги, ни даже звериной тропы. К ночи мы уже были высоко в горах. Стало холодно, и я вся дрожала при порывах ветра. В пути мы молчали, лишь изредка кто-либо из них предупреждал меня, если впереди было опасное место. Вскоре я вновь почувствовала усталость. Но не жаловалась и шла вперед через силу, ничего у них не просила, мне было достаточно того, что они рядом. Мы не могли в крошечной тьме перевалить через хребет и поэтому укрылись в расщелине: Рубо справа от меня, Анграл — слева. Я, вероятно, спала, так как ничего не помнила, пока Рубо не зашевелился и не заговорил:

— Пора вставать, леди Джойсан. Уже утро и мы не знаем, как высоко забрались эти убийцы в поисках крови невинных людей.

Утро было серое, над горами еще стоял полумрак. Я посмотрела на сгущающиеся тучи. Хорошо бы пошел дождь — он смое наши следы. И действительно начался дождь. Нам негде было укрыться, в окрестностях ни одного деревца. И мы шли, скользя по мокрым камням, спускаясь вниз, в долину. Я плохо знала эту часть страны. Где-то там должна быть дорога, ведущая в Норестид. Хотя лорды заботились о ней и иногда расчищали, даже вырубая кусты по ее сторонам, чтобы невозможно было устроить ловушку, ходьба по ней не была легкой прогулкой. Тут жило очень мало народу. Во-первых, весной река заливала большое пространство, а во-вторых, земля здесь была очень бедная. Поэтому сюда заходили лишь пастухи со стадами, и то редко. Единственным известным мне поселением тут был Норсдейл, в пяти днях пути верхом. Но мы не стали спускаться на дорогу, так как заметили в долине дым. Наши люди не стали бы разводить костры. Мы снова полезли по крутым склонам, направляясь к югу. Так мы подошли совсем близко, на расстоянии полета стрелы, к источнику дыма. Нас кто-то окликнул из гуши кустов, и перед нами появилась высокая женщина. Я узнала ее — это была Нальда. Ее муж был начальником в Икринте. Если верить нашим сплетницам, она была скорее мужчиной, чем женщиной. В ее руках находились лук и стрелы и она уже подготовилась стрелять. Но при моем появлении лицо ее сразу прояснилось.

— Леди, приветствуем тебя, приветствуем! — она говорила с искренней радостью и от чистого сердца.

— Спасибо, Нальда. Кто с тобой?

Она подошла ближе и коснулась моей руки. Видимо, это было ей необходимо, чтобы убедиться, что она действительно видит меня, а не призрак.

— Нас было десять — леди Ислайга, леди Инглида, мой

сын Тимои и .. но, леди Джойсан, что с моим мужем Старком?

Я вспомнила кровавую резню у реки. Вероятно, она все прочла на моем лице и поэтому опустила голову.

— Ну что ж,— наконец, вымолвила она,— ну что ж, он был хорошим человеком, леди. И умер он с честью...

— Он умер с честью,— быстро подтвердила я. Я не хотела говорить нашим людям, какой ужасной смертью умирали мужчины. Мы должны были только знать, что они умирали, как герои, и мы должны были чтить их память.

— Но что это я! Эти демоны уже в долине. Мы должны уходить, но леди Ислайга не хочет идти. Она ждет сына, а мы не можем уходить без нее.

— Он уже не вернется. Если враги близко, то нам нужно быстрее бежать. Вас десять человек... А мужчины есть?

— Рубо и Анграл,— она кивнула на моих спутников.— Янофер, который был пастухом в четвертом районе. Он бежал и получил рану в плечо. Эти охотники на честных людей каким-то образом умеют поражать издалека. Есть еще женщины и два ребенка. У нас четыре арбалета, два лука, ножи и одно копье. Пищи дня на три, если мы будем экономить. А до Норсдейла еще очень далеко...

— А лошадей?

— Их нет, леди. Мы двигались по верхнему ущелью и не смогли провести лошадей. Там мы потеряли остальных наших, которые были с Борсалом. Они ушли вперед ночью. Овцы и коровы сбежали. Удастся ли нам их поймать...— она пожала плечами.

Да, дело обстояло плохо. Наши планы в чем-то были недостаточно хорошо проработаны. Я могла только надеяться, что остальные наши отряды, лучше экипированные, смогли прорваться в Норсдейл. Но я мучительно сомневалась, что они смогут прийти к нам на помощь, хотя их можно понять. Вряд ли кому-нибудь снова захочется пускаться в трудный и опасный путь. Скорее всего, они будут готовиться к отражению возможного нападения врагов. В сопровождении Нальды, которая возглавляла небольшой отряд, я пришла в лагерь. Правда, он очень мало подходил на лагерь. Увидев меня, леди Ислайга вскочила на ноги.

— Торосс! — это был не крик, а вопль. В нем были и горе, и надежда. На ее бледном лице глаза так светились, словно в них вспыхнул огонь.

Я никак не могла подобрать слов. Она медленно приблизилась ко мне. Затем положила руки мне на плечи и стала трясти, как бы для того, чтобы вытрясти из меня сведения.

— Где Торосс?

— Он... его убили...— я не могла скрыть правду, обмануть сердце любящей матери.

— Мертв! Мертв! — она выпустила меня и отпрянула назад. В ее глазах застыл ужас. Она как бы видела во мне смертельного врага, одного из тех пришельцев с окровавленными руками: это было для меня ударом.

— Он умер из-за тебя, ты даже не желала взглянуть на него,

а ведь он мог иметь любую девушку. Каждая пошла бы за него, стоило лишь ему поманить ее пальчиком. Чем ты его околдовала? Если бы он вместе с тобой получил Икринт, я бы могла смириться с этим, но он умер, а ты жива...

У меня не было слов, я могла только смотреть на ее иступленную ярость. По-своему она была права. То, что я ничего не обещала Тороссу, для нее ничего не значило. Для нее главным было то, что он хотел меня, а я отказывалась и он умер, чтобы спасти меня. Она замолчала, затем ее рот скривился и она плюнула. Плевок упал у моих ног.

— Прими мое проклятие! И вместе с ним поклянись заботиться обо мне и Инглиде. Ты взяла жизнь нашего лорда, теперь ты встанешь на его место.

Это был старинный обычай нашего народа. Она возлагала на меня ношу всей своей жизни, как плату за кровь, которая, как она считала, лежит на мне. С этого момента я обязана заботиться о ней и ее дочери, защищать их, убирать с их пути все препятствия и невзгоды, то есть заменить им Торосса.

КЕРОВАН

Я стоял и смотрел на смерть и разрушения. Ветер и волны уничтожили Ульмдейл, но призвала их темная злоба людей. Потом я пустился в дорогу и мне понадобилось десять дней, чтобы добраться до места, откуда я теперь смотрел на Икринт, вернее на то, что от него осталось. Передо мной лежала крепость, обращенная в пыль. Странно, но я не видел тех металлических чудовищ, которые крушили стены. Но мне стало ясно, что тут находится лагерь врага. Они пришли по реке на лодках, которые были сейчас причалены на противоположном берегу. Я никак не мог на что-либо решиться. С одной стороны, мне следовало доложить о том, что здесь высадились враги, а с другой стороны — меня терзала мысль о Джойсан. Не удивительно, что я видел ее в доспехах над телом умирающего юноши. Где она? В плену или мертва? Когда я направлялся сюда, я несколько раз пересекал следы небольших групп людей, вероятно, беглецов. Возможно, она тоже бежала. Но где теперь на бескрайних просторах этой страны я мог надеяться найти ее? У меня был долг перед лордом Имгри. И когда я терзался между двумя решениями, я неожиданно вспомнил о сигнальных постах. Конечно, тут есть поблизости один из них и я смогу передать лорду Имгри предупреждение. После этого я освобжусь и смогу посвятить себя поискам Джойсан. Используя свое искусство, я стал пробираться среди камней. Довольно часто я замечал группы пришельцев, которые ходили с надменностью завоевателей, знающих, что им нечего бояться. Некоторые из них гнали овец и коров в свой лагерь, видимо для того, чтобы употребить их в пищу. Другие шли на запад, вероятно, в погоне за несчастными беглецами или же, чтобы разведать путь. И тогда случилось бы именно то, чего опасался лорд Им-

гри: наши разрозненные отряды оказались бы в кольце двух огромных армий врага.

Хику оказалась замечательной лошадей. Она как нельзя лучше подходила для тех условий, в которых нам приходилось идти. Она великолепно ходила по самым головокружительным тропам и совершенно не знала усталости. В этом с ней не могла бы сравниться самая лучшая лошадь моего отца. Как я ни торопился, но идти мне приходилось очень медленно и осторожно, чтобы не наткнуться на врагов. И вообще, может уже поздно поднимать тревогу. Вскоре я обнаружил место, где располагался сигнальный пост, и с горечью увидел следы тех, кто побывал тут до меня. По нашим правилам никакие следы не должны были вести к посту, а я заметил следы нескольких человек, которые шли открыто, не заботясь о том, чтобы их замести. Держа нож в руке, я забрался в скрытую расщелину, где должны были находиться три сигнальщика. Но смерть посетила это место раньше меня, о чем свидетельствовали пятна крови и следы борьбы. Тут находился крюк, на который всшался огнированный щит, который отражал лучи солнца или свет факела в направлении следующего поста. Рядом валялся сломанный обугленный факел. Я всмотрелся в сторону юга, пытаюсь разглядеть следующий пост. Успели ли сигнальщики передать сообщение о нападении? Внимательно все рассмотрев, я пришел к выводу, что нападение произошло рано утром, а сейчас был день. Если бы у пришельцев были крылья, они бы без труда перелетали с вершины на вершину, но люди еще не успели бы добраться туда. Я должен сам попытаться передать предупреждение. Но полированный щит был искорежен. У меня не было своего щита, так как разведчику он ни к чему. Сигнал... как мне передать сигнал? Я грязно выругался и задумался, грызя ногти. У меня был меч, охотничий нож и веревка, обмотанная вокруг пояса. Моя кольчуга не блестела, напротив, я выкрасил ее в зеленый цвет, чтобы она не выдала меня блеском. Покинув нишу, я осмотрелся по сторонам, пытаюсь найти что-нибудь подходящее. Оставалось только одно — но это неминуемо приведет сюда моих врагов — развести костер. Дым костра, конечно, не передает точный смысл сообщения, но зато поднимет тревогу и предупредит об опасности. Я набрал сучьев, принес их в расщелину, и положил на них сухих листьев. Вскоре вспыхнул огонь. Охалку за охалкой я кидал туда сухие листья. Показались языки ядовитожелтого дыма. Я закашлялся, из глаз хлынули слезы. Когда я протер их, то увидел, что дым плотным столбом поднимается в небо. Такой знак нельзя было не заметить. Ветра почти не было и дым образовал столб, густой и плотный. Поэтому я решил постараться передать сообщение, перекрывая дым, а затем снова пуская его. Я скинул плащ и подошел к костру. Через некоторое время слезящимися от дыма глазами я заметил сигнальные вспышки с соседнего поста. Мой сигнал был принят и понят! Лорд Имгри еще не имел отсюда точных сведений, но он уже знал, что враг захватил Икринт. Мой долг был выполнен, теперь необходимо как можно быстрее покинуть это место и ехать на запад в

поисках Джойсан. Если до сих пор счастье не изменяло мне, то теперь все переменялось. Я быстро обнаружил, что за мной погоня и какая! Сердце бешено забилося, во рту пересохло, когда я понял, что они пустили за мной собак! Мы называли ализонцев собаками из-за того, что у них имелись собаки специально обученные охоте за людьми. Они совсем не походили на наших охотничьих собак: серо-бурого цвета, поджарые, хотя большие и длинноногие. Головы их были узкие, желтые глаза сверкали жадной кровью. В них было что-то такое, что внушало людям непреодолимый ужас. Я только отъехал от сигнального поста, как услышал звуки рога. Такие звуки я уже слышал, когда находился на юге. Это был вызов хозяина собак. Я отлично понимал, что, как только эти серо-бурые дьяволы возьмут мой след, спасения мне не будет. Поэтому я делал все, чтобы запутать и скрыть следы. Но их отдаленный лай говорил мне, что собаки идут по следу, и мне не удалось сбить их с толку. Наконец Хику без всяких понуканий, как будто в ее черепе находился вовсе не мозг лошади, а какого-то высшего существа, сама поскакала на север. Она наполовину скатилась, наполовину прыгнула со склона горы на берег реки, бросилась в воду и поплыла против течения. Тогда я отпустил поводья, предоставив ей свободу действий, надеясь, что она сможет найти путь к спасению. Мне стало ясно, что лошадь прекрасно знает, что ей делать. Видимо, это была та самая река, что протекала через Икринт. Вода была очень чистая. Я мог видеть и камни на дне, и плавающих рыб. Внезапно Хику остановилась. Вода текла меж ее ног. Остановка была такой резкой, что я чуть не свалился. Хику поводила мордой у самой воды и внезапно заржала, повернувшись ко мне, как бы говоря что-то на своем лошадином языке. Действия лошади показались мне загадочными и я решил, что это неспроста. Когда Хику вновь склонила голову к воде, я понял, что она старается привлечь мое внимание к чему-то важному. Лошадь явно сердилась на меня за недогадливость. Я тоже наклонился и всмотрелся в воду. Может лошадь чего-то боится, может ей угрожает какое-то подводное существо? Я взялся за меч, готовясь отразить нападение. Хику вновь вытянула голову, как бы указывая мне на что-то, и я посмотрел в том же направлении. Камни, песок... вот оно! То, что скрывалось между камнями трудно было различить в воде. Я прыгнул с Хику, вода доходила мне до колен. Я наклонился пониже, чтобы лучше разглядеть непонятный предмет. Это была петля, но не из камня, во всяком случае, я никогда не видел таких камней. Петля была закреплена между камней. Я сунул меч в воду, аккуратно подцепил его кончиком петлю и вытащил на воздух. Она поддалась удивительно легко и от неожиданности я чуть не потерял равновесие. Затем приподнял кончик меча, чтобы петля не соскочила в воду. Она скользнула по мечу к рукояти и коснулась пальцев. Неожиданно резкий поток энергии от петли проник в мои пальцы. Слегка наклонив меч, чтобы отодвинуть петлю от пальцев, я принялся ее внимательно рассматривать. Петля очень походила на браслет и была сделана из металла, какого мне никогда не приходилось

раньше видеть. Он сверкал ослепительным блеском, хотя в воде выглядел зелено-голубым. Теперь я видел, что петля сделана из сложного переплетения красно-золотых нитей и этот узор образует какие-то письмена. У меня не оставалось ни малейших сомнений, что это дело рук Прежних. А то, что браслет обладает каким-то Могуществом, я убедился по поведению Хику, да и на собственном опыте. Всем известно, что животные гораздо более чувствительны к остаткам Могущества древних, чем мы, люди. Но когда я поднес браслет к лошади, она не показала никаких признаков тревоги или беспокойства. Так что я мог быть уверенным, что Темные Силы здесь отсутствуют. Хику даже вытянула голову и с удовольствием обнюхала браслет. Вдохновленный поведением Хику, я рискнул взять браслет в руки. И опять поток энергии начал вливаться в меня, но я смело держал браслет. Поток энергии либо уменьшился, либо я уже привык к нему. Теперь я просто ощущал приятное тепло. И тут я вспомнил другую свою реликвию, доставшуюся мне от Прежних — грифон в шаре. Уже не раздумывая, я надел браслет на руку и он так удобно лег на мою кисть, как будто был сделан специально для меня. Когда я поднес его к глазам, то увидел какие-то движущиеся тени. Я быстро опустил руку. Что же я видел? Почему я больше не стал смотреть — не знаю, вероятно, странность увиденного поразила меня и потрясла. Но у меня не было желания избавиться от находки. Более того, когда я сел на лошадь и вновь посмотрел на браслет, возникло ощущение, что я уже видел его и носил на руке. Но я мог бы поклясться, что впервые вижу этот браслет. Однако, кто может проникнуть в тайны Прежних? Никто... Лошадь снова пошла вперед, а я вслушался в звуки рога, в лай собак, который постепенно удалялся. И я успокоился. Видимо, на Хику можно положиться — животное знает, что делает. Однако, Хику не вышла из воды, направляясь вдоль реки и уверенно ставя ноги на каменистое дно. Я не стал командовать лошадью, предоставив ей полную свободу действий. И вскоре Хику уже искала песчаную отмель, чтобы выбраться на берег, а я в изумлении смотрел вперед в просвет между густыми кустами. Там виднелось озеро. Само по себе это не было удивительным, в наших краях неисчислимо множество озер, но то, что предстало перед моим взором, заставило бы призадуматься любого. Посреди озера возвышался маленький замок и к нему вел мост. На уровне моста в здании не было окон, но на следующем этаже и выше, а также в двух башнях, которые как бы образовывали ворота с моста, виднелись узкие щели. С берега, откуда мы смотрели на крепость, она казалась нетронутой. Однако, вторая часть моста, ведущая к противоположному берегу, отсутствовала. Начало моста находилось совсем близко от нас и я решил, что лучшего места для ночлега, чем эта крепость, нам не придумать. Хику, хотя и неохотно, но весьма отважно пошла по мосту. Звуки копыт гулко разносились вокруг. Я даже прислушался, как бы желая узнать, какой будет реакция на наше появление в крепости. Вскоре я обнаружил, что мой выбор удачен. Мост можно было поднять, и тогда между крепостью

и берегом оставалась довольно широкая полоса воды. Как только мы перешли мост, я тут же закрепил веревку в кольцо моста. Хику потянула ее, и я, спешившись, тоже стал помогать. Мост не поддавался, но когда я прочистил мечом петли, убрав из них песок и занесенные ветром листья, он заскрипел и пошел вверх. Конечно, он не поднялся на такую высоту, на которую рассчитывали его создатели, но все же отрезал путь в крепость с берега. Ворота крепости передо мной открылись и меня встретила тьма. Я отругал себя, что не захватил ничего для изготовления факела, но делать было нечего и я положился на инстинкт Хику. Лошадь вздохнула и направилась вперед, покачивая головой. Я последовал за ней, будучи уверенным, что мы придем туда, где нет ничего, что угрожало бы нашим жизням. Пройдя ворота, мы попали во внутренний дворик, откуда вели двери в сам замок. Если бы он был выстроен на естественном острове, то никаких следов от этого острова уже не осталось. Две привратные башни были соединены между собой галереей, на которую можно было попасть по двум лестницам — правой и левой. А стены росли прямо из воды. Во дворе росли трава, кусты и небольшие деревья. Хику сразу принялась за еду, как будто с самого начала знала, что ее ждет тут обед. Я подумал, что, вероятно, так оно и есть: Пивор все предусмотрел. Бросив свой мешок, я стал осматриваться и исследовать крепость. Все сделано великолепно и совсем не пострадало от времени. Это было самой трудной загадкой Прежних — все их сооружения выглядели так, как будто хозяева отлучились лишь на минутку и скоро вернутся. Затем я прошел к отсутствующей части моста. Я предполагал, что она просто приподнята, но обнаружил, что ошибся. Края металлических балок были оплавлены, как будто кто-то срезал мост огненным ножом. Я протянул руку, чтобы дотронуться до края, но тут же острая боль ударила мне в руку. Браслет на моей руке бешено пульсировал и я вполне резонно рассудил, что это предупреждение. Я вернулся во двор. В садике, если это был садик, нашел сучья, но не торопился делать факел. Я не хотел сейчас входить в замок. Набрав сухой прошлогодней травы, я прикрыл ее плащом, от которого приятно пахло дымом, и сделал себе постель. Во время осмотра я обнаружил воду, которая текла по трубе и выливалась из странной головы, причем лилась она из глаз и рта. Хику напилась без колебания. Я последовал примеру лошади и тоже воздал должное вкусной холодной воде. Затем я съел кусок хлеба и раскрошил другой для Хику. Лошадь с удовольствием съела хлеб и не вернулась к траве до тех пор, пока последняя крошка не исчезла с листьев, на которых я ее кормил. Потом я улегся на свою походную постель и стал наблюдать за звездами и опустившейся на землю ночью. За стенами слышалось журчание воды, жужжание насекомых, крики птиц... Конечно же, на верхних этажах башни поселились совы и другие ночные хищники. Для них трудно было найти более удобное место. В остальном все было мирно и спокойно. Ничто не нарушало покой этой крепости. Я с удовольствием подумал о том, что мне удалось днем передать сигнал опасности, а заодно найти тайсман...

Талисман? Почему я так назвал этот браслет? Я нащупал его пальцем: несмотря на свежесть воздуха, он был чуть теплый и плотно охватывал руку. Я попытался снять его, но он не поддавался. В этих тщетных попытках меня застиг сон. Глубокий и без сновидений. Проснулся я полностью отдохнувшим и уверенным в себе и своих силах. Мне казалось, что я могу без страха встретить все, что приготовил мне новый день. Пора двигаться в путь. Хику покачивала мордой, с которой стекали капли воды. Я весело приветствовал лошадку, как будто она могла мне ответить. Но Хику что-то проржала не менее весело. Видимо, для всех это утро было радостным и не обещающим неприятных неожиданностей. Хотя уже рассвело, мне не хотелось рассматривать крепость. Мною двигало желание побыстрее отправиться на поиски Джойсан. Я задержался лишь для приема пищи и вскоре был готов к отъезду. Сейчас я начал сомневаться, смогу ли я сомкнуть мост, который с таким трудом вчера разъединил с помощью Хику. Когда мы подошли к мосту, я тщательно осмотрел его, и при дневном свете заметил возле паркета рычаг, толстый, как моя рука. Я не знал для чего он предназначен, но надеялся, что с его помощью приводится в действие механизм моста. Я навалился на него всем телом и... ничего не произошло. Тогда я стал дергать его рывками. Он чуть сдвинулся. Я вновь навалился на него изо всех сил и рычаг пошел. Секция моста задрожала, заскрипела и неохотно начала спускаться. Осталась лишь небольшая щель, но она не могла препятствовать движению. На берегу я сел в седло и оглянулся. Крепость была мощная, построенная так, что ее легко использовать в качестве опорного пункта. Если мост разъединить, то даже механические чудовища не подойдут к ее стенам, за которыми может укрыться треть всей нашей армии, действующей на юге. Да, в этой беспощадной войне мы должны использовать эту крепость.

Я повернул Хику на север, надеясь пересечь следы беглецов, которые скорее всего должны двинуться на запад. Я ехал и с удивлением видел, что здесь совсем недавно были поля. Даже и сейчас тут росли отдельные колосья хлеба. А вот и фруктовый сад с деревьями, усыпанными плодами. Вероятно, эта страна кормила тех, кто жил на озере. Мне захотелось поподробнее ее обследовать, но передо мной стояла более неотложная задача. Пока я добрался до гор на противоположной стороне долины, прошел день. По пути встречалось много животных, которые давно одичали. Они косили на меня испуганные глаза и убегали прочь. Когда я вошел в горы, то удвоил осторожность — здесь очень легко можно было угодить в западню. Но врагов я не встретил, и через день наткнулся на тот след, что был мне нужен — след, оставленный небольшим отрядом. Люди были совершенно неопытными, так как оставляли такие следы, что их невозможно было не заметить. Они даже не пытались их замаскировать. У них было всего три лошади, и большинство следов принадлежало женщинам и детям. Скорее всего это были беглецы из Икринта. То, что Джойсан находилась с ними, было весьма маловероятно, но я не мог пренебречь даже такой малой вероятностью. Во всяком случае, я

смогу узнать от них что-нибудь о моей леди. Люди прошли здесь несколько дней назад. Они старались идти на запад, но характер местности был таков, что им постоянно приходилось отклоняться от прямого пути. Да, это была дикая страна. Утром четвертого дня я поднялся на горный хребет и, почуяв запах дыма, понял, что близок к цели. Это были разыскиваемые мною люди, а не разведчики. Долина здесь несколько расширялась, а посреди нее текла река. Под густыми кустами на берегу я заметил костер, над которым склонилась женщина, подбрасывая в костер сухие сучья. Затем из кустов вышла вторая женщина и выпрямилась во весь рост. В утреннем свете сверкнула кольчуга, надетая на ней. Голова ее была обнажена, волосы стянуты сзади и опускались на спину коричнево-красным пучком. Фортуна вновь улыбнулась мне. Я был уверен, что это Джойсан, хотя на таком расстоянии нельзя было рассмотреть черты ее лица. Теперь я должен был догнать ее как можно быстрее. И когда она отошла от костра и задумчиво направилась вдоль реки, я обрадовался. Я хотел встретиться с ней наедине, без любопытных взглядов со стороны ее людей. Если она с отвращением отвернется от меня при виде моих копыт, наши отношения кончатся, еще не начавшись. Но я должен узнать об этом без свидетелей. Я стал спускаться с горы, чтобы пересечь ей путь, и при этом укрывался так тщательно, как будто она была моим врагом.

ДЖОЙСАН

Во время трудного пути на запад нам посчастливилось найти трех лошадей, на которых в дальнейшем ехали самые ослабевшие. Я приказала, чтобы все было поделено без различия положения. Инглида бросала на меня злые взгляды, а леди Ислайга после первой вспышки ярости теперь молчала, и я была благодарна ей за это. То, что дорога в Нёрсдейл была трудной, мы поняли уже на второй день. Вследствие того, что по стране бродили шайки врагов, нам пришлось сильно отклониться от курса. Главной нашей заботой была еда, так как о крове заботиться не приходилось. Было лето и можно было спать на воздухе. Животные паслись во время остановок, но мы не могли продержаться на одной траве, кореньях и ягодах. Поэтому расстояние, которое мы проходили за день, все время уменьшалось. Нам приходилось тратить массу времени на добычу пищи. Существенную помощь в этом нам оказал Янофер, который был ранее пастухом и отлично знал все съедобные растения. У нас было много стрел и я приказала не стрелять, если не будет стопроцентной уверенности в успехе. Одноглазый Рубо оказался большим специалистом в метании камней из пращи. Она всегда была при нем и изредка мы добавляли к нашему скудному рациону кролика или птицу. Но каждому доставалось лишь по крохотному кусочку. У нас было еще одно затруднение, которое не позволяло нам быстро идти. Мартина, которая

лишь недавно вышла замуж, была беременна и приближалось время родов. Я понимала, что нам необходимо быстро найти место, где мы могли бы не просто укрыться, но и найти поблизости пищу. Но в этой дикой негостеприимной местности трудно было рассчитывать на что-нибудь подобное. На пятый день нашего черепашьяго передвижения, Рубо и Тимон, уехавшие вперед на разведку, вернулись с сияющими лицами. Оказалось, что нигде впереди они не видели следов врагов, и значит, мы оторвались от них. Так что появилась слабая надежда, что в конце концов мы будем в безопасности. Кроме того, разведчики обнаружили подходящее место для лагеря. И как раз вовремя, подумала я, увидев озабоченное лицо Нальды, которая присматривала за Мартиной. Рубо заявил, что если мы повернем к югу, то придем в долину, где есть вода и растет много ягод. Там нет никаких следов врагов и место никем не посещается.

— Идем туда, леди Джойсан,— заговорила Нальда, показав на Мартину, которая сидела на лошади, опустив голову и прижав руки к животу.— Она вот-вот родит. Думаю, что ей не выдержать и дня пути.

Мы направились в долину. Как и говорил Рубо, место действительно оказалось хорошим. Мужчины, в том числе Янофер и однорукий Анграл, принялись складывать хижины из сучьев. Первую же хижину Нальда заняла для Мартины. Нальда была права. Когда взошла луна, у нас появился новый член отряда, которого называли Альвин в память о погибшем отце. Рождение ребенка заставило нас задержаться на некоторое время. На следующее утро я применила свою власть по отношению к Инглиде. Если мы хотим выжить, то должны собирать всю пищу, какую сможем найти, и запастись ее на будущее. Я умела делать запасы в крепости, но здесь, где не было даже соли, да и вообще ничего, кроме моей памяти, моих рук, моей импровизации, это казалось невыполнимой задачей. Но я была у них предводительницей и мне ничего не оставалось, как осуществлять руководство. Никто не роптал на большое количество работы, даже дети помогали своим матерям. Все понимали, что от запасов пищи зависит наша жизнь. Поэтому я ужасно рассердилась на Инглиду, которая не желала покидать свою хижину и идти вместе со всеми на добычу пищи. Я уверенно вошла в хижину. В руке у меня был мешок, сплетенный из травы и виноградной лозы. Уговоры на нее не подействуют, я знала это, поэтому я заговорила с ней резко, как говорила бы с любой деревенской девушкой, отлынивающей от работы. Я ужасно на нее разозлилась, поэтому это было для меня легко.

— Вставай, девушка! Ты пойдешь с Нальдой и будешь исполнять все ее указания...

Она взглянула на меня остановившимися глазами.

— Ты перед нами в долгу, Джойсан. Если тебе нравится копаться в грязи вместе с этой деревенщиной, то пожалуйста, я же не забываю, кем я рождена...

— Тогда живи, как хочешь! — крикнула я. — Кто не добудет пищи для себя, тот не будет есть то, что добыли другие. И я перед тобой не в долгу!

Я бросила ей мешок, но она с презрением отвернулась от него. Мне оставалось лишь покинуть хижину. Но я поклялась, что сдержу свое обещание. Инглида довольно упитана и молода, и вполне может прокормить себя. У нее нет никаких оснований уклоняться от работы. Она обязана участвовать в заготовках наравне со всеми. Чем скорее она это поймет, тем будет лучше для нее. Я же буду заботиться о леди Ислайге, но не о ней. О леди Ислайге я думала с беспокойством. Она ушла в себя: только так я могу определить ее состояние с тех пор, как она узнала о смерти Торосса. С ней случилось то же, что и с дамой Мат — старость пришла к ней внезапно, в один день. Хотя ей было не так уж много лет, она превратилась в дряхлую старуху. Она ушла в свои мысли. Мы даже не могли поднять ее с постели. Есть ее и то приходилось заставлять. Она что-то бормотала, но так невнятно, что я смогла уловить лишь несколько слов. Думаю, она говорила только с теми, кого здесь не было, а может быть, их не было и на этом свете. Я надеялась, что это временное состояние. Может быть, когда мы придем в Мо-настырь, сестры смогут вылечить ее. Но эта цель отдалялась от нас с каждым днем. Пока же нам надо было делать все возможное для заготовки пищи. Я направилась на поиски добычи с тяжелым сердцем. У меня был лук и три стрелы. В Икринте я пользовалась славой искусного стрелка, но я хорошо понимала, что одно дело стрелять по мишени, и совсем другое — по живому существу. И я не хотела понапрасну тратить драгоценные стрелы, поэтому в это утро решила заняться ловлей рыбы. Я нашла место, где каменистый мыс чуть выдавался в воду. Он был в тени деревьев, так что я могла укрыться от жгучих лучей солнца. Было тепло и я сняла кольчугу и камзол, оставшись только в рубашке. У меня была мысль снять потом и ее, чтобы выстирать. Грифон висел на моей груди, не проявляя никаких признаков жизни, как в ту ночь, когда Торосс спас меня. Я внимательно рассматривала его — великолепная работа! Откуда он? Где его сделали? За морем? Куплен у Салкаров? Или... или это талисман Прежних? Талисман... Моя мысль заблуждалась в этом направлении. Может, это он вел нас во время бегства туда, где была выложена в лесу пятиконечная звезда? То место наверняка осталось от Прежних, значит, и грифон... Я задумалась, имеет ли эта безделушка какую-нибудь связь с Прежними? Это была интересная мысль, но кто же будет думать о добыче пищи? Я совсем забыла, зачем я здесь нахожусь. Закинув свою самодельную удочку, я принялась за дело. Дважды у меня клевало, но оба раза рыба срывалась с крючка. На третий раз я заставила себя действовать немного осторожнее, хотя терпение не относится к числу моих добродетелей. Я поймала двух рыб, но обе оказались маленькими. Вероятно, здесь не самое удачное место для ловли. Оставив каменистую косу, я пошла

вдоль реки и набрела на тихую заводь, заросшую водорослями. Здесь добыча оказалась более богатой. Когда солнце повернуло к западу, я возвратилась в лагерь. Поела ягод и пожевала съедобных водорослей, которых набрала в лагуне, но голод не оставлял меня и я снова направилась к реке, надеясь, что сейчас мне повезет больше. Наконец, мне улыбнулось настоящее счастье.

Я услышала чье-то рычание, а в ответ дикий хрип. Бросив свой мешок, я приготовила лук и, крадучись, подошла к зарослям. Над телом только что убитой коровы стоял молодой снежный кот. Уши его были плотно прижаты к черепу, а зубы обнажены в злобном оскале. Перед ним стоял дикий кабан. Оба опасные хищники, но, вероятно, кабан был очень голоден, иначе он не стал бы нападать на кота, убившего корову. Кот тоже опасался врага, так как понимал, что раз тот нападает, значит чувствует свою силу. Кабан пронзительно завизжал. Он был намного больше кота, очень крупный экземпляр. Кот дико мяукнул и прыгнул, но не на кабана, а назад. Кабан медленно двинулся на врага. Кот вновь испустил дикий вопль и кинулся вверх по склону. В одно мгновение он оказался наверху и принялся злобно шипеть на кабана. Отвоевавший поле битвы кабан стоял, склонив голову и прислушиваясь к шипению кота. Почти не раздумывая, я двинулась вперед. Это было опасным предприятием с моей стороны. Если я только раню кабана, то мне не сдобровать от его слепой злобы. Но он еще не учуял меня и я, видя столько мяса сразу, не могла воспротивиться страстному желанию получить его. Наконец, я заняла позицию, с которой можно было стрелять. Спустив стрелу, я сразу же кинулась в кусты, желая найти в них защиту. Я слышала дикий рев, но выжидать и смотреть не рискнула. Ведь если я промахнулась, эта четвероногая смерть сразу же настигнет меня. Поэтому я бежала, не останавливаясь. Еще не добежав до лагеря, я встретила Рубо и Янофера и все им рассказала.

— Раз кабан не преследовал тебя, ледь, — произнес Янофер, — значит, он не мог. Кабаны настоящие дьяволы, наверное, ты сделала смертельный выстрел.

— Ты поступила весьма неразумно, — нахмурился Рубо, — кабан мог изувечить тебя, если не прикончить.

Он сказал правду: голод толкнул меня на отчаянный поступок. Я признала его правоту, понимая, что могла погибнуть мучительной смертью. Мы вернулись на поляну, тщательно осматриваясь по сторонам. Решили даже обогнуть это место и спуститься туда с горы. Вскоре мы обнаружили, что рядом с убитой котом коровой, на изрытой копытами и клыками земле лежит мертвый кабан. Моя стрела вошла между лопаток и вонзилась в сердце. Они были поражены моим метким выстрелом. Это была такая редкая удача, что все были склонны приписать ее Могуществу. С этого часа все мои люди стали считать, что я обладаю таким же знанием и искусством, что и дама Мат. Они не говорили мне этого, но я чувствовала их изменившееся от-

ношение ко мне, видела, что они с готовностью исполняют мои приказания. Инглида все еще оставалась для меня занозой в коже, но я пока выполняла свою клятву. Когда вечером на костре были поджарены куски мяса и его запах вызывал водопыды слюны во рту, я заговорила так, чтобы слышали все. Я сказала им, что те, кому позволяет здоровье, но они не участвуют в добыче пищи, не будут получать ее. Сегодня все хорошо поработали и все получают свою долю, кроме Инглиды. Я заявила, что никакое положение не дает права на безделье. Инглида вспыхнула и сказала, что у меня перед ее родом кровный долг, но я твердо возразила, что беру под свое покровительство только леди Ислайгу, ввиду ее возраста и болезни. Инглида же молода, здорова и вполне способна позаботиться о себе сама. Я думаю, что она испытывала жгучее желание броситься на меня, вцепиться мне в лицо ногтями и выцарапать глаза. Но она была одна, никто ее не поддерживал и она знала это. Наконец, она повернулась и побрела в свою хижину. Я слышала, что она плачет, но эти рыдания были вызваны злостью, а не раскаянием. Мне не было жалко ее, и я понимала, что приобрела врага. Однако, вскоре Инглида поняла свое положение и стала трудиться наравне со всеми. Конечно, работала она без удовольствия, но от работы уже не отказывалась. Она даже принимала участие в таком неприятном деле, как разделка туши коровы и развешивание кусочков мяса для просушки. Мы очень экономно расходовали свои припасы — ели лишь кости и внутренности добытых мной животных. Мартина уже набиралась сил и я надеялась, что мы сможем тронуться в путь еще до наступления холодов. А когда мы придем в Норсдейл, я с радостью сложу с себя тяжкую ношу ответственности за людей. Леди Ислайга часто отлучалась, вероятно, искала Торосса. Мне приходилось посылать с ней человека, чтобы охранять ее, а когда она выбивалась из сил, приводить обратно в лагерь. Тимон оказался хорошим рыболовом и делал отличные костяные крючки. Думаю, что мне просто из упрямства хотелось ловить рыбу. Я стремилась победить реку, но, увы, счастье не улыбалось мне. Очевидно, оно не распространялось на воду, хотя здесь на берегу мне посчастливилось убить кабана. Вода была такой чистой, что я хорошо видела проплывающих рыб, которые казались гигантами по сравнению с той мелочью, которую мне удавалось вылавливать. Вполне могло быть, что у меня была неподходящая снасть. А возможно, эти исполины были умнее тех рыб, что попадались мне на удочку. Когда я шла по берегу реки, у меня неожиданно возникло ощущение, что за мной следят. Чувство было таким сильным, что рука моя потянулась к ножу. Время от времени я оглядывалась, надеясь застать преследователя врасплох и увидеть его в зарослях кустов. Я разволновалась и решила вернуться в лагерь, чтобы предупредить остальных. Может, нас выследил разведчик ализонцев, в таком случае мы обречены, если не сумеем его поймать и прикончить, пока

он не сообщил о нас главным силам врага. Я повернула к лагерю, но тут ветки кустов раздвинулись и я увидела человека, вышедшего на открытое пространство. Выхватив нож, я приготовилась защищаться. Он показал мне пустые руки, как бы желая усыпить мою бдительность. По его виду я определила, что он не ализонец. Его капюшон был откинут на плечи, и на нем не было камзола с вышитой эмблемой рода. Его кольчуга была выкрашена в зеленую краску, вероятно для того, чтобы быть незаметней. Но... когда я вгляделась в него внимательней, я застыла: он был без сапог. Штаны у колен были подвязаны. Но какие были у него ноги! Он стоял на копытах, словно корова... Я мгновенно перевела взгляд на его лицо, ожидая увидеть нечто подобное, чудовищное, но нет. Обычное мужское лицо, темное от воздействия солнца и ветра, впалые щеки и твердо очерченный рот. Конечно, он не был так красив, как Торосс. Мы встретились взглядами и я невольно отступила назад, потому что эти глаза, как и копыта, не могли принадлежать человеку. Они были янтарного цвета — глубокого желтого цвета, а зрачки в них имели форму щели, а не круга, как у людей. Нечеловеческие глаза! Когда я отшатнулась, лицо его как-то переменялось, или мне это почудилось. Он улыбнулся, но улыбка получилась печальной, как будто он сожалел, что встретился со мной и что я увидела его.

— Приветствую тебя, леди,— сказал он.

— И я приветствую тебя...— я запнулась, так как не знала, как обращаться к Прежним, но, наконец, вышла из затруднительного положения.— Приветствую тебя, лорд.

— Я не слышал, чтобы ты сказала «приятная встреча». Ты полагаешь, что я твой враг?

— Я полагаю, что не могу судить о тебе,— призналась я, так как была уверена, что он один из Прежних. Казалось, он прочел мои мысли. Для него это было простым делом.

Он озадаченно спросил:

— За кого ты меня принимаешь, леди?

— За одного из тех, кто владел этими землями до нашего прихода сюда.

— А-а-а... Прежние... но...— он снова печально улыбнулся.— Пусть будет так, леди. Я не скажу тебе ни «да», ни «нет». Помоему, ты и твои люди в тяжелом положении. Может быть, я смогу помочь вам.

Я знала, что Прежние иногда милостиво относились к людям и помогали им. Но среди них были и обладатели Темной Силы, и тогда людям, что прибегали к помощи Прежних, грозила огромная опасность. Я находилась в трудном положении. Если я сделаю неправильный выбор, мы все можем пострадать, но что-то в этом человеке заставляло меня думать, что он не из Темных.

— Но что ты предлагаешь? Мы должны пробраться в Нордейл, но путь...

Он решительно прервал меня.

— Если вы пойдете туда, то путь будет чреват многими опасностями. Я могу привести вас в место, которое послужит вам надежной защитой. Там имеются фрукты, зерно...

Я с тревогой смотрела в эти янтарные глаза. Когда он говорил, мне очень хотелось верить ему, но я была не одна — со мной были люди. И довериться одному из Прежних... Я колебалась и улыбка сошла с его лица. Оно стало холодным — он протянул руку дружбы, а ее оттолкнули. Мое беспокойство усилилось. Может, он действительно желал нам помочь, а теперь, когда его предложение отвергли, сочтет себя оскорбленным и разгневадается на нас.

— Ты должен простить меня,— я пыталась найти слова, которые погасили бы гнев, разгорающийся в нем.— Я еще никогда не встречалась с... с кем-нибудь из твоих. Если я как-то тебя оскорбила, то лишь из-за растерянности, а не по злему умыслу. Я ведь слышала о вас только в легендах, причем некоторые из них говорят о Темных Силах, которые не приносят людям ничего хорошего. Именно поэтому я отношусь к тебе с такой осторожностью.

— Потому что Прежние искали Могущество,— сказал он.— Ну что ж, пусть будет так. Но я не желаю тебе ничего плохого, леди. Взгляни на то, что ты носишь на груди. Достань это, я коснусь его пальцами и ты увидишь.

Я взглянула на шар с грифоном. Хотя стоял солнечный день, я видела, что он светится. Мне показалось, что грифон, заключенный в шаре, хочет заговорить с незнакомцем. Я сняла цепь с шеи и протянула ему шар с грифоном. Он лишь коснулся его кончиком пальца, и шар вдруг засветился таким ярким светом, что я чуть не выронила его от неожиданности. И я сразу поняла, что он говорит правду, что он пришел из далекого прошлого, чтобы помочь нам. И на сердце у меня стало легко, хотя я вся затрепетала.

— Лорд,— я склонила голову перед ним, оказывая те почести, краткость которых извиняла лишь обстановка вокруг нас,— мы повинемся тебе...

Он вновь оборвал меня и заговорил резко, почти зло:

— Я не твой лорд, и ты мне не подчиняешься. Ты делаешь свой выбор свободно и добровольно. Я могу предложить тебе и твоим людям сильную крепость в качестве убежища, и ту помощь, какую может оказать вам один человек. А я не новичок в ведении войны.

И мы вернулись с ним к моим людям. Все они были охвачены трепетом и разбежались. Я смотрела на него и видела на его лице горькую улыбку. И я понимала, ощущала ту горечь, которая владела им в это время. Но как это получалось, что я разделяла с ним его чувства, я не понимала. Все подчинялись его приказам беспрекословно. Он свистнул и сразу с горы прискакала лошадь. Тут же на нее была усажена Мартина. Других наших лошадей мы загрузили припасами, и он повел нас за собой! Мы пришли в прекрасное место — крепость на озере. К ней

вели два моста, но один из них был разрушен, а второй при помощи специального механизма поднимался и опускался. Через пространство, которое образовывалось после поднятия моста, не мог пройти никто. Кроме того, эта земля некогда обрабатывалась: там росли фруктовые деревья и колосся, с которых можно было собрать зерно. Теперь мы могли оставаться здесь довольно долго, пока не наберем провизии для путешествия и не окрепнут люди. Мое доверие к этому странному человеку росло. Он не говорил, как его зовут, возможно, как и Мудрые Женщины, полагая, что если назвать другим свое имя, то любой может сделать его своим слугой. Про себя я называла его лорд Янтарь, по цвету его глаз. Пять дней он был с нами, следя за тем, чтобы все было в порядке. Затем сказал, что едет на разведку. Он хотел убедиться, что ализонцы не проникли далеко вглубь страны, и что они еще не скоро нас побеспокоят.

— Ты говоришь так, как будто ализонцы и твои враги,— удивилась я.— Но ведь на вас они не нападали, это нам придется спастись.

— Страна моя и я уже дрался за нее. И снова буду драться, пока не вышвырну их в море, из-за которого они приплыли.

Меня охватило непонятное возбуждение. Что могло это означать для моего несчастного разбросанного народа? Ведь эти люди, обладающие Могуществом, хотят придти к нам на помощь в нашей смертельной борьбе за свободу. Я хотела спросить его об этом, но он заговорил сам, вероятно прочтя мои мысли.

— Ты думаешь, что для их уничтожения можно использовать Могущество,— печаль в его голосе вновь удивила меня.— Не возлагай на это надежд, леди Джойсан. Тот, кто вызывает Могущество, не всегда может управлять им, так что лучше его не вызывать. Но вот что я тебе скажу: я уверен, что это самое безопасное для вас место. Если ты благоразумна, то вы останетесь здесь до моего возвращения.

Я кивнула ему в ответ.

— Так мы и поступим, лорд,— и тут мне ужасно захотелось протянуть ему руку и коснуться его руки, дать ему понять, что я хочу снять с него ношу, которая тяготит его душу. Но это было бы бессмысленным действием и я не поддалась своему капризу.

КЕРОВАН

По выражению ее глаз я понял, что между нами ничего не может быть, но это был удар лишь для меня. Теперь я осознал, что напрасно лелеял в своей душе надежду, что я все-таки больше человек, чем чудовище. Я правильно поступил, не вылав ей свой портрет, хотя она просила меня об этом. Теперь она никогда не узнает, что Керован — это я. То, что Джойсан приняла меня за одного из Прежних, имело две стороны. Во-первых, это не давало ей возможности задавать вопросы, так как я

всегда мог уклониться от ответа. А во-вторых, она была вправе ожидать наличия некоего Могушества, и его отсутствие я тоже должен был приемлемо объяснить. Но в течение первых нескольких дней я чувствовал себя относительно спокойно, так как работы и забот было предостаточно. Лагерь, в котором ютились беглецы, представлял собой довольно жалкое зрелище. Среди беглецов имелось всего четыре весьма условных воина: два человека преклонных лет, причем один без руки, а другой — без глаза, еще совсем зеленый юноша, наверняка никогда не державший в руках оружия, и раненый пастух. Остальные — женщины и дети, правда, среди них были те, кто в случае появления противника могли встать плечом к плечу с воинами. Это были в основном крестьяне, но среди них находились две леди — старая и молодая. Старая была в состоянии шока. За ней постоянно приходилось присматривать, чтобы она куда-нибудь не ушла. Джойсан сообщила, что сын этой леди убит, но она отказывается верить в это и все время ищет его. Об Икринте она рассказала мне странные вещи, почти такие же странные, как и те, что случились в Ульмдейле. По всему было видно, что один из их рода, тоже призвал Могушество сил на крепость и под ее обломками погибло множество врагов. Однако нападение противника не было неожиданным и Джойсан надеялась, что многим удалось бежать на запад. Их целью был Норсдейл, но сейчас у них не было проводника. Кроме того, одна из женщин недавно родила и не могла принять участие в трудном и длительном переходе. И вот тогда я подумал о крепости на озере, которая дала бы защиту и возможность передохнуть и набраться сил измученным людям. Только это и мог я сделать для моей леди — дать ей крышу над головой и относительную безопасность. То, что она носила мой подарок, ничего не значило. Она носила его не потому, что испытывала ко мне какие-то чувства, а потому, что эта вещь была действительно красивой. Младшую из двух леди, Инглиду, которая была родственницей Джойсан, я невзлюбил. Она смотрела на Джойсан из-под полуопущенных ресниц с нескрываемой ненавистью, хотя моя леди ничем не проявляла к ней недоброжелательности. Что произошло между ними раньше, я не знал, но понимал, что Инглиде доверять нельзя. Что касается самой Джойсан, то я гнал от себя эти мысли, так как у меня не выходило из головы то выражение, с которым она впервые взглянула на мои копыта. Хорошо, что я решил не скрывать от людей своего уродства. Лучше уж сейчас испить эту горькую чашу, чем потом, когда будет поздно. Джойсан была прекрасной девушкой, вполне достойной быть женой любого лорда. Я понял это, когда они шли под моим руководством к крепости на озере. Хотя она очень устала и много раз падала духом, но с достоинством несла тяжкую ношу ответственности за своих людей. Несла и не жаловалась... Ее мужество было таким же большим, как и ее любвеобильное к людям сердце. Если бы я был, как все остальные люди... Теперь я часто вспоминал видение, когда она держала на коленях голову умирающего

юноши. В прошлом это было или в будущем? Я не имел права спрашивать ее об этом. Я потерял это право после того, как не признался ей, кто я такой. Я мог бы провести их в Норсдейл, а затем... Теперь я был человеком без владений, и мне было легко расстаться со всем. Я мог бы присоединиться к воинам какого-нибудь лорда или удалиться в пустыню, где влачили существование те, кого изгнали из долин. Но перед тем, как распрощаться, я должен был обеспечить Джойсан безопасность.

Когда беглецы из Икринта устроились в крепости и научились пользоваться разводным механизмом моста, я нашел Джойсан и сказал, что мне необходимо съездить на разведку. Это частично являлось правдой, но у меня имелась и другая цель — я должен был справиться с собой. Иногда мне казалось, что она как-то странно смотрит на меня, как будто чувствует, что между нами есть связь. И тогда мне страшно хотелось сказать, кто я. Но этого нельзя было делать, и я решил удалиться до тех пор, пока не возьму себя в руки. Вероятно, в ее глазах я выглядел настоящим монстром. Но она посчитала меня одним из Прежних и принимала мое уродство, как нечто само собой разумеющееся. Но как мужчина... нет, я не был для нее мужчиной. Покинув крепость, я направился к северо-западу. Это была дикая страна, хотя совсем другого рода, чем Пустыня. Однако я не нашел здесь остатков строений Прежних, как ожидал. Три дня я изучал путь, по которому мы должны были идти в Норсдейл. Конечно, я не знал туда дороги, но общее направление чувствовал. Дорога была трудной — широкие долины сменялись узкими ущельями, окаймленными остроконечными утесами. Да, здесь быстро не пойдешь, и постепенно я стал склоняться к тому, что лучше пересидеть в крепости на озере до весны. На четвертый день я наткнулся на свежие следы. Это был небольшой отряд — человека четыре. Они были на лошадях, но не на грузных, на которых ездили ализонцы, а на легких пони, которых предпочитали наши люди. Тоже беглецы? Возможно... Но сейчас было такое время, что приходилось быть осторожным и все проверять. Джойсан сказала, что все беглецы из Икринта рассеялись по долинам, может быть, и эти из Икринта. А если так, то мой долг разыскать их и сопроводить в крепость. И я последовал за ними со всеми предосторожностями. Следы были оставлены несколько дней назад. Дважды я наткнулся на место, где они устраивали лагерь, точнее отдыхали, так как я не обнаружил кострища. По следам было видно, что они не бегут, а точно знают, куда идут. Движет ими цель, а не страх. Причем двигаются они, если не учитывать отклонений при обходе препятствий, прямо к крепости на озере. Обнаружив это, я забеспокоился. Четыре человека это, конечно, не много, но если они хорошо вооружены и застанут людей Джойсан врасплох... А это вполне могли быть преступники Пустыни, стремящиеся к наживе. И я бы не сбился с их следа, если бы не буря. Она пришла в тот же вечер. Конечно, это был всего лишь безобидный дождичек по сравнению с той бурей, что обрушилась на Ульм-

дейл. Но ветер и дождь все же секли мне лицо, так что пришлось искать укрытие. Пока я пережидал бурю, в моей голове теснились беспокойные мысли. У меня не проходило ощущение, что это враги. Я долго жил на границе с Пустыней и отлично знал, как поступают преступники со своими жертвами. Но мне ничего не оставалось делать, как надеяться на то, что Джойсан будет следовать моим советам и не позволит пришельцам застать их врасплох. Икринт не знал набегов из Пустыни. Они могли принять любого пришельца долин, как друга. К утру буря стихла, но следы исчезли. Я был слишком встревожен, чтобы искать их. Необходимо срочно скакать в крепость и выяснить, что же там происходит. Но дорога заняла у меня два дня, хотя я нещадно погонял Хику, совершенно не давая ей отдохнуть, и когда я въехал в долину, уже находился в таком состоянии, что был готов увидеть картину кровавой резни. Мне что-то крикнули с одного из полей возле крепости, и это заставило меня замереть. Нальда и еще две женщины махали мне руками. Сцена была мирная, так что все мои опасения оказались напрасными. Женщины собирали созревшее зерно на расстеленные плащи.

— Хорошие новости, лорд! — голос Нальды наконец-то достиг моих ушей, и сама она направлялась ко мне. — Жених моей леди наконец приехал! Он услышал о наших несчастьях и поспешил к нам на помощь!

Я изумленно уставился на нее, но потом пришел к выводу, что Нальда не имеет в виду Джойсан. Она говорит о женихе Инглиды, хотя мне почему-то казалось, что он погиб на юге.

— Леди Инглида должна вознести хвалу Гуппоре, — наконец, произнес я.

Нальда взглянула на меня с таким же изумлением, с каким только что смотрел на нее я.

— Инглида... она же вдова! Нет, это приехал жених леди Джойсан, лорд Керован! Он прибыл три дня назад. Лорд, леди всех предупредила, чтобы искали тебя и сразу же просили приехать в крепость.

— Так я и сделаю, — проронил я сквозь зубы. Я понятия не имел, что это за лже-Керован. Но я должен увидеть его и спасти леди Джойсан. Кто-то считал, что я мертв, и решил воспользоваться создавшейся ситуацией. Мысль о том, что он может быть уже с Джойсан, вонзилась в меня мечом. То, что она могла полюбить другого, я не мог перенести. И когда кто-то приходит к ней под другим именем... этого я не мог допустить. Теперь я, как один из Прежних, обладаю тайными могущественными силами. Я могу разоблачить пришельца, заявив, что Керован мертв, и она мне поверит. Значит, мне нужно быстрее попасть в крепость и предстать перед обманщиком.

Я подгонял несчастную Хику, хотя меня так и подмывало прыгнуть с нее, броситься в крепость, вызвать этого лжеца и прикончить его не за то, что он взял мое имя, а за то, что решил воспользоваться им, чтобы завладеть телом Джойсан. Как мне хотелось быть в этот момент тем, кем она меня считает, и

иметь возможность вызвать Могущество для наказания наглеца. Однорукий Анграл находился на посту. Он приветствовал меня и я заставил себя отвечать спокойно. Вскоре я был во дворе. Ничто не напоминало о той пустоте, которая царила здесь во время моего первого визита. Жизнь вернулась в крепость, и вернули ее люди. Возле водостока резвились двое мужчин, брызгая водой на одну из деревенских девушек, которая звонко хохотала. У мужчин были эмблемы с изображением грифона — эмблемы моего дома! Пока они не замечали меня, я рассматривал их. Оба были мне незнакомы. Я подумал, что вряд ли кто из Ульмдейла выжил во время катастрофы. Но то, что я их не знал, ничего не означало. Ведь меня долго не было в Ульме, а за это время отец мог нанять новых людей, чтобы укрепить силы защитников, заменить ими тех, кто уехал со мной на юг. Эти эмблемы к тому же говорили о том, что это не был импровизированный план, основанный на слухах. Нет, они тщательно готовились, но почему? Если бы Джойсан владела Икринтом, это можно было бы понять. Тогда лже-Керован правил бы там, но она была изгнанницей — без владений и богатства? Тогда почему? Один из мужчин оглянулся и, заметив меня, толкнул приятеля. Их смех сразу угас. Оба с беспокойством уставились на меня, но я не стал к ним приближаться. Я соскочил с Хику и направился к башне, где занимала комнату Джойсан.

— Эй, ты! — раздался грозный и повелительный окрик.

Я повернулся и увидел, что оба воина идут ко мне. Но не дойдя до меня, поняли, что я не похож на остальных людей.

— Ты... — проговорил первый, но голос его уже не был уверенным и безапелляционным. Я видел, как другой ткнул его под ребра. — Прошу прощения, лорд, — произнес он, осматривая меня с головы до ног. — Кого ты ищешь?

Его самоуверенность разозлила меня.

— Не тебя, парень, — я повернулся от них к башне.

Возможно, им хотелось задержать меня, но они не осмелились. Я не стал больше оглядываться на них, а подошел к двери, которая была завешена лошадиной шкурой.

— Счастье этому дому! — громко сказал я.

— Лорд Янтарь! — шкура откинулась и на пороге появилась моя леди.

Выражение ее лица ударило меня прямо в сердце. Значит, это он вызвал на лице девушки такую радость. Но ведь я уже решил, что она не для меня. Так почему же меня так уязвила радость на ее лице, когда пришел тот, кто сказал, что он ее жених и готов служить ей. Я знал, что он лжец, но она-то этого не знала.

— Лорд Янтарь! Ты! — она протянула ко мне руки, но не коснулась меня, хотя я против воли протянул к ней свои. Она смотрела на меня, и я никак не мог понять...

— Кто пришел? — я узнал этот голос, раздавшийся в комнате. Моя ненависть вспыхнула с такой силой, что я чуть было не выхватил меч, чтобы броситься на него.

«Роджер... здесь... но зачем?»

— Лорд Янтарь, ты слышишь? Мой жених пришел... Он услышал о наших бедах и пришел...

Она быстро говорила, но было что-то в ее лице, что заставило меня внимательней всмотреться в нее. Я заметил, что она боится. Раньше я видел, что она выше страха и боли, что она всегда мужественно боролась со всеми трудностями. Но сейчас я чувствовал, что вовсе не радость так изменила ее тон. Хотя она улыбалась, но внутри... нет... Жених не принес ей счастья. Возбуждение охватило меня. Она не нашла в Роджере того, чего хотела! Джойсан отошла назад, не ответив на его вопрос. Я пошел за ней и остановился, уставившись в лицо родственника моей матери. Он был в боевом камзоле с грифоном, хотя у него не было права носить эту эмблему. Лицо его было красивым, на губах играла довольная улыбка, но лишь до тех пор, пока он не увидел меня... Улыбка тут же исчезла, глаза сузились и он мгновенно подобрался, насторожившись, как будто мы стояли сейчас друг перед другом с мечами, готовясь вступить в смертельную схватку.

— Лорд,— торопливо заговорила Джойсан, почувствовав, что происходит между нами и желая предотвратить стычку. Она обратилась ко мне, как к высшему по положению.— Это мой жених, лорд Керован — наследник Ульмдейла.

— Лорд... Керован? — воскликнул я вопросительно. Я мог сразу же разоблачить Роджера, но и он мог ответить тем же. Или не мог? Во всяком случае, я не должен позволить Роджеру играть здесь в грязные игры.— Я думаю, нет! — мои слова падали в тишину подобно тяжелым камням.

В это время рука Роджера поднялась и в ней что-то сверкнуло. Грифон в шаре! Из него исходил луч света, который был направлен мне в голову. По моим глазам ударила боль — чудовищная, непереносимая боль. Все мысли исчезли, осталась только боль. Она завладела всем моим существом. Я оперся на стену, стараясь удержаться на ногах. Моя рука поднялась в тщетном усилии защититься от удара, к которому я не был готов. Я услышал крик Джойсан, рванулся на крик и упал на пол. Джойсан снова вскрикнула, послышался шум борьбы. Но я ничего не видел! Не пытаясь подняться, я пополз на звуки борьбы.

— Нет, нет! — кричала Джойсан.— Отпусти меня!

Роджер схватил Джойсан! Его нога наступила на мою руку и вновь дикая боль пронзила мое тело. Я не мог подняться, но я обязан был это сделать! Если он утащит Джойсан... Я поднял неповрежденную руку, схватил его лежащие ноги и всей тяжестью навалился на него, повалив на пол и подмяв под себя.

— Джойсан, беги! — крикнул я. Сейчас я не был в состоянии драться, я мог лишь удерживать его, получая удары, для того, чтобы Джойсан могла убежать.

— Нет! — снова послышался ее голос, но с такой ледяной решимостью, какой я еще не слышал у нее.— Лежи спокойно, лорд.— После короткой паузы, она обратилась ко мне:— Лорд

Янтарь, я держу нож у его горла. Ты можешь отпустить его.

Роджер действительно уже не дергался, совершенно прекратив сопротивление. Я медленно отодвинулся от него.

— Ты сказал,— продолжала она тем же ледяным голосом,— что это не лорд Керован. Почему?

Наконец, я решился.

— Керован мертв, леди. Он угодил в западню, устроенную Роджером близ крепости Керована, точнее его отца Ульрика. Этот Роджер имеет некоторое могущество Прежних, тех, что шли по Темным путям.

Я услышал вздох.

— Мертв? И этот тип осмелился присвоить имя моего жениха, чтобы обмануть меня?

Тут заговорил Роджер:

— Открой нам свое имя...

— Ты сам знаешь, что мы не называем своих имен людям.

— Людям? И кто...

— Лорд Керован...— моя голова повернулась в направлении голоса, раздавшегося от двери.— Что тут... — это был один из воинов со двора.

— Лорду Керовану ничего не нужно,— промолвила Джойсан.— А что касается этого типа, можете забрать его и убираться вон!

— Взять и ее, лорд? — осведомился воин.

Я поднялся на ноги и повернулся к говорящему, хотя ничего не видел.

— Пусть остается. Теперь она не нужна! — по тону Роджера стало ясно, что он вновь обрел уверенность.

— А что делать с этим, лорд? — кто-то подошел ко мне. Моя раздавленная рука была беспомощна и я не видел.

— Ничего! — ответ Роджера был полной противоположностью тому, что я ожидал услышать. Между тем, один удар меча мог сейчас решить все в его пользу. Он мог силой подчинить своей воле Джойсан.— Оставим его судьбе. Да, мы уедем, потому что я получил то, что хотел.

— Нет! Нет! Отдай мне грифона! — послышался звук удара и рядом со мной на пол упало тело Джойсан. Они ушли, хотя я кричал, чтобы их кто-нибудь задержал.

— Джойсан! — я прижал ее к себе.

«Если бы я мог видеть! Что сделал этот дьявол с Джойсан? Неужели он убил ее?»

— Джойсан!

Но Джойсан была жива. Просто потеряла сознание, как сказали те, кто прибежал на мои крики. Роджер с людьми уже исчезли. Я усадил Джойсан на постель, держа ее руку в своей. На мои глаза положили повязку, смоченную в настое трав. Я задумался над тем, что, вероятно, навсегда потерял зрение и уже никогда не смогу встать между Джойсан и опасностью, как не смог недавно защитить ее от подлого удара. Это был черный час для меня. Та боль, которую я познал раньше, скры-

вая, кто я такой, была ничем по сравнению с этой болью.

— Лорд... — голос Джойсан, слабый и тихий, но ее живой голос.

— Джойсан!

— Он взял... он взял подарок моего жениха... он взял грифона, — она горестно всхлипывала.

Я обнял ее и она продолжала плакать на моем плече.

— Ты сказал правду, это был не Керован?

— Чистую правду. Керован погиб, попав в ловушку возле Ульмдейла. Роджер был женихом сестры Керована.

— И я никогда не увижу своего жениха? Но его подарок... он подло похищен! Но клянусь, лорд, он не останется у него, его руки оскверняют сокровище! Ведь он использовал шар как оружие. Он сжег твои глаза, лорд! Но твое Могущество ответило, лорд, из этого обруча на твоей руке. Если бы ты успел им защититься? — ее нежные пальцы коснулись моей руки чуть выше браслета. — Лорд, говорят, твой народ весьма искусен в медицине. Если у тебя самого нет такого таланта, то, может, нам отнести тебя к ним? Ведь это ужасное увечье ты получил из-за меня. У меня перед тобой кровный долг...

— Между нами нет долга, — быстро ответил я. — С Роджером у меня давняя вражда. Где бы мы ни встречались, он всегда пытался убить меня, — и тут я подумал, что лучше бы мне умереть, чем иметь покров на глазах.

— Я немного умею лечить, и Нальда тоже. Может быть, к тебе вернется зрение. О, мой лорд, я не знаю, зачем он сюда приезжал. У меня больше нет ни богатства, ни земли, ничего, кроме того, что он отнял у меня. Что ты знаешь об этом грифоне? Его послал мне в подарок мой жених. Неужели это такое огромное сокровище, что Роджер пошел на столь большой риск, чтобы получить его?

Ее слова вывели меня из состояния темной печали и мои мысли заработали в другом направлении. Действительно, зачем приходил Роджер? Грифон в шаре? Несомненно, он обладал каким-то странным могуществом. Роджер изучал знания Прежних, Темных Прежних. Я часто слышал от Ривала, что если человек пойдет достаточно далеко по пути познания, то амулеты, обладающие Могуществом, как Темным, так и Светлым, могут подчиняться такому человеку. Я нашел амулет, когда мы путешествовали с Ривалом. Пивор сообщил, что Ривал убит, но не сказал, как это случилось. Может быть, Роджер, далеко прошедший по дороге знания Темных, каким-то образом выведал у Ривала о грифоне и узнал, что он находится у моей невесты. Этот талисман мог послужить сейчас причиной многих бед. В руках такого негодяя, как Роджер, талисман представляет большую опасность для мира в стране. Джойсан права: мы должны получить его обратно. Но как? Я вздохнул и положил руку на пояс. Смогу ли я когда-нибудь сделать это?

ДЖОЙСАН

Я находилась на восточной башне, когда прибыл мой жених. Хотя в крепости не было колокола тревоги, в одной из комнат мы нашли металлический лист, который повесили на стене, и били в него в случае тревоги. После отъезда лорда Янтаря на башне постоянно дежурил часовой — он охранял мост, чтобы ни один человек не мог незаметно пробраться в крепость. Поэтому, когда я заметила всадников, я сразу же забила тревогу, и лишь потом обнаружила, что едут они спокойно, а рядом с ними шагает Тимон. Он дружески разговаривал с одним из всадников, видимо, предводителем. Сперва я решила, что это спасся кто-нибудь из наших и нашел нас по следам, но затем я разглядела, что эмблемы на их камзолах не красные, а зеленые. Может, это были разведчики из армии какого-нибудь лорда, которые могли сопроводить нас в Норсдейл, хотя мне это совсем не нравилось. Я хотела добраться до Норсдейла со своими людьми. Но там леди Ислайга могла получить лечение, а остальные мои люди обрести новые дома. Хотя лорд Янтарь устроил нас в таком прекрасном месте, которое, казалось, было невозможно найти в такой дикой традиционалистской стране, но мы не могли оставаться здесь навечно. Я не понимала, почему мне было здесь так хорошо и спокойно, впервые с тех пор, как лорд Пиарт уехал на юг и у нас наступили трудные времена. Теперь, когда еще не затихли звуки гонга, я бросилась по лестнице, чтобы выяснить, кто же это прибыл к нам. Выскочив во двор, я заставила себя идти ровным величественным шагом — ведь я была тут хозяйкой и должна сохранять достоинство. Когда я увидела эмблему, вышитую на камзолах прибывших, я изумилась. Я отлично знала эту эмблему, эмблему моего жениха. А может...

— Моя дорогая леди! — он спрыгнул с седла и протянул мне руки, тепло приветствуя.

Хотя теперь на мне не было нарядного платья, я вежливо поклонилась. С другой стороны, я почему-то обрадовалась, что теплота приветствия была выражена лишь в голосе.

— Лорд Керован? — спросила я, хотя можно было и не спрашивать.

— Я перед тобой, — продолжал улыбаться он.

Так это и есть мой жених? Да, он не был так красив, как Торрос, но и не безобразен. Для жителя долин волосы его были слишком темными, а лицо — овальной формы, сужающееся книзу. И я увидела, что все слухи о нем оказались несправедливыми. Если лорд Янтарь совершенно очевидно принадлежал к какому-то народу, чьи люди не обычны, то мой жених был самым обыкновенным человеком. Это была наша первая встреча. И она не могла быть сердечной под столькими взглядами, да и время сейчас было не то. К тому же мы были совершенно чужими друг другу, хотя и связаны между собой. У меня почему-то сложилось впечатление, что мне не хотелось бы его видеть, и не хотелось, чтобы он приезжал сюда. Он разговаривал со мной

мягким вкрадчивым голосом, рассказывая о том, что тоже остался без дома, когда Ульмдейл пал под ударами пришельцев. Он и его люди бежали оттуда, хотели добраться до Икринта, но набрели на наши следы. Поняв, что произошло, они постарались отыскать нас.

— Мне сообщали, что ты воюешь на юге, мой лорд,— сказала я не для того, чтобы поддержать беседу, а требуя объяснений.

— Да, так оно и было. Но когда заболел отец, он послал за мной. Увы, я прибыл слишком поздно... Лорд Ульрик был уже мертв, враги стояли у самых ворот, так что мне сразу пришлось вступить в бой. Тут нам немного повезло. Разразилась ужасная буря, уничтожившая в Ульмдейле всех ализонцев, но и крепость здорово пострадала.

— Но ты сказал, что крепость пала.

— Да, но не от ударов врага. Море и ветер уничтожили стены и башни, залив водой всю долину. И все теперь лежит под водой. Тот парень, что провожал нас, сказал, что вы пробираетесь в Норсдейл.

А я рассказала ему о наших приключениях, о том, как я оказалась связанной с леди Ислайгой кровным долгом и теперь вынуждена заботиться о старушке. Он помрачнел, следя за моими словами, и очень внимательно меня слушал. Лорд изредка кивал головой, выражая согласие со всем, что я говорю.

— Вы отклонились далеко к югу от нужного направления,— заметил он, наконец.— Вам очень повезло, что вы отыскили такое замечательное убежище.

— Это не мы. Нас привел сюда лорд Янтарь.

— Лорд Янтарь? Кто это носит такое необычное имя?

Я вспыхнула.

— Это я придумала ему это имя, так как он не назвал своего. Он... он один из Прежних... и хорошо к нам отнесся.

Я заметила его странную реакцию на мои слова: он как бы застыл. Лицо его превратилось в неподвижную маску, под которой бушевали мысли. Он стал похож на лису, которая замерла, прислушиваясь к звукам охоты. Но вот вся его настороженность исчезла или он умело скрыл ее.

— Один из Прежних, леди? Но они давно ушли. Может, это лжец? Почему ты так в нем уверена? Он сам сказал тебе об этом?

— Ему не нужно ничего говорить. Ты сам все поймешь, когда его увидишь. Он не похож ни на одного из людей,— я была раздражена его словами, а особенно тоном. Вероятно, он принимал меня за глупую девчонку, которую легко обмануть. А я с тех пор, как стала предводительницей своего отряда, намного помнела, у меня появилась уверенность в себе, я сама могла принимать решения. Мне не хотелось вновь возвращаться в прежнее положение бесправной девушки долин. До того, как прибыл мой жених, я была сама собой, кем я хотела быть.

— Значит, он вернется? Где же он сейчас?

— Он направился на разведку несколько дней назад,— коротко проронила я.— Да, он вернется.

— Отлично,— кивнул мой лорд.— Но среди Прежних есть разные, как давно уже знают люди. Некоторые относятся к нам дружелюбно, другие не обращают на нас внимания, пока мы не лезем в их тайны, а третьи несут нам только зло.

— Знаю. Но Янтарь может заставить светиться твой подарок, как он светился, когда спасал меня от врагов.

— Мой подарок?

Не ослышалась ли я? Действительно ли в его тоне прозвучало удивление? Но нет, я отогнала от себя подозрения. Нельзя же так реагировать на каждое его слово, как будто мы были врагами. Мы станем близкими на всю оставшуюся жизнь. Теперь нам всегда нужно идти в ногу.

Он уже улыбался.

— Да, конечно, мой подарок. Значит, он помогает тебе, моя дорогая?

— Еще как!— моя рука легла на грудь, где поклонился грифон.— Мой лорд, это действительно сокровище Прежних?

Он наклонился через стол, разделявший нас. В его глазах светилась какая-то алчность, хотя лицо эмоции не выражало.

— Ты права! И раз он тебе так хорошо служит, я вдвойне рад, что он у тебя. Дай мне еще раз взглянуть на него.

Я потянула за цепочку и вытащила шар с грифоном. Но что-то мешало мне выпустить цепь из рук и опустить шар на его ждущую ладонь, лежавшую на столе.

— Я не расстаюсь с ним ни днем, ни ночью,— произнесла я.— Ты вернешь мне его, лорд?— я старалась говорить беззаботно, почти шутливо, хотя мной овладело тяжелое беспокойство.

— Конечно,— пообещал он.

Но коснулся ли он своей груди быстрым незаметным движением? Он не сделал попытки показать мне портрет, который я послала ему, хотя он должен был сделать это, чтобы доказать, что тоже хранит мой подарок.

— Почему ты не исполнил мою просьбу, которую я передала тебе вместе с подарком?— поинтересовалась я.

Мое беспокойство росло, хотя я не понимала, почему. Пока я не обнаружила в нем ничего подозрительного. Но между нами присутствовала какая-то зловещая тень и она рвала мне душу и тревожила меня. Я почему-то быстро спрятала грифона, как будто испугалась, что его отнимут у меня силой. Что же между нами, что так тревожит меня?

— Сейчас такое время, что нельзя доверять посланцам,— сказал он. Однако, я была уверена, что он рассматривал мой талисман с большим интересом, чем мое лицо.

— Я прощаю тебя, лорд,— я пыталась разговаривать с ним легкомысленным тоном, каким говорили глупые девушки со своими поклонниками.— А сейчас... я должна вернуться к своим обязанностям. Ты и твои люди можете лечь отдохнуть, хотя у нас нет мягких перин.

— Спать в безопасности — это самое большее, о чем мож-

но сейчас мечтать,— он поднялся вместе со мной.— Где ты нас разместишь?

— В западной башне,— облегченно вздохнула я. Он не потребовал, чтобы я по обычаю разделила с ним постель. Но что со мной? Ведь он сейчас, как, впрочем, и во все последующие дни, был вежлив и почтителен.

Он хвалил нашу предусмотрительность в заготовке пищевых припасов и приказал своим людям взять на себя обязанности часовых, чтобы мы могли все работать в поле. Но он не настаивал, чтобы я все время проводила в его обществе, и я была благодарна ему за это. Хотя я не могла отделаться от ощущения беспокойства, я не понимала, чем оно вызвано. Он был сомнительно ласков и почтителен со мной, но чем дольше он тут находился, тем тревожнее становилось у меня на душе. Я была испугана тем, что когда-нибудь настанет день, когда я буду вынуждена разделить с ним постель. Иногда он ездил в горы на разведку, тогда я не виделась с ним целыми днями. Порой я замечала, что он беседует с Инглидой, причем обращается с ней с такой же почтительностью, как со мной или с леди Ислайгой, которая, правда, вряд ли заметила его появление в крепости. Я не верила, что это он ищет встречи с Инглидой, скорее это была ее инициатива. Она с жадностью смотрела на него, и мне показалось, что я понимаю ее намерения. Ее муж мертв и перед ней нет иной перспективы, кроме унылой жизни в Монастыре. И я понимала, что ее неприязнь ко мне соединилась с завистью и превратилась в нечто более глубокое и черное. Ведь я могла иметь Керована, который приехал, чтобы служить мне, а она могла разрушить наши отношения с ним. Однако мне не верилось, что это жалкое создание решится вторгнуться в жизнь подобным образом. Впрочем, я не пыталась прекратить эти беседы: они не беспокоили меня. На пятый день после прибытия Керован вернулся из разведки раньше обычного. Я находилась в поле, так как каждая пара рук была на счету. И тут один из мальчиков занозил ногу. Я привела его в крепость, чтобы промыть ногу. Слезы мальчика высохли, боль утихла и он убежал к матери, оставив меня собирать в сумку разложенные лекарства. В это время в комнату вошел мой лорд.

— Моя дорогая, дай мне подарок, который я прислал тебе. Возможно, сейчас мне потребуется его служба. Я немного занимался изучением старых знаний и сейчас он мне понадобился. Эта вещь обладает Могуществом и если уметь ею пользоваться, то она может служить самым лучшим оружием. Если у меня все получится, то наш путь в Норсдейл превратится в легкую прогулку.

Моя рука легла на грудь. Мне не очень хотелось исполнять просьбу, но я ничего не могла придумать для отговорки, вытащила шар и долго не выпускала его из руки. Он мило улыбнулся мне, как бы желая приободрить упрямого ребенка. Наконец, я со вздохом отдала ему талисман. Он подошел к свету из окна и поднес шар к глазам, как бы разговаривая с грифоном без слов.

И в этот момент я услышала знакомый голос:

— Счастье этому дому!

Я не видела говорящего, но сразу кинулась на улицу.

— Лорд Янтарь!— я не понимала чувств, пробудившихся во мне, но при звуках этого голоса все мои беспокойства и тревоги, не отпускавшие меня столько времени, исчезли. Сама опасность находилась передо мной на ногах с копытами и смотрела на меня золотыми глазами.

— Ты пришел!— я протянула ему руки, как бы желая дотронуться до него, но он не был человеком и я не осмелилась завершить свой жест.

— Кто пришел?— голос Керована нарушил чудесное ощущение осознания освобождения от беспокойства. Теперь мне нужно было подыскивать другие слова.

— Лорд Янтарь, ты слышишь? Мой жених пришел... Он услышал о наших бедах и пришел...

Я отступила, мною овладело отчаяние, как будто я лишилась чего-то бесконечно дорогого. Прежний последовал за мной. Я не смотрела на своего жениха, я видела только эти золотые глаза.

— Лорд, это мой жених, лорд Керован — наследник Ульм-дейла.

Лицо его было замкнуто, непроницаемо.

— Лорд... Керован?— повторил он, как будто переспрашивая, а затем добавил, произнося слова так, как будто всаживал в кого-то нож:— Я думаю, нет!

Рука Керована поднялась. Шар, зажатый в ней, вспыхнул и в глаза лорда Янтаря ударил луч света. Он поднял руку, пытаясь защититься, и, шатаясь, сделал шаг назад. На кисти его руки я увидела ответную вспышку и голубой туман занавесом окутал его. Я вскрикнула и кинулась на Керована, пытаясь вырвать кристалл из его рук. Но он грубо отшвырнул меня и в его лице я заметила то, что превратило мое беспокойство в страх. Керован крепко схватил меня и поволок к двери. Лорд Янтарь стоял на коленях, прикрыв глаза рукой, и старался определить по звуку, где мы находимся. Он ослеп! Я билась в руках Керована, пытаясь вырваться.

— Нет, нет! Отпусти меня!

Лорд Янтарь бросился к нам. Я видела, как Керован поднял тяжелый окованный сапог и с силой наступил на руку Прежнего. Лорд Янтарь схватил свободной рукой Керована повыше колена, навалился на него и свалил на пол.

— Джойсан, беги!— крикнул он.

Я была свободна, но бежать не могла. Керован наносил удары лорду Янтарю.

— Нет!— мой нож, то есть нож Торосса, находился в моих руках. Я бросилась на борющихся мужчин, схватила Керована за волосы и запрокинула его голову, прижав лезвие ножа к глотке.— Лежи спокойно, лорд!— приказала я. Керован понял, что я готова на все и повиновался. Не сводя с него глаз, я сказа-

ла:— Лорд Янтарь, я держу нож у его горла. Ты можешь отпустить его.

Он поверил мне и откатился в сторону.

— Ты сказал,— продолжала я,— что это не лорд Керован. Почему?

Он поднялся на ноги, закрывая глаза рукой.

— Керован мертв, леди,— голос его был тих.— Он угодил в западню, устроенную Роджером близ крепости Керована, точнее его отца Ульрика. Этот Роджер имеет некоторое Могущество Прежних, тех, что шли по Темным путям.

Мое дыхание со свистом вырвалось из губ. О, теперь мне все стало ясно!

— Мертв? И этот тип осмелился присвоить имя моего жениха, чтобы обмануть меня?

Тогда заговорил Роджер.

— Открой нам свое имя.

И лорд Янтарь ответил ему:

— Ты сам знаешь, что мы не называем своих имен людям.

— Людям? И кто...

— Лорд Керован... — я так была удивлена раздавшимся от двери голосом, что отпрянула от Роджера.— Что тут...

В комнате появился один из воинов Керована.

Я быстро заговорила:

— Лорду Керовану ничего не нужно. А что касается этого типа, можете забрать его и убираться вон!

Вошел второй воин. В его руках был лук, нацеленный на лорда Янтаря. На лице было видно кровожадное выражение, как будто ему доставляло наслаждение убивать.

— Взять и ее, лорд? — спросил первый воин.

Лорд Янтарь двинулся на него с голыми руками.

Роджер отошел от меня еще на несколько шагов.

— Пусть остается. Теперь она не нужна!

— А что делать с этим, лорд?

— Ничего! Оставим его судьбе.

Я думала, что он прикажет прикончить лорда Янтаря, если, конечно, Прежнего можно убить.

— Да, мы уедем,— добавил он.— Потому что я получил то, что хотел.

Он спрятал шар в карман камзола.

Это побудило меня к действию.

— Нет! Нет! Отдай мне грифона! — бросилась я к нему.

Он ударил меня в голову и я не успела отклониться. Сильная боль пронзила меня и я погрузилась в темноту. Когда я очнулась, я лежала на своей постели, а в комнате царил полумрак. Но я разглядела лорда Янтаря, сидевшего рядом. Моя рука лежала в его руке, а его глаза закрывала повязка.

Он сразу повернул ко мне голову.

— Джойсан!

— Он взял... он взял подарок моего жениха... он взял грифона,— страшное воспоминание наплыло на меня из черноты памяти.

Лорд Янтарь нежно привлек меня к себе и я заплакала, как не плакала с тех пор, как на нашу землю обрушились горе и несчастья. Я заговорила, всхлипывая:

— Ты сказал правду, это был не Керован?

— Чистую правду. Керован погиб, попав в ловушку возле Ульмдейла. Роджер был женихом сестры Керована.

— И я никогда не увижу своего жениха? Но его подарок... он подло похищен! Но клянусь, лорд, он не останется у него, его руки оскверняют сокровище! Ведь он использовал шар как оружие. Он сжег твои глаза, лорд! Но твое Могущество ответило, лорд, из этого обруча на твоей руке. Если бы ты успел им защититься! Лорд, говорят, что твой народ весьма искусен в медицине. Если у тебя самого нет такого таланта, то, может, отнести тебя к ним? Ведь это ужасное увечье ты получил из-за меня. У меня перед тобой кровный долг...

— Между нами нет долга,— отверг он мои последние слова.— С Роджером у меня давняя вражда. Где бы мы ни встречались, он всегда пытался убить меня.

— Я немного умею лечить, и Нальда тоже,— сказала я.— Может быть, к тебе вернется зрение. О, мой лорд, я не знаю, зачем он сюда приезжал. У меня больше нет ни богатства, ни земли, ничего, кроме того, что он отнял у меня. Что ты знаешь об этом грифоне? Его послал мне в подарок мой жених. Неужели это такое огромное сокровище, что Роджер пошел на столь большой риск, чтобы получить его?

— Нет, это сокровище Ульмдейла, Керован сам нашел его. Но эта вещь обладает Могуществом, а у Роджера достаточно знаний, чтобы использовать его. Оставить грифона в руках Роджера, значит...

Я поняла, что он имеет в виду, еще до того, как он облек мысли в слова. Оставить такие могучие силы в руках Темных Сил, нет, мы не могли позволить себе такого! Но Роджер... он ведь уехал со своими воинами, готовыми убивать, и сам уже доказал, что может использовать Могущество грифона...

— Лорд, что мы можем сделать, чтобы вернуть талисман?— вырвалось у меня. Все свое доверие я отдала этому человеку, если его можно назвать человеком.

— Пока,— произнес он почти шепотом,— пока очень мало.— Возможно Рубо и Анграл могут проследить их путь отсюда, но мы не можем пока пускаться в погоню... пока...

И снова я поняла его мысли. Он, должно быть, надеялся, что зрение вернется к нему, а может, он хотел использовать свое Могущество для излечения. В нашем походе лорд Янтарь будет командовать, а я подчиняться. Я понимала, что это не только моя битва, но и его. Хотя грифон попал в руки Роджера только по моей глупости. Поэтому я должна принять активное участие в попытке его возвращения. У меня ужасно болела голова и Нальда принесла мне настой трав, заставив выпить. Я подозревала, что это заставит меня уснуть, и хотела отказатьсь, но лорд Янтарь присоединился к уговорам Нальды, а ему я противиться

не могла. Затем Нальда обратилась к лорду Янтарю и сообщила ему, что приготовила мазь для его глаз. Лорд Янтарь позволил ей сделать новую повязку, хотя я видела, что он не верит в действенность мази. Нальда увела его с собой. Я уже засыпала, когда ко мне явилась Инглида. Она склонилась над моей постелью и посмотрела на меня так, как будто за последние несколько часов у меня неузнаваемо изменилось лицо.

— Значит, твой жених мертв, Джойсан,— с удовлетворением отметила она.

— Да, он мертв,— сейчас я ничего не ощущала. В течение восьми лет Керован был для меня лишь именем, да и теперь ничего не переменялось в этом смысле. Как можно скорбеть по звуку? Но зато я чувствовала жгучую ненависть к обманщику. Роджер не был моим женихом, поэтому мне не в чем было винить себя, когда я не ощущала к нему ничего, кроме неприязни. Мой жених умер... Он так никогда и не жил для меня.

— Ты не плачешь,— Инглида смотрела на меня с той же злобой, что и раньше.

— Как я могу плакать по тому, кого никогда не знала и не видела?

Инглида пожала плечами и презрительно заявила:

— Каждый порядочный человек должен горевать.

Мы больше не были связаны родственными узами с тех пор, как кровавая волна войны обрушилась на мир. Если бы я была в Икринте, я бы, конечно, совершила все формальные церемонии траура, как это полагалось. Мне было жаль, что из-за предательства погиб хороший человек, но больше этого я ничего не могла для него сделать. Инглида достала из кармана какой-то мешочек. Я уловила аромат трав и поняла, что это мешочек с травами, который кладут под подушку тем, у кого болит голова.

— Это мешочек моей матери. Сегодня он ей не нужен,— грубо сказала Инглида, будучи уверенной в моем отказе.

Я была удивлена, но не очень, так как понимала, что теперь мы в одинаковом положении. Инглида больше не считала меня счастливее себя. Я поблагодарила ее и позволила положить мешочек под подушку. Запах трав сделал свое дело. Вскоре я уже не могла держать глаза открытыми. Я еще видела, как Инглида направилась к двери, и затем... я, вероятно, провалилась в сон.

КЕРОВАН

— Это ты, Нальда?— спросил я и повернул голову, хотя ничего не видел.

— Да, лорд,— ответила она.

Я поблагодарил ее за заботы кивком головы. Она была деликатной и не относилась ко мне, как к беспомощному калеке. Напротив, всеми силами она старалась вселить в меня уверенность, что ее лечение поможет мне.

— А леди Джойсан?

— Она спит, лорд. У нее нет тяжелых повреждений. Удар был сильным, но кости целы, так что ничего страшного.

— Люди уже приехали?

— Нет. Ты их увидишь, когда они появятся. Надо немного покушать, лорд. Человек должен быть сыт, чтобы сохранить свои силы. Открой рот..

Нальда кормила меня с ложечки, как малого ребенка. Но не мог же я сказать ей — нет! Однако, во мне зрел гнев не из-за того, что я нахожусь в таком нелепом беспомощном состоянии, а из-за того, что ничего не могу сделать самостоятельно и мне нужна нянька. Нальда отвела меня к постели. Я лег, но сон ко мне никак не шел. Я лежал и как будто ждал, что меня призовут к оружию, хотя понимал, что, по всей вероятности, мне уже никогда не взять его в руки. Я думал о Джойсан, о ее стремлении получить обратно грифона. Я понимал, что она права. Шар необходимо отобрать у Роджера во что бы то ни стало. Он не погиб во время бури, может, спаслись и остальные? Хлимер, леди Тэфана, Лизана... Я поднял руку и пощупал повязку. Она была еще влажная, и я был уверен в ее бесполезности. Роджер.. если он пришел за грифоном, то, значит, узнал о нем от Ривала или от Яго. Узнал, что я послал его в качестве подарка Джойсан. Но зачем ему понадобился грифон? Я так мало знал о Прежних, а сейчас это было необходимо. Моя рука все еще лежала на лбу, тыльной стороной кисти к повязке. Сколько времени так прошло, я не знал, но неожиданно почувствовал, что что-то неувлимо изменилось.

Браслет! Джойсан сказала, что он отразил луч от грифона. А значит... Я вскочил и сорвал повязку. В том месте, где браслет касался меня, распространялось тепло. Может, инстинкт, а может, неизвестные слои памяти руководили мной, когда я держал браслет сначала у левого глаза, а потом — у правого, прижимая его к закрытым ресницам. Я еще не пытался открыть глаза, но чувствовал, что ко мне возвращается уверенность и жажда жизни. Я опустил руку и открыл глаза. Темнота! Мрак! Я чуть не вскрикнул от отчаяния. А затем... свет! Совсем слабый, но свет! И тут я понял, что нахожусь в темной комнате и вижу свет, едва пробивающийся сквозь щель в двери. Я быстро направился к выходу. Ночь... Да, обыкновенная ночь... И насколько не темнее, чем всегда. Я поднял голову и увидел звезды! Звезды, которые сверкали так ярко, так ободряюще... Я видел!

Джойсан! Мне захотелось поделиться с ней своей радостью, и это тоже был инстинкт. Я почти бегом направился в ее комнату. Дверь была закрыта и это заставило меня остановиться. Нальда сказала, что дала Джойсан снотворное и теперь девушка будет спать до утра. Но даже если я и не мог сообщить ей о чуде, то должен был хотя бы взглянуть на дорогое мне лицо. Из-за двери пробивался слабый свет. Возможно, там оставили зажженной свечу. Я вошел, стараясь не только не стучать копытами, но даже и не дышать. Но на постели никого не оказалось. Легкий плащ, которым она укрывалась, был откинут в сторону и на

тюфяке, набитом сухими листьями, никого не было! Лишь в изголовьи что то темнело. Я наклонился и поднял это. В моих руках оказался мешочек, набитый травами, от которого исходил сильный запах. В нем находилось что-то твердое. Я ахнул и мешочек упал на пол. Вокруг моего браслета появилось голубое сияние, как будто его окутал туман. Мне не нужно было объяснять, что там находится. Черное Зло! Я подцепил мешочек кончиком ножа и бросил его на каменный пол поближе к свету. Распоров его ножом, я выпотрошил содержимое и обнаружил в нем предмет размером с монету Салкаров. Он был черным, но пронизанным красноватыми прожилками — нет, не прожилками. Красные линии образовывали буквы, почти как на моем браслете. Эта вещь обладала Могуществом, но Темным Могуществом. Любой прикоснувшийся к этому предмету... Джойсан! Как попала эта вещь к ней в постель? Мне стало страшно и я громко позвал Нальду, которая, вероятно, находилась где-то поблизости. Мой голос прокатился по двору громовым эхом. Я снова крикнул и услышал голоса.

— Лорд,— в дверях появилась Нальда.— Что...

Я указал пальцем на постель.

— Где леди?

Она вскрикнула и кинулась к постели. На ее лице появилось выражение растерянности и изумления.

— Но... где она может быть, лорд? Она спала, когда я дала ей снотворное. Могу поклясться Тремя Клятвами Гуппоры, что она не должна была проснуться до утра...

— Ты оставила «это» в постели?— я попытался не выказать ей свой страх, по крайней мере внешне. Кончиком ножа я указал на распоротый мешочек и его содержимое.

Она наклонилась и принялась.

— Лорд, такой мешочек мы сделали для леди Ислайги, когда она была плоха и ее необходимо было удержать в постели. Это хорошие травы, клянусь вам!

— Ты добавила сюда и это?— кончик ножа уперся в дьявольский символ.

Нальда вновь наклонилась. Когда ее голова поднялась и ее глаза встретились с моими, я увидел, что она перепугана.

— Лорд, я не знаю, что это такое, но в этой вещи таится Зло! Лорд!— неожиданно вскрикнула она.— Твои глаза... ты прозрел?

Я отодвинул ее в сторону. Только что меня переполняла неопишуемая радость, весь мир радовал меня, но сейчас мною овладела страшная тревога за Джойсан. Мне было даже жутко подумать, что она стала пленницей Темных Сил.

— Да,— буркнул я.— Леди спала рядом с этим и теперь она исчезла. Я не знаю, что с ней случилось, но мы обязаны найти ее и найти как можно скорее!

Поднятые мной люди обыскали всю крепость сверху донизу. Так как мост был поднят на ночь, то добраться до берега она не могла, но и спрятаться в крепости было негде: мы обыскали

все. В конце концов мне пришлось признать, что Джойсан в крепости нет. Оставалось озеро! Я стоял на мосту, глядя в воду. В ней отражался свет факела. Это мог сделать только Роджер, но здесь его не было, когда ее укладывали в постель. Кто-то помогал ему тут. И этого человека необходимо было найти и узнать от него всю правду. Я собрал всех мужчин, женщин и детей во дворе и положил перед ними камень, дьявольский символ, нацеленный на мою леди. Огонь необузданного гнева уже угас во мне, теперь я был хладнокровен и полностью овладел собой. Мой мозг работал в бешеном ритме — он был занят одним — кровавой местью тем, кто похитил Джойсан, страшной местью, какой еще не видала наша долина.

— Ваша леди была похищена из-за чьего-то предательства с вашей стороны,— говорил я медленно, так, чтобы каждый из них мог понять меня, даже самый глупый и маленький.— Пока она лежала в постели, кто-то подложил ей под подушку мешочек с травами. После этого она была похищена и, возможно, уже мертва.— Теперь я приступал к тому, в чем совершенно не был уверен, но чему я научился у Ривала.— Те, кто касался этой вещи, наложили на себя пятно, которое ничем нельзя смыть. Поэтому каждый из вас сейчас вытянет руки и...

Среди женщин послышался шум. Нальда схватила ту, что стояла рядом с ней. Девушка визжала и пыталась вырваться. Через мгновение я очутился возле них. Леди Инглида... Я должен был ожидать этого.

— Веди ее,— обратился я к Нальде.— Тебе нужна помощь?

— Конечно, нет!— возмутилась эта сильная женщина и легко поволокла Инглиду.

Я обратился к остальным со словами:

— Я сам займусь этим. И заклинаю вас — не прикасайтесь к этой дьявольской вещи!

Они остались во дворе и никто не пошел за нами, когда мы удалились в комнату Джойсан. Я воткнул факел в отверстие в стене, чтобы было светлее. Нальда заломила руки Инглиды за спину и крепко держала ее. Думаю, что редкий мужчина смог бы вырваться из рук этой мужественной женщины. Затем она подвела пленницу ко мне. Схватив ее за подбородок, я принудил Инглиду смотреть мне прямо в глаза.

— Это сделала ты!— утвердительно проговорил я.

Она завывала, как безумная, но от меня нельзя было отвертеться подобным образом.

— Кто научил тебя этому? Роджер?

Она снова завывала, но Нальда обошлась с ней весьма невежливо.

— Говори!— прошипела она в ухо Инглиды.

Девушка сглотнула слюну.

— Ее жених... он сказал, что она должна придти к нему... это приведет ее к нему...

И я поверил ей. Что Инглида действовала из добрых побуждений к Джойсан, в этом я сомневался. Впрочем, эту злобную

ловушку устроил именно Роджер.

— Ты послала ее на смерть,— мягко сказал я.— Ты стоишь здесь и руки твои в ее крови. С тем же успехом ты могла бы резать ее ножом.

— Нет!— закричала Инглида.— Она не мертва, не мертва! Она ушла, ушла...

—... в озеро,— угрюмо закончил я за нее.

— Да, но она поплыла. Я видела, я говорю правду!

И вновь я поверил ей, лед в моей душе стал таять. Если Джойсан добралась до берега, если она находится под действием заклинания... Есть еще шанс спасти ее!

— Но плыть нужно очень далеко.

— Джойсан выбралась на берег. Я видела! — она в ужасе кричала, как будто гнев, отраженный на моем лице, сводил ее с ума.

Я повернулся к двери.

— Янофер, Анграл! — я позвал этих двоих, потому что они отлично разбирались в следах — Идите на берег и ищите следы того, кто выбрался из воды.

Они сразу ушли. Я вернулся к Нальде и пленнице.

— Больше я ничего не могу сделать для тебя и твоих друзей,— сказал я Нальде.— Если Джойсан околдована...

— Она околдована! — оборвала меня Нальда.— Лорд, спаси ее!

— Сделаю, что смогу,— произнес я так, как будто произносил клятву перед своим Родом.— Я последую за ней, а вы оставайтесь здесь. В крепости вы будете в безопасности, по крайней мере, в ближайшее время.

— Лорд, не думай о нас, думай только о нашей леди. С нами ничего не случится. А что делать с этой стервой!? — она указала на Инглиду, которая шумно всхлипывала.

Я пожал плечами. Теперь, когда я получил от нее все, что мне было нужно, она превратилась для меня в ничто.

— Делай, что хочешь, но я поручаю тебе присматривать за ней. Она связалась с Темными Силами и служит им. Через нее снова может прийти Зло.

— Мы будем присматривать за ней,— голос Нальды прозвучал так, что Инглида вздрогнула.

Я вышел во двор, подцепил дьявольскую монету кончиком ножа, подошел к сломанному мосту и выкинул ее в воду. Я не мог закопать ее в землю. Неизвестно, что она могла еще натворить. Было позднее утро, когда я, захватив запасы провизии, поехал на Хику по следу. Инглида не соврала — пловец вылез на берег, цепляясь за тростник, и направился дальше, оставляя хорошо заметные следы. И я двинулся по следам своей леди. Какое колдовство действовало на нее, я не знал, но у меня не было никаких сомнений, что все случилось помимо ее воли. Я дошел по ее следу до края долины, и там она, вероятно, встретилась с всадниками. Я понял, что тут ее поджидали Роджер со своими людьми. Их было четверо и все хорошо вооружены.

Джойсан, конечно, связали и я мог только идти за ними и надеяться, что у меня возникнет шанс. Но я был готов помочь фортуне. След вел на северо-запад. Я был уверен, что Роджер хочет вернуться в свою крепость. Он приехал в Ульмдейл, чтобы получить Могущество. Возможно, он и получил его вместе с грифоном. Они редко отдыхали и я, несмотря на все усилия, все еще находился далеко позади. На второй день я выяснил, что к ним присоединились еще три воина с запасными лошадьми, так что теперь они могли менять лошадей, а моя верная Хику уже совсем выдохлась. Но все же моя лошадка еще ни разу не подвела меня и мне казалось, что это не обычная лошадь.

На третий день я стал узнавать места, по которым ехал и неожиданно понял, что это леса, где я провел детство и юность. Те, кого я преследовал, теперь могли направляться лишь в одно место — в Пустыню. Они занимались Темным колдовством, и куда им было еще ехать, как не к источникам Темного Могущества, которого они так жаждут. Но зачем им Джойсан? Нанести мне душевный удар? Вряд ли Роджер мог додуматься до этого. По его мнению, я уже перестал представлять для него опасность, так как он вывел меня из игры. Грифона он получил, но зачем ему Джойсан? Я ехал и размышлял, придумывая все новые и новые гипотезы, но ни одна из них не удовлетворяла меня. Утром пятого дня я был на границе с Пустыней, совсем недалеко от того места, где начиналась дорога, ведущая к голой скале. Я уже не удивлялся, обнаружив, что следы идут именно в этом направлении. И вновь я ехал по древним каменным плитам дороги. Мне казалось, что это было очень давно, но тогда тут был не я, а совсем иной Керован, которого я совсем не знал. У меня появилось страшное желание, чтобы рядом со мной находился Ривал. Он так много знал, хотя и не был Прежним. Но увы, Ривала не было, а те люди, за которыми я ехал, наверняка знали больше, чем он. Вечером я остановился на отдых возле дороги. Вокруг высились каменные утесы, на которых были вырезаны письмена. Мне показалось, что они напоминают те, что написаны у меня на браслете. Иногда, когда я смотрел на них, меня охватывало странное возбуждение. Создавалось впечатление, что я вот-вот прочту их, но затем все становилось на свои места и эти письмена оставались такими же загадочными, как и раньше. Как и тогда, мне казалось, что за мной наблюдают, но я знал, что само по себе это не опасно. Вскоре я доехал до загадочного лица, но перед этим я наткнулся на следы тех, кого преследовал. На камне перед лицом стоял сосуд, а возле него две кадила. В сосуде все еще сохранялась маслянистая жидкость, а кадила совсем недавно горели. Все это было сделано из черного камня или неизвестного мне металла. Однако, я не стал трогать руками эти загадочные предметы служения какому-то божеству. Вокруг браслета на моей кисти появилось предупреждающее голубое сияние, и я не мог оставить это просто так. Я взял большой камень и с его помощью разбил сосуд и кадила. По ущелью пронесся пронзительный

звук. Словно они были живыми. Но оставлять их позади себя было нельзя — ведь в них могло найти себе прибежище Зло. Когда я добрался до звезды, которая привела в такой восторг Ривала, то не заметил никаких следов поклонения. Напротив, я обратил внимание, что они старались проехать по самой обочине дороги, как можно дальше от звезды. Вероятно, все они опасались ее, однако я не понял, что же внушало им ужас. Впереди находилась лишь каменная стена, ехать дальше было некуда. Путешествие мое подходило к концу, а у меня не созрело ни одного приемлемого плана. Единственное, что мне оставалось, это гордо направиться навстречу неизвестности. Поэтому я спешил и обратился к Хику:

— Дружище, ты хорошо служила мне. Теперь можешь возвращаться к тому, кто дал мне тебя, — я снял сбрую и бросил ее на дорогу, так как был уверен в неизбежности предстоящей мне смерти, но я сам выбрал этот путь, сам решил, что должен убить леди и погибнуть. Если Джойсан суждено умереть, пусть это произойдет от моей руки, и она умрет, избавленная от того Зла, которое они могли в нее вложить.

Мои пальцы нащупали браслет на кисти руки. Я знал, что он обладает Могуществом, но не мог им воспользоваться. Однако, положив руки на браслет и глядя на звезду, я пытался выяснить, что может помочь мне победить Темные Силы, которые поджидают меня впереди. И тут я вспомнил слова Пивора: «Ты должен искать и должен найти. Твое наследство будет твоим. Выяснить, кто ты такой, ты должен сам». Интересно, эти слова были сказаны только для того, чтобы приободрить меня? Или же это пророчество? Ривал говорил, что если произнести имя, то оно освободит некие силы, но я не знал никаких особенных имен. Я был всего лишь человеком, со смешанной кровью, но человеком... И тут мне показалось, что я что-то громко произнес помимо своей воли. Эти слова гулко прокатились меж утесов. Я положил руку на звезду и начал молиться, но не вслух. Если здесь заключена какая-то сила, пусть она перейдет в меня, даже если это и убьет меня. Мне необходимо иметь силу, чтобы освободить свою леди и убить Роджера, который жаждет завладеть страной и погрузить ее в пучину Зла. Пусть... силы... наполнят... меня... И вдруг во мне что-то шевельнулось, медленно, с усилием, как будто открывалась давно запертая дверь. И из этой двери подул ветерок, принесший запутанный клубок смутных воспоминаний. Я выхватывал из своей памяти странные лица, незнакомые места, загадочные строения... Но я стоял и пытался осознать, зачем я здесь стою. Давние воспоминания клубились темным туманом, и я своей волей, как солнцем, хотел рассеять эту тьму. И я узнал! Тени исчезли, но многое осталось во мне. Правда я не знал, смогу ли я победить тех, за кем гонюсь, но это должно выясниться в последнем сражении. И время для него пришло!

Я быстро зашагал вперед. Тишину нарушил какой-то звук. Пение! Оно накатывалось на меня, как морские волны на берег.

Я свернул за поворот и обнаружил тех, за кем гнался. Но они были заняты своим делом и не заметили меня. На земле была нарисована звезда, замкнутая в круге. Круг был начертан кровью, дымящейся кровью... Затем я увидел бывшего владельца этой крови: в стороне валялся мертвый воин. Его поза говорила о том, что он весьма неохотно отдал свое богатство. Из кончиков звезды к небу поднимались столбики маслянистого черного дыма, смешивающегося с дымом от крови. У каждого луча стоял один из них. Четверо смотрели в круг, а пятый устался в стену невидящими глазами.

Хлимер, Роджер, Лизана, леди Тефана и лицом к стене моя Джойсан. Они стояли перед дверью, в руках Джойсан было что-то непонятное. Четверо пели, а моя леди стояла, как человек только что прошедший через ужасные кошмары. Я приблизился и увидел, что руки Джойсан подняты к груди, а в них зажат грифон. Я все понял, хотя они не говорили, чего добиваются. В руках Джойсан был ключ и она тоже находилась перед дверью. Почему-то только она одна могла открыть эту дверь и ее привели сюда именно для этого. Что же находилось за этой дверью? Кто знает... Но то, что я не могу позволить им ее открыть, это я понимал точно! Они все еще не заметили меня, так как были захвачены своим делом и все, что находилось вне этого кровавого круга, для них не существовало. Вскоре я различил возле дымящегося круга какие-то тени. Время от времени чья-то отвратительная ужасная морда нюхала кровь или кто-то ставил туда свою лапу. Свежая кровь вызвала к жизни эти остатки Зла, которые прошедшие века превратили в жалкие тени. И я не боялся их. Некоторые из них заметили меня и стали ко мне приближаться. Глаза их сверкали дьявольским пламенем. Я бессознательно махнул рукой в их сторону и они попятились назад, не спуская глаз с браслета на моей руке. Я осторожно приблизился к кровавому кругу. Мне стало не по себе от запаха крови, дыма, но держался я твердо. Я стал произносить их имена — медленно, громко, отчетливо. И мои слова прорезали их заклинание, которое они пели.

— Тефана, Роджер, Лизана, Хлимер... — я произносил их имена и поворачивался к каждому в отдельности. В моей памяти всплыло смутное воспоминание. Да, конечно! Это уже у меня было в другое время и в другом месте!

Все четверо смотрели на меня, как будто только что восстали ото сна. Их взоры уже не были устремлены в спину Джойсан: они повернулись ко мне. Черный гнев вспыхнул на физиономиях Роджера, Лизаны и Хлимера, лишь леди Тефана улыбнулась.

— Привет, Керован. Наконец ты доказал, что твоя кровь течет в правильном направлении, — такого мягкого и нежного голоса я еще никогда от нее не слышал. Она хотела обмануть меня и напомнить о тех узах, что связывали нас, узах матери и сына. Но неужели она считала меня идиотом, которого так просто обмануть.

Вновь воспоминания мелькнули во мне и я ей ничего не от-

ветил. Я поднял руку и из моего браслета вырвался луч голубого света, коснувшегося затылка Джойсан. Я увидел, как она отшатнулась, услышал ее жалобный крик. Она медленно повернулась, качаясь от удара, которого не могла избежать. Теперь она уже стояла спиной к стене, уставившись на меня. Ее глаза уже не были пустыми и безжизненными. В них светились жизнь и ум. Тут я услышал звериный рев Хлимера. Казалось, он был готов вцепиться мне в горло, но его остановила леди Тefана. Она проделывала руками какие-то странные движения, как будто что-то сплетала между нами, но мне некогда было на это смотреть. Я увидел, как рванулся к Джойсан Роджер, схватил ее и стал прикрываться девушкой, как щитом.

— Игра все еще наша, Керован, и закончится она смертью, — заявил он. Мы смотрели друг на друга, стоя по разные стороны кровавого круга.

— Да, смертью, но не моей, а твоей, Роджер!

Я изобразил в воздухе звезду, но без круга. Она вспыхнула зеленовато-голубым светом и медленно поплыла к Роджеру, пока не остановилась возле него. Я заметил, что лицо его сразу осунулось, но он еще не потерял веры в себя. Отпустив Джойсан, он вышел вперед и воскликнул:

— Пусть будет так!

— Нет! — крикнула леди Тefана, подняв глаза от того невидимого, что она сплетала. — В этом нет необходимости, он...

— Необходимость есть, — возразил Роджер. — Он оказался гораздо могущественнее, чем мы предполагали. С ним надо покончить, иначе он покончит с нами. Не нужно больше мелких заклинаний, леди. С ним нужно кончать по-настоящему. Отдай мне свое Могушество!

Я впервые увидел неуверенность на лице леди Тefаны. Она взглянула на меня, но быстро отвела взор, как будто не могла заставить себя смотреть на меня.

— Скажи, — настаивал Роджер. — Сейчас ты со мной? Этих двоих, — он кивнул на Хлимера и Лизану, — можно не учитывать. Они бесполезны. Решай, иначе будет поздно.

— Я... — начала она, заколебалась, но потом решилась: — Я с тобой, Роджер!

«Пусть будет так!» — подумал я.

Я понимал: из этой битвы кому-то живым не выйти.

ДЖОЙСАН

Мне снились кошмары и я никак не могла проснуться и избавиться от них, потому что воля и силы оставили меня. Я подчинялась приказам, которые отдавал Роджер. Я вышла из крепости, бросилась в озеро и, переплыв его, выбралась на берег. Затем я долго шла неизвестно куда по густым лесам и пустым полям, пока не встретилась с Роджером, который посадил меня перед собой на лошадь и поехал. С этого момента я многого

уже не помню. Мне в руки вкладывали еду и я ела, хотя не ощущала никакого вкуса пищи. Я пила воду, не испытывая жажды. Вскоре мы соединились еще с кем-то, но для меня они были лишь смутными тенями. Затем мы ехали, ехали очень долго, но я все равно была как во сне. И наконец наше путешествие подошло к концу. Это было... нет! Я не желаю вспоминать эту часть сна! Потом в моих руках снова очутился подарок жениха и... что-то заставило меня встать к стене и ждать приказа... и подчиняться ему... но что же я делала и почему? Передо мной возвышалась каменная стена, а позади себя я слышала пение и звуки, которые хлестали меня подобно кнуту. Я хотела бежать, но как в страшном сне не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Я могла лишь стоять, смотреть на каменную стену и ждать... А затем... Боль пронзила мою голову, в моем мозгу вспыхнул огонь, стремясь выжечь оттуда все мысли. И в этом очистительном пламени сгорало все, что держало меня в плену чужой воли. Я повернулась, чтобы взглянуть на того, чьей пленницей я была. Лорд Янтарь! Не тот, которого я оставила в крепости в последний раз, не слепой с завязанными глазами, а воин, готовый к бою, хотя меч его был в ножнах, а в руках не было никакого оружия. Но он готовился к какой-то другой битве, я видела это. Здесь же находились еще четверо. На земле была нарисована звезда. Я стояла на луче, направленном к стене. Остальные располагались справа и слева от меня на других лучах. Одним из них был Роджер. Второго я совсем не знала, двух женщин — тоже. Роджер пока ничего не предпринимал, второй мужчина сделал движение к лорду Янтарю, но старшая женщина остановила его взмахом руки. Тут Роджер прыгнул ко мне и схватил меня, укрывшись за моей спиной, как за щитом.

— Игра еще наша, Керован, — угрожающе произнес Роджер, — и закончится она смертью!

«Керован? — подумала я. — Что он имеет в виду? Ведь мой жених мертв!»

Лорд Янтарь — это был именно лорд Янтарь, ответил ему:

— Да, смертью, но не моей, а твоей, Роджер! — он сделал в воздухе движение рукой. Внезапно появилась зеленоватоголубая звезда, которая подплыла к Роджеру и замерла возле него.

Отпустив меня, Роджер сделал шаг вперед и воскликнул:

— Пусть будет так!

— Нет! — крикнула женщина справа от меня. — В этом нет необходимости, он...

Роджер резко прервал ее:

— Необходимость есть. Он оказался гораздо могущественнее, чем мы предполагали. С ним надо покончить, иначе он покончит с нами. Не нужно больше мелких заклинаний, леди. С ним нужно кончать по-настоящему. Отдай мне свое Могушество!

Женщина бросила быстрый взгляд на лорда Янтаря и сразу же отвернулась. Губы ее сжались. Она сразу же как будто постарела от нахлынувших мыслей.

— Скажи,— настаивал Роджер,— сейчас ты со мной? Этих двоих,— он указал на мужчину и девушку,— можно не учитывать. Они бесполезны. Решай, иначе будет поздно!

Я заметила, что она нервно прикусила губу. Было ясно, что она колеблется. Но наконец она дала ему то, чего он от нее добивался — согласие.

— Я... я с тобой, Роджер!

— Керован,— сказал Роджер тому, кого я считала, и могла поклясться в этом, одним из Пржежих. И сразу все слухи о нем всплыли в моей памяти. Говорили, что он проклят, что у него нечистая кровь, что даже мать отказалась от него... Его собственная мать! Может... может это и есть его мать?

Я взглянула на лорда Янтаря и узнала правду, несколько правд. Но сейчас не было времени спрашивать и требовать объяснений. Он стоял перед смертельными врагами. Более страшными, чем любые другие враги. И их было четверо против одного! Он один! Я быстро осмотрелась, у меня не было никакого оружия, даже ножа. Но камень, даже голые руки, если потребуются... но это была не та битва. Это была битва Могушества, Могушества, подобного тому, которое вызвала дама Мат в свой последний час. А у меня не было такого дара. Я в отчаянии сжала кулаки. Грифон... у меня есть грифон! Я вспомнила, как использовал его Роджер. Может, и лорд Янтарь способен на это? Если я брошу ему грифона... Но между нами стоял Роджер. Ему достаточно лишь обернуться, отнять у меня этот талисман и... Я крепко сжала подарок жениха в руке и поклялась про себя, что, пока я жива, Роджер не возьмет его у меня, чтобы использовать в качестве оружия против моего лорда. Мой лорд... Керован? Я не знала, где правда, неужели лорд Янтарь солгал мне? Но сердце мое подсказывало мне, что солгал он из любви, из добрых побуждений. И хочет он того, или нет, но теперь я знала, что мы связаны с ним более крепкими узами, чем связывает помолвка или даже женитьба — церемония Чаши и Пламени. Это было для меня так же ясно и очевидно, как неизбежность смерти. Значит, я обязана встать рядом с ним в этой страшной битве. Но как я могу... Я почти вскрикнула от боли. Руки... я посмотрела на них. Из-под сжатых пальцев пробивалось яркое сияние. Режущее глаза сияние... Грифон ожил, он становился все горячее и горячее. Могу ли я использовать его, как Роджер? Могу ли я извергать пламя? Но удерживать грифона в руках становилось невозможно — боль была нестерпимой. А если его держать за цепочку? Я отмотала цепь и шар повис в воздухе, светясь, как тысячи ламп Икринта.

— Посмотрите на нее! — девушка слева прыгнула на меня. Ее рука была готова схватить шар с грифоном.

Но я размахнулась и хлестнула ее цепью. Она скорчилась, прижав руки к лицу, и с воем повалилась на землю. Я научилась, как им пользоваться! Я приготовилась к дальнейшим действиям, но тут женщина справа кинула к моим ногам маленький черный шарик, из которого выползла блестящая черная змея, тут же

оббившая мои ноги и державшая меня так крепко, будто она была из стали. Занятая грифоном, я не видела, как обстоят дела у моего лорда. Теперь, будучи беспомощной пленницей, неспособной воспользоваться своим оружием, я посмотрела, что происходит передо мной. Роджер вытянул обе руки и с одной стороны его подхватил мужчина, а с другой — женщина. Теперь эта тройка противостояла моему лорду. Женщина вынула из ножен, там, где должен находиться меч, черный жезл, по всей длине которого, как живые, извивались красные прожилки. Она направила его на Керована и начала петь, обрисовывая концом жезла силуэт Керована — от головы к ногам и обратно. Я заметила, что Керован дрожит и шатается, как будто на него обрушился град тяжелых ударов. Он вытянул руку перед собой, двигая ее так, чтобы браслет постоянно встречал кончик жезла. Но было видно, что ему очень трудно. Я изо всех сил старалась вырваться из объятий змеи и достать шаром до врагов, обладающей Темного Могушества.

— Пусть он исчезнет, я хочу этого, — пела женщина. — Я сотворила его, я хочу, чтобы он исчез!

Мой лорд — я клянусь, что это он, сопротивлялся, но как ему было трудно! Я видела, как сотрясается его тело, как тает оно в воздухе и становится почти прозрачным. Неожиданно налетел воздушный вихрь, закружил его бестелесную субстанцию, готовясь унести его прочь. Я боялась выпустить грифона из рук, но это необходимо было прекратить — пение, ветер, жезл, который своими движениями стирал моего лорда, обращая его в ничто, как будто его никогда не было! Он уже превратился в тень, но жезл женщины стал двигаться медленнее. Может, она устала? Я взглянула на Роджера. Глаза его были закрыты и лицо выражало такую глубокую степень отрешенности и концентрации, что я поняла — его воля подпирала женщину. Может, выпустить грифона сейчас? Надеюсь на то, что поступаю правильно, я швырнула шар в Роджера. Он ударился в его плечо, упал на землю и покатился, остановившись внутри круга. Но рука Роджера, которой он держал женщину, бессильно упала, повиснув вдоль тела. Он упал на колени и увлек за собой второго мужчину, который свалился на землю и больше не шевелился. А по телу Роджера, распространяясь от места удара шара, поползли голубые линии, как язычки холодного пламени, и он корчился, старался выдернуть другую руку из руки второго мужчины. Но он не мог освободиться от окостеневших пальцев, крепко сжавших его руку. Линии огня ползли уже по его руке и перекинулись на тело второго мужчины. Теперь Роджер не старался вырваться, он ждал, когда пламя перекинется на лежащего, который стал корчиться и стонать. А женщина стояла одна. И жезл ее потихоньку опускался вниз. Мой лорд уже не был тенью, а ветер утих. Он бесстрашно и пристально смотрел на женщину, и я не могла прочесть выражение его глаз. Теперь он даже не заботился о том, чтобы прикрыться браслетом. Лорд просто держал его на уровне сердца и говорил. Его слова

прорывались через ее монотонное пение.

— Наконец ты узнала, кто я такой, Тэфана... Я...— произнес он какой-то звук, вероятно имя, но я никогда не слышала такого имени.

Гнев искажил ее физиономию жуткой гримасой.

— Нет!

— Да, да и да! Я проснулся... после долгого сна!

Она замахнулась жезлом, как копьем, намереваясь швырнуть его в лорда. И бросила, целясь ему в сердце.

Но хотя он стоял совсем близко, жезл пролетел мимо и, ударившись о камни, со звоном разлетелся на мелкие куски. Женщина закрыла руками уши, будучи не в силах вынести этот пронзительный звук. Она покачнулась, но не упала. Наконец, Роджер поднялся на ноги и подошел к ней. Одна рука его все еще беспомощно висела вдоль тела, а второй он поддерживал женщину, давая ей возможность опереться на его плечо. Лицо его было совершенно белым, но по выражению его глаз я поняла, что воля его не сломлена, что ненависть его еще жива и даже усилилась. Лишь губы шевелились на его лице, застывшем подобно маске.

— Идиотка! Борис! Сражайся! Неужели ты хочешь, чтобы этот ублюдок, которого ты породила, взял над нами верх?

Лорд Янтарь расхохотался. Это был беззаботный смех, свидетельствующий, что он ничего и никого не боится.

— Ах, Роджер, ты стремишься к тому, о чем ты ничего не знаешь, а если бы знал, то не осмелился бы даже подумать об этом. Ты все еще ничего не понял? Ты жаждешь получить то, чего недостойн, твой умишко не способен постичь того, что ты хочешь получить в свое распоряжение.

Каждое его слово подобно хлысту било по лицу Роджера, искаженному нечеловеческой злобой. На его губах появилась пена, и он заговорил. Но в моей голове зазвенело и я не слышала, что именно он сказал. Я опустилась на землю, как будто чья-то могущественная рука прижала меня к ней. Над головой Роджера вырос столб черного пламени, не красного обыкновенного, а черного! Его верхний язык начал клониться к лорду Янтарию. Но тот стоял на месте и даже не шелохнулся, не обращая на него никакого внимания. Я пыталась крикнуть, предупредить его, но совсем ничего не слышала, даже собственных слов. Пламя все склонялось и склонялось. Оно уже окутало голову лорда Янтаря кольцом, но он не сводил глаз с Роджера. Над Роджером и женщиной, которую он поддерживал, сгушалось пламя. Складывалось впечатление, что оно исходит из них, что они сами горят в этом пламени, которое становилось все чернее и чернее. Вскоре оба они скрылись в самой его гуще. Кончик пламени все еще трепетал, стараясь коснуться лорда Янтаря, но тщетно. Пламя стало медленно угасать, становясь все меньше и меньше. Наконец, последняя вспышка — и оно погасло. Роджера и леди Тэфаны не было... Исчезло пламя, исчезли и они оба! Я потеряла руками глаза. Такой конец вселил в меня ужас,

какого я еще никогда не испытывала, а затем... затем тишина. Я ждала, когда заговорит мой лорд. Но он молчал и я открыла глаза. Тут же я вскрикнула, забыв обо всем. Он уже не стоял, смело смотря в глаза врагов. Он неподвижно лежал вне нарисованного кровью круга. Мои ноги освободились: змея исчезла. Я бросилась к нему, подняв по пути шар с грифоном. Теперь он снова превратился в игрушку — тепло и жизнь ушли из шара.

Как раньше я прижимала к себе голову умирающего Торосса, так теперь я прижимала голову лорда. Глаза его были закрыты. Сперва я решила, что он мертв, но под моими вопрошающими пальцами ощущались медленные удары сердца. Он победил и остался жить. О, если бы мне удалось спасти его!

— Он будет жить.

Я изумленно повернулась, готовая защищать своего лорда. Откуда он возник? Он стоял спиной к стене, опираясь на посох, исписанный письменами. Лицо его постоянно менялось, то это было лицо молодого воина, то старого человека. Одежда его была серой, как камень за его спиной, и чем-то напоминала одеяния торговца.

— Кто ты такой? — спросила я.

Он качнул головой, ласково глядя на меня, как на глупого ребенка.

— Что такое имя? Впрочем, зови меня Пивором. Это имя хорошо служило мне, когда ко мне обращались за помощью люди.

Он отошел от стены и вошел в круг, делая взмахи посохом. Дьявольский круг исчез, звезда — тоже. Затем он повернулся к лежащим мужчине и девушке. Еще один взмах посоха и оба они тоже пропали, как будто их и не было. Исчезло все, как будто это было частью ужасного сна, от которого я теперь избавилась, проснувшись. Наконец он подошел к нам, мягко улыбаясь. Подняв посох, он коснулся моего лба и груди моего лорда. Меня сразу покинул страх, осталось только непередаваемое счастье и мужество. Сейчас я могла одна выйти против целой армии врагов. И все же это было не просто мужество для боя. Нет, нет! Это было мужество для того, чтобы жить, а не умирать. Пивор взглянул на меня и кивнул.

— Верно, — довольно произнес он. — Посмотри на свой ключ, Джойсан. Он повернется только для тебя.

— Ключ? — удивилась я.

— Дитя мое, а что ты носишь на своей груди? Боги распорядились, чтобы он был подарен тебе, и подарил тебе его тот, кто нашел тебя, и тоже не по воле случая. Когда-то давно узор ткани был начат и он должен быть закончен, когда придет время.

Кончик его посоха что-то чертил на земле. Я смотрела и мне казалось, что я вот-вот пойму его загадочные слова. Стоит мне приложить чуть больше усилий и я буду знать больше. Тут я услышала его смех.

— Ты все узнаешь, Джойсан, все узнаешь в свое время.

Мой лорд открыл глаза и в них появилась жизнь. Он узнал

меня и в его глазах светилось изумление. Потом он шевельнулся, как бы желая вырваться из моих объятий, но я крепко держала его.

— Я... — медленно проговорил он.

Пивор стоял возле нас с теплой улыбкой.

— Сейчас и здесь — ты Керован. Может немного меньше, чем раньше, но Керован, пока ты не пожелаешь вернуться. Могут ли я называть тебя «родственник»?

— Но я... я был...

Посох Пивора коснулся его лба.

— Ты был частью, а не целым. Но ты не сможешь долго хранить в себе то, что ты вспомнил о том, кем ты был и кем можешь стать. Ищи, Керован, ищи, ибо кто ищет, тот и находит, — он повернулся и показал посохом на утес. — Здесь находятся ворота. Открой их, если захочешь. Там имеется много такого, что может тебя заинтересовать.

И после этих слов он исчез.

— Мой лорд!

Он разорвал мои объятия, но не для того, чтобы оттолкнуть меня, как я опасалась. Нет, он сам обнял меня.

— Джойсан! — он произнес только имя, но и этого было достаточно. И мы слились с ним воедино. Сама не зная того, я искала этого всю жизнь, а теперь, когда нашла, как будто все богатства мира были передо мной.

КЕРОВАН

Я держал в объятиях Джойсан. И я был Керован, конечно, Керован. Но все же... В моей памяти все еще оставался образ того, другого, который одел на себя мое тело... И замкнувшись в себе на миг, я вновь раскрылся. Пришло полное ощущение того, что Керован вернулся. Я мягко выпустил Джойсан. Встав, я поднял ее на ноги. Мне показалось, что выражение счастья на ее лице тает, что она смотрит на меня встревоженными глазами.

— Ты... ты уходишь!? — она схватила мои руки, не позволяя мне отойти от нее. — Я чувствую это — ты хочешь уйти! — в ее голосе прозвучал гнев.

Я вспомнил нашу первую встречу и то, как она посмотрела на меня тогда — я был не человеком, а частью чего-то, чего я тогда не знал.

— Я не Прежний, — произнес я ровным тоном. — Я действительно Керован, который был рожден таким, как ты видишь. — Я отошел подальше от нее, чтобы она могла видеть мои копыта, чтобы показать ей то, что могло причинить ей боль и отвратить от меня. — Я был рожден колдовством, чтобы стать орудием Темных Сил. Ты видела, как она пыталась уничтожить то, что создала, и видела, как она погибла. — Джойсан взглянула туда, где черное пламя сожрало тех двоих.

— Я был дважды проклят с самого рождения — по линии отца и по линии матери. Ты меня понимаешь? Я не могу быть мужем ни одной из женщин. Как я ранее сказал, Керован мертв. Это такая же правда, как и то, что Ульмдейл уничтожен, а с ним и весь мой род Ульма...

— Ты мой жених. Скажи сам, каково твое желание.

Как я мог самолично уничтожить те узы, которые связывали нас? Половина меня, но не больше половины, хотела быть, как все остальные люди. Но то, что я был сосудом, в котором находилось что-то еще, пусть даже сейчас это исчезло... но я не могу быть уверенным, что это не вернется... и не мог... Я был проклят, нет, я не муж для нее... Я отступил от нее еще дальше. Если бы ее рука вновь коснулась меня, я не смог бы противиться своему желанию, нет, желанию того, что было во мне от человека. Но не мог же я уйти и оставить ее одну в Пустыне. А если я пойду с ней к ее людям, смогу ли я сохранить свою решимость?

— Разве ты не слышал Пивора? — Джойсан стояла, прижав руки к груди, где висел грифон. — Ты не слышал его? — в ее голосе вновь был гнев, как будто она возмущалась моей глупостью. — Он назвал тебя родственником, значит ты больше, чем хочешь думать о себе. Ты — есть ты, и ты не являешься ничьим оружием, Керован. Ты мой жених. Если скажешь мне «нет», то увидишь, что у меня нет гордости, потому что я пойду за тобой куда угодно. И я объявлю тебя своим мужем перед всеми. Ты веришь мне?

Я верил, и теперь уже совсем не знал, что делать. Мне оставалось лишь изобразить согласие.

— Да, — просто ответил я.

— Хорошо. А если ты когда-нибудь снова захочешь уйти от меня, то тебе это будет нелегко сделать, — это было не предупреждение и не угроза, а просто констатация факта. Теперь, когда все решилось, как она того желала, она снова устремила свой взор на стену.

— Пивор говорил о двери и о ключе, который находится у меня. Когда-нибудь мы опять придем сюда.

— Когда-нибудь? — теперь, когда я обрел контроль над собой, у меня в памяти всплывали слова Пивора.

— Да. Мы... мы не готовы... я думаю... чувствую... — Джойсан задумалась. — Есть еще кое-что, что мы должны сделать вместе, Керован. Сделать вместе, ты помнишь?

— Тогда куда же мы направимся? К твоим людям? — у меня теперь не было корней в долинах и я все позволил решать Джойсан. Только она одна могла все решить. У меня оставалась лишь она одна.

— Это самое лучшее, — твердо ответила она. — Я обещала им вывести их туда, где они будут находиться в безопасности. После этого мы будем с тобой свободны.

— Что ж, я не возражаю.

Джойсан широко раскинула руки, как будто только сейчас

почувствовала вкус свободы. Но будет ли это для нее освобождением, если она сохранит все прежние родственные связи? Сейчас я должен был идти с ней, потому что у меня не оставалось выбора. Но я никогда не смогу позволить ей быть изгнанницей только потому, что она видит во мне Керована, с которым она связана клятвой.

ДЖОЙСАН

Мой бедный лорд, как должно быть ему горько жилось в прошлом! Мне хотелось бы стереть из его памяти воспоминания о тех годах одно за другим. Его называли монстром, пока он сам не поверил в это, но если бы он мог взглянуть на себя моими глазами... Мы пойдем по жизни вместе и я буду для него зеркалом, в котором он будет видеть себя таким, какой он есть, полностью очищенным от той грязи, которую хотели влить в него Темные люди. Да, мы вернемся к моему народу, хотя теперь он уже не мой, так как я чувствую, что должна идти по другой дороге и могу лишь ненадолго оглянуться назад. Мы убедимся, что мой народ дойдет до Норсдейла, а потом... Так я думала и мысли мои были мудрыми. Ведь мудрость иногда приходит не с годами и опытом, она может явиться и внезапно, как удар стрелы. Я ласкала грифона в своих руках — этот свадебный подарок, который сначала стал моим проклятием, а затем спасением. Свободную руку я вложила в руку Керована и мы пошли рядом, уходя от той двери, о которой упоминал Пивор. Но в душе мы знали, что вернемся и откроем ее... И какая разница, что находится за дверью, если мы войдем туда вместе?

ЧАРЫ КОЛДОВСКОГО МИРА

Шторм был очень сильным. Волны бились о скалы, перекатывались через риф, защищающий якорную стоянку рыбацких лодок. Но люди Варка знали о шторме заранее, потому что никто так не чувствует погоду, как те, кто живет ветром, водой и морской удачей. Поэтому там не оставалось ни людей, ни лодок, за исключением крошечного ялика Оманда, который выкинуло на берег, и Оманд внимательно осматривал его.

В это утро на залитом водой песке был не только Оманд. Если шторм мог отнять у людей то небольшое, что они имели, то он мог и что-нибудь и дать, поэтому люди Варка, у которых были крепкие ноги и острые глаза, собрались на берегу и смотрели, что от шедрот моря подкатится прямо к их дверям.

Иногда поднимали янтарь, и это было драгоценной находкой. Дерек однажды увидел две золотые монеты, и по знакам на них Эфрика — Мудрая Женщина, определила, что это монеты Древних. Дерек немедленно отнес их к кузнецу и переплавил в слиток, удалив таким образом из хорошего металла всякую магию.

Море всегда приносило лес и водоросли, из которых женщины добывали краску для зимней одежды, раковины, которыми дорожили дети, иной раз — обломки судов, какие никогда не бросали якорь в окруженной рифами бухточке Варка и которые большинство людей Варка никогда не видело — если эти люди не бывали в порту Джурби.

На этот раз появились чужаки. Сначала люди на берегу думали, что эта дрейфующая в глубокой воде лодка потерпела крушение, но потом заметили в ней движение. Весел на ней не было. Люди Варка стали кричать и махать руками, но ответа не было.

В конце концов Калек-кузнец разделся, обвязался веревкой и поплыл. Затем он сильно замахал руками, давая знать, что на борту лодки люди, и привязал веревку к лодке, чтобы ее могли тянуть с берега.

В лодке были двое. Женщина прислонилась к борту, спутанные волосы падали на изможденное лицо, руки едва двигались. Мужчина лежал неподвижно. На его виске зияла большая

рана, поэтому его сначала сочли мертвым. Но Эфрика, которую позвали в качестве целительницы, откинув мокрую тунику, услышала биение сердца и объявила, что море или злая судьба еще не взяли его. И его отправили в дом Эфрики вместе с женщиной, которая словно в забытьи не слышала их вопросов, а только вяло откидывала волосы с лица и смотрела широко открытыми глазами.

Вот так чужаки попали в Варк, и с этого времени жили там, хотя и оставались чужаками. Рана, которую получил мужчина, сильно повредила ему. Сначала он был точно малый ребенок, и женщина кормила его и ухаживала за ним, как за собственным младенцем.

Их одежда, запачканная и просоленная морем, была не знакома людям Варка, и женщина не походила ни на кого из местных. Сначала Эфрика сказала, что не понимает их языка, но быстро выучила его. Затем Эфрика стала все меньше и меньше говорить о тех, кого приютила у себя. И когда Годита, жена вождя, задавала вопросы, она отвечала уклончиво, будто скрывала какую-то тайну, которая и возбуждала и пугала ее.

Женщины Варка много и часто говорили со своими мужьями, и наконец Оманд пришел в дом Эфрики в качестве вождя, чтобы узнать имена и намерения иноземцев и сообщить об этом лорду Гейлерду, на чьей территории и находился Варк. Был Год Саламандры, еще до войны с захватчиками: Высокий Халлак жил мирно, и законы соблюдались внутри его границ, особенно вдоль побережья, где поселения существовали с давних времен.

Иноземец сидел на солнышке. Лоб его пересекал широкий рубец. Человек был красив и черноволос, с большими глазами и тонкими чертами лица, но совершенно не походил на жителей долин. Он был высок и строен, и Оманд отметил, что его вяло опущенные на колени руки были чистыми, не имели мозолей от весел и не походили на руки того, кто ими работал всю жизнь. Он улыбнулся Оманду открытой детской улыбкой, и было в нем что-то такое, что заставило Оманду улыбнуться тоже, как он улыбнулся бы своему сыну. И тут же Оманд подумал, что не смотря на пересуды деревенских кумушек и мужские разговоры за выпивкой, от этого бедняги-иноземца нет никакого вреда, и он, вождь, пришел сюда зря.

В этот момент открылась дверь и Оманд увидел лицо женщины, что пришла с моря с этим улыбающимся мужчиной. Глубоко в мозгу Оманд что-то зашевелилось. Хотя он и был человеком простым, забот у него хватало и было о чем думать.

Она была почти того же роста, стройная и черноволосая, как и ее муж. У нее было узкое худое лицо, не имевшее никаких следов красоты, как ее понимал Оманд, но что-то в этом лице было.

Когда его утверждали вождем Варка, он был в Главном Холле в Вестдейле, видел там лорда Долины и его леди, облеченных всей властью и авторитетом. И теперь, когда он смотрел на чужестранку в плохо сидящем на ней платье, переделанном

из платья Эфрики, без колец и ожерелий, без золотых бубенчиков в косах, он чувствовал больше благоговейного трепета, чем перед пышностью Вестдейла. Он тут же решил, что все дело в ее глазах — он не мог сказать, какого они цвета, и видел только, что они темные и слишком большие для ее худого лица — и в них...

Не раздумывая, Оманд снял морскую вязаную шапку и поднял руку ладонью наружу, как он приветствовал бы леди Вестдейла.

— Мир тебе, — сказала она негромко, хотя в ее голосе слышалась сдерживаемая сила, и посторонилась, впуская Оманда.

Эфрика сидела на низкой скамейке у огня. Она не встала и не приветствовала гостя, оставив все на чужестранку, как будто сама была не хозяйкой, а просто гостьей в доме.

На столе стоял гостевой рог с хорошим вином, рядом — блюдо с лепешками для гостей. И чужая женщина протянула по обычаю руку: легкие холодные пальцы коснулись его обожженно-го солнцем запястья. Она подвела его к столу и села напротив него.

— Милорд и я очень благодарны тебе и твоему народу, вождь Оманд, — сказала она, пока он потягивал вино, внезапно обрадованный такой знакомой вещью там, где все казалось чужим. — Вы дали нам обоим вторую жизнь, что поистине великий дар, и мы перед вами в долгу за это. Теперь ты можешь требовать платы, как полагается.

У него не было возможности задавать вопросы, которые он в уме заготовил. Она командовала здесь, как какой-нибудь лорд Долины. И нельзя сказать, чтобы он был этим недоволен: он принял это как должное.

— Мы из-за моря, — продолжала она. — Но там сейчас плохо — лают собаки войны. Настало время, когда нам пришлось выбирать между смертью и бегством. Поскольку никто не выбирает смерть, если есть надежда бежать, мы сели на корабль, чтобы уехать в другую страну. Вдоль наших берегов живут в собственных портах салкары, и от них мы узнали о вашей стране... на их корабле мы и поплыли. Но, — тут она в первый раз замялась, глядя на свои длинные пальцы, лежащие на столе, — начался шторм, и корабль наш сильно пострадал... Когда милорд садился в лодку, его ударило упавшей мачтой. Но по великой милости, — пальцы ее раздвинулись, делая какой-то знак, и Оманд увидел, что Эфрика зашевелилась и глубоко вздохнула, — он упал на меня. Но никто другой до вас не мог нам помочь, и нас несло, пока вы не нашли нас. Я откровенно скажу тебе, вождь, что все наше имущество пропало с кораблем. У нас нет ничего, и нет никаких родственников. Милорд поправится, он набирается сил день за днем. Вероятно, он никогда не вернет себе того, что отнял у него шторм, но он будет способен выполнять человеческую работу. А что касается меня — спроси вашу Мудрую Женщину. У меня есть определенные дарования под стать тем, что у нее, и они к твоим услугам.

— Но... вам, может быть, лучше пойти в Вестдейл?

Она покачала головой:

— Море принесло нас сюда, и в этом, несомненно, есть какая-то цель. — Она снова сделала знак над столом, и благоговение Оманда возросло, потому что он знал теперь, что она вроде Эфрики, только гораздо сильнее, и понятно, почему Эфрика прислуживает ей. — Мы останемся здесь.

Оманд не стал ничего сообщать лорду Вестдейла, поскольку ежегодный налог Джурби был уплачен, людям лорда незачем было посещать Варк. Сначала женщины склонны были держаться в стороне от чужаков. Но вот чужеземка помогла Хлене в таких родах, когда все считали, что ребенок не выйдет живым из ее чрева, а ребенок остался жить, и Хлена тоже: чужеземка рисовала руны на ее животе и поила ее настоем трав. Об отчуждении сразу забыли. Правда, никто из кумушек не обращался к ней так дружески, как к Эфрике, поскольку чужеземка была не их рода и крови. Ее звали всегда «леди Эльмондия» и с таким же уважением относились и к ее мужу Труану.

Он действительно поправился и, когда стал совсем здоров, стал выходить в море с рыбаками. Он показал им новый способ плетения сетей, что увеличило их улов. Он также ходил в кузницу и работал с кусками металла, найденного им в холмах, пока не выковал себе меч. Он упражнялся с ним, словно в будущем это ему могло понадобиться.

Леди с Труаном часто ходили в холмы, в том направлении, где народ Варка никогда не бывал. У людей Варка были там полудикие овцы, которых держали для стрижки, там были олени и другая дичь — хорошее дополнение к рыбе; но там было также и кое-что от Древних.

Когда люди Долины пришли с юга в эту страну, она не была пустошью. Но Древних осталось очень мало, поскольку многие ушли неизвестно куда. Оставшиеся вели небольшую торговлю, жили в высоких пустынных местах, и их почти никто не видел.

Очень странно, что Древние не все были одной породы, как люди в Высоком Халлаке: некоторые из них были чудовищами. Но в остальном они не были страшными, хотя продолжали отдаляться. После них осталось много мест, где они когда-то строили цитадели, Места Власти. И этих мест люди избегали, потому что там у них появлялось ощущение, что нельзя тревожить древнюю тишину этих мест и что если кто-нибудь станет слишком громко кричать или повелительно звать, он может получить ответ от того, с кем лучше не встречаться.

Были места, где все еще держалась власть и влияние Древних. Только очень храбрый и безрассудный человек мог рискнуть иметь с этим дело. Ходили слухи, что иной раз человеку везло и исполнялось его заветное желание, но в конце концов получалось так, что ему от этого становилось только хуже.

Одно из таких мест находилось в холмах над Варком: охотники и пастухи держались от него подальше. Случалось, что животные, которых пасли или за которыми приглядывали, блуж-

дали в тех местах. Но Зла там не замечалось: просто, если кто-нибудь из людей случайно попадал туда, ему почему-то становилось стыдно, словно он нарушил покой тех, кого не следовало тревожить.

Невысокие стены, не выше человеческого плеча, огораживали пространство в форме пятиконечной звезды. В центре ее находился пятиугольный камень, служивший алтарем.

В острях звезды лежал песок разных цветов: красный, голубой, серебряный, зеленый и, наконец, золотой.

Ветер, видимо, никогда не дул внутри этой ограды, а песок всегда лежал гладко, будто только что насыпанный.

С наружной стороны стен угадывались остатки сада, заросшего травой. Эфрика приходила сюда раза три-четыре собирать травы. Когда появились чужеземцы, она привела их туда, а потом они ходили одни. Но никто не видел, что они там делали.

С такой прогулки Труан принес металлический слиток и сделал из него меч. Позднее он снова принес металл и сделал кольчугу. Сделана она была так искусно, что Калек и рыбаки, следившие за работой Труана, диву давались, как ловко он вытягивал металл в нитку и делал из нее соединяющие кольца. За работой он всегда пел, но слов его песни никто не понимал, а сам он выглядел в это время погруженным в сон.

Леди Эльмондия часто приходила в кузницу, когда он работал. Ее руки крепко сжимались, будто она тоже хотела что-то делать. Глаза ее становились печальными, и она уходила опустив голову, точно видела что-то роковое, носившее в себе зародыш оставшегося зла. Но она никогда ничего не говорила и не пыталась остановить его работу.

Однажды в начале осени она встала до появления луны и тронула за плечо Эфрику, лежавшую на своей постели. Труан спал, а они вышли из дома и пошли по тропе вверх. Когда они поднялись на холм, вышла луна и осветила им путь.

Леди Эльмондия шла впереди, а Эфрика — за ней. Каждая несла в одной руке узелок, а в другой — ясеневую палочку, очищенную от коры и серебрившуюся в лунном свете.

Они прошли через старый сад. Леди перебралась через стену. Ее ноги оставляли на гладком серебряном песке следы. Эфрика, идущая за ней, ступала точно в эти следы. Так они дошли до пятиугольного алтаря.

Развязав свой узелок, Эфрика достала красиво сделанные восковые свечи, пахнущие сухими травами, и поставила по одной в каждом углу звезды-алтаря, а леди в это время развернула свой узелок и достала чашу, грубо сделанную из дерева явно неопытными руками. Так оно и было: леди сама втайне резала ее. Она поставила чашу в центр звезды и насыпала в нее песок, взятого понемногу из каждого угла. Серебряного песка она взяла двойную порцию. Чаша наполнилась до половины.

Затем она кивнула Эфрике — они все делали молча, не нарушая тишины. Мудрая Женщина набросала вокруг чаши пол-

ные горсти белого порошка, а затем леди Эльмондия заговорила.

Она взывала к Имени и Власти. И ей ответили. Из темноты ударил белый огонь и воспламенил белый порошок.

Пламя было таким ослепительным, что Эфрика вскрикнула и закрыла глаза. Но леди Эльмондия твердо стояла и пела. И пока она пела, пламя продолжало гореть, хотя порошка уже не было... Она снова и снова повторяла некоторые слова. Наконец она подняла руки, и когда она их опустила, пламя погасло.

Но вместо чаши на алтаре стоял кубок, сияющий, точно серебро. Леди взяла его, быстро завернула и прижала к себе, как сокровище, по ценности равное ее жизни.

Свечи сгорели, но нигде не оставили капель воска: камень был чистым. Женщины повернулись и пошли. Когда они перелезали через стену, Эфрика оглянулась и увидела, как по песку пробежала рябь, и отпечатки их следов исчезли.

— Сделано, и хорошо сделано,— сказала леди устало.— Теперь остался только конец.

— Желанный конец,— робко сказала Эфрика.

— Будут двое.

— Но...

— Двойное желание имеет свою цену. У милорда будет сын, который, как написано на звездах, будет ему компанией. Однако на страже будет другая.

— А цена, леди? Ты знаешь цену, милая подруга, лунная моя сестра?

— Нет,— покачала головой леди.

— Знаешь! Мы вместе бросали пророческие руны. Наступит время, когда один должен будет уйти, а другой остаться. Это время придет рано или поздно — для благой цели это неважно. У милорда будут те, кто станет смотреть за ним. Не гляди на меня так, лунная сестра. Мы с тобой знаем, что в такой разлуке двери остаются открытыми, хотя тусклые глаза этого мира плохо видят. Нашей долей должна быть радость, а не печаль.

У леди Эльмондии было, как всегда, печальное и спокойное выражение лица, но сейчас казалось, что ее окутало какое-то сияние, какая-то особая прелесть, когда она внесла кубок в дом.

Она налила в него особого, самого лучшего вина Эфрики, подошла с полным кубком к ложу своего мужа и положила руку на его лоб. Он проснулся. Она улыбнулась ему и сказала что-то на их языке. Он тоже улыбнулся и выпил половину того, что было в кубке. Она выпила остальное. Он протянул к ней руки, она легла с ним, все было выполнено. За это время луна зашла и первые лучи солнца осветили небо.

Довольно скоро стало заметно, что леди беременна: женщины деревни стали меньше бояться ее и свободно рассказывали о том или ином, что помогает женщинам в таком положении. Она всегда ласково благодарила, и они приносили ей маленькие подарки — полоску тонкой шерсти или пояса, или какую-либо еду, полезную для беременной. Она больше не ходила на холмы, а ра-

ботала по дому или иногда сидела, молча уставившись в стену, будто видела что-то, чего не видели другие.

А Труан все больше становился своим в деревне. Он отлучался с Омандом в Джурби по торговым делам, и по возвращении Оманд с большим удовольствием говорил, что лорд замечательно торговался с салкарами, получив больше барыша, чем за многие предшествующие годы.

Наступила зима. Люди не отходили далеко от своих домов, кроме как в канун Юла, когда был праздник Конца Года. Женщины бросали в костры плющ, а мужчины — остролист, чтобы наступающий Год Горского Змея принес им удачу.

После ранней весны пришло лето, все чаще в деревне стали появляться на свет дети. Эфрика помогала при родах. Леди Эльмондия больше не выходила. Некоторые из кумушек видели ее и качали головами, потому что ее тело грузнело, а лицо было очень худым и руки как палочки, а ходила она уже через силу. Но она улыбалась и казалась довольной, а ее лорд не обращал никакого внимания на перемену в ней.

Ее время пришло в лунную ночь, такую же ясную, в которую они с Эфрикой вызвали кого-то в звездобразных стенах... Эфрика принесла краски, над которыми прочла древние заклинания, начертила руны на животе леди, на подошвах и на лбу.

Это была долгая мука, но когда она кончилась, раздался плач двух младенцев — мальчика и девочки. Леди, слишком ослабленная, чтобы поднять голову с подушки, посмотрела на Эфрику, и Мудрая Женщина быстро подошла к ней, держа в руке серебряный кубок. Она налила в него чистой воды и держала так, чтобы леди могла, хоть и с трудом, поднять правую руку и окунуть пальцы в воду. Затем она коснулась ими девочки, которая больше не кричала, а смотрела на мать странными, почти сознательными глазами, словно понимая, что происходит.

— Эллис, — сказала леди Эльмондия.

Возле нее стоял лорд Труан с каким-то обреченным выражением лица, как будто его долговременное легкое восприятие жизни закончилось горьким знанием. Он тоже окунул пальцы в воду, коснулся кричащего и брыкающегося мальчика и сказал: — Эйлин.

Так они получили имена. Через четыре дня после их появления на свет леди Эльмондия навеки закрыла глаза. Лорд Труан дал Эфрике и женщинам поселка сделать все, что полагалось, а затем завернул тело жены в шерстяной плащ и понес в холмы. Люди, увидев его лицо, не спрашивали, куда он пошел, и не предлагали своей помощи.

На другой день он вернулся один. С тех пор он никогда не упоминал о леди и стал очень молчаливым. Он охотно помогал в любом деле, но говорил редко. Он продолжал жить у Эфрики и заботился о детях больше, чем какой-нибудь мужчина в деревне. Но люди ничего не говорили, потому что уже не чувствовали себя легко с ним, как будто тайна, что всегда окутывала леди, теперь перешла к нему.

Таково начало рассказа, я узнала его в основном от Эфрики и немножко от Труана, чужеземца, моего отца.

Я — Эллис.

Эфрика рассказывала мне кое-что о леди Эльмондии. Она и отец не были родом ни из Высокого Холлака, ни из Долины. Они пришли из Эсткарпа. Мой отец никогда не говорил о жизни там, да и мать сказала Эфрике очень немного.

Эфрика, Мудрая Женщина, разбиралась в травах, знала заклинания, умела делать амулеты, облегчать боль, принимать детей, имела власть над деревьями и холмами, но не достигла мастерства в высоком колдовстве и не призывала Великие Имена.

Моя мать знала много больше, но пользовалась этими знаниями умеренно. Эфрика считала, что моя мать потеряла большую часть своей силы, когда бежала с моим отцом из родной страны. Моя мать была прирожденной колдуньей, обученной мастерству так, что Эфрика по сравнению с ней казалась девочкой-ученицей. Однако существовал какой-то барьер, не дававший моей матери возможности вернуть себе прошлый авторитет и пользоваться им в Высоком Холлаке.

Только когда она пожелала иметь детей, она собрала все свои способности к Вызову и расплатилась за это высокой ценой — собственной жизнью.

— Она бросала рунные палочки, — рассказывала Эфрика. — Она бросала их на этом самом столе однажды, когда твоего отца не было дома. В них она прочла, что ее срок сочтен. Тогда она сказала, что не может оставить своего господина без того, что он желал — без сына, который понесет за ним меч и щит.

В ее роду дети появлялись не часто, так как это мешало женщинам надевать мантию и брать в руки жезл Власти. Они должны были нарушить клятвы, а это страшное дело. И однако она пожелала сделать это для своего лорда. И у него теперь есть Эйлин. Но есть также и я.

— Да, — Эфрика толкла сухие травы в ступе, зажав ее в коленях, — она ходила в Место Власти просить сына, но попросила также и дочь. Я думаю, ей хотелось, чтобы ее дочь заняла ее место на земле. Ты прирожденная колдунья, Эллис, но я могу научить тебя лишь очень малому по сравнению с тем, что знала твоя мать. Однако же все, что я знаю, будет твоим.

Поистине удивительное возвышение, потому что, если Эфрика видела во мне дочь моей матери, получившую от рождения знание Древней Силы, то мой отец рассматривал меня как второго сына. Я не ходила в юбке, как деревенские девушки, а носила брюки и тунику, как мой брат. Это нравилось отцу, и он был доволен, если видел меня одетой иначе.

По мнению Эфрики, это было потому, что я, становясь старше, все больше походила на мать, и это делало его несчастным. А в мужской одежде я походила на Эйлина, и отец был доволен.

Он желал видеть во мне не дочь, а сына не только по внешнему виду: с ранних лет как Эйлин, так и я учились владеть оружием. Сначала мы фехтовали маленькими деревянными мечами.

И в искусстве сражаться я понимала больше, чем любой оруженосец из Долин.

Тем не менее отец не протестовал, если я много времени проводила с Эфрикой. Мы с ней ходили в холмы за травами, она показывала мне некоторые места Древних, передавала ритуалы и церемонии, которые должны соотноситься с фазами Луны. Я видела звездообразное, окруженное стенами место, где моя мать творила свою Высокую Лунную Магию, но ни разу не рискнула войти туда. Мы собирали травы вокруг стен снаружи.

Я много раз видела кубок, который моя мать принесла после своего последнего колдовства. Эфрика хранила его с самыми ценными вещами и никогда не касалась его голыми руками, а всегда через сине-зеленую ткань, которую она высоко ценила. Кубок был серебряным, но отливал и многими другими цветами, если его поворачивали.

— Чешуя дракона, — говорила Эфрика. — Это чешуя серебряного дракона. Я слышала о ней из старых легенд, но никогда не видела до тех пор, пока сам огненный дракон не сработал этот кубок по приказу леди. Это вещь великой власти, береги ее.

— Ты говоришь так, будто она моя. — Я восхищалась кубком, потому что такую прекрасную вещь можно увидеть только раз в жизни.

— Она будет твоя — когда настанут время и необходимость. Это связь между тобой и Эйлином. Но пользоваться ею можешь только ты.

Больше она ничего не сказала.

Я говорила об Эфрике, которая была мне очень близка, и об отце, который ходил, говорил и жил так, будто невидимая броня отделила его от всего остального человечества. Но я еще не сказала об Эйлине.

Мы были близнецами, но не были копиями друг друга. Наше сходство было чисто внешним, а интересы наши резко отличались... Он любил движение, игру с мечом, его раздражали узкие рамки жизни Варка. Он был беспечен, безрассуден и часто получал нагоняй от отца за то, что подвергал других ребят неприятностям или опасностям. Он часто подолгу стоял, вглядываясь в холмы с пламенной жадой в глазах.

Я искала внутренней свободы, а он хотел внешней. Занятия с Эфрикой ему надоедали. Повзрослев, он все чаще говорил о Джурби, о том, что пойдет туда и наймется на службу к какому-нибудь лорду Долин. Мы знали, что отец в конце концовпустит его. Но война решила за него: в год Огненного Тролля на Высокий Халлак напали захватчики. Они пришли из-за моря, и когда мой отец услышал об их вторжении в укрепленные города побережья, он посуровел. Оказалось, что это были старые враги его народа. Однажды ночью он решительно сказал, что пойдет к лорду Вестдейла и предложит ему свои услуги; зная своего старого врага, он знал, как лучше организовать сопротивление. Глядя в его лицо, мы поняли, что заставить его изменить решение нам не удастся.

Эйлин встал и сказал, что, если уйдет отец, уйдет и он в качестве оруженосца. И его решимость была так же крепка, как и у отца; в этот момент они были похожи, как две капли воды. Но отец сказал, что Эйлин в настоящее время обязан заботиться обо мне и Эфрике. Однако он поклялся нерушимой клятвой, что позднее пошлет за Эйлином.

Отец ушел не сразу: он работал в кузнице дни и ночи. Но сначала он пошел в холмы с выючным пони. Когда он вернулся, животное сгибалось под тяжестью слитков металла, который, казалось, был когда-то обработан, а затем сплавлен в слитки. Кaleb помогал моему отцу в работе. Они сделали два меча и две тонкие гибкие кольчуги. Один комплект он дал Эйлину, а другой — мне. Положив их, он сказал торжественно, как бы желая, чтобы его слова запомнились:

— У меня нет дара предвидения, какой был у нее, — он очень редко упоминал о моей матери и никогда не называл ее по имени, словно она была знатной леди, к которой он относился со страхом и благоговением, — но я вижу сны, и эти сны сказали, что перед тобой, дочь моя, лежит какое-то опасное препятствие, в котором тебе понадобится все твое мужество и духовная сила. Хотя я воспитал тебя не как девочку... но...

Ему, казалось, не хватало слов. Он сунул мне кольчугу, не глядя на меня, резко повернулся и вышел. А на заре ушел в Вестдейл. И больше мы его никогда не видели.

Год Огненного Тролля прошел, и мы все еще жили в относительной безопасности в нашем скалистом местечке. Только Оманд уже не ходил в конце года в Джурби, потому что небольшая группа усталых и замученных людей пришла по холмам и сообщила, что Джурби пал в одну ночь от огня и меча врагов. И замок Вестдейла осажден.

Жители Варка собрались и попытались что-нибудь придумать. Они всегда жили морем, теперь море могло принести им гибель. Не безопасней ли было уйти вглубь страны? Молодежь и те, у кого не было крепких семейных связей, говорили, что лучше остаться на месте, но остальные считали, что лучше оставить деревню и, если вторжения не произойдет, позднее вернуться. И это решение взяло верх, потому что все слышали рассказы беженцев о том, что после грабежей и поджогов, чинимых рейдерами, оставались одни развалины и пепелища.

Во время этих дебатов мой брат молчал, но я читала по его лицу, что он принял собственное решение. Когда мы вернулись домой, я посмотрела на него и сказала:

— Настало время, когда никто уже не может держать меч в ножнах. Если ты хочешь уйти — иди с нашим благословением и пожеланием удачи. Будь уверен, что мы будем в безопасности, когда уйдем в холмы — кто лучше знает их тайны, чем Эфрика и я?

Он долго молчал, потом открыто посмотрел на меня.

— Я год сидел здесь, как в ловушке. Но я был связан своим обещанием.

Я подошла к шкафу Эфрики. Она сидела у огня, смотрела на меня, но не сказала ни слова. Я достала наше наследство — Кубок Дракона. Поставив кубок на стол, я развернула его, крепко охватила ладонями его холодную поверхность и держала его так несколько секунд.

Эфрика встала и извлекла из своих запасов бутылочку с настоем трав, которую я у нее никогда не видела. Она держала ее обеими руками, а пробку открыла зубами, как бы опасаясь пролить содержимое. В кубок полилась золотистая жидкость, наполняя комнату пряным ароматом созревших трав.

Я держала кубок, а она наполнила его до половины и ушла, оставив нас с Эйлином за столом друг против друга. Я поставила кубок, взяла руки Эйлина и приложила их к гладкому серебру.

— Пей,— сказала я ему.— Выпей половину того, что есть. Мы должны выпить эту чашу вместе, прежде чем расстаться.

Он молча поднял кубок обеими руками, отпил половину и поставил. Я в свою очередь взяла кубок и выпила то, что осталось:

— Пока мы будем в разлуке,— сказала я,— я буду читать в этом кубке твою судьбу. И пока серебро останется чистым, как сейчас — все будет хорошо. Если оно помутнеет...

Он не дал мне кончить:

— Сейчас война, сестра. Ни один мужчина не может быть в полной безопасности.

— Справедливо,— согласилась я.— Но иногда зло может притвориться благом.

Эйлин сделал нетерпеливый жест. У него никогда не было интереса к мудрому учению. Вроде бы он считал его пустым делом, но вслух этого не высказывал. Он и сейчас не сказал ничего.

Я убрала кубок и стала вместе с Эфрикой собирать то, что Эйлин должен был взять с собой — теплое одеяло, пищу, воду, мешочек с целебными травами. И он ушел, как и мой отец.

Люди Варка ушли тоже. Несколько молодых людей последовали за моим братом, потому что он, несмотря на свою молодость, был вожаком среди них, благодаря своему умению обращаться с оружием, а мы, остальные, забили двери наших домов, навьючили наших пони и ушли в холмы.

Это была тяжелая зима. Сначала мы приютились в одной деревне, а потом, когда стало известно о приближении рейдеров, ушли дальше вглубь, в бесплодные земли. Мы жили в пещерах, и к нам все время приходили слухи о дальнейших продвижениях захватчиков.

Меня и Эфрику постоянно призывали для лечения не только ран: к нам попадали бежавшие из проигранного сражения, множество болезней происходили от тяжелой жизни, иной раз нас просто звали для ободрения. С тех пор, как мы очутились перед лицом опасности, которая может прийти немедленно, я носила кольчугу, сделанную для меня отцом, и меч. И я научилась пользоваться охотничьим луком как для добычи пищи, так и для того,

чтобы защититься от тех, кто пожелал бы напасть на нас ради нашего жалкого скарба.

Как всегда, когда в стране нет закона, появились грязные хищники, грабившие слабых из своего же рода. Я убивала таких без всякого сожаления, потому что не считала их людьми.

Единственной вещью, которую я берегла, был кубок, и каждое утро я смотрела на него. Его блестящая поверхность ни разу не затуманилась, и я знала, что с Эйлином все в порядке.

Время от времени я пыталась достичь его через мост сна с помощью сонного питья, но всегда просыпалась с очень смутными воспоминаниями. Я жаждала знать больше, чем Эфрика могла научить меня, знать то, что знала когда-то моя мать.

В наших скитаниях мы проходили мимо мест Древних. От некоторых мы с Эфрикой отгоняли подальше нашу уставшую поредевшую группу, потому что оттуда истекал дурно пахнущий туман: он нес в себе зло, полностью чуждое нашему роду. Другие места были пусты, как будто то, что было там когда-то, давно ушло или вытекло. Некоторые места были добродетельными, и мы с Эфрикой заходили туда в надежде вызвать что-нибудь, что было там, но у нас не было умения, так что мы получали только ощущение мира и внутреннего удовлетворения.

Затем для нас потянулись безликие годы. Просто смена сезонов. На третье лето мы, наконец, нашли убежище. Некоторые члены нашей группы откололись, пошли другими путями. Но основное ядро с Омандом во главе — он совсем согнулся от болезней костей — его младшие братья, их жены, две дочери с детьми (их мужья ушли с Эйлином и из-за этого они косо смотрели на меня, хотя ничего плохого вслух не высказывали) и еще три семьи пожилых людей остались жить вместе.

Мы нашли маленькую высокогорную долину, в которой никогда не было поселений и где лишь временами жили пастухи. Они оставили здесь хижины, и мы устроились в них с небольшой кучкой овец и десятком пони. Усталые, сбившие ноги животные были рады отдыху. А люди, всю жизнь жившие морем, терпеливо занялись работой на холмах.

На высшей точке, где просматривались два прохода, мы установили сторожевой пост. Жизнь так изменилась, что стражниками стали в основном женщины, вооруженные луками и копьями — бывшими гарпунами. А следить надо было зорко: мы знали, что иногда случалось с маленькими поселениями, когда на них нападали внезапно.

Была середина лета нашей жизни в этом ущелье. Большинство людей сажали зерна и корни, которые мы запасали для посадки, а я была на холме на страже и впервые увидела на узкой тропинке всадников. Я подняла обнаженный меч и бликами его блестящих граней подала сигнал тревоги, а сама направилась известным мне путем проследить поближе за прибывшими. Теперь мы находились на близком расстоянии друг от друга.

Пока я лежала на нагретой солнцем скале, заметила, что они вряд ли могут представлять для нас угрозу, потому что было их

только двое, а мы были достаточно подготовленными, чтобы справиться с ними.

Они бесспорно были воинами, но кольчуги их были порванными и поржавели. Один был привязан к седлу и только потому не падал, в то время, как его товарищ ехал рядом и вел под уздцы его коня. Головы обоих были перевязаны окровавленными тряпками, а у привязанного полубесчувственного всадника было ранено плечо. Его товарищ время от времени оглядывался назад, как бы опасаясь погони. На нем все еще был шлем, увенчанный нападающим соколом, но одно крыло птицы было оторвано. На их кольчугах были остатки геральдического герба, но девиз уже нельзя было прочесть. Правда, я и не разбиралась в символах благородных семей Долин.

У обоих были мечи, но в ножнах, а у всадника в шлеме был и арбалет. Но седельных сумок у них не было, а их животные еле плелись.

Я чуть отклонилась назад и положила на тетиву лука стрелу:
— Стой!

Мой приказ прозвучал как бы ниоткуда... Всадник в шлеме вскинул голову. Я не видела его лица под забралом, видела только руку, привычно опустившуюся на рукоять меча. Он не вынул оружия, решив, видимо, что это бесполезно.

— Сам выйди из засады!

Голос его был низким и хриплым, но смелым, как у человека, готового встретиться с любой неприятностью.

— Нет, — ответила я. — У меня в руках то, что принесет тебе смерть, дерзкий. Сойди с седла и брось оружие.

— Руби меня, как хочешь, голос из скал, но я не брошу свой меч. Если ты хочешь взять его — попробуй.

Он демонстративно вынул меч из ножен и держал его наготове.

Его товарищ зашевелился и застонал. Человек в шлеме быстро поставил свою лошадь между своим товарищем и тем местом, где он предполагал увидеть меня.

— Зачем вы пришли сюда? — Я вспомнила, что он часто оглядывался, и подумала, не ведет ли он кого-нибудь на нас. С двумя такими мы могли бы справиться, но если их будет больше...

— Нам некуда идти, — в его голосе звучала безмерная усталость, — мы преследуемые, как ты мог догадаться, если, конечно, не слеп. Три дня назад Хэвердейл стоял в арьергарде у Брода Ингры. От его армии остались в живых только мы. Мы оттягивали время, как и обещали, но... — Он пожал плечами. — Судя по твоей речи, ты из Долин, а не из Собак. Я — Джервон, бывший маршал конницы, а это Пол — младший брат лорда.

Его колючая недоверчивость исчезла, усталость тяжелым бременем лежала на нем. И я знала, будто бросала руны, что эти люди не несут угрозы моему народу. Поэтому я вышла из укрытия. Я была в кольчуге, и он принял меня за мужчину, и я не стала разуверять его. Я привела их в долину и поручила заботам Эфрики.

Оманд и другие сначала были готовы осудить меня, считая, что такие чужаки принесут с собой беду. Но я спросила: что я еще могла сделать? Убить их? И это пристыдило людей. Хотя тяжелая жизнь их сделала грубыми и жестокими, они все еще помнили прежние времена, когда стояли открытыми двери, хлеб и питье всегда были на столе для любого путника.

Пол был серьезно ранен, и Эфрика при всем своем умении не смогла отогнать от него призрак смерти, хотя доблестно сражалась за жизнь больного. Джервон, хотя и казался сильным и готовым сражаться, впал в горячку из-за воспаления раны и лежал с блуждающим разумом и горячим телом в течение нескольких дней. Пол умер и был положен в наше маленькое Поле Памяти, где лежали четверо наших умерших, еще до того, как Джервон заговорил разумно. Я была у его постели, думая, не уйдет ли он тоже в жестоком жару, и жалея его, когда он открыл глаза и посмотрел на меня. Затем он слегка нахмурился и сказал:

— Я помню вас.

Странное приветствие, но тяжелая болезнь часто приносит бредовые сны, смущающие разум. Я принесла чашу с отваром трав и обняла больного за плечи, чтобы он мог пить.

— Должен помнить,— сказала я.— Я привела вас сюда.

Он ничего не сказал, но продолжал чуть хмуро смотреть на меня. Затем спросил:

— А где милорд Пол?

Я ответила иносказанием местного народа:

— Он ушел вперед.

Он сжал губы и закрыл глаза. Я не знала, кем для него был Пол, но они были, по крайней мере, боевыми товарищами, и, по видимому, Джервон сделал все возможное, чтобы спасти его.

Но я не знала, что ему сказать. Для некоторых людей печаль — дело интимное, молчаливое, сражаться с ней надо в одиночку. И я подумала, что Джервон может быть тоже такой.

Я ухаживала за ним, пока он лежал. Он похудел и ослабел от жара и, вероятно, от предыдущих испытаний, но у него была приятная внешность, он был красивым, рослым и, как мой отец, был прирожденным меченосцем. Он был из Долин, судя по золотисто-каштановым волосам, более светлым, чем лицо, руки, загоревшие под солнцем. Мне нравилось то, что я видела, но думать об этом не следовало. При более близком контакте эти симпатии могли бы усугубиться, а он поправится и уйдет, как ушли мой отец и Эйлин.

Однако Джервон поправлялся не так быстро, как мы надеялись, потому что лихорадка изменила его и лишила сил, особенно в раненой руке. Он все время упражнялся, но пальцы его все еще не слушались и не сжимались, как им было положено. Он терпеливо перекидывал камешек из одной руки в другую, стараясь охватить его с полной силой. Он участвовал в нашей работе как на крошечных полях, так и в охране на холмах... Последнему мы были особенно рады, и никто не следил за ним.

По вечерам мы собирались и слушали его рассказы о войне, хотя он говорил о долинах, городах, бродах и дорогах, о которых мы никогда не слышали, поскольку люди Варка никогда не путешествовали по стране с тех пор, как укоренились. По его словам, война плохо оборачивалась для Долин. Все укрепления южного побережья были уже разорены, и только раздробленные остатки армии отошли на север и на запад. Во время этого последнего отступления был уничтожен и его народ.

— Но лорды заключили пакт, — говорил он, — с теми, у кого были настоящие силы, а не просто мечи и луки. Весной Года Грифона они договорились со Всадниками-Оборотнями из пустынь, чтобы те в дальнейшем сражались вместе с нами.

Я слышала чей-то тихий свист, потому что он говорил о истине неслыханных вещах — чтобы люди Долин связались с Древними! Ведь Всадники-Оборотни тоже из Древних. Хотя Долины были в основном пусты в то время, когда пришли новые поселенцы, там все-таки еще оставалась горсточка тех, кто правил этой страной тысячелетиями. Но не все они были невидимыми существами, как те, с кем имела дело моя мать, были и похожие на людей. Таковы были и Всадники-Оборотни — частично люди, частично — что-то другое. О них ходило множество слухов, но неизвестно было, насколько они правдивы, поскольку передавались из третьих-четвертых рук. Но никто не отказался бы привлечь на свою сторону эту страшную силу. И наша ненависть к захватчикам, к этим Собакам из Алисона, была так велика, что мы готовы были приветствовать любых чудовищ, лишь бы они выступили с нами.

Долгое лето подходило к концу, а Джервон все еще работал над восстановлением сил и ловкости своих рук. Теперь он прочесывал холмы с арбалетом и приносил дичь, хотя и не считал себя охотником. Он был человеком сдержанным, вежливым и приятным, но он так же, как и мой отец, воздвиг барьер между собой и остальным миром. Он оставался у Эфрики, пока не поправился настолько, что смог сам о себе позаботиться, а потом поставил себе хижину несколько в стороне от других. Он так и не стал членом нашей группы. Теперь я видела его реже, потому что моя ловкость в обращении с луком возросла, и я заготовляла мясо, чтобы сушить и солить — мы нашли соль-лизунец, и это была драгоценная находка, — и не часто бывала в скопище наших хижин. Однажды я спустилась к ручью напиться. Там лежал Джервон. Услышав мои шаги, он вскочил и схватился за меч. Затем он сказал мне вместо приветствия:

— Я вспомнил, где я вас видел в первый раз — только это невероятно! — он в полном замешательстве покачал головой. — Как вы могли ездить с Франклином из Идийла и одновременно быть здесь? Но я поклялся бы...

Я жадно повернулась к нему. Если он видел Эйлина, то его в самом деле могло поразить наше сходство.

— Это мой брат. Мы близнецы. Слышите! А где вы его видели? И когда?

Растерянность исчезла с его лица.

— Это было на последнем сборе в Айнишире. Люди Франклина избрали новый способ войны. Они прятались и пропускали врага мимо себя, а затем нападали с тыла. И это очень опасный способ. — Джервон замолчал и быстро взглянул на меня, как бы сожалея о своей откровенности. Я ответила на его мысль:

— Эйлин — сын своего отца. Он способен упиваться такой опасностью. Я никогда в этом не сомневалась.

— Это была большая и славная победа. И ваш брат был там не из последних. Несмотря на его юность, его называли лидером Рога. Он не выступал на нашем совете, но стоял за плечом Франклина. Говорили, что по желанию Франклина он обручился с леди Брунсендой, дочерью и наследницей Франклина.

Я могла думать об Эйлине, как о прославленном бойце, но известие о его обручении ошеломило меня. Я все еще представляла его мальчиком, уезжающим из Варка, еще не знавшим войны, но мечтавшим увидеть блеск скрестившихся мечей.

Вспомнив о прошедших годах, я подумала о себе: если Эйлин стал мужчиной, то, значит, я — женщиной. Но меня не учили быть женщиной. С отцом я училась быть сыном, с Эфрикой — быть Мудрой Женщиной. А самой собой я никогда не была. Сейчас я охотник, по необходимости — воин. Но я не женщина.

— Да, вы очень похожи, — голос Джервона прервал мои мысли. — У вас странная, тяжелая жизнь для девушки, леди Эллис.

— Сейчас всем тяжело, — быстро ответила я.

Я не хотела позволить ему жалеть меня, это задевало мою гордость.

— Похоже, что так будет всегда — Теперь он осмотрел на свою пораненную руку, сгибая пальцы. Я тоже взглянула и сказала:

— Они уже лучше работают — И это была правда.

— Медленно, но поправляются, — согласился он. — Когда я снова смогу взяться за оружие, я уеду.

— Куда?

Он улыбнулся. При всей его сдержанности эта перемена в выражении лица на секунду сделала его другим человеком. И я неожиданно подумала, каким мог быть Джервон, если бы затмение войны сошло бы с него и он мог бы свободно искать того, что хотел в жизни.

— Куда — трудно сказать, леди Эллис, потому что я не знаю, как расположена ваша долина относительно тех, где я был. Я поеду искать охоту, но постараюсь, чтобы за мной не охотились враги.

— В этих высотах снег выпадает рано. Закроются все перевалы.

Он посмотрел на горные пики.

— Вполне могу поверить. Вы зимовали здесь?

— Да, и это означает туго затянутые пояса весной. Но с каждым годом мы улучшаем положение, делаем больше запасов. В

этом году мы посеяли два дополнительных поля. И засолили мясо шести диких коров, чего не было в прошлом году.

— Но что вы делаете, когда снег запирает вас?

— Сидим дома. Сначала страдали от недостатка топлива, — я даже, вспомнив, что от холода умерли трое, вздрогнула — А потом Иджир нашел черный горячий камень, нашел совершенно случайно, а камень загорелся, и долго давал тепло. И теперь мы натаскали его корзинами — вы, наверное, видели кучу у каждой хижины. Мы прядем, ткем, режем рог и дерево и делаем всякие мелочи, которые скрашивают нашу тяжелую серую жизнь... У нас есть певец — Оттер. Он знает не только древние сказания, но и сочиняет новые о наших странствиях. Он сделал арфу и играет на ней. Нет, мы не скучаем зимой.

— И вы только это и знали всю жизнь, леди Эллис? В вашем тоне есть какая-то нота, которой я не понял.

— В Варке было больше разнообразия. там было море и путешествия в Джурби. И... мы с Эфрикой больше занимались своим делом.

— Но вы не рыбачка и не работница фермы.

— Нет, я Мудрая Женщина, охотник, воин. И сейчас мне надо заняться моей охотой — Я встала, смущенная чем-то в его голосе... Неужели он посмеет жалеть меня? Я — Эллис, и имею в руках, наверное, больше, чем любая леди из Долин. Хотя у меня не было знаний моей матери, здесь есть места, куда я могу пойти, есть вещи, которые я могу делать, вещи, от которых бросило бы в жар и дрожь тех леди, которые были в сравнении со мной хрупкие цветочки и беспомощные ничтожества.

Я ушла, помахав ему рукой. В тот день мне не везло, и я вернулась домой всего лишь с двумя лесными птицами.

Все эти дни я не переставала доставать кубок, связывающий меня с Эйлином, и ежедневно рассматривала его. Делала я это тайно. На четвертый день после моей случайной встречи с Джервоном я развернула кубок и замерла. Его сияющая поверхность погускнела, он как бы покрылся мутной пленкой, посерел. Эфрика вскрикнула, увидев это. Я молчала, но внутри почувствовала резкий толчок — не боли, а страха, который сам по себе сродни боли. Я крепко потеряла металл кубка, но точно. Это была не пыль, не сырость, а внутреннее замутнение. И это не означало смерть, где я ничем не могла помочь. Это было первое предупреждение о том, что Эйлин в опасности.

— Я хочу увидеть, — сказала я Эфрике.

Она подошла к грубому шкафчику, где теперь хранились ее скудные запасы, и принесла широкую раковину, хорошо отполированную внутри, маленькие пузырьки и кожаную бутылочку, и медный котелок не больше моей ладони. В него она по щепоткам насыпала порошок, затем стала наливать капли того, ложку другого до тех пор, пока не появилась темно-красная жидкость. Она крутила котелок, смешивая все это.

— Готово.

Я взяла в очаге горящую лучинку и подожгла содержимое

котелка. Из него за клубился сильно пахнувший зеленоватый дым. Эфрика лила малиновую струю в Кубок Дракона, стараясь наполнить его до внутреннего ободка, а затем быстро вылила содержимое из кубка в раковину.

Я села. От пряного дыма у меня слегка кружилась голова, мне казалось, что я могу улететь, если не заставлю себя сидеть на месте. Я наклонилась вперед и вгляделась в рубиновую жидкость в раковине. Я не впервые пользовалась силой магического зеркала, но никогда еще до этого случая это не было столь важно для меня. Я сосредоточилась и желала скорого и ясного видения. Красный цвет жидкости побледнел, и я смотрела как бы в далекое окно. Изображение комнаты. Все ее детали, хотя и очень мелкие, были резкими и отчетливыми.

Судя по теням, была ночь, но подсвечник высотой по плечо мужчине стоял в одном конце кровати, и в нем горела свеча в кулак толщиной. Кровать была богатая, занавеси искусно вышиты. Они не были задернуты. На постели лежала девушка из народа Долин. Лицо ее с тонкими чертами было очень красиво, распущенные золотистые волосы падали на плечи. Она спала, по крайней мере глаза ее были закрыты. Вся сцена дышала таким богатством и пышностью, какие бывают разве что в сказках.

Девушка была не одна: я видела, как кто-то вышел из тени. Когда полный свет свечи попал на его лицо, я узнала своего брата: только он был старше, чем я его помнила. Он смотрел на спящую, как бы опасаясь разбудить ее. Затем он подошел к окну.

Оно было закрыто тяжелыми ставнями с тремя заложенными через них брусьями. Похоже, что тот, кто закрывал окно, или он сам, хотел быть уверенным, что его быстро не откроют.

Эйлин взял кинжал и стал приподнимать брусья то здесь, то там. Лицо его было такое сосредоточенное, как будто то, что он делал, имело величайшее значение.

На нем была свободная ночная одежда с поясом. Когда он поднял руку с кинжалом, широкие рукава упали, обнажив крепкие мускулы. Простыни на постели были скомканы, на подушке вмятина — след лежавшей недавно его головы. Но он работал с такой страшной решимостью, что я ощущала это, пока смотрела на него.

За этим барьером что-то призывало его. И я тоже ощутила этот слабый, далекий зов, похожий на то, как если бы раскаленный кончик горящей лучины коснулся моего обнаженного тела. Мой мозг содрогнулся, как от реального ожога. Вздвигнув, я нарушила силу видения и изображение исчезло.

Я глубоко вздохнула, как будто избежала какой-то опасности. А опасность и в самом деле была. То, что толкало Эйлина на такое действие, было очень опасным. И оно было не из этого мира — если мир наш не претерпел великих изменений с тех пор, как мы с Эйлином пили на прощание из Кубка Дракона.

— Опасность была, — с уверенностью сказала Эфрика.

— Эйлина тянет кто-то из Темных Древних.

— Пока это только предупреждение,— она указала на кубок.— Только слабая тень.

— Это предупреждение для меня. Если его захватили колдовством, ему нелегко будет вырваться. Он сын не нашей матери, а нашего отца. У него нет дара.

— Правильно. И теперь ты пойдешь к нему.

— Пойду. Надеюсь, что успею.

— У тебя есть все, что я могла дать тебе,— и в голосе Эфрики послышалась боль.— И у тебя есть то, что пришло к тебе по праву рождения, но нет того, чем была вооружена сама миледи. У меня не было детей от моей плоти, потому что я не пошла по той тропе, по которой в свое время пошла твоя мать... Но ты была дочерью моего сердца. Я не могу удерживать тебя, но с тобой уходит мое солнце...

Она опустила голову и закрыла лицо руками. В первый раз я с удивлением заметила, какие они у нее морщинистые и худые, они яснее, чем лицо, показывали приближение старости. У Эфрики были хороший костяк, чистая и плотная кожа. Но сейчас она сгорбилась на скамейке, точно побитая, и все прожитые годы навалились на нее сразу. Она как бы осела под их грузом.

— Ты была мне матерью,— я обняла ее сгорбленные плечи,— и я ничего не хотела бы, как остаться твоей дочерью, Мудрая Женщина. Но в этом деле у меня нет выбора.

— Я знаю это. И знаю, твоя мать думала, что твоей жизненной тропой будет служение другим, как служила она в свое время. Я буду бояться за тебя.

— Не надо!— перебила я ее, потому что думать о страхе — это значит дать ему жизнь.— Ты должна вселять уверенность, что я иду не для поражений, а для победы.

Эфрика подняла голову и как будто отогнала силой воли все свои тревоги и горести. Я знала, что отныне ее сила, как сила меченосца, будет охранять меня. А сила Эфрики, насколько я знала и видела, как в свое время она сражалась со смертью и победила, была такой, с которой следовало считаться.

— Где будешь искать?— быстро спросила она, уже составляя план.

— Насчет этого придется бросить руны.

Она снова подошла к своему шкафчику и принесла сложенную ткань, расстелив ее на столе. Ткань была разделена золотыми линиями на четыре квадрата, а квадраты, в свою очередь, делились на треугольники красными линиями, сходящимися в центре, и в эти треугольники были вписаны руны — Слова Власти, но люди уже не умели их читать. Затем она принесла золотую цепочку с висящим на ней хрустальным шариком. На другом конце цепочки было кольцо, которое Эфрика надела на палец. Она встала у стола и вытянула руку, так что шарик повис прямо над центральной точкой ткани. Она держала руки неподвижно, но шарик начал раскачиваться взад и вперед. Затем он изменил направление и стал качаться только вдоль одной из красных линий. Я смотрела и запоминала

Итак, я должна была идти на юго-запад, и как можно быстрее, потому что, как я предупреждала Джервона, мог пойти снег и завалить все перевалы, так что они стали бы неприступны.

Теперь шарик повис неподвижно, Эфрика сняла его с цепочки и уложила на место в мешочек, а я тем временем сложила ткань.

— Завтра, — сказала я.

— Самое лучшее, — согласилась Эфрика, и немедленно начала готовить все то, что я возьму с собой. Я знала, что она вооружит меня всеми амулетами Мудрого Знания, какие только у нее есть.

Я пошла в хижину Оманда. Поскольку уже все знали, что Эфрика и я владеем умением видеть невидимое и имеем дело с тайнами, неизвестными основной массе людей, мое сообщение не прозвучало для него как что-то невероятное. Конечно, мы никому и не объясняли наших методов предвидения. Я просто сказала Оманду, что, пользуясь своими возможностями Мудрой Женщины, я узнала, что мой брат в опасности, и эта опасность не от войны, а от Древних, а следовательно, поскольку мы близнецы, я должна поспешить к нему на помощь.

И Оманд кивнул. Но его женщины, как обычно, бросали на меня недоверчивые взгляды.

— Как вы сказали, леди, выбора у вас нет. Значит, вы скоро покинете нас?

— Завтра, на заре. В этом году снег может выпасть рано...

— Правильно. Ну что ж, леди, вы много сделали для нас, как и ваши родители, пока они жили с нами. Но мы с вами не одной крови, не одного рода, а человек должен отвечать на обе эти связи, когда приходит этот зов. Поэтому, мы благодарим вас за всю вашу прошлую помощь и... — он грузно поднялся и повел меня к сундуку, — вот вам очень малый подарок за все то, что вы сделали для нас, но он будет греть вас по ночам в этой суровой стране. Он подарил мне дорогой плащ, над которым трудились, вероятно, много дней. Плащ был изготовлен из мохнатых шкур высокогорных коз и окрашен в мягко-пурпурный цвет вечернего тумана — такой цвет мог получиться только случайно от какой-то удачной смеси, его невозможно было создать снова. Плащ был редкостной красоты, особенно для нашей теперешней жизни. Не думаю, чтобы у какой-нибудь знатной леди была зимняя одежда лучше этой.

Я могла только словами выразить свою благодарность, но была уверена, что он понял, какое значение имел для меня этот плащ, в своей жизни я много пользовалась хорошо сделанными вещами, но весьма редко их добротность соединялась с красотой. Но Оманд только улыбнулся, взяв обеими руками мою руку и, склонив седую голову, прикоснулся губами к моим загрубелым пальцам, как будто я и в самом деле была его госпожой.

Я всегда чувствовала себя чужой в Варке, но в этот момент поняла, что это в какой-то мере и мой народ, и что я сейчас что-то теряю. Но не все думали как Оманд — его домочадцы были, пожалуй, рады, что я ухожу.

Перекинув плащ через руку, я вернулась к Эфрике — больше мне здесь не с кем было попрощаться. К своему удивлению я нашла там Джервона. Эфрика все еще укладывала в мой мешок свертки, а Джервон сидел у стола и держал в руках чашку с отваром трав, подслащенную диким медом.

Он встал, когда я вошла, и в нем была какая-то стремительность, которой я раньше не замечала.

— Мудрая Женщина сказала, что вы уезжаете, миледи.

— У меня дело, которое должно быть сделано.

— И у меня тоже, и я давно желал бы его выполнить. Но в наши дни, когда нужно смотреть по обе стороны дороги, человеку лучше ехать не одному. Так что мы поедем вместе.

Он не спрашивал, а говорил об этом, как о решенном деле. Меня это задело, но я понимала, что он прав — ехать с человеком, который куда лучше меня знал опасности пути, было очень хорошо, и я не осмелилась отказаться от этой помощи, но все же спросила:

— А если я еду не в вашем направлении, меченосец?

Он пожал плечами.

— Я же сказал, что не знаю, где теперь мои господа. Если вы хотите искать брата на юго-западе, то я там найду сведения о моем знамени. Только предупреждаю вас, леди, что мы можем угодить прямиком в пасть дракона, вернее сказать, в зубы Собак.

— Ваши знания предупредят нас, — возразила я.

Я решила, что в этом путешествии он не будет обращаться со мной, как со знатной леди из Долин, и опекать, как ребенка. Эфрика, увидев плащ, издала восторженный крик по поводу того, что у меня будет чудесная защита от холода, и немедленно достала брошь, чтобы скрепить его. И я знала, что в этой броши заключены самые мощные дорожные чары, какие только Эфрика могла призвать. Джервон поставил чашу.

— Значит, на рассвете, леди. Мы поедем верхом — у меня есть моя лошадь и лошадь Пола.

— На рассвете, — кивнула я. И мне была приятна мысль о лошадях, потому что это означало скорость. На юго-запад... Но куда, и далеко ли?

Мы были вынуждены ехать по той дороге, по которой приехал сюда Джервон, поскольку другой не было. Но с тех пор по дороге этой никто не ездил. Это была очень старая дорога, на которой тут и там были расставлены знаки. Но кем? Людьюми? Я решила, что нет, потому что до нас здесь ходили только пастухи и охотники — сплошь бродячий народ.

— Эта дорога проходит в лиге от Брода, — сказал Джервон, — но здесь она делает петлю от моря. Мы повернули сюда только потому, что здесь легче и быстрее ехать. Но откуда и куда она идет... — он пожал плечами. — Это дорога Древних, и кто знает, по какой причине они проложили ее.

Так обычно говорят в Долинах, но я знала — в том, что осталось от Древних, всегда была логика, хотя и не наша, может быть.

— Вы не из Долин.— Он сделал это заявление, как если бы поражал насмерть хорошо направленной стрелой арбалета.

Насмерть? К чему я так подумала? Однако я ответила правдой:

— Я родилась в Варке, так что я не из Долин, но родители мои пришли из-за моря. Но только не из Алисона. Их народ всегда воевал с Собаками, так что, когда мой отец услышал о вторжении, он немедленно поехал воевать. С тех пор мы ничего не слышали о нем. Прошло много лет, и он наверняка погиб. Моя мать умерла, родив меня и Эйлина. Таково мое происхождение, меченосец.

Нет, в вас нет ничего от жителей Долин,— продолжал он, будто и не слышал моих слов — Люди Варка кое-что говорили о вас.

— Как говорят о всякой Мудрой Женщине,— подытожила я. И не сомневаюсь, что обо мне говорили многое, и, конечно, далеко не все в мою пользу, потому что я была близка только с Эфрикой. И такие, как женщины Оманда, всегда косо смотрели на меня. И я не была замужем и не собираюсь, потому что это идет вразрез с моими дарованиями. Это тоже разделяет. Будь у нас больше здоровых мужчин, я была бы поставлена перед решением, чреватым неприятностями, потому что я не желаю хранить домашний очаг ни одному из мужчин Варка.

— Говорят, что вы больше, чем просто Мудрая Женщина. Люди шепотом рассказывали о ваших связях с Древними.— В его голосе не слышалось ни страха, ни отвращения, а только любопытство. Так воин, встретившийся с новым оружием, интересуется им.

— Ох, если бы это было так! Ведь тот, кто способен говорить с Древними, не станет жить так, как живем мы. Но люди считают, что Власть может сделать все: выстроить замок из ничего, превратить в пыль вражескую армию, разбить сад на голом камне. Вы видели такое у вас?

К моему удивлению он рассмеялся.

— Далеко от этого, девушка-шитоносец. Но ведь я не понижаю знание Мудрой Женщины, где бы она ни была — в деревне или в доме Дам. Но я думаю, что Древних не интересуют наши мелкие перебранки, какими им, возможно, кажутся наши стремления, и они склонны отделаться от всякого, кто нарушает их покой.

— Вы должны искать их, они не приходят без зова.— В этих словах, возможно, было и предвидение, но я об этом не знала

Местность была пересеченной, и мы ехали очень осторожно, чтобы не переутомить наших животных. В полдень мы свернули с дороги, пустили лошадей пастись, а сами поели дорожного хлеба и напились в ручье Джервон лег на спину и смотрел на свисающие над ручьем ветви деревьев.

— А я из Долин. — сказал он — Мой отец был третьим сыном и поэтому остался без поместья. По обычаю, он принес клятву

лорду Дорка, который был родственником его матери, и стал маршалом конницы. А моя мать была из рода леди Гвиды. Меня хорошо учили. Мой отец мечтал, когда я подрасту, податься в дикие северные страны и найти себе землю. За ним обещали пойти четыре-пять глав семейств. Но потом пришли захватчики и уж нечего было думать о рейде на Север, надо было искать спасения, пытаться сохранить то, что уже было — Дорк был как раз на пути первого удара врагов. Они взяли замок через пять дней, потому что у захватчиков было новое оружие, бросающее огонь и проедающее камень. Я поехал в Хэвердейл просить помощь. Через три дня мы увидели на дороге двух выживших, которые сообщили, что Дорк был уничтожен и обращен в прах. Сначала мы им не поверили. В ту же ночь я доехал до вершины холмов, откуда видна была долина. Там не осталось камня на камне.

Джервон говорил без всякого волнения: вероятно, время притупило его чувство. Он помолчал. Его глаза, казалось, смотрели на ветви, но я знала, что они видят что-то совершенно другое.

— Я остался в Хэвердейле и принес клятву... Мы не смогли удержать западную дорогу, не могли бороться с дьявольским оружием Собак. Но это оружие вскоре исчезло. Отчаявшиеся люди уничтожили его. Похоже, что у Собак другого такого не было: по крайней мере, мы не видели, чтобы оно действовало снова в этих краях. Но они хорошо воспользовались им. Все крупные долины на Юге были уничтожены, все до одной. — Его рука сжалась в кулак, хотя голос по-прежнему был спокоен. — Не было лидера, который мог бы объединить всех лордов Долин. Собаки были уверены в этом. Решерд из Дорка, Майрик из Гестендейла, Дауч и Грюнен — все они либо лишились своих домов и приверженцев, либо сами были убиты. Собаки хорошо подготовились и знали все наши слабые точки, а этих точек, похоже, было больше, чем укрепленных. Лорды не были объединены, и их ничего не стоило перебить по одному, как сбивают с ветки созревшие плоды.

Мы могли только бежать, скрываться и снова бежать. И мы стали бы побелевшими костями, если бы не четыре лорда, которые пришли с севера и навели среди нас кое-какой порядок. Они показали, что мы должны объединиться или погибнуть. Таким образом, появилась конфедерация, заключающая пакт со Всадниками-Оборотнями.

Это было долгим делом, но течение повернулось вспять: мы брали назад долину за долиной. Иногда враги удерживались, как было у Брода Ингры. Однако, я думаю, придет время, когда Собаки будут выть, а не лаять, и мы наконец-то рассчитаемся с ними. Правда, что тогда останется? Ведь уже многие лорды убиты, долины опустошены. Высокий Халлак будет совершенно другой страной. И возможно здесь будет правление Четырех — нет, Трех, потому что Скиркер умер и не оставил сына, который поднял бы знамя. Да, мы станем совсем другой страной.

— А что будете делать вы? Останетесь в Хэвердейле маршалом?

— Если доживу — вы хотите сказать? — он улыбнулся. — Нам теперь не приходится строить планы на будущее. Кое-кто здесь выживает, но как воин я не уверен, что окажусь среди них. Не знаю даже, доживу ли я до полной победы, потому что с тех пор, как я стал считаться мужчиной, я на войне. Я почти не помню, что такое мир. Так что — нет, я не дам клятвы мира Хэвердейлу. Может быть, я последую за мечтой моего отца — пойду на север искать свою собственную Долину. Но я ничего не планирую. Жить сегодняшним днем самое разумное.

— Говорят, что на Севере и Востоке больше осталось Древних, чем здесь. — Я пыталась вспомнить то немного, что слышала о тех местах.

— Да, это верно. Возможно, именно поэтому туда не дошли беспорядки. Нам пора ехать, девушка-щитоносец.

Ночь застала нас в скалистом месте, и мы кое-как там устроились, не разводя предательского огня. Я предложила Джервону устроиться вместе со мной под плащом Оманда, как предложила бы любому товарищу. И он принял это спокойно, как будто я была Эйлином, а не Эллис. Вдвоем под плащом было тепло, и мы крепко спали, несмотря на мороз снаружи.

На другой день мы были у Брода. Тут все еще были заметные боевые разрушения, следы погребальных костров. Джервон отсалютовал им обнаженным мечом.

— Это сделал Хэвердейл. Его люди почтили мертвых. Значит, они собрали силы и вернулись.

Он спешил, побродил среди брошенного оружия и вернулся с десятком арбалетных стрел для пополнения своего скудного запаса. Он принес также красивый кинжал с украшенной камнем рукояткой; лезвие его нисколько не заржавело, хотя все это давно лежало на открытом воздухе.

— Это работа Собак, самая лучшая, — сказал он, засовывая кинжал за пояс и снова садясь в седло. — А теперь здесь торговая дорога, и она ведет нас на юг, в Тревампер. Правда, этого города, может быть, уже и нет.

Надвигался вечер, но мы не стали разбивать лагерь у Брода. Слишком близок погребальный костер, слишком много воспоминаний у моего компаньона. Мы ехали до тех пор, пока он не свернул в ущелье. Это было защищенное место, где виднелись следы многих старых костров, и несколько срубленных жердей давали кое-какое укрытие.

— Наш лагерь. — Он пошевелил ногой золу. — Давно погашен. Думаю, тут нам будет безопасно.

Но мы снова побоялись разводить костер. В эту ночь ярко светила луна, и я решила посмотреть на свой талисман. Правда, я была не одна, и трудно сохранить секрет от спутника, но мне необходимо было узнать, как дела у Эйлина.

Как только мы поели, я достала кубок, развернула ткань и чуть не выпронила его: пятно, выглядевшее раньше как туман, теперь потемнело, протянулось вокруг ножки, а нижняя часть кубка стала черной. Я поняла, что зло настигло Эйлина. И он

был все еще жив, хотя и в большой опасности — иначе кубок почернел бы весь.

— Что это?

Мне не хотелось уточнять, но и уклоняться было невозможно.

— Это предупреждение об опасности для Эйлина. Сначала только затуманилось, ну а сейчас... видите эту черноту? Она идет вверх, значит опасность растет. Если кубок весь почернеет — значит, Эйлин умер.

— Третья часть, — констатировал он. — Вы можете узнать, что это за опасность?

— Нет, только то, что это не случайность войны, это идет с путей Власти. Он чем-то околдовал.

— Жители Долин не занимаются колдовством, кроме той их части, где практикуют Мудрые Женщины. А у Собак — свое колдовство, имеющее много общих корней с нашими верованиями. Значит, Древние...

Я не могла представить себе, каким образом Эйлин мог раздражить Древнее Зло. Он никогда не интересовался такими вещами. Я стала вспоминать свое дальновидение — ту спальню, где спала девушка, а мой брат дергал и приподнимал брусья на ставнях у окон.

— Вы можете видеть далекое? — спросил у меня Джервон.

— Здесь — нет. У меня нет нужных вещей.

Я ответила ему, и сама себе удивилась. Я была так вышколена Эфрикой, что инстинктивно думала о дальновидении по ее образцу. Однако она всегда утверждала, что я унаследовала от матери более сильную власть.

Между мной и Эйлином была близкая связь, мы были близнецами и, глядя друг на друга, мы как бы гляделись в зеркало. Это значит...

— Дайте-ка мне бутылочку с водой!

Джервон принес. Я взяла полоску мягкого лыка, которое держала в кармане для рац, растерла в ней щепотку трех видов трав, которыми снабдила меня Эфрика, смочила их водой из бутылочки и этой смесью тщательно вымыла руки. Очистив себя таким образом, я взяла кубок. Хотя в нем не было жидкости, я смотрела в него, как раньше в раковину, закрыв свой мозг от всего, кроме Эйлина, чтобы увидеть, где он и что делает.

Внезапно мне показалось, что я сама нахожусь в кубке, потому что вокруг меня был серебристо-белый свет. Но это смутило меня только на секунду, а затем я увидела яснее... Вокруг меня стояли высокие колонны, вроде древесных стволов, но гладкие и отполированные, без каких-либо признаков сучков или веток. Они не поддерживали никакой крыши: над ними было звездное небо, освещенное луной.

Колонны эти стояли не рядами, а по спирали, так что, войдя между ними, надо было идти кругами куда-то к центру. И в эту минуту меня охватил такой страх, какого я еще ни разу не испытывала. То, что показалось в центре спирали, было чем-то на-

столько далеким от дорог жизни, что я восприняла его как полный и абсолютный страх.

Затем... Это изменилось, как будто неожиданно надело маску или заслонилось щитом. Ужас исчез и на его месте появилось удивление и настоящая потребность увидеть источник удивления. Но, поскольку я не забыла всеподавляющую ауру того, что пряталось в засаде, я не была околдована.

На открытом месте появилась фигура в кольчуге, в шлеме, с мечом у бедра — воин ехал на боевом коне. Он спешился и уронил поводья, как будто не заботился больше о том, что станет с лошастью. Он двинулся к отверстию спирали, как бы спеша на зов.

Я хотела крикнуть, встать между Эйлином и этими воротами, которые вели к чему-то худшему, чем сама смерть. Мой брат вошел в спираль...

— Эллис! — меня трясли за плечи. Я сидела над кубком... пустым кубком... Светила луна, но не было колонн, не было спирали.

Я поспешно подняла кубок вровень с глазами, боясь, что чернота на нем поднялась выше. Ведь если Эйлин пошел по этой спиральной дороге — как его можно спасти? Но пятно не увеличилось, осталось прежним.

— Что вы видели? — спросил Джервон. — Вы словно смотрели на что-то безмерно страшное и выкрикивали имя вашего брата, как бы желая одним своим голосом оттащить его от смерти.

Джервон лучше меня знал эту местность, и он наверняка знал о спиральной дороге, потому что такая угроза не могла оставаться незамеченной жителями Долин.

— Слушайте! — завертывая я убирая кубок, я рассказала Джервону о своем предыдущем видении — как мой брат трудился, открывая окно... и о том, что я видела сейчас. — А где может находиться такое место?

— Ни в Тревампере, ни поблизости от него такого нет, — быстро ответил он. — Но заколоченное окно... что-то я однажды слышал насчет этого... — он потер лоб, пытаясь вспомнить. — Забитое окно... Да, Замок Ущелья Фрома! Есть старинная легенда, что из одного окна в центре башни видны далекие холмы, и если мужчина видит их в какой-то определенный час, он садится на лошадь и едет, но назад не возвращается. Таких потом искали, но не находили следа. Поскольку Ущелье Фрома не было больше жилищем лорда, а использовалось только для гарнизона, окно в башне было заколочено... Но все это было во времена моего деда.

Но это Ущелье Фрома могло опять стать домом лорда.

— Вы говорили, что мой брат обручился, а из того, что я видела, можно заключить... что теперь он уже женат. Однако он оставил свою жену и поехал искать что-то. Я еду в Ущелье Фрома!

И вот мы приехали в этот замок, но прием, оказанный нам, был весьма неожиданным. Когда меня в первый раз приветствовали на заставе, как лорда Эйлина, я не стала отрицать, потому что хотела узнать все, что только можно, о моем брате, не задавая вопросов. Итак, я сказала, что ездила на разведку и они в положенное время услышат о моем сообщении. Может, это было жалкое объяснение, но никто не спорил, и все, видимо, были рады моему возвращению. Джервон тоже не опровергал моих слов. Он лишь вопрошающе взглянул на меня, но затем отвел глаза, как бы соглашаясь с той ролью, которую я приняла на себя. Я выразила горячее желание увидеть мою леди — жену, потому что Эйлин действительно женился на леди Брунисенде.

Люди улыбнулись, и некоторые захихикали и стали перешептываться. Я сообразила, что всегда так бывает, когда в компании оказывается новобрачный. Только самый старший, человек явно высокого ранга, сказал, что моя леди тяжело переживала мой отъезд и с тех пор не выходит из своей спальни. Мне пришлось разыграть большую озабоченность и ударить пятками коня.

И вот я вошла в ту самую комнату, которую видела в своем видении. И девушка все еще лежала в постели, но теперь с ней сидела пожилая женщина, чем-то напоминавшая Эфрику, и я решила, что это компаньонка и Мудрая Женщина. Девушка вскрикнула:

— Эйлин,— и бросилась ко мне. Ее ночное платье сидело кое-как, глаза ее распухли от недавних слез, а по щекам катились новые. Но женщина пристально взглянула на меня, подняла руку и сделала знак, который я хорошо знала, и я, не задумываясь, ответила ей.

Ее глаза широко раскрылись, но Брунисенда уже повисла на мне, называя меня именем брата и требуя, чтобы я сказала, где я была и почему ее оставила. Но я чуть-чуть отодвинула ее, потому что мне было трудно отвечать на такое приветствие.

Она отскочила, дико глядя на меня. В ее глазах появился страх:

— Ты... ты изменился! Дорогой мой лорд, что с тобой сделали?

Она пронзительно захохотала и бросилась на меня, ее ногти сделали отметки на моем лице, прежде чем я успела схватить ее за руку: она визжала, что я не тот, что был. Женщина быстро подошла к ней и, повернув к себе, хлестнула по лицу. Визг сразу прекратился, а Брунисенда, потирая щеку, смотрела на ту женщину и на меня. И, глядя на меня, она вздрагивала.

— Вы не Эйлин,— сказала женщина и произнесла слова, которые я тоже знала. Но прежде, чем она закончила свои заклинания, я прервала ее.

— Я Эллис. Разве он никогда не говорил вам обо мне?

— Эллис... Эллис...— повторила Брунисенда.— Но ведь Эллис — его сестра! А ты мужчина и так похож на моего лорда,

что даже меня жестоко обманул!

— Я Эллис. Если мой брат рассказывал обо мне, ты должна знать, что я воспитывалась так же, как и он. Мы оба с детства учились владеть мечом и щитом, но наши пути разошлись. Однако связь между нами осталась, и когда я получила предупреждение, что ему грозит опасность, я приехала, так же как и он приехал бы, услышав что я в опасности.

— Но... как ты об этом узнала... как узнала, что он исчез, пропал в холмах? Отсюда не выезжал ни один гонец. Мы держали это в секрете: хуже было бы, если бы об этом узнали.— Брунисенда следила теперь за мной с той же подозрительностью, какую я замечала у других женщин. И я подумала, что хоть она и моя невестка, но придет время, когда она захочет, чтобы я поскорее ушла. Но если уж Эйлин выбрал ее, я должна быть с нею приветливой, хотя моя первая обязанность — заботиться не о ней, а о моем брате.

Пожилая женщина подошла ближе ко мне, пристально вглядываясь в мое лицо, как будто я носила на нем какой-то знак, удостоверяющий мою личность.

— По правде сказать, миледи,— сказала она,— лорд Эйлин мало что говорил, кроме того, что его мать и отец умерли, что у него есть сестра, которая живет среди народа, давшего им когда-то пристанище. Теперь я вижу, что он мог бы рассказать гораздо больше.— И она сделала некий знак, и я ответила ей и добавила еще кое-что: пусть знает, что я не ниже ее по уровню знаний. Она кивнула, как бы решив проблему.

— Значит, было дальновидение, миледи, и вы, конечно, знаете, где он теперь...

— Это колдовство Древних,— я обращалась к ней, а не к Брунисенде,— и не Белое, а Черное... Началось с того,— я прошла мимо Брунисенды, которая непонимающе смотрела на меня, к тому окну, где я видела брата. Оно было снова плотно забито, как будто он и не трудился над ним. Но когда я положила руку на нижний брус, я услышала приглушенный крик и обернулась.

Леди Брунисенда съежилась в постели, зажимая рот руками, и с бессмысленным ужасом смотрела на меня. Она вскрикнула еще раз и упала без сознания на смятые простыни.

Мудрая Женщина быстро подошла ко мне и еще раз взглянула на меня.

— Это только обморок и ей лучше не слушать, что вы скажете, потому что она боится таких вещей, боится Учения.

— Однако же вы служите ей.

— Да, ведь я ее приемная мать, и она не знает, что я делаю. Она с детства боялась проклятия, что лежит на ее семье.

— Какое проклятие?

— То, что находится там... ждет...— она указала на окно.

— Расскажите. Я в обморок не падаю. Но сначала, Мудрая Женщина, скажите мне ваше имя.

Она улыбнулась, и я улыбнулась тоже, и мы обе знали, что у нее одно имя для внешнего мира, а другое — для внутреннего.

— Нет, конечно, вы не впадете в беспамятство, что бы вам ни сказали. А что касается моего имени — здесь я дама Вирта, а также Ульрика...

«Дама»? Тут я впервые обратила внимание, что на ней нет многоцветной одежды домоладцев лорда, что она в сером и в вуа-ли аббатства, покрывающей ее всю, кроме лица. Но я слышала, что дамы не знакомы с Древним Знанием, и что они не выходят из стен аббатства после того, как произнесут окончательные обеты.

— Дама, — повторила она. — Война все перевернула. Дом Канты Дважды Рожденной был разорен Собаками в прошлом году. Я убежала и пришла к Брунисенде, потому что я принесла обеты только после того, как она была обручена. Канта Дважды Рожденная сама имела Древнее Знание в свое время, и ее дочери мыслят не так, как в других аббатствах. Но я назвала свое имя. А у вас нет другого?

В этой даме было что-то от Эфрики, но главное было в ней самой. И я знала, что могу верить ей.

— Мое первое имя Боевид, данное мне по обычаю народа моей матери...

— Колдуньи Эсткарпа! Вам нужны теперь все их знания, если вы думаете сделать то, что привело вас сюда.

— Расскажите мне об этом проклятии, потому что оно, видимо, и взяло Эйлина.

— Есть сведения, что Первый из рода Ингарета, чьим потомком является моя леди, интересовался чуждым учением, но не имел ни терпения, ни дисциплины, чтобы следовать дорогами знания, и потому шел на такой риск, о котором осторожный человек не помыслил бы. Он ходил один в места Древних и из одного такого путешествия привел себе жену. Они спали как раз в этой комнате, но детей у них не было, и лорд забеспокоился, поскольку хотел иметь сына-наследника. Он решил доказать себе, что это не его вина, и прижил сына, а затем и дочь от женщины, которых он тайно посещал. Как можно быть таким дураком, рассчитывая скрыть подобные вещи!

Однажды он пришел ночью к своей жене и обомлел: она сидела на высоком стуле, вроде того, на котором он сидел в большом холле, когда вершил суд. Перед ней на табуретках сидели две женщины, с которыми он производил младенцев, они держали на коленях детей, смотрели прямо перед собой и выглядели какими-то пришибленными.

Он подошел к своей жене, грозно спрашивая, что она делает и почему. Она сладко улыбнулась и сказала, что она заботится о его удобствах: она привела этих женщин к нему под его кров, чтобы ему не приходилось бегать по ночам во всякую погоду ради удовлетворения желаний своего тела.

Она встала, и он обнаружил, что не может тронуться с места. Она сняла наряды, которые он подарил ей, и все драгоцен-

ности, что он навешал на нее, и все это бросила на пол. Наряды тут же превратились в лохмотья и грязь. Затем она, натая и прекрасная в лунном свете, подошла к окну и встала на подоконник. Там она обернулась еще раз, взглянула на Ингарета и сказала то, что помнят до сих пор:

— Ты будешь желать, ты будешь искать, а найдя, пропадешь. То, что ты имел и оттолкнул, будет и через много лет звать других и они тоже будут искать, но найдя, не воспользуются.

Затем она повернулась и выпрыгнула в окно. Тогда лорд Ингарет освободился от чар, державших его, подбежал к окну и выглянул. Он не обнаружил внизу никого, как будто прыжок перенес ее в другой мир. Он тогда созвал всех людей, поднял военный щит и признал мальчика своим сыном, а дочке дал ожерелье, подготовленное дочери в его роду. Что касается их матерей, то они с этой ночи тронулись умом и не задержались на этом свете. Но сам лорд больше не женился. На десятый год он встал ночью и ушел из Ущелья Фрома, и больше его не видели.

С тех пор многие мужчины-лорды, наследники лордов и мужья их наследниц, все близкие к роду в Ущелье Фрома, смотрели в полнолуние из этого окна, уходили и пропадали без вести. Наконец окно было плотно забито, а семья не стала жить в этом замке. За последнее время никто не исчезал... кроме вашего брата.

— Если это было много лет назад, значит то, что ждет, видимо сильно проголодалось. У вас есть необходимое для дальновидения?

— Вы хотите сделать это здесь? Но темные силы, видимо, имеют особые связи в этой комнате.

Предупреждение было излишним. Я и сама знала, что могу подвергнуться серьезной опасности. Но сделать это было необходимо.

— В Лунной Звезде... — напомнила я.

Она кивнула и быстро вышла из комнаты. Я повернулась к седельным сумкам, которые принесла с собой, и достала кубок. Мне было страшно разворачивать его. Темное пятно поднялось выше, но сверху осталось на два пальца чистого серебра. У меня еще оставалась надежда.

Дама вернулась с большой корзиной, где были размещены кувшинчики и бутылочки. И первым делом она достала палочку мелка и резкими уверенными движениями нарисовала на полу против окошка пятиконечную звезду. В каждом углу звезды она поставила по белой свече. Сделав это, она взглянула на кубок, который я держала в руках, и у нее захватило дух от удивления.

— Чешуя Дракона... где ты взяла такую могущественную вещь, леди?

— Она была сделана для моей матери до моего рождения.

Этим кубком пользовались, давая имена мне и Эйлину, из него мы пили с Эйлином на прощание и поэтому теперь на нем знаки угрожающей ему опасности.

— Ваша мать, леди, действительно имела большую власть, если смогла вызвать к жизни такую вещь. Я слышала, что это можно сделать, но за очень высокую цену...

— И она заплатила без спора...— с гордостью ответила я.

— Да, только могущественный человек так мог поступить... Вы готовы? Я буду защищать вас, как умею.

— Я готова.

Я подождала, пока она налила в кубок смесь из двух бутылочек, а затем встала внутри нарисованной ею звезды, а дама тем временем зажгла свечи. Когда они ярко разгорелись, дама тихо запела призыв. Но ее голос был слабым и далеким, как будто она была не рядом, а через долину.

Я пристально смотрела в кубок, где жидкость начала пузыриться. Туман от нее наполнил мои ноздри, но я не отвела головы. Когда туман осел, жидкость стала спокойной, как зеркало. Я точно повисла в воздухе. Подо мной была спираль из колонн. Ее завитки шли кругами до центра, а в центре были люди. Они стояли неподвижно... и не дышали. Не люди, а муляжи, сделанные так искусно, что казались живыми.

Они тоже стояли по спирали, одни почти что в самом центре, а остальные по виткам сзади. И последний в этой линии был Эйлин. Когда я узнала его, что-то узнало и меня, по крайней мере, знало, что я отслеживаю ЭТО. Не злоба, а скорее презрение и насмешка — как смеет такая мелочь, как я, беспокоить ЭТО? Однако оно...

Я напрягла волю и вернулась обратно, к горящим свечам.

— Вы видели его?

— Да. И знаю, где его найти. И сделать это надо как можно скорее.

— Статью — оружием — вы его не спасете.

— Будьте уверены, я знаю. Но она еще никогда не встречала такую как я, и она чересчур уж уверена в себе, и это может сработать против нее.

Никогда еще не случалось, чтобы пропавшего лорда Ушелья Фрома искала Мудрая Женщина, кровно связанная с ним. Это было в мою пользу, но времени действительно оставалось мало. Если Эйлин долго пробудет в этой паутине, он станет, как и те, остальные, образом, не человеком.

— Из этого замка есть другой выход?— поинтересовалась я.

— Да. Вы хотите идти сейчас?

— У меня нет выбора.

Она дала мне кое-что из своего запаса: два амулета, травы и показала тайный ход в стенах, сделанный на случай осады замка. Затем она послала свою личную служанку привести лошадей. И я выехала на заре, ведомая только тонкой нитью моего дальновидения. Я не знала, далеко ли мне ехать, но ехала я быстро, потому что время подгоняло. Я проехала мимо патрулей, главным образом с помощью искусства Мудрых Женщин отводить глаза окружающим. Наконец я выехала в дикую местность, прорезанную оврагами и заросшую кустарником, так что

мне много раз приходилось спешиваться и разыскивать дорогу, а то и прорубать ее через кустарник мечом.

Однажды после такой работы я остановилась передохнуть, прежде чем снова сесть на усталую лошадь, и услышала, что за мной едут. Я знала, что в таких зарослях могут скрываться разбойники. А могли тут быть и люди из Замка, удивленные тем, что их лорд вернулся и снова исчез. И всякое вмешательство могло оказаться роковым для Эйлина.

В такой пересеченной местности я могла в крайнем случае укрыться от преследователей. С мечом в руке я погнала коня за кустарник, такой густой, что даже без листьев в осеннюю пору он представлял собой плотную завесу, и стала ждать.

Тот, кто ехал за мной был мастером в знании леса: он ехал так осторожно, что не спугнул бы и птицы. Это был Джервон... Джервон, о котором я, можно сказать прямо, забыла, как только приехала в Замок. Но зачем он тут? Ведь у него, кажется, были свои планы: он хотел найти своего лорда.

Я вышла из-за укрытия.

— Что вы делаете на этой дороге, меченосец?

— Разве это дорога?— На его лицо падала тень от шлема. но я видела, что он поднял брови. Он делал так, когда ему что-то казалось забавным. Я часто видела это выражение в те дни, когда мы ехали вместе.— Я назвал бы эту дикость дорогой, но, может быть, мои глаза меня обманывают? А насчет того, что я здесь делаю — так разве я не говорил вам, что в наше время человеку не стоит ехать одному, если ему предлагают компанию?

— Вам нельзя ехать со мной!— чуть-чуть высокомерно ответила я, поскольку чувствовала его упрямство. Он и представить себе не мог, какое сражение предстоит на этой дороге, и в этом сражении он может стать моим врагом, а не другом.

— Прекрасно. Поезжайте, миледи.— Он так охотно согласился, что я разозлилась.

— Ну, а вы поедете сзади? Говорю вам, Джервон, вам здесь не место. То, что делаю я — это ремесло Мудрой Женщины. Я должна встретиться с проклятием Древних, а оно достаточно сильно, чтобы убить человека.— Я была вынуждена сказать ему правду, потому что иначе не могла бы убедить его в своей правоте. Но выражение его лица не изменилось.

— Разве я не знал этого с самого начала? Воевать с чарами — это вопрос спорный... там могут быть люди-волки или еще какая-нибудь чужая угроза, о которой вам лучше не знать. Но что, если на вас нападут с мечом или стрелой еще до того, как вы доберетесь до цели, в то время, как вы должны сохранить силы для вашего колдовства?

— Вы не давали мне клятву верности. Ведь у вас уже есть господин. Найдите его: это ваша обязанность.

— Я не давал вам клятвы, леди Эллис, но я дал клятву самому себе. Я буду за вашей спиной, пока вы едете по этому пути, и я не позволю никаким чарам обратить мою волю в ничто. Дама из Замка дала мне это,— он достал из-за ворота кольчуги под-

веску в виде петлевого креста из лунного серебра, и я поняла, что он прав. Даже я должна была потратить немало сил, чтобы преодолеть защиту этого амулета, так что он будет прекрасным щитом для Джервона. Я только удивилась, зачем дама послала за мной человека, не обученного какому-либо Мудрому Искусству.

— Пусть будет так,— согласилась я.— Только вот что: если вы почувствуете что-то, какое-то принуждение, немедленно скажите мне. Здешние чары могут превращать и друзей во врагов, открыв ворота большой опасности.

— На это я согласен.

Итак, дальше я ехала не одна. С наступлением темноты мы остановились на гребне, где было два больших скалистых пика. Между ними мы и устроились.

— Вы знаете, куда вам надо ехать?— спросил Джервон. Он почти весь день ехал молча. Если бы не стук копыт его лошади, я вообще бы могла забыть о моем спутнике.

— Меня тянет.

Я не стала объяснять. Теперь я слишком хорошо знала, что находится впереди — потревоженное, недовольное... и знала также то, что со своим обучением не могу быть на равных с Древними.

— Далеко мы или близко?

— Я думаю, близко.— Именно так я расценивала недовольство этого существа.— Это значит, что вы должны оставаться здесь.

— Вспомните, что я говорил.— Он положил руку на переkreшивающуюся петлю.— Я иду за вами.

— Но здесь-то уж нечего опасаться каких-либо людей...— начала я, но прочитала в его глазах, что мои слова его не трогают. Я не могла остановить его ни мечом, ни чарами. Я только подивилась его беспричинному упрямству.— Вы не понимаете, к какой опасности вы идете.— Я вложила в это предупреждение всю свою силу.— Мы имеем дело не со сталью, не с кулаком, а с таким оружием, о котором вы и понятия не имеете...

— Леди, с тех пор, как я увидел в Дорне действие оружия Собак, я готов встретиться с любым оружием. Начиная с того дня, как я пришел в себя у вас, я стал жить не своей жизнью: по правилам мне полагалось умереть с теми, кого я любил и кто составлял мой мир. И теперь я не держусь за жизнь, потому что она уже не моя. Мое самое горячее желание — увидеть, как вы станете воевать с теми неслыханными и неведомыми силами, о которых вы говорите с таким знанием дела. И если мы близко, то давайте готовить боевые щиты!

В его словах было столько решимости, что я не нашлась, что ответить, и только посмотрела с гребня вниз, потому что внизу лежала необычайная тьма, и я искала безопасную тропу.

То, что я увидела, наверняка было дорогой Древних, вернее сказать, колесей, которая шла совершенно прямо. Она была очень узкой и привела нас в лес, где стала влиять между гро-

мадными деревьями. В лесу стояла удивительная тишина: ни крика ночной птицы, ни шороха животных. И все это время было ощущение чего-то медленно, неотвратимо пробуждающегося.

— Нас ждут, — тихо сказал Джервон. — И за нами следят...

Значит, он был достаточно восприимчив, если тоже почувствовал это. Однако в этом пробуждении не было угрозы. Просто наш приход был пока кем-то отмечен.

— Я предупреждала вас, — в последний раз попыталась я уговорить Джервона отступить, — что мы имеем дело с другими силами, не человеческими. Да, нас ждут. Но что случится — я не знаю.

Он не ответил, и я поняла, что никакие мои аргументы не помогут.

Тропа так петляла, что в конце концов я потеряла направление. Но нить, что связывала меня с тем, кого я искала, не пропала. И я знала, что она приведет меня, куда надо.

Наконец мы подъехали к тому, что я видела в дальновидении — к спирали из колонн. Они сияли здесь, в открытом месте, холодным ледяным блеском.

Я услышала резкое восклицание Джервона и испуганно повернула голову. Петельный крест на его груди брызгал живым огнем, словно был сделан не из лунного серебра, а из драгоценного камня. И я знала, что амулет выявляет свою силу перед эманацией спирали. Моим коленям стало тепло от седельных сумок, из которых исходило неясное излучение. Я достала кубок. Только тоненький ободок остался незатемненным!

— Оставайтесь здесь! — приказала я Джервону. Может быть, он и не послушается, но мне надо думать только об Эйлине, о его спасении, больше ни о чем. Джервон сделал выбор — пусть принимает последствия.

С кубком в одной руке и с одним из тех предметов, что дала мне дама — жезлом из очищенной от коры рябины; вымоченной в соке ее же ягод и затем выставленной на несколько ночей на полный лунный свет в месте Древней Власти, я пошла вперед. Жезл был легким, никакого сравнения с мечом, висевшим у моего бедра. Я не сняла с себя меч, потому что он был выкован из металла, принесенного моим отцом из чужих мест, и значит, является здесь талисманом.

С жезлом и кубком и сознанием того, что я одна встречаюсь с Находившимся Здесь, я прошла мимо первой колонны и начала свой путь.

Сначала меня потянуло как бы течением, а затем стало резко отталкивать назад. То, что следило здесь, видимо, чувствовало, что я не ошеломлена и не столь податлива, как другие жертвы. Затем пауза, во время которой я твердо пошла вперед, держа кубок и жезл, как щит и копье, готовая к битве. Затем...

Сильный толчок, вроде удара. Я устояла. Это не заставит упасть меня на колени или повернуть назад. Я сражалась, как сражаются с порывом штормового ветра.

Я легко и твердо шла вперед, но покачиваясь из стороны в сторону, несмотря на все свои усилия: я делала большой шаг, но выигрывала лишь дюймы. Но я заставила себя думать лишь о том, что должна сделать, отбрасывая в сторону все помехи, потому что брешь, которую мог сделать в моей борьбе страх, оставила бы меня баззащитной.

Меня поддерживала горящая искра надежды. То, что я встретила здесь, сильно — много сильней того мастерства и энергии, которые могли противопоставить Эфрика и я. Но Оно шло не в полную силу адепта: видимо, дело было в том, что все эти годы Оно не встречало сопротивления. И именно то, что я боролась, могло поколебать эту уверенность, что все пойдет по его воле.

Я обнаружила, что хотя колонны отстояли друг от друга довольно далеко, их связывало силовое поле, так что, попав в спираль, уже нельзя было вырваться.

Я чуть было не попала в простейшую ловушку из-за своей минутной оплошности. Я шла по шаблону, ровным шагом, не подумав, что это служит чужим целям. Сообразив, я стала разбивать чары — шла то быстро, то медленно, иногда даже делая прыжки, чтобы уберечься от гипнотизирующего мозг и тело влияния. Я приготовилась к новой атаке. То, что ждало, дважды пыталось положить меня, и оба раза проваливалось, а значит, третий удар будет много сильней.

Лунный свет погас, но гигантскими свечами светились колонны. Они давали зеленоватый свет, отчего мои руки выглядели неприятно грязными. Зато жезл и незамутненная часть кубка горели теперь как два факела: они светились голубым светом, который дают свечи, защищающие от чар.

Еще раз началось нападение, на этот раз через зрение. Что-то скользило, свиваясь меж пылающих колонн, показывались лица и фигуры, столь отвратительные, какие могут быть только у Темных Сил. Я защищалась только тем, что не отводила глаз от кубка или жезла.

К видениям добавился звук. Знакомые голоса то умоляли меня, то приказывали или предупреждали. Этой зрительной и звуковой осадой здешние силы пытались опутать меня узором своих плетений. Но моя способность к борьбе росла, и я была как меченосец, окруженный врагами, который, однако, держит их всех на расстоянии.

Я продолжала свой путь. И внезапно все прекратилось: и звуки, и видения, и давление. Но это была не победа, а только передышка. Глава этого места собирал силы и ждал меня в центре спирали, прежде чем бросить на меня всю свою мощь. Я воспользовалась этой передышкой и пошла быстро.

Я вошла в центр этой спирали, которую сплела или по крайней мере пользовалась та, что наложила заклятие на лорда Ущелья Фрома. И я была не одна: здесь стояли мужчины, повернув головы к центру круга. Их было двенадцать, последний из них — Эйлин. Ни в ком из них не было искры жизни. И они походили на статуи, сделанные столь искусно, что им не хватало

только теплоты и дыхания, чтобы ожить, но как раз этого и не было. Они были скованы тем, на что смотрели.

В центре стоял круглый каменный блок, а на нем...

Туман сгустился и принял форму прекрасной обнаженной женщины. Она подняла руки и откинула назад свои роскошные волосы, но они не легли ей на плечи, а поднялись, как связывающие усики растений, и у каждого, казалось, была своя жизнь. Тело женщины было серебристо-белым, как лунный свет, и волосы тоже серебристые, только глаза были черными и без белков, и казались глубокими колодцами, из которых кто-то недобро глядел на мир. Она была совершенством, она была прекрасна, и я поняла, что тянуло к ней мужчин: здесь получила форму и жизнь сама Женственность.

Но меня это не привлекало, а отталкивало. Все, что делает женщину подозрительной, ревнивой и ненавидящей, тоже было здесь выделено в чистом виде и возведено в высшую степень. Я думаю, она только сейчас поняла, что я не то, чем казалась по виду. И за этим пониманием последовал взрыв ненависти. Но я была готова к этому и быстро подняла перед собой кубок и жезл. Ее волосы яростно корчились и тянулись ко мне, как будто каждый волос старался обвиться вокруг моей шеи мертвой петлей. Затем она засмеялась. В этом смехе было презрение королевы к какой-нибудь судомойке, посмевавшей бросить вызов ее могуществу. Она была уверена в себе.

Она откинула волосы назад и они засияли под ее пальцами, как раскаленный металл. Она стала скручивать пряди в шнурки. Но я не стала дожидаться ее атаки. Я слышала о той магии, которую она готовила. Она начиналась как любовные чары и могла бы считаться относительно безвредной. Но обратная сторона любви — ненависть, а в ненависти эта магия могла убить.

И я запела — не вслух, а про себя. И, поскольку я следила за женщиной, моя песня следила за каждым движением и поворотом ее серебряных пальцев и шла в том же ритме, будто я тоже плела невидимую копию ее шнура.

То, что она делала, было, конечно, куда сильнее тех любовных чар, которые я знала, и это в общем-то не удивительно, если принять во внимание то, кем она была. Но она пользовалась знаковыми мне чарами, и это чуть-чуть перевешивало чашу весов в мою пользу. Я ожидала мастерства адепта, а увидела то, что знает каждая Мудрая Женщина. Конечно, это было только начало: с продолжением нашей борьбы ее чары будут усиливаться и усложняться. Она сделала петлю, но не бросила ее, а перекидывала из руки в руку, не спуская с меня взгляда черных глаз. Я заметила, что женская аура, сексуальный призыв, которыми она пользовалась, как оружием, потускнели.

Ее тело больше не было таким совершенным: руки и ноги стали тонкими и длинными, груди обвисли, лицо стало черепом, обтянутым кожей. Только волосы остались прежними.

Ее губы скривились в презрительной улыбке, и она впервые обратилась ко мне со словами. Не знаю, говорила ли она вслух, или телепатически.

— Ведьма, посмотри на меня и на себя. Чем ты можешь привлечь?

Если она хотела задеть мое тщеславие... Неужели она так мало знает женщин, что думает столь слабой атакой добыть себе хоть временную победу?

Ее слова ничего для меня не значили. Я должна была следить за петлей.

— Какой мужчина пойдет за тобой?

Вдруг ее насмешки прекратились, и она подняла голову. Глаза ее больше не смотрели на меня, даже руки остановились, волосая петля слабо повисла в одной ее руке. Она как-будто прислушивалась к чему-то... Однако я ничего не слышала.

В ней снова произошла перемена: ее красота вернулась, тело округлилось и сделало ее идеальным образцом, который любой мужчина счастлив был бы иметь в постели. И она снова рассмееалась:

— Ведьма, я недооценила тебя. Похоже, у тебя был добровольный провожатый. Какая жалость. Но из ничего тоже можно сделать кеглю. Следи, ведьма, и ты увидишь, какова власть... — и она тряхнула головой. А я возрадовалась: она настолько потеряла осторожность, что чуть не назвала свое имя. Если бы она это сделала, она пропала бы. Она слишком давно не встречала сопротивления, поэтому забылась. Следовательно, мне надо все время быть настороже, чтобы извлечь пользу из любой такой оплошности.

— Повернись и смотри, ведьма! Смотри, кто идет на мой зов, как шли все эти дураки.

Мне не нужно было смотреть и ослаблять свою настороженность. Если Джервон пришел сюда, пусть сам и отвечает за последствия. Я не могла позволить себе отвлечься от борьбы между мной и серебряной женщиной.

Я не столько увидела, сколько почувствовала движение рядом. Затем рука Джервона попала в поле моего зрения, и я увидела, что он поднял меч и направляет его острие к женщине.

Она запела обманчиво-сладко и протянула к нему руки, хотя петлю не выпустила. И я видела в ней, хотя и сама была женщиной, все соблазны моего пола, привлекающие мужчину и обещающие ему все наслаждения тела.

Джервон шагнул вперед. Я не могла порицать его, потому что такое колдовство не в силах отвести даже талисман на его шее. Чары были слишком сильны, слишком рафинированы...

И эта сила вызвала во мне злобу, как будто серебряная женщина угрожала всему, что было мне дорого. Но я была Мудрая Женщина, у которой тело и эмоции должны быть под контролем мозга.

Она заговорила, обращаясь к Джервону — полился целый поток певучих, призывных слов. Его меч качнулся, острие уперлось в землю. Он свободной рукой схватился за амулет и дернул, как бы намереваясь порвать цепочку и отбросить талисман. Но я почувствовала кое-что еще.

Да, чары ее были сильными, но он боролся с ними. И не от страха, как иной раз борется человек, сознающий, что перед ним смертельный соблазн,— нет, Джервон боролся, потому что какая-то его часть знала — он не желал ее по-настоящему.

Как это я поняла — не знаю... быть может, потому, что я сама чувствовала то же самое. Женщина протянула к нему руки, она была воплощением желания, стремящимся только к одному. Его рука, лежавшая на амулете, больше не дергала его, а крепко сжимала, как единственный якорь спасения.

Случилось то, чего я и ожидала: волосная петля взлетела, но не ко мне, а к Джервону, словно его упрямый отказ подчиниться вывел женщину из терпения.

Я ждала, направив конец жезла на эту петлю. Она тут же закружилась вокруг него, как вокруг плота, но мгновенно выпустила кольца, чтобы соскользнуть на мою руку. Я тряхнула жезлом, увидев эти ослабевшие кольца, и петля полетела обратно к той, что ее послала. Петля легла у подножья блока, на котором стояла Женщина, вытянулась змеей и снова поползла к нам. А та уже плела вторую петлю, такую же, и на этот раз очень быстро.

Джервон стоял, держа в одной руке опущенный меч, а в другой крепко сжимал талисман. Я знала, что ему больше нечем защищать себя от нее. Только я могла отразить ее атаки, но теперь я была в более невыгодном положении, чем раньше, потому что она грозилась захватить Джервона, если я не распространю свою защиту на него. Но имею ли я на это право? Я колебалась и злилась на себя за эту нерешительность. У меня же нет выбора, я должна предоставить Джервона его судьбе и сосредоточиться только на последней битве между женщиной и мной.

Она закончила новую петлю, но не бросила ее на нас, а уронила и петля тоже поползла к нам. Женщина снова улыбнулась и стала плести третью.

Да, такая атака могла принести ей победу... Но я все-таки сомневалась. Я сунула кубок за пояс и левой рукой выхватила из ножен свой меч. Свет не отразился на нем. Лезвие было темное, как безлунная ночь. Я никогда не видела его таким: он всегда был обычным мечом.

Я положила его на пол перед собой, направив острие к ползущим петлям. Но я не знала, поможет ли тут меч. Есть силы, которые можно уничтожить металлом, но есть и такие, что съедят его. Но этот меч был особым, я полагалась на выбор моих родителей, которые, видимо, высоко ценили этот металл.

Я снова взяла кубок и стала ждать. Но мне приходилось делить свое внимание между женщиной и ползущими к нам петлями — а их было уже три.

Одна из петель подобралась к лезвию меча и свилась в кольца, как готовая напасть змея, ее конец поднимался вверх и стал раскачиваться из стороны в сторону, точно перед ним стояла стена. Я на минуту поверила, что у меня есть еще одна защита.

К моему удивлению, Джервон двинулся тяжело и рывками,

как бы под непосильной тяжестью. Он поднял свой меч и разрубил петлю. Та отскочила назад, закрутилась, но упала. Значит — сталь тоже защита.

Те, что стояли вокруг, как статуи, были в основном вооружены, но их мечи были в ножнах. Видимо, эти люди были настолько околдованы, что и не подумали сражаться за свою свободу.

Серебристая Женщина зашипела разъяренной кошкой и бросила в меня четвертую петлю, но мой жезл снова поймал ее и швырнул обратно. И тут я поняла, что должна перехватить инициативу у этой Женщины. Я уравнивила жезл, как копье, и бросила прямо ей в грудь. Она резко вскрикнула и взмахнула волосами, точно щитом. Я видела, как жезл глубоко проник в ее тело, а пряди волос расплавились и отпали. Но она схватила жезл и сломала его о камень, на котором стояла. Однако, половина ее волос соохлась и отпала.

Я быстро схватила свой меч. А Джервон все еще двигался так, как будто на его руках висел свинцовый груз, и с трудом рубил оставшиеся петли. Но он двигался так медленно, что им хватало времени напасть на него.

У меня же не было времени разглядывать Джервона, я должна была думать о немедленных действиях. Я перескочила через ползущие петли к блоку, на котором Женщина вырывала свои волосы, но уже не плела из них шнурки, а просто бросала горстями на нас обоих: волосы летели, как плотное облако.

Я помахала перед собой мечом, чтобы разогнать их, и остановилась перед женщиной. Ее лицо снова стало черепом. Руки, переставшие рвать волосы, вытянулись, и на моих глазах пальцы превратились в когти, готовые вцепиться в человека. Я взмахнула мечом и ударила пустоту. Но Женщина все еще стояла здесь, готовая впиться мне в горло. Я ударила еще раз и поняла: то, что я видела, было иллюзией, миражом. Тело, ее ядро лежало где-то в другом месте. Я должна была найти его или полностью проиграть битву.

Я услышала слабый крик: Джервон разрубил две петли, а третья обвилась вокруг его ног и поднималась выше. Но у меня не было времени: я должна была искать колдовское ядро. Оно наверняка было где-то в центре спирали, иначе не могло бы проявляться так сильно.

Женщина не двинулась с места, но ее когтистые руки все еще тянулись, голова поворачивалась под немыслимыми углами, так что она все время следила за мной. Из рта ее вылетело яростное рычание, она все больше и больше теряла человеческий облик и ее злоба соответствовала ее безобразной внешности.

Теперь я осознавала, что она связана с каменным блоком и ничего не может сделать, кроме трюков с волосами. Пока я следила за этими ее движениями, я могла свободно искать то, что надо было найти, если оно не полностью уничтожено или унесено.

Пройдя вдоль молчаливых фигур, я медленно пошла по кругу, внимательно следя за врагом. Она подняла руки к лицу, когти ее снова стали пальцами, и она сложила ладони чашей, как буд-

то держала что-то драгоценное, затем поднесла к губам и осторожно подула. Несомненно, это была новая атака: только я не знаю, какая именно.

Она неожиданно раскрыла ладони. Там было что-то маленькое... я никогда не видела такого, но не сомневалась, что это — зло.

Кожистые крылья, рогатая голова и острая морда. Все красное, как искра, вылетевшая из костра. И женщина подбросила вверх эту чудовищную летающую угрозу. Я была уверена, что существо нападет на меня, но оно покружилось и быстро исчезло. Я не знала, когда и откуда появится вновь, но не решилась тратить время на ожидание — надо было продолжать поиски, и я стала перебегать от колонны к колонне. А женщина все время следила за мной и скалила зубы в злобной усмешке.

После того, как жезл был сломан, я возложила все свои надежды на кубок. Вещь Власти должна была реагировать на Власть, когда приблизится к источнику, из которого появилась женщина. Однако, чистый серебристый край кубка не становился более блестящим.

Я отошла от колонн. Ну, конечно, источник Власти находился под блоком, на котором она стояла. Но как поднять этот блок, как его опрокинуть?

Я встала позади Джервона. Его ноги были опутаны не только петлей, но и теми волосами, которые бросала Женщина. Они поднялись по его телу, но не высоко, и его руки с мечом были еще свободны. Мы должны с ним действовать вдвоем — теперь я поняла это. Но сможет ли он? Захочет ли помогать?

Я провела вокруг него своим черным мечом. Сеть волос сморщилась и исчезла. Джервон повернул голову. Лицо его было неподвижным, белым и похожим на лица тех, других, только глаза его были живыми.

— Помогите мне... с этим камнем... — И я положила меч на его плечо. Он вздрогнул и тяжело двинулся. Я ни на минуту не забывала о крылатом существе, которое послала женщина. Зачем она его послала? Для атаки или как призыв о помощи?

Джервон сделал один шаг, затем второй под моим нажимом. Двигался он страшно медленно. Я сунула кубок за пояс, схватила Джервона за руку и направила острие его меча в зазор между камнем и землей.

Рука с уродливыми когтями махнула в дюйме от моего лица, но что-то — возможно, амулет — спасло меня. Я воткнула свой меч в ту же точку и громко закричала:

— Поднимайте!

Я держала рукоятку меча обеими руками. И в этот момент появилось алое существо и нацелилось мне в глаза. Я отдернула голову, но с помощью тех сил, которым долго служила, не выпустила рукоятку меча.

Я почувствовала жгучий удар по щеке, как будто горящим факелом, и услышала шипящий визг. Но главным был камень. И он двинулся!

Я напрягла всю свою силу и одновременно снова крикнула:
— Джервон, поднимайте!

Объединенными усилиями наших мечей камень поднялся, хотя летающее создание носилось над нашими головами. Джервон вскрикнул и пошатнулся, но мы уже сделали свое дело — камень опрокинулся.

Та, что угрожала нам с блока, исчезла. Но красный летун снова нацелился мне в глаза с такой яростью, что я, полуослепленная, откинулась назад. Меч все еще был в моей руке, и я ткнула им наугад в то место, которое мы только что открыли. Раздался тихий плач. Алое существо исчезло.

Я стояла на краю небольшой ямы. Там был гроб, но острие моего меча легко проткнуло его, как мягкую землю. Расколотый гроб начал плавиться, терять форму, а затем эта бесформенная масса погрузилась в землю. Буквально через несколько секунд не осталось ничего.

Плиты под моими ногами стали трескаться — сначала вокруг ямы, а затем эрозия пошла волнами и коснулась ног первого мужчины-статуи. Мужчина вздрогнул, зашевелился, но его латы, красные от ржавчины, содержали одни кости, которые с треском посыпались на расколотый пол вместе с кусками съеденного временем железа.

Так было и с остальными. Мертвецы, потерявшие подобие жизни, падали один за другим.

— Мертвые! — сказал Джервон.

Я оглянулась на него. Он утратил свое неподвижное выражение лица и как бы проснулся.

— Да, давно мертвые. Как и эта ловушка. Она тоже умерла.

Я вытащила свой меч из ямы, где он торчал из земли. Конеч лезвия был разъеден, как если бы попал в кислоту. От моего оружия осталось три четверти. Я сунула его в ножны, поражаясь силе, выходившей из гроба.

А Эйлин? Что будет с ним? Я быстро повернулась к тому месту, где стоял он.

Он шевельнулся, неуверенно поднес руку к голове, сделал шаг и споткнулся о кости и латы своего менее счастливого предшественника. Я бросилась к нему, готовая поддержать. Он моргал и оглядывался кругом, как очнувшийся от сна.

— Эйлин! — я бережно трясла его, как трясут ребенка, кричавшего во сне.

Он медленно оглядел меня.

— Эллис? — вопросительно протянул он, как бы неуверенный, что это действительность.

— Эллис, — подтвердила я и достала кубок.

Чернота исчезла. Серебро так ярко блестело в лунном свете, как будто кубок был только что сделан. Эйлин протянул руку и коснулся кубка.

— Дракон с серебряной чешуей...

— Да. Он сказал мне, что ты в опасности и привел меня сюда.

Он оглянулся. Эрозия все распространялась. Колонны потеряли свой феерический блеск, большая часть их обрушилась... Власть, которая все это держала, исчезла.

— Где... где мы?— Эйлин нахмурился в недоумении: знает ли он обо всем, что с ним случилось?

— Это сердце Проклятия Ингарета, и ты был захвачен...

— Ингарет! — это имя, казалось, разбудило его окончательно.— Где Брунисенда? Где моя леди?

— Она в безопасности в замке Ущелья Фрома,— сказала я, но меня охватило странное ощущение, что Эйлин отошел от меня, хотя я все еще держала его за руку.

— Я не помню...— к нему вернулась неуверенность.

— Это уже не важно. Ты свободен.

— Мы все свободны, леди. Но останемся ли мы свободными?— сказал Джервон.

— Здешняя сила ушла,— сказала я, будучи в этом абсолютно уверена.

— Одна ли она в округе?— продолжал Джервон.— Я буду чувствовать себя спокойно только тогда, когда мы сядем на лошадей и поедем обратно.

— Кто это?— спросил меня Эйлин.

Я подумала, что мозг его все еще затуманен и поспешила ответить.

— Это Джервон, маршал Хэвердейла, он приехал вместе со мной, чтобы освободить тебя. И его меч помог мне выиграть сражение с Проклятием.

— Очень признателен,— рассеянно проговорил Эйлин.

Я думала, что он все еще в плену чар, и поэтому медленно соображает, и простила ему эту убогую благодарность, но его манеры меня задели.

— Где находится Ущелье Фрома?— живым и нетерпеливым голосом спросил Эйлин.

— День пути верхом, — ответил Джервон.

Я уже не могла говорить: во время борьбы с Серебряной Женщиной я забыла всякую усталость, но сейчас, когда все кончилось и Эйлин освобожден, вся эта усталость навалилась на меня. Я покачнулась. За моей спиной оказалась рука, крепкая, как стена, и поддержала меня. Эйлин уже отошел.

— Тогда поехали,— сказал он.

— Подождите.— Слова Джервона шелкнули как приказ.— Леди ехала целый день без отдыха и сражалась всю ночь, чтобы освободить вас. Она не может ехать тотчас же.

Эйлин нетерпеливо оглянулся. Лицо его стало упрямым, как в детстве.

— Я...— начал было он и после минутной паузы кивнул:— Ладно.

Он сказал это неохотно, но я была слишком измучена, чтобы обращать на это внимание.

Я так толком и не помнила, как мы выбрались из развалин спирали, смутно помню только, как лежала на земле на скатан-

ном плаще; крепкая рука держала меня и далекий голос требовал, чтобы я спала.

Я проснулась от дразнящего запаха мяса, а приоткрыв глаза, увидела танцующее пламя костра и над ним на прутьях тушки лесных птиц, маленьких, но таких вкусных, что даже лорд Долин не отказался бы иметь их на праздничном столе.

Джервон без шлема и с откинутым на плечи круглым капюшоном сидел и критическим оком поглядывал на жарящихся птиц. А где же Эйлин? Я повернула голову, но брата не было видно. Я приподнялась, окликнула его.

Джервон быстро повернулся ко мне:

— Он уехал около полудня, тревожась за свою супругу, и, конечно, за свои владения.

С меня мигом слетели остатки сна, потому что мне не понравился тон Джервона.

— Но местность опасна... вы сами говорили, что ехать в одиночку рискованно... а нас трое... — я сообразила, что говорю не то, но я чего-то тут не понимала.

— Он мужчина, хорошо вооруженный. Он решил ехать. Может, я должен был его связать? — тем же тоном сказал Джервон.

— Не понимаю... — я окончательно запуталась и смутилась.

Джервон резко отвернулся к костру. И я видела его щеку, твердый подбородок и прямую линию, в которую иногда складывался его рот.

— И я тоже! — с жаром сказал он. — Если бы кто-нибудь сделал для меня то, что вы сделали для него, я не отходил бы от этого человека. А он только и болтал о своей леди. Если он так много о ней думает, то зачем он пошел в сети этой?..

— Может, он забыл? — Я откинула меховой плащ. — Колдовство часто делает такое. А уж если Власть забрала его, то он не мог сопротивляться. Вы, конечно, помните, какие чары она наводила. Если бы вы попали в петлю, она втянула бы и вас.

— Прекрасно! — его голос не утратил гордости. — Возможно, он действовал, как любой мужчина. Однако же от вашего брата можно было бы ожидать, что он поступит не как все. И... — Он остановился, как бы подыскивая выражения, поскольку не хотел сказать то, что просилось на язык. — Леди, не надейтесь... ну, впрочем, может я вижу поднятые мечи там, где они все еще в ножнах. А что вы скажете насчет того, чтобы покушать?

Мне хотелось бы узнать, что его раздражало, но я не могла заставить силой его говорить. Да и голод сейчас был сильнее всего. Я жадно потянулась к мясу и, думая на него, стала пальцами отдирать мясо от нежных косточек.

Я так долго спала, что мы покончили с едой почти на заре. Джервон привел одну лошадь. Значит, вторую взял Эйлин! Этого я не ожидала. Поведение брата мне казалось все более странным.

Я не спорила, когда Джервон настаивал, чтобы верхом ехала я, хотя я считала, что мы, как товарищи, должны ехать по очереди. Пока я ехала, мои мысли были заняты Эйлином. Дело в том,

что он оставил нас... Любой, только что освобожденный от чар, может оказаться настолько затуманенным, что в его мозгу будет только одна мысль, которую надо немедленно воплотить в жизнь. И если Брунсенда значила для него так много, то он и стремился к ней, как к якорю спасения. Нет, я не расценивала его отъезд как бесчувственность: ведь я никогда не была захвачена колдовством, так что мне трудно было об этом судить.

Я вспомнила, каков был Эйлин мальчиком, вспомнила все, что когда-то принимала как должное. Но почему-то у меня было такое ощущение, что никто из постигших Мудрое Учение никогда не отказывался от подобных ощущений и не считал их беспричинными.

Эйлин никогда не выражал интереса к Мудрому Учению. Теперь, когда я сопоставила все воспоминания, я поняла, что он побаивался его. Хотя на многих вещах для меня лежали обеты молчания, все-таки оставались некоторые кусочки Учения, которыми он мог бы воспользоваться. Но ему не нравилось, когда я показывала свое искусство в его присутствии.

Удивительно, что он не противился, когда я, например, играла с ним в мяч. Тогда он обращался со мной вполне по-братски, и я была довольна, но стоило мне заговорить о том, что я делаю с Эфрикой — он сразу отскакивал, как пугливая лошадь. Правда, он согласился выпить со мной прощальный кубок. Это были единственные связывающие нас чары, которые он принял.

Мы оба знали, что наша мать вызывала Силы, чтобы дать нашему отцу сына. Она выковала Кубок Дракона и в последний момент попросила еще и дочь, с радостью заплатив своей жизнью. Так что мы не были обычными детьми, магия с самого начала играла роль в нашей жизни. Почему же Эйлин боялся ее?

Я проводила много времени с ним и с отцом, но были у меня и другие часы, о которых мой отец никогда не говорил. Он тоже, как я теперь вспоминаю, знать не желал об этой стороне моей жизни, как будто в ней было что-то уродливое.

Я глубоко вздохнула, когда новая концепция моего прошлого полностью раскрылась передо мной. Неужели мой отец и Эйлин чувствовали отвращение к магии и даже стыдились ее? Как они могли? Ведь моя мать... Что случилось в Эсткарпе, почему мои родители были вырваны из своей прежней жизни и брошены в убогий Варк?

Стыдиться силы! Неужели мои отец, брат видели во мне отмеченную... или замаранную?

— Нет! — громко сказала я.

— Что — нет, миледи?

Я испуганно взглянула на Джервона, идущего рядом. Я жаждала спросить его и боялась. Но затем я овладела собой, потому что в его ответе могло быть решение проблемы Эйлина.

— Джервон, знаете ли вы, кто я? — спросила я напрямик, и голос мой звучал чуть хрипло, потому что от его ответа зависело многое.

— Очень храбрая леди и Госпожа Власти,— ответил он.

— Да, Мудрая Женщина,— я не хотела его лести,— имеющая дело с Невидимым.

— Для хорошей цели... вроде как здесь. А что вас смущает, леди?

— Не уверена, что все мужчины думают, как вы, мой друг, что хорошо быть Госпожой Власти. Если иной раз и допускают это, то далеко не так благожелательно. Я родилась с таким знанием, это моя жизнь. Я не могу представить себя без этого, хотя оно отгораживает меня от других, и есть такие, что косо смотрят на меня.

— Сюда относится и Эйлин?

Он быстро соображает, чересчур быстро! А, может быть, я слишком глупа и выдала свои мысли? Но я зашла уже слишком далеко, чтобы скрывать свои дурные предчувствия.

— Может быть... не знаю.

Но надеялась ли я, что он станет отрицать это? Если так, то я ошиблась, потому что он тут же ответил:

— Если это так, то многое объясняется. Кроме того, он был пойман в сомнительном деле и меньше всего хочет видеть тех, кто может напомнить ему об этом.

Я осадил лошадь.

— А у вас не так?

Джервон положил руку на рукоять меча:

— Это — моя защита, мое оружие. Сталь, которой я могу коснуться, которую я могу увидеть в своих руках. Но есть другое оружие, и вы это удачно доказали. Неужели я должен бояться или косо смотреть на это оружие только потому, что оно не металлическое и невидимое? Я обучен искусству войны, но кое-что знаю и о путях мира. Да, я учился и вы тоже. Не знаю, но возможно, что кое-что в моем учении тоже показалось бы вам странным. Как можно считать одно учение большим или меньшим другого, если они идут из разных источников? В вашем мирном искусстве у вас дар врачевания, а то, что вы сделали с Проклятием — это ваше военное искусство. Нет, я не могу смотреть со страхом или отвращением на то, что вы делаете!

Так он ответил на самые черные мои мысли. Но если Эйлин думает по-другому, что будет со мной в последующие дни? Я могу вернуться в ту безымянную долину,— если ранняя зима еще не запечатала ее,— где остался народ Варка. Но меня ничто не связывает с ними, кроме Эфрики, но и она навсегда простилась со мной, когда я уезжала. Двух Мудрых Женщин там не надо, а для меня она сделала все, что могла. Я теперь взрослая женщина и проверила свою силу. А оперившийся птенец не может вернуться в свою бывшую скорлупку.

Ущелье Фрома? Нет, там для меня нет ничего. Я уверена, что правильно оценила Брунсенду за то короткое время, что видела ее. Она могла принять свою даму, но для Мудрой Женщины, близкой родственницы мужа, будет достаточно косых взглядов.

Но если не в Долину и не в Замок... то куда же? Я задумчиво

огляделась вокруг: я и в самом деле оказалась выброшенной... и только теперь поняла это.

— Ну, поехали? — сказал Джервон, как бы читая мои горестные мысли.

— А куда? — в первый раз за наше совместное путешествие я ждала от него ответа, не имея своего.

— Я бы сказал, что не в замок, — с резкой и ясной решимостью сказал он. — Или, если хотите удостовериться, что Эйлин вернулся, можно и туда с визитом, но надо сделать этот визит как можно более кратким.

Я ухватилась за это решение — оно давало мне время подумать.

— Ну, что ж — тогда в Ущелье Фрома, н... ненадолго.

Хотя мы вынуждены были ехать медленно, мы еще до вечера увидели людей, посланных Эйлином навстречу нам. Я обратила внимание, что, хотя люди обращались с нами почтительно, сам Эйлин не приехал с ними.

Мы приехали в замок, когда взошла луна, и меня отвели в комнату для гостей, где ждали служанки с котлом горячей воды для снятия дорожной усталости, какой я еще не ведала. Но прошлой ночью я спала на голой земле куда лучше, потому что меня не мучали никакие мысли. Утром, когда я встала, служанки принесли мне мягкое платье, какое носят леди Долин. Но я попросила мою блузу и дорожные брюки. Служанки заволновались и сказали, что по приказу леди Брунисенды эти мои вещи были выброшены, как изношенные. По моему настоянию одна из девушек вспомнила о другой одежде и принесла ее мне. Одежда была мужская, но новая и, видимо, принадлежала моему брату. Во всяком случае я надела ее вместе со своей кольчугой, сапогами, перевязью для меча и ножнами, в которых было мое искалеченное оружие.

Плащ, седельные сумки и дорожную котомку я оставила в комнате. Девушки сказали, что брат еще со своей леди, и я послала попросить о встрече.

Я снова вошла в роковую комнату. Брунисенда ахнула, увидев меня, и крепко вцепилась в шелковый рукав сорочки Эйлина.

Брат хмуро уставился на меня, затем ласково отвел ее руку, шагнул ко мне и еще сильнее нахмурился, оглядывая меня сверху донизу.

— Зачем ты здесь в таком наряде, Эллис? Неужели ты не понимаешь, что Брунисенде тяжело видеть тебя такой?

— Я ходила так всю жизнь, брат. Разве ты забыл это?

— Ничего я не забыл! — взорвался он, как будто сознательно копил свою злобу. — То, что было в Варке — давно прошло. Забудь и ты грубые времена. Моя дорогая леди поможет тебе в этом.

— Захочет ли она? И много мне надо забыть, брат? Похоже, что ты уже забыл!

Он поднял руку и мне показалось, что он готов был ударить меня. И я поняла: он боится меня не как Мудрую Женщину, он

боится, как бы я не рассказала Брунисенде о том, как его околдовали:

— Это забыто, — сказал он предупреждающе.

— Пусть так. — Мне нечего было решать. Все было решено за меня давным-давно. Мы были близнецами, на одно лицо, но в остальном вряд ли родные. — Я ничего не прошу у тебя, Эйлин, кроме лошади. Я не собираюсь идти пешком, а мою лошадь ты взял.

Его хмурое лицо чуть-чуть посветлело.

— Куда же ты поедешь? Обратно к этим, в Варк?

Я пожала плечами и не ответила. Если он хочет так думать — пусть думает. Я все еще была поражена бездной между нами.

— Ты мудра, — Брунисенда подкралась к Эйлину. — Люди все еще боятся Проклятия. Раз ты имела дело с этой силой, они боятся и тебя...

Эйлин зашевелился:

— Она уничтожила это ради меня. Никогда не забывайте этого, миледи!

Она ничего не ответила, но так взглянула на меня, что стало ясно: дружбы между нами никогда не будет.

— Уже день — я поеду. — У меня не было никакого желания смотреть на то, что похоронено в прошлом.

Он дал мне лучшую лошадь из своей конюшни, приказал также привести вьючную лошадь и нагрузить ее различными вещами и припасами. Я не отказывалась от этой его попытки облегчить свою совесть. Я видела, что его леди не сводит с нас глаз, поражаясь нашему сходству. Я села в седло и посмотрела сверху на Эйлина. Я не желала ему зла. Он живет по своей натуре, я — по своей. Поэтому я сделала знак, благодаривший его и желавший ему счастья. Он сжал губы, как будто не хотел этого.

Итак, я выехала из Ущелья Фрома. У ворот меня догнали. Это был Джервон. Я спросила его:

— Вы узнали, где ваш лорд? В какую сторону вы едете, чтобы вернуться под его штандарт?

— Лорд умер, — ответил Джервон. — Его люди — те, кто остался жив, — ушли под другие знамена. Так что я без лорда.

— Куда же едете, меченосец?

— Я потерял лорда, а нашел леди. Ваша дорога будет моей, Госпожа Власти.

— Отлично. И какая дорога, куда?

— Война все еще идет, леди. У меня меч и у вас тоже. Давайте поищем, где можно получше тревожить Собак.

Я засмеялась, потом повернулась спиной к Ущелью Фрома. Я была свободна, впервые свободна от главенства Эфрики, от жалкого надзора Варка, от чар Кубка Дракона, который отныне станет просто кубком, а не магнитной стрелкой, вовлекающей меня в опасность. Если только... Я глянула на Джервона, но он смотрел не на меня, а на дорогу — если только я не предпочту употребить этот кубок по-другому. А в будущем я, пожалуй, так и сделаю.

Кузнецы песен перековывают в блестящие произведения многие легенды, как старые, так и новые. Есть ли в них правда — кто знает? Однако и в самом невероятном рассказе лежит зерно истины. Так было с легендой о Сне Кузнеца, хотя нашему современнику доказать это так же трудно, как вычерпать ковшиком Фос Торн.

Брэзон был кузнецом в Гейле и познал все великие и малые тайны своего мастерства. Он работал как с бронзой и железом, так и с драгоценными металлами, хотя для последних он употреблял немногие и редкие инструменты.

У него были два сына — Эрнар и Колард. Оба были понятливыми юношами, так что не только в Гейле, но и значительно дальше Брэзона считали счастливым человеком. Два раза в год он ездил по реке в Туфорн с товарами собственного изготовления — крюками, лезвиями мечей, а иногда и брошами и ожерельями из чистого серебра.

Это было еще до вторжения. Высокий Халлак жия мирно, если не считать разбойников да лесных бродяг и им подобных, кто время от времени делал набеги. Из-за этих людей жители Верхних Долин нуждались в оружии.

Висис был лордом Итондейла, но жители Долин мало видели его, потому что он унаследовал от матери поместья в прибрежных странах и там вторично женился. Так что лишь немногие старики, да одна-две прачки бывали в замке от одного зимнего праздника до другого.

На третий год после второго брака Висиса (жители Долины были извещены об этом посланием) в самом Гейле случилось нечто более важное.

С холмов пришел торговец. Один из его пони был нагружен слитками вроде бы чистого металла, но Брэзон не мог сказать, что это за металл. Даже необработанный, он сиял, и это очаровало кузнеца. Испытав кусочек металла огнем и молотком, он с восторгом купил весь груз. Продавец отвечал уклончиво на вопрос о происхождении металла, но Брэзон решил, что человек просто хочет сохранить секрет, который принесет ему выгоду в дальнейшем. Поскольку пони захромал, торговец с явной — по крайней мере, так показалось, — неохотой оставил в одном из ларей Брэзона два мешка, где было больше металлического лома, чем руды. Брэзон не сразу начал работать с этим металлом: он долгое время изучал его, обдумывал, как лучше его использовать, и, наконец, решил сделать сначала из него мечи. Прошел слух, что лорд Висис посетит эти самые западные свои владения, и поднесение лорду такого образца кузнечной работы могло в дальнейшем оказаться полезным.

Плавка была поручена Коларду, поскольку парень прекрасно справлялся с этим делом. Брэзон решил, что его сыновья по очереди будут приучаться к работе с этим металлом, так как предполагал, что торговец приедет еще раз со вторым грузом.

Ни один человек не застрахован от случайностей в работе.

Все присутствовавшие, в том числе и сам Брэзон, установили, что вина не в оплошности или небрежности Коларда — все знали, что он был старательным и аккуратным — однако плавка взорвалась и кузницу едва не разнесло на куски.

Были обожженные и покаленные, но сильнее всех пострадал Колард. Для него было бы лучше умереть тут же, потому что когда он встал после долгих месяцев страданий и отчаяния, он уже был не человек.

Шервана, Мудрая Женщина и целительница, взяла к себе изломанное тело. То, что выползло из ее дома, уже не было Колардом, прямым и стройным мальчиком, гордиться которым мог любой отец. Это было нечто такое, что можно иногда увидеть в резбе, к счастью сильно попорченной временем и погодой на развалинах Древних. Тело его было скрючено, он ходил согнувшись, как столетний старец, а лицо его было страшной маской, какие выглядят из-за деревьев в посещаемом нечистой силой лесу... Шервана старалась помочь, но ее стараний было явно недостаточно, чтобы полностью скрыть его облик от глаз людей. Все быстро отводили взгляд, когда он ковылял мимо.

Она взяла мягкую кору и сделала маску, чтобы скрыть его изуродованное лицо, и он носил ее всегда, но все равно старался не попадаться на глаза никому. Он не вернулся в дом отца, а занял старую хижину в дальнем конце сада, работал по ночам, чтобы прежние товарищи не видели его, и перестроил ее в достаточно удобное жилище, потому что погубивший его несчастный случай не отнял его умелых рук, а также разума.

Он работал в кузнице по ночам, но в конце концов Брэзон запретил ему это, поскольку были возражения против стука молотков, а народ Гейла не хотел напоминаний о человеке, который пользовался этими молотками... так что Колард перестал ходить в кузницу. Чем он занимался, никто не знал, и все почти забыли его. На следующее лето, когда его брат женился на Никеле из Милла, он не был на свадьбе и не захотел заходить в те участки двора и сада, где домочадцы могли увидеть его.

На третий год Колард появился в кузнице, но только потому, что приехал торговец — не тот, а другой. Пока он торговался с Брэзоном, Колард стоял в тени, но когда дело было закончено, сын кузнеца выступил вперед и коснулся руки торговца.

Он ничего не сказал торговцу, только кивнул в сторону стола, на котором расстелил кусок ткани и поставил целую серию маленьких фигурок. Тут были и животные причудливой формы. Тела их были выполнены с таким совершенством, будто бедняга Колард, обреченный до конца жизни ходить скрюченным, вложил в эти фигурки все свое желание быть таким же, как его товарищи. Фигурки были частью из дерева, но в основном из металла. Брэзон, остолбеневший при виде такого совершенства, заметил особый блеск. Это был тот самый металл, который он отложил в сторону, боясь братья за него после того случая.

Торговец сразу понял ценность вещей и решил купить. Колард хриплым каркающим голосом назначил цену, которую даже Брэ-

зон нашел хорошей. Когда торговец ушел, Брэзон повернулся к Коларду. Он даже забыл о пустой маске, которой только глаза придавали сходство с живым человеком.

— Колард, как ты их сделал? Я никогда не видел подобной работы, даже в Туфорде, в лавках заморских купцов. Раньше... раньше ты никогда не делал такого... — он начал путаться в словах, глядя на маску, будто говоря не с сыном, а с кем-то чужим, вроде тех, кто, как рассказывают, танцуют вокруг неких камней, к которым осторожный человек и близко не подойдет.

— Не знаю, — ответил скрежещущий и грубый, как лай, голос. — Пришло в голову, вот и сделал. — Колард повернулся, чтобы уйти, но отец удержал его:

— Твоя выручка.

Тут были заморские монеты, годные для обмена или в переплавку, малиновая ткань, два ножа с рукоятками из резного рога.

— Сохрани это, — Колард хотел пожать плечами, но потерял равновесие и вынужден был схватиться за край стола. — Зачем мне богатство? Мне ведь не покупать свадебных подарков невесте!

— Но если тебе не надо того, что дал торговец, зачем же... — спросил Эрнар, который тоже был здесь. Он был слегка раздрадован, что его младший брат, ничем особенно не выделявшийся ранее, сделал такие замечательные вещи.

— Не знаю, — Колард повернулся к брату. — Наверное, хотел знать, имеют ли они ценность для умного умельца. Да, отец, ты напомнил мне о моем долге, — он взял кусок тонкой ткани и маленькую золотую монетку с ушком, чтобы можно было носить на цепочке. — Мудрая Женщина сделала для меня все, что могла... — И, помолчав, добавил: — А остальное пусть пойдет на мою долю в хозяйстве, раз я не могу зарабатывать на хлеб в кузнице.

В сумерках он принес свой подарок Шерване. Он выложил его на стол в маленькой комнате, где так хорошо пахло сухими травами и отварами из них. Сова со сломанным крылом наклонилась с полки над его головой, а маленькие дикие животные, ставшие здесь ручными, торопливо разбежались при его появлении.

— Я приготовила... — она подошла к шкафчику и достала маску, которая была гораздо мягче той, что была на Коларде. Он с удивлением пощупал ее.

— Хорошо выделанная кожа, — сказала она, добавив: — И подвергнута действию погоды. Я давно искала что-нибудь подходящее. Ты примерь ее. У тебя была работа?

Он полез во внутренний карман куртки и достал последнюю вещь, которую принес он Шерване. Если торговец с жадностью взял то, что увидел утром, то как он загорелся бы при виде этой вещи? Это была статуэтка крылатой женщины. Руки ее были широко раскинуты и подняты вверх, будто она тянулась в небо к чему-то страстно желаемому. Она отличалась от тех фигурок, что он продал, как законченное лезвие ножа от грубой его заготовки.

— Ты видел Ее? — Шервана протянула руку к статуэтке, но не коснулась ее.

— Как и все остальное, — проскрежетал он в ответ, — во сне. А когда проснулся, решил сделать образ мечты. Мудрая Женщина, если ты и вправду мне друг, дай мне что-нибудь, чтобы я уснул и не проснулся.

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, иначе моя лечебная сила пройдет между пальцами, как текучая вода. Но знаешь ли ты, почему ты видел такой сон? Какие места тебе снились?

— Знаю только, что местность, которую я видел, не в Долинах — по крайней мере, какие они сейчас. Может ли человек видеть во сне далекое прошлое?

— Человек видит собственное прошлое. Но если ему дан талант, почему бы ему не увидеть и более далекое прошлое?

— Талант! — Колард произнес это слово, как молитву. — Какой талант?

Она переводила взгляд с него на крылатую фигурку.

— Колард, мог ли ты раньше делать такие вещи?

— Ты не понимаешь. У меня только руки, а я отдал бы все за прямую спину и за лицо, от которого бы женщины не шарахались с визгом.

— Ты никогда не позволял мне бросить руны о твоём будущем...

— Нет, и не позволю! — вскипел он. — Да и кто пожелал бы этого, будь он такой, как я? А насчет того, почему такой сон и последующее воплощение мечты пришли ко мне... Видишь ли, я перекладывал в кузнице тот необычный металл. В нем, наверное, какое-нибудь страшное колдовство. Тот торговец так и не вернулся сюда, и мы не смогли спросить его.

— Я уверена, — сказала Шервана, — что этот металл из какой-нибудь цитадели Древних. У них тоже были войны, но они пользовались не мечами и копьями, а чем-то более сильным. Возможно, торговец случайно попал в древнюю цитадель и взял остатки такого оружия?

— И что же? — спросил Колард.

— Этими вещами человек пользуется эмоционально, но делает их своими руками, носит с собой, вкладывает в них свою жизнь. Такое влияние может оставаться много лет. И если этот остаток эмоций внезапно выпустить, они войдут в неосторожного человека, откроют...

— Понятно, — Колард провел пальцами по чисто выскобленной поверхности стола. — И пока я лежал больной, я был таким образом открыт для... и в меня вошла память других людей?

Она закивала:

— Именно! Возможно, ты видел во сне Долины, какими они были до прихода сюда нашего народа.

— А что в этом хорошего для меня?

— Не знаю. Но пользуйся этим, Колард, пользуйся! Если дар остается неиспользованным, он вянет и мир становится беднее.

— Мир? Ну, что ж, я могу продавать это. И если я буду за-

рабатывать свой хлеб, никто меня не потревожит. Всю жизнь идти по темной дороге и никогда не свернуть в гостеприимную дверь...

Шервана молчала. Потом вдруг схватила его за руку, прежде чем он успел ее отдернуть, и повернула ее ладонью к свету. Он хотел вырвать руку, но не смог. Она наклонилась и стала рассматривать линии на его ладони.

— Не надо прорицаний! — закричал он. Сова зашевелилась и опустила здоровое крыло.

Разве я что-нибудь говорю? — спросила Шервана, выпустив его руку. Как хочешь, Колард. Я ничего не сказала.

Он смущенно отвел руку и потер ее пальцами другой руки, как бы собирая отметки, оставленные Шерваной.

Мне пора идти. Он взял маску, собираясь примерить ее в своей хижине, где никто не увидит его лица.

Иди с миром, — сказала Шервана, как было принято говорить среди ее народа, и почему-то эти слова дали ему некоторое облегчение.

* * *

Шло время, все избегали хижины Коларда, а он никого не приглашал к себе, даже отца. Второй торговец тоже не приходил, но зато пришли новые из большого мира за Долинами, из мира, который людям Гейла казался легендарным.

Когда лорд Висис женился, у него была дочь от первой жены. Но теперь пошли разговоры не только в Гейле, но и на дальних фермах, потому что в замок приехали люди, начали чистить и приводить в порядок комнаты в центре замка. Висис посылал туда свою дочь, леди Джесинду, так как в городе она болела.

Болела! Колард на пути к колодцу остановился в темноте, потому что голос его невестки Никелы резко звенел. Это не новость! Когда дама Матильда позвала меня к себе в комнаты посмотреть, многоли еще травы надо посушить под ковер, она говорила достаточно откровенно. Молодой леди никогда не будет лучше. Маленькое скрюченное существо, похожее на ребенка, а не на девицу на выданье. Впрочем, нашему лорду не найти желающего взять ее в постель, если только он не даст за ней приданого, как за дочерью Высокого Лорда.

Дело в том, как говорила леди Матильда, что леди Гвеннен не хочет, чтобы его дочь была с ней. Она очень чувствительна и говорит, что не сможет родить своему лорду крепкого сына, если постоянно будет иметь перед глазами это хилое перекрученное тело.

Колард бесшумно поставил ведро и шагнул поближе к окну. В нем впервые проснулось любопытство, и ему захотелось услышать, что еще скажет Никела.

Она продолжала бы говорить, но тут Брэзон заворчал, чтобы ему дали подогретого эля, и Никела бросилась к очагу.

Колард, вернувшись к себе, не взялся за инструменты, а сел

у камина. Сняв маску, он медленно вертел ее в руках, вспоминая слово за словом все, что он подслушал. Значит, леди Джесинду убрали с глаз долой в деревенский замок? Да, он знал старое поверье, что беременная женщина не должна видеть ничего и никого уродливого, потому что это может оставить метку на ребенке в ее чреве. И лорд Висис, конечно, должен был сделать все, что мог, для будущего сына. Мнения леди Джесинды, наверное, и не спрашивали. Но, может быть, она и сама была рада скрываться от посторонних глаз, поскольку она не такая, как все.

Понравится ли ей в Гейле? Не будет ли ей, девушке, еще тяжелее, чем Коларду? В первый раз Колард оторвался от своих мечтаний и от своей горечи и подумал о другом человеке.

Он встал, зажег свет и, подойдя с лампой к полке, осветил фигурки, стоявшие там. Пока он критически разглядывал их, что-то зашевелилось в его мозгу, но не только воспоминания сна. Он снимал некоторые из статуэток, поворачивая их в руках, но почти не видел их: он размышлял. Наконец, он выбрал одну, которая, как ему казалось, отвечала его целям. Он перенес ее на стол и разложил рядом инструменты. Эта статуэтка изображала животное вроде лошади, стоявшей на задних ногах, но не в сражении, а в радостном свободном прыжке. И оно было похоже на лошадь, но между изящными его ушами торчал рог.

Положив статуэтку на бок, Колард принялся за работу. Уже пропели петухи, когда он кончил. Теперь танцующий единорог стал печаткой, в основании ее была выгравирована буква «джей» с обвивающей ее виноградной лозой.

Колард отодвинулся от стола. Он сделал то, что хотел. Но зачем? У него было искушение бросить статуэтку в плавильный костер, но он этого не сделал и решил просто забыть о своем безумии. Он не присутствовал при появлении лорда Висиса с дочерью, хотя все остальные жители Гейла были в сборе. Позднее он слышал, что леди Джесинду привезли на носилках, и она была так укутана в плащи и покрывала, что видно было только ее лицо. Она и в самом деле была очень маленькой, а лицо ее было очень узким и очень бледным.

— Такие долго не живут, — услышал он заявление Никелы. — Я слышала, что дама Матильда уже послала за Шерваной. С леди приехала только ее старая нянька, — и она тоже больная. Не очень-то весело будет в замке Гейла! — в ее голосе слышалось сожаление, но, как был уверен Колард, не о судьбе Джесинды, а о том оживлении в замке, которое вносило разнообразие в жизнь деревенских жителей.

Колард потрогал свою маску. Она уже износилась, скоро опять придется нанести визит Шерване. Его честность возразила: к чему эти извинения и предлоги? Ведь он хочет услышать о леди, о том, как она оказалась в таком же теле, как и у него. И с наступлением темноты он пошел, в последний момент захватив с собой печатку.

В окне Шерваны горел свет. Он постукал условным стуком,

вошел и с удивлением увидел Шервану у камина. Она сидела, не сняв плаща, только откинув на плечи кашубон, которого он еще у нее не видел. Он быстро подошел и взял ее за руку.

— Что случилось?

— Ох, Колард, бедная малышка, как ужасно...

— Леди Джесинда?

— Ужасно,— повторила она.— Но она так ласково говорила со мной, даже когда я должна была причинить боль ее бедному телу. А ее няня стара, и при всей своей любви к леди мало чем может помочь ей. Дорога была очень тяжела для девочки, но, я думаю, она не жаловалась и даже не выражала протеста против своего изгнания — по крайней мере, так сказала мне няня после того, как я дала леди облегчающее питье, и она уснула. Но это жестокое дело — привезти ее сюда.

Колард слушал, присев на корточки. Ясно было, что леди Джесинда получила поддержку Шерваны.

Постепенно Шервана успокоилась и выпила чаю из трав, которые он подал ей. Она не спрашивала, зачем он пришел, и, казалось, была рада, что он здесь. Наконец он достал из поясного кармана печатку и поставил ее под свет лампы. Она была сделана из того странного металла, который погубил Коларда. А он все время тянулся к этому металлу, и ему казалось, что статуэтка, сделанная из него, была лучше и ближе подходила к тому, что он видел во сне. Теперь печатка сверкала на свету.

Шервана глубоко вздохнула, увидев вещицу. Перевернув ее и увидев гравировку, она кивнула:

— Ты хорошо сделал, Колард. Я отдам ее ей в руки...

— Не надо! — теперь ему захотелось взять свою работу обратно, но руки не повиновались ему.

— Надо,— твердо сказала Шервана.— И если она попросит — принеси и остальные, Колард. Если ты заставишь ее забыть хоть на минуту, какова ее жизнь, ты сделаешь великое дело. Принеси мне наугад несколько вещей, тех, что могут ей понравиться и, может быть, вызовут ее улыбку.

Колард осмотрел свою коллекцию, но не мог ничего выбрать «наугад» и засел за работу.

Дважды он приходил к Шерване со своими приношениями. Теперь он работал только с тем металлом и находил, что с ним легко работать. Но на третий раз Шервана пришла сама и это было так необычно, что он даже растерялся.

— Леди Джесинда хочет видеть тебя лично и поблагодарить.

— Лично! — Колард закрыл лицо руками поверх маски.

Глаза Шерваны сверкнули гневом:

— Ты никогда не был трусом, Колард. Так неужели ты боишься несчастной девочки, которая хочет только выразить тебе свою благодарность? Она так хочет этого, это желание камнем застряло в ее мозгу. Дасть ей радость, не отнимай ее у бедняжки. Она знает, что было с тобой, и поэтому просит тебя прийти к ночи через старые постовые ворота. Я пойду с тобой. Неужели ты откажешься?

Он хотел отказаться, но не мог, потому что в нем самом росло желание увидеть леди Джесинду. Он стеснялся спрашивать о ней Шервану, а из тех отрывочных сведений, что он слышал, он не мог представить себе образ девушки. Так что он согласился.

И вот Колард в сопровождении Шерваны пришел в будуар леди Джесинды. Он старался идти прямо, насколько позволяло его искривленное тело: маска плотно закрывала его лицо от всех глаз, и глазным образом от глаз Джесинды.

Говорили, что она маленькая, когда видели ее обложенной подушками и укутанной меховыми плащами; теперь же, когда она сидела в кресле с высокой спинкой, она казалась еще меньше. Длинные волосы цвета темного меда, заплетенные в косы и перевязанные лентами, лежали на сторбленных плечах. Из всего остального были видны только бледное узкое лицо и две белые руки, лежавшие на доске, что положили над ее коленями. На доске стояли все фигурки людей и животных, которые ей послал Колард. Впоследствии он даже не мог вспомнить, как они поздоровались. Как будто два старых друга встретились после многих несчастий, сели на солнышке и радуются теплу и своей встрече. Она расспрашивала о его работе, а он рассказывал ей о своих снах. А затем она сказала нечто, задержавшееся у него в мозгу:

— Ты счастливый, Колард, что у тебя магические пальцы и ты можешь сделать свои сны живыми. И я счастлива, что ты разделил их со мной. А теперь назови мне эти вещи!

Каким-то образом он начал давать названия каждой фигурке, а она кивала головой и говорила:

— Совершенно правильно! Ты точно назвал их!

Это само по себе было сном, — думал он потом, когда ковылял домой рядом с Шерваной. Он всю дорогу молчал и переживал все заново, все то, что мог вспомнить.

Наутро он проснулся с настоятельной потребностью работать. Он работал дни напролет с ощущением, что должен выполнить задачу, а времени у него было мало. Теперь он делал не просто маленькую фигурку, а холл в миниатюре... холл, какой мог быть разве только у высокого Лорда. Ароматное дерево для панелей и металл — все тот же странный металл.

Вывишись из сил он засыпал, иногда голод слишком донимал его. Он тщательно и вдумчиво делал всю обстановку холла. Сделал на возвышении два высоких кресла. Они были пусты — и это было неправильно. Колард провел рукой по лицу без маски — в первый раз грубые рубцы не имели для него никакого значения. Чего-то не хватало, а он так устал, что не мог даже думать.

Он упал на постель и заснул так крепко, что вроде не видел никаких снов. Однако, проснувшись, он знал, что надо сделать. В нем снова возникло ощущение срочности, так что он жалел минуты, потраченные на еду.

Он работал с бесконечной тщательностью. Он не знал, сколько времени прошло, но у него были готовы те, кто должен был сидеть на высоких креслах в холле, и он поместил их туда.

Женщина — не с изуродованным и горбатым телом, а строй-

ная и прекрасная, способная ходить, бегать и ездить верхом. Но лицо ее было лицом Джесинды — и в этом никто не смог бы усомниться.

Мужчина... Колард повертел его, задумчиво оглядывая. Нет, это было не его лицо... но он знал, что так — правильно. И когда он посадил их обоих в высоком холле, он оглядел хижину другими глазами.

Он встал и умылся, надел свою лучшую одежду, довольно жалкую, впрочем, потому что в последние годы одежда служила ему только для прикрытия тела, но не для получения удовольствия, затем убрал свои инструменты, которые он сделал сам, собрал все фигурки — первые свои работы, те, что были слишком гротескными или страшными, и сунул их в плавильный костер.

Холл он завернул в кусок ткани и взял с собой. Вещь была тяжелая и шел он медленно. Но когда он вышел в конец деревни, то его поразили движение и освещенные факелы на улицах — так бывало только при каких-либо важных событиях. Замок тоже был весь освещен факелами.

Холодные пальцы страха коснулись Коларда, и он повернул обратно, к дому Шерваны. Когда он стучал в ее дверь, он весь покрылся потом, хотя ночной ветер был достаточно холодный.

Не получив ответа на стук, Колард сделал то, чего никогда не делал: приподнял щеколду и вошел без приглашения. Станный запах наполнял комнату, в каждом конце стола горело по голубой свечке, а между свечами лежали предметы, которые, как он догадался, относились к Мудрому Искусству — развернутый свиток пергамента, прижатый по краям двумя странно окрашенными камнями, миска с мерцающей и вспыхивающей искрами жидкостью, нож, положенный крест-накрест с рунным жезлом.

У стола стояла Шервана. Он испугался, что она рассердится, но она кивком подозвала его, как будто ждала его прихода. И хотя до этого он отмахивался от ее тайн, тут он подошел с ощущением чего-то неладного и с чувством, что времени остается все меньше. Он не поставил свой груз на стол, пока Шервана, опять-таки не говоря ни слова, жестом не приказала сделать это. Он развернул ткань. В свете голубых свечей маленький холл... У Коларда захватило дух и ему показалось, что он смотрит издали в настоящую реальную комнату.

— Итак, вот он — ответ, — медленно произнесла Шервана, наклонившись и внимательно осмотрев весь холл, как бы удостоверясь, что он подходит для ее целей. Затем она выпрямилась и снова взглянула на Коларда.

— Случилось многое. Ты не слышал?

— О чем? Я работал над этим. Что-нибудь с леди Джесиндой?

— Да. Лорд Висис умер от горячки. Похоже, что его новая леди обманулась в своих надеждах, которые заставили ее отослать леди Джесинду сюда. Единственная наследница — его дочь. Теперь она больше не будет забытой... но замышляется недоброе. Леди Гвениен послала за ней и хочет немедленно выдать ее замуж за своего брата Хэтберта, чтобы сохранить земли и

богатства. Не настоящий брак, конечно, и долго ли проживет Джесинда с теми, кому нужны лишь ее богатства, а не она сама?

Колард схватился за край стола. Слова Шерваны били его болезней, чем любые удары по телу.

— Она... она не должна ехать.

— Да? А кто ее удержит, кто станет на пути тех, кто послан за ней? Некоторое время она пролежит в постели под предлогом болезни. Ее нянька и я напугали приехавших за ней предсказанием смерти Джесинды в дороге. А этого они боятся — что она умрет до свадьбы. Говорят, что лорд Хэтберт едет сюда сам, чтобы обвенчаться с ней на ее смертном одре, если так случится.

Колард хотел заговорить, но она отмахнулась, сказав:

— В эту ночь я призвала силы, которые я никогда не осмеливалась тревожить, потому что Мудрая Женщина может их вызвать только один или два раза. Они ответили мне, и если ты захочешь помочь...

— Как?

— Высоко в северных отрогах есть гробница Древних. Силу, что жива там, наверное, можно вызвать, но ее нужно сфокусировать на работе. У тебя есть это, — она указала на сотворенный им холл. — Тут сидит леди Джесинда, какой она должна бы быть, и все это сделано из того металла, с которым когда-то работали сами Древние... Что может быть лучше, чтобы призвать Силу и Власть? Но это надо сделать у гробницы, а времени очень мало.

Колард снова завернул свою работу. Он знал, что Шервана верит в истинность того, что она сказала. И если она права... даже если она ошиблась, что он может сделать? Сразить тех, кто собирается увести Джесинду? Лучше поверить, что Шервана права... Никто не может отрицать, что Древние все еще могут показать свою власть, если захотят: о таких случаях много рассказов.

Шервана взяла сумку и положила в нее две новые свечи и сверток с травами.

— Поставь то, что ты принес, на средний камень, — сказала она, — а по бокам поставь свечи... вот так же, как они стоят здесь. Когда свечи разгорятся, брось в огонь по щепотке травы и трижды вызови Таланна. А я пойду в замок и сделаю то, что смогу для отсрочки дела. Торопись!

— Да. — Он уже шел к двери.

Бежать он не мог. Самое большое, на что он был способен это неуклюжее ковыляние, но и оно было трудно по грубой почве. Но в конце концов он добрался до отрогов. Без сомнения, дом Мудрой Женщины недаром находился недалеко от гробницы Древних.

Пройти через поля было не очень трудно, но последовавший за тем подъем потребовал напряжения всех сил Коларда, физических и умственных. Он шел по тропе. Возможно, в хорошую погоду по ней легко было идти, но не сейчас, в темноте. Но Колард заметил, что от его ноши исходит слабый свет, и приоткрыл ткань, чтобы излучение металла освещало ему путь.

Дважды он поскользнулся и падал, больно ушибаясь, потому что берег то, что нес на себе, больше, чем тело свое. Он страшно устал и продвигался дюйм за дюймом только усилием воли. Но во время всего этого кошмарного пути перед его глазами стояло бледное лицо леди Джесинды, и то, что он видел в ее глазах, поддерживало его силы.

Так он дошел до Древней гробницы. Она была вырублена в скале искусством людей или тех существ, что когда-то были здесь, и над ней была полоска резьбы, сильно попорченной эрозией. Коларду показалось, что он видит в этих остатках резьбы животных из своих снов. Но он перевел свое внимание на камень, стоявший прямо перед гробницей. Камень имел форму полумесяца. Колард встал между его рогами, поставил на алтарь свое изделие и снял покрывало.

Трясущимися руками он поставил свечи и зажег их, а потом бросил на каждую по щепотке травы. Закурился ароматный дымок. Колард наклонился над алтарем и закричал изо всех сил — хотя это вышло не громче хриплого кваканья лягушки:

— Таланн! Таланн! Таланн!

Колард и сам не знал, на что он надеялся. Древняя Власть была ужасной, она могла сжечь его на месте. Но ничего не произошло, и он упал на землю — не столько от чрезмерной усталости, сколько от мрачного отчаяния. Древняя Сила... может, она уже слишком стара или давно исчезла!

А затем... в его мозгу словно эхо от скал прозвучал грубый голос:

— Чего ты хочешь?

Колард не пытался ответить словами, он был слишком ошеломлен и напуган. Он произнес безмолвную мольбу за леди Джесинду. Он скорчился на холодной земле, и глаза его находились на одном уровне с холлом. Холл сиял огнем, как будто внутри его горело множество ламп. Коларду казалось, что он слышит бормотание голосов и звуки лютни... В холле появилось тепло, ароматы... жизнь... пробуждающаяся жизнь!

Жизнь для Джесинды! Такая, какой она должна была жить! И он твердо знал: то, что должно было быть — будет и в другом времени и месте.

Тепло... свет... вокруг него! Он не скорчился на холоде — он сидит и смотрит вниз, на холм... Нет! Это неправда! И он снова видит сон!

Колард отогнал сомнения. Он мог потребовать, чтобы этот сон продолжался, продолжался вечно. Его сон... и ее!

Колард повернул голову. Джесинда смотрела на него и приветствовала его улыбкой. Как сияли ее глаза! Он протянул руку, и ее рука потянулась навстречу:

— Милорд...

Он на минуту встревожился:

— Мы спим?

— Ну и что же? Мы видим этот сон вместе, и ваше право сделать его реальным!

Он не все понимал, и она говорила как-то неопределенно. Он начал забывать прошлое, а она уже забыла его.

Металл на алтаре начал плавиться. Ручейки его сбегали на землю и впитались в нее, и земля навеки скрыла их.

В замке Шервана и нянька затушили свечи, задержали занавески постели и удовлетворенно переглянулись.

А в холле, изготовленном руками Коларда из необычного металла, шло празднество и нескончаемый сон.

* * *

Пчелы жужжали в маленьком саду, собирая запасы до прихода Ледяного Дракона. Юсмей, сидя на корточках, отвела запятой в земле рукой лезущий в глаза волос. Ее запасы лежали перед ней на хорошо выделанной коже. Эти травы были высушены.

Когда она встала, на ее поясе не слышалось привычного звона. Она еще не привыкла к этой утрате. Иной раз она ловила себя на том, что пугается, не найдя на поясе ключей — не потеряла ли она их во время копки гряд, посадки или сбора?

Она действительно потеряла их, этот символ ответственности и хозяйки Упсдейла, но не потому, что случайно уронила. Нет, они висели теперь на другом поясе. Теперь в поместье хозяйкой была Эннет. Разве можно когда-нибудь забыть об этом? Правда, тут, на этом маленьком участке Юсмей все еще могла распоряжаться.

Пять лет она носила эти ключи. В первые страшные годы, когда она изучала то, что было важнее знания трав. Затем были годы гордости. Она, женщина, так управляла жизнью Долины, что люди жили в относительном довольстве, хотя угроза холода и голода и тень страха всегда висела над ними.

Наконец пришли известия, что война в Высоком Халлаке закончена, захватчики отплыли в море или их настигла смерть. Мужчины вернулись в свои дома. Но не все. Не вернулся отец Юсмей, ее брат Эвальд — они давно погибли. Но Джерард вернулся домой с урезанной свитой домашних слуг. И с ним приехала Эннет, дочь Ориана из Ланенсдейла, теперь невеста Джерарда и леди.

Юсмей из правительницы превратилась в ничто, в меньшее, чем любая кухонная работница — у тех были свои обязанности, а у нее никаких, кроме этого сада, и то потому лишь, что посадки Эннет не приживались. Хотя Эннет горько возмущалась и при каждом удобном случае показывала это Юсмей: больные шли за лекарствами по-прежнему к сестре своего лорда, а не к жене. У Юсмей были руки врачевательницы.

Однако эти целительные руки не могли облегчить боль ее сердца, его пустоту. Но гордость ее была при ней, и эта гордость прямо противилась поражению, поднимая щит, с мечом наготове. Ее будущее действительно могло быть мрачным, но оно будет таким

по ее собственному замыслу. При этой мысли улыбка скривила ее губы. Ха, Эннет задумала послать ее к дамам Гробницы, но аббатиса Гретольтда была под стать леди Эннет. Она прекрасно знала, что Юсмей не годится в дочери Гробницы. Внешне она умела владеть собой, но в ней был внутренний огонь, который нельзя было подавить молитвами и обрядами.

Иногда этот огонь разгорался, но даже ее собственная служанка не знала о тех часах ночных, когда Юсмей ходила по своей тесной комнатке, обдумывая способы вырваться из западни.

Не будь войны, ее отец был бы жив, она вышла бы замуж и ушла, как водится, править другим именем. Вполне возможно, что она даже не видела бы своего лорда до свадьбы, но так случилось редко. Как жена, она имела бы определенные права, которые никто не мог отнять у нее... такие права, которые теперь имела здесь Эннет. Но у нее нет отца, чтобы устроить такой брак. И что хуже всего — нет приданого, чтобы привлечь женихов. Война слишком сильно подрезала ресурсы Долины, а Джерард не из тех, кто захочет еще уменьшить оставшееся. Сестра может идти к дамам или оставаться здесь при неохотном согласии Эннет, которая будет холодной, как зима.

Горячее возмущение в Юсмей набирало силу. Она держала его под контролем, глубоко дыша ароматным воздухом и заставляя разум считаться с тем, что лежит прямо перед глазами. Она с особой тщательностью рассматривала растения, когда ей особенно хотелось все рвать и крушить.

— Юсмей, сестра! — сладкий голос Эннет точно плетью стегнул по ней.

— Я здесь, — тихо ответила она.

— Новости! Очень приятные новости!

Юсмей удивилась. Она обошла посадки, ее серо-коричневые юбки некрасиво закрутились вокруг длинных ног, которые казались изысканной Эннет уродливыми и непропорциональными.

Леди Упсдейла стояла в воротах. Ее юбки были темно-голубыми, цвета осеннего неба. Серебряные бусы на шее переливались на солнце. Высоко уложенные косы тоже были как серебряные. Она производила впечатление миловидной, если не обращать внимания на слишком тонкие, вечно улыбающиеся губы при полном отсутствии улыбки в глазах.

— Новости? — голос Юсмей ей самой показался грубым. Так было всегда. Стоило ей почувствовать Эннет поблизости, подумать о ней, как с Юсмей происходила какая-то магическая перемена — она становилась неуклюжей и грубой.

— Да! Ярмарка, сестра! Такая, как бывала в прежние времена! Всадник из Финдейла привез известие.

Юсмей тоже захватил энтузиазм Эннет. Ярмарка! Она смутно помнила прежние ярмарки в Финдейле. Сквозь пелену памяти показалось ей золотое сияние. Разум говорил, что это не так, но память продолжала свои шутки.

— Ярмарка! И мы поедем! — Эннет сделала один из милых, зовущих жестов, которые очаровывают мужчин, и сложила руки,

как маленькая девочка.

Мы! Неужели Эннет имела ввиду и ее, Юсмей? Сомнительно. Но Эннет продолжала:

— Милорд сказал, что теперь это безопасно, только нужно оставить здесь охрану. Юсмей, ну разве это не радость? Послушай, сестра, посмотрим, что у нас есть, чтобы нам не опозорить нашего лорда.

«Я-то знаю, что найду в любом из моих сундуков», — безраздочно подумала Юсмей. Но, похоже, ее действительно включили в компанию. На нее нахлынуло возбуждение сродни тому удовольствию, которое она испытывала при утреннем сборе своего урожая.

Эннет знала толк в одежде, и из остатков старых нарядов, которые еще носила мать Юсмей, сделала два платья, куда более изящные, чем когда-либо носила сама Юсмей. Когда она в день отъезда посмотрелась в полированный щит, служивший ей зеркалом, она подумала, что выглядит и впрямь очень недурно.

У Юсмей никогда не было нежной привлекательности Эннет. Ее лицо сужалось от скул к острому подбородку, рот был слишком широк для ее лица, глаза — самые обычные, и цвет их менялся от зеленого до темно-коричневого. Волосы были достаточно густые, но не золотистые, а темно-русые, кожа загорелая от работы в саду, особенно в это время года, когда Юсмей проводила там большую часть дня.

Она была слишком высока для женщины, это она знала. Но в этом платье!.. Платье было необычного темно-желтого цвета и совсем как... Юсмей повернулась к маленькой шкатулке, доставшей ей от матери, и достала маленький амулет. Да, этот янтарный талисман очень подходил к ее платью... Вещица была очень стара и так потерта, что грани едва различались, но цвет был прекрасным. Юсмей повесила амулет на шнурок и надела на шею, но для безопасности спрятала его за кружевной воротник платья.

Платье было с разрезом для верховой езды, и для Юсмей в нем было все преимущество короткого платья. Хотя она была осторожна, все же чуточку беспокоилась, когда ехала с Эннет. Джерард ехал впереди со своим маршалом, домочадцы ехали сзади. Те, у кого были лошади, ехали легким шагом, другие шли пешком. Многие обещание ярмарки заставило забыть о боли в ногах. Они оставили Упсдейл на заре, а к полудню были у южных ворот Долины, где перекусили холодной пищей.

Ночью они достигли самого края Финдейла и остановились лагерем вместе с другой группой — лорд Марчпойнт с его леди, дочь, свита. Все ходили туда-сюда, обменивались новостями и слухами. Юсмей слушала, но говорила мало. Одна вещь, которую она услышала, запала ей в голову: леди Дайрин, дочь Марчпойнта, застенчиво поверила Юсмей свои надежды — одной из самых главных выгод ярмарки была возможность найти жениха.

— Моя мать, — закончила Дайрин, — до войны, конечно, поехала на ярмарку в Ульмпорт — та была куда больше этой, туда приезжали самые высокие лорды — и там впервые встретилась

с моим отцом. До того, как уехать, он поговорил с ее отцом, и в праздник Полужимы они обручились.

— Я желаю вам такой же удачи, — сказала Юсмей и подумала: не потому ли Джерард и Эннет взяли ее с собой? Но кого она может привлечь без приданого? Да и где найти подходящую партию? Добрая половина лордов и их наследников погибли на войне, и наверняка много девушек остались незамужними. Значит — люди без щитов, пришельцы без семьи, без роду-племени? Она слышала о людях, ставших хозяевами: они захватили осиротевшие владения и провозглашали себя лордами, хотя никто их не выбирал... Но такие были обычно достаточно умны, чтобы выбрать жену с выгодами для себя. Они хотели жену родовитую, но также хотели и приданого. А может и не все? Юсмей почувствовала необычное возбуждение. Вдруг случится что-нибудь неожиданное?

Она подумала о своем мире — Упсдейле. Это теперь не ее мир, а мир Эннет; и Юсмей была уверена, что сама повернется спиной к Упсдейлу, если ей предложат что-то другое.

Ярмарка была на старом месте, у серого каменного столба. Столб остался от прежних времен, когда люди Высокого Халлака еще не были в Финдейле. Древний народ исчез до прихода жителей Долин. Его следы частично содержали силу, которая тревожила людей Долин. Чрезмерное любопытство могло развязать то, с чем потом нелегко было справиться. Потому люди уважали старые монументы и боялись их. А в Финдейле все лорды шли прямо к столбу и прикладывали к нему голые ладони и давали клятву мира, чтобы старые обиды не мешали успеху ярмарки.

Перед столбом по широкой дуге располагались лавки купцов, а чуть подальше, на старых полях, раскинулись палатки и временные навесы гостей. Группа из Упсдейла тоже устроила там временное жилище.

— Десять торговых флагов, сестра! — Эннет, раскрасневшаяся, блестя глазами, хлопала перчатками по ладони. — Значит десять купцов, может есть даже из Ульмпорта! Подумать только!

Действительно, купцы из таких мест уже очень давно не приезжали в Верхние Долины. Юсмей, как и все остальные, жаждала увидеть, что выставлено в этих лавках. Покупать она ничего не могла, но даже просто посмотреть — и то праздник для глаз, будет о чем вспомнить в скучные будущие дни.

Эннет, Юсмей и две леди из Марчпойнта пошли посмотреть лавки купцов. То, что те предлагали, было, возможно, бедным после долгих лет войны и паденья заморской торговли, но все равно там было много разных хороших товаров.

Леди Марчпойнта оставила кружок серебра в лавке узорчатых тканей.

— Это пригодится, — с гордостью прошептала леди Дайрин на ухо Юсмей, — хотя бы на нижнюю тунику, и будет храниться до моей свадьбы.

Такой расход, по мнению Юсмей, требовал осторожности и

долгих споров с продавцом.

Они посмотрели несколько отрезков тяжелого шелка. Шелк был не новым, на некоторых кусках были следы игл от прежнего шитья.

— Награбленное, — подозревала Юсмей, — может, найденное в покинутых захватчиками лагерях. Ей нравились богатые расцветки, но она считала, что не дело носить краденое. Ее постоянно тревожили бы мысли о прежних владельцах.

Были и кружева, но они тоже выглядели бывшими в употреблении. Торговец имел несколько рулонов менее богатых тканей, например, один теплый, прекрасной выделки и хорошо выкрашенный материал. Он пленил Юсмей гораздо больше, чем те куски, что выторговала леди Марчпойнта.

В лавке было жарко, хотя переднее полотнище было поднято. В конце концов Юсмей вышла, чтобы не соблазняться товаром, который она все равно не могла купить. И тут она стала свидетельницей приезда Хайла. Впечатляющее зрелище, потому что за ним тянулся целый обоз людей и выючных животных, как за каким-нибудь лордом Долины... На его фургоне не было флага, и он не подъехал к уже поставленным палаткам, а махнул спутникам, чтобы остановились в стороне, подальше от других.

Его люди были ниже ростом, чем большинство жителей Долин, и в необычной одежде: неуклюжей и толстой, хотя работали они быстро и уверенно — поставили шесты, сделав крышу и стены из шкур, натянутых на каркас. Несмотря на жару, они были в низко надвинутых капюшонах, так что Юсмей не видела их лиц, ей это было неприятно.

Но хозяин их был полностью на виду. Он не сошел с лошади, а лошадь у него была такой, что любой лорд Долин мог ею гордиться. Он сидел, положив руку на бедро, а другой играл поводьями, и внимательно следил за работой своих спутников.

Даже в седле он выглядел высоким и больше напоминал воина, чем купца, хотя сейчас любой человек должен быть воином, чтобы защищать свое добро. Меча он не носил, а к седлу была прикреплена блестящая булава.

Он был с непокрытой головой, а его головной убор висел на луке седла. Его волосы были очень темные, а лицо удивительно белое для человека, проводящего много времени в дороге в любую погоду. Он не был красив по стандартам жителей Долин, хотя от него нелегко было отвести взгляд. Хотелось рассмотреть его более внимательно и постараться понять, что это за человек.

У него были резкие черты лица, черные сросшиеся брови. Цвет его глаз Юсмей не разглядела, потому что он опустил веки, будто дремал, хотя она не сомневалась, что он видит все вокруг и думает о том, что видит.

Почему-то казалось, что он не таков, каким кажется. Юсмей решила, что ей пора обуздать свою фантазию, но оставалось впечатление, что об этом человеке вряд ли можно много узнать. Тем не менее она подумала, что он, вероятно, достоин известности. Она чувствовала жар, поднимающийся к ее щекам, и внутри было

какое-то неизвестное ей доселе беспокойство.

Юсмей резко отвернулась, поняв, что смотрит на него излишне внимательно, заторопилась обратно в лавку и там уставилась на кусок розового шелка, что выбрала леди Марчпойнт. В этом не было ничего унижительного. Они не пошли в лавку вновь бывшего, потому что он еще не открыл ее. Когда они ужинали, Юсмей узнала, какие товары он привез и как зовут его.

— Он с Севера, — сказал Джерард. — У него янтарь. Говорят, целое сокровище. Но он неудачно выбрал товар. Не думаю, чтобы здесь было больше денег, чем на пару бусин! Зовут его Хайл. Люди у него какие-то странные — держатся все вместе и даже не потратились на кувшин осеннего эля!

Янтарь! Руки Юсмей нащупали амулет под платьем. Да, этот купец вряд ли найдет на этой ярмарке покупателей. Но, возможно, он держит путь в Ульмпорт и остановился тут по дороге, услышав о ярмарке. Янтарь... Юсмей владела местом, где его добывали — ручьем, вытекающим из расщелины холма. Когда-то там было много янтаря. Лет пятьдесят назад он принес успех и богатство Упсдейлу, но потом скала обрушилась и закрыла источник.

Юсмей печально улыбнулась. Кабы не эта скала, она могла бы носить не только янтарь, но и золото. Она не стала бы торговаться за кусок старого шелка из награбленной добычи... но этот голый холм теперь навсегда похоронил янтарь, и это случилось еще при матери Юсмей. От матери это место перешло к Юсмей: голый камень и несколько чахлах деревьев на ничего не стоящем участке земли — вот и все ее наследство!

— Янтарь! — повторила Эннет, и глаза ее загорелись, как раньше, когда она смотрела на шелк. — Милорд, янтарь — это могущественная вещь, целебная... У леди из Грейфорда было янтарное ожерелье, и те, у кого была болезнь горла, носили его с молитвой и это им помогало. И как он красив! Он — как застывший мед, и такой же благоухающий! Пустите нас посмотреть на товар Хайла, милорд!

Джерард рассмеялся:

— Моя милая, такого благоухания не вынесет мой кошелек. Даже заложив весь Упсдейл, я не соберу столько, чтобы купить ожерелье, о котором ты говоришь.

Рука Юсмей сжалась. Амулет принадлежит ей, но если Эннет его увидит, останется ли он у Юсмей? Эннет забрала все, но эта вещь не для ее загребуших рук.

— Нет, он не найдет здесь покупателей, — задумчиво повторила Эннет. — Но раз он поставил лавку, значит, он может показать, что у него есть... И может быть... поскольку покупателей почти нет...

— Ты думаешь, что он отдаст подешевле? Пожалуй, ты права, миледи. Только не делай больших глаз и не вздыхай — это бесполезно. Не потому, что я не хочу отказать тебе — просто у меня нет возможности.

Они пошли к лавке Хайла в сумерках. Они были встречены

с факелами в руках двумя людьми в капюшонах. Проходя мимо, Юсмей пыталась взглянуть, но так и не различила их лиц, но вздрогнула как бы от чего-то уродливого — не внешнего уродства, а внутреннего.

И снова побранила себя за фантазии.

Ее поразило то, что лежало на столах: обработанный янтарь. В таком количестве, что Юсмей даже не думала, что его может быть так много.

Янтарь был подобран по чуть заметным оттенкам в порядке усиления цвета: каждый цвет на своей подкладке — светлый, почти белый, светло-желтый, как масло, красноватый, голубоватый, зеленоватый... Янтарные ожерелья, браслеты, подвески... Янтарь был вставлен в рукоятки мечей и ножей, в кольца, в головные обручи. Были также янтарные чаши, и стаканчики, и маленькие фигурки богов и демонов. Глядя на эту выставку, группа из Упсдейла застыла в изумлении, как застыл бы какой-нибудь батрак, неожиданно перенесенный в праздничный холл лорда.

— Добро пожаловать, лорд и леди! — Хайл поклонился, но не угодливо, как обычно торговцы, а как равный равным. Он хлопнул в ладоши, и двое его закутанных людей поставили табуреты к среднему столу, а третий — поднос с чашами приветственного напитка.

Юсмей неуверенно посмотрела на брата. Он был ревнив к своему рангу и требовал должностного почтения от низших, но тут он принял чашу, поблагодарив Хайла, и женщины последовали его примеру.

Напиток был более пряным, чем сладким, и Юсмей задержала его во рту, стараясь определить смесь трав. Но при всем ее знании она не смогла этого сделать. Держа чашу, она огляделась.

Здесь было больше ценностей, чем стоил бы выкуп Высокого Лорда, и она удивилась безумию — или мужеству — человека, рискнувшего ехать с ними через всю страну в такое тяжелое время. Безумный? Она взглянула на Хайла. В его лице не было безумия, а только мужество и еще что-то — уверенность и надменность.

— ... богатые, торговец, — Юсмей пропустила начало фразы брата. — Слишком богатые для нас. Мы здесь слишком тяжело почувствовали руку захватчиков, чтобы быть хорошими покупателями.

— Война — тяжелое дело, — голос Хайла был низким и грубым. — Она не жалеет людей и даже победителей. И наносит тяжелые раны торговле. Много лет прошло с тех пор, как Кейтский янтарь выставлялся в каком-нибудь торговом месте. Надо поддерживать торговлю, чтобы она укоренялась и росла, тогда и цены будут низкими, даже на такие вещи. — Он взял в руки ожерелье с множеством подвесок.

Юсмей услышала вздох Эннет и в ней тоже проснулся голод. Но было что-то... Она снова прижала руку к своему талисману Гуппоры и внезапно почувствовала отвращение ко всему, что ви-

дела тут — может быть, потому, что здесь было слишком много всего. Янтарь, собранный в таком количестве, терял свою красоту.

— ...Это на Севере, милорд. Как вам известно, янтарь находят на берегу моря в определенных местах, или вдоль ручьев. Невежды говорят, что это кал драконов, но это неверно. Это затвердевшая смола деревьев, погибших тысячелетия назад. В Кейте, по видимому, были обширные леса, потому что янтарь там встречается часто... Я хочу сказать, часто по сравнению с другими местами.

Вы видите здесь плоды многолетнего коллекционирования, потому что из-за войны янтарь вообще не продавали. Так что здесь его больше, чем полагалось бы иметь в одном месте при естественном порядке вещей. — Он положил ожерелье и достал с полки подвеску, форму которой Юсмей не могла разглядеть. — Это талисман Громового Щита, древняя вещь. Вы видите разницу? Он поднес подвеску к браслету. — Чем старше вещь, тем больше она выставляется на воздух и носится, тем глубже и богаче становится цвет янтаря. — Он положил браслет, но подвеску все еще держал в руке. Выражение лица его слегка изменилось. И Юсмей показалось, что он особенно внимательно посмотрел на Джерарда, а потом на Эннет. Наконец его темные глаза, цвета которых Юсмей не могла назвать, повернулись к ней, словно вытягивая из нее против ее воли ответ на неизвестный вопрос.

— Кейту здорово повезло, — сказал Джерард. — Больше, чем Упсдейлу в старые времена.

Глаза Хайла отвернулись от Юсмей. Она чувствовала себя неловко и удивлялась, что в ней могло привлечь его внимание.

— Упсдейлу, милорд? — спросил он тоном, приглашающим к объяснению.

— Здесь была треснувшая скала, где тоже добывали янтарь. Не очень много, но достаточно, чтобы жить безбедно, — сказал Джерард. — Но потом обрушился оползень и завалил все, так что и раскопать нельзя. Если там что-то и осталось — оно так же бесполезно, как если бы лежало на дне моря.

— Печальная потеря, милорд, — согласился Хайл.

Эннет встала и пошла от стола к столу... Она прикасалась пальцами то к ожерелью, то к искусно сделанному обручу для волос с янтарными цветами и листьями. Юсмей же сидела на месте и смотрела на Хайла из-под опущенных век. Она знала, что он знает о ней, как и она о нем. Эта ее сосредоточенность на мужчине рождала какое-то жаркое возбуждение. Но ведь он был всего лишь купцом.

Наконец они ушли. Выйдя из лавки, Юсмей глубоко вздохнула. Один из слуг в капюшоне вынул из гнезда сгоревший факел и заменил его новым. Руки его были в перчатках, и это было странно, потому что простые люди носили перчатки только в сильные холода. Но самое удивительное, что в конце каждого пальца был изогнутый коготь, длинный, как у хищной птицы или зверя. И Юсмей не могла понять, зачем так украшать перчатки. Хотя... у

жителей Долин немало суеверий. Защитные амулеты общеприняты. Ведь у ней самой висел такой амулет. Может эти иноземцы носят когти какого-нибудь животного в качестве защитной магии? На этом ответе она и остановилась. Но она не могла забыть, как Хайл устался на нее, и обнаружила, что ее ответное возбуждение продолжается. Его лицо стояло у нее перед глазами, и она старалась представить себе Кейт, из которого он приехал, и его жизнь там.

Дома она рассеянно слушала болтовню Эннет насчет ожерелья. Но одна фраза резко вывела Юсмей из задумчивости:

— Милорд, неужели ничего не осталось от того янтаря, что находится в Упсдейле? Наверное, ваш дед не весь его продал.

— С тех пор прошло много лет, милочка. Помнится, у матери оставался один амулет.

Юсмей невольно положила руку на грудь защитным жестом. Эннет и так взяла все, а теперь хочет взять и его! Но талисман Гуппоры принадлежал Юсмей, и она будет сражаться за него.

— Но это правда, что то место, где его находили, нельзя раскопать? — настойчиво расспрашивала Эннет.

— Истинная правда. Когда стало ясно, что начнется война, мой отец очень нуждался в средствах на вооружение. Он обратился к человеку, который работал на железных рудниках Южной гряды, и хорошо заплатил ему за консультацию. Но тот поклялся, что скалу не убрать никакими силами.

Юсмей почувствовала некоторое облегчение. По крайней мере, Эннет хоть прекратила свои расспросы относительно оставшегося янтаря. Она простилась с братом и невесткой и пошла спать. Сон пришел к ней не сразу. Когда же она наконец уснула, рука ее продолжала защищать амулет Гуппоры. Проснувшись, она не помнила своих снов, но осталось только ощущение чего-то важного.

Леди Марчпойнта и Дайрин пришли утром, они выражали восхищение товаром Хайла, за который выложили там немалую сумму. Увидев надутые губы Эннет, Джерард отломил одно из серебряных колец с перевязи меча.

— Если этого хватит на что-нибудь, — сказал он, — то возьми, дорогая. Больше ничего дать не могу.

Эннет быстро поблагодарила. Она знала по опыту, насколько далеко могут заходить ее просьбы.

Итак, Юсмей неохотно пошла во второй раз в лавку Хайла. На этот раз слуг в капюшонах не было видно. Но в дверях на скамейке сидела женщина странного вида.

Она была очень толста. Ее круглая голова, казалось, сидела прямо на плечах. Как и люди в капюшонах, она была одета в тускло-коричневую одежду, только на ее платье были вышиты толстыми черными и белыми нитками какие-то символы. Пояс был сплетен из таких же черных и белых ниток. Ее жирные руки лежали на коленях ладонями вверх, будто ждали подаяния, и она пристально разглядывала их. Скрученные пряди грубых жестких волос висели из-под вуали, укрепленные шнурком, лицо широкое,

над верхней губой и на отвисшем подбородке торчали волосы.

Если ее оставили охранять лавку, то она была плохим сторожем, поскольку не взглянула на приближающихся дам, а продолжала смотреть на свои пустые ладони. Она подняла глаза, только когда мимо нее прошла Юсмей.

— Удачи вам, прекрасные леди.— Голос ее по контрасту с вялым жабьим телом был нежным и музыкальным.— Я читаю знаки на камне Изинор, и если пожелаете, предскажу то, что древние боги записали на ваших ладонях.

Эннет нетерпеливо покачала головой. В другое время она заинтересовалась бы, но сейчас у нее есть серебро и возможность потратить его на лучшее из того, что она сумеет выторговать. Юсмей тоже не была склонна прислушиваться. Все знают, что бывают настоящие провидцы, но Юсмей не думала, что эта отталкивающего вида ведьма может быть таковой.

— Верь тому, что ты носишь, леди.— Женщина в первый раз посмотрела на Юсмей. Ее мягкий голос был очень тихим, слова явно предназначались только для Юсмей.

И Юсмей невольно прислушивалась к ним. Из темноты вышел Хайл.

— Похоже, у Нэнк есть что сказать вам, леди. Она настоящая предсказательница, ее очень уважают в Кейте.

Но здесь не Кейт,— подумала Юсмей. Ей не хотелось слушать Нэнк, пусть хоть она — настоящая прорицательница. Но она села на табурет, подставленный Хайлом, и встретилась глазами с толстой женщиной.

— Положи свою руку на мою, леди, и я прочту то, что там написано.

Юсмей протянула было руку, но тут же ее отдернула, потому что ее отвращение к этой женщине было сильнее каких бы то ни было чар, наведенных ею. Женщина не высказала никаких эмоций, но ее глаза не отпускали Юсмей.

— Ты имеешь больше, чем думаешь, леди. У тебя есть нечто куда более сильное, чем женское украшение. Ты... нет, я не могу читать ясно. Оно прикрыто твоей рукой. Достань его...

Мягкий настойчивый голос приказывал. И Юсмей, не думая, потянула за шнурок и достала амулет. За ее спиной раздался вздох.

— Янтарь,— голос провидицы опять был мелодичным.— Янтарь всегда в руках твоих, леди. Это твоя драгоценность и твое счастье. Следуй за ним, куда он поведет, и твое сердечное желание исполнится.

Юсмей встала, достала из кошелька медную монету и опустила ее в руки женщины, заставив себя произнести установленные слова благодарности за предсказание, хотя эти слова застряли в ее горле.

— То, что вы носите — богатство, леди,— Хайл встал между Юсмей и женщиной.— Это очень старое...

Она чувствовала, что ему хочется посмотреть амулет, но она не собиралась выпускать из рук эту вещь.

— Это талисман Гуппоры. Я получила его от матери.

— Знак власти для любой женщины.— Хайл кивнул.— Странно, что у меня не было подобного. Но позвольте мне показать вам одну вещь, тоже очень редкую.— Он положил два пальца на ее длинный рукав, и мир как будто сосредоточился на них двоих.

Он взял ящичек из душистого дерева и откинул его крышку. Внутри был янтарный цилиндр, маленький столбик золотистого цвета. И в нем навеки было заключено крылатое создание радужной красоты.

Юсмей видела в своем амулете мелкие зернышки, соответствующие талисману Гуппоры, богини урожая, плодородия полей и женщин. Но эта вещь включала в себя не случайный узор из семян; казалось, что это существо помещено туда нарочно.

Оно было так прекрасно, что Юсмей задохнулась от восхищения. Хайл положил цилиндр в ее невольно протянутую руку, и она поворачивала вещь, рассматривая ее со всех сторон. Непонятно, что это было — маленькая птичка или большое насекомое, и Юсмей никогда таких не видела. Может, они уже давно исчезли с лица Земли.

— Что это?

Хайл покачал головой:

— Кто знает. Когда-то оно было живым... Время от времени такие вещи встречаются в янтаре. Но эта совершенно необычна.

— Сестра, что это у тебя? — Эннет подошла поближе.— О, вот это вещь! Стоит посмотреть! Но...ее же нельзя носить...

Хайл улыбнулся.

— Конечно, нет,— это просто украшение на стену.

— Возьмите,— Юсмей подала вещь Хайлу. Она пояснила: — Вещь слишком драгоценная, чтобы держать ее в руке.

В эту минуту ей страшно хотелось иметь это когда-то летавшее создание.

— Она драгоценна, да, леди, вы не обменяете свой амулет на нее?

Он поставил цилиндр на ладонь и держал его перед глазами, слушая. Но ее слабость уже пропала.

— Нет,— решительно сказала она.

Хайл кивнул:

— И вы совершенно правы, леди. В вашем амулете великая сила.

— Какой амулет, сестра?— Эннет вплотную придвинулась к Юсмей.— Откуда у тебя ценный амулет?

— Амулет Гуппоры, который принадлежал моей матери.— Юсмей неохотно показала ей талисман.

— Янтарь?.. Гуппоры? Но ты не замужняя женщина, чтобы иметь право на защиту Гуппоры!— Миловидное лицо Эннет на минуту показало то, что скрывалось за этой миловидностью. Она была недругом Юсмей и выдала себя.

— Он принадлежал моей матери, а теперь он мой,— Юсмей сунула амулет обратно за ворот платья и обернулась к Хайлу.—

Я весьма благодарна вам, Мастер Торговец, что вы так любезно показали мне это сокровище.

Он низко поклонился ей, как если бы она была любимой дочерью высокого лорда, но она повернулась к выходу, не совсем твердо представляя, куда идти и что делать. Она была уверена, что Эннет тут же примется ее умасливать, как и Джерарда, чтобы отнять у нее единственное сокровище.

Но Эннет, вернувшись в палатку, ничего не сказала об амулете. Она открыто радовалась толстому янтарному браслету, его контрасту с бронзовой застежкой. Поскольку она купила его за единственное серебряное кольцо, то считала это доказательством своего умения торговаться, и Юсмей надеялась, что теперь Эннет полностью удовлетворена. Тем не менее, она была настороже, когда они сели ужинать. Джерард восхищался браслетом, а Юсмей напряженно ждала, что Эннет заговорит о талисмане. Но ее брат, отмахнувшись наконец от бесконечных восклицаний жены, повернулся к Юсмей и оглядел ее с каким-то странным любопытством.

— Похоже, что в лавке Хайла вам повезло не только с этой вещью, — начал он.

— Янтарный рудник? — перебила его Эннет. — О, дорогой мой лорд, неужели он знает, как открыть его снова?

— Он думает, что да.

— Ах, какое счастье! Какая удача, что мы приехали на ярмарку.

— Может, удача, а может, нет. — Лицо Джерарда было сумрачным. — Этот источник — если там что-нибудь осталось — не наше владение.

Лицо Эннет стало резким:

— Как это?

— Он назначен Юсмей в приданое.

— Какая глупость! — взвизгнула Эннет.

Джерард в первый раз посмотрел на жену.

— Он официально закреплен за моей матерью. Тогда еще была надежда, что он будет работать, и мой отец хотел обеспечить ее на случай нужды. Приданое, которое она принесла, ушло на постройку северной башни для защиты Долины. Когда мать умерла, это владение перешло к Юсмей.

— Но Долина разорена войной, и источник янтаря необходим теперь для общего блага!

— Так-то так. Но все это может быть устроено. Я разговаривал с Хайлом. Он не простой купец... и не только потому, что богат, но и потому, что лорд Кейта. И его происхождение равно нашему. По каким-то причинам ему приглянулась Юсмей. Если мы выдадим ее за него, он отдаст половину стоимости янтаря, который найдет под скалой, когда уберет ее своими методами... Понятно, девочка? — кивнул он сестре. — Ты получишь лорда, более богатого, чем кто-либо в округе, владение, которым будешь править, и счастливую жизнь женщины. И такой удачи тебе второй раз не встретить.

Юсмей понимала, что это правда. И все-таки... что она знала о Хайле, кроме того, что он занял ее мысли, как не занимал ни один мужчина? Куда он отвезет ее, если она даст согласие? Но, с другой стороны, она прекрасно знала, что будет, если она откажет. Эннет превратит ее жизнь в ад, и Джерард тоже не будет приветливым с ней. Как ни взгляни — выбора, по существу, нет.

Кейт вряд ли окажется хуже Упсдейла, и есть еще надежда, что ей там будет лучше. Да и то сказать, большинство браков в Долине заключалось именно таким образом. И многие девушки впервые видели своих мужей только в брачную ночь.

— Я согласна, если дело обстоит так, как он сказал тебе, — медленно произнесла она.

— Милая сестрица, — ласково сказала Эннет, — какая радость! Ты будешь жить куда лучше, чем леди Марчпойнта, что покупает наряды для своей дочки с коровьей мордой! И такую свадьбу запомнят все Долины! Милорд, — обратилась она к своему мужу, — раскошеляйтесь, чтобы ваша сестра могла идти под венец, как полагается особе высокого звания.

— Сначала мы отметим помолвку, — сказал Джерард, и в его голосе слышались радостные ноты. — Ах, сестра, ты, может быть, принесешь счастье Упсдейлу!

Тут Юсмей задумалась. Не слишком ли быстро дала она согласие? Но пути назад уже не было.

В большом холле горели все лампы, потому что приближалась зима и темнело рано...

Джерард не поспешил на праздничное пиршество сестры, так что не только освещение, но и еда была отменной.

Юсмей радовалась, что обычай предписывал невесте не поднимать глаз от блюда, поставленного для нее и жениха. Он вежливо просил ее отведать то того, то другого, но она ела очень мало.

Она согласилась на помолвку, а сегодня дала брачное обещание. Но сейчас ей хотелось бежать из холла от этого человека. Не сошла ли она с ума? Может, это подлость — отдать все за освобождение от мелочной злобы Эннет и Джерарда, который так надеялся на открытие старого источника янтаря, что его реакция на отказ была бы не очень мягкой...

Нет, это был естественный ход событий. Девушка выходила замуж для блага своего дома, своих родных. Если брак стал бы удачным, она действительно была бы счастлива. Юсмей могла надеяться на это, но не слишком рассчитывала. Во всяком случае тот, за кого она выходила замуж, даст ей право вести хозяйство...

Хайл приехал на свадьбу с небольшим отрядом вооруженных людей, но без рабочих в капюшонах. Он объяснил, что этот отряд был недавно нанят им для защиты, потому что его собственные люди непривычны к оружию. Завтра, пока дыхание Ледяного Дракона еще не заковало землю, его рабочие постараются открыть завал.

У Хайла были не только кирки и лопаты. На настойчивые

вопросы Джерарда он ответил, что у него есть свой секрет, который он не может объяснить, но который, как он надеется, сослужит ему службу.

Юсмей ни разу не взглянула ему в лицо с тех пор, как их руки были соединены перед чашей домашнего духа, но знала, что он выглядел очень мужественно в тунике цвета золотистого янтаря, с янтарным поясом, ожерельем и браслетом на руках. Его свадебные подарки тяжело лежали на Юсмей: пояс, ожерелье, обруч на распущенных волосах, все это из янтаря различных оттенков в виде цветов и листьев.

Празднество длилось долго, но для них подходило к концу. Ах, если бы Юсмей могла повернуть время вспять, чтобы не настала минутка, когда он встанет и возьмет ее за руку, в то время, как присутствующие выпьют за их счастье, а сидящие за главным столом возьмут лампы и пойдут провожать новобрачных в комнату для гостей.

Сердце ее колотилось, губы пересохли, а ладони вспотели, так что она готова была вытереть их об юбку, но гордость удержала ее от этого разоблачающего жеста. Только гордость и поддерживала ее теперь.

Сигнал был подан, компания встала. Юсмей в панике подумала, что дрожащие ноги не удержат ее, что она не сможет пройти по холлу, подняться по лестнице. Но все прошло благополучно. Она держалась прямо и не повисла на его руке. Ни он, ни другие не должны были догадаться об ее страхе. Они остановились у большой завешенной постели. Запах травы, придавленной свежестеленным ковром, смешивался с запахом лампового масла, вина и разгоряченных тел и вызывал легкую тошноту. Она так напряженно старалась держаться своей маски спокойствия, что не слышала непристойных намеков провожатых.

Будь Хайл своим, они продолжали бы в том же духе, но всем было ясно, что в нем было что-то внушающее страх, поэтому они быстро прекратили обычные в подобных случаях шуточки и ушли. Хайл запер замок на задвижку.

— Миледи, — он повернулся к сундуку, где стояли кувшин с вином и блюдо с медовым печеньем, — я должен сообщить вам важную тайну.

Юсмей прикрыла глаза. Он не был нетерпеливым женихом, он говорил все тем же тоном, что и с Джерардом насчет источника. И его поведение успокоило ее.

— Я говорил, что у меня есть секрет того, как открыть источник. Но я не сказал, как я узнал этот секрет. Я купец — и это верно, но я и лорд Кейта — и в этом нет ошибки. Но у меня другие интересы. Я астролог и алхимик, ищущий знания на необычных тропях. Я читаю сообщения со звезд, как с Земли. Вот поэтому мне приходится жертвовать некоторыми из человеческих путей. Если я хочу добиться успеха, я не могу быть мужем какой бы то ни было женщины, потому что вся моя мощь мне нужна для другого. Вы поняли?

Юсмей кивнула, но в ней зашевелился новый страх: она

слышала кое-что о магических дисциплинах.

— Прекрасно. Я так и думал, что вы разумны, способны принять вещи такими, какие они есть. Я уверен, что мы прекрасно уживемся. Давайте только сразу установим взаимоотношения. В моей жизни есть вещи, которые касаются только меня... не выслеживайте и не спрашивайте. В Кейте есть участок, куда вы не будете входить. Я буду бывать в путешествиях, о которых вы не будете ничего спрашивать. В обмен на это вы будете управлять моим именем. Я думаю, что вам понравится. А теперь ложитесь спать. Я в эту ночь буду изучать звезды, чтобы определить время, когда надо направить мою силу против упрямой скалы, завалившей ваше приданое.

Юсмей легла в постель. Хайл сам задернул занавески. Она слышала, как он ходил по комнате, звякал чем-то, но она не ощущала никакого любопытства, а только успокоение.

Она думала, что вполне может принять линию жизни, которую он ей начертал. Пусть у него будут свои тайны, а у нее — поместье. Она вспомнила о своем сундучке с кореньями и семенами трав, который уже был готов к отправке в Кейт. Он сказал — алхимик! Ну что ж, она тоже умеет делать отвары трав и перегонять их. Если в Кейте нет такого сада, как здесь, он будет. С тем она и уснула, не думая о том, что делается за границей занавесей ее постели.

В полдень следующего дня люди Хайла привезли фургон. Они остановились в холле, а разбили лагерь в верхней части Долины, на склоне горы. Хайл намекнул, что народу Долины следует держаться подальше от участка, так как сила, которую он выпустит, может выйти из-под контроля.

Джерарду, Эннет и Юсмей он разрешил подойти поближе, но и они должны были находиться на достаточном расстоянии. Они смотрели, как работали люди в капюшонах среди обвалившихся камней.

Хайл свистнул и рабочие разбежались. Он взял факел, коснулся им земли и тут же отбежал большими скачками.

Некоторое время стояла тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием Хайла. Затем — рев... взрыв... Скала взлетела в воздух, земля затряслась. Камни, разбитые на мелкие осколки, дождем посыпались туда, где только что были люди. Эннет заткнула уши, завизжала. Юсмей посмотрела на хаос, оставшийся после взрыва. Крепкая каменная плита раскололась под ударами падающего щебня, а люди в капюшонах уже были там с кирками и лопатами. Джерард обратился к Хайлу:

— Что это за дьявольская работа, брат?

Хайл засмеялся:

— Дьяволы мне не подчиняются. Это знание, которое я получил в результате долгого обучения. Но это моя тайна, и она обернется против каждого, пожелавшего воспользоваться ею без меня.

Джерард покачал головой:

— Никто не захочет. Ты говоришь, что не вызывал демонов,

а по-моему, это и есть как раз их работа. Что ж, у каждого свои тайны.

— Именно. И эта тайна сработала для вас хорошо. Могла ли рука рабочего так хорошо расчистить нашу тропу?

Хайл дважды пользовался своим секретом. Когда после второго раза обломки были убраны, перед людьми встал утес, через который когда-то бежал поток. Люди в капюшонах раскидывали лопатами остатки камней от оползня.

Хайл прошел вперед и вернулся с горстью голубой глины. Он с торжеством помахал ею перед Джерардом.

— Это — место рождения янтара. Скоро мы получим вознаграждение за нашу работу!

Люди в капюшонах копали. Хайл не вернулся в дом, а остался в лагере. Юсмей одна заканчивала приготовления к путешествию на Север. Хайл уже предупредил ее, что не может задержаться более, чем на десять дней, потому что они поедут по диким местам, а зима уже близка.

Команда работала и днем, и ночью при свете факелов и, казалось, не спала, но добыча была очень мала. Если Джерард и другие были разочарованы, то Хайл — нет. Он только пожал плечами и сказал, что это дело удачи и влияния звезд.

В конце концов он договорился с Джерардом и оказался, к тайному удовольствию Юсмей, исключительно щедрым: за несколько кусочков найденного янтара он предложил кое-что из своих товаров, и это оказалось весьма выгодным для людей Долины. Джерард с радостью принял эти условия, протестуя только для вида. Таким образом, когда отряд Хайла выехал из Упсдейла, то все, что было найдено, лежало в нескольких седельных сумках Хайла.

Обещав вернуться в начале весны, отряд двинулся на север. Местность была в самом деле совершенно дикая и незнакомая. Когда первые поселенцы пришли в Высокий Халлак, они шли по горам, боясь низинных мест. Через много поколений они расселились на запад и на юг, но никогда не шли на север.

Ходили слухи об удивительных странах, где все еще прятались прежние хозяева этих земель — всегда на севере и на западе. Во время войны Высокие Лорды нашли какие-то связи и договорились со Всадниками-Оборотнями из такого вот неизвестного сектора. Потом Всадники-Оборотни снова удалились в том же направлении. Как знать, что лежит уже за следующим гребнем? Однако, Юсмей была менее насторожена тем, чем полагалось бы. В ней родилось желание узнать, что находится за «дверью», и она с большим интересом глядела вокруг.

Два дня они ехали по земледельческой стране. Первую ночь они провели в Майкрофте, теперь разоренном и заброшенном. Но на третий день они попали в совсем уж незнакомые места — незнакомые для народа Юсмей, хотя Хайл, похоже, их знал. Юсмей не видела ни одной колени, кроме той, что прокладывали колеса их фургона, в котором ехали люди Хайла.

Это была унылая мрачная местность, дул колючий ветер, так

что каждый плотнее закутывался в плащ и тщательно оглядывался вокруг, ища что-нибудь, заполняющее эту пустоту. По расчетам Юсмей, они ехали на северо-запад, свернув под углом к морю. Она хотела спросить, не граничит ли Кейт с этой местностью, но Хайл редко бывал с ней, а когда они останавливались на ночлег, он читал какой-нибудь свиток, проводя иной раз пальцем по строчкам и шевеля губами. Видимо он повторял слова, но никогда не произносил их вслух. И Юсмей не могла сломать эту стену между ними.

Она все больше задумывалась, хорошо ли жить в доме с человеком, который даже не разговаривает с ней. Предупреждение, которое он сделал ей в брачную ночь, теперь выглядело несколько иначе. У нее не было даже горничной, потому что он отказался взять кого-нибудь из Долин, сказав, что ей будут хорошо служить, а служанка из Долин будет все время тосковать по дому.

Предоставленная сама себе, Юсмей много размышляла. Зачем Хайл женился на ней? Не из-за нескольких же кусочков необработанного янтаря. При его богатстве он не нуждался в таком жалком приданом. На этот вопрос не было ответов, поэтому он мучил Юсмей. Неизвестность дает богатую почву для страхов.

Хайл не был из безродных, кто ищет родовитую жену. А что она могла предложить ему? Он уже ясно дал ей понять, что взял ее не ради тела.

Теперь они ехали через лес. Ветра здесь не было, но не было ничего успокаивающего ее. Фургон вилял между старыми деревьями, покрытыми мхом и лишайниками зеленого, ржавого, белого и даже кроваво-красного цветов. Юсмей они не очень нравились. Опавшие листья гнили и издавали неприятный запах, когда их шевелили копыта лошадей. Они ехали весь день, останавливаясь поесть из своих запасов, отдохнуть и попасти лошадей. Хайл ехал ровным шагом, не ускоряя и не замедляя его. Тишина леса на всех действовала. Люди почти не разговаривали, а если кто-нибудь произносил слово, то оглядывался через плечо, словно бы боялся, что его подслушают чужие.

Деревья стали тоньше, дорога пошла в гору. Эту ночь они провели в холмах. Затем последовали дни настолько однообразные, что Юсмей просто потеряла им счет.

Дорога по холмам была не из легких. Тем не менее, Хайл находил время каждую ночь прикладывать к глазу металлическую трубку и смотреть на звезды. Он предупредил всех, что надо поторапливаться, потому что скоро начнутся бураны. Он был прав: под утро посыпались первые хлопья снега. Все поднялись еще затемно и двинулись дальше.

Теперь дорога шла вниз, и Хайл, видимо, был этим доволен, но продолжал торопить.

Юсмей совершенно утратила чувство направления, потому что они все время поворачивали то туда, то сюда. Утром ветер принес новые запахи. Вооруженная охрана была послана ехать с Юсмей, потому что Хайл сопровождал фургон. Она слышала, как он сказал:

— Это морской ветер!

Они опустились в расщелину между гребнями, которые шли так ровно и прямо, будто отмечали старую дорогу. Гребни закрывали ее от ветра, хотя снега там нанесло много.

Тропа неожиданно повернула. Правый гребень кончился, оставив путников на отвесном берегу. Утесы сверкали кристаллами соли. Внизу было море. Самым удивительным был один участок берега, где ветер смел весь снег и обнажил три больших каменных кресла, вырезанных в скале. На каждом сидении лежала снежная подушка, смягчающая их жесткую суровость.

Юсмей узнала старинную работу Древних. Теперь она была уверена, что они поедут по настоящей дороге. Они опять повернули, на этот раз вглубь и впереди среди утесов увидели строение, казавшееся частью этих утесов. Возникла стена и карликовая башня, как в любом владении в Долинах.

Хайл вынырнул из пелены снега и рукояткой кнута показал на широкий столб:

— Кейт, миледи.

Она поняла, что это ее новый дом — остаток жилища Древних. И вопреки всем предостережениям и верованиям своего народа она должна будет жить в скорлупе, чуждой человеку. Но возврата назад не было. Она сделала усилие, чтобы не высказать неудовольствие.

— Он очень богатый, милорд.

— Не только богатый, миледи.— Его глаза внимательно смотрели ей в лицо, как тогда, в лавке, как будто хотели обнаружить страх. Но Юсмей не хотела этого показывать, и Хайл заговорил снова:

— Это одно из старых мест, построенных Древними. Но время пощадило его больше, чем другие подобные места. И вы не будете жаловаться на недостаток комфорта. Ну, лошади, домой!

Усталые животные перешли на рысь. Скоро они въехали через большие темные ворота на широкий двор, окруженный стенами с четырьмя башнями по углам.

Две башни были круглыми; та, в которой были ворота — квадратная; четвертая же башня имела странную угловатую форму — Юсмей никогда не видела таких.

В нескольких узких окнах виднелся слабый свет, но никто не вышел им навстречу. Смущенная Юсмей сошла с седла с помощью Хайла, который понес ее по снежным заносам к двери ближайшей круглой башни. Остальные пошли по двору в разных направлениях.

Наконец-то отдых от ветра, жаркое пламя камина.

К удивлению Юсмей, вместо тростника и сухой травы на полу лежали циновки и меховые ковры, скрепленные вместе в причудливом узоре, где темный цвет чередовался со светлым. Они составляли дорожку на каменном полу, главная из которых вела к спинке тепла — камину. Здесь стояли два кресла с высокими спинками и мягкими пестрыми сиденьями и даже с маленьким балдахином — достаточная мера защиты от сквозняков. Был тут

и стол с блюдами и кувшинами. Хайл подвел Юсмей к камину, где она сняла плащ и с благодарностью протянула руки к огню.

Музыкальный звук заставил ее вздрогнуть и повернуть к нему голову. Хайл стукнул по колокольчику, висевшему в резной рамке, что стояла на столе. Очень скоро на винтовой лестнице, что вела в башню, появилась фигура. Юсмей узнала ее только тогда, когда она подошла к камину. Не имея возможности выразить свой инстинктивный протест, Юсмей прикусила губу.

Это была Нэнк, бормотавшая о счастье в самом начале перемены жизни Юсмей. Только теперь предсказательница была не в причудливо вышитом платье, а в меховой безрукавке поверх нижней туники, и в темно-коричневой юбке. На ее голове плотно сидел чепец, застегнутый на пряжку под ее отвислым подбородком. На горничную она походила еще меньше, чем на пророчицу.

— Добро пожаловать вам, лорд и леди! К счастью, вы избежали бурана!

Хайл кивнул и обратился к Юсмей:

— Нэнк будет служить вам, леди. Она очень заботится о моих интересах. — Он как-то странно подчеркнул эти слова. Юсмей обратила внимание только на то, что он собирался оставить ее одну с этой странной особой. Она чуть не унизила свою гордость и хотела удержать его за рукав, но вовремя одумалась и не сделала этого. Он уже шел к двери, когда она обрела голос:

— Вы не останетесь... ужинать здесь, милорд?

Его глаза предостерегающе блеснули:

— Хозяин Кейта имеет квартиру, где его никто не потревожит. Вы здесь в безопасности и о вас будут заботиться, миледи. — И он исчез.

В мозгу Юсмей снова зашевелились темные вопросы. Зачем он привез ее сюда? Что он от нее хочет? Что ему нужно?

Юсмей стояла возле узкого окна и смотрела во двор. Колен внизу резко различались между собой. В башне, построенной как хозяйский дом, жило, видимо, очень мало людей. Был канун праздника Полузимы. Во всех домах в Долинах шли приготовления к празднеству. Почему бы людям не повеселиться в самый короткий день суровой зимы, если завтра она станет медленно отступать к весне? Однако, в Кейте не было ни гостей, ни приготовлений. Нэнк и две служанки, такие же приземистые и чужие, как она, по-видимому, не поняли, что Юсмей имела в виду, когда спросила, будут ли они что-то делать к празднику. Хайла она почти не видела.

Она узнала, что он живет в остроугольной башне и что даже его вооруженная охрана, живущая в башне при воротах, туда не смеет входить. Но кое-кто из людей в капюшонах там бывал.

Теперь, когда она вспомнила свои надежды править домом, ей оставалось только смеяться или плакать, если последнее позволит ей упрямая гордость, над глупой девушкой, которая покидая Упедейл, надеялась, что едет к свободе.

Свобода! Юсмей была заперта, как пленница. Она скоро узнала, что настоящей хозяйкой Кейта была Нэнк. Во всяком случае, у Юсмей хватало ума и осторожности очень медленно продвигаться в попытках командовать здесь. Она не получала унижительных отказов на свои немногие приказы, но она давала их редко и только насчет самых простых дел, касающихся только ее.

В сущности это была тюрьма, только не с тесной камерой, а в хорошем помещении... В нижнем этаже была большая комната, которая показалась ей теплой гаванью, когда она впервые вошла в дом. Над ней комната, в которой она сейчас стояла; она занимала все пространство в ширину башни и через нее проходила открытая винтовая лестница. Еще выше были две пустые комнаты, холодные и мрачные, без каких-либо признаков, что в них когда-то жили.

Здесь, в комнате второго этажа стояла ее постель, занавешенная портьерами с вышитыми на них рисунками, но рисунки эти так выцвели и потускнели от времени, что едва различались. Только лица неясных фигур иногда вспыхивали жизнью, и это пугало Юсмей.

Одно лицо из всех, похоже, делало это чаще остальных. Подумав об этом, Юсмей отвернулась от окна, подошла к портьере и коснулась пальцами этого лица. Сейчас оно было тусклым, и ей показалось, что там стоит кто-то, настойчиво и серьезно следя за ней... Она могла закрыть глаза и увидеть все его черты — человеческое лицо, оно чаще других вспыхивало жизнью по вечерам. Были тут фигуры и чуждого вида — вроде бы и человеческие, но в масках с самыми различными выражениями. Но то человеческое лицо преследовало ее. Может, это фокусы ее памяти? Нет, она отчетливо помнила в его выражении какую-то отчаянную просьбу.

До чего же, значит, скучна ее теперешняя жизнь, если она фантазирует насчет вышивки! Юсмей хотелось бы знать, кто вышивал это и когда. Она гладила материал кончиками пальцев, чувствуя небольшие неправильности в стежках.

Затем ее пальцы наткнулись на что-то твердое. Она ощупала это, поскольку на глаз ничего не было заметно. Похоже, что в материале что-то было. Она взяла переносную лампу и поднесла ее ближе к портьере.

Здесь было изображение фигуры, которая ее интриговала. На фигуре было ожерелье, и вот этот-то бугорок был его частью. Внимательный осмотр показал, что э т о было скрыто под нитями вышивки. Острием своего поясного ножа Юсмей стала подпарывать бугорок. Но тот был так плотно зашит, что ей пришлось повозиться, но в конце концов она распоролла стежки и вытащила оттуда что-то гладкое. Ну, конечно же, янтарь! Он был сделан в виде эмблемы, такой сложной, что она довольно долго разглядывала ее детали.

Змея, свернувшаяся кольцами. Ее глаза были крохотными крапинками светло-желтоватого янтаря, а тело было темным. Почти невидимая чешуя была вырезана с изумительным искус-

ством. Несмотря на врожденное отвращение к чешуйчатым существам, Юсмей не находила вещь неприятной: скорее наоборот. Вдруг она вскрикнула и попыталась отбросить змейку, но не смогла это сделать. Кольца начали разворачиваться. В них проснулась жизнь! Юсмей с ужасом смотрела, как змея расправляет свое запутанное в узел тело. Потом снова свертывается в ладони, точно живая. Голова змеи поднялась, желтые глаза глянули на Юсмей, в крошечном ротике блеснуло что-то вроде языка.

Так они оставались довольно долго — Юсмей и существо, которое она освободила. Затем змейка скользнула вдоль руки, а девушка не могла двинуться, чтобы стряхнуть ее. Змейка не была холодной, как обычные рептилии, а теплой, и от нее исходил легкий аромат. Так пахнет редкий янтарь.

Добравшись до запястья Юсмей, змейка охватила руку девушки теплым кольцом и спряталась под рукавом. Теперь это уже был браслет, который Юсмей не могла снять, как ни пыталась. Его надо было либо резать, либо ломать.

Юсмей вернулась к камину. Все это было невозможно, невероятнo! Настоящий янтарь был когда-то всего лишь частью дерева. Иногда находили янтарь, заключавший в себе мелких насекомых. Юсмей вспомнила крылатое создание. Да, оно было когда-то живым, но сам-то янтарь не живой! Конечно, у него есть невероятное свойство: натереть его и он будет притягивать кусочки ткани, волосы и тому подобное, как магнит притягивает железо. Держа руку на весу, чтобы браслет не касался тела, Юсмей встала и пошла к сундучку, так заботливо упакованному в Упсдейле, и стала рыться в свертках.

Наконец, она нашла то, что искала: мешочек, могущий ответить на любое колдовство. Вернувшись в кресло, она развязала мешочек одной рукой и зубами. Из мешочка приятно пахло. Из всех трав эта была самой могучей защитой против Темных Сил — солнечная трава анжелика — талисман от яда и злой магии. Юсмей посыпала красновато-коричневое тело змейки щепоткой драгоценной травы.

Но браслет оставался крепким, словно с самого начала был изготовлен в этой форме. Юсмей сильно потерла его и поднесла к амулету Гуппоры — ведь она покровительница жизни, может встать против любых сил зла. Она коснулась змеей талисмана и медленно прочла заклинание.

Браслет оставался браслетом. Но она же сама единственная свидетельница его трансформации! Сломать его!

Оглядевшись в поисках оружия, Юсмей увидела огонь. Вот! Янтарь расплавится, коснувшись огня. Она готова была рискнуть обжечь руку, лишь бы не носить эту вещь.

Но она почему-то не потянулась к пламени, а глубоко уселась в кресло, пристально глядя на змею. Желтые глаза повернулись к ней и расширились, пока не слились в один круг света, и Юсмей как бы смотрела в окно.

В тенях и световых бликах она увидела столы, заставленные странными бутылками и металлическими петлями-чашами. За-

тем — другая комната с колоннами.

То, что она увидела, изумило и испугало ее: как крылатое существо было заключено в цилиндрах Хайла, так здесь были заключены другие тела, только гораздо больших размеров. Некоторые были так гротескны, что Юсмей ахнула, но они быстро промелькнули и Юсмей уже видела центр комнаты, где отдельно от других стояли две колонны.

В одной был мужчина. Лицом он походил на Хайла, но некоторая разница была: казалось, они родственники по крови, но не по духу. Он больше походил на Хайла на ярмарке, чем на Хайла в Кейте. Глядя на него, Юсмей снова почувствовала странное возбуждение, а затем ей показалось, что его глаза смотрят на нее.

Но внимание Юсмей привлекла другая колонна. В ней была женщина.

Ее темные волосы были высоко зачесаны и покрыты золотой сеткой, усыпанной цветочками из желтого янтаря. И на ней тоже был браслет из темного янтаря в виде змеи. Янтарного цвета шелковое платье, вокруг шеи ожерелье из орехов, оправленных в светлый янтарь. Все это сверкало и, казалось, разгоралось все ярче, пока Юсмей смотрела на нее.

Глаза женщины были открыты, как и у мужчины. В ее лице не было и признака жизни, только глаза жили и смотрели на Юсмей с таким призывом, как если бы женщина громко зывала о помощи.

Все в голове Юсмей перемешалось: образы возникали и исчезали прежде, чем она могла их понять. Но страшная потребность в чем-то, крик о помощи — остались. И Юсмей поняла, что не может отказать, хотя и не знала, что хотят от нее эти люди. В ее мозгу появилось изображение двора, как она видела его из своего окна, и угловой башни — запретной для нее области...

Юсмей была уверена, что виденная ею комната находится в этой башне.

Затем изображение сморщилось и исчезло. Колонны тоже исчезли. Юсмей смотрела в огонь камина.

— Леди... — нежный голос Нэнк прервал тишину.

Юсмей поспешно одернула рукав, чтобы скрыть браслет-змею, и прикрыла рукой амулет Гуппоры. Но запах анжелики скрыть было нельзя.

— Что такое, Нэнк? Я вздумала разобрать свои травы и посмотреть, все ли у меня есть для Чаши кануна Полузимы.

Широкие ноздри Нэнк зашевелились, втягивая воздух.

— Лорд Хайл хочет поговорить с вами, леди.

— Так пусть войдет.

Когда Нэнк повернулась уходить, Юсмей быстро надела на шею шнурок и спрятала талисман за ворот платья, а затем завернула мешочек с анжеликой.

Хайл вошел почти бесшумно. Она не слышала его шагов, но чувствовала его появление. Как будто невидимая сила встретила воздух в помещении.

— Милорд, уже канун Полузимы, а я ничего не слышала о каком-нибудь праздновании.

Она решила разыграть дурочку, занятую обрядами и обычаями людей Долины. Но она внимательно рассматривала черты его лица. Насколько он похож на того? Если память ее не обманывала, различие стало глубже. Может, Хайл на ярмарке носил маску? Ну, а в Кейте снял ее?

— Канун Полузимы?— повторил он, как будто эти ее слова были сказаны на иностранном языке.— Ах, да, праздник вашего народа... Мне очень жаль, миледи, но вам придется праздновать его одной в этом году. Я получил важное известие и должен уехать. И я не смогу вернуться раньше завтрашнего утра.— Он понохал воздух.— Что у вас здесь, миледи? Незнакомый запах...

Она показала на раскрытый сундучок:

— Травы. У меня есть кое-какое умение в выращивании и использовании их, милорд. Я проверяла свои запасы — что кладется для вкуса, что — для запаха. Но поскольку мы не празднуем, это не понадобится.

— Я заслуживаю выговора, миледи, за то, что так отдалился от вас с тех пор, как мы приехали, и не заметил даже, как приближается этот праздник. Простите меня на этот раз, впредь не согрешу.

Инстинкт говорил ей, что все это — просто слова. Он считает, что такие неопределенные обещания могут удовлетворить ее, как малого ребенка.

Он сказал еще несколько ничего не значащих слов и ушел. Она видела в окно, как он уехал со своей вооруженной охраной. И почти сразу же вошла Нэнк с бронзовой чашей, в которой лежало ожерелье со множеством подвесок из чередующегося голубоватого и зеленоватого янтаря. Юсмей догадалась о том, что это редкая вещь... возможно даже ценнее всего движимого имущества Упсдейла.

Юсмей надела ожерелье и подошла к зеркалу, притворившись очень довольной, она пригласила Нэнк и двух служанок, принесших ужин, полюбоваться на чудесный подарок ее лорда, и надеялась, что ее действия были достаточно ловки, чтобы обмануть Нэнк. Она туго укрепила обшлага рукава, чтобы Нэнк случайно не заметила браслета. Сев за стол, она наполнила чашу, поднесла к губам и покачала головой.

— Не хочу ничего плохого сказать о вашем напитке,— сказала она беспечно,— но если добавить в него мяты, будет еще лучше. Вы когда-нибудь пробовали такой?

— В наших краях мало знают о южных травах, миледи,— ответила Нэнк.— Наш Кейт стоит на пути холодных ветров. Я слышала о мяте, но не знаю, как ее употребляют.

— Вы сама сейчас попробуете и скажете — права я или нет. Сегодня у моего народа канун Праздника. Поскольку милорд не мог провести его со мной, не согласитесь ли вы...

Женщина на секунду заколебалась, но затем ее всегда слеживающие глаза обратились к кувшину на столе.

— Здесь слишком мало для второй чаши, о, леди. Вы всегда отказывались от большого количества питья, поэтому служанка и принесла...

— Так велите ей принести еще, Нэнк. Не отказывайте мне в этом скудном пире в канун Праздника.

Нэнк неохотно повернулась к лестнице, как человек, который рад бы отказаться, но не может. Юсмей снова подняла чашу. Она умела по запаху определить, хорош ли напиток.

В этом питье что-то было, она была уверена, как если бы слышала за своим плечом предупреждение. Яд? Нет, вряд ли. Но есть такие травы, которыми пользуются в коварных целях — они вызывают глубокий сон, туманят разум, дают фальшивую память. Откуда взялось у нее такое внезапное подозрение? Она не знала этого... знала лишь, что ее предупредили. Как только Нэнк ушла, Юсмей начала действовать, сама не понимая как. Она освободила рукав и подержала браслет над чашей.

Змея тут же зашевелилась, и теперь ее действия интересовали Юсмей, а не пугали, даже возбуждали, как война перед сражением.

Головка змеи окунулась в жидкость и размешала ее, а затем змея снова взяла в рот кончик своего хвоста и превратилась в браслет.

На лестнице появилась Нэнк с подносом и чашей на нем. Юсмей подошла к своему сундучку, взяла мяты, а также прихватила и другой травы, да так быстро и ловко, что сама себе удивилась. В свою чашу она положила одной мяты, а в чашу Нэнк смесь мяты с другой травой, и маленькой ложечкой тщательно размешала жидкость в обеих чашах.

— По правилам, Нэнк,— Юсмей улыбнулась,— поскольку мы обе женщины, нам нужно было бы окунуть туда веточку плюща — на счастье, а потом бросить ее в огонь, чтоб злая судьба ушла вместе с ней. Для милорда был бы остролист... а для женщин — плющ. Но поскольку у нас сго нет, я просто желаю вам счастья.

— И вам тоже, леди,— ответила Нэнк.

Юсмей пила, хотя подозрение все еще оставалось. Насколько эффективна была змея в противодействии всякому злу — этого Юсмей не знала, но решила, что в этом случае змея была бы ее покровительницей, поскольку амулет Гуппоры не оттолкнул ее.

— Ну, что вы думаете о мяте?— спросила Юсмей, допив свою чашу и поставив ее в сторону.

Нэнк тоже отставила свою.

— У нее освежающий и приятный вкус. Леди, ваши южные растения, по-видимому, сильны. А теперь извините меня, я пойду пригляжу за горничными. Вы говорили насчет праздника, и милорду было стыдно, что он забыл. Но мы сделаем, что сможем, для завтрашнего дня.

— Очень мило. Но милорд уже высказал мне свою благосклонность. Да, вы можете идти, Нэнк. Я скоро лягу. Мне почему-то хочется спать.

Правда ли она в догадке, что в напиток было что-то подмешано? Выражение на лице Нэнк не изменилось.

Как только Нэнк ушла, Юсмей опять освободила руку и подняла змею на уровень глаз. На этот раз никаких видений не было.

— Не знаю, чего хотят от меня, — обратилась она к змее, — но в Кейте много тайн и опасностей, наверное, всех сортов. Я не могу поднять меч, но не подставляю добровольно шею под ярмо. Чтобы ни собиралось свалиться на меня, пусть падет сразу: уж лучше сразу посмотреть в лицо опасности, чем ждать и терять мужество.

После долгого молчания в ее мозг откуда-то пришло указание, что надо делать дальше. Она встала, сняла платье и надела дорожную суконную юбку, которая давала больше свободы движениям, и серый плащ.

На площадке лестницы она прислушалась: внизу было тихо. Юсмей знала, что эта часть строения соединена с башнями, где была комната людей в капюшонах. Можно надеяться, что Нэнк и горничные спокойно спят в своих комнатах.

Юсмей открыла наружную дверь. Ближайший путь к угловой башне шел прямо через двор, но девушка не хотела, чтобы ее увидели из какого-нибудь окна, поэтому пошла вдоль стены. Плащ и юбка волочились по рыхлому снегу, пока она добралась до двери убежища Хайла. Она подняла щеколду левой рукой, на которой была змея.

Дверь была не заперта, и легко — может быть, даже чересчур легко — поддавалась под ее нажимом.

Комната с острыми углами была тускло освещена. Юсмей вздрогнула, увидев перед собой закутанную в плащ фигуру, и подняла руку со змеей. Фигура сделала тот же жест и Юсмей поняла, что стоит перед зеркалом.

Кроме зеркала и двух ламп, поставленных высоко в стенных нишах, в комнате не было ничего — если не считать запахов. Юсмей принялась. Часть запахов была бы приятной, но все забивал кислый дымок, который Юсмей не могла определить. Она медленно повернулась, вглядываясь в темные углы. А осмотревшись, она поняла, что ее со двора нельзя увидеть, и что башня выстроена в форме пятиугольной звезды. У нее было смутное воспоминание о Древнем учении, связанном с такой звездой.

Но ведь она видела в видении не пустую комнату! Увидев в одном из углов лестницу, она поднялась вверх. Ступени были сильно истерты и весь интерьер башни говорил о том, что она стоит тут века.

Юсмей вошла в комнату, заполненную такими вещами, о которых она не имела представления. Там были столы, уставленные изогнутыми металлическими трубками, ретортами, флаконами. Кое-что она узнала: похожие вещи употреблялись при перегонке трав. Но кое-что другое она вообще не могла назвать. Она боялась прикоснуться к чему-либо, потому что смесь

запахов была очень сильна, почти непереносима и говорила об опасности. Юсмей положила пальцы на змею-браслет. Почему-то стало светлее, и Юсмей увидела еще одну лестницу. Она осторожно вошла, крепко запахнувшись в плащ, чтобы ненароком не смахнуть что-нибудь со столов.

Так она вошла в комнату своего видения. Там были колонны, составляющие двойную звезду — внешнюю и внутреннюю. У дальней стены — два стола. В острие каждой звезды стояли подсвечники высотой до плеч самой Юсмей. Пламя в них было не обычное, а синеватое, руки Юсмей виделись в их свете нездоровыми и неприятными.

Ее рука сама вытянулась вперед, словно кто-то схватил ее за цепочку, державшую обшлага, и дернул без предупреждения. Юсмей прошла между колоннами к центру.

Перед ней была женщина из видений и мужчина, что был Хайлом и не Хайлом. Их живые глаза жадно смотрели на нее, как будто эти люди хотели сказать вслух, что ей надо сделать. Но если у них хватало силы привести ее сюда, то сила эта была ограничена, потому что никакого сообщения не было передано. Но было ясно, чего они хотели — свободы. Как могут замурованные таким образом люди оставаться живыми? О такой магии Юсмей слышала лишь в сказках.

Что я должна сделать? — спросила она и коснулась столба, в котором была заключена женщина. Столб был крепким. Разбить? Разрезать? Янтарь мягкий и легко обрабатывается. Его можно резать ножом.

Юсмей достала поясной нож и ударила острием, но хорошая сталь отскочила от столба, как от камня, и на его поверхности не появилось и царапины.

Путь к свободе был — в этом Юсмей не сомневалась, и он скрывался, по-видимому, в магии. Она отошла и медленно повернулась кругом, оглядывая всю группу столбов, составляющих звезду в центре. Голубое освещение усиливало гротескность лиц и тел, но Юсмей заставила себя внимательно все осмотреть.

Во внешней звезде были не люди, а смесь каких-то жутких форм, во внутренней — фигуры гуманоидные, в основном маленькие, коренастые, в человеческих туниках. Тела их были толстыми, широкими в плечах, руки непропорционально длинные, пальцы на руках и ногах заканчивались длинными кривыми когтями, более напоминающими когти хищной птицы или зверя. По их лицам можно было с уверенностью сказать, что они были сродни народу Нэнк.

Юсмей вспомнила людей в капюшонах и в перчатках с когтями — спутников Хайла на ярмарке. Эти люди держались или их держали в стороне от людей Долин. Может, они такие же как эти? Но почему часть их заключена в столбы?

Каким облегчением было снова посмотреть на вполне человеческие лица мужчины и женщины. Их глаза снова загорелись мольбой. Эх, если бы она могла понять, что должна сделать!

Глаза их закрылись. В лицах чувствовалась глубокая сосредоточенность. Юсмей подняла руку и откинула рукав, чтобы змея была на виду. Она сделала это, потому что однажды поглядела в глаза змеи с довольно-таки необычным результатом.

Глаза расширились, расширялись... И вот она смотрит в один желтый шар. Но на этот раз не было впечатления окна, через которое она видела: теперь был только шепчущий голос. Юсмей чувствовала, что ей скажут нечто необыкновенно важное, и старалась уловить слова, увязать их с голосом. Но вразумительного сообщения не было, и в конце концов шепот смолк.

Она покачнулась. Спина и ноги болели и голова тоже. Она ведь не просто стояла, а сосредоточилась на некоем умственном упражнении, непосильном для нее. Юсмей вздохнула и опустила руку.

Глаза людей в колоннах были открыты, но тусклы. В них больше не было настойчивой просьбы. Они попытались, но ничего не вышло.

Но Юсмей все еще не могла оставить их. Нож не сработал, коммуникация — тоже. С неопределенной надеждой найти помощь, Юсмей пошла вдоль столбов к столам, которые она видела, когда вошла в комнату. Здесь не было такой посуды, как внизу, но зато на одном из столов лежало то, что ей очень понравилось.

Кубок с ножкой из темного потрескавшегося янтаря. Чаша его была из какого-то грязно-белого материала. Внутренность кубка была в пятнах. Рядом с ним лежал нож с ручкой из того же материала, что и кубок, а лезвие его...

Юсмей отскочила назад, потому что по лезвию ножа на столе ползли, извиваясь, красные линии, словно руны какого-то запретного учения. Они проявлялись, исчезали и бежали снова.

Книга, открытая на середине... страницы ее пожелтели, сморщились и были исписаны грубыми черными строчками. Буквы были совершенно незнакомы Юсмей. Заголовок на каждой странице был украшен виньеткой, но не с гирляндой цветов, как на старых хрониках, а с маленькими сценками, которые вызывали краску стыда на лице Юсмей, рисунки были гнусные, но выполнены так искусно, что невольно западали в память.

Была тут подставка с колокольчиком из бесцветного металла и молоточком, при виде которого Юсмей покраснела. Свеча в нем в основании была толстой, а к концу разделялась на пять более тонких частей неравной длины.

Здесь висело зло, такое сильное, что Юсмей почти видела его, как темное облако... Она попятилась и отошла к другому столу. Там лежало совершенно другое — неправильные куски янтаря, только что взятые с месторождения. Ей показалось, что это те, которые были переданы из рук в руки в Упсдейле. Их было очень немного в сравнении с богатством в комнатах.

Злые вещи, используемые, без сомнения, для черного колдовства, грубый янтарь — из всего этого было легко догадаться, что Хайл творил здесь зло. А она связана с ним обетом!

Здесь действительно были черные дела, как в легендах. Здесь жили люди, имеющие дело с Древними Силами. Неужели Кейт — сад, приносящий урожай зла?

Юсмей импульсивно схватила за амулет Гуппоры. Черными были пути тех, кто имел дело со смертью и разрушением, но Гуппора стояла за жизнь и свет. Юсмей не знала, какую помощь ей может оказать талисман, но чувствовала себя сильнее, когда держалась за него.

Стол со слитками янтаря, другой стол — гробница гнусных сил, пленники в столбах. И... какова будет ее судьба, когда вернется Хайл? Она старалась думать ясно и целенаправленно.

Это была роковая ночь, одна из четырех в году, когда некие силы выпускались для добра и зла. Хайл уехал. Что он ищет в ночи, в морозе? Еще больше силы, чем у него есть в этих стенах?

Юсмей снова повернулась к двойной звезде, посмотрела на колонны, на горящие свечи. Здесь была заключена сила. Почему же она, Юсмей, свободно прошла сивозь охрану, которую Хайл должен был поставить здесь? Ведь подобные места имеют своих стражей, с которыми человеческий род не смеет связываться. Может, это ловушка, и ей разрешили войти в нее? Надо проверить. Зажав амулет Гуппоры, Юсмей бросилась к лестнице, взглянув на пару в столбах. Она без помех спустилась вниз... И в страхе остановилась: в зеркале на стене отражался кто-то. Он стоял неподвижно, не преграждая ей выход, и не пытался схватить ее.

Он был ужасен, но теперь она видела, что это не живое существо, а вырезанный из янтаря демон. Откуда он появился? Кто принес его сюда?

Она прошмыгнула мимо него, сильно толкнула дверь. Та распахнулась, и холодный ночной воздух показался самой свободой.

Юсмей опять прошла вдоль стены до своей башни и вошла, затаив дыхание, боясь повстречать Нэнк или одну из своих горничных.

Но все было спокойно. Угли в камине давали достаточно света, чтобы уверенно идти. Юсмей поднялась в свою спальню и посмотрела в окно. Остались ли после нее следы? На снегу отпечатков не было заметно, потому что поднялся ветер. Можно надеяться, что он заметет все.

Она села на постель и попыталась разобраться во всем, что видела. Хайл говорил, что он астролог и алхимик. Вторая комната звездной башни с ее непонятным оборудованием вполне могла быть рабочим местом алхимика. Такая наука была в границах разума, хотя в Долинах мало кто занимался ею.

Но верхняя комната — другое дело. Юсмей отлично помнила, что лежало на первом столе. То, что делалось там, не было результатом честной науки.

Что же касается пленников в столбах, то большинство из них не подавало признаков жизни, правда ей показалось... Тем не менее она была уверена, что мужчину и женщину держало там грязное колдовство. Вот и соображай: если у Хайла есть такое

могущество, то какой резон самой Юсмей выступать против него?

Бежать в эту ночь из Кейта? Но без припасов и карты пуститься в далекое путешествие просто невыносимо — это верная смерть. Но не будет ли хуже смерти остаться здесь. Все равно придется рискнуть и остаться. Юсмей разделась, убрала одежду обратно в сундук, чтобы утром Нэнк не увидела ее, и легла спать, оставив браслет-змею на запястье и амулет Гуппоры на шее.

Она проснулась как бы от оклика. Сквозь занавеси постели пробивался тусклый полусвет. Каким-то образом она различила рисунки на занавесках. Она считала, что вышивка располагалась на другой стороне, выходящей в комнату, но здесь она горела, как будто полустертые рисунки проявились в холодном и чистом сиянии звезд. Рисунки были самые разные, но среди них выделялось лицо — лицо женщины в янтарной колонне.

К великому удивлению и страху Юсмей, губы женщины шевелились, как будто вышитый портрет силился заговорить. И Юсмей услышала звук, слабый, как дыхание:

— Змея... ключ... ключ...

Свет погас, Юсмей больше не видела лица на занавеси. Змея в руке была теплой, как бы согретая внутренним огнем.

— Ключ... — повторила девушка вслух. — От чего этот ключ? — Она отдернула занавеску. Может она должна вернуться в звездную башню? В комнате было светло, но не от зари. Уже поздно. Надо снова ждать ночи, чтобы совершить еще одно вторжение в обитель Хайла.

День тянулся медленно и потому утомительно. Нэнк принесла очень вкусную еду. Юсмей не решилась угощать Нэнк и подсыпать ей сонный порошок: Нэнк не стоило недооценивать... В горячее приглашение выпить вина могло вызвать ее подозрение.

Но все планы Юсмей рухнули; в сумерках вернулся Хайл. Юсмей смотрела на него через стекло, напрягаясь, чтобы при встрече с черным лордом не выдать себя.

Она была уверена, что первым делом он пойдет в свою башню. Не оставила ли она каких-либо следов там? Эта янтарная штука перед зеркалом может каким-нибудь образом сообщить, что видела там Юсмей.

Пальцы Юсмей искали змею на запястье. Ключ... от чего?

Она призвала всю силу своего самообладания, как делала всегда перед трудной работой. Она спустилась вниз, где Нэнк готовила ужин.

— Милорд приехал, — сказала Юсмей, сама удивляясь своему спокойному голосу.

— Да, — сказала Нэнк. — Вы не хотите пригласить его за свой стол, миледи?

Юсмей кивнула:

— В эту ночь праздник. Если милорд не очень устал с дороги, может быть, он получит хоть маленькое удовольствие... Вы не пошлете кого-нибудь?

— Я сама схожу, миледи. Он захочет разделить ваш пир.

В ее словах слышалась авторитетная нотка, словно Нэнк могла потребовать чего-то от своего хозяина, и тот повиновался бы ей.

Юсмей стояла у камина и глядела на двери, собирая силы для встречи. Хайл и раньше был достаточно странным и вызывающим страх человеком, а теперь... когда она подозревала, каковы его сила и знание, отразится ли в ее лице то, что она узнала?

Время тянулось нескончаемо долго. Наконец появилась Нэнк. Сбрасывая плащ, она сказала своим обычным мягким и вкрадчивым голосом:

— Миледи, милорд приготовил угощение и для вас. Не пойдете ли вы...

Нэнк не кончила фразы, так как вошел сам Хайл. Снег сверкал на его плаще. Через руку он перекинул другой плащ, шелковый и яркого янтарного цвета, с янтарной застежкой у ворота.

— Подарок для миледи.— Он накинул плащ на Юсмей и плотно закутал ее в него, прежде чем она успела пошевелиться.— И угощение ждет, так что идемте, повеселимся по обычаям твоего народа.

Он взял ее за талию. Она не могла уклониться, потому что он поймал ее в плен, как в сеть. Ее пронзил холод. Она удивлялась, чего он от нее хочет — так вот, сейчас она, похоже, узнает это. И она совершенно беззащитна против него...

Он непринужденно разговаривал с ней, пока вел ее через двор, и они выглядели счастливой супружеской парой. Она старалась не показать своего страха.

Они вошли в комнату с зеркалом. Теперь здесь было больше света. Чудовище по-прежнему стояло, только теперь уже мордой к ним, а не к зеркалу.

Рука Хайла крепче обвилась вокруг талии Юсмей. Неужели она выдала себя, или же ее реакцию на такое страшилище можно считать нормальной?

Не выпуская Юсмей, Хайл другой рукой сделал знак. Чудовище зашевелилось, вытянуло гребень вверх, точно кошка, желающая приласкаться, и этот острый гребень коснулся пальцев Хайла. Как же это? Ведь это не живое, а вырезанное из янтара?

Юсмей услышала тихий смех Хайла:

— Вас это напугало, миледи? Я ведь предупреждал вас, что занимаюсь необычными и странными вещами. И вы теперь видите, что и слуги у меня необычные. Но этого слугу я пока не отпущу, он будет играть у нас роль часового. Пошли!

Она всеми силами старалась превозмочь страх. Он замышлял против нее зло, в этом теперь она была уверена. Но ведь и она была родом из поколений бойцов, которые защищали свои земли от многих опасностей, пока смерть не побеждала их.

Под плащом, в который он завернул ее и держал, она ухватилась за змею-браслет...— Ключ от чего?

Они поднялись выше, прошли мимо его рабочего места и вошли в комнату с колоннами. Он толкнул Юсмей вперед со словами:

— Добро пожаловать в сердце Кейта! Ты тайком искала секреты, теперь ты их найдешь. Понравится ли вам ваша просвещенность — вопрос другой.

Он провел ее между другими существами и повернул лицом к тем двум фигурам.

— Ты называешь себя леди Кейта, Юсмей из Долин. Погляди теперь на настоящую леди этого владения, Яал Дальномыслящую, Хотел бы я знать, где теперь бродят ее мысли, раз она может путешествовать только мысленно. Она из тех, с кем твой род выскочек, девка, не идет ни в какое сравнение. Она правила еще до того, как твой род вышел из дикарей-корнеедов.— Он смотрел на Яал с ненавистью, но и с уважением и волнением, какое Юсмей еще у него не замечала.— Яал, она такая, какая и во сне не приснится твоему невежеству. Так же, как Кейт, каким он был когда-то и каким будет снова, поскольку у меня теперь есть средства, чтобы сделать его прежним. Ты дашь мне это средство, девка, да еще с благодарностью поклонись, в противном случае тебя пришьепнут как блоху и бросят в огонь. Ты отдашь мне семя, из которого я вырашу многое. Вы слышите, леди Яал? Не снилось ли вам, что придет конец моей власти, когда исчезнут запасы янтаря? Не следовало вам недооценивать меня и алчность этих варваров из Долин.

У меня снова есть янтарь. Да, и очень необычное его использование. Слышите, Яал?— он протянул руку, как бы желая стукнуть по поверхности колонны, но не коснулся ее.

Глаза Яал были открыты, но Юсмей не видела в них искры жизни. Хайл выпустил Юсмей, и она откатнулась назад, подобрала складки плаща и сделала глубокий реверанс пленнице.

— Что ты делаешь, девка?— с изумлением спросил Хайл.

— Вы сказали, милорд, что она и есть настоящая хозяйка здесь.— Юсмей не знала, что движет ею, словно ее действия и слова были ей продиктованы.— Значит, я плачу ей дань уважения при встрече... А он?— Юсмей повернулась и показала взглядом на другую колонну.— Если она — леди, то он — здешний милорд?

Лицо Хайла исказилось. Он жестоко ударил ее по лицу и она отлетела от колонне, державшей в себе мужчину. Но, схватившись за нее, удержалась на ногах.

В руках Хайла вдруг появилась сверкающая золотистая веревка. Он свернул ее кольцом и сказал что-то, чего Юсмей не поняла. Петля полетела и упала на пол вокруг девушки. Теперь лицо Хайла было спокойным: он овладел своими чувствами.

— Останешься здесь, шлюха. И, быть может, надолго. У меня теперь есть средства гарантировать это.

Он вышел. Юсмей растерялась. Этот сияющий круг — теперь она его разглядела — состоял из янтарной цепи, но каково же ее назначение?

Хайл ушел, а змея на ее руке была ключом... значит надо скорее отыскать замок. Она сделала шаг и удостоверилась, что не

может переступить через янтарный круг. Она была пленницей, сидела, точно в клетке птица. На какой-то миг ее охватил дикий страх. Но сила и гордость своего рода вернулись к ней и заставили ее думать. Совершенно ясно, что Хайл владел великими силами. Он держал тех двух в плену, и если они ему враги, то, значит, потенциальные друзья ей. Если она сможет помочь им...

Змея — ключ, но как им воспользоваться?.. Юсмей смотрела на женщину и мужчину и думала о ключах и замках.

Никакого замка не было, но и змея не была обычным ключом. Замков нет, но люди в столбах заперты... Юсмей отдернула рукав и вытянула руку, чтобы змеинная головка коснулась янтарной клетки мужчины. Вокруг ее руки вспыхнул огонь, и Юсмей испуганно вскрикнула, но держалась твердо.

Янтарная колонна начала изменяться. В точке контакта янтарь дымился, темнел и превращался в пепел. Колонна затрещала, по ней пробежали зигзаги трещин, они ширились, сыпались хлопьями, оседали на полу мелкой пылью.

Освобожденный пленник вздрогнул и тяжело вздохнул. Руки его рывком поднялись к голове, скользнули по щекам, по подбородку, словно он проверил, действительно ли он жив.

Он не взглянул на Юсмей, а тяжело сошел с основания столба и огляделся по сторонам, как бы ища что-то, что должно было быть здесь.

Если он думал о каком-то оружии, то у меня не было времени для поисков: с площадки лестницы раздалось громкое шипение. Юсмей вскрикнула. Чудовищное существо из нижней комнаты сгорбилось там, его отвратительная голова нацелилась для удара. Мужчина стоял с пустыми руками, и Юсмей подумала, что у него весьма мало шансов, если чудовище ударит его. Но мужчина поднял руку и щелкнул пальцами.

Появились пылающие линии света и составили решетку. Стоя за этим удивительным барьером, мужчина поднес ко рту кулак, как будто держал трубку, и издал бормочущие звуки. Юсмей не разобрала слов, слышала только тихое пение, несколько нот, повторяющихся снова и снова. Чудовище качалось и его бронированный хвост судорожно дергался, колючки на голове встали дыбом. Оно гнило столбы, но держалось на разумной дистанции от световых линий. А мужчина все пел свои несколько нот.

Затем...

Из воздуха вылетела стрела синего огня того же неприятного цвета, что и свечи... Чудовище, видимо, ободрилось и бросилось вперед, встряхивая головой, как бы под градом ударов.

Мужчина не испугался. Звук его бормочущего голоса стал громче. В комнате прибавились движения: за свечами кто-то крался вдоль стены. Юсмей, даже не видя, знала, что это Хайл. Он подбирался не к освобожденному пленнику, а к...

Стол! Тот стол, где лежали оружия темного колдовства! А освобожденный пленник, кажется, не видел Хайла. Юсмей хотела крикнуть, предупредить, но не могла. Возможно, власть

кольца вокруг ее ног задушила голос в ее горле, но пользоваться змеей она еще могла. Что же можно сделать?

Она вытянула руку насколько могла, чтобы коснуться круга у своих ног желтоглазой головкой змеи. Вспышка голубого огня... Юсмей закрыла лицо руками. Жара не было, только ослепляющий свет. Зрение ее как будто затуманилось. По щекам текли слезы, и она протирала глаза, но видела все, как сквозь густую вуаль. Хайла она уже не видела.

Она ощупью добралась до другой колонны и коснулась ее гладкой поверхности. Если змея освободила мужчину, то она также освободит Яал. Она приложила браслет к колонне.

На этот раз Юсмей не видела результатов, но слышала треск. Пыль сыпалась на ее руки, летела вокруг. Затем движение. Руки схватили ее, выпрямили, на секунду прижали к себе, но тут же исчезли. Юсмей снова протерла глаза. Зрение ее прояснилось. Яал шла к столу, и Юсмей поплелась за ней.

Штурм синих вспышек продолжался. Чудовище теперь уже было в первом ряду столбов. Оно качалось и из его пасти капала слюна. Рука Юсмей крепче сжала талисман Гуппоры.

Яал подошла к столу, но Хайл уже был там. Лицо его было маской ненависти и злобы, а зубы оскалены. Рука его метнулась вперед, пальцы схватили рукоять ножа. Он ткнул в свою ладонь острым лезвием и хотел налить быстро хлынувшую кровь в чашу. Но Яал подняла палец, и рана на ладони Хайла тут же закрылась, так что в чашу попало не больше одной-двух капель.

— Нет, Хайл,— голос Яал был тих, но поднялся над шипением чудовища и пением, что доносилось из глубины комнаты,— даже твоя кровь не вызовет...

— Не вам говорить, что я могу делать!— закричал Хайл.— Я Хайл, Мастер...

Яал покачала головой.

— Ты стал мастером только из-за нашей оплошности. Твой день прошел, Хайл.— Не поворачивая головы, она протянула правую руку к Юсмей.— Выпусти змею!

Юсмей, как будто отлично зная, что делать, подняла руку. Браслет на ней ожил. Змея выпрямилась, выпрыгнула в воздух и упала на ладонь Яал, а затем молниеносно обвилась вокруг ее запястья.

Хайл шагнул вперед, как бы желая перехватить змею, но опоздал.

— А теперь,— Яал вытянула руку. Головка змеи качнулась, глаза горели желтым огнем:

— Архар и Столла, Борум, проснитесь.

То, что впиталось,

должно быть слизано.

То, что было сделано,

вы должны переделать!

Во имя...

Последнее слово не было сказано. В комнате раздался такой рев и грохот, что Юсмей взвизгнула и зажала уши.

Чаша на столе закружилась в диком танце. Хайл с криком бросился ловить ее. Нож выпал из его рук и прыгнул в воздух, где повис, соблазняя, а Хайл тянулся к нему, как бы забыв все остальное. Но нож отскакивал и снова повисал, почти что у самой его руки. Юсмей заметила, что никаких синих вспышек больше нет, а пение звучало торжественно.

Летающий нож и прыгающая чаша отвлекли Хайла далеко от стола, почти к разрушенным колоннам. Там он вроде бы очнулся от чар, которые держали его. Он крутнулся, пригнувшись, как меченосец, готовый прыгнуть на врага.

— Нет! — закричал он вызывающе, затем махнул рукой, как бы отменяя чашу, и пошел, мягко ступая, к столам с таким беспощадным видом, что Юсмей отступила. На сей раз он не собирался брать оружия Зла: его руки схватили куски необработанного янтаря.

— Есть! Есть! — завопил он и бросился с янтарем в руках к лестнице. Никто его не задержал. Яал подошла к столу Зла. Там стояла чаша, будто никогда не летавшая, а рядом с ней лежал нож. Яал пристально смотрела, вытянув руку со змеиным браслетом, и как будто старалась вспомнить что-то очень важное. Затем, как бы приняв решение, она повернулась.

Звуков стало меньше. Юсмей оглянулась. Световая решетка потускнела, а чудовище с фырканием и шипением удалилось к лестнице. Яал подошла к мужчине.

— Оставь! Его разум закрыт. Тут может быть только один конец — мы давно знаем это.

Он опустил руку и кивнул:

— Он сам сделал выбор, пусть теперь терпит.

Но у Яал был слегка растерявшийся вид. Она бросала взгляды по сторонам.

— Здесь кто-то еще, — медленно произнесла она. — Ты не чувствуешь, Брок?

Он поднял голову, как бы прихихиваясь.

— Она! — в первый раз он взглянул на Юсмей.

Яал также взглянула на нее.

— Она — не его ставленница, она носила змею. Здесь присутствует другая сила. Хайл имел дело со смертью или жизнью — смертью, а это — сила жизни. Какой амулет ты носишь, девушка?

Юсмей отвела руку и показала талисман. Яал посмотрела на талисман Гуппоры и кивнула:

— Этой эмблемы давным-давно не было в Кейте. Покровительство Ротонны... да, вот что хотел добавить Хайл к тому, что имел.

Юсмей обрела дар речи:

— Но он не отнял его у меня, хотя мог бы.

Яал покачала головой:

— Такие вещи Власти можно получить только в подарок. Если человек возьмет его силой, амулет обернется против него. А с Ротонной шутки плохи.

— Я не знаю такого имени. Это амулет Гуппоры.

— Что такое имя?— спросила она.— Некоторые силы были известны всегда, но у разных людей назывались по-разному. Я знаю этот амулет, как пришедший от Ротонны. В старину она не отворачивала своего лица от нас, но и не хотела помочь нам. И если Хайл хотел воспользоваться...

— Ты знаешь Хайла,— опередил ее Брок,— а он подумал бы об угрозе наказания, не стал бы планировать, нельзя ли использовать эту угрозу с выгодой для себя. Так он и планирует сейчас для себя, Яал. Да, сейчас!

— Звезды сделали полный оборот. Змея готова ударить. Не думаю, что Хайл что-нибудь придумает, его большой котел вряд ли поможет ему в эту ночь. Настал час, когда мы должны положить этому конец.

Они пошли по лестнице, Юсмей — за ними. Она не могла оставаться одна в этом страшном месте.

Чудовище шипело. Оно распласталось на полу и смотрело на них красными глазами. Брок сделал движение рукой в воздухе, и в его руках оказался меч.

Меч не отражал света, как обычная сталь. Лезвие не имело режущего края, оно было красно-коричневое, точно деревянное. Но увидев этот меч, чудовище откатилось. Оно шипело и плевалось, но отступило. Они вошли в мастерскую Хайла, где тяжело стелился вредный дым.

В центре, в каменном углублении горел огонь. Над огнем висел громадный котел, в который Хайл ссыпал горстями предметы, лежавшие прямо на скамье рядом. Наполнив котел, он запел, не обращая внимания на вошедших.

— Не помутнился ли его разум?— спросил Брок.— Он же должен знать, что это не сработает снова.

— Желание!— Яал подняла руку. Желтые глаза змеи вспыхнули, стали расширяться и объединились в одну орбиту, в солнце, висящее в темноте комнаты. Чудовище завизжало и бросилось — не на троих у лестницы, а на своего хозяина. И в это же время амулет в руке Юсмей ярко вспыхнул зеленым светом, его лучи пробежали по полу к углублению... Зеленый поток перелился через край, но не погасил пламя, а только сделал неподвижными его ликующие языки, и они стали зелеными.

Пение Хайла оборвалось. Он дико закричал, когда чудовище схватило его. Они переплелись, покачнулись и упали в кипящий котел.

Тут же исчезли и орбита зеленого глаза, и зеленое пламя. Жидкость в котле поднялась до краев, и под ее поверхностью ничего не было видно.

...Разгорелась заря нового дня. Юсмей прислонилась к наружной стороне звездной башни. Ей с трудом верилось, что она может дышать холодным зимним воздухом после дыма и тяжелого запаха Зла. Это чудо, что она выжила в такую ночь!

Рука Яал легла ей на плечо, и они втроем пошли через двор под серым небом.

— Все изменилось, печально изменилось,— сказала Яал.— Кейт совсем не тот, что был.

— Он опять изменится,— быстро сказал Брок.— То, что грызло его сердце, теперь исчезло. И перед нами будущее...

— А как же с Юсмей? Она же не леди Кейта, и не была ею. Не вернется ли она в Упсдейл, став еще ниже, чем была.

— Я была женой Хайла,— тихо сказала она.— Я по своей воле поехала в Кейт, я не знала, кто такой Хайл, однако, без протеста пошла за него замуж.

— И это оказалось спасительным для нас обоих,— сказал Брок, и его лицо, похожее на лицо Хайла, повернулось к ней с непонятым выражением. Нет, он не Хайл, просто неискушенная девушка решила однажды, что они похожи.— Ты не была женой Хайла,— продолжал он,— ты не могла быть его сообщницей, иначе не носить бы тебе змею и не стоять с нами в эту ночь.

— Не называй себя женой Хайла, но — дочерью Ротонны!— голос Яал прозвучал почти как приказ.— В переплетениях судьбы много странного. Мы — древний народ Кейта, наше учение дало нам силы, которые всякие невежды называют божественными. Но во многом мы — люди. Вот поэтому и среди нас могут быть такие, как Хайл. Он нашей породы. Хайл хотел стать господином некоторых сил, в которые не имел права вмешиваться.

— Он хотел большего,— прервал ее Брок.— Он хотел...

— Меня? Возможно, но скорее всего он хотел того, чего смог бы достичь через меня. И он был силен, слишком силен тогда для нас, хотя мы сделали все, что могли.

— Вроде спрятанной змеи?— спросила Юсмей.

— Да, вроде этого. Но долго пришлось ждать, пока придет та, что воспользуется ею... дочь Ротонны. Ты сказала, что ты не леди Кейта, но не говори больше этого! А Хайл воспользовался тобой, чтобы получить настоящий янтарь, он был нужен ему, чтобы делать фальшивый для своих черных целей. А для изготовления фальшивого янтара обязательно нужно иметь хоть зерно настоящего. Он хотел воспользоваться тобой, но ты не для него. Гордись этим и радуйся, дочь Ротонны!

— Добро пожаловать в Кейт,— добавил Брок,— и на этот раз по-настоящему «добро пожаловать», не сомневайся!

* * *

И Юсмей не сомневалась — ни тогда, ни потом. Иногда она задумывалась и в последующие дни — кто она теперь: Юсмей из Упсдейла или кто-то другая, очень измененная судьбой. Но это не имело значения, потому что приветствие Кейта согревало и радовало ее.

И ей не было необходимости ходить в ту странную башню и смотреть на бесформенную глыбу янтара, в которой человек и чудовище стояли в бесконечном объятии, и вспоминать то, что осталось позади.

